

ISSN 1998-0817

КГУ

Костромской
государственный
университет

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

3

2024

КГУ

Костромской
государственный
университет

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2024

Том 30

№ 3

Июль – Сентябрь

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2024

Volume 30

№ 3

July – September

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.1. ПРАВО; 5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ОСИПЕНКО ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В. Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естествознания (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology, Leading Scientific Associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA OSIPENKO
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH
Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA
Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

VERONIKA VIKTOROVNA KATERMINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kuban State University (Krasnodar)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КРЮКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (г. Волгоград)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

IRINA VASIL'EVNA KRYUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd)

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associat,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

СУПРУН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник отдела классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЩЕРБАК АНТОНИНА СЕМЁНОВНА
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
русского языка, Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина (г. Тамбов)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права, Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

TATIANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VASILY IVANOVICH SUPRUN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
Chief Researcher of the Department of Western Classic
Literature and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

SHCHERBAK ANTONINA SEMYONOVNA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language,
Derzhavin Tambov State University (Tambov)

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law, University of Economy
for the Bulgarian Nation and World, Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

- 8 Лебедев Ю.В.**
Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов»
и русская литература второй половины XIX века
- 15 Голодняк О.В.**
Авторский голос в трагедии
А.С. Пушкина «Борис Годунов»
- 22 Никитина Д.М.**
«Борис Годунов» А.С. Пушкина в оценке «Русского
инвалида» и «Литературных прибавлений
к Русскому инвалиду» А.Ф. Воейкова
- 29 Пяткин С.Н.**
«Мысль семейная» в болдинском творчестве
А.С. Пушкина
- 38 Романова А.Н.**
«Недолго нас покойницы тревожат»:
слеза Ловласа в «Каменном госте» А.С. Пушкина
- 44 Лобкова Н.А.**
«Материалы для биографии А.С. Пушкина»
П.В. Анненкова: особенности построения текста
- 54 Смирнова И.Ю.**
Творчество А.С. Пушкина в рецепции А.И. Эрделя
- 61 Андреева В.Г.**
Трактовка романа «Капитанская дочка» А.С. Пушкина
в исследованиях зарубежных ученых
- 68 Азаров Ю.А.**
Пушкинский юбилей 1937 г. в Чехословакии
- 74 Шуган О.В.**
М. Горький и история реставрации
Пушкинского заповедника
- 83 Разумовская А.Г.**
А.С. Пушкин и Михайловское
в критических статьях В.Я. Курбатова
- 91 Фокина М.А., Шохра Мохаммед**
Пушкинское слово в повествовательном дискурсе
В.Е. Максимова (по романам «Заглянуть в бездну»
и «Кочевание до смерти»)
- 98 Ненарокова М.Р., Еременко-Григоренко Ю.Н.**
Элегия «Не спрашивай зачем унылой думой»
А.С. Пушкина: сравнительный анализ
двух англоязычных переводов
- 107 Рубцов А.А., Ненарокова М.Р.**
Особенности передачи ключевых образов
стихотворения А.С. Пушкина «Клеветникам России»
в английских переводах
- ### ЯЗЫКОЗНАНИЕ
- 114 Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е.**
Фразеология, репрезентирующая космический хронопок
в пространстве русской поэтической картины мира
(с использованием материалов словаря «Фразеологизмы
в русской поэзии XIX–XXI вв.»)
- 133 Галкина Н.П.**
Статистические индикаторы соответствия
языка региональных газет Костромской области
общероссийским показателям:
синтаксический подход
- 140 Фирсова М.А.**
Феномен агрессии в языке:
проблема терминологии
- 148 Волкова Е.Б., Коротун В.Л.**
О структурно-семантических особенностях
сложноподчинённых предложений неоднородного со-
подчинения с причинным компонентом в научном стиле
русского языка (на материале математических текстов)
- 154 Хатламаджиян М.А.**
Конфликтотенный потенциал гендерных неологизмов
англоязычного дискурса

CONTENTS

ON THE 225TH ANNIVERSARY OF ALEXANDER PUSHKIN'S BIRTH

- 8 Yu.V. Lebedev**
The tragedy of A.S. Pushkin "Boris Godunov"
and Russian literature of the second half of the XIX century
- 15 O.V. Golodniak**
The author's voice in the tragedy
of A.S. Pushkin "Boris Godunov"
- 22 D.M. Nikitina**
Boris Godunov of A.S. Pushkin evaluated
by A.F. Voeikov's *Russky Invalid*
and *Literary Supplement to Russky Invalid*
- 29 S.N. Pyatkin**
"Family Thought" in Pushkin's
Boldino Works
- 38 A.N. Romanova**
"The dead do not disturb us for long":
Lovlas's tear in "The Stone Guest" by A.S. Pushkin
- 44 N.A. Lobkova**
"Materials for the biography of A.S. Pushkin"
P.V. Annenkova: features of text construction
- 54 I.Yu. Smirnova**
A.S. Pushkin's Creativity at the reception of A.I. Ertel
- 61 V.G. Andreeva**
Interpretation of the novel "The Captain's Daughter" by
A.S. Pushkin in the researches of foreign scientists
- 68 Yu.A. Azarov**
Pushkin's Jubilee of 1937 in Czechoslovakia
- 74 O.V. Shugan**
M. Gorky and the History of the Restoration
of the Pushkin Nature Reserve
- 83 A.G. Razumovskaya**
A.S. Pushkin and Mikhailovskoye
in critical articles by V.Ya. Kurbatov
- 91 M.A. Fokina, Shohra Mohammed**
Pushkin's word in the narrative discourse of V.E. Maximov
(based on the novels "Look into the abyss"
and "The nomadism to Death")
- 98 M.R. Nenarokova, Yu.N. Eremenko-Grigorenko**
The elegy "Don't ask me why, alone in dismal thought"
by Alexander Pushkin:
a Comparative Analysis of Two English Translations
- 107 A.A. Rubtsov, M.R. Nenarokova**
Peculiarities of the key images conveying
of A.S. Pushkin's poem "To the Slanderers of Russia"
in English translations
- ### SCIENCE OF LANGUAGE
- 114 A.M. Melerovich, V.M. Mokienko, A.Y. Yakimov**
Phraseological units representing cosmic chronotope
in the Russian poetic worldview
(including the materials from the dictionary „Phraseological
units in the Russian poetry of the 19th – 21st centuries“)
- 133 N.P. Galkina**
Statistical indicators of the correspondence
of the language of regional newspapers
in Kostroma Region to all-Russian standards:
a syntactic approach
- 140 M.A. Firsova**
The phenomenon of aggression in language:
the problem of terminology
- 148 E.B. Volkova, V.L. Korotun**
On structural-semantic features of complex sentences
of heterogeneous subordination with a causal component
in the scientific style of the Russian language
(based on mathematical texts)
- 154 M.A. Khatlamadzhian**
Conflict-generating potential of gender neologisms
of English-language discourse

164 Погорецкая О.А., Панченко Ю.Ю.

Язык тоталитаризма: национальная языковая политика в фашистской Италии и милитаристской Японии

175 Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г.

Функционирование комонимов в современных песенных текстах татарского и марийского народов

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

187 Околотин В.С.

Роль военных трибуналов в борьбе с трудовым дезертирством на текстильных предприятиях Ивановской области в 1942–1943 гг.

196 Петелин Б.В.

Денацификации идеологии национал-социализма в оккупированной Германии 1945–1949 гг.

205 Кометчиков И.В., Занько Е.А.

Потери западнорусской деревни в Великой Отечественной войне: масштабы и последствия

214 Никифоров Ю.С.

«Политически зрелый и опытный...»: некоторые модели ротации первых секретарей обкома ВКП(б)/КПСС второй половины 1940–50-х гг. (на материале областей Верхней Волги)

223 Жежутин А.Н.

Проблемы послевоенного развития регионального здравоохранения (по материалам административного отдела Горьковского обкома ВКП(б))

228 Красинский И.В.

Дореволюционная историография проблемы доказательства шляхетства в Великом княжестве Литовском

239 Зайцев Л.Н.

Председатели Костромского окружного суда: роль и место в судебной системе Российской империи (1871–1917 гг.)

247 Гончаренко Е.В., Миквабия З.Я., Тайсаева С.Б., Аргун С.Н., Мурзова О.А., Дбар С.Д., Ардашелия С.Н.

Трансовые стереотипы в пантомимике людей и приматов

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

259 Черкасов К.В.

Ещё раз к вопросу о правовых последствиях лишения лица учёной степени и об ином в системе научной аттестации

263 Краснощеков А.А.

Стадии административной процедуры государственной аккредитации в сфере высшего образования

269 Стародубцев Г.С., Чернов В.В.

Феномен права Евразийского экономического союза

275 Безносова Я.В.

Роль Российского общества покровительства животным в совершенствовании законодательства Российской империи в области гуманного обращения с животными во второй половине XIX века

282 Груздев Д.В.

Правовые основы принятия в Российскую Федерацию новых субъектов
Часть 1. Конституционные условия

290 Головин К.С.

Необходимость правового регулирования «черного ящика» искусственного интеллекта

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

298 Зейферт Е.И.

Усадьбы как места силы

303 Петров А.Ю.

Первый мировоззренческий курс в высшей школе современной России

306 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

164 O.A. Pogoretskaya, Yu.Yu. Panchenko

Language of totalitarianism: national linguistic policy in fascist Italy and militarist Japan

175 F.Ya. Khabibullina, I.G. Ivanova

The functioning of comonyms in modern song texts of the Tatar and Mari peoples

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

187 V.S. Okolotin

The role of military tribunals in the fight against labour desertion at textile enterprises of Ivanovo Region in 1942–1943

196 B.V. Petelin

Denazification of the ideology of National Socialism in occupied Germany 1945–1949

205 I.V. Kometchikov, E.A. Zanko

Losses of the West Russian village due to the Axis aggression: scale and consequences

214 Yu.S. Nikiforov

“Politically mature and experienced one...”: some models of rotation of the first secretaries of the Communist Party regional committee in the 2nd half of the 1940s to the 50s (based on the materials of the Upper Volga regions)

223 A.N. Kezhutin

Problems of post-war development of regional healthcare (based on materials from the administrative department of Gorky Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks))

228 I.V. Krasinski

Pre-Revolutionary historiography of the problem of proof of membership in the nobility in the Grand Duchy of Lithuania

239 L.N. Zaitsev

Chairmen of Kostroma district court: their role and place in the judicial system Russian empire (1871–1917)

247 E.V. Goncharenko, Z.Ya. Mikvabia, S.B. Taisaeva, S.N. Argun, O.A. Murzova, S.Jo. Dbar, S.N. Ardashelia

Trance stereotypes in human and primate pantomimicry

JURAL SCIENCE

259 K.V. Cherkasov

Once again on the question of the legal consequences of depriving a person of an academic degree and other issues in the system of scientific certification

263 A.A. Krasnoshechekov

Stages of the administrative procedure of state accreditation in the field of higher education

269 G.S. Starodubtsev, V.V. Chernov

The phenomenon of Eurasian Economic Union law

275 Ya.V. Beznosova

The role of the Russian Animal Protection Society in improving the legislation of the Russian Empire in the field of humane treatment of animals in the 2nd half of the 19th century

282 D.V. Gruzdev

Legal basis for adoption new subjects to the Russian Federation
Part 1. Constitutional conditions

290 K.S. Golovin

The need for legal regulation of the “black box” of artificial intelligence

SCIENTIFIC LIFE

298 E.I. Seifert

Estates as Places of Power

303 A.Yu. Petrov

The first ideological course in higher education in modern Russia

306 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF ARTICLES

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

Рассуждая о национальном своеобразии русской классической литературы, исследователи обращаются к творчеству писателей и поэтов в поисках уникальных особенностей, которые отличают именно нашу литературу. И все-таки родоначальником и основателем великой русской классики, современного русского литературного языка является А.С. Пушкин – это факт неоспоримый, признающийся как литературоведами и лингвистами, так и просто образованными русскими людьми, равнодушными к делу сохранения культурных ценностей своей страны.

Человечество все дальше и дальше уходит вперед от эпохи Пушкина, однако гениальный поэт и писатель остается необычайно современным. Интенсивно развиваясь в плане цивилизационном, технологическом, изучая с новых позиций законы природы, вырабатывая актуальные прогрессивные идеи, человечество сейчас, как ни странно, как никогда остро ощущает необходимость получить ответы на вопросы, требующие глубокого понимания личности и ее места в мире, законов Вселенной, сложного духовного опыта, который предстоит пройти человеку, обретения духовных и нравственных ориентиров в жизни. Все эти темы так или иначе затрагиваются в творчестве Пушкина.

Б.И. Бурсов писал, что «идеал человека у Пушкина – это русский человек, который овладел бы всем положительным и преодолел бы все отрицательное в опыте человечества за всю его историю». Пушкин одновременно удивительно национален, но при этом он первый истинный писатель-космополит в России. В творчестве Пушкина глубокий читатель может найти самые сложные проблемы, которые когда-либо волновали род людской и которые до сих пор продолжают беспокоить умы человечества, тревожить людские сердца. Именно Пушкину дано было прийти к утверждению сложного и многогранного по своей сути русского реализма, в основе которого, как и в целом русского взгляда на жизнь, оказывались бескрайняя широта, стремление к всеохватности, свободолюбие русского характера и одновременно – его поэтичность.

Творчество Пушкина, его жизненный путь исследованы почти полностью, кажется, не осталось для ученых спорных моментов в наследии великого писателя и поэта. Однако это не так. Подобно человеку, в детстве многое принимающему на веру, но по мере взросления начинающему глубже понимать принципы и закономерности жизни, человечество постепенно постигает творчество Пушкина, отзывавшееся как в произведениях отечественной классики, так

и в литературе Серебряного века, эмиграции, советской эпохи, в новой и новейшей прозе и поэзии.

Узнавая Пушкина, вырастают поколения детей, поднимается «племя младое, незнакомое»... Сила пушкинского таланта проявляется и в том, что дети школьного возраста, иногда не до конца понимая причины и поводы многих поступков героев Пушкина, прикасаются к удивительному языку пушкинских произведений, принимают логику божественного «бесконечного лабиринта сцеплений» жизненных обстоятельств и тот нравственный посыл, который в тяжелые времена выводит русского человека из западни, позволяет ему сохранить самое важное – живую душу.

Отмечать пушкинские юбилеи стало замечательной и знаменательной традицией не только в России, но и по всему миру. В юбилейные годы со дня рождения и смерти поэта проводятся многочисленные конференции, издаются монографии и сборники. Журнал «Вестник Костромского государственного университета» также решил откликнуться на юбилей Пушкина – его 225-летие – особенной рубрикой.

Ниже вниманию читателя предлагаются 14 статей филологов, написанных специально для этого выпуска и наглядно демонстрирующих актуальность многих «старинных» проблем пушкиноведения и в наши дни, а также неизменное горячее желание исследователей ещё раз приобщиться к живому и яркому миру пушкинских произведений, разгадать оставшиеся до сих пор в тени тайны его мастерства. Это, в свою очередь, поможет рождению в будущих исследованиях новых тем и творческих параллелей, свежих прочтений, обновленного взгляда на пушкинскую эпоху.

В рубрике представлены разные научные работы, посвященные как собственно наследию Пушкина, его осмыслению и переосмыслению, так и проблемам критического восприятия произведений Пушкина в XIX в., XX в. и в наше время, ключевым темам творчества писателя, традиции празднования Пушкинских юбилеев в России и за рубежом, попыткам по-новому оценить проблематику произведений Пушкина русскими и иностранными рядовыми читателями и специалистами, местам жизни Пушкина, его неповторимому художественному языку.

Искренне надеемся, что изучение юбилейной рубрики не оставит читателей журнала равнодушными, побудит к живому обсуждению вопросов научных и, конечно, самых жизненных.

*С уважением, редакционная коллегия журнала
«Вестник КГУ»*

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 8–14. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 8–14. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19”

EDN BLKOZN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-8-14>

ТРАГЕДИЯ А.С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Лебедев Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, y.v.lebedev@yandex.ru

Аннотация. Долгое время считалось, что Пушкин в трагедии «Борис Годунов» сделал народ главным героем и творческой силой истории. В действительности же есть в ней еще один герой, невидимый, который является верховным арбитром, направляет действие в нужное ему русло и делает это неожиданно, непредсказуемо, реализуя себя через безотчетные действия и поступки людей. Действия героев, принимающих участие в этом движении, не достигают ожидаемых ими результатов. Пушкин возвращает трагедии утраченную в эпоху Возрождения истину Божественного идеала, Божественной воли, стоящей над человеком и человечеством. В диалоге человека с миром у Пушкина возникает третье Лицо, этот диалог невидимо корректирующее и направляющее. Так реализм Пушкина начинал обретать трезвую религиозную первооснову, в ядре которой уже заключался будущий Толстой, будущий Достоевский, будущий Островский. «Формула» этого реализма не укладывалась в «формулу» реализма западноевропейского, следившего акцент на свободном, самодостаточном, суверенном человеке.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, русская классика, сила истории, творчество, народ, власть, реализм, Провидение.

Для цитирования: Лебедев Ю.В. Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» и русская литература второй половины XIX века // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 8–14. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-8-14>

Research Article

THE TRAGEDY OF A.S. PUSHKIN “BORIS GODUNOV” AND RUSSIAN LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Yuri V. Lebedev, Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Kostroma State University, Kostroma, Russia, y.v.lebedev@yandex.ru

Abstract. For a long time it was believed that Pushkin in the tragedy “Boris Godunov” made the people the main hero and creative force of history. In reality, there is another hero in it, invisible, who is the supreme arbiter, directs the action in the direction he needs and does it unexpectedly, unpredictably, realizing himself through the unconscious actions and actions of people. The actions of the heroes taking part in this movement do not achieve the results they expected. Pushkin returns to tragedy the truth of the Divine ideal, the Divine will standing above man and humanity, lost during the Renaissance. In Pushkin’s dialogue between a person and the world, a third Person appears, this dialogue invisibly corrects and guides. Thus, Pushkin’s realism began to acquire a sober religious fundamental principle, at the core of which the future Tolstoy, the future Dostoevsky, the future Ostrovsky already lay. The “formula” of this realism did not fit into the “formula” of Western European realism, which placed emphasis on a free, self-sufficient, sovereign person.

Keywords: A.S. Pushkin, Russian classics, the power of history, creativity, people, power, realism, Providence.

For citation: Lebedev Yu.V. The tragedy of A.S. Pushkin “Boris Godunov” and Russian literature of the second half of the XIX century. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 8–14 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-8-14>

Из всего написанного в Михайловский период А.С. Пушкин особенно выделял историческую трагедию «Борис Годунов», ознаменовавшую свершившийся поворот в его художественном мироощущении. Первым толчком к возникновению замысла явился выход в свет в марте 1824 г. 10-го и 11-го томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, посвященных эпохе царствования Феодора Иоанновича, Бориса Годунова и Лжедмитрия I.

История восхождения на русский престол Бориса Годунова через убийство законного наследника, царевича Димитрия, взволновала Пушкина и его современников неожиданной злободневностью. Ни для кого не было секретом, что приход к власти Александра I осуществился через санкционированное им убийство отца. Исторический сюжет о царе-детоубийце приобрел в сознании Пушкина актуальный смысл.

Но в процессе работы над ним «аллюзии» – прямые переключки прошлого и настоящего – отступили на задний план. Их вытеснили гораздо более глубокие историко-философские проблемы. Возник вопрос о смысле и цели истории. Предвосхищая автора «Войны и мира» Л.Н. Толстого, Пушкин хотел понять, какая сила управляет всем и как эта сила проявляется в действиях и поступках людей.

Ответы, которые он искал в драмах западноевропейских предшественников и современников, не могли удовлетворить его пытливый ум. Драматургические системы французских классиков и английских романтиков основывались на идущей от эпохи Возрождения уверенности в том, что человек творит историю, являясь мерою всех вещей. В основе драматического действия там лежала энергия самоуверенной и самодовольной человеческой личности, возмнившей, что всё мироздание является «мастерской» для приложения ее сил.

И классикам, и романтикам оказалась недоступной, по мнению Пушкина, логика исторического процесса, глубина национально-исторического характера. У классиков человек выступал носителем общечеловеческих пороков и добродетелей, у романтиков – рупором лирических излияний автора. В набросках «О драмах Байрона» Пушкин замечал: «Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. Он представил нам призрак себя самого. Он создал себя вторично, то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром, издыхающим под схимиею, то странствующим посреди... В конце концов он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), всё, кроме некоторых сатирических выходов, рассеянных в его творениях, отнёс он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал он по одной

из составных частей сего мрачного и сильного характера и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных» [Пушкин 7: 52–53].

Только в исторических хрониках Шекспира Пушкин находил некоторое созвучие своим собственным творческим поискам: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени» [Пушкин 7: 164–165].

Трагедия Пушкина решительно порывала с драматургической системой классицизма, обеспечивая автору невиданную до него в драматургии творческую свободу. Действие «Бориса Годунова» охватывает период в семь с лишним лет. События переходят из царского дворца на площадь, из монастырской кельи в корчму, из палат патриарха на поля сражений, из России в Польшу. Пушкин отказывается от деления трагедии на акты, разбивая ее на двадцать три сцены, позволяющие охватить русскую жизнь со всех сторон, в самых разных ее проявлениях. В «Борисе Годунове» отсутствует стоявшая в центре трагедии классицизма любовная интрига: история увлечения Самозванца Мариной Мнишек играет служебную роль.

Вместо ограниченного классическими правилами количества действующих лиц (не более десяти) у Пушкина около шестидесяти персонажей, охватывающих все слои общества: от царя, патриарха, бояр, дворян, иностранных наемников – до монахов, бродяг-чернецов, хозяйки корчмы и простого «мужика на амвоне», призывающего народ бежать в царские палаты на расправу с «Борисовым щенком». В трагедии, вопреки традициям, отсутствует главный герой. Годунов умирает, а действие продолжается. Да и участвует он в шести сценах из двадцати трёх.

Отказывается Пушкин и от «единства слога», стремясь к исторической достоверности, а в ее пределах – к индивидуализации речи действующих лиц. Речь Бориса, например, торжественна и книжна в обращении к патриарху и боярам в момент его избрания на царство и сближается с народным просторечием в общении его с сыном и дочерью.

Порывает Пушкин и с «единством жанра», соединяя в трагедии высокое с низким, трагическое с комическим. Наконец, автор «Бориса Годунова» решительно меняет принципы изображения человеческого характера. От мольеровских героев, носителей одной доминирующей страсти, он переходит к шекспировской полноте изображения. Борис Годунов не похож

у него на классического «злодея». Этот «цареубийца», пришедший к власти через кровь маленького Димитрия, ещё и умный правитель, заботящийся о народном благе, любящий отца, несчастный человек, которого мучит совесть за совершённое им злодеяние. Его противник – Гришка Отрепьев – честолюбив, но одновременно пылок, отважен, способен на искреннее любовное увлечение.

Есть и ещё одна особенность, свойственная всем героям пушкинской трагедии без исключения, – глубокий историзм их характеров, достигнутый путём изучения летописей и других исторических документов. «Характер Пимена, – говорил Пушкин, – не есть моё изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в старых летописях» [Рукою Пушкина: 745]. Историк Михаил Петрович Погодин, слушавший «Бориса Годунова» в авторском чтении, вспоминал: «Сцена летописателя с Григорием всех ошеломила. Мне показалось, что мой родной и любезный Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена, мне слышался живой голос русского древнего летописателя» [Погодин: 98].

Таким образом, в «Борисе Годунове» Пушкин расстается со всеми эстетическими принципами, на которых держалась целостность трагедии классицизма. Но по своим художественным установкам Пушкин был созидателем. Он разрушал устаревшие традиции классицизма во имя созидания более емкой и совершенной драматургической системы. В чем ее своеобразие и характерные признаки?

Долгое время считалось, что Пушкин в своей трагедии сделал народ главным героем и творческой силой истории. Однако сам Пушкин видел цель трагедии в другом: «Что развивается в трагедии, какая цель ее? – спрашивал он и отвечал так. – Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная» [Пушкин 7: 625]. Вдумаемся в эти слова. «Человек и народ» – это, в сущности, весь охват действующих лиц в трагедии, а главная цель ее – судьба человека и судьба народа: общая, соединяющая всех судьба или закон судеб человеческих.

Когда внимательно читаешь «Бориса Годунова», трудно отделаться от ощущения, что, кроме видимых, действующих героев трагедии, есть в ней ещё один герой, *невидимый*, неперсонифицированный, но тоже действующий, постоянно дающий о себе знать. Причём этот невидимый герой как раз и является верховным арбитром, он-то и направляет действие в нужное ему русло и делает это неожиданно, непредсказуемо, реализуя себя через безотчетные действия и поступки людей.

Несмотря на внешнюю пестроту сцен в трагедии, их связывает единое действие, движущееся динамично и целенаправленно к парадоксальному итогу. Действия героев, принимающих участие в этом движе-

нии, не достигают ожидаемых ими результатов: Борис умирает побежденным, Самозванец на грани разоблачения, народ в очередной раз обманут.

Замечательно, что в этих неожиданностях проявляется не слепой рок, а какая-то очень мудрая высшая Сила. Каждому воздает она по его вере и по его деяниям. Примечательна кольцевая композиция трагедии, основанная на принципе зеркального отражения. Действие открывается разговором бояр Шуйского и Воротынского об убийстве ребенка, царевича Димитрия, рвущимся к власти Борисом Годуновым. А в финальной сцене совершается убийство юного сына Бориса Годунова Феодора. Грех детоубийства, совершенный Годуновым, вызывает ответную кару, равновеликую содеянному греху.

Эта высшая Сила приоткрывается людям, не ослеплённым мирскими грехами, в двух ключевых сценах трагедии: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» и «Площадь перед собором в Москве». Проводниками этой высшей Силы являются люди, отрешенные от мирских помыслов и не принимающие участия в событиях. Никаких корыстных интересов у них нет. Ничто в этом мире их не держит и не связывает. В меру их внутренней чистоты и бескорыстия им и открывается смысл Божьей правды, который сокрыт от других героев. В первой сцене это летописец-монах Пимен, во второй – блаженный юродивый Николка.

В устах Пимена звучит порицание людей за их грехи и пророческое предсказание неминуемой расплаты:

О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли [Пушкин 5: 236].

А когда действие приближается к кульминации, юродивый Николка на соборной площади говорит в лицо Борису: «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит» [Пушкин 5: 300]. Вслед за этим приговором – внезапная смерть Бориса, ведущая действие к финалу.

Пушкин показывает провиденциальный характер этого возмездия. По какому-то как бы случайному стечению обстоятельств Божьей каре, ниспосланной Борису Годунову, предшествует столкновение юродивого, «взрослого ребенка», с мальчишками. Это, по сути, еще и кульминация «детской» темы, проходящей через всю трагедию. Она начинается с убийства Димитрия, о котором рассказывают бояре. Потом, в момент уговоров Бориса на царствование, ребенок на руках у бабы плачет, «когда не надо», и не плачет, «когда надо» (вспомним евангельские слова Христа о младенцах, которым открыта высшая истина). Затем в доме Шуйского мальчик читает вслух молитву о здравии... царя-детоубийцы. Появляются дети

Бориса Годунова Феодор и Ксения. У Ксении неожиданно умер юный жених – предвестие чего-то недоброго. Да и сам Борис в тревожной любви к своим детям будто боится потерять их, предчувствуя скорую разлуку, надвигающуюся беду («мальчики кровавые в глазах»). В финальной сцене мужик кричит в иступлении: «Народ, народ! в Кремль! в царские палаты! Ступай! Вязать Борисова щенка!» [Пушкин 5: 320]. Но чей-то голос из толпы произносит: «Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке» [Пушкин 5: 321].

В причинно-следственных связях событий трагедии детские эпизоды выглядят случайными: никто тут ничего специально не подстраивает, никаких интриг не плетет. Но случайные на уровне человеческого понимания, эти эпизоды закономерны в виду той высшей справедливости, которая является хотя и невидимым, но самым главным действующим лицом трагедии – Силой, которая управляет всем.

В осмыслении правды истории, в понимании происходящих событий человек нередко сталкивается, по Пушкину, с фактами необъяснимыми, кажущимися ему случайными, не имеющими никаких логических оснований. И человек склонен отказывать им в праве на существование. Пушкин нас предупреждает: «Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но Провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* – мощного, мгновенного орудия Провидения» [Пушкин 7: 144].

В трагедии грешен не только Борис. Грешен и народ: его судьба в чем-то перекликается с судьбою Бориса. Посмотрим на поведение народа в экспозиции и в финале трагедии. *В экспозиции*: Народ молчит. Его побуждают умолять Бориса быть царем. Народ кричит: «Ах, смилуйся, отец наш, властвуй нами! Будь наш отец, наш царь!» [Пушкин 5: 227]. *В финале*: Народ кричит: «Да гибнет род Бориса Годунова!» [Пушкин 5: 320]. Его побуждают приветствовать Дмитрия-самозванца. «Народ *безмолвствует*» [Пушкин 5: 322].

В финале все, как в экспозиции, но только в обратном порядке. Грех народа заключается в избрании Бориса на царство, в том, что он «молился за царя Ирода». Поэтому в убийстве Феодора, в нашествии чужеземцев, в грядущей смуте повинен не только Борис, но и народ.

В ходе действия Борис склонен упрекать народ в неблагодарности, в строптивости, не замечая, что эти упреки являются в известной мере самооправданием, стремлением заглушить в себе чувство сове-

сти. Но и народ, упрекая Бориса во всех бедах, снимает с себя бремя тяжёлой ответственности за своё попустительство. И Борис, и народ глухи к высшему голосу правды. Этот голос слышат чистые души Пимена и юродивого Николки – именно в них пробивается к свету народная совесть, и только к ним можно отнести известный афоризм: «Глас народа – глас Божий». Что же касается основной массы народа, как бы объединяющейся у Пушкина в собирательное Лицо, то её «глас», её «мнение» помрачены грехом. Только в финале трагедии, в многозначительной ремарке – «Народ безмолвствует», – видится пробуждение народной совести.

Обращаясь к опыту Шекспира, Пушкин пошел дальше великого предшественника, у которого главный интерес состоит в деятельности частных исторических лиц. Обладая свободой воли, они совершают свой выбор и несут расплату за него. Драматургическая система Шекспира «антропоцентрична»: в центре ее стоит «ренессансный», предоставленный самому себе человек. Голос совести в нем все более и более затухает. И цепочка событий почти целиком подчиняется логике «человеческих», психологически мотивированных причинно-следственных связей. Мир горный, мир Идеала, свет высшей Божественной истины слабо мерцает здесь перед лицом земных обстоятельств, очень далеких от Идеала. Вот почему Пушкин говорил, что после чтения Шекспира у него «кружится голова», как будто он «смотрел в бездну». Пушкин, следуя Карамзину «в светлом развитии происшествий», возвращает трагедии утраченную в эпоху Возрождения Истину Божественного идеала, Божественной воли, стоящей над человеком и человечеством. В диалоге человека с миром у Пушкина возникает третье Лицо, этот диалог невидимо корректирующее и направляющее.

Царь Борис мнит себя творцом истории, полновластным хозяином своей судьбы. «Он думает, – пишет В.С. Непомнящий, – что решающую роль в опыте “быстротекущей жизни” играют “науки”; он думает, что история делается только руками и головой, что природа её только материальна. Думать иначе может, по его мнению, только “безумец”».

Кто на меня? Пустое имя, тень –
Ужели тень сорвёт с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуй – и нет его...

Но он ошибся. Произошло как раз то, чего он “испугался” – испугался прежде рассудка, непосредственно, глубиной духа. Имя обрушилось на него, тень сорвала с него порфиру, звук лишил наследства его детей, и призрак погубил» [Непомнящий: 242].

Так реализм Пушкина начинал обретать трезвую религиозную первооснову, в ядре которой уже заклю-

чался будущий Толстой, будущий Достоевский, будущий Островский. «Формула» этого реализма не укладывалась в «формулу» реализма западноевропейского, сделавшего акцент на свободном, самодостаточном, суверенном человеке – пленнике своих земных несовершенств. Далеко не случайно, что Пушкин оценивал трагедию «Борис Годунов» едва ли не выше всего им созданного. В момент завершения своего труда он радовался как ребенок: «Трагедия моя кончена: я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши, и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!» [Пушкин 10: 146].

А.Н. Островский, следуя за Пушкиным, возвращает в драматургию феномен жизни, феномен мироздания как активного действующего лица, с которым герои драмы вступают в постоянный и напряжённый диалог. При этом мироздание слышит героя, отзываясь на его действия и поступки, отвечает ему. Этот ответ чаще всего не соответствует ожиданиям героя. Мир сохраняет свою независимость, свою активность, свою способность корректировать любые человеческие действия и поступки.

В одной из первых на Западе статей о драматургии Островского «Новая русская драма» (1868) английский критик Уильям Ролстон писал, что Островский не повторяет «преобладающие качества английских или французских драматургов, талант композиции и сложность интриги. Здесь, наоборот, драма развивается с простотой, равную которой можно встретить только на театре японском или китайском и от которой веет примитивным искусством» [Кашин: 28].

Назвав русскую трагедию Островского «Гроза» «примитивным искусством», Рольстон не понял, что в ней заключается новый и важный шаг в истории мировой драмы. «Сложность интриги» никогда не была самоценным достоинством в глазах русского драматурга. Ему принадлежит мысль о том, что «интрига есть ложь». Театр Островского утверждает драматургическую истину, коренящуюся на чуждых и непонятных Западу православно-христианских мировоззренческих основах. Именно потому его драматургия воспринималась и воспринимается на Западе как нечто варварски бессистемное и бескультурное, как «антитеатр», от которого веет примитивным искусством. На самом же деле в этой недоовощённости скрыты более глубокие духовные причины. Для русской эстетики вообще характерна незавершённость жанровых форм, даже принципиальная их незавершаемость. Так русский писатель обозначает потенциальные возможности жизни к движению, к переменам. Завершённый человек у Толстого – самодоволен и ограничен. Красота личности неотделима у него от способности этой личности духовно расти и совершенствоваться. Завершённая форма – свидетельство исчерпанности жизненных сил, а в пределах земного, природного круга это не-

правда, скрывающая эгоистическое стремление художника вступить в состязание с Тем, Кто наделил его творческим даром.

Поскольку человек в драматургической системе Островского не является господином вселенной, живая жизнь не деформируется им по линейно направленному вектору, заставляющему западноевропейскую драму «всегда спешить». Интрига – ложь, потому что в своих жизненных драмах человек творец лишь наполовину. Интерес у Островского не ограничивается судьбами отдельных героев, а движется далее, к общему ходу вещей, к движению живой жизни, в котором как раз и открывается ко всем относящаяся и всех накрывающая судьба. Название своей русской трагедии Островский, нарушая классический канон, от лица главной героини (Катерины Кабановой) переносит к величественным силам и стихиям жизни, к сверхличным ее явлениям – «Гроза».

Провидение действует помимо сознательной воли отдельных лиц. Оно пользуется ими для достижения своих целей. Движение жизни не зависит напрямую от сознания героев, хотя все они ему служат, его подталкивают. Это движение отзывчиво на действия людей, тут есть диалог, тут своя драматургия, идущая поверх драматических столкновений героев между собою. Результат у Островского не адекватен действиям героев: между действиями и результатом есть зазор, воспринимаемый человеком как игра случая. Но эта игра не слепа, случай справедлив, разумен, мудр. За ним скрывается дыхание высшей правды, через него открывается человеку высшая совесть.

На эту особенность драматургической системы Островского обратил внимание П.С. Коган. В статье «Темные лучи в светлом царстве» он писал: «В каждой из его пьес два смысла, один непосредственный, реальный, заключающийся в ходе развёртывающихся событий, раскрывающийся в столкновении интересов, в борьбе страстей и характеров. Другой – глубокий и скрытый смысл, неожиданно предстающий зрителю и не вытекающий из хода событий. Но именно эта внутренняя драма всегда важнее для Островского, чем та, которая воспринимается из слов и жестов зрителем» [Коган: 204].

Е.Г. Холодов, кропотливо исследуя мастерство Островского, доказал, что начало в его пьесах стремится быть похожим на продолжение: драматург достигает иллюзии врасплох застигнутой жизни. Потом у него тянется замедленная и развёрнутая экспозиция с привлечением героев, не имеющих прямого отношения к основному событию. Завязка в драмах Островского какая-то неуверенная, напоминающая скорее «возможность завязки» и как бы оставляющая жизни шанс на иной, неожиданный и непредвиденный ход. В кульминацию не втягиваются все наличные жизненные силы, словно хранящиеся в резер-

ве и ещё ждущие своего часа. Поэтому и развязки у Островского не имеют претензии на окончательный итог. Они могут быть названы развязками лишь условно, так как не распутывают до конца основной узел жизненных противоречий и конфликтов [Холодов: 217–312].

На решительное отступление Островского от классических канонов европейской драмы обращал внимание даже Н.А. Добролюбов. В статье «Луч света в тёмном царстве» он писал: «Уже и в прежних пьесах Островского мы замечали, что это не комедии интриг и не комедии характеров, а нечто новое, чему мы дали бы название “пьес жизни”, если бы это не было слишком обширно и потому не совсем определено. Мы хотим сказать, что у него на первом плане является всегда общая, не зависящая ни от кого из действующих лиц, обстановка жизни» [Добролюбов: 321].

Совершая попятное движение, размагничивая классическую форму, драматург с удивлением обнаруживает, какое богатое содержание ускользает от зрелых форм художественности, какой жизненный потенциал не охватывается ими. И.А. Гончаров, говоря об эпической основе драм Островского, замечал, что русскому драматургу «как будто не хочется прибегать к фабуле – эта искусственность ниже его: он должен жертвовать ей частью правдивости, целостностью характеров, драгоценными штрихами нравов, деталями быта, – и он охотнее удлинняет действие, охлаждает зрителя, лишь бы сохранить тщательно то, что он видит и чувствует живого и верного в природе» [Гончаров: 180].

Островский питает доверие к повседневному ходу жизни, смягчающему самые острые конфликты, и зритель чувствует, что творческие возможности жизни неисчерпаемы, итоги, к которым привели события, относительны, движение жизни не завершено и не остановлено. В самом совершенстве художественной формы ему видится ложь, претензия писателя – завершить незавершаемое, закруглить незакругляющееся. На пути движения к Совершенству всякие итоги условны, всякие концы – лишь вехи. В «стыдливости формы» у Островского – осознание вечной драмы земного существования, в кругу которого ничто не может быть решено окончательно и бесповоротно, ибо и вся-то земная жизнь – лишь пролог к жизни вечной, лишь преддверие, где всё завязывается, но ничего окончательно не развязывается. Нити развязок находятся в руках Творца, а не автора и не его героев.

Ни русский роман, ни русская драма не укладываются в те чёткие, отточенные художественные формы, какие предлагают им западноевропейские драма и роман. «Что такое “Война и мир”?» – спрашивал Л.Н. Толстой и отвечал на этот вопрос так. – Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хро-

ника. “Война и мир” есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не даёт даже ни одного примера противного. Начиная от “Мертвых душ” Гоголя и до “Мертвого Дома” Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести» [Толстой 7: 356–357].

Что же отличает «Войну и мир» от классического романа? Классический западноевропейский роман немецкий философ Гегель в своей «Эстетике» назвал *продуктом распада эпохи*. Он был прав, потому что в этом романе главный конфликт заключался в столкновении «частного человека» с общим ходом истории. Толстой в «Войне и мире» сполна использует открытия такого романа. Его герои тоже находятся в конфликте с окружающей средой. Но Толстой придаёт этому конфликту диалектический характер: *частное* и *историческое* у него взаимодействуют друг с другом. В сложной борьбе с обществом и самими собой, проходя через драматические духовные кризисы и переломы, герои «Войны и мира» движутся к постижению смысла жизни «миром», к правде народной, за которой стоит высшая Правда – христианская. Одновременно с ними, подвергаясь суровым историческим испытаниям, обогащается этой высшей Правдой и сама народная жизнь. Конфликт личности и общества, героя и народа преодолевается, жанровые рамки западноевропейского романа раздвигаются и обретают утраченные эпические горизонты.

Толстовская философия истории органически связана с русскими духовными традициями, рожденными в глубинах не западной, католической и протестантской, а православной христианской культуры. У Толстого не исключительная личность, а народная жизнь в целом оказывается наиболее чутким организмом, откликающимся на скрытый смысл исторического движения. Божественное Провидение действует в истории только через верующий народ, связанный в единый организм христианской любовью. «Источник необычайной силы» и особой русской мудрости Кутузова Толстой видит в «том народном чувстве, которое он несёт в себе во всей чистоте и силе его». Перед Бородинским сражением как верный сын святой Руси он вместе с солдатами поклоняется чудотворной иконе Смоленской Богоматери.

Кутузов у Толстого принадлежит к числу тех русских полководцев, «которые, постигая волю Провидения, подчиняют ей свою личную волю» и руководят «духом войска» [Толстой 7: 194]. Более всех героев «Войны и мира» Кутузов свободен от действий и поступков, диктуемых личными соображениями, тщеславными целями, индивидуалистическим произволом. Он весь проникнут чувством общей необходимости и наделен талантом «жизни миром» с многотысячным, «соборным» единством вверенных ему людей. Мудрость Кутузова заключается в умении принять «необходимость покорности общему ходу дел», в таланте прислушиваться к «отголоску общего события» и в готовности «жертвовать своими личными чувствами для общего дела» [Толстой 7: 197].

Провидение, действуя невидимым образом в бесчисленных проявлениях народной жизни, ведет Россию к торжеству, к победному финалу «народной войны». Уловить волю Провидения, опираясь на свои «гениальные» мысли, государственному человеку не дано. Он может приблизиться к пониманию Божественной воли, отрекаясь от своих личных умозрений и целиком отдаваясь интуитивному проникновению в таинственный ход истории, в скрытые ритмы народной жизни.

Список литературы

Источники

Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. Москва: Худож. лит., 1955. 576 с.

Добролюбов Н.А. Луч света в тёмном царстве // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. Москва; Ленинград: Наука, 1963. С. 289–363.

Погодин М.П. Из воспоминаний о Пушкине // Русский архив. 1865. № 1. С. 95–108.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1962–1965.

Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Москва; Ленинград: Academia, 1935. 926 с.

Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. Москва: Худож. лит., 1978–1985.

Исследования

Кашин Н.П. Отношение к Островскому западных сцены и научной литературы // Творчество А.Н. Островского: юбилей. сб. Москва; Петроград, 1923. С. 26–57.

Коган П.С. Темные лучи в светлом царстве: (К вопросу о классах в поэзии Островского) // А.Н. Островский. Москва, 1929. С. 181–218.

Непомнящий В.С. Поэзия и судьба: Статьи и заметки о Пушкине. Москва: Сов. писатель, 1983. 367 с.

Холодов Е.Г. Мастерство Островского. Москва: Искусство, 1967. 543 с.

References

Kashin N.P. *Otnoshenie k Ostrovskomu zapadnykh stseny i nauchnoi literatury* [Attitude towards Ostrovsky in Western scenes and scientific literature]. *Tvorchestvo A.N. Ostrovskogo: iubileyni sbornik* [Creativity of A.N. Ostrovsky: anniversary collection]. Moscow, Petrograd, 1923, pp. 26-57. (In Russ.)

Kholodov E.G. *Masterstvo Ostrovskogo* [Ostrovsky's mastery]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1967, 543 p. (In Russ.)

Kogan P.S. *Temnye luchi v svetlom tsarstve: (K voprosu o klassakh v poezii Ostrovskogo)* [Dark rays in the light kingdom: (On the issue of classes in Ostrovsky's poetry)]. *A.N. Ostrovskii* [A.N. Ostrovsky]. Moscow, 1929, pp. 181-218. (In Russ.)

Nepomniashchii V.S. *Poeziia i sud'ba. Stat'i i zametki o Pushkine* [Poetry and fate. Articles and notes about Pushkin]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1983, 367 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.05.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 31.05.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3 С. 15–21. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 15–21. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19”

EDN MJPKLG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-15-21>

АВТОРСКИЙ ГОЛОС В ТРАГЕДИИ А.С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»

Голодняк Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, gavrilchenko-oksana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0855-9848>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые формы авторского присутствия в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». Анализ этих форм ведется исходя из кормановского представления о существовании двух основных способов выражения авторского сознания в пьесе – сюжетно-композиционного и словесного. Последний предполагает обнаружение голоса автора в речи действующих лиц. В «Борисе Годунове» близкими к автору героями традиционно считаются летописец Пимен и юродивый Николка, обвиняющие Годунова в убийстве царевича Димитрия. Автор статьи, отмечая особый статус этих персонажей – носителей письменного и устного слова о совершенном преступлении, в то же время подчеркивает, что авторский голос в пьесе не сливается с голосами героев. Поэт художественно исследует историческую ситуацию и показывает ее в сложном переплетении разных мнений, ракурсов, нравственных оценок и обстоятельств. В результате герои обретают самостоятельность, а действие развивается по законам жизни. Эта мысль поддерживается в статье рассмотрением некоторых приемов, с помощью которых автор как бы устраняется из пьесы, стремясь к максимальной объективности изображаемого. Так в «Борисе Годунове» воплощаются представления Пушкина о драме и о задачах драматического писателя.

Ключевые слова: автор, герой, авторское присутствие, А.С. Пушкин, «Борис Годунов», летописец, юродивый, царевич Димитрий.

Для цитирования: Голодняк О.В. Авторский голос в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 15–21. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-15-21>

Research Article

THE AUTHOR'S VOICE IN THE TRAGEDY OF A.S. PUSHKIN “BORIS GODUNOV”

Oksana V. Golodniak, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, gavrilchenko-oksana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0855-9848>

Abstract. The article examines some forms of the author's presence in the tragedy of A.S. Pushkin “Boris Godunov”. The analysis of these forms is carried out on the basis of Korman's idea of the existence of two main ways of expressing the author's consciousness in a play – plot-compositional and verbal. The latter involves detecting the author's voice in the speech of the characters. In “Boris Godunov”, the chronicler Pimen and the holy fool Nikolka, who accuse Godunov of the murder of Tsarevich Dimitri, are traditionally considered to be close to the author. The author of the article, noting the special status of these characters – carriers of the written and oral word about the crime committed, at the same time emphasizes that the author's voice in the play does not merge with the voices of the characters. The poet artistically explores the historical situation and shows it in a complex interweaving of different opinions, perspectives, moral assessments and circumstances. As a result, the characters gain independence, and the action develops according to the laws of life. This idea is supported in the article by considering some of the techniques by which the author, as it were, is eliminated from the play, striving for maximum objectivity of what is depicted. Thus, “Boris Godunov” embodies Pushkin's ideas about drama and about the tasks of a dramatic writer.

Keywords: author and hero, author's presence, A.S. Pushkin, “Boris Godunov”, chronicler, holy fool, Tsarevich Dimitri.

For citation: Golodniak O.V. The author's voice in the tragedy of A.S. Pushkin “Boris Godunov”. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 15–21 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-15-21>

Драма – литературный род, в котором присутствие автора наименее очевидно. К собственно авторской речи традиционно относят лишь заглавие, жанровое определение и так называемый вспомогательный текст – список действующих лиц, названия частей (явлений, сцен), разного рода сценические указания, ремарки. Однако и в драматическом произведении есть возможности для выражения авторского сознания. Б.О. Корман выделяет два основных способа, которыми автор передает здесь свою позицию: сюжетно-композиционный (через расположение и соотношение частей) и словесный (через речь действующих лиц) [Корман: 86]. Кроме того, носителем авторских идей может выступать отдельный персонаж – резонер в классицистической драме или тождественный автору по мироощущению романтический герой.

Проблема отношений между автором и героем, границ выражения авторского сознания в пьесе волновала и самого Пушкина. В его критическом наследии и письмах драма рассматривается как наиболее объективный род литературы, не предполагающий явного авторского присутствия. Так, в статье ««О народной драме и драме “Марфа Посадница”»», посвященной сочинению М.П. Погодина и датирующейся второй половиной ноября 1830 г. [Пушкин 1937–1959, 11: 557], высказано, по-видимому, то, чем руководствовался сам поэт, работая над «Борисом Годуновым». Полагая обязательным для драматурга, «беспристрастного, как судьба», «глубокое, добросовестное исследование истины» (особенно в исторической пьесе) и характеризуя «автора *Марфы Посадницы*», Пушкин подчеркивает: «Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, – но люди минувших дней, [их] умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине» [Пушкин 1937–1959, 11: 181]. Погодин, с его точки зрения, с этой задачей справился [Пушкин 1937–1959, 11: 181]. Мысль о том, что драматический писатель должен «совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век, им изображаемый» [Пушкин 1937–1959, 11: 68], звучала и раньше, в начале 1828 г., в ««Письме к издателю “Московского вестника”»», то есть тому же Погодину.

И в пору выработки собственных драматургических принципов, и позднее Пушкин не раз обращается к проблеме отражения авторского «я» в образах героев. В конце января 1825 г. в письме к А.А. Бестужеву, отзываясь о комедии «Горе от ума», он отмечает присутствие в ней авторского голоса, называя Грибоедова «умным действ.<ующим> лицом» пьесы,

а Чацкого – «пылким, благородным и добрым малым, проводившим несколько времени с очень умным человеком (имянно с Грибоедовым) и напитавшимся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями» [Пушкин 1937–1959, 13: 138]. Явное выражение авторского взгляда на мир не принимает поэт в драматургии Вольтера, который, «не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставил <...> свои лица к стати и не к стати выражать правила своей философии» [Пушкин 1937–1959, 11: 272]. Соглашаясь с «англ.<ийскими> критиками», оспаривающими «драматический талант» Байрона, Пушкин, в частности, замечает, что тот «бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя», а в конечном счете «постиг, создал и описал единый характер (именно свой)» [Пушкин 1937–1959, 11: 51]¹. По сути, здесь он раскрывает специфику субъектно-объектных отношений в романтизме: романтический автор «видит героя как личность, но *осознает его в категориях собственного “я”, а не как другую личность*» [Бройтман: 275]. Шекспир же «изумителен»: «...он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежашую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык, соответствующий его характеру»² [Пушкин 1937–1959, 13: 197–198 (оригинал по-французски), 541 (перевод)]. А потому особенно значимой для нас является ориентация поэта на пьесы английского драматурга, заявленная в ««Набросках предисловия к “Борису Годунову”»» (1830)³.

Действительно, «присутствие» автора в трагедии Пушкина не обнаруживается непосредственно в голосах персонажей, его позиция – в объективном содержании сцен, в сложном взаимодействии многообразных точек зрения, в архитектонике чужих высказываний, в их сцеплениях, в способах их объединения в завершенное целое⁴.

В то же время два героя в пьесе выступают своего рода «обвинителями» Годунова и порой воспринимаются как выразители авторской (или близкой к авторской) позиции – летописец Пимен⁵ и юродивый Николка. Они занимают особое место в системе персонажей пушкинской драмы: каждый из них появляется только в одной сцене (Пимен в пятой⁶ – «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», Юродивый в семнадцатой⁷ – «Площадь перед собором в Москве») и непосредственного участия в развитии действия не принимает. Необычный статус героев подкрепляется и значимостью в сюжетно-композиционном отношении сцен, в которых мы с ними встречаемся. В пятой впервые звучит оценка личности Годунова спустя пять лет после его воцарения. Семнадцатую можно

считать кульминационной в развитии внутреннего конфликта Бориса, терзаемого муками совести.

Прежде чем говорить об образе Пимена, выясним отношение Пушкина к летописи как историческому источнику и его представления о летописце. В «Заметках на полях статьи М.П. Погодина “Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия”» (1829) он, оспаривая точку зрения автора, как минимум трижды ссылается на летописи. Так, когда Погодин пишет, что Димитрий «по тогдашним понятиям едва ли имел право на престол, по крайней мере неоспоримое...», поскольку родился «от седьмого брака Иоаннова» [Пушкин 1937–1959, 12: 243], Пушкин возражает: «Смотри все Летописи, где об незаконности Дмитрия нигде не упомянуто, напротив» [Пушкин 1937–1959, 12: 243]. В другом случае сомнения историка в намерении Бориса убить царевича Димитрия (точнее, в том, что его первоначально пытались отравить по наущению Годунова) сопровождаются пушкинской пометой: «Летописцы» [Пушкин 1937–1959, 12: 248]. Наконец, в месте, где Погодин называет «баснословными» Чепчугова и Загряжского, якобы подкупленных Годуновым для убийства Димитрия, поэт снова замечает на полях: «...почему ж если об них упоминает *современная* летопись?»⁸ [Пушкин 1937–1959, 12: 250]. Таким образом, летопись для Пушкина оказывается неоспоримым, заслуживающим полного доверия источником, и ссылка на нее – аргумент определяющий. Вероятно, она ценна еще и как свидетельство современников (обратим внимание на то, что в последнем случае выделено слово «современная»). В ней приводятся не только факты, но и размышления о них, определенное их истолкование, «мнения», бытующие в народной среде, народный взгляд на события – отражается образ мыслей людей давно прошедшей эпохи. В статье об «Истории русского народа» Н. Полевого (1830) поэт упоминает о «простодушной наготе летописи» [Пушкин 1937–1959, 11: 121] – обнаженности правды и безыскусности суждений о ней. Не случайно и Карамзин для Пушкина не только «первый историк», но и «последний летописец»: именно «нравственные размышления» автора «Истории государства Российского» с их «иноческою простотою» сближают его труд с древними летописями – сообщают повествованию всю их «неизъяснимую прелесть» [Пушкин 1937–1959, 11: 120].

Каким же предстает пушкинский Пимен? Его образ формируется на пересечении разных точек зрения: мы видим и слышим самого героя, узнаем о том, как его воспринимает Григорий Отрепьев, а в следующей сцене знакомимся с характеристикой, которую ему дает игумен: «...отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному» [Пушкин 2009: 25]. Именно кротость, смирение, спокойствие ви-

дят в нем другие. Правда, Пимен вовсе не спокоен, когда говорит об убийстве царевича Димитрия и о Годунове. Но того, что допустимо для обычного человека, не позволяет себе летописец. Вспомним: сначала мы видим старца пишущим «последнее сказанье» и узнаем, что «минувшее», некогда волновавшееся, «как море-окиан», теперь для него «безмолвно и спокойно» [Пушкин 2009: 19]. Далее слова Пимена почти повторяются в монологе Григория, наблюдающего за работой старика: «...Как я люблю его спокойный вид, / Когда, душой в минувшем погруженный, / Он летопись свою ведет; и часто / Я угадать хотел, о чем он пишет? / <...> Напрасно. / Ни на челе высоко, ни во взорах / Нельзя прочесть его сокрытых дум; / Все тот же вид смиренный, величавый» [Пушкин 2009: 20], – и таким образом подтверждается их достоверность. А затем слышим эмоциональный и оценочный рассказ монаха о том же, чему посвящено «последнее сказанье», – об убийстве Димитрия.

Труд летописца – «безымянный» [Пушкин 2009: 19], лишенный авторского начала. Задачу же его формулирует сам старец в своеобразном наказе Отрепьеву: «...Описывай не мудрствуя лукаво / Все то, чему свидетель в жизни будешь...» [Пушкин 2009: 24]. В двух стихах емко переданы важнейшие, по Пушкину, «свойства» летописного повествования – правдивость и простота. Но эта «иноческая простота» [Пушкин 1937–1959, 11: 120] и не позволяет сближать голос героя с авторским. Она – в однозначности оценок, в особом, провиденциальном взгляде на историю как на осуществление божественного промысла. Отсюда и восклицание Пимена: «О страшное, невиданное горе! / Прогневали мы Бога, согрешили: / Владыкою себе царевубийцу / Мы нарекли» [Пушкин 2009: 22–23]. Как отмечает Д.С. Лихачев, «внутренняя сторона событий для летописца состоит в проявляющейся в них божественной воле», причем «теологические объяснения» появляются тогда, когда он усматривает в этих событиях «перст божий» [Лихачев 1971: 290]. А из монолога Бориса в следующей сцене мы узнаем о многих бедствиях, которые постигали страну и в которых народ винил царя.

Пимен для Пушкина – именно свидетель Борисова преступления, не только как очевидец случившегося («Привел меня Бог видеть злое дело, / Кровавый грех», – рассказывает он Григорию [Пушкин 2009: 23]), но и – прежде всего – как выразитель мнения людей той эпохи – мнения, которое, по замечанию комментаторов пушкинской пьесы, было «практически единодушным» среди летописцев и авторов исторических сказаний [Пушкин 2009: 606]. Но, повторимся, голос автора не сливается с голосом героя: не автор, а Пимен обвиняет Годунова в царевубийстве.

Еще один носитель истины о гибели царевича Димитрия в пьесе – юродивый Николка. По верному за-

мечанию С.З. Агранович, его появление в трагедии нельзя рассматривать ни лишь как «колоритную подробность русского быта, характерное проявление национальных нравов», ни как «элемент авторского эзопова языка» [Агранович: 31].

Поведение и внешность пушкинского Николки типичны для юродивого (см. об этом подробнее: [Мотеюнайте: 163–164]). Юродство на Руси, по словам А.М. Панченко, являлось своеобразным «институтом протеста» [Лихачев, Панченко: 180]. Причем это был и «протест против чрезмерного тяготения людей к земным, низменным интересам и помышлениям» [Тихомиров: 101], воплощенный в самом образе жизни юродивого – его добровольном подвижничестве (Панченко называет это пассивной стороной юродства [Лихачев, Панченко: 101]), и протест, выражаемый в критике действительности – «разоблачении ее несоответствия христианским нормам» [Лихачев, Панченко: 5], в том, чтобы «ругаться миру», обличая грехи и пороки как простых людей, так и властителей (активная сторона юродства) [Лихачев, Панченко: 101], нередко – весьма парадоксальным образом. «...Исполненный страха Божия, он был совершенно чужд страха человеческого и являлся пред земным царем, забывшим свой долг, представителем Царя небесного, ревнителем правды Божией», – пишет Е. Тихомиров о юродивом [Тихомиров: 104–105].

Николка в «Борисе Годунове» и предстает таким бесстрашным обличителем царя. При этом он, по-видимому, режиссирует происходящее⁹, сначала выпросив копеечку у старухи, а затем как бы побуждая мальчишек ее отобрать («А у меня копеечка есть», – говорит им Юродивый [Пушкин 2009: 70]). Как отмечает И.В. Мотеюнайте, «жалоба царю на мальчишек также содержит явную провокацию: юродивый словно предугадывает в этой жалобе реакцию царя и планирует его разоблачение» [Мотеюнайте: 167] (см. также: [Агранович: 35–37]). В брошенном Николкой обвинении открывается новая грань Борисова преступления: он не просто «царевубийца», а «царь Ирода». В народном представлении юродивый – Божий человек, духовный провидец, обладающий истиной, – он «видит и слышит то, о чем не знают другие» [Лихачев, Панченко: 5]. Потому-то так страшен для Годунова его приговор: «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит» [Пушкин 2009: 71]. Отягощенный муками совести, Борис окончательно лишается душевного покоя, а в следующей сцене с участием царя («Москва. Царские палаты») мы узнаем о его смерти.

Отметим, что в художественном отношении смерть Годунова оказывается вполне закономерной: остановить Самозванца он уже не в силах. Исторический ход событий и логика их художественного развития совпадают. По-видимому, можно сказать,

что в «Борисе Годунове» Пушкин успешно решает задачу, которую он, по мнению Ю.М. Лотмана, ставил, работая над романом «Евгений Онегин», – создать «произведение литературы, которое, преодолев литературность, воспринималось бы как сама внелитературная реальность, не переставая при этом быть литературой» [Лотман: 444].

Обратим внимание еще на один момент, связанный с юродивым. В первоначальном плане¹⁰ трагедии сцена его встречи с царем была почти в самом начале – сразу после избрания Бориса: «*Год<унов>* в монастыре. Толки князей – вести – площадь, весть о избрании. [*Год<унов>*. Юродивый] – Летописец. Отрепьев – бегство Отрепьева. <...>» [Пушкин 2009: 332]. Потом, видимо уже на этапе обдумывания плана, Пушкин ее вычеркнул (в приведенной цитате она заключена в квадратные скобки). В пьесе же, как мы знаем, Николка обличает Годунова в семнадцатой (в новом академическом собрании сочинений — шестнадцатой) сцене, когда борьба с Самозванцем в самом разгаре, а Бориса терзают муки совести. Сама логика развития действия требовала от поэта такой перестановки: именно после встречи с юродивым душевное смятение царя, как мы уже отмечали, достигает предела, что, в свою очередь, влияет на ход событий.

Важно и то, что встрече с Николкой предшествовал рассказ патриарха о чудесах на могиле царевича Димитрия (сцена «Царская дума»), во время которого Борис, согласно ремарке и словам других персонажей, несколько раз утирал пот [Пушкин 2009: 64]. Дело, очевидно, не только в том, что шел неудобный для царя разговор, но и в том, что убитый царевич оказался святым. И последняя фраза Николки («...нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит»), с одной стороны, это подтверждала, раскрывая перед Годуновым весь ужас совершенного им преступления, а с другой – означала, что прощения ему нет (см. также: [Красухин: 23–24]). Интересно, что юродивый, по сути, говорит и правду об Отрепьеве, обращаясь к царю: «...Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича» [Пушкин 2009: 71]. Однако эта правда народом не услышана.

Так, принимая, «несмотря на некоторую слабость аргументации историка» [Пушкин 2009: 604], карамзинскую версию гибели царевича Димитрия и художественно исследуя ее, Пушкин постепенно утверждает мысль о виновности Бориса Годунова.

Впервые она высказана Шуйским в начале трагедии в ответ на сомнения Воротынского в том, что Борис согласится принять венец, – сначала намеком («Скажу, что понапрасну / Лилася кровь царевича-младенца; / Что если так, Димитрий мог бы жить» [Пушкин 2009: 12]), а затем прямо. Причем Шуйский говорит об этом злодеянии как человек,

расследовавший его в Угличе. Но важны даже не его слова: ведь уже в этой сцене он предстает «лукавым царедворцем» (характеристика, данная ему позднее Воротынским [Пушкин 2009: 18] и не раз подкрепленная поступками героя), мастером плетения интриг и знатоком «правил» придворной жизни. Здесь использован один из приемов, посредством которых автор заявляет о себе в пьесе: некоторые реплики персонажей подтверждаются самим ходом действия. Шуйский объясняет Воротынскому нынешнее поведение Бориса и предсказывает исход ситуации с избранием царя: «... Народ еще повоет да поплачет, / Борис еще поморщится немного, / Что пьяница пред чаркою вина, / И наконец по милости своей / Принять венец смиренно согласится...» [Пушкин 2009: 11]. Далее события развиваются именно так, как он описал (причем в сцене «Девичье поле. Новодевичий монастырь», не вошедшей в окончательный текст, это совпадение подчеркивалось даже лексически – слова Шуйского повторялись в ремарке: «Народ (*на коленях. Вой и плач*)» [Пушкин 2009: 264]), то есть виновность Годунова доказывается логикой его поступков и последующим развитием действия.

Важное место в этой системе «доказательств» занимают, конечно, и уже рассмотренные реплики Пимена и Николки. Добавим лишь: возможно, есть некоторая закономерность в том, что один персонаж – носитель письменного слова, сохраняющий для потомков знание о виновности Бориса, а другой – устного, обличающий его в настоящем и напоминающий ему о «Божием суде». Вспомним слова Григория Отрепьева в сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»: «... И не уйдешь ты от суда мирского, / Как не уйдешь от Божьего суда» [Пушкин 2009: 24]. Но Отрепьев, очевидно, принимает на себя роль судьи. Для поэта же «суд мирской» – это суд потомков. В пушкинских «Заметках на полях статьи М.П. Попова “Об участии Годунова в убийстве царевича Димитрия”»¹¹ встречаем: «Уголовная Палата не судит мертвых царей по существующим ныне законам. Судит их история, ибо на царей и на мертвых нет иного суда» [Пушкин 1937–1959, 12: 256].

Упомянутый нами прием подтверждения слов героев ходом действия используется Пушкиным в пьесе не один раз. Так, например, в сцене «Москва. Дом Шуйского» есть реплика Шуйского, обращенная к слугам: «Вы что рот разинули? Все бы вам господ подслушивать...» [Пушкин 2009: 36]. Его собеседник Афанасий Пушкин тоже говорит о доносах слуг: «Легко ль, скажи! Мы дома, как Литвой, / Осаждены неверными рабами: / Всё языки, готовые продать, / Правительством подкупленные воров. / Зависим мы от первого холопа, / Которого захочем наказать» [Пушкин 2009: 38]. И действительно, уже в следующей сцене («Царские палаты») Семен Го-

дунов докладывает царю о дворецком князя Василия и слуге Пушкина, пришедших «с доносом» [Пушкин 2009: 40]. А повторяющиеся в репликах разных героев факты убеждают читателя в их подлинности. Например, о доносах рассказывает Самозванцу также пленный московский дворянин Рожнов: «На площади, где человека три / Сойдутся, – глядь – лазутчик уж и вьется, / А государь досужною порою / Доносчиков допрашивает сам» [Пушкин 2009: 73]. Так – как бы независимо от автора – формируется облик эпохи, отличительной особенностью которой стала жесткая внутренняя политика, поощряющая шпионов и доносчиков.

Сходный прием использует поэт и в характеристиках действующих лиц пьесы: то, что мы слышим о некоторых героях из уст других персонажей, подтверждается их поступками. Скажем, Шуйский часто ведет себя именно как «лукавый царедворец». Поведение Самозванца в сцене «Краков. Дом Вишневецкого» соответствует тому, что мы узнаем о нем из монолога Афанасия Пушкина еще до появления лжецаревича перед зрителями: «Да слышно, он умен, приветлив, ловок, / По нраву всем. Московских беглецов / Обворожил. Латинские попы / С ним заодно» [Пушкин 2009: 37]. При этом автор как бы устраняется из пьесы, позволяя героям действовать самостоятельно.

Стремление поэта к максимальной объективности изображаемого определяет еще одну важную особенность драматической структуры его пьесы – соединение сцен, раскрывающих одно и то же событие с позиций разных персонажей¹¹. Так, избрание Бориса Годунова и его виновность в убийстве царевича Димитрия показаны в восприятии Шуйского, Пимена и самого Годунова, а также с народной точки зрения. Первые четыре сцены трагедии выражают взгляд Шуйского на происходящее: первая – непосредственно, в ней он объясняет поведение Годунова Воротынскому и предсказывает исход ситуации; следующие три – опосредованно: события развиваются по предсказанному Шуйским сценарию. В то же время в сценах «Красная площадь» и «Девичье поле. Новодевичий монастырь» дается и народное восприятие ситуации с избранием Бориса. Таким образом, происходит своеобразное «наложение» точек зрения разных персонажей. Из сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» мы узнаем об отношении Пимена к преступлению Бориса Годунова и его восшествию на престол (а это отсылает нас к рассказу Шуйского о совершенном Борисом злодеянии). Седьмая сцена пьесы («Царские палаты») – взгляд Годунова на собственное правление и убийство Димитрия. В сложном переплетении разных точек зрения и нравственных оценок, накладывающихся друг на друга, и рождается подлинно глубокое авторское видение и исторической ситуации, и характеров участвующих в ней лиц.

Исходя из представления о задаче драматического поэта («глубокое, добросовестное», беспристрастное постижение истины [Пушкин 1937–1959, 11: 181]), Пушкин не становится на сторону ни одного из персонажей. Как автор пьесы, он занимает позицию историка, который должен верно (опираясь на документальные источники – прежде всего летописи) описать события минувшего, – но историка, художественно исследующего действительность, учитывающего все многообразие связей и взаимовлияний, ракурсов, мнений и обстоятельств, раскрывающего характеры героев в их сложности и неоднозначности и позволяющего событиям развиваться естественно. При этом слова и поступки персонажей, их участие в событиях определяются логикой их характеров, внутренними психологическими и целевыми стимулами, законами общения, а не авторской волей. Вероятно, это и превращает пушкинскую трагедию в такое произведение, которое воспринимается «как сама внелитературная реальность, не переставая <...> быть литературой» [Лотман: 444].

Примечания

¹ Ср. с суждением о Байроне в черновом письме к Н.Н. Раевскому-сыну (после 19 июля 1825 г.) [Пушкин 1937–1959, 13: 197 (оригинал по-французски), 541 (перевод)]. Кроме того, в письме к П.А. Плетневу от 4–6 декабря 1825 г., отзываясь о Б.М. Федорове (в связи с образом юродивого в его романе «Князь Курбский»), поэт иронически замечает: «И он байроничает, описывает самого себя!» [Пушкин 1937–1959, 13: 249].

² В одной из заметок цикла «Table-talk» (1835–1836) Пушкин сопоставляет характерологические принципы Мольера и Шекспира. Если герои первого скорее условные маски, чем живые лица, «типы такой-то страсти, такого-то порока» [Пушкин 1937–1959, 12: 159], то шекспировские персонажи – «существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков» [Пушкин 1937–1959, 12: 159], раскрывающие свои разнообразие и сложные характеры в ходе действия.

³ «Шексп.<иру> я подражал в его вольном и широко изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов» [Пушкин 1937–1959, 11: 140].

⁴ С.М. Бонди приводит суждение П.А. Вяземского из его письма жене от 12 мая 1828 г. об авторском присутствии в «Борисе Годунове» (правда, ошибочно называя адресатом А.И. Тургенева) [Бонди: 197]: «Вообще истина удивительная, трезвость, спокойствие. Автора почти нигде не видишь. Перед тобою не куклы на проволоке, действующие по манию закулисного фокусника» [Пушкин в неизданной переписке: 79].

⁵ Некоторые авторы, напротив, отказывают Пимену в объективности и непогрешимости «нравственного чутья» (см., в частности: [Баранов: 23–26; Эмерсон: 136–141; Екуч: 26–28]).

⁶ Пятой – в старом академическом издании сочинений Пушкина [Пушкин 1937–1959, 7], четвертой – в новом [Пушкин 2009], где в текст не включена сцена «Девичье поле. Новодевичий монастырь».

⁷ В новом академическом собрании сочинений поэта [Пушкин 2009] – шестнадцатой.

⁸ Последние два упоминания приводит Г.О. Винокур в комментарии к пушкинской пьесе. См.: [Винокур: 286].

⁹ О том, что юродивый был не только «актером», нуждающимся в зрителях, но и «режиссером», активно вовлекающим толпу в разворачивающееся действие, см., например, в работе А.М. Панченко [Лихачев, Панченко: 109–110].

¹⁰ По мнению текстологов, план, наряду с подготовительными заметками и черновыми автографами первых четырех и начала пятой сцены, был записан между 29 ноября и 31 декабря 1824 г. [Пушкин 2009: 573].

¹¹ О том, что одно и то же событие у Пушкина показывается «в следующих друг за другом сценах и с разных точек зрения», писала У. Екуч [Екуч: 24]. Однако, по ее мнению, события в «Борисе Годунове» освещаются «главным образом не в их событийности, а из определенной перспективы заранее структурированного, осмысленного текста как вариант истолкования» [Екуч: 25], и, соответственно, история в трагедии предстает как «оформленный, рассказанный, тенденциозный текст, как интерпретация одного события» [Екуч: 28].

Список литературы

Источники

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Санкт-Петербург: Наука, 2009. Т. 7. 1069 с.

Исследования

Агранович С.З. Образ Юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Содержательность форм в художественной литературе: межвуз. сб. Куйбышев: КГУ, 1989. С. 27–44.

Баранов С.Ю. «Мнение народное» и «народная молва» в драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Образы и темы русской литературы. Вологда: Русь, 1998. С. 3–68.

Бонди С.М. О Пушкине: Статьи и исследования. Москва: Худож. лит., 1978. 477 с.

Бройтман С.Н. Историческая поэтика. Москва: РГГУ, 2001. 418 с.

Винокур Г.О. Собрание трудов: Комментарии к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. Москва: Лабиринт, 1999. 416 с.

Городецкий Б.П. Драматургия Пушкина. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1953. 360 с.

Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. Москва: Гослитиздат, 1957. 416 с.

Екуч У. Жанр и историческая концепция в драме Пушкина «Борис Годунов» // Пушкин и русская драматургия. Москва: Диалог-МГУ, 2000. С. 20–31.

Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. Москва: Просвещение, 1972. 111 с.

Красухин Г.Г. Пушкин: драматические произведения. Москва; Самара: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 104 с.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Ленинград: Худож. лит., 1971. 414 с.

Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Ленинград: Наука, 1976. 205 с.

Лотман Ю.М. Пушкин. Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 1995. 845 с.

Мотеюнайте И.В. Восприятие юродства русской литературой XIX–XX веков. Псков: [б. и.], 2006. 304 с.

Тихомиров Е. Юродивые Христа ради и их благотворная для общества деятельность // Душеполезное чтение. 1884. Ч. 3. С. 98–114.

Эмерсон К. «Борис Годунов» А.С. Пушкина // Современное американское пушкиноведение: сб. ст. Санкт-Петербург: Акад. проект, 1999. С. 111–152.

Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) / публ. К. Богаевской, Л. Добровольского, В. Ерофеева и др. // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Москва: Изд-во АН СССР, 1952. С. 3–154. (Лит. наследство. Т. 58).

References

Agranovich S.Z. *Obraz iurodivogo v tragedii A.S. Pushkina “Boris Godunov”* [The image of the Holy Fool in the tragedy of A.S. Pushkin “Boris Godunov”]. *Soderzhatel’nost’ form v khudozhestvennoi literature: mezhvuz.* sb. [Content of forms in fiction: interuniversity collection]. Kuibyshev, KGU Publ., 1989, pp. 27–44. (In Russ.)

Baranov S.Iu. “Mnenie narodnoe” i “narodnaia molva” v drame A.S. Pushkina “Boris Godunov” [“People’s opinion” and “Popular rumor” in A.S. Pushkin’s drama “Boris Godunov”]. *Obrazy i temy russkoi literatury* [Images and themes of Russian literature]. Vologda, Rus’ Publ., 1998, pp. 3–68. (In Russ.)

Bondi S.M. *O Pushkine: Stat’i i issledovaniia* [About Pushkin: Articles and research]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1978, 477 p. (In Russ.)

Broitman S.N. *Istoricheskaia poetika* [Historical poetics]. Moscow, RGGU Publ., 2001, 418 p. (In Russ.)

Ekuch U. *Zhanr i istoricheskaia kontseptsiiia v drame Pushkina “Boris Godunov”* [Genre and historical con-

cept in Pushkin’s drama “Boris Godunov”]. *Pushkin i russkaia dramaturgiia* [Pushkin and Russian drama]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 2000, pp. 20–31. (In Russ.)

Emerson K. “Boris Godunov” A.S. Pushkina [“Boris Godunov” by A.S. Pushkin]. *Sovremennoe amerikanskoe pushkinovedenie: sb. st.* [Contemporary American Pushkin studies: collection of articles]. Saint Petersburg, Akad. Proekt Publ., 1999, pp. 111–152. (In Russ.)

Gorodetskii B.P. *Dramaturgiia Pushkina* [Pushkin’s dramaturgy]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1953, 360 p. (In Russ.)

Gukovskii G.A. *Pushkin i problemy realisticheskogo stil’ia* [Pushkin and the problems of realistic style]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957, 416 p. (In Russ.)

Korman B.O. *Izuchenie teksta khudozhestvennogo proizvedeniia* [Studying the text of a work of art]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972, 111 p. (In Russ.)

Krasukhin G.G. *Pushkin: dramaticheskie proizvedeniia* [Pushkin: dramatic works]. Moscow, Samara, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 2004, 104 p. (In Russ.)

Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian literature]. Leningrad, Khudozh. lit. Publ., 1971, 414 p. (In Russ.)

Likhachev D.S., Panchenko A.M. “Smekhovoi mir” *Drevnei Rusi* [“The Laughing World” of Ancient Rus’]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 205 p. (In Russ.)

Lotman Iu.M. *Pushkin* [Pushkin]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb. Publ., 1995, 845 p. (In Russ.)

Moteiunaite I.V. *Vospriiatie iurodstva russkoi literatury XIX–XX vekov* [Perception of foolishness by Russian literature of the 19th–20th centuries]. Pskov, 2006, 304 p. (In Russ.)

Pushkin v neizdannoi perepiske sovremennikov (1815–1837) [Pushkin in the unpublished correspondence of his contemporaries (1815–1837)], ed. by K. Bogaevskaia, L. Dobvol’skii, V. Erofeeva et al. *Pushkin. Lermontov. Gogol’* [Pushkin. Lermontov. Gogol’]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1952, pp. 3–154. (Lit. nasledstvo. T. 58.). (In Russ.)

Tikhomirov E. *Iurodivye Khrista radi i ikh blagotvornaia dlia obshchestva deiatel’nost’* [Fools for Christ’s sake and their beneficial activities for society]. *Dushepoleznoe chtenie* [Soulful reading], 1884, vol. 3, pp. 98–114. (In Russ.)

Vinokur G.O. *Sobranie trudov: Kommentarii k “Borisu Godunovu” A.S. Pushkina* [Collection of works: Comments on “Boris Godunov” by A.S. Pushkin]. Moscow, Labirint Publ., 1999, 416 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 22–28. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 22–28. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN MOSZES

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-22-28>

«БОРИС ГОДУНОВ» А.С. ПУШКИНА В ОЦЕНКЕ «РУССКОГО ИНВАЛИДА» И «ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИБАВЛЕНИЙ К РУССКОМУ ИНВАЛИДУ» А.Ф. ВОЕЙКОВА

Никитина Динара Маратовна, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, acizmexx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5892-5941>

Аннотация. В статье на материале редактируемых А.Ф. Воейковым газет «Русский инвалид» и «Литературные прибавления к Русскому инвалиду» описаны суждения о трагедии «Борис Годунов» А.С. Пушкина, появившиеся с 1831 по 1836 г. Фронтальное, последовательное изучение критических статей и полемических материалов в этих изданиях показывает, что Воейков, услышавший впервые фрагмент из трагедии в 1826 г. и восторженно отзывавшийся о нем, к выходу полного текста трагедии из печати в 1830 г. также отнесся сочувственно. Как редактор Воейков выразил стремление оказать журнальную поддержку новому произведению поэта. Как критик он высоко оценил «Бориса Годунова», поставил его в один ряд с другими разножанровыми произведениями Пушкина, в том числе получившими высокую оценку в критике, определил его как одно из значимых достижений отечественной словесности и «образец русской трагедии». Появившиеся в печати критические суждения Воейкова о произведении косвенно подтверждаются сохранившимся ответным письмом к нему И.А. Вельяминова.

Ключевые слова: А.Ф. Воейков, А.С. Пушкин, «Русский инвалид», «Литературные прибавления к Русскому инвалиду», «Борис Годунов».

Для цитирования: Никитина Д.М. «Борис Годунов» А.С. Пушкина в оценке «Русского инвалида» и «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» А.Ф. Воейкова // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 22–28. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-22-28>

Research Article

BORIS GODUNOV OF A.S. PUSHKIN EVALUATED BY A.F. VOEYKOV'S RUSSKY INVALID AND LITERARY SUPPLEMENT TO RUSSKY INVALID

Dinara M. Nikitina, Candidat of Philology, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, acizmexx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5892-5941>

Abstract. The article describes the opinions on the tragedy Boris Godunov by A.S. Pushkin, which appeared from 1831 to 1836 in Russky Invalid and Literary Supplements to Russky Invalid by A.F. Voeykov. A frontal, consistent study of critical articles and polemical materials in these publications shows that Voeykov, who first heard an excerpt from the tragedy in 1826 and enthusiastically responded to it, sympathized with the release of the full text of the tragedy from print in 1830. As an editor, Voeykov expressed his desire to provide the magazine with support for the poet's new work. As a critic, he highly appreciated Boris Godunov, put it on a par with Pushkin's other works, including those that were highly praised by critics, and identified Boris Godunov as one of the significant achievements of Russian literature and an example of Russian tragedy. Voeykov's critical judgments about the work that appeared in press are indirectly confirmed by I.A. Velyaminov's surviving response letter to him.

Keywords: A.F. Voeykov, A.S. Pushkin, Russky Invalid, Literary Supplement to Russky Invalid, Boris Godunov.

For citation: Nikitina D.M. Boris Godunov of A.S. Pushkin evaluated by A.F. Voeykov's Russky Invalid and Literary Supplement to Russky Invalid. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 22–28 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-22-28>

Трагедия «Борис Годунов» А.С. Пушкина, как известно, имела непростую судьбу. Работа над произведением велась в михайловской ссылке (1824–1826) и была завершена в ноябре 1825 г., однако из-за цензурных препятствий текст полностью вышел в свет лишь в конце декабря 1830 г. (см. подробно: [Лотман, Виरोлайн: 138–144]).

По прочтении трагедии Пушкиным в узком кругу знакомых в Москве (см. подробно: [Городецкий: 196–201]) и по появлению в печати отдельных сцен «Борис Годунов» (см., например: [Эро: 195; Булгарин 1828; Шевырев: 68–69]) в целом был встречен положительно. Но после выхода полного текста трагедия была принята критикой очень сдержанно. «Борис Годунов», который, по сути, стал «результатом глубоких размышлений Пушкина над природой так называемой “классической” и “романтической” поэзии, над специфичностью драматического рода, над проблемой “народности” литературы и ознаменовал решительный разрыв поэта с предшествующей драматической традицией» [Ларионова: 5], в целом, за исключением пушкинского окружения, не был понят современниками – они не были готовы к обсуждению тех проблем, которые поэт поставил перед отечественной словесностью. По справедливому замечанию Н.В. Гоголя, последние поэмы Пушкина и его «Борис Годунов» не были оценены по достоинству, «по крайней мере печатно нигде не произнеслась им верная оценка и они остались доныне нетронуты» [Гоголь: 94].

Критики сетовали на жанровую неопределенность произведения, неуместность чередования поэтического и прозаического текстов, на отступление от исторической правды, отмечали неправдоподобность отдельных сцен, лексическую несообразность и т. д. Один из рецензентов, В.Н. Олин, и вовсе вынес Пушкину приговор: «поэтическая звезда его закатилась совершенно с появлением на литературном горизонте “Бориса Годунова”» [Олин: 24].

Обсуждение трагедии было актуально на протяжении долгого времени. Большинство значительных критических откликов на произведения Пушкина, появившихся с 1831 по 1833 г., были посвящены «Борису Годунову»: в 1831 г. объектом критики преимущественно была трагедия, в 1832 г. вышло «Обозрение русской литературы» И.В. Киреевского, в 1833 г. появились два больших материала – статья «Борис Годунов» Н.А. Полевого и рецензия Е.Ф. Розена в «Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands» («Дерптских ежегодниках литературы, статистики и искусства, в особенности России») на немецком языке. В 1830-е гг. критика обращалась к трагедии и в связи с выходом других произведений Пушкина, и в связи с обсуждением достижений и актуальных задач отечественной литературы.

Не обошли вниманием «Бориса Годунова» и газеты А.Ф. Воейкова: в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» вышел перевод вышеназванной рецензии Розена, а также две статьи, содержащие оценку трагедии; кроме того, суждения о произведении появились на страницах «Русского инвалида» и «Литературных прибавлений» в виде упоминаний и коротких высказываний.

Впервые с «Борисом Годуновым» Воейков познакомился в 1826 г. 22 ноября в письме В.М. Перевощикову, в то время профессору русской словесности в Дерптском университете, литератор поделился своими впечатлениями о накануне услышанном им произведении. Он отметил новаторскую роль трагедии и ее эстетические достоинства: «Вчера услышал я трагедию “Борис Годунов”, сочинение» А.С. Пушкина. Это чудо, это образец силы, ужаса, высокого и великого! Русь ничего не имела подобного в драматическом роде. Прочтите сии строки поэту Языкову, он затрепещет от восторга и соревнования. Между прочим Лжедмитрий говорит нареченной своей невесте Маринке:

Тень Иоаннова меня усыновила,
Димитрием меня из гроба нарекла!»

[Воейков 1890: 92].

Остается неясно, какой именно фрагмент трагедии слышал Воейков. По предположению Н.А. Гарховой, «Борис Годунов» мог быть прочитан в Петербурге со списка, сделанного М.П. Погодиным в Москве и отправленного Д.В. Веневитинову в столицу [Летопись 2: 663]. Здесь имеется в виду предназначенная для публикации в «Московском вестнике» сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» [Пушкин: 3–10], которую Пушкин отдал в первый номер журнала и которую Погодин по ошибке направил как драматическое произведение в Петербургский цензурный комитет (для прохождения театральной цензуры), а не в Московский (в общую цензуру) [Летопись 2: 200, 202–203]. Однако, как мы видим из письма Воейкова Перевощикову, литератор цитировал строчки из другой сцены – «Ночь. Сад. Фонтан», потому непонятно, слышал Воейков только эту сцену или какие-либо еще. Как бы то ни было, исследование этого вопроса требует отдельных разысканий, поэтому не будем останавливаться на нем.

В «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» вышел ряд материалов, посвященных «Борису Годунову» или в том или ином виде содержащих оценку трагедии. Самые крупные из них – это вышеупомянутый перевод рецензии Розена, появившийся в «Дерптских ежегодниках»; отзыв об исторической драме «Россия и Баторий» Розена, которую рецензент противопоставляет «Борису Годунову» Пушкина; наконец, отклик на немецкий перевод трагедии, осуществленный Карлом Кноррингом.

Перевод с немецкого розеновской статьи, подготовленный А. Савицким, появился в «Литературных прибавлениях» под названием «Мнение барона Е.Ф. Розена о драме А.С. Пушкина Борис Годунов» лишь спустя три года после выхода из печати самой трагедии. Однако, как установил Н.В. Куц, изначально этот развёрнутый отклик, написанный Розеном, но после переработанный им и сначала переданный в «Литературную газету», а после, из-за ее закрытия, в «Дерптские ежегодники», предназначался именно для «Литературных прибавлений» Воейкова. Редактор газеты ждал эту рецензию еще в начале 1831 г. и, пока выход произведения был литературной новостью, поторапливал автора, планируя поскорее ее опубликовать. 24 февраля 1831 г. рецензия была окончена, однако буквально через несколько дней между Розеном и Воейковым произошел разрыв отношений, и редактор «Литературных прибавлений» так и не получил статью [Куц: 60–61, 64–65], хотя в дальнейшем Розен периодически давал в газету разные литературные материалы.

После выхода «Бориса Годунова» 22–23 декабря 1830 г. в течение января поочередно в печати вышли отзывы о трагедии А.А. Дельвига, М.А. Бестужева-Рюмина, М.А. Яковлева, В.Н. Олина, В.П. Бурнашева, П.Г. Волкова. Содержание этих откликов, как и оценка произведения, были разными. Еще не высказал своего мнения Н.А. Полевой, чью реакцию в целом можно было бы предсказать по критическому отношению к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, на которую ориентировался Пушкин при работе над своей трагедией и автору которой поэт посвятил свое произведение. Не было откликов «Северной пчелы», с редактором которой – Ф.В. Булгариным – из-за полемики вокруг его романов и в связи с выходом «Литературной газеты» (1830–1831 гг.) в конце 1820-х – начале 1830-х у Пушкина произошел литературный разрыв [Гиппиус: 251–267], и Булгарин стал «едва ли не основным литературно-общественным противником Пушкина» [Киселева: 493], что сказало на отзывах о пушкинских произведениях в «Северной пчеле» (см., например: [Булгарин 1830; Повести]). Как нам кажется, интерес Воейкова в том, чтобы в его газете вышла рецензия на «Бориса Годунова», и стремление напечатать ее поскорее связаны не только с желанием осветить выход литературного произведения, как предполагает Куц, но и с намерением выразить журнальную поддержку Пушкину, чей гений Воейков считал несомненным и чье творчество неизменно высоко оценивал (см.: [Оксман]).

К слову, на один из появившихся в январе 1831 г. отзывов о «Борисе Годунове» Воейков косвенно ответил. В ноябре 1831 г. в журнале «Гирлянда» (цензурное разрешение от 21 ноября 1831 г.) М.А. Бестужева-Рюмина вышло объявление о подписке на 1832 г.

на его же газету «Северный Меркурий» [Объявление]. В ответ на это объявление в «Литературных прибавлениях» в разделе «Пересмешник» появилась статья без подписи «Объявления», в которой в насмешливом тоне, вероятно, сам Воейков – постоянный автор «Пересмешника» и в 1830-е гг. журнальный оппонент Бестужева-Рюмина – обыгрывал материал, появившийся в «Гирлянде». Среди прочего, он неявно отослал читателей к обещанию «Северного Меркурия» написать подробный отзыв о «Борисе Годунове», которое не было исполнено: «...мы решаемся читать оное не иначе, как по десяти страниц на день, руководствуясь в сем случае известною пословицею: *хорошего понемногу!* Чтение это начнем с 1 сего января: по прочтении, немедленно изложим мысли наши о достоинстве *Бориса Годунова* и постараемся изобразить в полноте то впечатление, которое будет в нас произведено» [Смесь: 8]. «Литературные прибавления» отметили, что выбранные «Северным Меркурием» для критического анализа произведения не обладают художественной ценностью, а уровни компетентности и профессионализма критиков не позволяют им разобрать столь высокохудожественные произведения, к разряду которых причислен «Борис Годунов» Пушкина: «В библиографии своей критической газеты не станет издатель разбирать таких книг, как *Борис Годунов, Царствование Царя Алексея Михайловича, Рославлев, Последний Новик, Удивительный человек* и им подобных: он этого не сумеет. Вместо того, он ревностно займётся критикою творений *Александра Орлова, Александра Степанова, Николая Фомина, Владимира Филимонова, Петра Мошкова, Иринарха Завалишина* и иных многих поэм, од, трагедий, стансов и водёвилей этого же разбора» [Объявления: 730].

Между тем Розен высоко оценивал «Бориса Годунова». В письме от 19 июля 1831 г. С.П. Шевыреву он поделился своими впечатлениями от реакции критики на трагедию и высказал причину, побудившую его откликнуться на выход произведения: «Вышел Борис Годунов Пушкина, и никто из критиков-самозванцев не умел оценить этого прекрасного творения! Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкий смех – вот чем приветствовали Годунова, творец коего, во времена Петрарки и Тасса, был бы достоин торжественного в Капитолии коронования. За отсутствием лучших критиков, я написал рецензию Годунова, которая будет печатана в Литературной газете, издаваемой Сомовым» [Из бумаг: 47].

Позднее, в феврале 1832 г., в «Литературных прибавлениях» вышла статья «Нечто о литературном предприятии г. Фон Кнорринга», написанная Розеном и опубликованная под псевдонимом Ксенократ Луговой (атрибуцию см.: [Вацуро: 342]). В отзыве обсуждается предпринятый Кноррингом немецкий перевод нескольких произведений, в том числе и «Бори-

са Годунова», вышедших во втором выпуске издания «Russische Bibliothek für Deutsche» («Русская библиотека для немцев»). В этом отзыве Розен не только дает высокую оценку «Борису Годунову», но и описывает достоинства поэтического языка Пушкина: «*Борис Годунов* другое дело! Сие совершеннейшее произведение русского Парнаса будет классическим творением и на немецком языке, если оно переведется человеком, хорошо знающим не только русский язык, но и древности русские, умеющим ценить пленительный язык этой драмы, и вполне передать все особенности оною. Что мы видим у г. *Кнорринга?* Быстрый, плавный, среброзвучный стих *Пушкина* в немецком переводе хромает и бьется и курлыкает, как подстреленный журавль; скрипит, как немазаное колесо. <...> Однако же, что скажут немцы о нашем *Борисе Годунове*, если прочтут жалкий перевод г. *Кнорринга?*» [Розен: 130–131].

Отношение Розена к «Борису Годунову», как нам думается, Воейкову было известно, и в целом в оценке трагедии оба литератора были солидарны.

Вместе с тем название, данное переведенной розеновской статье из «Дерптских ежегодников» в 1834 г. и напечатанной в «Литературных прибавлениях» – «Мнение барона Е.Ф. Розена о драме А.С. Пушкина *Борис Годунов*» – все же говорит о некой дистанцированности от этого мнения редактора газеты. Не во всем Воейков был согласен с автором статьи. Особенно это прослеживается по отзыву о розеновской драме «Россия и Баторий» анонимного автора (Н.А. Тархова предположила, что под псевдонимом Пп мог скрываться Воейков [Летопись 4: 149]), который полемизирует с замечаниями Розена, высказанными в рецензии на «Бориса Годунова».

В рецензии о «Годунове» Розен указывает на то, что «в таком виде, как автор ведет катастрофу, драма распадается на части, кои слабо связываются идею карающей *Немезиды*» [Мнение: 15]. Критик считает большим недостатком то, что многие действия героев в трагедии не объяснены никакими причинами: «Нигде не связывает судьба нитей своей ужасной ткани с свободными делами человека; мы нигде не находим трагических побудительных причин! *Годунов* теряет любовь народа неизвестно за что: ибо, уничтожение *Юрьева* дня слишком мало важная причина! За что преследует он знатнейших бояр и слушает наветников? Он говорит: “Предчувствую небесный гром и горе!” Сие предчувствие могло быть только побуждением к совещаниям с кудесниками! *Отрепьев*, который измлада только шатался по разным обителям, и коему следственно не в одиноком углублении в бездны духа открывается мир сверхъестественный – избирается во мстители за *Димитрия*, посредством *бесовского* сновидения. Мы не видим, каким образом ослепляет он народ, и приводит в исполнение

свое исполинское предприятие! *Басманов*, вопреки своему историческому характеру (что мы ниже сего объясним) падает с войском к стопам обманщика; все делается для того только, что *быть потому!* История объясняет нам сие обстоятельство просто и весьма естественно: *из любви к детям* своим, и из боязни, чтобы некоторые князья *Рюриковой* крови не вздумали когда-нибудь оспаривать престола у сына его, *Годунов* преследует и мучит знатнейшие семейства, не доверяет и народу, преданному некоторым из сих князей; уничтожает древний обычай являться к народу в известные дни и часы и своеручно принимать челобитные; удаляется от подданных и обращает их к духу *Димитрия*. Ропот на *Годунова* утверждает народную веру в Самозванца. *Григорий Отрепьев* находился писцом при патриархе *Иове*, и неоднократно имел случай быть при дворе и видеть блеск и роскошь царскую: таким образом, гораздо естественнее объясняется его стремление к светским наслаждениям и мирскому величию – именно то, что соделывает его способным быть орудием судьбы! Если вспомним еще, сколь гнусно он в последствии поступал с прекрасною дочерью *Годунова* (которая для того и не разделила участи брата и матери): то мы, даже с историческою вероятностью можем допустить в нем тайную бурную страсть, которая была бы сильным трагическим мотивом. Семейство *Годунова* невинно – причина внутренних раздоров в государстве и обрекается в жертву! Из сих намеков усматривается, как легко мог автор согласить моральную свободу с сверхъестественною необходимостью!» [Мнение: 15].

С этими замечаниями рецензент драмы «Россия и Баторий» не согласен. Он считает, что поэт волен жертвовать исторической правдой и фактами в угоду художественному замыслу: «Правда, очерки в пьесе А.С. *Пушкина: Борис Годунов*, слишком легки; предмет этот требует рамы обширнейшей. Но рука А.С. *Пушкина* верна: он поэт в полном смысле. Поэзия не должна обращаться в историю, писанную стихами; не все изображать, что известно о герое драмы. Она здесь и там рвет одни цветы, не столько высказывает, сколько заставляет мечтать читателя. Она не наука, а наслаждение ума. В трилогии: *Борис Годунов*, обширнейшего объема, чем пьеса А.С. *Пушкина*, должны быть только легкие, поэтические очерки, а не непрерывное повествование, тип именно пьесы А.С. *Пушкина*, а не истории Н.М. *Карамзина*» [О драме: 103–104]. В то же время рецензент считает, что с исторической точки зрения Борис Годунов Розена получился более верным, нежели у Пушкина: «*Борис* исторический навсегда останется уделом поэтов. Кто теперь станет описывать его поэтически, тот или повторит очерк барона *Розена*, или создаст мечту, неверного *Бориса. Годунов* барона *Розена*, один на одного, поборет *Годунова* А.С. *Пушкина!*» [О драме: 94].

Суждения самого Воейкова-критика о «Борисе Годунове» рассыпаны по страницам «Русского инвалида» и «Литературных прибавлений» в виде упоминаний и коротких высказываний, и по этим репликам можно составить представление об отношении журналиста к трагедии.

Воейкову было присуще, говоря о каком-либо литераторе, называть рядом с его именем определенное произведение, таким образом он либо указывал на одно из его известных творений, либо подчеркивал важность этого сочинения, играющего определенную роль в творческой эволюции автора или являющегося значительным достижением отечественной литературы. Так, например, рядом с именем В.А. Жуковского Воейков часто упоминал баллады «Светлана» и «Эолова арфа», стихотворение «Певец во стане русских воинов», переводы Гете и др.; рядом с именем Гоголя – цикл повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», с которыми писатель вошел в русскую литературу, или отдельно «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» – наиболее понравившееся Воейкову произведение из второго цикла повестей Гоголя «Миргород».

С 1831 г. Воейков выделяет из всего пушкинского творчества трагедию «Борис Годунов» и ставит ее в один ряд с другими его произведениями, в том числе получившими высокую оценку современников. В 1831 г. в «Литературных прибавлениях» под известным псевдонимом Алексей Кораблинский Воейков пишет о поэте как о «сочинителе трагедии *Борис Годунов*» [Воейков 1831: 679], в 1836 г. – как о творце «трагедии *Борис Годунов*, поэм *Руслан и Людмила*, *Бахчисарайский фонтан* и *Кавказский пленник*» [Воейков 1836а: 71]. В «Русском инвалиде» в одной из неподписанных библиографических заметок, составленной, как и другие «анонимные» материалы подобного рода, скорее всего, самим Воейковым, о Пушкине говорится как об авторе «*Евгения Онегина*, *Бориса Годунова* и писем *Косичкина*» [Новый журнал: 239].

Характерно также для Воейкова, что, когда он говорил о ценимых им литераторах с разнообразным творческим выражением, он всегда подчеркивал разносторонность их таланта. Так, в 1830-е гг. Воейков отмечал, что Пушкин раскрылся не только на литературном, но и на сатирическом поприще. В «Литературных прибавлениях» в «Пересмешнике», вероятно, сам Воейков, скрывшийся под псевдонимом Владимир Староверов, отметил разносторонность таланта Пушкина и особо выделил достижения поэта как драматурга и сатирика: «Могу смело похвалить в *Литературных прибавлениях* отделение *Пересмешника*: мне *Пушкин* хвалил и даже читал наизусть некоторые места из него, а на приговор того, кто написал *Бориса Годунова* и *Феофилакта Косичкина* нет апелляции» [За Москву: 467].

Подобная мысль прозвучала в «Русском инвалиде» в объявлении о выходе журнала «Современник». Здесь сообщалось, что издателем журнала будет «А.С. Пушкин, автор *Евгения Онегина*, *Бориса Годунова* и писем *Косичкина* – остроумных, язвительных и сильных красноречием здравой логики» [Новый журнал: 239]. И после выхода «Современника» Воейков добавил к перечислению заслуг Пушкина его новое издание, и здесь он упомянул «Бориса Годунова» как «образец русской трагедии»: «Наш первоклассный писатель, дав нам образец русской трагедии, шуточной и рыцарской поэмы, легких сказочек, важной истории, высоких лирических творений, посланий, насмешливых и забавных сатирических статей, хочет еще показать нам образец европейского периодического издания, научить писать книжные разборы без грубости, без оскорбляющей таланты язвительности» [Воейков 1836в: 392].

Воейков не высказывал своих суждений о теории драмы, о проблемах преобразования русского театра. Вместе с тем в 1835 г. на заявление В.Г. Белинского о «незначительности» и «сомнительности существования» [Белинский: 392] русской литературы Воейков предъявил ему длинный список достижений отечественной словесности, в котором среди трагедий указал на «Бориса Годунова» [Воейков 1835: 663].

К 1836 г. «Борис Годунов» для Воейкова – не просто одно из значительнейших произведений Пушкина, это одно из достижений русской литературы, это, повторимся, «образец русской трагедии»: «А.С. Пушкин положил на алтарь муз образцовую трагедию – Борис Годунов. Это лучшая из русских трагедий и лучшее произведение гениального песнопевца» [Воейков 1836б: 102].

Отметим, что свои суждения Воейков высказывал не только в печати, но и в письмах к современникам. В частности, из сохранившегося ответного письма от 3 декабря 1832 г. генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова к Воейкову (сохранилась ли воейковская часть переписки, неизвестно) можно предположить, что литератор не только поинтересовался, знаком ли его корреспондент с «Борисом Годуновым», но и высказал свое отношение к произведению, и эта оценка была положительной. Однако Вельяминов был иного мнения, о чем и сообщил Воейкову: «Весьма Вам благодарен за новости, кои Вы сообщаете мне о нашей словесности, которою, к крайнему моему прискорбию, я почти не имею свободного времени заниматься. Напрасно только Вы называете меня знатоком в оной; напротив того, я в ней большой невежа. Доказательством сему может послужить то, что я Вам откровенно признаюсь, что в *Борисе Годунове* знаменитого нашего А.С. Пушкина я не только не чувствую ничего изящного, но даже ничего изрядного и посредственного»¹.

Итак, «Борис Годунов» – произведение, принятое в целом современниками довольно сдержанно, – был встречен Воейковым с воодушевлением и считался им образцом русской трагедии, одним из значимых достижений русской литературы. Эта трагедия, безусловно, не единственное произведение Пушкина, о котором Воейков говорит как бы вскользь и кратко – таких произведений много, но из разбросанных по периодическим изданиям Воейкова его суждений и высказываний о Пушкине выстраивается наиболее полное представление о взглядах журналиста как на конкретное произведение поэта, так и на его творчество в целом.

Примечания

¹ Вельяминов И.А. Письмо к А.Ф. Воейкову от 3 декабря 1832 г. // РГАЛИ. Ф. 88. Воейков А.Ф. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 2.

Список литературы

Источники

<Белинский В.Г.> О русской повести и повестях г. Гоголя (Арабески и Миргород) // Телескоп. 1835. Ч. 26, № 7. С. 392–417; подпись: *В. Белинский*.

<Булгарин Ф.В.> Евгений Онегин, роман в стихах, глава VII. Сочинение Александра Пушкина. С. П. б. в типографии Департамента народного просвещения, 1830. В малую осьмушку 57 страниц // Северная пчела. 1830. № 35. 22 марта (суббота). <С. 1–4>; № 39. 1 апреля (вторник). <С. 1–3>; без подписи.

<Булгарин Ф.В.> Рассмотрение русских альманахов на 1828 год // Северная пчела. 1828. № 3. 7 января (суббота). <С. 1–3>; № 4. 10 января (вторник). <С. 1–3>; подпись: *Ф. Б.*

<Воейков А.Ф.> Литературная заметка. 1 // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1835. Ч. 20, № 83. 16 октября (среда). С. 662–663; подпись: *А. Кораблинский*.

<Воейков А.Ф.> Литературная заметка. 39 // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1836а. Ч. 21, № 9. 29 января (среда). С. 70–71; подпись: *А. Кораблинский*.

<Воейков А.Ф.> Литературная заметка. 43 // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1836б. Ч. 21, № 13. 12 февраля (среда). С. 102; подпись: *А. Кораблинский*.

<Воейков А.Ф.> Литературная заметка. 78 // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1836в. Ч. 22, № 49 и 50. 17 июня (среда). С. 392–397; подпись: *А. Кораблинский*.

Воейков А.Ф. Письмо к В.М. Перевощикову, 22 ноября 1826 г. // Русский архив. 1890. Кн. 3, № 9. С. 92–93.

<Воейков А.Ф.> Утренняя звезда, литературный альманах, на 1831 год, в Москве, составлений из сочинений Димитрия Сигова // Литературные прибав-

ления к Русскому инвалиду. 1831. Ч. 4, № 86. 28 октября (среда). С. 673–679; подпись: *А. Кораблинский*.

Гиппиус В.В. Пушкин и журнальная полемика его времени // Памяти А.С. Пушкина. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. С. 227–328.

Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 3. Москва: Наука, 2003. С. 90–96.

За Москву! // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1833. Ч. 11, № 59. 26 июля (среда). С. 465–467; подпись: *Природный россиянин, коренной московский житель, Владимир Староверов*.

Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. Кн. 2, № 5. С. 47–87.

Мнение барона Е.Ф. Розена о драме А.С. Пушкина Борис Годунов / пер. с нем. А. Савицкий // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1834. Ч. 13, № 2. 6 января (суббота). С. 12–15; № 3. 10 января (среда). С. 19–23.

Новый журнал // Русский инвалид. 1836. № 60. 7 марта (суббота). С. 239; без подписи.

О драме: Россия и Баторий, соч. барона Розена // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1834. Ч. 13, № 12. 10 февраля (суббота). С. 91–95; № 13. 14 февраля (среда). С. 99–104; № 14. 17 февраля (суббота). С. 107–112; подпись: *Пп.*

<Объявление> // Гирлянда. 1831. Ч. 2. Кн. 28 и 29. <оборот титула>.

Объявления // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1831. Ч. 4, № 93. 21 ноября (суббота). С. 729–731; без подписи.

<Олин В.Н.>. Борис Годунов, сочин. А. Пушкина. С. П. бург, в типографии Департ. Народн. Просвещ. 142 стран. в 8 д. л. 1831 // Колокольчик. 1831. № 6. 20 января (вторник). С. 23–24; подпись: *Олин*.

Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П. С. П. б. 1831, в тип. Плюшара, в 8, XIX. 187 стр. // Северная пчела. 1831. № 255. 10 ноября (вторник). <С. 1–2>; без подписи.

<Пушкин А.С.> Сцена из трагедии Борис Годунов. 1603 год. Ночь. Келья в Чудовом монастыре // Московский вестник. 1827. Ч. 1, № 1. Изящная словесность. Стихотворения. С. 3–10; подпись: *Александр Пушкин*.

<Розен Е.Ф.> Нечто о литературном предприятии г. Фон Кнорринга // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1832. Ч. 5, № 17. 27 февраля (суббота). С. 129–131; подпись: *Ксенократ Луговой*.

Смесь. «Уже несколько лет неутомимая молва...» // Северный Меркурий. 1831. Т. 3, № 1. 2 января (пятница). С. 8; подпись: *Изд.*

<Шевырев С.П.> Обзорение русской словесности за 1827-й год // Московский вестник. 1828. Ч. 7, № 1. С. 59–84; без подписи.

<Эро Э.-Ж.> Критическое обозрение русской литературы, помещенное в Revue Encyclopédique // Московский телеграф. 1827. Ч. 17, № 19. С. 182–197.

Исследования

Вацуро В.Э. Розен Егор (Георгий) Фёдорович // Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь. Т. 5: П–С / гл. ред. П.А. Николаев. Москва: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 341–344.

Городецкий Б.П. Драматургия Пушкина. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 360 с.

Киселева Т.Е. «Северная пчела» // Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827 / под общ. ред. В.Э. Вацуро, С.А. Фомичева. Санкт-Петербург: Гос. Пушк. театр. центр в Санкт-Петербурге, 2001. С. 492–493.

Куц Н.В. Барон Е.Ф. Розен и «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» (1831–1832) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 3. С. 58–69.

Ларионова Е.О. Пушкин и его читатели в 1831–1833 годах // Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833 / под общ. ред. Е.О. Ларионовой. Санкт-Петербург: Гос. Пушк. театр. центр в Санкт-Петербурге, 2003. С. 5–25.

Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. / сост. М.А. Цявловский, Н.А. Тархова. Москва: Слово/Slovo, 1999.

Лотман Л.М., Виrolainen М.Н. «Борис Годунов» // Пушкинская энциклопедия: произведения. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. Вып. 1: А–Д. С. 138–177.

Оксман Ю.Г. <Комментарий к статье «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания»> // Бурнашев В.П. Воспоминания петербургского старожила: в 2 т. / сост., авт. пред., ком. и аннот. указ. имен А.И. Рейтблат. Москва: Новое лит. обозрение, 2022. Т. 2. С. 328–330.

References

Gorodetskii B.P. *Dramaturgiia Pushkina* [Pushkin's Drama]. Moscow, Leningrad, Akad. nauk SSSR Publ., 1953, 360 p. (In Russ.)

Kiseleva T.E. “*Severnaia pchela*” [“Northern Bee”]. *Pushkin v prizhiznennoi kritike: 1820–1827* [Pushkin in lifetime criticism: 1820–1827], ed. by V.E. Vatsuro,

S.A. Fomicheva. Saint Petersburg, Gos. Pushk. teatr. tsentr v Sankt-Peterburge, 2001, pp. 492–493. (In Russ.)

Kuts N.V., Baron E.F. *Rozen i “Literaturnye pribavleniia k Russkomu invalidy”* (1831–1832) [Baron E.F. Rosen and “Literary additions to Russian invalid” (1831–1832)]. *Izvestiia Rossiiskoi Akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], Seriiia literatury i iazyka, 2021, vol. 80, No. 3, pp. 58–69. (In Russ.)

Larionova E.O. *Pushkin i ego chitateli v 1831–1833 godakh* [Pushkin and his readers in 1831–1833]. *Pushkin v prizhiznennoi kritike: 1831–1833* [Pushkin in lifetime criticism: 1831–1833], ed. by E.O. Larionovoi. Saint Petersburg, Gos. Pushk. teatr. tsentr v Sankt-Peterburge Publ., 2003, pp. 5–25. (In Russ.)

Letopis zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina: v 4 t. [Chronicle of the life and work of Alexander Pushkin: in 4 vol.], comp. by M.A. Tsiavlovskii, N.A. Tarkhova. Moscow, Slovo/Slovo Publ., 1999. (In Russ.)

Lotman L.M., Virolainen M.N. “*Boris Godunov*” [“Boris Godunov”]. *Pushkinskaia entsiklopediia: proizvedeniia* [Pushkin encyclopedia: works]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, vol. 1: A–D, pp. 138–177. (In Russ.)

Oksman Iu.G. <*Kommentarii k state “Moe znakomstvo s Voeikovym v 1830 godu i ego piatnichnye literaturnye sobraniia”*> [Commentary on the article “My acquaintance with Voeikov in 1830 and his Friday literary gatherings”>]. Burnashev V.P. *Vospominaniia peterburgskogo starozhila: v 2 t.* [Memories of a St. Petersburg old-timer: in 2 vols.], ed. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe lit. obozr. Publ., 2022, vol. 2, pp. 328–330. (In Russ.)

Vatsuro V.E. *Rozen Egor (Georgii) Fedorovich* [Rosen Egor (Georgy) Fedorovich]. *Russkie pisateli, 1800–1917: biograficheskii slovar* [Russian writers, 1800–1917: biographical dictionary], ed. by P.A. Nikolaev. Moscow, Bolsh. Ross. entsikl. Publ., 2007, vol. 5: P–S, pp. 341–344. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 18.05.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

«МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» В БОЛДИНСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

Пяткин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала «Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского», Арзамас, Россия, nikolas_pyat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

Аннотация. Изучение феномена Болдинской осени в духовно-творческой эволюции А.С. Пушкина невозможно вне пристального внимания к биографическому контексту. Поэт приезжает в свое родовое имение Болдино Нижегородской губернии накануне собственной свадьбы, и его размышления о будущей жизни как женатого человека, стремление найти действенные рецепты семейного счастья во многом определяют идейно-художественное звучание произведений, написанных осенью 1830 г. В настоящей статье эксплицируются и анализируются мотивно-образные доминанты, связанные с темой семьи в болдинском творчестве А.С. Пушкина. В данном свете с опорой на существующие исследования комментируется финальная сцена романа «Евгений Онегин», освещаются развязки в «Повестях Белкина» и характеризуется роль первой пьесы в драматическом цикле «Маленькие трагедии». Указывается, что многогранную полноту «мысли семейной» в творчестве Пушкина Болдинской осени создает художественная репрезентация таких значимых понятий национальной духовной культуры, как Дом и родовая Память. Утверждается, что сосредоточенность на «мысли семейной» в болдинских произведениях обусловлена масштабной переоценкой ценностных ориентиров в духовно-творческом мировидении поэта, стоящего на пороге качественно нового этапа в жизни.

Ключевые слова: Болдинская осень, «Евгений Онегин», «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», семья, дом, родовая память.

Для цитирования: Пяткин С.Н. «Мысль семейная» в болдинском творчестве А.С. Пушкина // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 29–37. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-29-37>

Research Article

“FAMILY THOUGHT” IN PUSHKIN’S BOLDINO WORKS

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philological Sciences, professor of the Chair of Russian Language and Literature of the Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Arzamas, Russia, nikolas_pyat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

Abstract. The study of the phenomenon of the Boldin Autumn in the spiritual and creative evolution of A.S. Pushkin is impossible without close attention to the biographical context. The poet arrives at his family estate Boldino, Nizhny Novgorod Province, on the eve of his own wedding, and his reflections on his future life as a married man, his desire to find effective recipes for family happiness largely determine the ideological and artistic sound of the works written in the fall of 1830. This article explicates and analyzes the motif and image dominants associated with the theme of family in A.S. Pushkin’s works in Boldino. In this light, the final scene of the novel “Eugene Onegin” is commented on, the denouement in “The Tales of Belkin” is highlighted, and the role of the first play in the dramatic cycle “The Little Tragedies” is characterized. It is pointed out that the multifaceted fullness of “Family Thought” in Pushkin’s work of the Boldin Autumn is created by the artistic representation of such significant concepts of national spiritual culture as Home and ancestral Memory. It is argued that the focus on the “Family Thought” in Boldino works is due to a large-scale reassessment of value orientations in the spiritual and creative worldview of the poet, standing on the threshold of a qualitatively new stage in his own life.

Keywords: Boldino Autumn, “Eugene Onegin”, “The Tales of Belkin”, “The Little Tragedies”, family, home, ancestral memory.

For citation: Pyatkin S.N. “Family Thought” in Pushkin’s Boldino Works. Vestnik of Kostroma State University. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 29–37 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-29-37>

31 августа 1830 г. А.С. Пушкин покидает Москву. Его путь лежит в село Болдино Лукояновского уезда Нижегородской губернии. А отправляется он в дорогу в новом для себя статусе – жениха. И эта поездка должна была завершить затянувшиеся предсвадебные хлопоты поэта. А правильнее сказать – денежные хлопоты, ставшие тяжким бременем Пушкина, который всю свою жизнь был далек от материального благополучия и который к тому же обязался, что в те времена было делом неслыханным, дать приданое за собственной невестой. Свадебный подарок отца поэта – часть родового болдинского имения, в котором, кстати сказать, сам поэт ранее никогда не бывал, – во многом позволял ему решить финансовые трудности и открыть путь к долгожданному семейному счастью. Пушкин планирует пробыть в Болдине не более двух недель: по его расчетам, этого времени должно хватить, чтобы, оформив все необходимые документы, стать владельцем имения с пятьюстами душами, которые потом следовало заложить в Опекунский совет.

Пушкин едет в Болдино в смутном и подавленном состоянии. В середине августа умер его любимый дядюшка, поэт Василий Львович Пушкин, в Москве начинается эпидемия холеры, перед самым отъездом Александр Сергеевич рассорился с будущей тещей и, раздраженный, написал своей невесте письмо, в котором возвращал данное ей слово: «Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей, – я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать».

Быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь» (подлинник на фр. яз.) [Пушкин 14: 109].

Пушкин покидает Москву, не зная, жених еще он или уже нет, и не рассчитывая на то, что осень – верная пора его «литературных трудов», как и прежде, подарит ему творческое вдохновение: «Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского» [Пушкин 14: 110]. Кажется, все неминуемо складывается так, что перо поэта будет подчинено «деловой суете», воспроизводя многочисленные описи, прошения, доверенности...

Но, как хорошо известно, в нижегородской глуши Пушкину было суждено в 1830 г. прожить три осенних месяца, освещенных «ослепительно ярким

и ровным огнем вдохновенья» [Грехнев: 3] и подаривших огромную библиотеку литературных шедевров. А сам этот этап в творчестве Пушкина как национально-русское явление вошел в историю мировой культуры под названием Болдинская осень. Изучение феноменологии данного явления – удивительно короткого по времени, но чрезвычайно емкого по содержанию и могучего по силе духовной мысли поэта – одно из самых продуктивных направлений в пушкинистике. Многолетняя исследовательская практика сформировала два аксиоматичных положения, концептуально определяющих место, роль и значение Болдинской осени в творческой эволюции Пушкина. Первое актуализирует идею о том, что именно в болдинский период творчество поэта обретает «новое качество» [Фомичев: 184], для которого характерен процесс «переоценки прежних и поиски новых ориентиров» [Осповат: 26], акт, аналогичный «обряду очищения» [Беляк, Виротайнен: 73], а все произведение «отмечены жадным порывом к восстановлению духовной гармонии» [Грехнев: 5].

Думается, отчетливее всего это положение выражает императивное высказывание русского философа И.А. Ильина, полагавшего, что на рубеже 1830–1831 гг. состоялся окончательный перелом в сознании Пушкина, определивший его новые этические ориентиры и оттенивший старые: «от разочарования – к вере и молитве; от революционного бунтарства – к свободной лояльности и мудрой государственности; от мечтательного поклонения свободе – к органическому консерватизму; от юношеского многолюбия – к культу семейного очага» [Ильин: 339].

Второе положение постулирует идею художественной системности, функциональной целостности творчества болдинской поры, что проявляется в многообразии структурно-системных отношений и содержательно-смысловых связей произведений, созданных осенью 1830 г., во взаимопроникновении и взаимообогащении замыслов и творческих решений [Гукасова; Поддубная; Пяткин 2000 и др.].

Своего рода общим знаменателем для названных положений, в объективности которых трудно усомниться, служит (воспользуемся эффектной формулой Л.Н. Толстого) «мысль семейная», что весьма отчетливо на уровне мотивно-образных доминант эксплицируется в болдинском творчестве Пушкина, где главенствующее место занимает событие *свадьбы*. Оно, генерируя в себе разноплановые художественные вариации «мысли семейной», по сути, является лейтмотивом болдинских писем поэта и находит идейно-эстетическое воплощение во многих его произведениях той поры. От необычной поэтической репрезентации фольклорно-мифологического образа в первом тексте Болдинской осени – «Бесах»: «Ведьму ль замуж выдают...», до россыпи свадебных

историй в «Повестях Белкина». От величественного и жестокого по отношению к Онегину признания Татьяны: «Я вышла замуж. Вы должны / Я вас прошу, меня оставить», до ироничного указания рассказчика в неоконченной «Истории села Горюхина» на семейный уклад жизни горюхинцев: «Мужчины женивались обыкновенно на 13-м году на девицах 20-летних. Жены били своих мужей в течении 4 или 5 лет. После чего мужья уже начинали бить жен...» [Пушкин 8: 136].

Многим памятно остроумное замечание Анны Ахматовой относительно финала главного пушкинского творения: «Чем кончился “Онегин”? – Тем, что Пушкин женился. Женатый Пушкин еще мог написать письмо Онегина, но продолжать роман не мог» [Ахматова: 146].

В своем комментарии Ахматова допускает фактическую неточность (поэт завершит роман 25 сентября 1830 г. будучи *женехом*), видимо, желая подчеркнуть, что в щедрую Болдинскую осень Пушкин уже мыслит, как женатый человек, настойчиво стремящийся угадать в «волнуемом море» «грядущего» благоустроительный исход собственной судьбы, верный рецепт семейного счастья [Пяткин 2021]. Такое ценностно-смысловое содержание биографического контекста последней главы «Евгения Онегина», органично сплавленного с различными литературными аллюзиями, обусловили широкий диапазон научных прочтений финальной сцены романа и в монографических работах [Турбин; Кошелев; Никишов; Викторович и др.], и отдельных статьях [Зуев; Петрова; Даренский; Пимонов и др.]. Обратимся к этой сцене и мы.

Итак, вернувшийся в большой свет из долгих странствий Онегин встречает Татьяну и, кажется, впервые в жизни по-настоящему испытывает чувство любви, которым буквально пропитано каждое слово его письма и в котором не сомневается автор романа: «Евгений / В Татьяну как дитя влюблен...» И, добиваясь встречи с ней, Онегин хочет лишь твердо для себя понять, может ли он рассчитывать на взаимность, остались ли в нынешней Татьяне, «закондательнице зал», хоть крупинки той любви, что она испытывала к нему в деревенской глуши и языком высокой поэзии высказала в своем письме?

Встреча состоялась, и она, как в зеркале, повторила свидание героев в четвертой главе. Только теперь безмолвен Онегин, слушая монолог Татьяны, который каждым словом делает все прозрачнее мечту Евгения о счастье. Заметим, что в болдинской редакции романа отповедь героини более резка и беспощадна:

А нынче! – что к моим ногам
Вас привело? какая малость!
Подите... полно – Я молчу –
Я вас и видеть не хочу! [Пушкин 6: 635].

Однако в завершении своей исповедальной речи Татьяна произносит то, что так страстно желал услышать Онегин: «Я вас люблю (к чему лукавить?)». Но с финальными словами Татьяны счастливое мгновение для Онегина резко сменяется горечью навсегда утраченной надежды:

«...Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

XLVIII.

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражен.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружен!

[Пушкин 6: 188–189]

Образные определения, характеризующие состояние героя, весьма и весьма примечательны; в своей совокупной целостности они являются больше чем психологическим изображением внутреннего мира влюбленного Онегина, отвергнутого Татьяной. Кажется, что сравнение «как будто громом поражен» вполне самодостаточно, чтобы передать тот эффект, который произвела отповедь героини на Онегина. Он обескуражен, ошеломлен настолько, что на время лишается возможности говорить, видеть, слышать, двигаться, реагировать на что-либо. Пожалуй, всех этих представлений, инициируемых оценочным содержанием сравнения, довольно, чтобы передать крайнее потрясение Онегина, вызванное отказом Татьяны. Вместе с тем две идущие друг за другом и взаимосвязанные между собой метафоры («буря ощущений», «сердцем погружен»), включенные в состав риторического восклицания, не просто дополняют картину переживания Онегиным любовной драмы, но и в большей степени призваны передать мощнейший эмоциональный всплеск в сознании героя, в котором внезапно встречаются разнокачественные и разномысленные чувства.

Предельно насыщенная «жизнь сердца» героя контрастирует с его внешней беспомощностью, почти немощностью, объявленной сравнением «как будто громом поражен». Но этот контраст не служит свидетельством двойственности духовного мира Онегина. В данном отношении отнюдь не случайно автор романа, изображая состояние героя, подбирает тропы, основным компонентом которых являются слова-метеонимы – «гром», «буря». Тем самым подчеркивается стихийная внезапность случившегося для Онегина, полностью обесценивающая его богатый жизненный опыт. И такая реакция героя, родственная аффективной, впервые явлена в романном повествовании как нечто исключительное и становящееся значительнее реакции Онегина на роковой выстрел на дуэли. Герой, мучительно переживающий смерть Ленского, все же не теряет самообладания, контролируя – пусть и с трудом – свои чувства:

Убит!.. Сим страшным восклицаньем
Сражен, Онегин с содроганьем
Отходит и людей зовет [Пушкин 6: 132].

Чем же вызваны «гром» и «буря», столь удивительным образом поражающие Онегина? Отказом Татьяны? Нет. Герой, ища встречи с ней, внутренне готов к обоим возможным в данном случае ответам – и да, и нет – на свое признание, доверенное письму.

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Все решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе [Пушкин 6: 181].

Да, сам по себе отказ – категоричное «нет» – может поразить Евгения, питающего надежду на взаимность, как гром. Но откуда здесь взялась «буре ощущений», полностью завладевающей сердцем героя? А она является прямым следствием не отказа Татьяны, а ее объяснением причин этого отказа.

В ценностном мире героини, замужней женщины, первостепенны долг, честь, ответственность перед своей семьей. Им в жертву приносится чувство любви к Онегину. И такой выбор Татьяны *свободен и доброволен*. Героиня «естественно, в соответствии с христианской народной моралью пришла к самоотречению, исполнению морали долга» [Петрова: 306], о чем зримо свидетельствует грамматический строй ее речи, в котором доминируют личные синтаксические конструкции с местоимением «я» в позиции грамматического и семантического субъекта: «Я вышла замуж», «Я прошу», «Я знаю», «Я вас люблю», «Я другому отдана». Поступок Татьяны показывает герою, что существуют «иные ценности, иная жизнь и иная любовь» [Непомнящий: 275], нежели те, которые единственно допускает себялюбивое сердце Онегина и которые, по его разумению, только и могут быть залогом настоящего человеческого счастья.

Жестокие слова Татьяны «Подите... полно – Я молчу – // Я вас и видеть не хочу!» Пушкин через год заменит на другие: «Как с вашим сердцем и умом // Быть чувства мелкого рабом». Такая редакция текста, с одной стороны, сглаживает эмоциональный фон отповеди героини, делая гармонично цельным ее сознание в минуты «тайного свидания» с человеком, которого любит, подчеркивая ее мудрую прозорливость в ситуации, когда решается судьба этого человека¹. С другой стороны, слова Татьяны обнажают суть духовных потенций Онегина, которому пока недоступна настоящая любовь, но только «мелкое чувство», что лишь и может герою «в обществе пренести / ... соблазнительную честь».

В своей отповеди Онегину Татьяна постоянно апеллирует к ключевым смысловым конструктам письма героя, вольно и невольно сопоставляя собственное *слово о любви* с пониманием этого чувства Евгением. Каждый уровень такого сопоставления вы-

являет кардинальные различия в мирозерцательных основах героев. И последнее признание Татьяны («Я вас люблю...») не устраняет этих различий, а парадоксальным для Онегина образом становится их заключительным, резким аккордом, порождая в сердце героя «бурю ощущений», исхода у которой в романе нет.

В сюжете романа, как убедительно показывает В. Непомнящий, художественно объективирована «внутренняя авторская жизнь: в Ленском – ее завершённое прошлое, в Онегине – прошлое продолжающееся, тяготеющее, даже тяготящее, в Татьяне – лелеемый в душевной глубине верный “идеал”» [Непомнящий: 275–276], что обретается Пушкиным в Болдине как фундаментальная нравственная основа будущей семейной жизни поэта.

Исследовательница Л. Вольперт, предлагая новое «окказиональное определение» «Евгению Онегину» – «роман о верной жене», указывает, что «литература... как бы подтверждала возможность осуществления пушкинской мечты о том, что сконструированный им виртуальный “миф” сможет реализоваться в действительности» [Вольперт: 126]. Это суждение, на наш взгляд, верно лишь отчасти. Финал романа подчеркнуто внелитературен, в нем «не срабатывают» книжно-романтические тенденции и стереотипы, характеризующие отечественную словесность начала XIX в. Примечательно, что Пушкин, как об этом свидетельствуют его современники, комментируя завершение «Онегина», демонстративно и с очевидной симпатией указывал на своеволие героини: «Представляете, какую штуку удрала со мной моя Татьяна... замуж вышла...»; «А вы знаете, ведь Татьяна-то моя отказала Онегину и бросила его совсем, этого я от нее никак не ожидал» (цит по: [Вольперт: 118, 125]).

Только за насмешливым удивлением поэта стоит серьезный и высокий смысл, о котором пронизательно говорил Ф.М. Достоевский в своей знаменитой «Пушкинской речи» (1880), отмечая, что в «Евгении Онегине» веско и весомо отражается духовный опыт русского народа с образами «неоспоримой правды», где очевидно живое «соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею» [Достоевский: 434–435].

Подобную картину мы можем наблюдать в цикле «Повести Белкина», первом завершённом эпическом замысле, состоявшемся в Болдине [Пушкин 8: 59–124]. В сюжеты пяти повестей, проникнутых пафосом национальной духовной жизни, искусно вплетена «мысль семейная», которая с наибольшей очевидностью проявляется в развязках. Так, Сильвио, герой повести «Выстрел», на протяжении шести лет вынашивавший идею мести, так и не смог выстрелить в своего обидчика, графа Б***. Увидев и почувствовав, что «вечного любимца счастья» страшит

перед дулом пистолета не смерть, а судьба молодой жены, Сильвио отказывается от своего законного выстрела на дуэли, признавая верховенство суда совести в поединке с графом. Сама же история дуэли становится в повести семейной легендой, напоминающей о безрассудных и легкомысленных поступках, грехах молодости, что могут однажды грозно напомнить о себе и в одночасье разрушить спокойную и благополучную жизнь. Не такие ли поступки в осеннем Болдине перебирает в своей памяти Пушкин, который, как граф, «наслаждается предвкушением семейного счастья – и прислушивается, не подъезжает ли к крыльцу прошлое с пистолетами в руках» [Востриков: 67].

Герои повести «Метель», Владимир и Маша, собираясь венчаться без благословения «жестоких родителей», следуя за первым порывом души, воспитанной на иностранных романах, тем самым умаляют священное таинство брака – основу русской семейственности. И метель у Пушкина, что безжалостно рушит все планы беглецов, становится тем знаком благополучной судьбы, разгадав который можно обрести подлинное счастье. Оно-то и находит в повести Машу и Бурмина. «Непреодолимая преграда», которой каждый из этих героев живет, страдая, все большее и большее затягивает разрешение любовной коллизии. Обвенчанные по воле случая друг с другом и не узнавая друг друга, герои Белкина мучаются и готовы пожертвовать своей любовью ради Слова, данного перед Богом. Четыре года верности как будто никому, но на самом деле Богу и, конечно, самим себе неизмеримо выше их личного счастья. Эта верность испытана и вознаграждена.

Приглашение дочерей к семейному утреннему чаю в повести «Гробовщик» служит спасительной альтернативой для Адрияна Прохорова, пообещавшего накануне «пир горой» своим клиентам – «мертвецам православным», которые, пусть и во сне, приняли это приглашение, чтобы напомнить герою о том, что ничто не забыто на весах высшего правосудия.

Финальная сцена повести «Станционный смотритель», несмотря на острые драматические коллизии, характеризующие ее содержание, восстанавливают духовную целостность в отношении отца, Самсона Вырина, и его дочери Дуни, актуализируя метафизический смысл притчи о блудном сыне. Бегство Дуни из родного дома «осмысляется в качестве освященного», поскольку мы узнаем о счастье героини, ставшей женой и матерью, и «спасении ее души в плачущем покаянии на могиле отца» [Влащенко: 114].

Последняя повесть Белкина – «Барышня-крестьянка» – исключительна в своей реальной бесконфликтности, а все представленные в произведении очаги той или иной конфликтной поляризации воспринимаются как пародирующие интенции на сюжеты преды-

дущих историй. Впервые в «Повестях» личный выбор молодых людей соответствует родительской воле. И лишь затеянный Лизой–Акулиной–Бетси карнавал создает в повествовании мотивированную буколическую интригу, что по большому счету лишь оттеняет искренность чувств героев как прочной опоры семейного союза.

Каждую из повестей, как и весь белкинский цикл в целом, по особенностям нарративной структуры текста, творческому генезису и характеру сюжетосложения в жанровом отношении можно атрибутировать строкой из «Онегина»: «*преданья русского семейства*». Преданья, что изустно передается из поколения в поколение, и тем самым призванное оберегать нравственное здоровье семьи, рода, общества.

В цикле «Маленькие трагедии», что создаются Пушкиным на европейском материале после завершения «Повестей Белкина», мы видим принципиально иную картину. Изображая в драматических сценах кризис западной цивилизации, поэт в первой пьесе обнажает его истоки. В «Скупом рыцаре» сын открыто восстает против отца, а отец против сына. Они сходятся в смертельном поединке за право обладать сундуками с золотом, что для каждого из них неизмеримо ценнее не только рыцарской чести, но и – самое главное – семейных и родовых уз. «“Жестокий век” – метафора эпохи Нового времени у Пушкина разрушает традиционную семью и ведет к одиночеству в рамках семьи» [Башкеева: 23]. И все это закономерно приводит мир «Маленьких трагедий» к едва ли не апокалипсическому состоянию, запечатленному в финальной пьесе цикла – «Пире во время чумы».

В болдинском творчестве Пушкина «семья» как мотивно-образная доминанта и концепт не мыслима без таких значимых понятий отечественной духовной культуры, как Дом и родовая Память. В своей этико-художественной целостности эти понятия во многом определяют многогранную полноту «мысли семейной» у поэта и способствуют органичному воссозданию на страницах болдинской книги естественного и подлинного содержания жизни русского человека, неразрывно связанного с вековыми народными традициями. В кристально чистом виде такой ориентир в творческом мировидении Пушкина запечатлен в стихотворении «Два чувства дивно близки нам...». Оно, оставшееся незавершенным и избыточное многочисленными вариантами и вымарками, в конъектуре одного из пионеров пушкинской текстологии И. Шляпкина получило следующее прочтение:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога Самого,

Самостоянье человека, –
 Залог величия его.
 Животворящая святыня!
 Земля была без них мертва,
 Без них наш тесный мир – пустыня,
 Душа – алтарь без божества [Шляпкина: 20].

Примечательно, что в первой черновой редакции этого стихотворения, как указывает публикатор, были строки «На них основано семейство / И ты к Отечеству любовь», в которых размышления автора «о смысле жизни» оказываются возможными «только при условии любви к родине и родным» [Шляпкина: 21].

Подобное определение, характеризующее суть лирического сюжета текста, характерно и для другого произведения Пушкина, написанного осенью 1830 г., – стихотворения «Моя родословная». Более того, болдинские рукописи поэта (а на это обращает внимание И. Шляпкина) дают основание считать, что их связывает общий авторский замысел.

«Моя родословная» в исследованиях о творчестве поэта получило устойчивую репутацию «стихотворного фельетона» и «поэтического памфлета» (см. об этом, например: [Иоанниди 1999]). Безусловно острая полемическая мысль поэта во многом определяет идейно-эстетическое звучание текста и его художественную структуру. Однако не в меньшей степени в рецепции этого текста важно и авторское пояснение к нему, сделанное в письме к А.Х. Бенкендорфу 24 ноября 1831 г.: «...я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них» (подлинник на фр. яз.) [Пушкин 14: 443].

Выход к «другому образу жизни и образу действий» [Беляк, Виролайнен: 95], ментальное преодоление былых увлечений «всем грандиозным, бунтующим, необычайным» [Дарский] отзываются необычайной густотой образов-воспоминаний в болдинской лирике поэта. Неслучайно большой корпус поэтических текстов устойчиво именуется в пушкинистике «прощальным циклом». В нем оживают призраки недавних и далеких лет, собирая воедино разрозненные части прошлого лирического героя и обращаясь к почти уже стершимся в его памяти сердечным тайнам [Краснов: 12–94]. И вместе с тем лирическое слово обозначает весьма ясные очертания будущей и чаемой поэтом жизни. Здесь стоит обратить внимание на то, как со временем в болдинских произведениях изменяется модальность художественной репрезентации лирическим «я» поэта идеи желанного обретения семьи и дома. В текстах, завершаемых не позднее конца октября 1830 г., такое представление имеет вполне отчетливые иронические коннотации. Вот, к примеру, фрагмент из 8-й главы «Евгения Онегина», что впоследствии станет прило-

жением к роману («Отрывки из путешествия Онегина»), где автор с доброй насмешкой сопоставляет почти состоявшееся настоящее, в котором царит размеренная жизнь простого помещика, и былые, страстные и яркие, романтические фантазии:

Теперь мила мне балалайка
 Да пьяный топот трепака
 Перед порогом кабака.
 Мой идеал теперь – хозяйка,
 Мои желанья – покой,
Да щей горшок, да сам большой.

*

Порой дождливою намедни
 Я, завернув на скотный двор...
 Тьфу! прозаические бредни,
 Фламандской школы пестрый сор!
 Таков ли был я, расцветая?
 Скажи, фонтан Бахчисарая!
 Такие ль мысли мне на ум
 Навел твой бесконечный шум,
 Когда безмолвно пред тобою
 Зарему я воображал
 Среди пышных, опустелых зал...

[Пушкин 6: 200–201].

Шутливым по своей форме является и стихотворение «Дорожные жалобы», несмотря на то, что мечта о домашнем уюте окутана тревожной атмосферой, возникающей за счет нагнетания в тексте многочисленных образов смерти, что поджидает странствующего героя.

В стихотворении со симптоматичным названием «Цыганы», написанном в конце ноября и являющемся своеобразным эпилогом Болдинской осени, элегическое прощание лирического субъекта с прошлым органично сочетается с безыскусным, умиротворенным образом будущего, полностью лишённого иронической тональности:

Завтра с первыми лучами
 Ваш исчезнет вольный след,
 Вы уйдете – но за вами
 Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
 И проказы старины
 Позабыл для сельской неги
 И домашней тишины [Пушкин 3: 264].

Здесь выбор поэта свободен, и он дан в художественном сознании текста как естественное преодоление онтологического порога в собственной судьбе, ведущее к преобразению личности автора.

В Болдине осенью 1830 г. завершается значительный и значимый этап в духовной биографии Пушкина, в котором он – в собственном поэтическом определении – был человеком Дороги («На большой мне, знать дороге / Умереть Господь судил»). Дальше

и в жизни, и в творчестве ему суждено стать человеком Дома и человеком Семьи и определить сакральные смыслы в художественной аксиологии русской литературы.

Примечания

¹ В данном случае стоит принять во внимание и наблюдение В.А. Кошелева, полагающего, что Онегин появляется в доме Татьяны «на Страстной неделе перед Пасхой». «Татьяна читает его письмо – несомненно, готовясь к исповеди и причастию», а «финальное объяснение Татьяны построено... по канонам “страстной” исповедальной проповеди, не допускающей многозначностей и недомолвок» [Кошелев: 183].

Список литературы

Источники

Ахматова А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва: Худ. лит., 1986. 462 с.

Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. Санкт-Петербург: Наука, 1995. 783 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Исследования

Башкеева В.В. От одинокого героя к герою в семье: вектор семьи в творчестве зрелого Пушкина // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2020. № 2. С. 21–26.

Беляк Н.В., Виралайнен М.Н. «Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории: (Судьба личности – судьба культуры) // Пушкин: Исследования и материалы. Ленинград: Наука, 1991. Т. 14. С. 73–96.

Викторович В.А. «Евгений Онегин»: роман читателя. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 268 с.

Влащенко В.И. Печальная повесть о горестной судьбе («Станционный смотритель» Пушкина) // Вопросы литературы. 1998. № 6. С. 94–114.

Вольперт Л. Роман Пушкина о верной жене (К проблеме зарождения гипотезы: «Евгений Онегин» и «Валери» Юлианы Крюденер) // CON AMORE: историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой. Москва: ОГИ, 2010. С. 118–129.

Востриков А.В. Тема «исключительной дуэли» у Бестужева-Марлинского, Пушкина и Лермонтова // Русская литература. 1993. № 3. С. 66–72.

Грехнев В.А. Болдинская лирика А.С. Пушкина. 1830 г. 2-е изд. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1980. 159 с.

Лукасова А.Г. Болдинский период в творчестве А.С. Пушкина. Москва: Просвещение, 1973. 303 с.

Даренский В.Ю. Сюжет духовной «инициации» героев в романе «Евгений Онегин» // Studia

Litterarum. 2019. Т. 4, № 1. С. 214–235. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-214-235>

Дарский Д.С. Маленькие трагедии Пушкина. Москва: Моск. худож. печ., 1915. 72 с. URL: http://az.lib.ru/d/darskij_d_s/text_1915_malenkie_tragedii_olderfo.shtml (дата обращения: 03.06.2024).

Зуев Н. Татьяна и Онегин в эпилоге романа. Опыт медленного чтения // Литература в школе. 1997. № 3. С. 38–47.

Иоанниди И.П. «Моя родословная» А.С. Пушкина (к вопросу об истоках стихотворного фельетона) // Вестник Оренбургского государственного университета. 1999. № 2. С. 11–14.

Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. Москва: Книга, 1990. 527 с.

Кошелев В.А. «“Онегина” воздушная громада...». 2-е изд., перераб. и дополн. Б. Болдино-Арзамас: АГПИ, 2009. 382 с.

Краснов Г.В. Пушкин. Болдинские страницы. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. 224 с.

Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. Т. II. Пушкин. Русская картина мира. Москва: Жизнь и мысль, 2001. 496 с.

Никишов Ю.М. Даль свободного романа: Творческая история «Евгения Онегина». Тверь: Тверской гос. ун-т: Изд-во Марины Батасовой, 2013. 560 с.

Осват Л.С. «Каменный гость» как опыт диалогизации творческого сознания // Пушкин: Исследования и материалы. Санкт-Петербург: Наука, 1995. Т. 15. С. 25–59.

Петрова Л.М. Онегин и Татьяна в финале романа А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 300–307.

Пимонов В.И. Что случилось с Онегиным? Поэтика финала пушкинского романа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. Т. 24, № 85. С. 78–83. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2022-24-85-78-83>

Поддубная Р.Н. Творчество Пушкина болдинской осени 1830 года как проблемно-художественный цикл: сентябрь. Статья первая // Studia Rossika Posnaniensia. 1979. Т. XII. Р. 3–34.

Пяткин С.Н. Функциональная системность болдинского периода творчества А.С. Пушкина, осень 1830 года: дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2000. 188 с.

Пяткин С.Н. Свадебная тема в болдинском творчестве А.С. Пушкина // Болдинские чтения: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2021. С. 12–19.

Турбин В.Н. Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Москва: Изд-во МГУ, 1996. 232 с.

Фомичев С.А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Ленинград: Наука, 1986. 302 с.

Шляпкин И.А. Из неизданных бумаг Пушкина А.С. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 367 с.

References

Bashkeeva V.V. *Ot odinokogo geroia k geroiu v sem'e: vektor sem'i v tvorchestve zrelogo Pushkina* [From lonely hero to hero in family: trend of family in Alexander Pushkin's mature period]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Buryat State University. Philology], 2020, No. 2, pp. 21-26. (In Russ.)

Beliak N.V., Virolainen M.N. «*Malen'kie tragedii*» kak kul'turnyi epos novevropeiskoi istorii: (Sud'ba lichnosti – sud'ba kul'tury) ["Little tragedies" as a cultural epic of modern European history: (The fate of the individual is the fate of culture)]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Research and materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, vol. 14, pp. 73-96. (In Russ.)

Darenskii V.Iu. *Siuzhet dukhovnoi «initsiatsii» geroev v romane «Evgenii Onegin»* [The Plot of Spiritual "Initiation" in Eugene Onegin]. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, No. 1, pp. 214-235. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-214-235> (In Russ.)

Darskii D.S. *Malen'kie tragedii Pushkina* [Little tragedies of Pushkin]. Moscow, Mosk. khudozh. pech. Publ., 1915, 72 p. URL: http://az.lib.ru/d/darskij_d_s/text_1915_malenkie_tragedii_olderfo.shtml (access date: 03.06.2024). (In Russ.)

Fomichev S.A. *Poeziia Pushkina: Tvorcheskaia evoliutsiia* [Pushkin's Poetry: Creative Evolution]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 302 p. (In Russ.)

Grekhnev V.A. *Boldinskaia lirika A.S. Pushkina 1830 g.* [Boldino lyrics by A.S. Pushkin, 1830], 2nd ed. Gorky, Volgo-Viat. kn. izd-vo Publ., 1980, 159 p. (In Russ.)

Gukasova A.G. *Boldinskii period v tvorchestve A.S. Pushkina* [The Boldino period in the works of A.S. Pushkin]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1973, 303 p. (In Russ.)

Ioannidi I.P. «*Moia rodoslovnaia*» A.S. Pushkina (k vo-prosu ob istokakh stikhotvornogo fel'etona) ["My Pedigree" A.S. Pushkin (on the question of the origins of the poetic feuilleton)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State University], 1999, No. 2, pp. 11-14. (In Russ.)

Il'in I.A. *Prorocheskoe prizvanie Pushkina* [Pushkin's prophetic calling]. *Pushkin v russkoi filosofskoi kritike. Konets XIX – pervaiia polovina XX v.* [Pushkin in Russian philosophical criticism. The end of the 19th – the first half of the 20th century]. Moscow, Kniga Publ., 1990, 527 p. (In Russ.)

Koshelev V.A. «*Onegina*» vozdushnaia gromada...», 2-e izd., pererab. i dop. ["Onegin" is an aeri-

al community..."], 2nd edition, revised and expanded. Boldino, Arzamas, AGPI Publ., 2009, 382 p. (In Russ.)

Krasnov G.V. *Pushkin. Boldinskie stranitsy* [Pushkin. Boldino pages]. Gorky, Volgo-Viat. kn. izd-vo Publ., 1984, 224 p. (In Russ.)

Nepomniashchii V.S. *Pushkin. Izbrannye raboty 1960-kh – 1990-kh gg. T. II. Pushkin. Russkaia kartina mira* [Pushkin. Selected works from the 1960s – 1990s. T. II. Pushkin. Russian picture of the world]. Moscow, Zhizn' i mysl' Publ., 2001, 496 p. (In Russ.)

Nikishov Iu.M. *Dal' svobodnogo romana: Tvorcheskaia istoriia «Evgeniia Onegina»* [The distance of a free novel: The creative history of the "Eugene Onegin"]. Tver', Tverskoi gos. un-t; Izd-vo Mariny Batasovoi Publ., 2013, 560 p. (In Russ.)

Ospovat L.S. «*Kamennyi gost'*» kak opyt dialogizatsii tvorcheskogo soznaniia ["The Stone Guest" as an experience of dialogization of creative consciousness]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Research and materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, vol. 15, pp. 25-59. (In Russ.)

Petrova L.M. *Onegin i Tat'iana v finale romana A.S. Pushkina* [Onegin and Tatiana in the final novel]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel State University], 2013, No. 4 (54), pp. 300-307. (In Russ.)

Pimonov V.I. *Chto stalos' s Oneginym? Poetika finala pushkinskogo romana* [What happened to Onegin? Poetics of ending in Pushkin's novel in verse]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences], 2022, vol. 24, No. 85, pp. 78-83. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2022-24-85-78-83> (In Russ.)

Poddubnaia R.N. *Tvorchestvo Pushkina boldinskoi oseni 1830 goda kak problemno-khudozhestvennyi tsikl: sentiabr'. Stat'ia pervaiia* [Pushkin's work in the Boldino autumn of 1830 as a problematic artistic cycle: September. Article one]. *Studia Rossika Posnaniensia* [Studia Rossika Posnaniensia], 1979, vol. XII, pp. 3-34. (In Russ.)

Piatkin S.N. *Funktional'naiia sistemnost' boldinskogo perioda tvorchestva A.S. Pushkina, osen' 1830 goda: dis. ... kand. filol. nauk* [Functional systematicity of the Boldino period of creativity of A.S. Pushkin, autumn 1830: dissertation of a candidate of philological sciences]. Kolomna, 2000, 188 p. (In Russ.)

Piatkin S.N. *Svadebnaia tema v boldinskom tvorchestve A.S. Pushkina* [The wedding theme in Alexander Pushkin's Boldino work]. *Boldinskie chteniia: sb. st. po materialam mezhdunar. nauch. konf.* [Boldino Readings: Collection of articles based on the materials of the international scientific conference]. Nizhny Novgorod, Izd-vo NNGU Publ., 2021, pp. 12-19. (In Russ.)

Shliapkin I.A. *Iz neizdannyykh bumag Pushkina A.S.* [From the unpublished papers of Pushkin A.S.]. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasiulevicha Publ., 1903, 367 p. (In Russ.)

Turbin V.N. *Poetika romana A.S. Pushkina «Evgenii Onegin»* [The poetics of the novel by A.S. Pushkin “Eugene Onegin”]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1996, 232 p. (In Russ.)

Viktorovich V.A. *«Evgenii Onegin». Roman chitatelia* [“Eugene Onegin”. Reader's novel]. Nizhnii Novgorod, Izd-vo NNGU Publ., 2017, 268 p. (In Russ.)

Vlasechko V.I. *Pechal'naia povest' o gorestnoi sud'be («Stantsionnyi smotritel'» Pushkina)* [A sad story about a sad fate (“The Station Warden” by Pushkin)]. *Voprosy literatury* [Voprosy literatury], 1998, No. 6, pp. 94-114. (In Russ.)

Volpert L. *Roman Pushkina o vernoj zhene (K probleme zarozhdeniia gipotezy: «Evgenii Onegin» i «Valerii Iuliany Kriudener)* [Pushkin's novel about a faithful wife (On the problem of the emergence of a hypothesis: “Eugene Onegin” and “Valerie” by Juliana Kruden-

er)]. *CON AMORE: Istoriko-filologicheskii sbornik v chest' Liubovi Nikolaevny Kiselevoi* [CON AMORE: Historical and philological collection in honor of Lyubov Nikolaevna Kiseleva]. Moscow, OGI Publ., 2010, pp. 118-129. (In Russ.)

Vostrikov A.V. *Tema «iskliuchitel'noi dueli» u Bestuzheva-Marlinskogo, Pushkina i Lermontova* [The theme of the “exceptional duel” in Bestuzhev-Marlinsky, Pushkin and Lermontov]. *Russkaia literatura* [Russian Literature], 1993, No. 3, pp. 66-72. (In Russ.)

Zuev N. *Tat'iana i Onegin v epilogе romana. Opyt medlennogo chteniia* [Tatiana and Onegin in the epilogue of the novel. Slow reading experience]. *Literatura v shkole* [Literature at school], 1997, No. 3, pp. 38-47. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 02.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 38–43. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 38–43. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19”

EDN PEUXBM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-38-43>

**«НЕДОЛГО НАС ПОКОЙНИЦЫ ТРЕВОЖАТ»:
СЛЕЗА ЛОВЛАСА В «КАМЕННОМ ГОСТЕ» А.С. ПУШКИНА**

Романова Алена Николаевна, кандидат филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, romanovaaal@mail.ru

Аннотация. В работе над образом Дон Гуана Пушкин соприкасается с вековой традицией художественного истолкования «вечного сюжета». Источники, тем или иным образом повлиявшие на замысел поэта, достаточно хорошо изучены, однако происхождение ряда образов пушкинской пьесы, в том числе образа «бедной Инезы», остается не вполне ясным. В статье обосновывается гипотеза о том, что один фрагмент романа С. Ричардсона «Кларисса, или История молодой леди», не привлекавший до сих пор специального внимания исследователей, имел прямое отношение к генезису образа главного героя и отразился в первой сцене трагедии «Каменный гость».

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Каменный гость», пьеса, роман, С. Ричардсон, образ Ловласа, вечный сюжет.

Для цитирования: Романова А.Н. «Недолго нас покойницы тревожат»: слеза Ловласа в «Каменном госте» А.С. Пушкина // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 38–43. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-38-43>

Research Article

**“THE DEAD DO NOT DISTURB US FOR LONG”:
LOVLAS’S TEAR IN “THE STONE GUEST” BY A.S. PUSHKIN**

Alyona N. Romanova, candidat of Philology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, romanovaaal@mail.ru

Abstract. In his work on the image of Don Juan, Pushkin comes into contact with the age-old tradition of artistic interpretation of the “eternal plot”. The sources that in one way or another influenced the poet’s idea are quite well studied, however, the origin of a number of images in Pushkin’s play, including the image of “poor Ineza”, remains not entirely clear. The article substantiates the hypothesis that one fragment of S. Richardson’s novel “Clarissa, or the Story of a Young Lady”, which has not yet attracted special attention of researchers, was directly related to the genesis of the image of the main character and was reflected in the first scene of the tragedy “The Stone Guest”.

Keywords: A.S. Pushkin, “The Stone Guest”, play, novel, S. Richardson, the image of Lovelace, the eternal plot.

For citation: Romanova A.N. “The dead do not disturb us for long”: Lovlas’s tear in “The Stone Guest” by A.S. Pushkin. A.S. Pushkin’s Creativity at the reception of A.I. Ertel. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 38–43 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-38-43>

Работая над пьесой «Каменный гость», Пушкин соприкасается с мощной традицией художественного истолкования образа Дон Гуана. Источники, тем или иным образом повлиявшие на поэта, достаточно хорошо изучены. Их глубокий анализ был дан Б.В. Томашевским в седьмом томе академического издания Полного собрания сочинений Пушкина, в единственном томе, вышедшем с полноценными комментариями в 1935 г. [Томашевский: 547–578]. За следующие десятилетия научные представления о генезисе пушкинского замысла существенно расширились. В процессе осмысления «Каменного гостя» исследователи обратились и к фольклорным источникам, и к различным литературным обработкам

«книдского мифа», и к фаустовским мотивам. Суммирующая информация по этой проблеме дана в примечаниях В.Е. Багно и М.Н. Виролайнен в новом академическом издании (также 7-й том) [Багно, Виролайнен: 814–854] и в третьем выпуске «Пушкинской энциклопедии» [Пушкинская энциклопедия: 24–68].

Наиболее значимыми для творческого замысла Пушкина считаются те источники, на которые недвусмысленно указал сам поэт: «Пушкинская версия мирового сюжета содержит ориентацию на два крупнейших произведения, его разрабатывавших: на комедию Ж.Б. Мольера... “Дон Жуан, или Каменный гость”... и оперу Моцарта “Дон Жуан”. Обращение Пушкина к другим источникам остаётся пробле-

матичным» [Багно, Виролайнен: 824]; «Пушкинская версия мирового сюжета ориентирована на комедию Ж.Б. Мольера “*Dom Juan, ou le Festin de Pierre*” (поставлена 1665, изд. 1683; традиционный перевод заглавия в 1810-х гг. – “Дон Жуан, или Каменный гость”... и оперу Моцарта «Дон Жуан» [Виролайнен: 38]. Однако установленные исследователями связи пушкинского замысла с другими явлениями мировой культуры позволяют оценить и масштаб пушкинского образа, и новизну, и неповторимость разработанного им варианта вечного сюжета.

Среди персонажей мировой литературы, у которых Пушкин «подсматривает» психологические черты своего Гуана или заимствует факты его биографии, не последнее место занимает Роберт Лавлейс (или Ловлас) – герой романа С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу, или История молодой леди», созданного в 1748 г.

Соблазнитель и сладострастник Ловлас – одно из «перерождений» «вечного образа», исторически конкретизированный вариант Дон Жуана. Связь между этими литературными героями хорошо осознавалась читателями начала XIX в. Например, сравнение персонажей Мольера и Ричардсона содержалось в одном из популярных французских театральных фельетонов Жофруа, которые, как утверждает Б.В. Томашевский, «конечно, были известны Пушкину» [Томашевский: 556].

Ловлас, как и его младший современник Вальмон, – носители той же философии аморализма, которую исповедуют блистательные и распутные аристократы в пьесах Тирсо де Молины и Мольера. Но эпоха оставляет свой отпечаток на персонаже, формирует новые черты его личности. Дитя рационального и циничного галантного века, Ловлас – развратник «по убеждению», по духу времени, один из тех, которые гонятся за наслаждением, «не любя», то есть не столько по естественному влечению, сколько по указке господствующей моды.

В культурной памяти пушкинского поколения герой Ричардсона присутствует как общеизвестный, распространенный тип: «В художественных произведениях и главным образом письмах Пушкина имя “Ловлас” многократно употреблено в нарицательном смысле» [Рак: 293].

Известно, что замысел пьесы о Дон Гуане восходит к середине 20-х гг.: «Когда осенью 1826 г. Пушкин вернулся из михайловской ссылки, современникам стало известно о существовании замыслов “Каменного гостя” и “Моцарта и Сальери”» [Виролайнен: 25]. В это же время поэтом был прочитан и роман Ричардсона. «...В Михайловском П. читал “Клариссу” во французском переводе аббата А.Ф. Прево д’Экзиля (Prévost d’Exiles, 1697–1763) по имевшемуся в Тригорском изданию (*Lettres angloises, ou Histoire de Miss Clarisse Harlowe. Nouv. ed. Paris, 1777.*

14 t. в 7 переплетах)» [Рак: 292]. В библиотеке Пушкина имелось также трехтомное издание сочинений Ричардсона на английском языке (см: [The Novels of Samuel Richardson]), но неизвестно, обращался ли к ним Пушкин и когда именно. По указанию Б.Л. Модзалевского, пометок Пушкина в этом издании нет [Модзалевский: 321]. «Пушкин прочел “Клариссу” в Михайловском, причем пользовался экземпляром из тригорской библиотеки. Это удостоверяется не только рисунком на книге, но и словами в письме к брату Льву, написанном в 20-х числах ноября 1824 г.» [Лотман: 88].

Впечатления поэта о романе, общее представление о котором он, разумеется, имел и раньше, были преимущественно негативными.

В четвертой главе «Евгения Онегина» тип Ловласа представлен глубоко устаревшим и даже комичным, как пудренные парики и фижмы:

Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблучков
И величавых париков

(гл. 4, строфа VII) [Пушкин 1978а: 68].

В этом эпизоде оценка принадлежит в равной степени автору и Онегину, которому сравнение с Ловласом отнюдь не льстит.

Однако отношение Пушкина к роману и его героям, как неоднократно показывали исследователи, далеко не однозначно. Так, «обманы» Ричардсона отчасти формируют душевный мир любимой героини Пушкина Татьяны Лариной, хотя сам поэт в письме к брату именовал Клариссу «скучной дурой» [Пушкин 1926: 98].

Ю.М. Лотман доказывал, что реальные обстоятельства знакомства поэта с романом Ричардсона буквально отражены в «Романе в письмах», а оценки, вложенные в уста героев этого произведения, отчасти совпадают с авторскими. [Лотман: 88]. Безусловно, Пушкин и передает героям этого незавершенного произведения ряд собственных суждений, и в то же время опровергает эти мнения намеченным ходом повествования. Например, Лиза вслед за Онегиным с насмешкой отзывается о кумире прежних времен: «Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внушек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом?» [Пушкин 1978б: 44]. Но Пушкин дает ответ на риторический вопрос героини. Лиза не замечает, как в ее собственной судьбе «по старой канве» заново вышивается все та же история. На страницах «Романа

в письмах» появляется образ современного мучителя женских сердец: Владимир облечен в модный дендиизм, вооружен новейшими атрибутами светскости и моды. Однако способы нравиться женщинам так же мало изменились со времен Ловласа, как и сами женщины. В письмах героев раскрываются инструменты соблазнения: комплименты, знаки внимания, таинственные намеки, страстные взгляды, неожиданные перемены в поведении, настойчивость в уходе за женщиной. Выказанное героиней пренебрежение к Ловласу автор корректирует признанием живучести типа соблазнителя, облекающегося в каждом веке в новый внешний антураж.

Ловлас как персонаж интересует Пушкина, этот образ обладает определенным потенциалом, дает импульс для творческого воображения.

В 1830 г. в Болдине Пушкин возвращается к замыслу пьесы о Дон Гуане. Вероятно, в процессе работы над ней и над последними эпизодами «Онегина» некоторые идеи, мотивы, намеченные пять лет назад, освежаются в памяти поэта. И «обветшалый» персонаж Ричардсона вместе с мощными бессмертными образами Мольера и Моцарта вносит свою лепту в создание пушкинского Дон Гуана, выступая прямым источником одного из фрагментов пушкинской пьесы.

Речь идет о первой сцене трагедии, где Гуан вспоминает одну из погубленных им женщин:

Дон Гуан
(задумчиво)

Бедная Инеза!
Ее уж нет! Как я любил ее!

Лепорелло

Инеза! – черноглазую... о, помню.
Три месяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помог лукавый.

Дон Гуан

В июле... ночью. Странную приятность
Я находил в ее печальном взоре
И помертвевших губах. Это странно.
Ты, кажется, ее не находил
Красавицей. И точно, мало было
В ней истинно прекрасного. Глаза,
Одни глаза. Да взгляд... такого взгляда
Уж никогда я не встречал. А голос
У ней был тих и слаб – как у больной, –
Муж <у> <n>ее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..

Лепорелло

Что ж, вслед за ней другие были.

Дон Гуан

Правда.

Лепорелло

А живы будем, будут и другие.

Дон Гуан

И то [Пушкин 2009: 136–137].

Этот эпизод – один из самых загадочных в пьесе, новаторский по отношению ко всей предшествующей литературной традиции. В комментариях к новому академическому изданию о нем сказано следующее: «Удаление от традиции и работа в рамках традиции переплетены в истории “Каменного гостя”. Так, эпизод с Инезой, не характерный для литературных версий сюжета (герой тоскует по умершей возлюбленной), генетически восходит именно к ним. У Мольера, Моцарта и в их общем источнике – драме Тирсо де Молины – неперенным элементом сюжета был эпизод крестьянской любви Дон Жуана. В черновом варианте “Каменного гостя” Инеза – дочь мельника. Из белого текста приметы “крестьянского романа” устранены, однако отзвук этой сюжетной линии остался в словах Дон Гуана: “Да я не променяю <...> Последней в Андалузии крестьянки...”» [Багно, Виrolайнен: 841].

В генезисе этого эпизода прослеживается связь с основными источниками жуановского сюжета, в каждом из которых есть «крестьянская любовь», точнее, соблазнение Дон Жуаном простолюдники.

Однако ни в одном из этих источников нет мотива гибели героини из-за сурового мужа или отца. Рукопись «Каменного гостя» сохранила следы обоих вариантов:

«Стих 59-й первоначально был записан:

Отец ее был негодяй суровый,

Затем слово “Отец” зачеркнуто и подписано слово “Муж”» [Пушкин 1935: 548].

У Мольера и Моцарта эпизоды соблазнения Дон Жуаном крестьянок – наиболее шуточные и легкие среди всех сцен его волокитства. У Мольера сценка с крестьянками Матюриной и Шарлоттой, одновременно претендующими на внимание Дон Жуана, – одна из самых шаловливых и грациозных во всей пьесе. Церлина в опере Моцарта сама не на шутку увлечена ласковым и красивым баринком, так что комическое негодование ее жениха Мазетто вполне обоснованно. Но влюбленные вскоре примиряются и вместе начинают преследовать обидчика. Куда печальнее разрешается эпизод с рыбачкой Тисбеей в пьесе Тирсо де Молины. Соблазненная и в ту же минуту покинутая, она бросается в море, чтобы остудить пламя обиды. Но и Тисбея не погибает, а ищет управы на соблазнителя. И крестьянка Аминта, также обманутая, является во дворец требовать себе в мужа королевского любимца.

Таким образом, сцены «крестьянской любви» ни сюжетно, ни эмоционально не имеют ничего общего с мотивом сожаления Дон Жуана о погибшей возлюбленной. Эти эпизоды решены, как правило, в комическом ключе. Простодушие девушек и их близких, а иногда гордыня или корысть простолудинов снижают драматизм происходящего, мешают

читателю сострадать жертвам соблазнителя. В читательском тексте пушкинской пьесы не осталось намека на крестьянское происхождение Инезы. Да и поведение её мужа не вписывается в традиционный ряд похощений Дон Гуана среди простонародья.

Более убедительным представляется сопоставление этого эпизода с пушкинской «Сценой из Фауста»: «Отзвуком фаустовского сюжета в тексте “Каменного гостя” можно считать воспоминания Лепорелло о свиданиях Дон Гуана с Инезой... близкие к воспоминаниям Мефистофеля о свиданиях Фауста с Гретхен в пушкинской “Сцене из Фауста” (1825)» [Виролайнен: 44]. Но в «Сцене из Фауста» акцент сделан на трагической вине самого героя, исполненного тоской и скукой ненавистной даже в момент любовного наслаждения. Воспоминание Фауста о Гретхен не омрачается тенью мстительного отца или ревнивого мужа.

Итак, все предлагаемые в современных исследованиях версии происхождения эпизода воспоминания Гуана об Инезе являются недостаточно убедительными. Поэтому уместны размышления об иных источниках этого фрагмента.

Возможно, мотив сожаления о погибшей возлюбленной именно в том виде, в каком он развивается в «Каменном госте», был подсказан Пушкину одним эпизодом из 6-го тома «Клариссы». Это письмо Ловласа к Белфорду в переводе Прево (который и был прочитан Пушкиным) имеет номер СС1.

Здесь Ловлас рассказывает о единственном случае, когда он соблазнил не девицу, а замужнюю женщину: молодую француженку, муж которой уехал в Мадрид по коммерческим делам. Вот финал этой истории:

“Notre commerce se soutint par d’autres ruses, qui ne te paraîtraient pas moins ingénieuses. La glace une fois rompue, ma belle marquise ne fit pas difficulté d’y contribuer; car tu sais mon axiome :une fois subjuguée, c’est pour toujours. Mais un incident plus tendre servit à révéler le secret; à le révéler, avant que notre disgrâce commune pût être voilée par le retour du marquis.

<...> Le mari, moins propre à la qualité de mari qu’aucun homme de sa nation, et devenu plus délicat peut-être par son commerce avec les Espagnols, promit de loin une éclatante vengeance.

Que restait-il à la belle que de se jeter sous ma protection? Elle ne s’en crut pas plus malheureuse; jusqu’au jour des grandes douleurs, que la mort et le repentir arrivèrent à la même heure.

Pardonne une larme, cher ami: elle méritait un meilleur sort.

De quoi cet inexorable mari n’aura-t-il pas à répondre?” [Richardson: 1171].

Приведем этот эпизод в русском переводе конца XVIII в. Этот перевод «Клариссы», как заметил еще Н.М. Карамзин, был осуществлен с французского издания [Карамзин: 113], поэтому уместно обращение именно к нему.

«Наше сообщество подкрепляемо было другими хитростями, которые не менее остроумными тебе покажутся. Единожды разбитый стакан, т. е. любезная моя Маркиза всегда тому споспешествовала; ибо ты знаешь мое правило, когда женщина однажды покорена; то и всегда таковою будет.

Но некоторый весьма неприятный случай послужил к открытию тайны прежде, нежели общее наше несчастье могло начаться возвращением маркиза. <...> Муж, имеющий менее качества мужа нежели всякой человек его нации, и сделавшийся весьма важным, может быть, из обхождений с испанцами, готовил издалика явное мщение.

Что ж осталось моей любезной, как не ввергнуться в мое покровительство? Она не почитала себя от того несчастнее до дня величайших её мучений, когда смерть и раскаяние в единый час её сразили.

Прости одной моей слезе, дражайший друг, она заслуживала лучшего жребия; в чем сей неумолимый муж не будет ответчиком?» (Ловлас Белфорду. Письмо СС1) [Достопамятная жизнь].

Конечно, общие обстоятельства любовного похождения Ловласа очень далеки от всего описанного в «Каменном госте», и характер легкомысленной маркизы прямо противоположен облику бедной Инезы. И все же можно предположить, что этот эпизод задержал на себе внимание Пушкина.

Это одно из самых ярких с характерологической точки зрения писем Ловласа. Именно здесь герой надменно рассуждает о способах управления женщинами. Это манифест распутника, напрямую отразившийся в строках четвертой главы «Онегина». Тем неожиданнее рядом с ним звучит внезапное сожаление о погубленной женщине. Пушкина могла заинтересовать многомерная характеристика Ловласа, созданная в этом фрагменте. На протяжении одного письма герой сначала предстает циничным, безжалостным и самодовольным – и вдруг проявляет иные свойства: сострадание к своей жертве, привязанность, жалость. Здесь персонаж Ричардсона вполне оправдывает характеристику, данную ему Карамзиным в рецензии на русский перевод первой части романа: «Ловелас, в котором видим такое чудное, однако ж естественное, смешение добрых и злых качеств, – Ловелас, иногда благородный и любезный, иногда чудовище» [Карамзин: 112].

При этом у Ричардсона и Пушкина противоречивые свойства героя не нарушают целостности его характера. Так, в том и в другом произведении сожаление о погибшей возлюбленной не приводит соблазнителя к раскаянию или самоосуждению. Ловлас обращается к приятелю, как бы требуя разделить с ним негодование на «неумолимого мужа». Гуан пытается оправдать себя перед Лепорелло: «Муж у нее был негодяй суровый, / Узнал я поздно... Бедная Инеза!...» М.Н. Виролайнен отмечает, что перенос вины – важ-

нейшая черта всех главных героев «Маленьких трагедий», яркое проявление их индивидуализма [Вироланен: 57]. Оба героя посвящают своим жертвам лишь мгновенное воспоминание. Одну слезу роняет Ловлас, а Дон Гуан, на минуту встревоженный образом покойницы, спешит в объятия Лауры.

В письме Ловласа есть своеобразная апелляция к национальным характерам действующих лиц. Описывая приятелю роман с маркизой-француженкой, он в первых строчках упоминает о различии нравов «там» (во Франции) и «здесь» (в Англии): в то время как англичанка Кларисса упорно сопротивляется домогательствам своего похитителя, «Французские госпожи ни малюго не имеют отвращения к любовным обхождениям» [Достопамятная жизнь]. Так точно и Дон Гуан у Пушкина в начале первой сцены противопоставляет безжизненных северных красавиц горячим испанкам:

А женщины? Да я не променяю,
Вот видишь ли, мой глупый Лепорелло,
Последней в Андалузии крестьянки
На первых тамошних красавиц – право.
Они сначала нравились мне
Глазами синими, да белизною,
Да скромностью – а пуще новизною;
Да, слава богу, скоро догадался –
Увидел я, что с ними грех и знаться –
В них жизни нет, всё куклы восковые;
А наши!.. [Пушкин 2009: 136].

Противопоставление касается не только женских нравов. Еще более важна замеченная Ловласом разница в нравах и качествах мужчин. Сначала об этом говорится в шутовском примечании к рассказу о собственных любовных победах: «Англичане, Белфорд, не часто объехать могут французов» [Достопамятная жизнь]. Далее этот мотив развивается в кульминационном фрагменте: сообщении о гибели возлюбленной. Здесь он приобретает новое звучание. Фривольному и пошловатому рассказу Ловласа о его французских шалостях внезапно серьезность и драматизм придает ворвавшаяся в него испанская нота. Муж француженки оказывается неожиданно чувствителен к вопросам чести. Он готов явиться к неверной суровым мстителем. Обстоятельства смерти маркизы переданы рассказчиком неясно. Но видно, что одна угроза явления мужа-мстителя оказала страшное действие на героиню: «смерть и раскаяние в единый час её сразили».

Важный смысловой акцент падает на характеристику мужа: «Муж... сделавшийся весьма важным, может быть, из обхождений с испанцами». Слово «plus délicat» русский переводчик передает словосочетанием «весьма важный». Более точным в данном контексте определением было бы – чувствительный, щекотливый, щепетильный в вопросах чести. Иначе говоря, муж, не выделявшийся мужскими досто-

инствами среди своих одноплеменников, возможно, из-за обхождения с испанцами сделался слишком щепетильным в вопросах чести и обрел чувство собственного достоинства. Словно выломившись из ряда легкомысленных французов, он грозной тенью является в кульминации фривольного рассказа... подобно неумолимому каменному гостю.

К 1830 г. мотив, затронутый в этом эпизоде Ричардсоном, приобретает для Пушкина биографическое наполнение, ложится на почву лично значимой темы. Уже Анна Ахматова показала, что Пушкин «... вложил в “Каменного гостя” слишком много самого себя» [Ахматова: 104]. И в образе Гуана, и в образе Командора поэт узнавал «свое»: свое прошлое – «импровизатора любовной песни» и свое будущее – ревнивого стража супружеской чести.

При этом «испанская» щепетильность и суровость оказывается художественным обозначением собственно пушкинского, серьезного – вплоть до гибели – отношения к вопросам семейного обустройства и супружеского долга. А «французское» легкомыслие и снисходительность в этом вопросе соотносится с общепринятой практикой русского светского общества. Пушкин (некогда носивший прозвище Француз) вдруг неожиданно для всех «делается весьма важным», как бы оказывается сам «испанцем» среди «русских французов».

Испания недаром будет так занимать поэта в 30-е гг., недаром Пушкин будет изучать испанский язык и пробиваться к испанской литературе и фольклору через переводы и подражания, через Корнуолла, Мюссе и Мериме. Испания и испанская суровость в эту эпоху становятся для Пушкина своеобразной мерой оценки. Неслучайно именно в разговор русского с испанцем поэт вкладывает некоторые очень важные для себя суждения о русском обществе в наброске «Гости съезжались на дачу...» 1828–1829 гг. [Пушкин 1978б: 374–380]. Рядом с послом испанским нарисует он Татьяну в восьмой главе «Евгения Онегина». А легкомысленную Лауру заставит поминать о Париже.

Предлагаемое наблюдение не вносит существенных изменений в понимание «Каменного гостя», но добавляет новые детали в литературную «генеалогию» Дон Гуана и в изучение творческого процесса Пушкина.

Список литературы

Источники

Ахматова А.А. «Каменный гость» Пушкина // Ахматова А.А. О Пушкине: Статьи и заметки. Москва: Книга, 1989. С. 90–109.

Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов, истинная повесть. Англинское творение г. Ричардсона. Часть шестая. Санкт-Петербург, 1792. URL: <http://>

az.lib.ru/r/richardson_s/text_0190oldorfo.shtml (дата обращения: 20.06.2024).

Карамзин Н.М. Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов // Карамзин Н.М. Избр. соч.: в 2 т. Т. 2. Ленинград: Худ. лит., 1964. С. 111–113.

Пушкин А.С. Письма: в 3 т. / под ред. Б.Л. Модзалевского. Т. 1. 1815–1825. Москва; Ленинград: ГИЗ, 1926. 540 с.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 7. Драматические произведения. Ленинград: Акад. наук СССР. 1935. 728 с.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 7. Драматические произведения 1825–1830 гг. Санкт-Петербург: Наука, 2009. 1070 .

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. Ленинград: Наука, 1978. 529 с.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Худож. проза. Ленинград: Наука, 1978. 576 с.

Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л – О. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. 640 с.

Richardson. S. Histoire de Clarisse Harlove. Traduit de l'anglais par l'abbé Prévost. Éditions du Boucher 183. Paris, 2004. URL: http://www.leboucher.com/pdf/clarisse/clarisse_harlove.pdf (дата обращения: 20.06.2024).

The Novels of Samuel Richardson, Esq. Viz. Pamela, Clarissa Harlowe, and Sir Charles Grandison: in 3 vols. To which is prefixed, a memoir of the life of the author [Ballantyne's Nolveist's Library, vol. V. I–VIII]. London, 1824.

Исследования

Багно В.Е., Виrolainen М.Н. Примечания. Каменный гость // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 7. Драматические произведения 1825–1830 гг. Санкт-Петербург: Наука, 2009. С. 814–854.

Виrolainen М.Н. Маленькие трагедии // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л – О. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. С. 24–68.

Лотман Ю.М. Три заметки к пушкинским текстам // Временник Пушкинской комиссии. Ленинград: Наука, 1974. С. 88–89.

Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. Библиографическое описание. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1910. 442 с.

Рак В.Д. Ричардсон // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». Санкт-Петербург: Наука, 2004. С. 291–293.

Томашевский Б.В. Каменный гость // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 7. Драматические произведения. Ленинград: АН СССР. 1935. С. 547–578.

References

Bagno V.E., Virolainen M.N. *Primechaniia. Kamennyi gost'* [Notes The Stone Guest]. *Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t. T. 7. Dramaticheskie proizvedeniia 1825–1830 gg.* [Pushkin A.S. Complete works: in 20 vols. Vol. 7. Dramatic works of 1825–1830]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 814–854. (In Russ.)

Lotman Iu.M. *Tri zametki k pushkinskim tekstam* [Three notes to Pushkin's texts]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Temporary of the Pushkin Commission]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 88–89. (In Russ.)

Modzalevskii B.L. *Biblioteka A.S. Pushkina. Bibliograficheskoe opisanie* [Library A.S. Pushkin. Bibliographic description]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1910, 442 p. (In Russ.)

Rak V.D. *Richardson* [Richardson]. *Pushkin. Issledovaniia i materialy. T. XVIII–XIX. Pushkin i mirovaia literatura: Materialy k "Pushkinskoi entsiklopedii"* [Pushkin. Research and materials. Vol. XVIII–XIX. Pushkin and world literature. Materials for the Pushkin Encyclopedia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 291–293. (In Russ.)

Tomashevskii B.V. *Kamennyi gost'* [The Stone Guest]. *Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii. T. 7. Dramaticheskie proizvedeniia* [Pushkin A.S. Complete works. Vol. 7. Dramatic works]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1935, pp. 547–578. (In Russ.)

Virolainen M.N. *Malen'kie tragedii* [Little tragedies]. *Pushkinskaia entsiklopediia: Proizvedeniia. Вып. 3: Л – О* [Pushkin Encyclopedia: Works. Vol. 3]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 24–68. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.05.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 26.05.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 44–53. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 44–53. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19”

EDN PHNEQC

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-44-53>

«МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ А.С. ПУШКИНА» П.В. АННЕНКОВА: ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТА

Лобкова Нина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, lobkova.nina.a@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи – объяснить, как Анненков выстраивает свои «Материалы», чтобы показать развитие поэтического дара Пушкина. Статья выполнена по третьему изданию «Материалов» Анненкова 1984 г., которое повторяет публикацию 1873 г.: в ней текст книги был разделен биографом на главы с кратким указателем содержания каждой, раскрыты имена современников поэта, обозначенные в первом издании начальными буквами или звездочкой, уточнены даты писем и стихов Пушкина. В статье дан комментарий к построению Анненковым пушкинской биографии: хронологическая канва повествования сохранена, но границы разделов проницаемы. Содержание текста любой главы подается Анненковым в свете личности Пушкина, как она открылась биографу в целом. Такая форма изложения материала и позволила Анненкову воссоздать процесс развития художественного сознания поэта. В статье подчеркивается особое значение работы Анненкова, которая дала богатейший архивный материал для пушкинской биографии. Письма поэта, рукописи, черновики, рабочие тетради воссоздавали мысль и голос Пушкина, жизнь души, его восприятие русской и мировой культуры, его понимание истории, что воспринималось читателями в 1855 г. как важнейшее открытие.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, П.В. Анненков, биография, архивные материалы, письма, творчество, поэзия, русский язык, история.

Для цитирования: Лобкова Н.А. «Материалы для биографии А.С. Пушкина» П.В. Анненкова: особенности построения текста // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 44–53. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-44-53>

Research Article

“MATERIALS FOR THE BIOGRAPHY OF A.S. PUSHKIN” P.V. ANNENKOVA: FEATURES OF TEXT CONSTRUCTION

Nina A. Lobkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, lobkova.nina.a@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to explain how Annenkov constructs his “Materials” to show the progress of Pushkin’s poetical genius. In this article it is noticed that the chronology has a formal place in “Materials” but the chapter’s boundaries are flexible. The content of the text of any chapter is presented by Annenkov from the angle of Pushkin’s personality as it appeared to the biographer. Such a form let him realize the process of transforming Pushkin’s abilities. Pushkin’s letters, manuscripts, drafts, and notebooks created his voice and thoughts which were perceived by readers in 1855 as a major discovery.

For citation: Lobkova N.A. “Materials for the Biography of A.S. Pushkin” P.V. Annenkov: features of text construction. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 44–53 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-44-53>

Выход в свет в 1855 г. научного издания сочинений А.С. Пушкина под редакцией П.В. Анненкова, первый том которого составили «Материалы для биографии» поэта, получил восторженные отзывы первых читателей и одобрительные рецензии во всех известных журналах. Издание «Материалов» совпало с моментом перелома в общественной жизни России, «воскрешение» Пушкина получило символический смысл при смене эпох [Шилов: 6–7]. Анненков создал уникальную биографию Пушкина – историю развития его творческого дара, его сознания, внутреннюю биографию личности. Многие друзья, родственники, знакомые поэта откликнулись на просьбу Анненкова и прислали ему воспоминания о Пушкине. Ссылается Анненков в «Материалах» и на устные высказывания современников о поэте, записанные биографом при встречах. Но самым важным источником пушкинской биографии был архив поэта, бесценное сокровище – «два сундука его бумаг», присланных Н.Н. Пушкиной-Ланской в дом к Анненковым; это были рукописи, черновики, письма, наброски замыслов, рабочие тетради. Впервые после Жуковского архив Пушкина стал доступен Анненкову. Два сундука пушкинского архива сопровождали Анненкова в августе 1852 г. в его усадьбу Чирьково Симбирской губернии, где в течение четырех месяцев он трудился над изданием; в октябре 1853 г. в Петербурге все шесть томов сочинений поэта, включая «Материалы», были подготовлены к печати и изданы в 1855 г. (дополнительный седьмой том вышел через два года). Работа над научным изданием сочинений Пушкина дала великолепный материал для его биографии: «Заметки, мысли, соображения, выписки из сочинений были невидимым подземным основанием, на котором созидались и образ его мыслей, и понимание предметов, и самое настроение духа, направляющее поэтический дар его» [Анненков 1984: 238].

По убеждению Анненкова, личность необыкновенного человека «должна освещаться сама собой, своим внутренним огнем. Она тотчас искажается, как подносят к ней со стороны грубый светоч, будь то самого розового или, наоборот, мрачного цвета»; биографу «чрезвычайно важно смотреть прямо в лицо герою своему и иметь доверенность к его благодатной природе» [Анненков 1983: 58–59]. Эти слова Анненкова прозвучали в его записках «Гоголь в Риме летом 1841 года», опубликованных в 1857 г. в журнале «Библиотека для чтения». Этому требованию следует Анненков и в «Материалах». Мир Пушкина, жизнь его сознания открыты биографу. Читая «Материалы», мы слышим голос поэта. Это впечатление возникает из многочисленного цитирования пушкинских рукописей, из воссоздания истории текста его художественных сочинений. Мысль и голос Пушкина воспроизводят также почти постоянные постраничные примечания Анненкова, что подчер-

кнул К. Шилов в статье о «Материалах» [Шилов: 46]. Эти примечания различны. В них могут быть черновые варианты стихов, цитаты из неопубликованных стихотворений, статей, записок Пушкина, отрывки из его писем, воспоминания о нем, издательские замечания при публикациях произведений, отголоски литературных споров. Пушкин присутствует в разных ракурсах в «Материалах» Анненкова, душа поэта раскрывается всесторонне и с любовью. Весь текст книги, по словам К. Шилова, «поистине “осердечен” – любовью к Пушкину». В этом – один из секретов «редкостного обаяния книги» [Шилов: 46].

Присутствие образа Пушкина, освещенного изнутри собственным светом, объясняет особенности построения биографии. Анненков сохранил хронологический принцип повествования в «Материалах»: 38 глав биографии содержат рассказ о развитии пушкинского гения. Каждая глава открывается краткой аннотацией ее содержания. Но хронологический принцип не сковывает повествование: в любой главе биограф обращается к документам и событиям других лет в связи с заявленной темой. Повествование развивается свободно и непринужденно – как свободно возрастал талант поэта. Каждый этап жизни и творчества Пушкина в книге Анненкова сопряжен с личностью поэта в целом, как открылась она биографу из всех архивных и опубликованных его сочинений, писем, статей.

Весь текст «Материалов» оказывается в свете гения Пушкина – от первых страниц исследования. «Казалось, язык поэзии был его природный язык, данный ему вместе с жизнью» [Анненков 1984: 58] – эта фраза Анненкова прозвучала в главе II о Пушкине в лице. Близкая мысль, но насыщенная музыкальными оттенками и терминами, мотивом природной стихии творчества Пушкина, высказана почти в конце книги, в главе XXIX: «Звуки, по собственному его выражению, беспрестанно переливались и жили в нем; но следует прибавить, что он внимательно прислушивался к ним, что он наслаждался ими почти без перерыва» [Анненков 1984: 311]. Второе высказывание, повторяя более раннюю мысль, содержит ее музыкальное развитие, создает образ творца, передает силу природной поэтической страсти. «Прекрасно понял Анненков, что поэзия была для Пушкина страстью, свободным органическим проявлением его натуры, делом, без которого он бы не мог жить и дышать» [Фридендер: 21].

Подобное зеркальное оформление обогащает в биографии любую тему: ее начало, наброски первых впечатлений через несколько страниц получают более поздний вариант звучания, более совершенное ее воплощение, – или развитие темы происходит в обратном направлении (в главах о Пушкине 1830-х гг.), но в любом случае включается тот самый внутренний свет личности поэта, о котором писал Анненков.

Посмотрим, как это происходит в решении темы лицейской лирики.

Тема лицейского творчества Пушкина в главе II открывается планом автобиографии, драгоценной архивной запиской 1830 г., то есть документом времени известности и славы поэта. Слово «драгоценный» – одно из самых любимых Анненковым, его восхищение, изумление при разборе пушкинского архива вполне понятно. Читатели биографии впервые ознакомились с этой архивной запиской Пушкина. В ней перечислены факты из истории семьи, детали московского быта, ранние детские впечатления, имена домашних воспитателей и кратко – важнейшие вехи лицейских лет. Вслед за этим Анненков прилагает второй документ, более ранний, тоже драгоценный, – отрывок из подлинных записок Пушкина, которые он вел в Лицее, по всем признакам 1815 года, «писан ещё юношеским почерком» [Анненков 1984: 48]. Анненков упоминает о сожжении Пушкиным около тридцатых годов «всех лицейских писем и записок, какие только мог найти под рукою. Наш отрывок уцелел, вероятно, потому, что затерялся в его тетрадах». Анненков цитирует эти лицейские записки полностью, комментируя их «главные предметы» – имена известных писателей и первые опыты молодого автора. «*Жуковский дарит мне свои стихотворения*» (курсив Анненкова. – *Н. Л.*); «Мои мысли о Шаховском» – «первый пример литературного суждения в Пушкине», поэтому Анненков выписывает его полностью: «Шах<овской> никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. Шах<овской> не имеет большого вкуса: он худой писатель. Что же он такой? Неглупый человек, который, замечая всё смешное или замысловатое в обществах, пришел домой, всё записывает и потом, как ни попало, вклеивает в свои комедии» [Анненков 1984: 48–49]. Эти суждения сопровождаются куплетами лицейцев о «Шутовском», о гонителях Карамзина и баллад Жуковского, Анненков дает их в примечании на этой же странице. Стихи слабые, детские, но они говорят об интересе лицейцев к литературным спорам карамзинистов и сторонников «Беседы» Шишкова. Мнения лицеиста Пушкина о Шаховском Анненков не комментирует, но бросает фразу: «... всё это было делом увлечения, за которым слепо шел и Пушкин; но надо сказать, что он первый и отстал от толпы, как скоро увидим». Обещание биограф исполнил уже в следующей главе, рассказав о вечере Пушкина и Катенина «на чердаке» кн. Шаховского в 1818 г. [Анненков 1984: 75].

Главное внимание во II главе Анненков уделяет творчеству Пушкина-лицеиста. Биограф пересказывает со слов одного из товарищей поэта сюжет несохранившегося философского романа Пушкина «Фатам»; приводит первый пушкинский опыт психологического портрета в прозе («Вчера провел я вечер с Икон-

никовым») и подробно рассматривает лирику юного поэта. Первые его стихи были по-французски (в них Анненков видит продолжение легкой «домашней поэзии» московского дома Пушкиных); русские стихи – подражания Карамзину, Державину, Батюшкову, эпиграммы, оригинальные элегии и послания – быстро прославили его. «Основной характер юношеской поэзии Пушкина составляет веселый взгляд на жизнь и стремление к беззаботному наслаждению ею, что и доставило ей успех в публике и между лицейстами» [Анненков 1984: 60].

В этой же главе Анненков говорит о первых напечатанных стихах Пушкина-лицеиста и о необыкновенной строгости Пушкина впоследствии к «грехам отрочества» при отборе стихов к публикации. «Из всей кипы их (120) он выбрал в 1826 году для первого собрания своих стихотворений только 14 значительных пьес (*Анненков их перечисляет*) и 9 эпиграмм и надписей» [Анненков 1984: 55]. Этот факт отбора ранних стихов для первого своего сборника – тоже «звонок» из будущего, взгляд взрослого поэта на свое детское творчество. Анненков отметил, что большая часть ранних стихотворений была пересмотрена и исправлена для этого собрания, так что оно «вряд ли может дать настоящую идею о лицейских произведениях». Биограф включил в главу о лицейских стихах предисловие к собранию 1826 г. «от издателей» (в примечании на с. 56), где прозвучала фраза: «Любопытно <...> сравнить четырнадцатилетнего Пушкина с автором “Руслана и Людмилы” и других поэм» [Анненков 1984: 56]. Полную историю «Стихотворений Пушкина» 1826 г. Анненков изложит в главе XIV, распуская сложные обстоятельства издания по письмам поэта 1823–1824 гг. к Бестужеву, к Я.Н. Толстому, к брату Льву [Анненков 1984: 181–183], завершив этот сюжет восторженным письмом Пушкина «брату Льву и брату Плетневу» из Михайловского в марте 1825 г., при благополучном завершении дела. Из приведенных документов главы XIV ясно, что Пушкин сам участвовал в редактировании стихов и в составлении предисловия «от издателей», им исправленного. Анненков, первый пушкинист и текстолог, дорожил точностью воссоздания лицейских стихотворений Пушкина. Для собственного издания он тщательно сверил все лицейские стихи Пушкина по рукописной архивной тетради, показав в примечаниях разницу между настоящим и исправленным текстом.

Лицейские элегии, делает вывод Анненков в обзоре его ранней лирики, как и записи о первых увлечениях, «о всех волнениях воображаемой страсти», были только «едва мерцающей зарей сердечного чувства, так сильно развитого впоследствии у Пушкина; но он вспоминал о ней позднее с умилением» [Анненков 1984: 51–52]. «Лицейские стихотворения по-

ходят на памятную книжку, где записано многое слишком коротко и бегло, многое слишком пространно и слабо» [Анненков 1984: 60]. Анненков отмечает влияние Батюшкова в лицейской лирике Пушкина, хотя сам поэт признавал себя учеником Жуковского».

Завершая главу II, Анненков обращается к знаменитым стихам Пушкина в «Онегине» о первых встречах с Музой:

В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне...

Анненков обрывает цитату – стихи всем памятные, но делает свой подарок читателям. В дополнение к этим любимым стихам о начале пути поэта он приводит ещё один документ – неизданный черновой оригинал из главы восьмой «Онегина», «где Пушкин ещё подробнее и с таким же поэтическим одушевлением рисует свое собственное лицо в стенах лицея» [Анненков 1984: 62].

I

В те дни, когда в садах лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно «Елисея»,
А Цицерона проклинал,
В те дни, как я поэме редкой
Не предпочел бы мячик меткой,
Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор,
Когда порой бывал прилежен,
Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив.

II

Когда в забвеньи перед классом
Порой терял я взор и слух,
И говорить старался басом,
И стриг над губой первый пух,
В те дни... в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал...

Реальные приметы лицейского быта в черновом автографе, черты характера юного поэта, его мятежность, непонятная тоска и волнение – всё это невольно воспринималось в контексте всем известных первых строф окончательного варианта главы восьмой

«Онегина». *Внутренний свет личности* Пушкина обеспечивала память читателей. А черновик дополнял эти знаменитые строки, приближая к читателю образ поэта-лицейста и картину минувшей поры пушкинского отрочества. Можно представить, как радовали эти неизвестные две строфы «Онегина» первых читателей «Материалов» Анненкова.

Таким образом, лицейский период творчества Пушкина открывает поздний документ – неизвестный прежде план автобиографии 1830 г., из которого читателям был знаком рассказ Пушкина о чтении на экзамене 1815 г. «Воспоминаний в Царском Селе» перед Державиным. Закрывает тему неопубликованный черновой вариант стихов о Лицее из главы восьмой «Онегина». Внутри рамы между этими двумя поздними документами под мощным светом личности Пушкина даны лицейские тексты и комментарии к ним.

Тема III главы биографии – петербургские годы Пушкина после выпуска из Лицея: «брожение юности», «удальство и молодечество», «беззаботная растрата ума, времени и жизни на знакомства, похождения и связи всех родов». Шумный водоворот жизни, по словам Анненкова, имел для Пушкина нравственные и физические последствия: в феврале 1818 г. он лежал в горячке. К этому моменту Анненков привел в примечании известный сюжет о суеверии Пушкина и о визите его к гадалке, г-же А.А. Фукс, ссылаясь на документальный источник. По мнению Анненкова, только после выезда из столицы начнется серьезная творческая биография поэта. «С Крыма открывается эта длинная повесть внутреннего хода его мысли; она, как постоянный указатель нравственного его развития, преимущественно взята нами в руководители при настоящем нашем труде» [Анненков 1984: 68]. Однако и в петербургские годы «гений молодого поэта возростал и креп даже в этой сфере» [Анненков 1984: 67].

С первого шага своего в свет Пушкин очутился в обществе тогдашних литераторов на равных правах. «Он почти совсем не был в положении начинающего» [Анненков 1984: 69]. Анненков упоминает о внимании к Пушкину в лицейские годы В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина, А.И. Тургенева, объясняя известность молодого поэта в петербургские годы, – это воспоминание тоже включает свет его личности.

Обоснованным было и замечание Анненкова о постоянной работе Пушкина над своим образованием, что подтверждено мнением друзей поэта и его черновыми заметками, выписками из иностранных писателей. А.В. Дружинин в своей статье 1857 г. подчеркнул именно эту мысль в «Материалах»: поэты-наставники Пушкина упрекали его в беспечности, в лености, в шалостях; однако, несмотря на развлечения и веселье, «их баловень, их ленивец трудился так, как едва ли трудился в то время хоть один из современных русских пи-

сателей». «Материалы» Анненкова убедили Дружинина в том, что Пушкин, «прилепляясь душой к своему труду», стал фанатиком той или другой книги или явления, «исчерпывая до дна предмет своих наблюдений, озаряя его светом поэзии» [Дружинин: 44].

В этом плане показательным был эпизод сближения Пушкина с Павлом Катениным, о котором рассказал Анненков в III главе. В кратком очерке литературного быта этих лет Анненков назвал основные кружки, салоны, журналы обеих столиц, уделив главное внимание горячим спорам «карамзинистов» со «славянами» по проблеме народности и самобытности поэзии. Громким событием литературной жизни было поэтическое состязание Катенина с Жуковским в жанре баллады. Пушкин, поэт школы Жуковского и Карамзина, был восхищен простонародным выразительным языком Катенина в балладе «Ольга», написанной на тот же сюжет, что и «Людмила» Жуковского, но под знаменем «славянской» партии. Анненков, не вникая в историко-литературные обстоятельства, сообщил о встрече двух поэтов, почти дословно пересказав эпизод из «Воспоминаний о Пушкине» Катенина, написанных по просьбе биографа в 1852 г. «Пушкин просто пришел в 1818 году к Катенину и, подавая ему свою трость, сказал: «Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей – но выучи!» – «Ученого учить – портить!» – отвечал автор «Ольги». С тех пор дружеские связи их уже не прерывались» [Анненков 1984: 74]. Учитывая ученость Катенина, Пушкин разыграл маленький спектакль по историческому анекдоту из древнегреческой философии, повторив жест Диогена к Антисфену. Катенину явно понравилась сценка молодого поэта, он «взял его за руку и повел в комнату; через четверть часа все церемонии кончились, разговор оживился», «новый знакомец ушел уже поздним вечером» [А.С. Пушкин в воспоминаниях 1: 183–184]. Через несколько страниц после эффектного начала темы Анненков отметил независимость Пушкина в оценках поэтических сочинений: «Будучи “арзамасцем” по направлению своему, Пушкин находил одобрительные слова для добросовестного труда во всех литературных партиях» [Анненков 1984: 78]. Катенин, пишет Анненков, «помирил Пушкина с кн. Шаховским в 1818 г. Он сам привел его к известному комику, и радушный прием, сделанный поэту, связал дружеские отношения между ними», несколько не повлиявшие на убеждения поэта [Анненков 1984: 75].

Анненков подчеркивает открытость молодого Пушкина всем новым впечатлениям жизни. Сближение Пушкина с Катениным в 1818 г. получает дополнительное освещение в этой же главе от пушкинских писем 1825 г. из Михайловского к своему другу. Письма говорят о значении для поэта отношений с Катениным: «Наша связь основана не на одинаковом образе мыслей, но на любви к одинако-

вым занятиям»; в этом же письме Пушкин сердечно вспоминает «один из лучших вечеров» своей жизни – «помнишь?.. на чердаке кн. Шаховского» [Анненков 1984: 78]. В другом письме 1825 г. прозвучало важное признание Пушкина: «...ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли» [Анненков 1984: 79].

Имя Катенина и позже прозвучит в «Материалах»: Анненков вспомнит о переписке Пушкина с Катениным по теме классической трагедии в связи с полемикой о романтизме и классицизме (глава VIII). Упомянут Катенин в главе XXIII при разговоре о «Моцарте и Сальери». Свою переписку с Катениным по этому поводу Анненков пересказал Тургеневу в письме в январе 1853 г.

Анненков заканчивает главу III портретом Дельвига, любимого пушкинского друга, имя которого «нельзя пропустить в этом перечне людей, окружавших Пушкина». «Дельвиг был истинный поэт», поэт в душе; с ним Пушкин «делил ещё на ученической скамье свои авторские тайны и стремления» [Анненков 1984: 80]. Тему душевной близости лицейских друзей продолжают два пушкинских отзыва о Дельвиге на последней странице главы III: в письме ему из Кишинева и в статье (как уточняют комментаторы – 1827 г.) о его идиллиях [Анненков 1984: 80]. Эти более поздние пушкинские суждения о Дельвиге выполняют свою роль, дополняя свет личности Пушкина, раскрывая его «чутье изящного» и талант дружества. Имя Дельвига и далее прозвучит во многих главах биографии, исповедальные пушкинские письма к нему и о нем позволяют услышать голос Пушкина; его самый близкий друг участвовал в важнейших событиях пушкинской творческой жизни. В главе XXIII о событиях 1830 г. Анненков привел рассказ Пушкина о последней встрече с любимым другом: «ни тот, ни другой не могли и подумать, что дружеское расставание их, ещё исполненное разговоров о литературе, будет вечным» [Анненков 1984: 259]. Пушкин уезжал в Москву, потом – в Болдино, Дельвиг провожал его до Царского Села, до заставы. В этой же XXIII главе прозвучало веселое письмо Пушкина Дельвигу из Болдина 4 ноября о «детородной» своей осени: «Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать, именуемую цветочною» – для альманаха Дельвига «Северные Цветы» [Анненков 1984: 262]. Именно с ближайшими друзьями – с Дельвигом и Плетневым – делится Пушкин своей радостью небывалого урожая осени 1830 г. И очень скоро в январе 1831 г. – «ужасное известие» – о смерти Дельвига (глава XXVII). «...Никто на свете не был мне ближе Дельвига», «...первая смерть, мною оплаканная», – из письма Плетневу [Анненков 1984: 288]. Все факты дружбы Пушкина с Дельвигом рассредоточены Анненковым в «Материалах», но каждое упоминание включало эту сердечную ноту в образ поэта.

Заканчивая комментарий к главе III, после отступления о Дельвиге, мы убеждаемся, что главное внимание биограф уделяет литературным интересам Пушкина, его общению с друзьями и поэтами-наставниками. О поэтическом творчестве Пушкина этих лет почти нет разговора. О поэме «Руслан и Людмила», первом большом сочинении Пушкина петербургских лет, Анненков написал в главе IV, процитировав отрицательные отзывы о поэме в критике и упомянув о восторге читателей хрустальной прозрачностью стиха и роскошными описаниями. Биограф отметил, что при втором издании «Руслана и Людмилы» в 1828 г. появилось вступление, «которое по сказочному духу и народным краскам превосходит всю поэму» [Анненков 1984: 83]. По понятным причинам портрет Пушкина первых лет после окончания лицея лишен главных красок, очерк пушкинской поэзии этого времени фактически отсутствует. Среди друзей Пушкина в главе III, как и в главе о Лицее, не названы будущие декабристы, не упомянута вольнолюбивая лирика – «возмутительные» стихи, которые стали причиной южной ссылки поэта. Само слово «высылка» не звучит в «Материалах». Причины известны. Сочинения Пушкина подготавливались Анненковым на закате «мрачного семилетия», в последние годы царствования Николая I, в обстановке жесткого контроля над свободной мыслью. Чтобы сохранить внутреннюю творческую биографию Пушкина, пришлось пожертвовать многими фактами его жизни. О забываемом «балете» цензуры при допуске к печати пушкинских сочинений Анненков позднее написал статью «Любопытная тяжба» [Лобкова: 97–98]. Уклонение биографа от разговора о самых известных сочинениях Пушкина петербургских лет и в более поздние годы отчасти объясняют и его либеральные убеждения: мятежным настроениям поэта он не сочувствовал. Да, текст книги основан только на фактах и документах, но они освещены согласно пониманию биографом личности Пушкина и природы творчества. В книге «Пушкин в Александровскую эпоху» 1874 г. Анненков высказался на тему, закрытую для него в «Материалах»: молодой Пушкин «семь лет сряду стоял посреди заговора, омываемый, так сказать, волнами его со всех сторон, и не нашлось ни одной, которая бы унесла его с собой в пропасть, где так много погибло его друзей, товарищей и ровесников» [Анненков 1998: 64]. И спасла его поэзия, его высокое призвание.

В главе III «Материалов» Анненков не упомянул вольнолюбивые стихотворения Пушкина, но даже неупомянутые они незримо присутствуют в мотиве «заблуждений» в его стихотворении «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной...»), которое биограф цитирует, закрывая петербургскую главу. По словам Анненкова, это стихотворение Пушкина 1818 г. доказывает «одинаково и силу его гения, и глупину его сердца» [Анненков 1984: 81]. «Задушевную исповедь» Пушкина слышит Анненков в последней строфе стихотворения:

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникает в ней виденье
Первоначальных чистых дней.

«Ясные признаки самосознания» – слова Анненкова из аннотации к главе III – об этом стихотворении Пушкина [Анненков 1984: 65].

Остановимся на важнейших главах в «Материалах» – V, VI и VII – о Пушкине на юге, содержание которых открывало многое в личности поэта, а способ изложения материала и размышления биографа позволяют нам приблизиться к разгадке магии книги Анненкова, понять ход его исследования. Именно на юге, как убеждает Анненков, поэт понял важность своего призвания и размеры собственного таланта. Но не только о развитии гения Пушкина пишет Анненков – очень важно для него нравственное взросление его личности, возрастание души, ценны простые человеческие радости, пережитые поэтом, – любви, дружбы, наслаждения красотой мира. Эти главы особенно богаты постраничными большими примечаниями биографа, которые воскрешают голос Пушкина в его письмах (неизвестных тогда читателям), в неопубликованных стихах, в мемуарных заметках о поэте.

Начало темы Пушкина южных лет сопровождает большое примечание из воспоминаний Е.П. Рудыковского, семейного доктора Раевских, где подробно рассказано о болезни поэта в Екатеринославле, о дальнейшем путешествии Пушкина с семейством генерала Раевского, о дружеском общении поэта с младшим сыном генерала [Анненков 1984: 87–88]. Реплики Пушкина, его поведение воссоздают его веселый нрав и склонность к шалостям. Пушкин быстро выздоровел «благодаря деятельной жизни, дружбе и нравственному довольству, с ней неразлучному». Его исцелению помогли источники Кавказских гор; единственным признаком тяжелой болезни оставалась только бритая голова. Поэтому Пушкин, пишет Анненков, долго ходил в молдаванской феске или красной ермолке, что в Кишиневе принято было за суетное желание казаться оригинальным и ставилось ему в упрек, как позднее – Онегину за его наряд:

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспашку
И шапку с белым козырьком;
Но только сим убором чудным,
Безнравственным и безрассудным,
Была весьма огорчена
Его соседка Дурина,
А с ней Мизинчиков. Евгений
Быть может, толки презирал,

Быть может, и про них не знал;
 Но всех своих обыкновений
 Не изменил в угоду им,
 За то был ближним нестерпим (89).

Включение в текст биографии неизданной строфы «Онегина» создает ощущение шутливой игры, но у шутки своя роль: малая деталь внешности молодого поэта времени южных странствий дала росток иронии пушкинского романа.

Кавказ поразил пламенное воображение Пушкина. Анненков цитирует записки поэта при вторичном посещении Георгиевска и Горячих вод через 9 лет – отрывки из «Путешествия в Арзрум», в которых Пушкин вспоминает свои впечатления 1820 г. и жалеет об утрате прежнего дикого состояния этих мест. В тексте биографии возникает зыбкая тональность миража. «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте: это снежные вершины Кавказской цепи. Из Георгиевска заехал я на Горячие воды. Здесь я нашел большую перемену». Далее текст окрашен сожалением: великолепные ванны и дома явно разрушают прежнее романтическое очарование дикой природой. «В мое время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частью в первобытном своем виде, били, дымились и стекались с гор по разным своим направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки...» [Анненков 1984: 89]. Конечно, перемены сделали Кавказские воды более удобными, соглашается Пушкин, но сокрушается при этом: «...мне было жаль крутых каменных тропинок и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался».

Эти более поздние записки поэта создают зеркальную обратную перспективу в тексте «Материалов». О «Путешествии в Арзрум» Анненков расскажет в XVIII главе – в ряду событий 1829 г. Там прозвучат и комментарии биографа о независимости Пушкина в творчестве: поэт «не терпел постороннего вмешательства в дело творчества», он «не мог понять, а ещё менее допустить права распоряжаться его вдохновением» [Анненков 1984: 210]. Пушкинскому закону внутренней свободы следует и Анненков в «Материалах». Его постоянная игра временами и тональностями повествования сообщает биографии Пушкина одушевленность, создает ощущение нашего присутствия рядом с поэтом.

Непосредственные пушкинские впечатления 1820 г. можно услышать в поэме, связанной с Кавказом и горцами, – она уже тогда, считает Анненков, представлялась воображению поэта, хотя закончил он «Кавказского пленника» в феврале 1821 г. в Киевской губернии. Сейчас «он успевал только наслаждаться приливом новых, доселе неизвестных ему чувств». «Пушкин ра-

довался военной обстановке своего вояжа, любовался казаками, шумом и говором, сопровождавшим поезд его» [Анненков 1984: 89–90]. «В Тамани он увидел впервые южное море, а вскоре и роскошные берега Крыма, о которых так часто и в таких чудных стихах вспоминал потом». По словам Анненкова, сам поэт «оставил нам драгоценную заметку о внутреннем своем перевороте в стихотворении “Погасло дневное светило...”, которым он приветствовал Черное море» [Анненков 1984: 90]. В сборнике 1826 г. стихи получили название «Подражание Байрону». В примечании на этой же странице Анненков уточняет: в тетради, с которой печатались «Стихотворения» 1826 года, «пьеса названа была просто “Черное море”. Пушкин зачеркнул заглавие и написал вместо него “Подражание Байрону”». Новое название элегии, написанной в 1820 г., – знак осмысления Пушкиным собственного пути в поэзии. Небольшое примечание из истории публикации стихотворения включает *внутренний свет личности* поэта – его постоянно чувствует биограф и следует за ним в своем повествовании.

Упоминает Анненков и об антологических стихотворениях 1820 г., навеянных чтением Андрея Шенье и впечатлениями Крыма. Критик включает в свою книгу пушкинское беглое описание поездки по Крыму 1820 г., специально написанное для альманаха Дельвига «Северные цветы», позже напечатанное как приложение к поэме «Бахчисарайский фонтан». Рядом с этим нарочито сдержанным текстом Анненков дает письмо Пушкина к брату Льву с живыми впечатлениями от путешествия по Крыму [Анненков 1984: 91–92]. Поражает разница в содержании и тональности текста для печати и откровениями в частном письме. Анненков звездочкой обозначил приложение к этому частному письму и внизу мелким шрифтом дал полностью его текст.

Завершая главу V, Анненков вновь прибегнул к резкой смене тональности прозы и поэзии. Большой лихорадкой Пушкин «едва посмотрел на ржавую трубку знаменитого фонтана, из которой капала вода» – из напечатанного примечания к поэме «Бахчисарайский фонтан» [Анненков 1984: 93–94]. И следом – пушкинские стихи:

Фонтан любви, фонтан живой!
 Принес я в дар тебе две розы.
 Люблю немолчный говор твой
 И поэтические слезы!

Анненков отмечает, что Пушкин «высказывается здесь со всем жаром своей души, со всею своею впечатлительностью и вместе с какой-то осторожностью в передаче чувства. Он вообще любил закрывать себя и мысль свою шуткой или таким оборотом речи, который ещё оставляет возможность сомнения для слушателей: вот почему весьма мало людей знали Пушкина, что называется, лицом к лицу» [Анненков 1984: 94].

Близкая мысль прозвучала в VII главе – о Пушкине в Одессе: «поэтическое творчество было у Пушкина как будто поправкой волнений жизни». Ему были знакомы ураганные взрывы уязвленного сердца – он мог в мучениях ревности и досады пробежать пять верст без шляпы по палящему жару в 35 градусов, как то случилось в Одессе, по воспоминаниям брата Льва [Анненков 1984: 105]. Но поэзия сглаживала резкие проявления чувств, смягчала и облагораживала всё, что было в них случайно грубого, неправильного и жесткого [Анненков 1984: 106]. По неприменному закону отражения благодаря творчеству в поэте замолкали струны, которые звучали бы без того тревожно и несогласно: «Вот почему Пушкин мог выходить из всех порывов ещё свежее прежнего». По этой же причине он не мог в течение всей жизни остановиться на каком-нибудь исключительном направлении.

О Пушкине южных лет, о его восприятии полуазиатского и полуевропейского общества Кишинева, о его добрых отношениях с генералом Инзовым, об отлучках поэта из Бессарабии, о его литературной переписке с друзьями, о стихах, написанных в эти годы или рожденных впечатлениями жизни на юге, Анненков рассказал в главе VI.

В начале осени 1824 г. Пушкин простился с южным краем России (глава VII). 25-летний Пушкин прощается и с Байроном в чудном своем послании «К морю». «Другое направление, другое развитие ожидали его в Михайловском» [Анненков 1984: 108]. Однако до Михайловского – остановка «на минутку» в VIII главе – для обозрения южных поэм Пушкина. Анненков, прежде всего, дает слово самому поэту – звучит его голос в письмах о «Кавказском пленнике» друзьям и литераторам (по черновикам из пушкинского архива) о неудавшихся попытках создать современный характер. Пушкину, по убеждению Анненкова, были чужды теоретические тонкости литературных споров, он безошибочно мог оценить художественное достоинство поэтического произведения – независимо от формы его. Пушкина называли романтиком, и он сам себя называл романтиком, но под этим словом «он разумел совершенно свободное проявление творящего духа» – это слова поэта о его романтической трагедии «Борис Годунов» [Анненков 1984: 121].

Заметки о Пушкине на юге, об этом четырехлетнем промежутке времени, столь обильном разнородными впечатлениями, столь плодотворном в литературном отношении, выполнены биографом по архивным материалам, по письмам Пушкина и его откликам на критику. Насыщенность этих глав историческими фактами, стихами, мыслями поэта, именами друзей, суждениями о писателях российских и европейских, свободное переключение Анненкова в разные време-

на, смена тональностей повествования превращают текст «Материалов» в живое пространство – пульсирующее, одушевленное, звучащее.

Творческая жизнь поэта в IX, X и XI главах и далее представлена в разных ракурсах: в годы расцвета пушкинского таланта рождаются миры Пушкина, но не один за другим, как прежде, – теперь пушкинские миры возникают параллельно, пересекаясь между собою, создавая сложный, глубокий творческий поток, расчленив который на отдельные жанры или периоды можно только искусственно. Анненков, по признанию первых читателей «Материалов», решился на литературный подвиг – он прикоснулся к этой живой горячей стихии творчества, понял ее природу, назвал знаковые имена и факты. Хронологическая канва биографии сохраняется, аннотации к главам исполняют роль проводника для читателей книги и в то же время убеждают в условности этих опор в повествовании.

Непрерывная литературная переписка с друзьями принадлежала к числу любимых и немаловажных занятий Пушкина в Михайловские годы: переписка включала поэта в литературную и театральную жизнь Петербурга. Но не только историко-литературный и биографический материал извлекал Анненков из пушкинских писем, – переписка Пушкина была для него особенно драгоценна тем, что ставила «читателя лицом к лицу с его мыслию», показывала «всю ее гибкость, оригинальность и блеск, ей свойственный» [Анненков 1984: 129].

Пушкинская трагедия «Борис Годунов», созданная в Михайловском, составила, по словам Анненкова, «зерно, из которого выросли почти все его исторические и большая часть литературных убеждений»; «так много соединилось для Пушкина в “Борисе Годунове” воспоминаний сердца; такими тонкими нитями связан он был с душой самого поэта» [Анненков 1984: 137–138].

Из всех размышлений биографа о трагедии «Борис Годунов» особый интерес вызывает эпизод из истории создания сцены с летописцем Пименом, в котором Анненкову удалось передать самый процесс творчества поэта. Этот потрясающий этюд подготовлен более ранними наблюдениями биографа. Даже на материале лицейской лирики Анненков отметил особенность «удивительно мужественного таланта» Пушкина – соединение необыкновенного природного дара с серьезной работой мысли. Рабочие тетради Пушкина позволили Анненкову воссоздать в гениальной сцене с летописцем Пименом то самое «горнило художественного труда», в котором соединились вдохновение и работа мысли.

На одной странице рукописи смешиваются монолог Пимена, черновая записка «как будто от безделья» (это был черновик «Воображаемого разговора

с Александром I»), тут же следует строфа из «Цыган» и стихотворение «Сожженное письмо», затем XVII и XXIII строфы 4-й главы «Онегина» – после них происходит возвращение к «Борису Годунову» с пророческим сном Григория, «столь удивительно просто изложенным и столь зловещим в устах молодого послушника:

Ты всё писал и сном не забывался,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил...

Но эти три превосходных стиха, пишет Анненков, находятся ещё в виде одного, чернового, не вполне развитого в рукописи: «Три раза в ночь злой враг будил меня». Этот стих оставлен Пушкиным опять для строф из 4-й главы «Онегина». Затем поэт возвращается к Григорию, излагая его мысли о старце:

Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет...

Начинаются «тоскливые, мятежные распросы» Григория о былом, о дворе Иоанна, о битвах – за ними идут стихи совсем в другой тональности: «величавый голос инока <...> в тишине отшельнической кельи, ночью, звучит, как умиротворяющий благовест и как живое слово из дальних веков» [Анненков 1984: 145]:

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе Всевышний...

И тут, пишет Анненков, «невольны поражены мы прозаической строкой: «Приближаюсь к тому времени, когда перестало земное быть для меня занимательным» [Анненков 1984: 146]. Анненков дал объяснение этому вторжению в текст «Бориса Годунова» других произведений и прозаической вставки: Пушкин явно «подждал вдохновения, необходимо было его участие в создании» [Анненков 1984: 145]. На первый взгляд, слова Анненкова кажутся странными: как можно подждать вдохновения? Это нечто стихийное, независимое от художника. Но Анненков, изучив пушкинский архив, впитав все оттенки мысли Пушкина, идет за поэтом, слышит его. В той же главе в начале разговора о «Годунове» биограф поместил пушкинские письма Раевскому о своей работе над трагедией, в одном из них поэт упоминал: в тех случаях, когда сцена требовала вдохновения, он «или пережидал, или просто перескакивал через нее» [Анненков 1984: 140]. В «Материалах» можно обнаружить и объяснение пушкинскими словами, что такое «вдохновение». В главе XXII, где Анненков комментирует «кабинетный труд» поэта, содержится отклик Пушкина на статью Кюхельбекера в «Мнемозине» 1824 г. (запретное имя Кюхельбекера, конечно, не названо): «Критик смешивает вдохновение с восторгом. Вдохновение есть расположение души к живейшему восприятию впечатлений и соображению понятий,

следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии. Восторг исключает *спокойствие* – необходимое условие *прекрасного*» [Анненков 1984: 241]. Следуя пушкинскому пониманию вдохновения, мы соглашаемся с Анненковым: эта прозаическая строка настроила душу поэта, чтобы «держать пред мысленными его очами и лицо старца, не замечающего преступных волнений послушника», и лицо самого послушника, «страстно следящего за рассказом инока, где уже смутно предчувствуется ему возможность дерзкого замысла и преступления» [Анненков 1984: 146].

В главе XXV Анненков коротко информирует о выходе в свет трагедии Пушкина в Петербурге 1 января 1831 г.; она вышла без предисловия и «даже без обозначения: трагедия ли это, драма или хроника. Заглавный лист носит только имя “Борис Годунов” и после пометки места печатания, года и типографии, слова: “С дозволения начальства”. “Борис Годунов” вышел при всеобщем молчании» [Анненков 1984: 281].

Несколько глав «Материалов» посвящены истории создания романа «Евгений Онегин». Любопытное предположение вызывают у Анненкова пропущенные строфы в разных главах «Онегина»: отброшенные самим автором как не заслуживающие отделки, они берегли в римских цифрах его воспоминания о первой мысли [Анненков 1984: 296]. Интересны комментарии Анненкова к черновым вариантам портрета Ленского. Несмотря на легкий оттенок насмешливости над восторженным молодым поэтом, замечает Анненков, видно, что Пушкин любил своего Ленского «любовью человека, уважающего высокое нравственное достоинство в другом» [Анненков 1984: 296]. В черновых вариантах второй главы романа Пушкин обращается к Ленскому «с жарким выражением любви и удивления». По убеждению Анненкова, первые наброски стихов точнее говорят о сердце поэта: более поздняя отделка текста романа, продиктованная общим его замыслом, неизбежно заслоняет ранние душевные откровения: «Мы знаем почти всё, что Пушкин отдал свету по расчету и своим соображениям, и мало знаем, что думал он про себя» [Анненков 1984: 297]. Анненков дорожит фактами из истории пушкинских произведений. В Ленском биограф готов видеть черты личности молодого Пушкина.

Дороги Анненкову все сочинения Пушкина. В отдельных этюдах в тексте «Материалов» обозначены Анненковым разные грани творческой биографии Пушкина и его душевной жизни: история создания конкретного текста; пушкинский талант дружества; отношение поэта к авторам-современникам; решение темы поэта и поэзии; оценки европейской культуры; исторические пушкинские труды и работа в архивах. С большим волнением Анненков пишет о «Русалке» – лебединой песни поэта [Анненков 1984: 329]. Лирика

Пушкина, проза, исторические исследования, письма – все материалы собирают его образ, его личность. «Настоящая, полная жизнь его заключается в самых его произведениях», «так писал Пушкин свою биографию» [Анненков 1984: 383–384].

По оценке Дружинина, такую биографию Пушкина мог написать только человек их поколения: Анненков дышал ещё воздухом Пушкинской эпохи, понимал особенности духовной и душевной жизни поэта. Современные биографии Пушкина имеют свои достоинства, но ни одна из них не обладает сердечной тональностью повествования, что и объясняет магию книги Анненкова.

Библиографический список

Источники

Анненков П.В. Литературные воспоминания. Москва: Худ лит., 1983. 693 с.

Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. Москва: Современник, 1984. 476 с.

Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу / Изд. подг. Н.Н. Мостовская и Н.Г. Жекулин; отв. ред. Б.Ф. Егоров. Санкт-Петербург: Наука, 2005. Кн. 1 (1852–1874). 534 с.

Анненков П.В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимариус, 1998. 359 с.

Дружинин А.В. Пушкин и последнее издание его сочинений // Дружинин А.В. Литературная критика. Москва: Сов. Россия, 1983. С. 31–83.

Исследования

А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Москва: Худ. лит., 1974.

Лобкова Н.А. Из истории публикаций Пушкинских работ П.В. Анненкова в «Вестнике Европы» (по письмам к М.М. Стасюлевичу) // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 3. С. 94–100.

Модзалевский Б.Л. Работы П.В. Анненкова о Пушкине // Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1999. С. 436–506.

Осват А.Л., Охотин И.Г. Комментарий к Материалам для биографии А.С. Пушкина. Москва: Книга, 1985. С. 61–272.

Скатов Н.Н. Пушкин. Русский гений. Москва: Классика, 1999. 592 с.

Сухих И.Н. Жизнь и критика П.В. Анненкова // Анненков П.В. Критические очерки. Санкт-Петербург: РХГИ, 2000. С. 3–31.

Тихомиров В.В. Литературная позиция А.С. Пушкина в осмыслении П.В. Анненкова // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 3. С. 42–71. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-42-71>

Фридлиндер Г.М. Первая биография Пушкина // Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. Москва: Современник, 1984. С. 5–31.

Шилов К.В. Павел Васильевич Анненков и его «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина» // Комментарий к Материалам для биографии А.С. Пушкина. Москва: Книга, 1985. С. 5–60.

References

A.S. Pushkin v vospominaniakh sovremennikov [A.S. Pushkin in the memoirs of his contemporaries]: in 2 vols. Moscow, Khud. lit Publ., 1974. (In Russ.)

Fridlender G.M. *Pervaya biografii Pushkina* [The first biography of Pushkin]. Annenkov P.V. *Materialy dlia biografii A.S. Pushkina* [Materials for the biography of A.S. Pushkin]. Moscow, Sovremennik Publ., 1984, pp. 5–31. (In Russ.)

Lobkova N.A. *Iz istorii publikatsii Pushkinskikh rabot P.V. Annenkova v "Vestnike Evropy"* (po pis'mam k M.M. Stasiulevichu) [From the history of publications of Pushkin's works by P.V. Annenkov in the "Bulletin of Europe" (according to letters to M.M. Stasyulevich)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019, No. 3, pp. 94–100. (In Russ.)

Modzalevskii B.L., Raboty P.V. Annenkova o Pushkine [Works by P.V. Annenkova about Pushkin]. *Modzalevskii B.L. Pushkin i ego sovremenniki* [Modzalevsky B.L. Pushkin and his contemporaries]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb. Publ., 1999, pp. 436–506. (In Russ.)

Ospovat A.L., Okhotin I.G. *Kommentarii k Materialam dlia biografii A.S. Pushkina* [Commentary on Materials for the biography of A.S. Pushkin]. Moscow, Kniga Publ., 1985, pp. 61–272. (In Russ.)

Shilov K.V. *Pavel Vasil'evich Annenkov i ego "Materialy dlia biografii Aleksandra Sergeevicha Pushkina"* [Pavel Vasilievich Annenkov and his "Materials for the biography of Alexander Sergeevich Pushkin"]. *Kommentarii k Materialam dlia biografii A.S. Pushkina* [Commentary on Materials for the biography of A.S. Pushkin]. Moscow, Kniga Publ., 1985, pp. 5–60. (In Russ.)

Skatov N.N. *Pushkin. Russkii genii* [Pushkin. Russian genius]. Moscow, Klassika Publ., 1999, 592 p. (In Russ.)

Sukhikh I.N. *Zhizn' i kritika P.V. Annenkova* [Life and criticism of P.V. Annenkova]. Annenkov P.V. *Kriticheskie ocherki* [Annenkov P.V. Critical Essays]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2000, pp. 3–31. (In Russ.)

Tikhomirov V.V. *Literaturnaia pozitsiia A.S. Pushkina v osmyslenii P.V. Annenkova* [Literary position of A.S. Pushkin as interpreted by P.V. Annenkova]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2020, vol. 2, No. 3, pp. 42–71. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-42-71> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

ТВОРЧЕСТВО А.С. ПУШКИНА В РЕЦЕПЦИИ А.И. ЭРТЕЛЯ

Смирнова Ирина Юрьевна, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, Irisaltsan@mail.ru

Аннотация. В статье осмысляется рецепция А.И. Эртеlem отдельных образов, идей, тем А.С. Пушкина. Актуальность работы связана с малоизученностью наследия Эртеля, с отсутствием исследований о художественной преемственности произведений Эртеля по отношению к русским классикам. Отдельное внимание в статье уделяется образу настоящего аристократа, народной теме у Пушкина и Эртеля. Ключевые параллели в тематике и компонентах образности в статье рассмотрены на примере различных художественных произведений Пушкина и Эртеля, кроме того, проанализирован образ Пушкина в письмах Эртеля. Отмечается ключевая разница во взглядах героев Эртеля и его повествователя, именно последнему была близка и понятна позиция Пушкина. Можно утверждать, что революционные настроения последней трети XIX в. связывались Эртелеm с образом русского бунта, что во многом именно вслед за Пушкиным Эртель изображал полюсы русской души.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, А.И. Эртель, рецепция, традиция, поэзия, художественная рефлексия, классическая литература.

Для цитирования: Смирнова И.Ю. Творчество А.С. Пушкина в рецепции А.И. Эртеля // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 54–60. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-54-60>

Research Article

A.S. PUSHKIN'S CREATIVITY AT THE RECEPTION OF A.I. ERTEL

Irina Yu. Smirnova, graduate student, Kostroma State University, Kostroma, Russia, Irisaltsan@mail.ru

Abstract. The article comprehends the reception of A.I. Ertel of hotel images, ideas, themes of A.S. Pushkin. The relevance of the work is connected with the lack of knowledge of Ertel's heritage, with the lack of research on the artistic continuity of Ertel's works in relation to the Russian classics. Special attention in the article is paid to the image of a real aristocrat, the folk theme of Pushkin and Ertel. Key parallels in the themes and components of figurativeness in the article are considered using the example of various artistic works of Pushkin and Ertel, in addition, the image of Pushkin in Ertel's letters is analyzed. A key difference is noted in the views of Ertel's heroes and the narrator in his works; it was the latter who was close and understandable to Pushkin's position. It can be argued that the revolutionary sentiments of the last third of the 19th century. Ertel was associated with the image of the Russian rebellion, that it was precisely after Pushkin that Ertel depicted the poles of the Russian soul.

Keywords: A.S. Pushkin, A.I. Ertel, reception, tradition, poetry, artistic reflection, classical literature.

For citation: Smirnova I.Yu. A.S. Pushkin's Creativity at the reception of A.I. Ertel. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 54–60 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-54-60>

Творчество А.И. Эртеля литературоведы справедливо относят к демократической ветви литературы, нередко называя Эртеля или народником, или последователем народнических идей. Эртель сумел избежать часто присущей народнической литературе мелочности анализа, сосредоточенности исключительно на двух-трех социальных проблемах. Писатель прекрасно понимал, что корень и основа проблем как простого народа, так и интеллигенции заключается в пренебрежении к прогрессу и образованию, в отсутствии кругозора и истинного понимания жизни, открывающего человеку не только материальные

ценности и блага. С уверенностью можно сказать, что одним из «учителей» Эртеля был А.С. Пушкин. Применительно к произведениям Эртеля можно говорить как о непосредственной рецепции творчества Пушкина, так и об обращении к пушкинским мотивам, переосмысленным и реализованным в творчестве Тургенева и Толстого.

В данной статье представлена фактически первая в литературоведении попытка показать влияние творчества Пушкина на Эртеля. В связи с тем, что Эртель принадлежит к числу фактически забытых писателей, влияние классиков на него в науке не рассматрива-

лось. В последние 20 лет филологи стали обращаться к творчеству Эртеля, однако до сих пор особенности мировоззрения и позиции писателя, его творческая эволюция полностью не раскрыты. По нашему мнению, величина гения Пушкина и глубокая погруженность в проблемы русской национальной жизни были для Эртеля примером, побуждающим его к литературному творчеству как своего рода служению русскому народу.

В своих произведениях Эртель часто обращается к именам классиков, дает оценку их литературной деятельности, цитирует фрагменты из их произведений. Применительно к раннему творчеству писателя можно говорить о наибольшем внимании к произведениям классиков русской литературы. Разумеется, на первом этапе творчества Эртеля он не избежал и подражаний (в большей степени Тургеневу). К примеру, в цикле «Записки Степняка» (1879–1893 гг.) Эртель упоминает имена А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Ив. Никитина, А.В. Кольцова, А.А. Фета, Ф.М. Достоевского, Гл. Успенского. Пушкинские мотивы и герои, похожие на пушкинские типы, имеют в художественном мире книги очерков особенное значение.

В очерке «Серафим Ежиков» главный герой (он же Степняк, записки которого представил нам повествователь Николай Васильевич Батурина) во время разбушевавшейся в степи бури приютил лесковского учителя Серафима Николаевича Ежикова. Сразу же отметим значимость образа дороги в очерке Эртеля, который во многом связан именно с пушкинским образом, передающим не только широту русского пространства, бесконечную даль, но и русскую душу, «полную характерных контрастов», «эмоционально-образных обертонов и настроений» [Троицкий: 22].

Фигура учителя является особенно симпатичной для читателя, однако она сложна, отражает не только лучшие стороны окружающей действительности. Скромный, по-детски робкий, но прекрасно образованный, добрый, открытый, Ежиков поражает Батурина своим стремлением к просвещению простых мужиков, всем сердцем желая развеять их средневековые представления о природе вещей и окружающем мире. Вместе с тем Ежиков слишком мягок и податлив, не готов отстаивать себя и свои убеждения. В.Г. Андреева справедливо отметила: «Эртель показывает, что в пореформенное время для борьбы со злом мало быть просто “душевным человеком” (именно так охарактеризованы автором Трофим и Серафим Ефиков), для жизни в миру необходим еще огромный запас крепости, твердости, терпения, выдержки и, если нужно, даже хитрости. Кроме того, борцам за счастье народа и страны необходима бдительность, поскольку “враг” скрывается за разными обличьями» [Андреева 2013: 94].

Эртель изображает Ежикова замечательным человеком, в некоторой степени исключительным, но писатель не отрицает того, что личность не может быть развита одновременно во всех направлениях – проблема в том, что Ежиков одинок, полностью лишен поддержки и отчасти введом. Ежиков не видит достойных примеров для подражания в жизни, поэтому он ищет их в литературе. Вот что пишет Эртель про учителя: «Любимейшими его поэтами были Кольцов и Некрасов (впрочем, он не называл их “лучшими” поэтами, а величал “симпатичнейшими”). Пушкина за “Евгения Онегина”, “Капитанскую дочку” и многие мелкие пьесы он боготворил, но пренебрежительно отзывался о его сказках и называл красивой побрякушкой и “Цыган” и “Полтаву”» [Эртель 1958: 240].

Обратим внимание на эпитеты, которые дает Ежиков поэтам, они говорят о прекрасном понимании им уровня мастерства, а при этом Ежикову наиболее интересны те произведения, которые возможно использовать как руководство для народного просвещения. Ежиков сразу же отбрасывает все другое, малоприменимое к народной действительности, убогому и серому настоящему русской деревни, учитель не интересуется идеей свободной и вольготной жизни человека, пути его гармоничного развития, поскольку для него, как и для его подопечных, не закрыты вопросы с самыми насущными потребностями.

С большим воодушевлением, «до умиления восторгаясь первыми двумя строфами», декламирует Ежиков стихотворение Пушкина «Зимний вечер», особенно трепетно прочитывая строки:

...Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Не случайно Эртель вводит в контекст своего очерка эти строки. Образ бури является ведущим и в стихотворении Пушкина, и в очерке Эртеля – и тут последний многое заимствует у своего великого предшественника. Разыгравшееся ненастье изолирует героев от внешнего мира, заставляя погружаться в грустные думы. В.Ю. Троицкий рассуждает о целой череде стихотворений Пушкина, «составляющих живописную симфонию переживаний, вдохновленных картинами русской природы и вызванными ими чувствами, наиболее отвечающими типическим впечатлениям и состоянию русской души», и называет «Зимний вечер» одним из первых стихотворений в этой череде [Троицкий: 22].

Особым смыслом обладает и образ старушки, пригорюнившейся у окна. Для Пушкина образ няни символизировал глубокую связь с народом, с исконной Русью. Образ няни не отождествляется у Пушкина

с образом матери, но как бы дополняет его: наследник многих кровей и поистине сын мира (в том числе по величине своего таланта), Пушкин считал своей колыбелью среднюю Россию, одной из воспитательниц, способствовавших развитию его таланта, – няню.

В случае с Серафимом Ежиковым ситуация изменяется полярно. У Ежикова не только нет родных людей среди народа, их фактически нет нигде (Батурина, по всей видимости, оказался одним из самых неравнодушных в судьбе Ежикова людей). Серафим Ежиков не просто разлучен со своей родительницей (богатой генеральшей) по долгу службы, между ними пропасть непонимания. Имея благородное происхождение, знатное имя, богатое наследство, Серафим предпочитает посвятить себя служению народу, за крошечную зарплату работая деревенским учителем. Перед нами молодой и благородный народник, искренние желания которого остались непонятыми, в том числе и самим народом. Несмотря на мягкость, робость, добродушие, Ежиков остается предан своей идее народного просвещения, даже когда его мать лично является за ним в деревню. В период бури особенно остро ощущается им одиночество, и образ старушки в стихах Пушкина греет сердце Ежикова, заставляя верить, что где-то есть человек, которому он бесконечно дорог.

Дочитав стихотворение до конца, Ежиков с пылким негодованием произнесет строки:

Выпьем, добрая подружка,
Бедной юности моей,

Выпьем с горя; где же *кружка?* –

Ежиков убеждает Батурина, что такое выражение «не свойственно народу русскому. <...> Как выговоришь “где же кружка?”, сейчас тебе пиво мерещится» [Эртель 1958: 241]. Этимология слова «кружка» показывает, что оно имеет европейские корни, пришло к нам из польского языка [Шанский: 270]. На Руси же были и свои питейные сосуды: братины, кувшины, ковш, ендова, кубки и т. д. Даже слово «чашка» имеет праславянские корни, но Пушкин выбирает не его, поэтому, будучи носителем народнических идей и приверженцем исконно-русской культуры, негативно отзываясь сельский учитель об этих строках поэта. Состояние Ежикова, как мы уже отметили, абсолютно противоположно настроениям и ощущениям героя Пушкина. Жизнь Ежикова полна горя и проблем, у него нет друзей и, самое главное, нет настоящего отклика от народа, ради которого он претерпевает все мучения. Более того, «кружка» напоминает Ежикову о беспробудном народном пьянстве, которое закрывает для мужиков возможность развития и образования, препятствует заботе о здоровье в условиях, как отмечают исследователи, почти повсеместного в царской России недостатка квалифицированных докторов на селе [Христенко 2022].

Беспокоит Ежикова не только вопрос избавления деревни от порока пьянства, но и проблема духовной чистоты народа. В уста своего героя Эртель вкладывает строки великопостной молитвы «Отцы-пустынники и жены непорочны», но не оригинал текста Священного писания, а именно строки Пушкина. Оно «вызывало в нем какое-то, пожалуй, даже и наивное, восхищение, и я уверен, не одно только эстетическое наслаждение заставляло проникать его голос умирительной теплотой, когда он декламировал:

...Владыко дней моих! Дух праздности унылой,

Любоначала, змеи скрытой сей,

И празднословия не дай душе моей;

Но дай мне зреть мои, о боже! прегрешенья,

Да брат мой от меня не примет осужденья,

И целомудрия мне в сердце оживи... [Эртель 1958: 242].

Эти строки Пушкина можно расценивать как ободрение Серафима Ежикова на тернистом пути борьбы с невежеством, грубостью, забитостью освобожденных крестьян. В тексте стихотворения Пушкина, написанного в 1836 г., видим мы и сокровенное наставление потомкам. Пушкинские строки еще раз позволяют понять, что жизнь Ежикова – бесконечная борьба, в которой учителю фактически не на кого опереться, поскольку почва, на которой он стоит, слишком зыбка и Ежиков не находит успокоения даже внутри себя.

Герой Эртеля вроде бы и верит в правду и светлое будущее, но идет не тем путем, пытается бороться с устоявшимся невежеством собственными силами. Повествователь у Эртеля прекрасно чувствует, что «среди бурь и битв», в том числе разворачивающихся в душах и сердцах людей, только любовь и вера могут спасти человечество, но усилий отдельных людей недостаточно даже для начала движения. Эртель показывает, что России нужен сложный и долгий путь возрождения, подчеркивает значимость сохранения православия для людей, жизнь которых погружена в хаос исторических перипетий. Как мы уже показали в более ранней нашей статье, в отличие от Серафима Ежикова, писатель видел свою задачу отнюдь не только в помощи народу, но в оздоровлении и преобразении *всего русского общества*, утрачивавшего высокие моральные образцы [Смирнова].

В романе «Гарденины» (1889 г.) Эртель также активно обращается к наставлениям и темам классиков, цитирует фрагменты их произведений. Особое значение в хронотопе произведения приобретает образ героини романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» – Сонечки Мармеладовой, которая является во сне главной героине произведения Эртеля и предсказывает Элиз Гардениной трагический финал ее судьбы. Неоднократно цитируются Эртелем стихи Н.А. Некрасова. Образ А.С. Пушкина появляется в романе в оценке двух героев: купцов Кось-

мы Васильевича Рукодеева (пьющего и неудовлетворенного своей судьбой) и купца Ильи Финогеныча Ефферова (человека успешного, сознательного, делового). Оба эти героя являются своеобразными *учителями и нравственными ориентирами* на разных этапах в жизни Николая Рахманного. Примечательно, что оценивают Рукодеев и Ефферов значимость литературной деятельности Пушкина полярно.

Косьма Васильевич категорически не советует Николеньке увлекаться творчеством поэта, с большим сарказмом отрываясь о нем: «Пушкина давно уж в хлам сдали... Эти камер-юнкеры, эстетики, шаркуны в наше время презираются» [Эртель 1985: 179]. Похожее уничижительное мнение о ценности наследия Пушкина можно обнаружить в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». Подобный вердикт был выдвинут нигилистом Базаровым: личность Пушкина в 1870–80-е гг. вызывала сомнение и отрицание в среде радикалов.

Купец Илья Финогеныч, сблизившись с Николаем и отметив его стремление к истине, знаниям и просвещению, опровергает замечания Рукодеева в адрес Пушкина, подчеркивая особую значимость поэта для становления русской литературы и формирования народного сознания: «А Пушкин как был велик, так и остался великим. Кто из вавилонского плена словесность нашу извлек? Пушкин. Кто ее спустил с высейто казенных, с мундирных парнасав-то? Опять-таки Пушкин. Это историческая заслуга. А прямая заслуга? А красота во веки веков живая? Болваньё!.. Надо понимать, какого имеем великана» [Эртель 1985: 404]. Слова героя резонируют с мыслями самого Эртеля в отношении Пушкина. В письмах Эртель неоднократно признавался в глубокой любви к Пушкину, высоко оценивая его вклад в развитие русской литературы.

По всей видимости, создавая «Гардениных», Эртель творчески осваивал и некоторые идеи Пушкина, реализованные им в «Капитанской дочке». Конечно, нельзя однозначно сказать, что роман Пушкина и роман Эртеля относятся к семейным романам, хотя Т. В. Затеева и В.О. Базарова утверждают, что «Гарденины» вполне может быть оценен как семейный роман, выводящий к общественной жизни России того времени: «В поле зрения писателя находятся события из жизни семей, имеющих разный сословный статус, что позволило ему создать широкое социальное полотно пореформенной России. Отметим, что для писателя в равной мере значительны как истории отдельных семей, так и каждого их члена» [Затеева, Базарова: 82]. В данном случае нам важно не четкое определение жанровой характеристики романов Пушкина и Эртеля, а наличие в них мысли семейной, с которой прочно связан центральный конфликт в обоих произведениях, и выход Пушкина,

а за ним и Эртеля к нравственно-философским притчам [Недзвецкий: 29].

Конфликт поколений, отцов и детей у Эртеля реализован, как у Пушкина, в оппозиции «вред – благо», подробно рассматриваемой применительно к «Капитанской дочке» Н.П. Жилиной [Жилина: 8]. Исследовательница показывает, что эта оппозиция возникает у Пушкина в парадоксально перевернутом виде, вводя в повествование тему истинных и ложных ценностей: «В “Капитанской дочке”, казалось бы, тоже намечаются две противоположные системы ценностей (отца и сына), порождающие соответствующие оппозиции: веселая петербургская жизнь – скука в стороне глухой и отдаленной (в сознании Петра)... Однако намечившийся было конфликт сразу же снимается: следуя патриархальной традиции, Петр принимает отцовское решение безо всякого внутреннего сопротивления...» [Жилина: 10]. И у Пушкина, и у Эртеля мы видим конфликт между желаниями героев, честью и долгом, однако позиция отца Петруши Гринева оказывается верной (как убеждается и сам герой), а позиция отца Николая Рахманного содержит пережитки прошлого, так как связана исключительно с идеей народного труда на благо увеличения барского достатка, в крайнем случае – порядка (также заведенного господами Гардениными).

Нельзя не отметить, что герой из народа Николай Рахманный наделяется Эртеlem многими лучшими чертами, свойственными героям Пушкина и Толстого. Как Петруша Гринев, Пьер Безухов, Николай Ростов, Константин Левин, Дмитрий Нехлюдов, Николай Рахманный совершает ошибки, но при этом «способен к прямой и честной их оценке» [Жилина: 12].

В романе «Смена» 1891 г. Эртель «художественно запечатлел процессы ломки старой общественной формации в России и замены ее новой, – строя феодально-крепостнического – строем буржуазно-хищническим» [Ломунов: 22]. Под «сменой» сам автор понимал «те общественно-культурные метаморфозы, силой которой сходят со сцены *интеллигентные* люди барских привычек, барского воспитания с их нервами, традициями, чувствами, и в значительной степени – идеями, уступая свое место иным, далеко не столь утонченным и даже грубоватым людям, но гораздо более приспособленным к борьбе» [Письма: 58].

К образу Пушкина в романе обращается Эртель трижды, давая оценку творчества поэта устами главного героя Мансурова, являющегося представителем того самого «вымирающего культурного слоя» [Письма: 85]. О себе он скажет: «Я живу как зритель в театре: весело – смотрю, скучно – ухожу» [Эртель 1959: 219]. Описывая свое мироощущение, Мансуров процитирует фрагмент стихотворения Пушкина «Из Пиндемонти» 1836 г., в котором Пушкин ведет рассказ о высших правах, которые есть у человека:

...По прихоти своей скитаться здесь и там,
 Дивясь божественной природы красотам,
 И пред созданиями искусств и вдохновенья
 Безмолвно уопать в восторгах умиленья,
 Вот счастье!

Эти строки всецело отражают ценности героя Эртеля – настоящего скитальца. Будучи представителем уходящей эпохи дворянства, аристократом по крови, Мансуров тонко чувствует этот мир, преклоняется перед высоким искусством, поэтому ему близка поэзия Пушкина, проникнутая отголосками романтизма, поэтому с такой грустью вспоминает герой жизнь в 1840-е гг., и тем болезненнее ощущается им суровая реальность пореформенной эпохи, в которой герой не может найти себе место. Во многом образ Мансурова продолжает традицию изображения «лишних людей», начатую Пушкиным в романе «Евгений Онегин», хотя выражение «лишние люди» вошло в оборот с выходом повести Тургенева «Дневник лишнего человека» в 1850 г.

«Большинство героев Эртеля, даже чуткие, вдумчивые персонажи, не поднимаются над соотносимыми мирами прошлого и настоящего, не прозревают за сменой образа жизни и ее форм глубинные смыслы человеческих отношений» [Андреева 2020: 109]. Таким же предстает перед нами герой Эртеля, разочарованный, склонный к хандре. Мансуров не находит себе места в среде исчезающего дворянства, не чувствует себя своим и среди демократов, а непрестанная скука является его верной спутницей. В отличие от Онегина, Мансуров лишен связи даже с высшим светом, так как он исчезает. «Лишним людям» наподобие Мансурова нет места в новых реалиях. Мансуров слишком тонок и сложен, слишком лишен жизненной силы и необходимой периодически простоты, а при этом не готов меняться, поэтому в финале романа Мансуров убит случайной пулей в публичном доме, предназначенной даже не для него.

В незавершенном романе Эртеля «Урожденная Тибякина», две части которого вышли в журнале «Русская мысль» в 1911 г., писатель делает главного героя, Андрея Андреевича Ефимова, поклонником русской классической литературы, и прежде всего наследия А.С. Пушкина. Герой этот – просвещенный эстет, почитатель настоящего искусства, понимающий и любящий жизнь, однако не приемлющий новых радикальных настроений молодежи. Он очень молод, представляет редкий для начала 1890-х гг. (именно тогда был задуман роман) тип человека, глубоко осознающего подлинное величие и значимость уходящей эпохи (собственно, тут писатель наделял юного персонажа своим мыслями). Эртель показывает, что Ефимов прекрасно знает жизнь и творчество Пушкина. Так, объясняя княжне Тибякиной особенности некоторых мест Крыма, он говорит: «Ведь Вы

знаете: “Мердвень” по-русски – Чортова лестница. Это заброшенный подъем на Яйлу. Помните, Пушкин писал о нем Дельвигу?...» [Эртель 1911: 27]. Ефимов имеет в виду «Отрывок из письма к Д.» Пушкина, опубликованный впервые в альманахе «Северные цветы» на 1826 г. (вышел в свет в апреле 1825 г.), в котором есть следующие строки: «Я объехал полуденный берег, и путешествие М. оживило во мне много воспоминаний; но страшный переход его по скалам Кикенеиса не оставил ни малейшего следа в моей памяти. По Горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным, восточным обрядом» [Пушкин 7: 280]. Под «горной лестницей» имеется в виду разработанный подъем на Яйлу в районе Мухалатки, известный под названием Чертова лестница (Шайтан мердвень) и вырубленный в скале крупными ступенями.

А в комнате Ефимова, в которой княжна Тибякина пишет записку матери, она удивляется удивительной чистоте и комфорту. В изголовье кровати героя княжна видит портрет Пушкина: «В изголовье, действительно, помещался портрет Пушкина в прекрасной дубовой рамке...» [Эртель 1911: 40]. Таким образом, важнейшие детали художественного мира романа Эртеля «Княжна Тибякина» показывают точку зрения самого писателя и его любимых героев, для которых классическая литература XIX в. стала частью жизни. Ефимов, конечно, не может подражать Пушкину, но он проникается взглядами поэта и разделяет его позицию, пытается максимально к его видению окружающего мира приобщиться. А тот факт, что пушкинский взгляд необычайно дорог самому Эртелю, подтверждается эпиграфом к первой части романа (произведение не было завершено) из стихотворения Пушкина «Талисман»: «Там, где море вечно плещет / На пустынные скалы...» [Эртель 1911: 3].

Исследовав эпистолярное наследие Эртеля, мы обнаружили 15 упоминаний имени Пушкина в письмах Эртеля за 1890–1899 гг. Остановимся на наиболее значимых из них. В рецепции Эртеля образ Пушкина наделен положительной коннотацией, о чем свидетельствуют фразы «наш общий любимец Пушкин» (в письме от 14 декабря 1890 г.), «я до глубины души люблю Пушкина» (в письме от 6 марта 1891 г.). Выявленные нами упоминания о поэте мы условно разделили на три группы: Пушкин в личной оценке Эртеля или Пушкин в судьбе Эртеля; тема поэта и поэзии и рецепция пушкинского восприятия творчества; деятельность Пушкина в проекции русской и мировой истории и социальных перемен.

К первой группе мы отнесли уже упомянутые выше признания Эртеля в любви к поэту. Также можно выделить фрагмент письма к П.Ф. Николаеву от 6 марта 1891 г., в котором Эртель оценивает себя

как личность в социальной среде: «Во мне нет органической связи с разночинцем, как это ни курьезно, ибо по сословию я мещанин. Из того, что у меня легко завязываются дружеские связи с настоящими барями, что я до глубины души люблю Пушкина, что понимаю и способен наслаждаться самодовлеющим искусством, что люблю очень культурных людей и особенно женщин, что мне свойственны некоторые барские привычки, – из всего этого, пожалуй, вернее заключить, что органическая-то моя связь – с прежним периодом... а главное, не чувствую себя роднее разночинцу, сознаю в сильной степени средство свое с народом» [Письма: 248]. Таким образом, свою личность Эртель оценивает в параллели с образом Пушкина. Складывается и свойственный для эпохи второй половины XIX в. образ Пушкина: поэта-аристократа по крови, приверженца монархии, ценителя искусства и воплощения идеала культуры, при этом человека страдающего бедам и горестям простого народа. Сам Эртель признавался, что тяготел к «прежнему периоду», то есть уходящей эпохе (часто и герои его произведений вспоминают, как хорошо было жить в 1840–1860-х гг.), но при этом отмечает, что «отлично видит в чем преимущество нынешнего» [Письма: 248].

Ко второй смысловой группе можно отнести фрагмент письма к П.А. Бакунину от 15 января 1893 г., в котором Эртель размышляет о призвании художника и о том, какими чертами необходимо обладать, чтобы быть литературным творцом. В качестве примера приводится образ поэта: «Пушкин, мало того, что умен по-своему, но и страшно умен в обыкновенном, в логическом смысле этого слова... истинная мудрость тогда лишь и осуществляется, когда в человеке или в учении его есть элементы художественности. Без этого никакой великий ум не сможет стать мудрым. И наоборот: истинная художественность не мыслима без ума, без самого обыкновенного, рассудочного, резонирующего ума. И только такой совершенный человек, или такое учение, или такое произведение искусства, способны возвести к единству мучительных противоречий действительности» [Письма: 306]. В этом же письме Эртель отмечает, что именно «художественному творчеству более доступно познание Божества, нежели логическим дисциплинам» [Письма: 310]. Писатель сравнивает жизнь человека с поэмой, в которой каждый выполняет роль творца: «Человек творит свою жизнь, так же, как творили Шекспир и Пушкин свои произведения. И все они одинаково свободны и одинаково порабощены условностями. Пушкин и Шекспир – условностями грамматики, обычаев, времени; человек – тому, что называют капризами действительности» [Письма: 310]. Таким образом, Эртель не только ставит на один уровень личность Пушкина и всемирно признанного гения литературы – Шекспира,

подчеркивая значимость русского поэта, но и в философском контексте ассоциирует их произведения с божественным потоком самой жизни.

К третьей тематической группе мы относим фрагмент письма к А.В. Погожевой от 21 августа 1896 г., в котором Эртель делится своими мыслями о социально-политических переменах, происходящих в России. Проводя сравнение с революционными процессами, происходившими на Западе, писатель опровергает мнение о том, что «над хаосом парит дух Божий» [Письма: 366]. Эртель отмечает, что Европа идет к переменам, руководствуясь многовековым сознанием необходимости изменений, «крепко и стройно организованного быта, а у нас... от пусто-го места» [Письма: 366]. Происходящие же в России реформы и их последствия Эртель расценивает как «Разиновщину и Пугачевщину»: «Все, что хочешь в этом роде – “бессмысленном и жестоком”, по выражению Пушкина – но не социализм» [Письма: 366]. Такую оценку дает Эртель реальности, в которой приходилось жить ему и его современникам, сравнивая ее с периодом великой смуты, описанной Пушкиным в его исторических повестях, поэмах, стихах («Капитанская дочка», «Песни о Стеньке Разине» и др.), подчеркивая жестокость эпохи и царящий в ней хаос.

Таким образом, Пушкин был не просто любимым писателем Эртеля. Он стал идейным вдохновителем для многих произведений писателя, нравственным ориентиром для его героев. В трудную пореформенную эпоху, когда происходила ломка общественных ценностей и идеалов, Эртель находил отдушину в поэзии Пушкина, несмотря на то, что в моде была демократическая проза писателей-шестидесятников. Художественные произведения, образ писателя и поэта, формы его поведения, его жизненная позиция были для Эртеля примером для подражания. В широком смысле возможная революция для писателя ассоциировалась с русским бунтом, а идеалом для Эртеля была жизнь писателя-аристократа, не приемлющего барских привычек и готового заботиться о своей стране и согражданах.

Список литературы

Источники

- Письма А.И. Эртеля. Москва: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1909. 410 с.
- Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. / под ред. Д. Д. Благого. Москва: Гослитиздат, 1959–1962.
- Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. Москва: Дрофа, 2004. 398 с.
- Эртель А.И. Волхонская барышня. Смена. Карьера Струкова. Москва; Ленинград, 1959. 824 с.
- Эртель А.И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги: Роман. Москва: Сов. Россия, 1985. 560 с.

Эртель А.И. Записки Степняка. Москва: Худож. лит., 1958. 612 с.

Эртель А.И. Урожденная Тибякина: посмертный роман. Б. м., б. и., 1911. С.3–46, С. 5–43.

Исследования

Андреева В.Г. Образ усадьбы и родной земли в повестях и романах А.И. Эртеля // Новый филологический вестник. 2020. № 1 (52). С. 107–119. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00009>

Андреева В.Г. Художественный мир книги очерков А.И. Эртеля «Записки Степняка» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 1. С. 93–97.

Жилина Н.П. Истинные и ложные ценности в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2015. Т. 3, № 1 (5). С. 5–22.

Затеева Т.В., Базарова В.О. Семейный роман в творчестве А.И. Эртеля // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2016. № 2. С. 80–87.

Ломунов К.Н. Писатель-демократ: вступ. ст. // Эртель А.И. Волхонская барышня: повести. Воронеж: Центрально-черноземное кн. изд-во, 1984. С. 2–22.

Недзвецкий В.А. История русского романа XIX века: неклассические формы: курс лекций. Москва: МГУ, 2011. 152 с.

Смирнова И.Ю. «Просвещение» или «обогащение»: о ценностях и состоянии русского пореформенного общества в цикле А.И. Эртеля «Записки Степняка» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3 С. 124–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147>

Троцкий В.Ю. Поэзия А.С. Пушкина последнего десятилетия жизни как выражение национального самосознания // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 1. С. 16–61. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-1-16-61>

Христенко Д.Н. Советская сельская медицина довоенного периода в оценках отечественных и иностранных очевидцев // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 629–645. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.692>

References

Andreeva V.G. *Obraz usad'by i rodnoi zemli v povestiakh i romanakh A.I. Ertelia* [The image of the estate and native land in the stories and novels of A.I. Ertelya]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2020, No. 1 (52), pp. 107-119. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00009> (In Russ.)

Andreeva V.G. *Khudozhestvennyi mir knigi ocherkov A.I. Ertelia "Zapiski Stepniaka"* [The artistic world of the book of essays by A.I. Ertel "Notes of Stepnyak"].

Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 2013, vol. 19, No. 1, pp. 93-97. (In Russ.)

Khristenko D.N. *Sovetskaya sel'skaya meditsina do voennogo perioda v otsenkakh otech-estvennykh i inostrannykh ochevidtsev* [Pre-War Soviet Rural Medicine as Assessed by National and Non-National Observers]. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, No. 2, pp. 629-645. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.692> (In Russ.)

Lomunov K.N. *Pisatel'-demokrat: vstupit. Stat'ia* [Democratic writer: will join. Article]. *Ertel' A.I. Volkhonskaia baryshnia: povesti* [Ertel A.I. Volkhonskaya young lady: stories]. Voronezh, Tsentral'no-chernozernoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1984. pp. 2–22. (In Russ.)

Nedzvetskii V.A. *Istoriia russkogo romana XIX veka: neklassicheskie formy: kurs lektsii* [History of the Russian novel of the 19th century: non-classical forms: a course of lectures]. Moscow, MGU Publ., 2011, 152 p. (In Russ.)

Smirnova I.Iu. "Prosveshchenie" ili "obogashchenie": o tsennostiakh i sostoianii russkogo poreformennogo obshchestva v tsikle A.I. Ertelia "Zapiski Stepniaka" ["Enlightenment" or "enrichment": about the values and state of Russian post-reform society in the cycle of A.I. Ertel "Notes of Stepnyak"]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2023, vol. 5, No. 3, pp. 124-147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147> (In Russ.)

Troitskii V.Iu. *Poeziia A.S. Pushkina poslednego desiatiletii zhizni kak vyrazhenie natsional'nogo samosoznaniia* [Pushkin's last decade of life as an expression of national identity]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2020, vol. 2, No. 1, pp. 16-61. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-1-16-61> (In Russ.)

Zateeva T.V., Bazarova V.O. *Semeinyi roman v tvorchestve A.I. Ertelia* [Family romance in the works of A.I. Ertel]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Iazyk. Literatura. Kul'tura* [Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture], 2016, No. 2, pp. 80-87. (In Russ.)

Zhilina N.P. *Istinnye i lozhnye tsennosti v romane A.S. Pushkina "Kapitanskaia dochka"* [True and false values in the novel by A.S. Pushkin "The Captain's Daughter"]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo iazyka i literatury* [Research Journal of Russian Language and Literature], 2015, vol. 3, No. 1 (5), pp. 5-22. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 18.05.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 61–67. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 61–67. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19”

EDN CGOUPK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-61-67>

ТРАКТОВКА РОМАНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» А.С. ПУШКИНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье рассматриваются концепции четырех зарубежных англоязычных исследователей, связанные с пониманием ключевых смыслов романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Автор работы отмечает, что позиции и взгляды этих ученых мало знакомы современным отечественным литературоведам. Между тем в четырех проанализированных статьях авторы обращаются к роману Пушкина, показывая до сих пор не проанализированные подробно в пушкинистике этапы и стадии взросления Гриневы, его сепарацию от авторитарного отца, сцены жестокости в «Капитанской дочке» и их место в поэтике произведения, глубинный смысл, связанный с личной жизнью Пушкина и его взаимоотношениями с императором. При осмыслении статей поднимается проблема личного и общественного, их возможного сочетания, отдельное внимание уделяется фигуре Гриневы, его роли в романе.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Капитанская дочка», творческая концепция, исторический роман, семейный роман, личность, трикстер, Кэрл Эмерсон, Александр Грасс, Лесли О’Белл, Полина Рикун.

Для цитирования: Андреева В.Г. Трактовка романа «Капитанская дочка» А.С. Пушкина в исследованиях зарубежных ученых // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 61–67. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-61-67>

Research Article

INTERPRETATION OF THE NOVEL “THE CAPTAIN’S DAUGHTER” BY A.S. PUSHKIN IN THE RESEARCHES OF FOREIGN SCIENTISTS

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Leading Research Fellow, Kostroma State University, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article examines the concepts of four foreign English-speaking researchers related to understanding the key meanings of A.S. Pushkin’s novel “The Captain’s Daughter”. The author of the work notes that the positions and views of these scientists are little known to modern Russian literary scholars. Meanwhile, in the four analyzed articles, the authors turn to Pushkin’s novel, showing the stages and phases of Grinev’s growing up that have not yet been analyzed in detail in Pushkin studies, his separation from his authoritarian father, scenes of cruelty in “The Captain’s Daughter” and their place in the poetics of the work, the deep meaning associated with Pushkin’s personal life and his relationship with the emperor. When comprehending the articles, the problem of the personal and the public, their possible combination is raised, special attention is paid to the figure of Grinev, his role in the novel.

Keywords: A.S. Pushkin, “The Captain’s Daughter”, creative concept, historical novel, family novel, personality, Caryl Emerson, Alexander Groce, Leslie O’Bell, Polina Rikoun.

For citation: Andreeva V.G. Interpretation of the novel “The Captain’s Daughter” by A.S. Pushkin in the researches of foreign scientists. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 61–67 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-61-67>

Со времени выхода в свет и до нынешних дней «Капитанская дочка» остается одним из самых читаемых и обсуждаемых произведений Пушкина. Этот небольшой по объему, лаконичный, но очень глубокий и занимающий одно из центральных мест во всей русской литературе XIX в. роман, во многом ставший итогом творческих исканий Пушкина, чрезвычайно актуален и современен, привлекает внимание множества читателей – от школьников (так как входит в программу по литературе) до специалистов-литературоведов, которые продолжают рассуждать по поводу загадок «Капитанской дочки», пушкинского «наставления» потомкам и ключевых смыслов произведения.

К сожалению, и в академической, и в педагогической среде (высшей и средней школе) малое внимание уделяется взглядам зарубежных ученых на «Капитанскую дочку» – роман не только о русском бунте, но и о русской жизни, месте личности в российском обществе, прохождении человеком определенных жизненных этапов. В данной статье мы обращаемся к концепциям четырех зарубежных исследователей, позволяющим с разных сторон взглянуть на роман Пушкина и учесть некоторые значимые моменты, которые часто игнорируются в отечественной науке.

Все четыре обзораемые и анализируемые нами статьи нельзя назвать новыми, они были написаны более 10–15 лет назад. Однако соответствующие авторские трактовки не получили широкого освещения. В несколько большей степени отечественным ученым известна статья Кэрил Эмерсон о «Капитанской дочке» [Emerson], вышедшая еще в 1981 г. и позднее включенная в книгу зарубежной исследовательницы. По крайней мере, эта работа хотя бы цитируется российскими исследователями (см.: [Марусова]). Однако и данная, и три другие статьи англоязычных ученых почти не вписаны в отечественные трактовки романа как ценные и значимые представления иностранцев, которым (с учетом иного взгляда на жизнь, другого менталитета, отличающейся методологии научной работы) мы должны уделять внимание.

Начнем со статьи *Кэрил Эмерсон*, которая подробно анализирует сон Гринева, выявляя его скрытые смыслы. Исследовательница отмечает: тема самозванца в истории была для Пушкина значимой – он поднимал ее в «Борисе Годунове», позднее поднял в «Капитанской дочке». И в том, и в другом произведении есть сны, но они различны. По мнению Эмерсон, сон Григория «раскрывает не его характер или личность, а его судьбу» [Emerson: 60], а в «Капитанской дочке» «история вмешивается в сказку только в той мере, в какой она дополняет и завершает отдельные, частные личности, частные истории» [Emerson: 61].

Исследовательница делает акцент на личном пути героя, отмечая, что в романе не столько важна роль

Пугачева в истории, сколько его значение в жизни Гринева. В связи с тем, что речь идет о становлении личности, эго героя, Эмерсон считает наиболее уместным использование фрейдистских методов, находит в сне Гринева конфликты развивающейся личности. Отметим, что в статье Эмерсон представления Фрейда о сознательном и бессознательном, о разных типичных видах снов даны очень емко и лаконично: «Сон Гринева представляет собой композицию из умирающего отца и страха возвращения домой после двух неудач: проигрыша Зурину в азартные игры, который стоил им сто рублей, и просчета погоды, который мог стоить им жизни. В обоих случаях Петруша пытался действовать как мужчина...» [Emerson: 62].

Работа Эмерсон стала поистине классической основой для дальнейшего изучения проблемы отцов и детей в романе Пушкина и последующих произведениях XIX в. Литературовед показывает, как герой Пушкина проходит ряд стадий взросления, причем достаточно быстро сменяющих друг друга. Эмерсон считает, что иерархия дома у Гриневых была настолько сильной, что Петруше действительно необходимо было уехать, чтобы измениться, повзрослеть: «...Новая модель и сила – “Пугачевщина” – таково и название главы шестой. Здесь наступает второй этап – время взросления Петруши, но он может повзрослеть, только потеряв связь со своими родителями. В определенном повороте событий Петруша даже играет отца Савельича, спасая его от разбойников Пугачева...» [Emerson: 66].

Идея отражения детско-родительских отношений в их психологической составляющей в романе «Капитанская дочка» принадлежит во многом Эмерсон, которая прекрасно показала в своей статье разделение героев на несколько типов. «Рассмотрим сначала Белгородскую крепость. Это... пародия на военный порядок, которым управляет жена капитана, идеальное место для детей, чтобы оставаться недифференцированными. И взрослые здесь также превращаются обратно в детей. Мы видим, как Иван Кузьмич играет со своими ветеранами, своими солдатами (“милыми солдатами”), которых он муштрует в ночном колпаке и халате. В крепости есть свои ритуалы, но нет настоящего желания или опасности: игры не для победы, а для того, чтобы скоротать время. ...Белгородская крепость – это место, где стареют, а не где взрослеют» [Emerson: 66]. Очень интересно, что эта позиция исследовательницы не получила широкого освещения в отечественном литературоведении последних десятилетий.

Эмерсон последовательно и четко анализирует сопоставление и мнимое противопоставление в романе Гринева и Швабрина, которых можно рассматривать и как оппонентов, и как двойников (исследовательница опирается и на черновики Пушкина, в кото-

рых указанные герои мыслились иначе). Швабрин притягивает и отталкивает Петрушу, предоставляет ему возможности для наиболее скорого взросления. По мнению Эмерсон, этап взросления Петруши начинается тогда, когда он избегает защиты, проявляет собственную инициативу: «На этой второй стадии повествования (где сын пытается стать взрослым) Петруша созревает и в других отношениях. На самом прямом уровне он становится единственным защитником Маши, ее отцом и матерью» [Emerson: 69].

Предметом наблюдений Эмерсон являются взаимоотношения солдат в крепости (детско-родительские) и солдат у Пугачева (товарищеские). Исследовательница показывает, что детскость Петруши и его несамостоятельность связана с авторитарным стилем отца, а желания направлены в сторону взрослости: «Проблема не в “Эдиповом комплексе”, а, если угодно, в том, что Гастон Башляр назвал “комплексом Прометея”, то есть не в агрессии сына против отца, а в его желании знать столько же, сколько и отец, стремлении к равенству с ним» [Emerson: 72].

В свете рассуждений исследовательницы особенно примечательным оказывается название романа. Маша Миронова, на первый взгляд, героиня пассивная, однако «в конечном итоге именно Маша совершает поездку и дает свое имя роману. Спасительная сила прощения становится функцией дочери, а не отца...» [Emerson: 74].

Александр Гросс обращается к «поэтике насилия» в романе Пушкина, предлагая подход, в котором опирается на прочтение насилия как ключа к пониманию мотивов текста. В литературоведении немало сказано об «Истории Пугачева» Пушкина и «Капитанской дочке» как произведениях, в которых писателем был по-разному использован собранный в ходе работы над одной темой (восстания Е. Пугачева) материал [Богданова]. Гросс считает, что моменты насилия, подобные тем, которые определили крестьянские восстания в пугачевский период, в «Капитанской дочке» переосмыслены и повторно развернуты как форма политической полемики [Гросс: 64]. Очень важно, что исследователь отмечает сжатость, лаконичность представленного Пушкиным насилия, сцен жестокости, которых в романе (с учетом описываемого времени и событий) совсем немного. Но Гросс подчеркивает важное расположение соответствующих сцен и выявляет своеобразные акценты, сделанные Пушкиным: он пишет о параллелизме казни Мироновых фактически в начале романа и казни Пугачева в финале и отмечает, что «эти жестокие сцены выделяются тем более, что после них не следуют похожие», что перед нами «симметрично выстроенные сцены казни, которые обрамляют текст» [Гросс: 66]. Исследователь считает данную рифму эпизодов и своеобразную кольцевую композицию, создавае-

мую ими, символическими в плане присутствия насилия в имперском обществе, его постоянного ощущения русскими подданными, причем не только в связи с имеющимися в романе карательными моментами, но в гораздо более широком смысле (который ощущался самим писателем со стороны императора Николая I). Гросс склонен считать, что поэтика насилия в романе Пушкина должна была открыть глаза на настоящее и будущее современникам автора, дать своеобразное наставление потомкам.

Отечественные ученые XX в. и первой четверти XXI в. очень по-разному, но при этом преимущественно в одном ключе прочитывают сдержанность писателя в «Капитанской дочке» применительно к изображению жестоких и кровавых сцен (последних и совсем нет в романе). Г.П. Макогоненко в духе советского литературоведения отмечал реализованную в художественном мире романа жестокость: «Пушкин ничего не скрывает. Он объясняет. Жестокость порождена и беспощадной борьбой двух смертельно враждебных сторон, и веками накапливавшейся ненавистью к угнетателям» [Макогоненко: 63]. Современные исследователи прекрасно улавливают и наличие двух сторон русской жизни, и глобальной пропасти между ними, понимают и оценивают сдержанность Пушкина в изображении жестокости, однако не трактуют символический подтекст этого поэтического хода. С.А. Никольский находит в «Капитанской дочке» «признаки отношения Пушкина к идее общественного переустройства», однако отмечает, что писатель «остаётся в границах идеологии государственной деятельности просвещенного монарха» [Никольский: 207]. Т.В. Зверева справедливо начинает рассуждать о критическом отношении Пушкина к власти: «В последней главе речь идет, прежде всего, о современных Пушкину событиях. В преддверии суда над декабристами Пушкин, как и многие, ждал от молодого императора милости...» [Зверева: 46]. Однако вслед за этими замечаниями сглаживает остро стоявший для Пушкина вопрос: «Вместе с тем нельзя полагать, что последняя глава «Капитанской дочки» являет собой пушкинский суд над Николаем I, позиция автора намного сложнее и противоречивее. Предъявляя императору вину, Пушкин одновременно и прощает его, как простил когда-то Александра I» [Зверева: 47]. Современные ученые фактически игнорируют точку зрения Гросса о намеренной сдержанности Пушкина в плане изображения насилия и жажды крови, но при этом передаче насилия над личностью и народом через рифмовку образа виллицы в начале и конце романа.

Гросс рассматривает занятие форта (Белгородской крепости) как семиотический момент в романе, в который происходит акцент на дискурсе власти в самодержавном государстве, а затем насильственное по-

вторное навязывание власти, когда народ принимает узурпацию нового царя. По мнению исследователя, Пушкиным представлена максима правления – казнить или миловать. Гросс цитирует М. Фуко, замечая, что «публичное наказание – это церемония, посредством которой восстанавливается на мгновение уязвленный государь», что «наказание осуществляется таким образом, чтобы дать зрелище не меры, а дисбаланса и избытка» [Gросс: 70].

И.Ю. Матвеева и Е.Е. Евлампиев фиксируют прекрасно осознаваемые Пушкиным в «Капитанской дочке» недостатки имперского правления, они пишут об отношении Пушкина к Петру I, смогшему создать «полюс “кумиров”, начало вечных ценностей государства», но, как и последующие российские императоры, не сумевшего «организовать и гармонизировать народную стихию», начавшего ее подавление и сковывание [Матвеева: 130]. Указанные исследователи рассматривают самозванство как «революционный» акт, «направленный не на разрушение государства, а на резкое изменение вектора его движения» [Матвеева: 133–134]. Однако ученые не пишут о личном ощущении Пушкина как человека, творца, товарища многих декабристов, сочувствующего их взглядам. Гросс же проводит прямую связь между сценами казни в романе и жестоким подавлением восстания декабристов.

Исследователь не умалчивает о возможном сочувствии Пушкина революционным взглядам в их именно интеллигентном представлении и отмечает «признание Пушкиным своего шаткого положения», «его собственные пронзительные размышления о своей возможной судьбе, если правительство решит преследовать его». Гросс справедливо оперирует фактами, вспоминая первую строку Пушкина «И я бы мог, как шут...» и напоминая читателю о рисунке Пушкина, датирующемся ноябрем 1826 г. [Gросс: 71], на котором, кстати, изображены (вверху и внизу листа) две виселицы. Единственное, исследователь ошибочно отмечает, что казнь декабристов состоялась в июле 1827 г. (ошибка в дате, на самом деле – в июле 1826 г.). Гросс видит параллели между сценами исторических романов Вальтера Скотта и сценами у Пушкина – гораздо более жестокими в «Истории Пугачева» и символическими в «Капитанской дочке». Гросс трезво оценивает значительный диапазон насилия, который был в распоряжении Пушкина как художника-реалиста и анализирует его решение «ограничить себя повешениями в “Капитанской дочке”», которое стало значимым авторским выбором [Gросс: 73].

Также Гросс отмечает, что в «Капитанской дочке» есть и другая линия описания взаимоотношения с властью – то направление, в которое проблема насилия в царском режиме трансформировалась в ситуации с Пушкиным. Речь идет об «осторожной поли-

тической игре», которую Николай I вел с Пушкиным; она допускала некоторые взаимные уступки, которые Пушкин вписывает в отношения Гриневы и Пугачева» [Gросс: 73]. Таким образом, художественный мир романа, по мнению исследователя, включает жестокость и насилие не собственно как методы воздействия на поэта (которые в случае с Пушкиным были заменены на «бархатную перчатку»), а позднее на постоянный надзор), но как осмысление ключевых элементов русской жизни не только XVII в., но также XVIII и XIX вв.: «Официальное насилие, присутствующее в романе, внесудебные казни, важны не только для их переосмысления и инвертирования господствующего дискурса, но и для представления распада, который является ключом к проблеме “русского бунта как бессмысленного и беспощадного”» [Gросс: 74].

Личные взаимоотношения Пушкина и царя, которые, по мнению исследователя, сопровождалась «унизительной зависимостью и всеми уколами, которые может испытывать только положение просителя» [Gросс: 74], оказались отраженными в «Капитанской дочке» и в форме проблемного родства, как вопрос отцовского надзора. Одна из основных проблем не жестокости, но именно насилия реализована Пушкиным в романе сознательной интерполяцией патриархальных отношений. Гросс считает, что «патриархальный элемент является еще одним ключом в полемической формулировке романа» [Gросс: 76].

Идеи статьи Кэрил Эмерсон, обозначенные нами выше, находят отражение и в работе *Лесли О’Белл*, посвященной семейным мемуарам как основе «Капитанской дочки» и непосредственно Гриневу как личности. О’Белл, как и большинство критиков, рассуждает о жанровой специфике романа Пушкина, находя в произведении фактически равное сочетание исторического и семейного. Исследовательница мудро не отдает предпочтения одному или другому, поскольку общее и личное выступают двумя сторонами жизни человека. Не случайно О’Белл упоминает о «Войне и мире» Толстого, видя прочную и очень глубокую связь между сочетанием частного, приватного и всеобщего у Пушкина и Толстого. По мнению исследовательницы, жанр автобиографических записок благодаря Гриневу обретает «чувство документального реализма и исторически достоверный голос» [O’Bell: 48]. Кроме того, фигура Гриневы позволяет писателю до определенного времени оставить сокрытой романную точку зрения. Наконец, Гринев позволяет Пушкину передать тему собеседника, выражения человека в диалоге: «Гринев служит в основном как посредник либо как средство для передачи реального исторического сознания, проводник, вводящий нас в главное, лабиринт сюжета и темы, или маска, скрывающая конечную награду, я автора» [O’Bell: 49].

Значительной заслугой зарубежных исследовательниц, по нашему мнению, является непредвзятое отношение к герою Пушкина, готовность анализировать стадии его движения как личности, пытающейся выжить в непростое время, а не только как своеобразного «рыцаря» и представителя семьи, клана. Отечественные исследователи и в советское время, и сейчас пытаются максимально разобраться в самоощущении и самовыражении Гринева, Пугачева и вписать этих героев, а также историю их взаимоотношений во все общественные, политические процессы. Зарубежные ученые в этом отношении нередко более трезво оценивают путь человека, не случайно многие иностранцы упоминают работу Марины Цветаевой «Пушкин и Пугачев». Напомним, что Цветаева там очень хорошо, доходчиво и лаконично отметила: «Гринева Пугачеву нужен ни для чего: для души. Так цыгане любят белых детей. Так русский царь любил арапа Ибрагима. Так Николай I не полюбил Пушкина» [Цветаева: 503].

О'Белл отмечает, что «Гринева был впервые оценен не сам по себе, а как проводник семейной хроники», а последняя существовала для критиков консервативного толка (Ап. Григорьева и Н.Н. Страхова) не как история и опыт души отдельной личности, а как основа для утверждения определенного круга ценностей: «Для них хроника существовала для утверждения консервативных семейных ценностей, позволяя им преуменьшить своеобразную встречу сына дворянина с русской революцией, русским бунтом» [O'Bell: 49]. Исследовательница несколько «переворачивает» эту ситуацию, показывая, что именно с личной истории начинается история государства, она иллюстрирует, как причудливо сплетаются в романе два понимания семьи и мемуаров. О'Белл также рассуждает о детско-родительских отношениях, видя в них прочерченный путь героя. Семейные мемуары Гринева, по мнению автора статьи, «объединяют множество индивидуальных источников, являются образцовыми мемуарами и в другом смысле, в смысле культурного архетипа» [O'Bell: 52].

По мнению исследовательницы, Гринева выступает в романе представителем своей семьи (как равно и Маша), на определенном этапе Петруша «включает голоса Савельича, а также его матери и отца», герой с легкостью пересказывает слова другого, воспроизводит реплики и тексты записок. Однако Пушкин полностью поднимается над своими персонажами, при общей симфонической и многогранной роли Гринева он показывает его некоторую ограниченность и включает в повествование нерассказанные мемуары Маши Мироновой. Таким образом, Пушкин не замыкается на одном подходе к мемуарам и единственной точке зрения, Пушкин не принижает женскую точку зрения», наоборот, спасая Гринева, Маша становится частью его личной истории [O'Bell: 56].

Еще в одной интересной статье *Полины Рикун* Гринева характеризуется как герой-плут, трикстер. Исследовательница убеждена, что целостный характер Гринева складывается из противоречий и постоянных подмен, поэтому Петруша оказывается «посредником, который может соединить любые два диаметрально противоположных качества или явления» [Rikoun: 16]. Большое значение в статье придается языковой игре Гринева – его настоящему оружию: «Его умение соединять правду с ложью, буквальное с образным, прямое с двусмысленным позволяет Петру выпутываться из, казалось бы, неизбежных ловушек» [Rikoun: 16]. И такое умение Гринева говорить, его языковое богатство и мастерство воспринимаются отнюдь не отрицательно, а как богатство личности, ее важные и ценные умения.

Немалое внимание и место в статье уделено представлению героев-трикстеров, которыми, как считает Рикун, являются и красноречивый Пугачев, и Гринева. Исследовательница предлагает читателям ряд фактически риторических вопросов, которые основаны на выводах и суждениях предшествующих читателей и ученых. Так, к примеру, ставится вопрос об уме и глупости Гринева, степени его развития – сведения об образовании и интеллектуальных способностях героя в романе достаточно противоречивы. Еще одна нерешенная проблема в характере Гринева, по мнению Рикун, заключается в том, «взрослеет ли он в ходе романа или остается неизменным» [Rikoun: 21]. Наконец, приводя разные мнения исследователей, Рикун отмечает, что очень сложно понять, кем в общественно-политическом плане является Гринева – бунтарем или лоялистом.

Исследовательница не видит смысла искать однозначные ответы на поставленные вопросы, поскольку их нет: «Если мы попытаемся разрешить противоречия Гринева, мы просто запутаемся в противоречивых доказательствах. Но что, если мы примем противоречие как основу характера Гринева? Если мы это сделаем, то возникает связанная модель: характер Гринева последовательно парадоксален. На протяжении всего романа он соединяет, казалось бы, несовместимые характеристики, такие как глупость и мудрость, наивность и смекалка, застой и изменение, конформизм и бунт. Более того, эти парадоксы приобретают смысл, если мы воспринимаем Гринева как обманщика – персонажа, чья функция заключается в посредничестве между всеми противоположностями» [Rikoun: 22].

Спустя четыре года после публикации работы Рикун другой исследователь – А. Эббингхаус – написал статью, в которой предположил, что Гринева в «Капитанской дочке» – это герой-лжец, которого Пушкин намеренно сделал конципированным автором мемуаров. В доказательство этому Эббингхаус приводит

множество «непримиримых противоречий повествования» [Эббингхаус: 164]. С данной концепцией автора согласиться, конечно, сложно, однако сразу же вспоминаются те риторические вопросы, которые поставила Полина Рикун. Она не видит в лавировании Гринева между вражескими лагерями какого-либо предательства, так как персонаж Пушкина выполняет важнейшую задачу преодоления классовых границ и «примирения двух конкурирующих культурных идентичностей России»: «Оказываясь часто подвешенным между востоком и западом, Гринев курсирует между двумя царствами как своего рода переводчик» [Rikoun: 25].

Заметим, что проблема поставлена очень правильно, а отношение читателя к Гриневу не может быть отрицательным. Гринева не только нельзя обвинять, но можно хвалить: он пытается выжить благодаря своим знаниям, чувствам, дипломатическим умениям (во многом данным ему от природы и сформированным в результате саморазвития, наблюдения за жизнью), сближая два полюса русской жизни, между которыми в вынужденном положении оказывался герой-интеллигент. Отдельное внимание Рикун уделяет языковым навыкам Гринева: «Способность Гринева манипулировать языком является ключевым навыком, который позволяет ему стать посредником в трех других сферах. Благодаря своему подвижному языку молодой человек умудряется удовлетворять противоборствующие моральные кодексы, что, в свою очередь, позволяет ему преодолевать разрыв между враждующими классами и конкурирующими культурами» [Rikoun: 26].

Рикун подробно анализирует некоторые диалоги Пугачева и Гринева, доказывая справедливость своей теории, показывает на конкретных предложениях, как Гринев «запускает одну из самых хитрых словесных игр в русском языке»: «Притворяясь, что говорит простую правду, Гринев предлагает Пугачеву усомниться в том, что такое правда, и пересмотреть свою позицию» [Rikoun: 29]. Исследовательница мастерски прочитывает и разгадывает манипуляции Гринева, которые герой выстраивает, основываясь на всем своем опыте, прекрасно ориентируясь в конкретной складывающейся ситуации. Анализ глубинных смыслов слов и метафор позволяет Рикун прийти к пониманию сложной ситуации: Гринев «сумел создать альтернативные роли для себя и Пугачева – они больше не государи и подданные, а товарищи-трюкачи; их поле битвы – язык, и удачно повернутая фраза может вернуть жизнь и свободу осужденному» [Rikoun: 31].

Отметим, что Рикун тонко и мудро использует в своей статье и концепции коллег, она показывает, как Гринев буквально вырывается из привычных форм и условий, как он адаптируется, каким обра-

зом движется «от детской защищенной праздности к взрослым занятиям и обязанностям» [Rikoun: 32]. Исследовательница приходит к важнейшему выводу о том, что Пушкин не мог избрать другого героя для своего романа, Гринев был удивительной находкой писателя, поскольку он решает вопросы, которые встают не только перед ним, но и перед всем дворянством России.

Таким образом, в работах зарубежных исследователей о «Капитанской дочке» Пушкина представлено немало важных и ценных новаторских идей и открытий. Англоязычные ученые, работы которых освещены в данной статье, чрезвычайно внимательны к языку и композиции романа, они прекрасно видят конфликт личности и среды и его разрешение у Пушкина, столь не характерное для западноевропейского романа. Примечательно, что большинство зарубежных исследователей обратили особенное внимание на гигантский разрыв в культуре и образовании, в понимании и видении жизни двух различных групп людей в России, который многие отечественные ученые склонны затушевывать за анализом внешних политических проблем.

Завершить данную статью нам хотелось бы одним достаточно далеким, но в то же время возможным соотношением, связанным как раз с глубоким, критическим разрывом, который был между высшим светом и народом в царской России. В начале «Капитанской дочки», когда Гринев спрашивает о вожатом, а Пугачев свешивается с полатей, Петруша видит «черную бороду и два сверкающих глаза» [Пушкин: 270], а чуть позднее вожатый начинает переговариваться с хозяином в иносказательном разговоре. Савельич в это время испытывает подозрение и беспокойство. Нельзя исключать, что образ вожатого, говорившего непонятные для Гринева фразы, был переосмыслен и использован Толстым в романе «Анна Каренина» – связь далекая, но все-таки ассоциативно отмечаемая. Ведь и Алексей Вронский, и Анна Каренина видят во сне мужика с взъерошенной бородой, говорившего «по-французски какие-то странные слова», «приговаривавшего по-французски скоро-скоро» [Толстой: 375, 381].

Список литературы

Источники

Пушкин А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Ленинград: Наука, 1978. С. 258–372.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 18. Москва: Худ. лит., 1934. 570 с.

Цветева М.И. Пушкин и Пугачев // Цветева М.И. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5 / сост., подг. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. Москва: Эллис Лак, 1994. С. 498–525.

Исследования

Богданова О.В. Дилогия А.С. Пушкина «История пугачевского бунта» и «Капитанская дочка» (образ Емельяна Пугачева) // Культура и текст. 2019. № 1 (36). С. 6–18.

Зверева Т.В. А.Н. Радищев и Н.М. Карамзин в идейном контексте «Капитанской дочки» А.С. Пушкина // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 1. С. 41–50. <https://doi.org/10.26170/FK20-01-04>

Макогоненко Г.П. «Капитанская дочка» А.С. Пушкина. Ленинград: Худ. лит., 1977. 110 с.

Матвеева И.Ю., Евлампиев И.И. Петр I и Пугачев: зарождение идеи «народной империи» в творчестве А.С. Пушкина // Соловьевские исследования. 2022. № 3 (75). С. 123–139. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2022.3.123-139>

Никольский С.А. Переустройство общества, пересоздание человека: крах иллюзий // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7, № 2. С. 203–222. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2023-2-203-222>

Эббингхаус А. Петр Гринев как мемуарист в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 1-2 (82). С. 163–170.

Emerson, Caryl. Grinev's Dream: The Captain's Daughter and a Father's Blessing. Slavic Review, 1981, vol. 40, No. 1, pp. 60-76.

Groce, Alexander. Aleksandr Pushkin's 'The Captain's Daughter': A Poetics of Violence. Ulbandus Review, 2010, vol. 13, pp. 64-78.

O'Bell, Leslie. Pushkin's Novel "The Captain's Daughter" as Fictional Family Memoir. Pushkin Review, 2007, vol. 10, pp. 47-57.

Rikoun, Polina. Grinev the Trickster: Reading the Paradoxes of Pushkin's "The Captain's Daughter". The Slavic and East European Journal, 2007, vol. 51, No. 1, pp. 16-34.

References

Bogdanova O.V. *Dilogiia A.S. Pushkina "Istoriia pugachevskogo bunta" i "Kapitanskaia dochka" (obraz Emel'iana Pugacheva)* [The Dilogy of A.S. Pushkin "The History of the Pugachev Rebellion" and "The Captain's Daughter" (the Image of Yemelyan Pugachev)]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2019, No. 1 (36), pp. 6-18. (In Russ.)

Ebbinghaus A. *Petr Grinev kak memuarist v "Kapitanskoi dochke" A.S. Pushkina* [Pyotr Grinev as a mem-

oirist in "The Captain's Daughter" by A.S. Pushkin]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2011, No. 1-2 (82), pp. 163-170. (In Russ.)

Makogonenko G.P. *"Kapitanskaia dochka" A.S. Pushkina* ["The Captain's Daughter" by A.S. Pushkin.]. Leningrad, Khudozestvennaia literature Publ., 1977, 110 p. (In Russ.)

Matveeva I.Iu., Evlampiev I.I. *Petr I i Pugachev: zarozhdenie idei "narodnoi imperii" v tvorchestve A.S. Pushkina* [Peter I and Pugachev: the emergence of the idea of the "people's empire" in the works of A.S. Pushkin]. *Solov'evskie issledovaniia*, 2022, No. 3 (75), pp. 123-139. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2022.3.123-139> (In Russ.)

Nikol'skii S.A. *Pereustroistvo obshchestva, peresozdanie cheloveka: krakh illuzii* [Reorganization of society, re-creation of man: the collapse of illusions]. *Filosofiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2023, vol. 7, No. 2, pp. 203-222. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2023-2-203-222> (In Russ.)

Zvereva T.V. A.N. *Radishchev i N.M. Karamzin v ideinom kontekste "Kapitanskoi dochki" A.S. Pushkina* [A.N. Radishchev and N.M. Karamzin in the Ideological Context of "The Captain's Daughter" by A.S. Pushkin]. *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2020, vol. 25, No. 1, pp. 41–50. <https://doi.org/10.26170/FK20-01-04> (In Russ.)

Emerson, Caryl. Grinev's Dream: The Captain's Daughter and a Father's Blessing. Slavic Review, 1981, vol. 40, No. 1, pp. 60-76.

Groce, Alexander. Aleksandr Pushkin's 'The Captain's Daughter': A Poetics of Violence. Ulbandus Review, 2010, vol. 13, pp. 64-78.

O'Bell, Leslie. Pushkin's Novel 'The Captain's Daughter' as Fictional Family Memoir. Pushkin Review, 2007, vol. 10, pp. 47-57.

Rikoun, Polina. Grinev the Trickster: Reading the Paradoxes of Pushkin's "The Captain's Daughter". The Slavic and East European Journal, 2007, vol. 51, No. 1, pp. 16-34.

Статья поступила в редакцию 18.07.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 18.07.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 68–73. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 68–73. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19”

EDN FOPBCI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-68-73>

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1937 Г. В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Азаров Юрий Алексеевич, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, gmammoth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>

Аннотация. Статья посвящена характеристике торжеств, приуроченных к сотой годовщине смерти А.С. Пушкина, которые проходили не только в СССР, но и в русском зарубежье. В 1935 г., согласно постановлению советского правительства, был учрежден Всесоюзный Пушкинский комитет под председательством А.М. Горького. На проведение различных мероприятий Комитету выделялись значительные средства, что позволило выпустить научное собрание сочинений. Праздничные мероприятия планировала и русская эмиграция, которая организовала собственные комитеты и приступила к реализации независимой издательской программы. В процессе анализа сравнивается деятельность комитетов в Париже и Праге, при этом подчеркивается, что она не была связана с работой советских комитетов, созданных под эгидой Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. Цитируются документы, подтверждающие, что в Чехословакии в условиях установления дипломатических отношений с СССР и заключения Договора о взаимопомощи местные власти, уступив настояниям советской стороны, отказались от поддержки мероприятий, организованных эмиграцией. В результате Союз русских писателей и журналистов в Праге вынужден был сократить широкую программу пушкинских торжеств. Таким образом, в 1937 г. в Праге, как и в Париже, прошли параллельные празднования, несравнимые по своему размаху, но тем не менее одинаково важные для увековечения наследия Пушкина и популяризации его творчества за границей.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, А.С. Пушкин, столетие смерти, русский Париж, русская Прага, юбилейные мероприятия, два «потока» русской литературы.

Для цитирования: Азаров Ю.А. Пушкинский юбилей 1937 г. в Чехословакии // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 68–73. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-68-73>

Research Article

PUSHKIN'S JUBILEE OF 1937 IN CZECHOSLOVAKIA

Yuri A. Azarov, DSc in Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, gmammoth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>

Abstract. The article is devoted to the characteristics of the celebrations dedicated to the hundredth anniversary of death of A.S. Pushkin, which took place not only in the USSR, but also in the Russian exile. According to the decree of the Soviet government in 1935, the All-Union Pushkin's Committee was established under the chairmanship of A.M. Gorky. The Committee was allocated significant funds for various events, which made it possible to publish a scientific collection of Pushkin's works. The Russian émigré organizations also took an active part in the preparation of the festive events, organized own committees and began implementing its own publishing program. The analysis suggests comparison of the activities of the committees in Paris and Prague, while emphasizing that they were not related to the work of the Soviet committees created both in the USSR and abroad under the auspices of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries. Documents are cited confirming that in Czechoslovakia, in the conditions of the establishment of diplomatic relations with the USSR and the signing of a Mutual Assistance Agreement, local authorities, yielding to the insistence of the Soviet side, refused to support the émigré celebrations. As a result, the Union of Russian Writers and Journalists in Prague was forced to abandon its broad program of Pushkin's celebrations. Thereby, in 1937 parallel celebrations were held in Prague, as in Paris, not comparable in scale, but nevertheless equally important for perpetuating the heritage of Pushkin and popularizing his work abroad.

Keywords: Russian émigré literature, A.S. Pushkin, centenary of death, Russian Paris, Russian Prague, anniversary events, two “streams” of Russian literature.

For citation: Azarov Yu.A. Pushkin's Jubilee of 1937 in Czechoslovakia. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 68–73 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-68-73>

10 февраля, в день смерти А.С. Пушкина, часто вспоминают 1937 г., когда столетие этой даты, говоря без преувеличения, отмечалось на международном уровне и с беспрецедентной по масштабу «небывалой широтой» [Азаров]. Торжества проходили не только на родине поэта, но и в русском зарубежье, где Пушкина почитали как непреходящее воплощение отечественной культуры, которую в изгнании необходимо сохранять и поддерживать.

В то время подготовка к юбилею (именно так называли 100-летие этого трагического события) проходила в СССР на правительственном уровне. Согласно постановлению ЦИК от 16 декабря 1935 г., был учрежден Всесоюзный Пушкинский комитет под председательством А.М. Горького: «В связи с предстоящим празднованием столетнего юбилея со дня смерти великого русского поэта, создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы – Александра Сергеевича Пушкина...» [Известия: 953]. С целью проведения мероприятий по увековечению памяти Пушкина среди народов СССР и содействия популяризации его творчества были организованы комитеты «на местах» – в республиках, краях, областях, в городах и колхозах, в учреждениях, на заводах, в школах и вузах, в том числе на Сахалине и Шпицбергене. На проведение различных мероприятий Всесоюзному Пушкинскому комитету правительство выделило значительные средства.

К работе были привлечены крупные советские издательства – планировались издания массовыми тиражами произведений Пушкина, подготовка собраний сочинений. Постановление ЦИК послужило также основанием для осуществившегося уникального проекта академического собрания сочинений (Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16-ти тт. / ред. комитет: М. Горький, Д.Д. Благой, С.М. Бонди и др., М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959), которое стало наиболее полным собранием сочинений: предшествующие издания не охватывали все творчество поэта и не отличались текстологической безупречностью. Начатое до революции (1899 г.) двенадцатитомное собрание сочинений осталось незавершенным: в 1916 г. увидел свет пятый том, в 1928 г. – шестой, после чего издание было прервано.

Очевидно, что зарубежье потенциально не обладало достаточными силами и средствами для научно апробированного издания пушкинских текстов. В эмиграции пушкинисты по причине недоступности основного корпуса архивных материалов, находящихся в Советской России, не имели возможности вести текстологические разыскания с целью подготовки подобных изданий. И тем не менее, эмиграция стремилась внести посильный вклад в исследование наследия поэта, что нашло воплощение в юбилейной пушкиниане зарубежной России, которая пополнилась серьезными биографическими и литературоведческими исследованиями.

В конце февраля 1935 г. в эмигрантском Париже был организован Пушкинский комитет, который поставил перед собой аналогичную задачу – самым достойным образом отметить сотую годовщину гибели поэта. Празднование, по мнению основателей комитета, одновременно станет залогом сплочения эмиграции, разбросанной по разным странам. Основой объединения должно послужить имя Пушкина, которому, по определению А.Л. Бема, «удалось сочетать свою “европейскость”, далеко опередившую русскую действительность, с “русскостью”, с верностью основам и русской культуры и русскому национальному духу» [Бем 1996: 284].

О предыстории создания Пушкинского комитета в Париже вспоминал Сергей Лифарь, принимавший в подготовке юбилейных мероприятий самое активное участие. Общие задачи его деятельности были изложены в постановлении Русского национального комитета, принятом 21 ноября 1934 г., в котором говорилось следующее: «Пока Париж является мировым центром наибольшего скопления русских квалифицированных интеллектуальных сил, естественно, что общее руководство делом Пушкинского юбилея должен взять особый “Пушкинский комитет” из наших знаменитых писателей, академиков, ученых-пушкинстов, журналистов и других представительных лиц именно в Париже. Повсюду на местах должны составиться местные Пушкинские Комитеты для сотрудничества с центром» [Лифарь: 58, 59].

Необходимо отметить, что программы планировавшихся в Советской России и в зарубежье мероприятий имели целый ряд общих черт. Это прежде всего создание комитетов – в СССР и в зарубежье главную задачу видели в том, чтобы вывести чествование великого поэта на международный уровень. При этом Парижский комитет имел весомое преимущество: эмигранты были рассеяны по всему миру, а данное обстоятельство, как считало его руководство, следует в полной мере использовать. Забегая вперед, можно утверждать, что поставленную задачу эмиграции осуществить удалось. Согласно сохранившимся документам, в 1937 г. юбилейные мероприятия проходили «...во всех частях света: в Австралии – в 4 городах, в Азии в 8 государствах и 14 городах, в Америке в 6 государствах и 28 городах, в Африке в 3 государствах и в 5 городах, а всего в 42 государствах и в 231 городе» [Лифарь: 61].

По понятным причинам издательская программа Пушкинского комитета в Париже не могла сравниться с советской, однако и она впечатляет своей значительностью, что подтверждается сведениями, приводимыми в воспоминаниях Лифаря. Был задуман и впоследствии издан доступный по цене и тексту-

ально выверенный однотомник сочинений Пушкина, однако на содержание сборника – по причине недоступности первоисточников – составителями были наложены ограничения. В него вошли произведения, изданные при жизни автора, а также тексты, ранее публиковавшиеся по сохранившимся чистовым рукописям. Была сформирована редакционная комиссия в составе М.Л. Гофмана, Н.К. Кульмана, Г.Л. Лозинского, К.В. Мочульского, А.В. Тырковой, В.Ф. Ходасевича; ее работу в качестве председателя на начальном этапе возглавил И.А. Бунин.

В Праге, еще одном значительном центре русского рассеяния, задачу организации пушкинских торжеств взял на себя Союз русских писателей и журналистов (СРПЖ) (1922–1942), представлявший собой наиболее авторитетное творческое объединение эмигрантов в Чехословакии, которое более всего соответствовало задаче популяризации Пушкина.

Сохранились заполненные при вступлении (Союз имел формальное членство) анкеты А.В. Амфитеатрова, А.Л. Бема, В.Ф. Булгакова, С.И. Варшавского, Б.А. Евреинова, С.В. Завадского, А.А. Кизеветтера, Е.А. Ляцкого, Н.М. Могиланского, С.П. Постникова, П.Н. Савицкого, Е.Н. Чирикова, К.А. Чхеидзе и др. Обязанности председателя правления в разные годы исполняли П.А. Сорокин (в 1923 г. уехал в США), Завадский, Булгаков, Вас. И. Немирович-Данченко, Чириков, Могиланский, Н.И. Астров, Варшавский. Правление вело самую активную работу, о чем свидетельствуют отложившиеся в РГАЛИ документы: архив Союза поступил в Русский заграничный исторический архив в Праге и после войны был передан СССР. Даже неполное перечисление документов дает представление о широте деятельности Союза – как в Чехословакии, так и в других центрах зарубежья. Это обширная переписка с Министерством иностранных дел, Национальным чехословацким советом, Славянским институтом, Чешско-русским объединением «Еднота», Всеславянским комитетом помощи русскому народу («Лига»), Комитетом «День русской культуры» в Чехословакии, литературным кружком «Скит» («Скит поэтов»), Обществом Достоевского, югославским представительством Земгора, редакциями газеты «Последние новости» и журнала «Современные записки», Союзом русских литераторов и журналистов в Париже, союзами русских писателей и журналистов в Польше и Югославии, а также с Буниным, Н.О. Лосским, В.В. Набоковым, Ф.А. Степуном, П.Б. Струве, Ходасевичем, И.С. Шмелевым и многими другими корреспондентами.

Члены Союза уже имели богатый опыт организации публичных мероприятий (в том числе посвященных Пушкину) – литературных и литературно-музыкальных вечеров и собраний, приуроченных к юбилейным датам: 15-летию со дня смерти Л.Н. Тол-

стого, 100-летию со дня рождения М.Е. Салтыкова-Щедрина, 50-летию со дня смерти Н.А. Некрасова. Были проведены литературные вечера, посвященные памяти С.А. Есенина, А.Т. Аверченко, П.П. Потемкина, В.Г. Короленко, А.К. Толстого.

Деятельность Союза имела свои отличительные черты. Объединение позиционировало себя как неполитическую (насколько это возможно в условиях политической эмиграции) ассоциацию, принимавшую в свои ряды не только писателей, но и представителей академических кругов. В период 1922–1932 гг. в Союзе насчитывалось 168 действительных членов (в их числе Лосский, П.Б. Струве, М.И. Цветаева) и 5 почетных (И. Голечек, Завадский, А. Иракс, Немирович-Данченко, Чириков). Членом Союза состоял С.Я. Эфрон, избранный в состав правления и выполнявший обязанности казначея.

1 июня 1935 г. состоялось посвященное Пушкину общее собрание, которое вел председатель Союза Варшавский [Хроника: 319]. Он оставался председателем и в период немецкой оккупации, после освобождения Праги советскими войсками в 1945 г. судьба его сложилась трагически: Варшавский был арестован и погиб в Карагандинском ИТЛ. Несмотря на объявленный неполитический характер Союза, в его деятельность постоянно вмешивалась политика, что в наибольшей степени отразилось на подготовке к столетней годовщине гибели Пушкина. Согласно мнению М.Д. Филина, «эмигрантский праздник Пушкина и задумывался, и осуществлялся не только как грандиозное культурное мероприятие, но и как политическая акция – *самая крупная политическая акция за всю историю Зарубежной России*» [Филин: 24]. Бурную дискуссию вызвал вопрос о подготовке к этому событию и вынужденных ограничениях числа мероприятий. Складывавшаяся в то время двусмысленную в политическом отношении ситуацию поясняет исследование А.В. Копршиовой, которая отмечает факт резкой перемены во взаимоотношениях местных властей и эмиграции: «Представители Министерства иностранных дел хорошо знали, что в СССР крайне отрицательно относятся к помощи российским эмигрантам со стороны Чехословакии. На закрытом заседании чиновников МИДа К. Крофта (Камиль Крофта, в 1936–1938 гг. министр иностранных дел Чехословакии. – Ю. А.) официально заявил, что “в будущем будет неприемлемо участие чехословацких официальных представителей в акциях русской и украинской антисоветской эмиграции”» [Копршиова: 255].

К этому можно добавить, что обстановка вокруг СРПЖ осложнялась «внелитературными» политическими обстоятельствами: угрозой со стороны фашистской Германии, претендовавшей на Судетскую область, что в результате привело к Мюнхенскому соглашению 1938 г. 16 мая 1935 г. (т. е. незадолго

до упомянутого собрания СРПЖ) был заключен Договор о взаимопомощи между СССР и Чехословакией, в котором говорилось, что обе страны окажут друг другу помощь в случае нападения третьей державы. Примечательно, что подписание договора нашло поддержку в самых широких кругах чехословацкой общественности. В итоге правление было вынуждено занять компромиссную по отношению к властям позицию, отказавшись по этой причине от расширенной программы юбилейных торжеств.

Так, Варшавский поставил на повестку собрания два вопроса: о проектах организации в Праге Пушкинского комитета и Пушкинского издательского общества. Он ознакомил аудиторию с проектом программы мероприятий учредительного собрания Пушкинского комитета в Париже, а также с обращением известного чешского пушкиниста Индржиха Наймана, переводчика «Евгения Онегина» и «Полтавы», который предложил программу, согласно которой пушкинские мероприятия в Праге должны превратиться в торжества общеславянского значения. В ходе прений с участием Бема, Булгакова, А.А. Аргунова, Немировича-Данченко речь шла о настоятельной необходимости, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, создания Пушкинского комитета в Праге, «но с тем, чтобы он не являлся простым отделением Парижского комитета, а действуя с означенным комитетом в полном контакте, учел бы всю сложность обстановки, которая может создаваться в связи с пушкинским юбилеем ввиду относящихся к этому юбилею советских мероприятий и сочувствия этим мероприятиям местных кругов» [Документы: 102]. Речь шла и о сложностях при подготовке программы, поскольку на то же время планировались акции, организованные советским посольством. Члены Союза всячески стремились избежать конфликта с чехословацкими властями, поэтому проект чешского пушкиниста не получил одобрения, что и было зафиксировано в протоколе: «С этой точки зрения надлежит проявить особую сдержанность в отношении проекта г-на Наймана; при всей симпатии, которую заслуживает этот восторженный искренний поклонник Пушкина, проект его вряд ли является осуществимым при данных условиях, так как идет, в известной степени, вразрез с той линией подготовки к пушкинскому юбилею, которая намечается в местных компетентных сферах» [Документы: 101]. В ходе дальнейших прений собрание все же вынесло постановление об организации в Праге Пушкинского комитета в составе: председателя Союза писателей, его заместителя, почетных членов Немировича-Данченко и Завадского и «действующих» членов Бема и Ляцкого. Из лиц, не состоящих в Союзе, в комитет вошли графиня С.В. Панина, председатель Объединения русских организаций в Чехословакии князь П.Д. Долгоруков и филолог-славист академик В.А. Францев.

Далее председатель ознакомил собрание с проектом организации Пушкинского книжного общества. По этому вопросу были высказаны противоположные мнения. Так, Бем полагал, что в настоящих условиях лучше издавать отдельные книги, руководствуясь результатами предварительной подписки («идти от книги к книге») [Документы: 102], а не создавать новое издательство при полном отсутствии необходимых средств. Бем высказал пожелание, чтобы Союзом был издан собственный пушкинский сборник. В результате бурной дискуссии была принята резолюция, поддержавшая план организации кооперативного издательского общества, в чем правление должно отчитаться на очередном общем собрании.

Впоследствии за подписью Варшавского был подготовлен проект письма от имени Союза о сборе средств на организацию издательского общества, который призывал эмигрантов делать пожертвования на это благородное дело. В нем, помимо прочего, говорилось:

«Русское книжное дело за границей переживает исключительно трудное время в связи с общим экономическим кризисом и обеднением эмиграции... Поэтому первой книгой, которая должна быть создана книжным обществом, будет «Книга о Пушкине». Общество должно получить название «ПУШКИНСКОЕ КНИЖНОЕ ОБЩЕСТВО»» [Документы: 103, 104].

Однако необходимых средств собрать не удалось, поэтому проект канул в Лету: каких-либо сведений о деятельности Пушкинского издательского общества в Праге обнаружить не удалось.

Очевидно, что в условиях нарастания военно-политической напряженности советская программа пушкинских торжеств получила в Праге всестороннюю поддержку, однако, по мнению советской стороны, эта поддержка содержала некоторые сомнительные обстоятельства. Планом проведения пушкинского юбилея за рубежом занималось Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), которое в то время возглавлял бывший полпред (1929–1933 гг.) СССР в Чехословакии А.Я. Аросев (отец Ольги Аросевой, репрессирован в 1938 г.). Так, в 1935 г. в Праге был создан правительственный Пушкинский комитет под председательством премьер-министра М. Годжи, в Брно – Комитет по организации пушкинских торжеств в Моравии и Силезии под председательством В. Гольберга, декана философского факультета Университета Масарика. При этом какое-либо участие эмиграции в мероприятиях не предполагалось.

Однако в «Справке о подготовке к пушкинскому юбилею за границей на 15 ноября 1936 г.», представленной правлением ВОКС во Всесоюзный Пушкинский комитет, Аросев высказал серьезную озабоченность возможным участием эмиграции в юбилейных мероприятиях: «Инициатива празднования взята

на себя в Праге “Славянским уставом” (правой организацией) (*чеш. Slovanský ústav* – Славянский институт. – *Ю. А.*). Обеспечивается патронаж Бенеша и Министерства иностранных дел и просвещения... В Брно Комитет организован по инициативе Масариковского университета с участием Общества Культсвязи с СССР (Брненский филиал), Брненской консерватории, Союза Моравских композиторов, Драматического и оперного театров, Радиожурнала, Чешского и немецкого союзов Народных университетов и др. Председатель – Владимир Гельферт... Комитет (Всесоюзный. – *Ю. А.*) решительно отклоняет участие белоэмигрантов в праздновании» [Солдатова: 212]. Очевидно, что последнее замечание для советских организаторов пушкинских мероприятий в Чехословакии было наиболее важным.

В конце декабря 1936 г. в Москву вновь поступила информация о нежелательной деятельности эмиграции в этом направлении. Аросев доводил до сведения Всесоюзного Пушкинского комитета следующее: «Вышел в свет первый том четырехтомного издания сочинений Пушкина в чешских переводах под редакцией проф. Бема (бывший белый, ныне чешский гражданин) и проф. Р. Якобсона (известный Вам советский гражданин, бывший сотрудник Полпредства, ныне подал заявление чешским властям о принятии чехословацкого гражданства). В организационных работах правительственного Пушкинского комитета принимает участие проф. Францев (бывший белый, ныне чешский гражданин)» [Солдатова: 212].

Таким образом, в 1937 г. в Праге проходили параллельные пушкинские мероприятия, несопоставимые, однако, по масштабу. Программа Союза писателей и журналистов имела скорее «камерный» характер и открывалась собранием в память годовщины со дня смерти Пушкина, проведенным 29 января Пражским Пушкинским комитетом в помещении философского факультета Карлова университета [Хроника: 407]. На собрании председательствовал Ляцкий, в президиум были избраны графиня Панина и Францев. Последний сделал доклад «Пути гения», Ляцкий – доклад «Три источника». После официальной части состоялся концерт с исполнением романсов на слова Пушкина и с декламацией стихов в чешском переводе. В тот же день в храме св. Николая на Староместской площади отслужили панихиду по Пушкину – мероприятие, проведение которого советская сторона не планировала. 13 мая комитет Дня русской культуры организовал в Пражской городской библиотеке посвященное Пушкину торжественное заседание с литературно-музыкальным отделением [Хроника: 431]. Вступительное слово произнесла Панина, а приглашенный из Парижа за счет СРПЖ И.С. Шмелев произнес речь «Заветная встреча», в которой была раскрыта суть отношения эмиграции к Пушкину:

«И потому наша с ним “встреча”, вне родины, знаменательна. Мы как бы слышим: “помни свое, какой ты стихии, какого корня: эта стихия дала нам Пушкина! познай свое место в мире, и головы не клони!” <...> Есть у народов книги вдохновенных, гениев, пророков. В години поражений и падений народы черпают в них силу. У нас – он, Пушкин» [Шмелев: 5]. В числе публикаций необходимо упомянуть и вышедший в Ужгороде (до 1938 г. в составе Чехословакии) юбилейный сборник статей Бема, в предисловии к которому шла речь о недостатке в зарубежье литературы, посвященной Пушкину: «Задача настоящей книги восполнить пробел, существующий в русской литературе о Пушкине за пределами России. В дни столетнего юбилея со дня смерти великого русского писателя, несомненно, возрастет интерес к его личности и творчеству. Необходимо дать в руки каждому, кто хотел бы получить самые необходимые сведения о Пушкине или кто пожелал бы воскресить в памяти черты его личности, книжку, удовлетворяющую этим потребностям» [Бем 1937: 5].

В заключение следует отметить, что память о великом поэте – при учете политических обстоятельств – объединяла не только эмиграцию, но и зарубежную и Советскую Россию. Символично, что столетие со дня гибели Пушкина торжественно отмечалось в СССР, в Париже и русской Праге, хотя в основе юбилейных мероприятий лежали разные идеологические составляющие. Вместе с тем стоит обратить внимание на важнейший для русской литературы XX в. историко-литературный факт: русская литература временно разделилась на два «потока», которые рано или поздно должны были сойтись, и они, действительно, встретились – во многом благодаря гению Пушкина, всегда остававшегося непреходящим национальным символом, стоящим выше любых факторов идейного разделения. Что касается зарубежья, то именно в Пушкине, празднуя его юбилей, оно видело залог грядущего возрождения, в чем был убежден Бунин: «...до самых священных недр своих поколеблена Россия. Не поколеблено одно: наша твердая вера, что Россия, породившая Пушкина, все же не может погибнуть, измениться в вечных основах своих, и что воистину не одолеют ее до конца силы адовы» [Бунин: 418].

Список литературы

Источники

Бунин И.А. Слово о Пушкине // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин / сост. М.Д. Филин. Москва: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. 495 с.

Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 17 декабря 1935 г. № 292. С. 953–954.

Шмелев И.С. Заветная встреча // Меч (Варшава). 1937. 14 февр. № 6. С. 5.

Исследования

Азаров Ю.А. С небывалой широтой // Русский мир: портал. URL: https://russkiymir.ru/publications/85373/?sphrase_id=1624085 (дата обращения: 13.05.2024).

Бем А.Л. Чудо Пушкина // Бем А.Л. Письма о литературе / сост. и авт. предисл. М. Бубеникова, Л. Вахаловска; отв. ред. Л. Белошевская. Praha: Slovanský ústav: Euroslavica, 1996. С. 282–285.

Бем А.Л. О Пушкине: статьи. Ужгород: Письмена, 1937. 111 с.

Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) / сост. З. Сладек, Л. Белошевская и др.; предисл. и введ. З. Сладека. Прага: Изд-во Славянского ин-та АН ЧР: Еурославака, 1998. 344 с.

Копришилова А.В. Пушкинский юбилей 1937 года в Чехословакии на фоне политической обстановки // Записки Русской академической группы в США. 1999–2000. Т. 30. С. 251–259.

Лифарь С. Всемирный Пушкинский Зарубежный Комитет 1937 года // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Москва: Эллис Лак, 2000. С. 51–106.

Солдатова Л.М. Пушкинский юбилей 1937 года за границей. Литература и политика // Literary.ru: О литературе: портал [2008. 26 февр. С. 202–214]. URL: https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204027734&archive=1205324254&start_from=&ucat=&&ysclid=1w7im199au192463804 (дата обращения: 15.05.2024).

Филин М.Д. От составителя // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937): в 2 т. Т. 1 / сост., предисл. М.Д. Филина. Москва: Эллис Лак, 2000. С. 5–50.

Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. II: 1930–1939 / под общ. ред. Л. Белошевской. Прага: Изд-во Славянского ин-та АН ЧР, 2001. 639 с.

Reference

Azarov Yu.A. *S nebyvaloi shirotai* [With unprecedented breadth]. *Russkii mir: portal* [The Russian world: portal]. URL: https://russkiymir.ru/publications/85373/?sphrase_id=1624085 (access date: 13.05.2024). (In Russ.)

Bem A.L. *Chudo Pushkina* [Miracle of Pushkin]. Bem A.L. *Pis'ma o literature* [Letters on literature], comp. and pref. by M. Bubenikova, L. Vakhlovskaja;

ed. by L. Beloshevskaja. Prague, Slovanský ústav Publ., Euroslavica, 1996, pp. 282–285. (In Russ.)

Bem A.L. *O Pushkine: Stat'i* [About Pushkin. Articles]. Uzhgorod, Izd. "Pis'mena" Publ. Uzhgorod, 1937, 111 p. (In Russ.)

Dokumenty k istorii russkoi i ukrainskoi emigratsii v Chekhoslovatskoi respublike (1918–1939) [Documents on the history of Russian and Ukrainian emigration in the Czechoslovak Republic (1918–1939)], comp. by Z. Sladek, L. Beloshevskaja et al.; pref. and introd. by Z. Sladek. Prague, Izd-vo Slavianskogo in-ta AN ChR; Euroslavica Publ., 1998, 344 p. (In Russ.)

Filin M.D. *Ot sostavitelia* [From the compiler]. *Tsentrāl'nyi Pushkinskii Komitet v Parizhe (1935–1937)* [Central Pushkin Committee in Paris (1935–1937)]: in 2 vols., vol. 1, comp., pref. by M.D. Filin. Moscow, Ellis Lak Publ., 2000, pp. 5–50. (In Russ.)

Khronika kul'turnoi, nauchnoi i obshchestvennoi zhizni russkoi emigratsii v Chekhoslovatskoi respublike [Chronicle of the Russian émigré cultural, scientific and social life in Czechoslovak Republic], vol. II: 1930–1939, ed. by L. Beloshevskaja. Prague, Izd-vo Slavianskogo in-ta AN ChR Publ., 2001, 639 p. (In Russ.)

Koprshivova A.V. *Pushkinskii iubilei 1937 goda v Chekhoslovatskii na fone politicheskoi obstanovki* [Pushkin's anniversary of 1937 in Czechoslovakia against the backdrop of the political situation]. *Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SShA* [Notes of the Russian Academic Group in the USA], 1999–2000, vol. 30, pp. 251–259. (In Russ.)

Lifar' S. *Vsemirnyi Pushkinskii Zarubezhnyi Komitet 1937 goda* [World Pushkin's Foreign Committee, 1937]. *Tsentrāl'nyi Pushkinskii Komitet v Parizhe (1935–1937)* [Central Pushkin Committee in Paris (1935–1937)]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2000, pp. 51–106. (In Russ.)

Soldatova L.M. *Pushkinskii iubilei 1937 goda za granitsej. Literatura i politika* [Pushkin's anniversary of 1937 abroad. Literature and politics]. *Literary.ru: O literature: portal* [About literature: portal], 2008, 26 febr., pp. 202–214. URL: https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204027734&archive=1205324254&start_from=&ucat=&&ysclid=1w7im199au192463804 (access date: 15.05.2024). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

УДК 069:821.161.1.09“19”

EDN HLZATM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-74-82>

М. ГОРЬКИЙ И ИСТОРИЯ РЕСТАВРАЦИИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Шуган Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, olgashugan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5885-2287>

Аннотация. В статье представлены неизвестные факты, связанные с судьбой Пушкинского заповедника накануне 1937 г., когда отмечалось 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина. План юбилейных мероприятий к этой дате включал реставрацию усадьбы Михайловское, где поэт провел два года в ссылке. Однако реализация этого проекта встречала большие трудности. В статье рассказывается о тяжелом положении Пушкинского заповедника и о причинах, вызвавших эту ситуацию. Большой проблемой заповедника было его двойное подчинение: в 1930-е гг. земля Заповедника находилась в ведении Академии наук и животноводческого совхоза. Привлекаются новые архивные документы из Архива А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), материалы прессы 1930-х гг., показывающие, что административные препоны, бюрократическая инерция, равнодушные высших партийных чиновников, отсутствие финансирования поставили усадьбу Пушкина практически на грань вымирания. А.М. Горький в 1934–1935 гг. принял участие в судьбе Заповедника. В результате были устранены препятствия на пути развития инфраструктуры Пушкинских Гор, проведены реставрационные работы и 18 февраля 1937 г. был открыт Дом-музей А.С. Пушкина. Делается вывод, что восстановлению Михайловского во многом способствовал Горький.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, А.М. Горький, Пушкинский заповедник, Михайловское, Тригорское, Пушкинские Горы.

Для цитирования: Шуган О.В. М. Горький и история реставрации Пушкинского заповедника // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 74–82. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-74-82>

Research Article

M. GORKY AND THE HISTORY OF THE RESTORATION OF THE PUSHKIN NATURE RESERVE

Olga V. Shugan, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, olgashugan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5885-2287>

Abstract. The article presents the unknown facts related to the fate of the Pushkin Nature Reserve on the eve of 1937, when the 100th anniversary of A.S. Pushkin's death was celebrated. The plan of anniversary events for this date included the restoration of the Mikhailovskoye estate, where the poet spent two years in exile. However, the implementation of this project encountered great difficulties. The article talks about the difficult situation of the Pushkin Nature Reserve and the reasons that caused this situation. The big problem of the Reserve was its double subordination: in the 1930s, the land of the Reserve was under the jurisdiction of the Academy of Sciences and the state farm printing house named after Lokhankov. New archival documents from the A.M. Gorky Archive (Moscow, IMLI RAS), Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), press materials of the 1930s, are being used to show that administrative obstacles, bureaucratic inertia, indifference of senior party officials, and lack of funding brought Pushkin's estate to the brink of extinction. A.M. Gorky took part in the fate of the Reserve in 1934-1935. As a result, obstacles to the development of the infrastructure of the Pushkin Mountains were removed, restoration work was carried out, and on January 18, 1937, the A.S. Pushkin House-Museum of was opened. It is concluded that Gorky contributed greatly to the restoration of Mikhailovskoye.

Keywords: A.S. Pushkin, A.M. Gorky, Pushkinsky Nature Reserve, Mikhailovskoye, Trigorskoye, Pushkin Mountains.

For citation: Shugan O.V. M. Gorky and the History of the Restoration of the Pushkin Nature Reserve. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 74–82 (InRuss.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-74-82>

В год, когда празднуется 225-летие со дня рождения А.С. Пушкина, уместно вспомнить другую дату – 100-летие со дня смерти поэта, которое широко отмечалось в 1937 г., тем более что в подготовке к торжествам активное участие принимал А.М. Горький, и этот биографический факт, безусловно, интересен горьковедом, так как характеризует мировоззрение писателя.

О мероприятиях по подготовке памятной даты, включавших популяризацию классического наследия поэта и увековечение его имени, не раз писалось. Но этому знаменательному событию предшествовала сложная подготовительная работа, полная конфликтов и недопонимания. В основном это касается малоизученной до сегодняшнего дня темы реставрации Государственного Пушкинского заповедника.

Пушкинские чествования 1937 г. планировались как серия торжественных мероприятий, проведенных в СССР и за рубежом. Так, например, столетие со дня смерти поэта в 1937 г. широко отмечалось русской эмиграцией во Франции, Чехословакии, Америке, Китае, Австралии, Африке – в 42 государствах, в 231 городе. Памятники Пушкину были установлены в Шанхае и в Кассвиле (штат Нью Джерси, США). Торжества были отмечены выходом многочисленных изданий поэта, а также научных трудов, посвященных его творчеству. Во многих городах Советского Союза были возведены памятники Пушкину, в том числе – обелиск на месте дуэли на Черной речке.

Академия наук СССР, в чье ведение в 1933 г. перешел Государственный Пушкинский заповедник, планировала превратить «в показательный заповедник усадьбы и места ссылки Пушкина – с. Михайловское»¹. Для этого было необходимо «обеспечить охрану и приведение в порядок пушкинских мест»². Именно с подготовки к юбилею 1937 г. Михайловское становится основным местом мемориального поклонения поэту.

Надо сказать, что Пушкинским памятным местам в Ленинградской области (ныне Псковской области) очень не везло, начиная с того, что в 1918 г. усадьба Пушкина в селе Михайловском была сожжена крестьянами окрестных деревень. И хотя 17 марта 1922 г. Михайловское, Тригорское и могила Пушкина были объявлены постановлением СНК государственным заповедником и как исторические памятники были переданы в ведение Наркомпроса (по музейному отделу Главнауки), вскоре, однако, эти места стали объектом беззастенчивой торговли. Через 10 лет, в 1932 г., Ленинградский облполитпросвет «уступил» заповедник за 10 000 рублей Музею социалистической реконструкции сельского хозяйства. Еще через год Музей социалистической реконструкции сельского хозяйства продал Пушкинский заповедник арте-

ли «Красный партизан» за 40 000 рублей. В этом же 1933 г. артель продала Пушкинский заповедник уже за 240 000 рублей ленинградской типографии имени Лоханкова, которая организовала там совхоз с животноводческим направлением.

Пока местные власти и Главнаука бездействовали, заповедник приходил в упадок. Наконец, в 1933 г. вмешался Ленинградский облисполком, и заповедник был передан Академии наук СССР. Однако Академия наук оказалась «хозяйкой» только на бумаге из-за одной маленькой поправки: «Все пахотные и сенокосные угодья, находящиеся на территории заповедника, оставить в пользовании совхоза до тех пор, пока эта территория не потребуется для культурных целей и строительства заповедника» [Макарьев: 1]. Таким образом, на территории Пушкинских мест установилось «двоевластие»: и Академия наук, и животноводческий совхоз существовали вместе, что не давало возможность проводить реставрационные работы. Директор заповедника С. Семенов писал наркому просвещения А.С. Бубнову: «Естественным результатом такого положения являлся длинный ряд споров, склок, судебных процессов, возбуждаемых со стороны совхоза типографии им. Лоханкова. Какая-либо культурная работа в Заповеднике, какая-либо подготовка его к столетнему юбилею совершенно исключались при таком положении»³.

В конце февраля 1934 г. Горький затронул вопрос о памятной пушкинской дате в переписке со Сталиным и предложил вождю возглавить Пушкинский комитет. Он писал: «...разрешите обратить внимание Ваше на следующее: в 37 году закончена будет вторая пятилетка, исполнится 20 лет со дня победы пролетариата и 100 лет со дня смерти А.С. Пушкина. Мне думается, что в этот знаменательный год Советская общественность должна воздать должное крупнейшему поэту Европы XIX в., и я полагаю бы, что сейчас же следует организовать Комитет по чествованию Пушкина. <...> По глубочайшему убеждению моему, Пушкинский Комитет должны возглавить Вы, – уверен, что это не нуждается в мотивации, ибо, являясь политическим вождем страны, Вы – тем самым – являетесь и вождем культуры ее, а Пушкин – величайшее ее достижение в прошлом и еще долго будет нужен нам как образец гениального художника и литератора необычно широкого диапазона.

Если это уместно, то я очень прошу Вас взять на себя роль председателя Пушкинского Комитета. Она не отнимет у Вас много времени» [Дубинская-Джалилова, Чернев: 253].

Сталин отказался возглавить Пушкинский комитет, что не помешало превратить годовщину смерти поэта в манифестацию успехов социалистического строительства и триумф политики Сталина. Понимая «цементирующий» характер данного события, Ста-

лин дал ход мероприятиям по чествованию Пушкина, идя навстречу всем инициативам Горького [Шуган: 74]. При участии писателя был разработан план, включавший издание произведений Пушкина, восстановление усадеб, где жил поэт, установку памятников Пушкину и, наконец, организацию Пушкинской выставки.

Идея реставрации усадьбы Пушкина появилась летом 1934 г. В это время член Пушкинской комиссии Академии наук СССР, ученый секретарь Пушкинского Дома Юлиан Григорьевич Оксман и Лев Борисович Каменев, заместитель Горького в Пушкинском комитете, отправились исследовать Пушкинские Горы. Результат их поездки был неутешителен, о чем Каменев уведомил Сталина 25 июля 1934 г.: «Сейчас вернулся из осмотра “Государственного Пушкинского Заповедника” в Псковской губ<ернии>, обнимающего могилу Пушкина и его имение, где он прожил 2 года в ссылке. Места прекрасные; они могут и должны стать объектом экскурсий и интуризма, но они никак культурно не обслужены: дом Пушкина не восстановлен, могила разрушается. Местная школа в жалком помещении. Нет места отдыха для туристов и т. д. Чтобы привести все это в порядок, нужно время. То же относится и к постановке памятника, и к изданию сочинений. Комитет должен всем этим заняться. Поэтому мне кажется, что следовало бы ускорить утверждение Комитета и двинуть дело в ход еще до твоего отъезда в отпуск»⁴.

После этого письма реставрация Пушкинских мест стала важным пунктом плана юбилейных мероприятий. Более того, именно посещение Михайловского дало толчок для утверждения проекта постановления ЦИК. Сталин собрал Политбюро, и 27 июля 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило Проект постановления об учреждении Всесоюзного Пушкинского комитета. Горький был назначен председателем Пушкинского комитета при ЦИК СССР. 27 августа 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление Президиума ЦИК СССР «Об учреждении Всесоюзного Пушкинского комитета, в связи со столетием со дня смерти А.С. Пушкина». В начале сентября 1934 г. Горький приступил к созданию рабочей комиссии для обсуждения мероприятий по увековечению памяти Пушкина.

Однако дело не пошло дальше постановлений и их проектов. Первое заседание рабочей группы Пушкинского комитета должно было состояться по возвращении Горького из Крыма, из Тессели, в декабре 1934 г. Однако 1 декабря в Смольном был убит С.М. Киров, что стало отправной точкой для новой волны репрессий. 16 декабря 1934 г. был арестован Каменев, а 25 марта 1935 г. он был исключен из Пушкинского комитета, в результате чего работа комитета прервалась почти на год. Каменев был не про-

сто заместителем Горького в Пушкинском комитете, а его конфидентом и соратником: по ходатайству писателя Каменев возглавлял издательство “Academia” и Институт литературы, вместе с Каменевым Горький разрабатывал план юбилейных мероприятий к 100-летней годовщине смерти Пушкина. 24 марта 1935 г. Горький был единогласно избран директором ИРЛИ вместо Каменева, а его заместителями в Пушкинском комитете были назначены нарком просвещения А.С. Бубнов и секретарь оргкомитета Союза советских писателей А.С. Щербаков.

В то же время дела не терпели отлагательств, и через 10 дней после ареста Каменева к Горькому обратились представители Пушкинского райисполкома. Партийные функционеры запланировали к Пушкинской годовщине строительство гидроэлектростанции на реке Великой (к письму был приложен ее проект), шоссейной дороги от ст. Тригорское до заповедника и гостиницы на 200 человек туристов. Так как Ленинградский облплан отказал им в финансировании, то они надеялись на авторитет Горького как председателя Всесоюзного Пушкинского комитета: «Алексей Максимович! Мы не можем согласиться с отказом и убедительно просим Вас – понять полезность задуманных строителей и помочь нам осуществить проекты, тем более что в известной доле Пушкинский комитет тоже должен быть заинтересован в этом деле»⁵.

По этому поводу работники райисполкома обращались также к Бубнову и А.А. Жданову. В письме последнему они жаловались, что «неоднократные просьбы к т. Бубнову не привели ни к каким результатам» и описывали сложившуюся в заповеднике ситуацию: «С 1934 года идут бесполезные разговоры о реставрационных работах в Заповеднике. Всесоюзный Пушкинский Комитет своим решением ассигновал 64 600 руб. на:

1. Восстановление после пожара дома Пушкина.
2. Реставрирование домика няни.
3. Приведение в порядок усадьбы.
4. Приведение в порядок могилы.
5. Ремонт Успенского Собора постройки 16 века.

Это решение до настоящего времени является платоническим, а на носу 100-летняя годовщина со дня смерти Пушкина». В письме говорилось о том, что «заповедник ежемесячно посещают тысячи туристов, в том числе иностранцы. <...> Мы просим окончательно решить вопрос, будут даны деньги на реставрационные работы или нет, если последнее, то, по-нашему, следует обсудить вопрос о целесообразности перенесения могилы Пушкина в Москву или Ленинград» [Андреева: 206–207].

23 февраля 1935 г. Горький встречался со Ждановым, назначенным преемником Кирова на посту председателя Ленинградского обкома ВКП(б). В своем разговоре они, несомненно, коснулись пушкинских

мероприятий. Возможно, Горький доказывал необходимость строительства вышеупомянутых объектов и финансирования Пушкинского района, находящегося в то время в ведении Ленинградской области.

Вскоре произошло еще одно событие, повлиявшее на судьбу Пушкинского района. 4 апреля 1935 г. у Горького прошло совещание драматургов, на котором присутствовал директор Пушкинского заповедника С.А. Семенов [Летопись: 472]. Воспользовавшись случаем, Семенов передал Горькому «записку» о состоянии Пушкинского заповедника и письмо. В письме он просил «удалить совхоз с территории заповедника», реставрировать собор XVI в., колокольня которого в 1934 г. четыре раза обваливалась. «Сметы давно составлены, обиты все пороги – денег нет. Каждый бьет тревогу, но денег не дает», – объяснял он⁶. Рисуя катастрофическое положение заповедника, Семенов писал: «Помогите протолкнуть основную смету юбилейного строительства... остается лишь два стопроцентных сезона. Если пропустим нынешний – мало что успеем построить в следующий»⁷.

Узнав об этом, Горький разрешил Семенову действовать от своего имени в переговорах с партийными властями, знакомый критик И.С. Макарьев, бывший секретарь РАППа, был командирован в качестве корреспондента в с. Михайловское. Ему удалось убедить районные власти в необходимости передачи земли в полное распоряжение заповедника. На основе своих впечатлений Макарьев опубликовал в «Правде» статью «В Пушкинском заповеднике», в которой красочно описал происходящее в заповеднике «исключительное безобразие»: «На территории заповедника возводятся постройки для скота, организуется свинарник. В самом центре пушкинской усадьбы, на так называемом “кругу”, устраивается выпас для скота. В разных местах Михайловского и Тригорского парков оголяется все больше и больше участков для посева. Через заповедный Михайловский парк лихо катят тракторы, ломая кусты и деревья» [Макарьев: 1].

Макарьев написал о том, что нынешние хозяева заповедника «люто ненавидят друг друга»: «Обычная жизнь в заповеднике за последнее время: рабочие совхоза и работники заповедника караулят друг друга, составляются акты, заводятся дела, вызывается прокуратура, летят телеграммы, с одной стороны, в Академию наук, с другой – по транспортной линии (типграфия принадлежит НКПС, и совхоз носит имя тов. А.Б. Халатова)» [Макарьев: 1].

Пока шла эта тяжба, ничего не делалось для благоустройства заповедника: дом Пушкина не восстанавливался, домик Арины Родионовны, в котором Пушкин любил слушать сказки няни, не реставрировался, знаменитая липовая аллея в Михайловской усадьбе, получившая название «аллея Керн», была заброшена, пруды не очищались. Более того, к могиле поэта нель-

зя было пройти без риска для жизни, так как с колокольни Успенского собора сыпались кирпичи.

28 июня 1935 г. состоялось совещание председателей комиссий Пушкинского комитета, на котором были заслушаны доклады Бубнова (по реставрационным мероприятиям), Н.Н. Накорякова (по литературно-издательским делам), В.Д. Бонч-Бруевича (по архивным материалам) и др. Были даны поручения по составлению необходимых списков и смет⁸. Уже через месяц сметы были готовы, и 4 августа 1935 г. прошло заседание Всесоюзного Пушкинского комитета под председательством Горького, на котором было решено «представить на утверждение правительства: 1) Проект постановления о конкурсе на памятники А.С. Пушкину в Москве и Ленинграде. 2) План литературных и художественных изданий, связанных с юбилеем. 3) План реставрационных работ в Пушкинских местах»⁹.

На основе подготовленных к этому заседанию материалов были написаны четыре письма Горького Сталину о мероприятиях к 100-летней годовщине гибели Пушкина. В одном из них Горький писал: «Состояние усадеб, где жил сосланный Пушкин (Михайловское, Тригорское), и двух домов – в Москве (Арбат, 53), где жил Пушкин после свадьбы, и в Ленинграде (Мойка, 12), где он умер, таково, что необходимо немедленно начать реставрационные работы, чтобы успеть привести эти места в порядок к юбилею.

Кроме того, нуждаются в ремонте и реставрации Пушкинский музей в Детском Селе (бывший Царскосельский лицей) и Пушкинский Дом Академии Наук СССР в Ленинграде» [Дубинская-Джалилова, Чернев: 283–284].

Вскоре после письма Горького Сталину Семенов 24 августа снова написал Горькому письмо. Это был, по существу, «крик отчаяния»: «...к кому же мне еще обратиться и к каким способам прибегнуть, чтобы заставить людей поторопиться с выполнением большого и нужного дела?», – писал Семенов¹⁰.

Только 15 декабря 1935 г. был утвержден проект постановления ЦИК СССР «Об учреждении Всесоюзного Пушкинского Комитета в связи со столетием со дня смерти А.С. Пушкина». В нем говорилось:

В связи с предстоящим празднованием столетнего юбилея со дня смерти великого русского поэта, создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы – Александра Сергеевича Пушкина, обогатившего человечество бессмертными произведениями художественного слова, – Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

1. Учредить Всесоюзный Пушкинский Комитет в следующем составе:

Председатель – А.М. Горький.

Заместители председателя – А.С. Бубнов и А.С. Щербаков.

Члены комитета:

1. Ворошилов К.Е. 2. Чубарь В.Я. 3. Жданов А.А. 4. Межлаук В.И. 5. Стецкий А.И. 6. Акулов И.А. 7. Киселев А.С. 8. Затонский В.П. 9. Булганин Н.А. 10. Кодацкий И.Ф. 11. академик Карпинский А.П. 12. академик Горбунов Н.П. 13. академик Орлов А.С. 14. академик Розанов М.Н. 15. академик Бухарин Н.И. 16. академик Державин Н.С. 17. Вересаев В.В. 18. Серафимович А.С. 19. Демьян Бедный 20. Толстой А.Н. 21. Фадеев А.А. 22. Тихонов Н. 23. Тынянов Ю.Н. 24. Чуковский К.И. 25. Гладков Ф. 26. Станиславский К.С. 27. Немирович-Данченко В.И. 28. Мейерхольд В.Э. 29. профессор Цявловский М.А. 30. профессор Оксман Ю.Г. 31. профессор Благой Д.Д. 32. Луппол И.К. 33. Накоряков Н.Н. 34. Безыменский А. 35. Павло Тычина. 36. Корнейчук. 37. Янка Купала. 38. Лахути. 39. Айни. 40. Табидзе Г. 41. Джавахишвили М. 42. Чаренц. 43. Асак Тагиров. 44. Джабарлы. 45. Ибрагимов Г. 46. Таш-Назаров. 47. Сакен-Сейфулин. 48. Маджиди Рахмат.

2. Поручить Пушкинскому Комитету выработать ряд мероприятий, имеющих целью увековечить память А.С. Пушкина среди народов Союза ССР и содействовать широкой популяризации его творчества среди трудящихся.

3. Выработанные Комитетом меры внести на утверждение ЦИК Союза ССР и осуществлять соответствующим наркоматам с тем, чтобы все подготовительные работы были закончены за три месяца до дня годовщины смерти поэта – 10 февраля 1937 года» [Об учреждении Всесоюзного Пушкинского Комитета в связи со столетием со дня смерти А.С. Пушкина: 1].

Документ был подписан председателем ЦИК СССР М.И. Калининым и секретарем ЦИК СССР И. Акуловым. Однако после принятия постановления дело опять застопорилось, пока заведующий Культпропом Б. Таль 4 апреля 1936 г. не отправил Сталину докладную записку. Подчеркнув мировое значение творчества Пушкина, он настаивал на серьезной подготовке к столетию со дня его смерти, включающей издание произведений поэта массовыми тиражами. Большое внимание он уделит реставрации домов, где жил Пушкин. «Имеется четыре района, где Пушкин жил по несколько лет: село Михайловское (Калининской области), Большое Болдино (Горьковского края), Каменка (Украина), Яропольцы (Московской области), – писал Б. Таль. – В этих районах, особенно в Михайловском (теперь Пушкинские горы), в Б. Болдине, где были имения Пушкиных, сохранилось много памятников: могила Пушкина, дома, в которых он жил, мебель, парки и проч. Все это находится в разрушенном и заброшенном состоянии.

В эти районы будут большие экскурсии, поедут ученые, литераторы советские и иностранные.

В этих селах, – по крайней мере в с. Михайловское и Большое Болдино, имеющих много памятников о Пушкине, нужно провести большую рабо-

ту по реставрации памятников, строительству домов культуры и пр. В этих районах в настоящее время нет даже мало-мальски приличных библиотек. Произведений Пушкина имеется по 10–15 разрозненных книг»¹¹. Эту информацию подтвердил представитель местного райсполкома Васильев, выступая на собрании в Отделе печати ЦК ВКП(б) 3 февраля 1936 г. Он сказал, что в библиотеке в с. Михайловском, насчитывающей 7 тысяч книг, имеется только 28 экземпляров книг Пушкина: «В этом отношении дело обстоит у нас безобразно, и одно из наших требований к пушкинскому комитету – обеспечить нашу библиотеку пушкинской литературой»¹².

Таль обвинял Пушкинский комитет, который ничего не предпринял «в деле серьезной подготовки этой годовщины, как большого культурного события государственного масштаба»¹³. В отличие от Пушкинского комитета, колхозники, живущие в Пушкинских местах, проявляют большую инициативу по подготовке к 100-летию со дня гибели Пушкина, по мнению Б. Талья, однако «эта инициатива не находит должной поддержки»¹⁴.

Поняв, что Пушкинский комитет работает не в полную силу, Сталин приказал ускорить его работу. 11 апреля собралась комиссия СНК СССР (под председательством В.И. Межлаука) и Всесоюзного Пушкинского комитета, которая выработала проект постановления об ознаменовании столетней годовщины со дня смерти Пушкина. Этот проект был отправлен Сталину 27 мая 1936 г. На реставрационные работы в этом проекте была заложена сумма 2 млн рублей. В проекте постановления читаем: «Поручить Всесоюзному Пушкинскому комитету провести в 1936 и 1937 гг. реставрационные работы в домах и местах проживания А.С. Пушкина (в Москве – Арбат, д. 53, Ленинграде – Мойка, д. 12, село Михайловское, Тригорское, Болдино Горьковского края и Черная речка под Ленинградом), а также в Пушкинском музее в Детском Селе и в Пушкинском доме в Ленинграде; поставить обелиски, бюсты, мемориальные доски и другие памятники к столетней годовщине смерти А.С. Пушкина в ряде городов и местностей СССР, связанных с жизнью и творчеством великого поэта.

Обязать Московский, Ленинградский, Калининский и Горьковский Облисполком, а также Московский и Ленинградский Советы освободить дома и места проживания А.С. Пушкина, в которых будут проводиться реставрационные работы и провести исполнение этих работ под руководством и при консультации Всесоюзного Пушкинского комитета в установленные им сроки. <...> Обязать НКПС провести в 1937 г. капитальный ремонт и переоборудование зданий вокзала ст. Тригорское Октябрьской железной дороги Варшавской линии.

Ассигновать в 1936 г. на подготовку и проведение вышеуказанных мероприятий 3 200 тысяч рублей из резерва СНК Союза ССР»¹⁵. Вспомним, что Горький в письме Сталину в начале августа 1935 г. запрашивал на реставрационные работы сумму в 4 миллиона рублей (ассигнования уменьшились на 800 тыс. руб.). Для того чтобы лучше представлять себе масштаб цен, стоит упомянуть, что белый хлеб в 1937 г. стоил 1,7 р., а ржаной – 85 коп., 1 кг пшеничной муки можно было купить за 4,6 р., гречки – за 1,82 р.

По Пушкинскому заповеднику предполагалось осуществить следующие работы:

1. Восстановление постройки дома А.С. Пушкина в селе Михайловском – 200 000.
 2. Работы по восстановлению бытовой обстановки (кабинет Пушкина) и организация музея в доме Пушкина40 000
 3. Реставрация и ремонт собора Святогорского монастыря.....250 000
 4. Реставрация домика няни.....20 000
 5. Постройка нового здания для музея.....250 000
 6. Постройка экскурсионно-туристической базы...250 000
 7. Шоссейные дороги.....600 000
 8. Мосты и зеленые насаждения.....120 000
 9. Очистка и приведение в порядок парковых прудов – 5 прудов (в Михайловском и Тригорском).....30 000
 10. Очистка и лечение парков (20 га).....80 000
 11. Электрификация заповедника300 000
 12. Выставка в соборе – «Тайный увоз и похороны Пушкина».....40 000
 13. Пополнение музея.....25 000
 14. Расширение фундаментальной библиотеки и организация передвижного выставочного фонда25 000
 15. Приобретение автотранспорта.....50 000.
- 2380 000¹⁶

Видимо, разговоры о выделяемых на заповедник суммах доходили до руководства района, о чем можно судить по выступлению Васильева на уже упоминаемом совещании колхозников Пушкинских районов: «Нам вчера сказали, что нам, на село Михайловское будет отпущено 2 ½ мл<н>. руб. Есть опасность, что, если мы своевременно не получим эти деньги, мы не сможем как следует подготовиться к юбилею, – сказал Васильев. – Поэтому мы просим помочь нам получить эти деньги поскорее» (подчеркивания принадлежат И.В. Сталину, которому был отправлен протокол совещания. – *О. Ш.*)¹⁷.

Последним документом стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении проекта постановления СНК СССР «Об ознаменовании столетней годовщины со дня смерти А.С. Пушкина» от 29 декабря 1936 г., в котором средства были значительно урезаны. Постановление гласило: «Произвести ремонт и восстановительные работы в Пушкинском

Заповеднике Всесоюзной Академии Наук и в здании бывш<его> лицея в Детском Селе» [Власть и художественная интеллигенция: 345].

На проведение мероприятий, связанных со столетней годовщиной со дня смерти А.С. Пушкина, было выделено 2 105 000 руб., из них 1 708 000 руб. предполагалось истратить в 1936 г., а в 1937 г. – 397 000 руб. Судя по этому документу, финансирование было резко сокращено по сравнению с приведенным выше майским проектом 1936 г. В проекте только лишь на Пушкинский заповедник планировалось выделить 2 380 000 рублей, а в декабре 1936 г. меньшая сумма должна была покрыть расходы на все Пушкинские мероприятия, включая издания книг, организацию выставки, установку памятников и мемориальных досок, реставрацию всех усадеб и домов, где жил Пушкин.

Из 2 105 000 руб. запланировано было выделить на организацию музея в с. Михайловском с постройкой нового здания музея только лишь 125 тыс. рублей, из них 90 тыс. рублей – в 1936 г. и 25 тыс. рублей – в 1937 г. Предполагалось также ассигновать «на ремонт и восстановительные работы: а) в Пушкинском Заповеднике Всесоюзной Академии Наук (приведение в порядок могилы поэта, с ремонтом железной решетки и мраморной балюстрады, приведение в порядок холма и лестницы к могиле, ремонт бывш<его> собора, расчистка прудов и парков в с. Михайловском, Тригорском и Петровском, ремонт сохранившегося “Домика няни”, а также усадебных строений) – 150 тыс. рублей, из них 93 тыс. рублей в 1936 г. и 57 тыс. руб. – в 1937 году» [Власть и художественная интеллигенция: 346]. Таким образом, на восстановление столь значимого культурного объекта выделялось 275 000 руб., примерно 13 % от всего бюджета, выделяемого на пушкинские юбилейные дни. В то же время, для сравнения, на организацию Пушкинской выставки в Москве предусматривалось 1 300 000 рублей, то есть более половины всего бюджета. Однако и эти значительно сокращенные суммы на реставрационные работы не были перечислены.

Об организации ремонтно-восстановительных работ в Пушкинских Горах к 1 февраля 1937 г. говорилось лишь в будущем времени: «Дом для музея в с. Михайловском строится по проекту профессора архитектуры К.К. Романова. Строительство будет закончено между 5 и 10 февраля. Экспозиция Музея готовится директором Пушкинского заповедника и будет закончена к юбилейным дням»¹⁸.

В феврале 1936 г. на конференции Пушкинских сел при «Крестьянской газете» представители Пушкинского района Калининской области взяли на себя ряд обязательств в преддверии Пушкинских памятных дней. Через 10 месяцев, в ноябре 1936 г., они подготовили социально-экономический обзор «Пушкинский район накануне 100-летия со дня смер-

ти А.С. Пушкина». В разделе «Реставрационные работы» говорилось: «О реставрации Пушкинских мест, о новом строительстве было много шума. Об этом писали центральные и областные газеты. В ряде газет были помещены не только статьи о новом строительстве, но давались снимки (вокзал) объектов строительства, указывая точный срок окончания (к юбилею), а между тем, на деле к этому строительству до сих пор никто не приступал.

В Михайловском по плану было намечено реставрировать дом Пушкина (на старом фундаменте). Этот дом начали строить. Построили стены и так, не достроив, бросили. И теперь этот сруб в прекрасном Михайловском парке стоит, как бельмо на глазу. В Тригорском никакого строительства не начиналось. В Петровском реставрационных работ не производилось и не производится.

В безобразном положении Успенский собор – памятник древнего русского зодчества (XVI век), у стен которого могила поэта. Собор разрушается, грозит обвалом, никто его не охраняет и никто не принимает мер к ремонту.

В общем из этого цикла работ, который был намечен к юбилею и был опубликован, ничего не сделано и не делается. Всю подготовку к юбилею район, в основном, выносит на своих плечах» [Андреева: 211].

Видимо, все-таки за два оставшихся месяца до Пушкинского юбилея были предприняты усилия и часть работ была завершена, о чем свидетельствует следующий документ «О выполнении Постановления СНК Союза ССР от 30 декабря 1936 г.»:

«1. Могила поэта приведена в порядок. Железная решетка, ограждающая памятник, укреплена и окрашена. Мраморная балюстрада по краю холма отремонтирована. Отремонтирована внутренняя подпорная стена могильного холма с южной стороны (40 метров).

Ремонтные работы по зданию собора и оградкам монастыря, возможные в условиях зимнего сезона, производятся и будут закончены к юбилейным дням.

1. В с. Михайловском очищено пять прудов в парке, восстановлены две аллеи (еловая и липовая), построены две плотины, сделаны два декоративных мостика через пруды, восстановлено 26 га рощи, восстановлен сад (300 яблонь и груш), разбито два питомника парковых пород деревьев, произведена очистка леса от сухостоя и зарослей.

В Тригорском восстановлена часть сада.

Остающиеся работы по расчистке прудов и парков в с. Михайловском, Тригорском и Петровском будут произведены весной 1937 года.

2. В «Домике няни» закончен ремонт крыльца. Остальные сезонные работы будут закончены весной 1937 г.

Ремонт усадебных строений в основном закончен.

Отремонтирована контора Заповедника и 5 квартир для работников Заповедника. Сделана новая лестница и отремонтированы террасы от нового дома Музея к р. Сороти.

Оставшиеся ремонтные работы будут закончены весной 1937 года»¹⁹.

Действительно, дом на месте усадьбы Пушкина и на его фундаменте был построен в начале 1937 года, 18 января там был открыт дом-музей А.С. Пушкина. Только одна комната была восстановлена в том виде, в каком она была при жизни поэта, а в остальных комнатах был открыт музей. 10 февраля на могиле Пушкина состоялся пятитысячный митинг, посвященный памяти поэта, с возложением цветов и венков, а через неделю состоялось еще более зрелищное мероприятие: 18 февраля в Михайловском был заложен памятник поэту, в торжестве приняли участие писатели, ученые, сотрудники Академии наук, члены Всесоюзного Пушкинского комитета. «На возвышенности, у самого въезда в Михайловские рощи был поставлен мраморный камень с высеченной надписью: “Здесь будет сооружен памятник великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину, 1799–1837. Заложен 18 февраля 1937 г.”» [В Государственном Пушкинском заповеднике: 530]. После митинга делегация посетила дом-музей Пушкина, а закончилось это событие «грандиозным показом колхозной художественной самодеятельности. Более трехсот колхозных троек, украшенных портретами Сталина, Горького, Пушкина, зеленью, флажками и транспарантами со стихами Пушкина, промчались перед десятитысячной массой колхозников, рабочих, учащихся и перед трибуной, на которой заняли место делегаты колхозники-стахановцы, академики, писатели и представители партийных и советских организаций. Более 2 000 человек посетило открытый в этот день музей» [В Государственном Пушкинском заповеднике: 530].

Таким образом, созданный в феврале 1934 г. по инициативе Горького и Л.Б. Каменева Пушкинский комитет в основном не имел финансовых и административных рычагов влияния. Несмотря на то, что были составлены сметы на разные сферы деятельности (издание книг Пушкина, установка памятников поэту, проведение юбилейной выставки, наконец, реставрационные работы в местах пребывания Пушкина), деньги выделялись с большим опозданием и не в нужном объеме. Документы говорят о том, что изначально заявленная Горьким в письме Сталину сумма в 4 млн рублей была весной 1936 г. в результате совещания с комиссией СНК уменьшена до 2 380 000 руб., а согласно постановлению СНК от 29 декабря 1936 г. на реставрацию Пушкинского заповедника ассигновывалось уже только 275 тысяч рублей. Надо сказать, что и эти деньги не дошли до администрации

Калининской области, о чем свидетельствуют материалы Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО), приведенные в статье директором ГАНИПО И.И. Андреевой [Андреева: 191–211].

Ряд обращений директора заповедника Семенова и сотрудников Пушкинского райисполкома к Бубнову и Жданову говорит о бездействии властей и неспособности провести ремонтные и реставрационные работы в намеченные сроки. Сотрудники заповедника и колхозники работали бесплатно, часто проявля личную инициативу и энтузиазм. В самом конце 1936 г. начались восстановительные работы, и к 10 февраля 1937 г. часть плана удалось выполнить.

Горький старался помочь заповеднику, однако письма Сталину с просьбой утвердить смету на реставрацию пушкинских мест оставались без ответа. В то же время его помощь оказалась эффективной в деле размежевания земли заповедника и территории совхоза. Он инициировал поездку С.А. Семенова в Калинин, командировку критика И.С. Макарьева в Михайловское. Статья И.С. Макарьева о Пушкинском заповеднике в «Правде» привлекла внимание общественности к проблемам заповедника. Можно сделать вывод, что вмешательство Горького помогло уничтожить «двоевластие» и устранить совхоз типологии им. Лоханкова с территории заповедника.

Задача превращения Пушкинского заповедника в образцово-показательный, заявленная Академией наук СССР в 1934 г., в то время не была решена, однако не сбылись и опасения главы Культпропа о том, что столетняя годовщина со дня смерти Пушкина «будет скомкана» и «сведется к обычным “торжественным” заседаниям». К счастью, могилу поэта не пришлось переносить в Москву или Ленинград, как предлагали власти Пушкинского района. Юбилей стал поистине всенародным событием. Недостаток финансирования был позже компенсирован, и Пушкинские Горы превратились в послевоенное время в настоящее место паломничества миллионов почитателей творчества А.С. Пушкина. Пушкин стал достоянием самых широких масс на всех языках нашей страны, а в Михайловское в буквальном смысле слова «не зарастала народная тропа». Начало этому поклонению было положено в 1930-е гг., и Пушкинский комитет, возглавляемый Горьким, сыграл в этом большую роль.

Примечания

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 271. Л. 1.

² Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 271. Л. 2.

³ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН, Москва). КГ-коу-8-49-2.

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Л. 4–5.

⁵ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН, Москва). КГ-коу-4-26-1.

⁶ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН, Москва). КГ-коу-8-49-1.

⁷ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН, Москва). КГ-коу-8-49-1.

⁸ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН, Москва). КГ-од-1-18-16.

⁹ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН, Москва). БИО-22-3-2.

¹⁰ Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН, Москва). КГ-коу-8-49-2.

¹¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 271. Л. 57.

¹² Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 271. Л. 63.

¹³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 271. Л. 56.

¹⁴ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 271. Л. 57.

¹⁵ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Д. 271. Л. 79.

¹⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Д. 271. Л. 98 об.

¹⁷ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 271. Л. 64.

¹⁸ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Д. 271. Л. 134.

¹⁹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Д. 271. Л. 134.

Список литературы

Источники

Макарьев И.В. В Пушкинском заповеднике // Правда. 1935. 5 июня. № 153. С. 1.

Об учреждении Всесоюзного Пушкинского Комитета в связи со столетием со дня смерти А.С. Пушкина // Правда. 1935. № 346. 17 дек. С. 1.

Исследования

Андреева И.И. Пушкинский уголок в 1920-е – 1930-е гг. (свидетельствуют документы) // Псков. 2012. № 37. С. 191–211.

В Государственном Пушкинском заповеднике // Временник Пушкинской комиссии / ред. кол.: В.Д. Бонч-Бруевич, Б.С. Мейлах, А.С. Орлов, М.А. Цявловский, Д.П. Якубович. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1937. Вып. 3. С. 529–530.

Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. Москва: МФД, 1999. 872 с.

Дубинская-Джалилова Т.И., Чернев А.Д. Переписка М. Горького и И.В. Сталина (1934–1936) // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 223–250.

Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 4. 1930–1936. Москва: Изд-во АН СССР, 1960. 603 с.

Шуган О.В. Как зажигали «солнце над хмурой страной» (А.М. Горький во главе Пушкинского комитета) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 3. С. 73–82.

References

Andreeva I.I. *Pushkinskii ugolok v 1920-e-1930-e gg. (svidetel'stvuiut dokumenty)* [Pushkin Corner in the 1920s-1930s. (documents show)]. Pskov, 2012, No. 37, pp. 191-211. (In Russ.)

Dubinskaia-Dzhalilova T.I., Chernev A.D. *Perepiska M. Gor'kogo i I.V. Stalina (1934–1936)* [Correspondence between M. Gorky and I.V. Stalin (1934–1936)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1999, No. 40, pp. 223-250. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva A.M. Gor'kogo [Chronicle of the life and work of A.M. Gorky]. Vol. 4. 1930–1936. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1960, 603 p. (In Russ.)

Shugan O.V. *Kak zazhigali “solntse nad khmuroi stranoi” (A.M. Gor'kii vo glave Pushkinskogo komite-*

ta) [How they lit “the sun over a gloomy country” (A.M. Gorky at the head of the Pushkin Committee)]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological sciences. Scientific reports of higher education], 2023, No. 3, pp. 73-82. (In Russ)

V Gosudarstvennom Pushkinskom zapovednike [In the State Pushkin Nature Reserve]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Temporary document of the Pushkin Commission], ed. by V.D. Bonch-Bruевич, B.S. Meilakh, A.S. Orlov, M.A. Tsiavlovskii, D.P. Iakubovich. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1937, vol. 3, pp. 529-530. (In Russ.)

Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia: dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 [Power and the artistic intelligentsia: documents of the Central Committee of the RCP (b) – the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the Cheka – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917–1953], ed. by acad. A.N. Iakovlev; comp. by A. Artizov, O. Naumov. Moscow, MFD Publ., 1999, 872 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

А.С. ПУШКИН И МИХАЙЛОВСКОЕ В КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ В.Я. КУРБАТОВА

Разумовская Аида Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, Псковский государственный университет, Россия, aida1@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7289-0629>

Аннотация. В статье впервые осмысливается восприятие А.С. Пушкина и оценка роли Михайловского в духовной жизни поэта известным литературным критиком В.Я. Курбатовым (1939–2021). Материалом для изучения являются статьи и заметки 1990–2010-х гг., собранные автором в книгу «Пушкин на каждый день» и заключающие в себе курбатовский миф о национальном поэте. Показано, что в эпоху кризиса самоидентификации национальная идея определяет интерпретационный ракурс критической рефлексии Курбатова. Пушкин, являясь для автора безусловным ценностным ориентиром, выступает мерилем цельности и полноты, как Михайловское мыслится местом открытия полноты русской жизни и одновременно укора современникам в раздвоенности и духовной «эмиграции». Специфичность позиции Курбатова обусловлена, с одной стороны, триединым религиозно-философско-литературным подходом критика к явлениям русской культуры, а с другой – его субъективным методом, личностным взглядом, поиском автоидентичности. Делается вывод, что статьи и заметки Курбатова на пушкинскую тему, написанные в русле философско-религиозных интерпретаций национального поэта в XIX–XX вв., отражают богатство и неповторимость творческой личности нашего современника, его этическую позицию и эстетические взгляды.

Ключевые слова: В.Я. Курбатов, литературная критика, А.С. Пушкин, мифологизация, Михайловское, Россия, современность, идентичность.

Для цитирования: Разумовская А.Г. А.С. Пушкин и Михайловское в критических статьях В.Я. Курбатова // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 83–90. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-83-90>

Research Article

A.S. PUSHKIN AND MIKHAILOVSKOYE IN CRITICAL ARTICLES BY V.YA. KURBATOV

Aida G. Razumovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Philology, Pskov State University, Pskov, Russia, aida1@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7289-0629>

Abstract. The article is the first registered attempt to comprehend the perception of A.S. Pushkin and the role of Mikhailovskoye in Pushkin's inner spiritual life by V.Ya. Kurbatov (1939–2021), the well-known literary critic. The material for research is the critic's articles and notes from the period of 1990–2010 collected in his book “Pushkin for Every Day” that make up his myth about the national poet. In this article the author demonstrates that it is the national idea that becomes the background for the interpretative angle of Kurbatov's critical reflection in the epoch of self-identification. Being the unconditional value reference point for the critic, Pushkin is perceived by him as the benchmark for integrity and completeness as well as Mikhailovskoye is seen as the place where the comprehensiveness of the Russian life can be found yet at the same time being the reproach to the contemporaries for their duality and spiritual “emigration”. The specifics of V.Ys. Kurbatov's position is conditioned by his triune religious, philosophic and literary approach to the phenomena of the Russian culture, on one hand, and by his subjective method together with his personal, individual view and his search for self-identity, on the other hand. In this article the author makes the conclusion that the articles and notes of V.Ya. Kurbatov about A.S. Pushkin written in line with the religious and philosophic interpretations of the national poet in XIX–XX centuries, reveal the deep and unique personality, ethical standpoint and aesthetic views of our famous contemporary.

Keywords: V.Ya. Kurbatov, literary criticism, A.S. Pushkin, mythologization, Mikhailovskoye, Russia, modernity, identity.

For citation: Razumovskaya A.G. A.S. Pushkin and Mikhailovskoye in critical articles by V.Ya. Kurbatov. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 83–90 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-83-90>

Литературный критик, литературовед, прозаик Валентин Яковлевич Курбатов (1939–2021) широко известен как автор книг о Викторе Астафьеве, Михаиле Пришвине, Александре Агине, Валентине Распутине, статей о Василии Шукшине, Юрии Куранове, Булате Окуджаве, Юрии Нагибине и многих других отечественных писателях. В его работах отражена судьба русской культуры и истории, русской словесности XIX–XX вв. Будучи постоянным членом жюри международной литературной премии «Ясная Поляна» (как и других российских премий), Курбатов был хорошо знаком с прозой и нашего, XXI в. Неравнодушный к творчеству псковских писателей-земляков, обеспокоенный, «чтобы жизнь не изошла в беспамятство» [Курбатов 2020: 6], он писал предисловия к книгам позабытых и даже неизвестных талантов, если они оказывались «зеркалом русского духа и быта» [Курбатов 2020: 8].

С горечью и болью Курбатов размышлял о том, как теряет современный человек свою самобытность: «Бежит русский человек врассыпную от себя, своей истории, своей великой культуры, на ходу клянясь ей в верности, с дежурной гордостью твердя о её всемирности, бойко вставляя её в телевизионные шоу, но не живя её духом, не слыша в себе сыновства и ответственности. И вся-то русская культура вот-вот станет только “памятник русской истории”» [Курбатов 2014: 35]. Желанием сберечь «чувство живой сродности, коренного единства, той старинной почвенности, которая прочнее всех умозрительных клятв» [Курбатов 2014: 35], продиктованы все его работы о русской культуре, которая была для Курбатова синонимом Родины. Вряд ли кто из современных критиков может сравниться с Курбатовым по глубине мыслить, умению чувствовать и понимать писателя, по выразительности и красочности родного языка.

Прожив на Псковской земле большую часть жизни (с 1962 года), Курбатов не мог обойти вниманием феномен А.С. Пушкина. И дело вовсе не в том, что отношение к Пушкину у него было «родственным», по-землячески притязательным, даже ревностным. Курбатовская обращенность к первому поэту как национальному символу закономерна. На протяжении многих лет думая о нем, критик объединил статьи на пушкинскую тему в книгу «Пушкин на каждый день» (2014), выдержавшую уже не одно издание. Сегодня мысли Курбатова по-прежнему звучат остро современно.

Курбатов предпринял неформальную попытку постижения тайны великого поэта, «тайны спокойствия, ясности и волшебной простоты» [Курбатов 2022: 384]. Его статьи – это беседа с Пушкиным, «сверстником и современником России во всякий её час. Ни одно его слово у него не вчера. <...> Любая строка с любого места – всё на улице, всё сейчас, всё

под окном, всё в сердце...» [Курбатов 2022: 385]. Это размышление о том, как воспринимает пушкинские стихи и прозу современный читатель, как живет слово поэта на театральной сцене и в сочинениях тех, кто пытался наследовать пушкинской музе. Но это и «автопортрет» Курбатова, к которому вполне приложимо цветаевское определение «мой Пушкин»: книга раскрывает идеи, владевшие самим автором и определявшие его внутренние искания, отражает его этическую позицию и эстетический вкус.

Статьи, создававшиеся в разные годы (главным образом в кризисные 1990–2010-е гг.), отличает особый ракурс интерпретации феномена Пушкина, который в понимании критика есть «явление небесной полноты» [Курбатов 2014: 178]. Характерно, что слова «небесный» и «полнота» постоянно звучат в работах не только о Пушкине, но и о той «чистой литературе», «светлой русской Атлантиде», в которой есть «ненаглядная полнота еще целостной жизни» [Курбатов 2014: 6], «когда мы еще стояли на земле и касались головой неба» [Курбатов 2014: 9]. Творя свой миф о Пушкине как воплощении небесной цельности, критик фокусирует внимание на мысли, что приобщение к Пушкину способно возратить нам «золотое единство» [Курбатов 2022: 385]. Она усилена тревогой Курбатова по поводу разъединенности современного общества, вместо понятия «народ» представляющего из себя разрозненных индивидуумов.

Многokrатно бывая и проживая в Пушкиногорье, критик немало страниц посвятил Михайловскому. Значению Михайловского в жизни и творчестве А.С. Пушкина, истории усадьбы и заповедника посвящены многие очерковые и научные труды, например: [Гордин; Будылин 1996; Гейченко; Русская усадьба; Сергеева-Клятис]. Как известно, «обитель дальняя трудов и чистых нег», пушкинский «деревенский кабинет» – мифологизирован в художественной литературе [Русская усадьба: 149–171]. Русские поэты и прозаики неоднократно обращались к теме Михайловской ссылки Пушкина, пытаясь разгадать тайну обретения поэтом высшей, творческой свободы в условиях несвободы физической. Чаще всего авторы писали и пишут о гармоничном слиянии души поэта с миром, отмечая переживание михайловских пейзажей как толчок к рождению поэтических образов. В то же время литература не обходила вниманием горькую участь изгнанника, томящегося в деревне неволей и одиночеством, оторванностью от привычного мира.

Взгляд Курбатова, создающего образ «своего» Пушкина, обращен к другому. Годы михайловского заточения важны для него духовным прозрением поэта. В заметках 1999 г. на полях стихов, написанных в Михайловском, не претендуя на их новое прочтение, не стремясь к литературоведческим от-

крытиям, критик настраивает душу и зрение на Пушкина, проникается его состоянием, слушает пушкинское сердце, раскрывает опыт своего сопереживания поэту. Так, из двух «михайловских» стихотворений 1819 г. Курбатов обращается не к знаменитой «Деревне», а к «Домовому», ценя в нем выражение нежного объятия и поручение автора «хранить», «ходить дозором», «любить» [Курбатов 2014: 87] оставленную обитель. «Разговор книгопродавца с поэтом» он рассматривает как одно из первых стихотворений на болезненную тему зависимости литератора от «товарных» отношений и замечает: «Наш век торгаш, наш век железный» стучится в ветхую калитку михайловского «замка», чтобы с той поры уже не ослаблять хватки» [Курбатов 2014: 90]. Критик не демонстрирует профессиональные умения читать художественные произведения, а самовыражается, пропуская строки Пушкина через собственное восприятие. В стихотворении «К Зине» всей душой разделяет «поражающее, спасительное, утешающее наше сердце – “что пройдет, то будет мило”», «настоящее чудо вдохновения и Божьей милости» [Курбатов 2014: 92]. По поводу послания «П.А. Осиповой» высказывает неожиданную догадку о значении михайловской ссылки: «...не изгнание это, а – может быть, впервые за беспокойную жизнь – счастливое обретение дома, зов родимой, навсегда поселяющейся в сердце земли» [Курбатов 2014: 94]. Курбатов замечает, как крепко Пушкин держится за родное: «У него уж сердце-то каждой кровинкой здесь – не заметил, как прирос» [Курбатов 2014: 93]. Вживаясь во внутренний мир поэта, предполагает, почему последняя строка стихотворения «Няне» «То чудится тебе...» остается недописанной: «...он любящим сердцем понял, что няня побойтись додумать мрачные мысли, чтобы не искутить судьбу», потому «лучше оставить перо и вздохнуть и улыбнуться с любовью» [Курбатов 2014: 95]. Наконец, в «Пророке» слышит настоящее сердце Пушкина, которое «впервые явило могущественную формулу русской поэзии: не обольщаться исторической минутой и “заботами суетного света”, а слушать мерный шаг Истины, голос Бога, возвращающий нелюдному и нелукавому слову первоначальную творящую жизнь, обнимающую и “неба содроганье”, и неслышный рост “дольней лозы”» [Курбатов 2014: 97–98]. В композиции заметок сказывается процесс духовного восхождения Пушкина от вопросов житейских к осознанию своей миссии Поэта, сказывается и движение мысли Курбатова, разделяющего триединый религиозно-философско-литературный подход к явлениям русской культуры [Гидиринский]. «Вычитывая» в произведениях Пушкина актуальные для себя ценностные смыслы, критик обнаруживает приверженность к субъективному методу, в основе которого лежит поиск автоидентичности. Согласно

современному научному подходу, В.Я. Курбатов может быть назван «я-центричным» критиком, для которого определяющим является ракурс собственного видения [Говорухина: 11]. Критическая рефлексия Курбатова ориентирована на восстановление национальной нормы, которая в первую очередь ассоциируется с именем Пушкина.

В восприятии Курбатовым «михайловского заточника» отражен возврат культурного сознания конца XX в. к пониманию православной укорененности Пушкина, получивший осмысление в русской философии XIX–XX вв. (в работах И. Ильина, В. Соловьева, С. Франка, С. Булгакова, А. Карташева), в том числе в пушкинистике [Непомнящий]. В полном согласии с таким подходом критик называет Пушкина «мерной иконой России» [Курбатов 2014: 12], «светским Священным Писанием, собирающим русскую душу» [Курбатов 2014: 23–24], «формулой русского христианского сердца» [Курбатов 2022: 386]. Именно пребывание в псковской деревне, убежден Курбатов, стало условием духовного преображения Пушкина: «Михайловское было суждено ему, написано на роду. Сердце было готово давно, ум глубок и ясен, и не хватало только этой неволи, тесноты, монастырской мерности и заточения, чтобы все собралось разом общими усилиями созревшей души, михайловской природы, русской истории и православной церкви. <...> Здесь он по-настоящему приник к России и проникся ею, здесь научился видеть чистым сердцем, здесь вполне уразумел, что свобода – это духовная верность воле Божьей, здесь первым <...> увидел, что в предстоянии Богу можно быть не только на путях бытового, исторического и даже мистического православия, а и в служении Поэта» [Курбатов 2014: 27]. Создавая свою версию михайловского пребывания, главное внимание критик сосредоточил на духовном перевороте Пушкина, связанном не с овладением, как принято считать, «поэтической стихией народности» [Маймин: 102], а с обретением пути к Богу. Но в своих религиозно-метафизических, отмеченных широкой эрудицией, рассуждениях Курбатов не теряет из виду важность открытия Пушкиным русской природы как воплощения России. Поэтому в статье органично входят живые и осязаемые картины заповедной михайловской земли.

«Святые михайловские рощи» завораживают Курбатова простотой и покоем родных пейзажей: «День такой тихий, что этой тишиной заражается снег и идет реденько и стеснительно, стараясь не попадаться на глаза. Сад Михайловского пуст и как-то равнодушно скучен – перемагается до весны. Седая прошлогодняя трава утомлена, бессильна и не смягчает неровного шага по изыбшей, окаменевшей земле, застывшей на бегу, как взморщенное море. <...> Ни души. Только за разливом Сороти, на озере Куча-

не, в его еще не вскрывшейся части, черными точками сидят рыбаки, и полоса льда похожа на неровно оторванный лист, засиженный мухами» [Курбатов 2014: 123]. Читатель не может не заметить и проницательность зрения, и чуткость слуха автора, который к тому же предстает в своих рассказах тонким стилистом, умеющим найти верное слово. Возникает ощущение соприродности критической деятельности Курбатова художественному творчеству.

Как уже отмечалось, Курбатов пропускает пушкинский материал через собственное творческое сознание. «Опыт сопереживания» Михайловского лежит в основе очерка «Времена года». Оттолкнувшись от пушкинских строк «Люби зеленый скат холмов, / Луга, измятые моей бродящей ленью...», автор совершает прогулки по уголкам усадьбы, запасает «малые малости» михайловских живописных пейзажей, «чтобы потом при усталости подкреплять сердце» [Курбатов 2014: 220]. Он схватывает все: и как «вскрикивает снег», как «остро морозны и чисты до скрипа» звезды [Курбатов 2014: 221] в Крещенский сочельник; и как в Вербное воскресенье «золотые сосны радовались закату», а «только опушившиеся березы, напротив, были недовольны, потому что их юная зелень в закатном свете отдавала ржавчиной» [Курбатов 2014: 222]; и как после сверкающего, солнечного июльского дождя «вдруг радуга в два пролета из Маленца в Кучане, и медленный зимаревский аист летит сквозь нее и окрашивается во все ее нежные, ускользающие цвета» [Курбатов 2014: 224]; и как «крошечный березовый листок – последний – медленно, нехотя, ухватываясь за каждую ветку, соскальзывает на белеющую дорогу» [Курбатов 2014: 229]. Михайловское позволяет повествователю прикоснуться к тайнам мира, отчего он говорит вполголоса, словно боясь спугнуть тишину. Курбатов с восторгом пишет о чуде каждого природного проявления не только в прозаических зарисовках, но и в стихах: «Смотри: это яблоня! Это скворец! / А ты их увидел как будто впервые. / Тебе, для тебя и с тобою Творец. / Все живо вокруг, да вот мы неживые» [Курбатов 2014: 475]. Ежечасно он открывает здесь красоту мира и испытывает сладостную муку от понимания его совершенства: «Отчего же, Боже правый / (Я живу здесь тыщу лет), / Так мне новы эти травы, / Этой яблони привет? // Этот ветер, это небо, / Этой ласточки полет... / Знание, ум, привычка, где вы? / Кто меня обережет // От пронзительной печали, / От любви и матерей? / Жизнь к концу, а я в начале / Перед мукой красоты» [Курбатов 2014: 229]. Отклики Курбатова всегда лиричны и философичны одновременно. Недаром Курбатов не остался равнодушен к примерам подобного уважительно-восторженного отношения к природе у М.М. Пришвина, посвятив ему свою проникновенную книгу.

Посетители «пушкинского уголка», как правило, испытывают сильное воздействие его нерукотворной природы. Еще тонкий ценитель русского пейзажа К.Г. Паустовский в 1930-е гг. признавался: «Я изъездил почти всю страну, видел много мест, удивительных и сжимающих сердце, но ни одно из них не обладало такой внезапной лирической силой, как Михайловское. Там было пустынно и тихо. В вышине шли облака. Под ними, по зеленым холмам, по озерам, по дорожкам столетнего парка, проходили тени. Только гудение пчел нарушало безмолвие» [Паустовский: 161–162]. Леса, озера, небо, парк, уцелевшие здесь от пушкинских времен, – все вместе они рождали в его сознании поэтический образ Отечества. Эту мысль продолжал в своей завораживающей лирической прозе 1970-х гг. Ю.Н. Куранов, благоговевший перед заповедной пушкинской землей, где «все приобретает значение и смысл. Все оживает, и все становится важным, все становится ощутимым» [Куранов: 119]: и витязь на распутье, и пирующие в корчме монахи, и летописец, и няня со своей лучиной. Потому камертоном у писателя звучат слова: «Что за горькая несуразность – уезжать из этой страны, где <...> думается, дышится и чувствуется так легко. И где необыкновенные холмы превращаются в горы» [Куранов: 122]. Наш современник Б.Н. Сергуненков также отправляется в Михайловское «накормить оголодавшие глаза и уши дивными твореньями природы» [Сергуненков: 40]. Видеть «эти немеркнущие небеса, эти сияющие поля и леса, эти блистающие доли и воды» [Сергуненков: 64], считает автор, значит прикоснуться к тайне гения Пушкина как к отражению тайны самого бытия: «И чем чаще я с ним встречаюсь, чем больше в него вглядываюсь, тем больше в этой тайне нахожусь. Вроде бы все о нем знаешь, а на самом деле он для тебя тайна, как бог, как лист травы» [Сергуненков: 47]. Подобные восприятия пушкинской «обители» рифмуются с курбатовским взглядом: «Приедете в Михайловское – увидите Пушкина: эти поля, небеса, свет, простор, поднебесный полет и невольное счастье» [Курбатов 2014: 66].

Создавая свое «похвальное слово Михайловскому» [Курбатов 2014: 32], критик приходит к неожиданным духовным прозрениям: «главный населенник этих мест» [Курбатов 2014: 211] узнается «из самого порядка жизни, из самой природы существования» [Курбатов 2014: 41]. «Пушкин всегда тут как тут и всегда под стать погоде – ликующий, одинокий, усталый, даже злой, но всегда весь как есть...», «...для всех свой и всем по полному их разумению» [Курбатов 2014: 42]. Но знакомый и привычный мир рядом с Пушкиным, в незримом сопresутствии *genio loci* этого места, оборачивается чудом узнавания себя, считает автор.

Курбатов живо и осязаемо рисует заповедный уголок, который полнится жизнью: «Михайловское плывет в беспокойных просторах русского океана, как оторвавшаяся страна, как чудный остров – “а живет там князь Гвидон”. Но только мы все мимо, “мимо острова Буяна”... А там все ждет нас ослепительный день с сияющей Соротью, лепетом берез, недвижимыми стадами по берегам и сеном, в которое только упасть и задохнуться от блаженства и зноя, и с долгим медленным вечером, когда небо стихает, наливается золотом, тускнеет и меркнет в водах озер и прудов, а потом тихо, таинственно, словно простираемое Божьей рукой, взглядывает на землю звездами, несчетными, как лежащий в траве такой же тихий и таинственный мир светляков» [Курбатов 2014: 37]. Автор в подробностях раскрывает бесконечность и таинственность мира, где все свершается по высшим законам. И, словно продиктованная свыше, рождается в этом месте поэзия: «...стихотворение кажется не написанным, а взятым из природы готовым, как куст или облако» [Курбатов 2014: 44]. Поэзией пропитан сам воздух Михайловского: «Повседневные слова оставляют тебя, и ты твердишь только “но ближе к милому пределу”, и “цветы последние милей”, и “гляжу ль на дуб уединенный”, и “вновь я посетил” – и опять впервые слышишь их небывалую, будто впервые осознанную полноту и слитность с каждым кустом и облаком, каждой травой и птицей» [Курбатов 2014: 37]. «Полнота» как главная курбатовская характеристика Пушкина и русской нации присутствует в статьях критика постоянно. И, как нетрудно догадаться, в глазах Курбатова она связана именно с Михайловским – потому что «*весь* Пушкин острее всего чувствуется здесь, словно в Михайловском хранится его “формула”, его тайный закон, словно в других местах только “периоды” его жизни и творчества, а тут – его небесный замысел, его Божья тайна» (курсив автора. – А. Р.) [Курбатов 2014: 42]. Познавательная установка критика определена предельно ясно: на Михайловской земле для Пушкина «“кончилась литература” и началась жизнь. Здесь выросла его целостность и русская культура заговорила его речью и исполнилась его свободой, его тоской, его любовью, его классическим русским дуализмом – связанности и простора, желанием вырваться и благословением всякого дня. Не зря он торопился сюда вновь и вновь пережить эту слепящую полноту» [Курбатов 2014: 43]. По контрасту с Михайловским не раз в заметках критика возникает Ясная Поляна (которую Курбатов много лет также знал не понаслышке). В дневниковой записи 19 сентября 2011 г. читаем: «...живи Толстой в этих пространствах, он не сузил бы мысль до переделки Евангелия. Ясная слишком замкнута, стеснена. И Калинов луг – вон где, а перед глазами парк и хозяй-

ство. И они, эти парк и хозяйство, не пускают зрение вдаль. А Пушкин выглянул в окно – Россия: Сороть, Дедовцы, Зимари, поля, стада, облака. Сошли его в Болдино – и не было бы нашего Пушкина, и был бы Баратынский с Языковым. Михайловское и Ясная – как воля и крепость. Как Эх! и Ох! Как песня и проза, как страницы русской литературы – весь ее горизонт. Почему “сад гениев” без Пушкина и не полон» [Курбатов 2022: 370]. Подобный субъективный взгляд автора демонстрирует процесс интерпретации как акт самопонимания и творчества одновременно.

Причем критик убежден в спасительности Михайловского рая не только для хозяина, но и для паломника. Об этом писали и до Курбатова. К примеру, С.С. Гейченко, неустанно наблюдавший за изменениями в природе, отмечал: «Каждый день деревья, кусты и поляны Михайловского проявляют свой характер по-новому. Каждое утро хранитель этой великолепной галереи заменяет одну из старых картин какой-нибудь новой и как бы говорит нам: “Всё это видел Пушкин. Посмотрите и вы. Станете лучше”» [Гейченко: 12]. В согласии с ним Куранов, размышляя здесь о красоте и силе родной земли, также добавлял: «А сами вы не замечаете, как становитесь чище, проще, возвышенней» [Куранов: 136]. Курбатов развил мысль дальше, говоря, что посетитель здесь, как по волшебству, обретает потерянную цельность и целостность: «...мы и сами на минуту “срастаемся”, как после живой воды, и вспоминаем что-то навсегда утраченное, райское» [Курбатов 2014: 45], «...исцеляемся Пушкиным от своей расхищенной временем дробности» [Курбатов 2014: 182]. Потому, «находя все нового Пушкина, будешь находить все нового себя, возвращаться в свое утраченное, но все как будто ожидающее тебя, как блудного сына, райское целое, не ведающего древа познания добра и зла, а только древо жизни и жизни» [Курбатов 2014: 45].

Пушкинский «милый предел» в сознании Курбатова и есть символ России – самодостаточный мир, где в неспешных прогулках осознается, что Родина «все ждет нас и все светит ненаглядной красотой, дожидаясь нашего возвращения из всеобщей эмиграции» [Курбатов 2014: 128]. Критику свойственно пронзительно тонкое чувство любви к родной земле. За его размышлениями кроется тоска по уходящей (ушедшей) России, слышится нота прощания с XX столетием.

Однако Михайловское видится Курбатову и пространством игры. Музей, созданный легендарным директором С.С. Гейченко «“из ничего”. Из облаков, леса, камней и реки» [Будылин 2015: 31], он считает великим сочинением, холстом, симфонической поэмой, высоким театром [Курбатов 2014: 104]. Для него был неприемлем довластовский ироничный образ заповедника как «грандиозного парка культуры и отды-

ха», где экскурсоводы-«затейники» помогают «трудящимся культурно отдыхать» [Довлатов: 377, 378]. Правда, позднее перечитывая «Заповедник», Курбатов признался: «...читаю с нежностью и печалью. Все прежние досады ушли», «увиделось, что и все-то мы “Заповедник” каких-то доживаемых чувств», «это и написано блестяще», «а уж живая речь <...> как-то почти ослепляюще жива» [Курбатов 2022: 377, 378]. Сбереженное Михайловское, по его убеждению, возвращает нам не только мир Пушкина, но и нас себе.

От пушкинского мифа Курбатова неотделим и гейченковский миф. Критик подчеркивает, что художественная натура Гейченко сотворила человечески подлинный мемориальный музей, в котором сохраняется живородная связь с минувшим: «Михайловское было домом Пушкина именно потому, что оно было домом и Гейченко, своим домом, жильем, а не мемориалом, и хранитель был не слугой, а товарищем поэта, его “домовым”, ангелом-хранителем» [Курбатов 2013: 12–13]. Он замечает, что отношение к Пушкину здесь домашнее, не отстраненно официальное и не возторженно-благоговейное, а любящее и понимающее: «...его принимали тут не как “ваше превосходительство”, не как “национального гения” и “славу России”, а как своего доброго хозяина и собеседника, который поехал по России, помучался при дворе, поревновал и пострелялся, а теперь мог и отдохнуть в родовом гнезде, собрать душу под заботливым взглядом своего старого, угадывающего всякое желание с полуслова “управляющего”» [Курбатов 2013: 13]. Не раз звучит у Курбатова мысль о редком согласии хозяина и «домового» [Курбатов 2013: 13], ценивших «воздух игры» [Курбатов 2014: 188]. Их общий дар перевоплощения проявлялся в веселых импровизациях, переодеваниях, сочинениях. Критик вспоминает известные Вульфам ребячливость, озорство, беспечную игру Пушкина: «В чем он являлся в Тригорское, чтобы прыгать в окно (и ведь, как вспоминала Мария Ивановна Осипова, во все окна перелазил, чтобы сразу весь дом вверх дном)? Или в невыслышанной шляпе на вороном аргамаке, или в той же красной рубахе на нарочито низкой крестьянской кляче, чтобы ноги чуть не по земле волочились. И раз даже, говорят, явился монахом. А где было взять подрясник? Не шить же специально. Поди, у попа Шкоды и одолжил, который не за такое же ли озорство и потерял роскошную фамилию Илларион Раевский, чтобы остаться в михайловской памяти Шкодой» [Курбатов 2014: 187]. Опираясь на живые свидетельства соседей поэта и собственный опыт общения с создателем заповедника, Курбатов рисует образы «своего» Пушкина и «своего» Гейченко.

«Пушкинская закваска», по мнению критика, проявлялась у легендарного директора в невинных проделках и искрометных театрализациях. Блестящий

и остроумный рассказчик, Курбатов уверен, что пушкинская улыбочивая муза по-прежнему обитает в Михайловском, которое до сих пор рождает ощущение свободы и полет импровизации. Потому заяц, перебежавший в 1825 г. дорогу Пушкину, «с легкой руки Андрея Битова, был чествован здесь памятником с возложением капустной и морковной жертвы, с чтением гекзаметров, сочиненных по случаю торжества новым директором Георгием Николаевичем Василевичем:

Заяц, в историю глазом кося,

Здесь дорогу поэта пресек в Санкт-Петербург –

К мятежу, к многоснежной Сибири...

И когда псковский художник Александр Стройло в своих михайловских открытках усаживает на усадьбе этих заботливых зайцев и пишет “Ждут!” – это улыбка и игра» [Курбатов 2014: 194–195]. Так длится во времени жизнь живой усадьбы – констатирует автор.

Игровая стихия Михайловского вдохновляет и театральное сообщество, собирающееся на Псковской земле с 1994 г. во время Пушкинского театрального фестиваля. В течение двух десятилетий Курбатов был участником лаборатории, объединившей пушкинистов, театроведов, режиссеров, актеров и зрителей в познании театра Пушкина [Играем Пушкина]. Ссылаясь на парадоксальное суждение П.Н. Фоменко, что «Пушкин делает нас взрослее и моложе», Курбатов добавляет: «чем мы мудрее с Пушкиным, тем мы и правда моложе и тем свободнее» [Курбатов 2014: 178]. И потому не печалится, что энергетику святого места «вывозят беспощадно с особенным размахом»: «Пусть везут. Не жалко. Глядишь, однажды увидят в своей внутренней тьме не отвлеченную “энергетику”, а золотой пушкинский свет и поймут, что они тоже только участники дрящегося, счастливого, молодого пушкинского театра, занавес которого не закрывается здесь вот уже скоро двести лет» [Курбатов 2014: 184].

Земля эта, убежден критик, цельностью отмеченная и потому каждодневно необходимая русскому человеку для спасения от раздвоенности и дробности. «Какое счастье подарил нам Пушкин за краткое с ним изгнаническое землячество, не поминая зла за лучшие, как оказалось, два года своей жизни в Михайловском!» [Курбатов 2014: 215] Отсюда поэт желал вырваться и одновременно благословлял каждый прожитый здесь день.

Таким образом, статьи и заметки Курбатова на пушкинскую тему, создававшиеся в эпоху кризиса самоидентификации, заключают в себе курбатовский миф о национальном поэте. Как Пушкин выступает для него мерилем цельности и полноты, так и Михайловское мыслится местом открытия полноты русской жизни и одновременно укора современ-

никам в оторванности от России, ее истории и культуры. Критическая рефлексия автора обусловлена установками философско-религиозных интерпретаций национального поэта в XIX–XX вв. и одновременно – поиском самоидентичности нашего современника. Работы Курбатова отражают богатство и неповторимость его творческой личности, внутренние искания, заботу и тревогу о духовном состоянии России, напоминают читателю о вечных ценностных координатах.

Список литературы

Источники

Будылин И.Т. Золотая точка России. Пушкинский край. Основные события и даты. 2-е изд., доп. Москва: МЦНТИ, 1996. 112 с.

Будылин И.Т. Лето в Михайловском. Святогорские повести и рассказы. Санкт-Петербург: Изд-во «Европейский Дом», 2015. 244 с.

Гейченко С.С. У Лукоморья. Пушкин. Михайловское: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. Санкт-Петербург: [б. и.], 2013. 472 с.

Довлатов С.Д. Заповедник // Довлатов С.Д. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Лимбус-Пресс, 1993. С. 325–415.

Играем Пушкина. Пушкинские театральные фестивали, творческие лаборатории, научные конференции 1994–2001. Санкт-Петербург: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001. 511 с.

Куранов Ю.Н. Сердце ключей. Короткие рассказы, эссе, миниатюры. Москва: Советский писатель, 1977. 326 с.

Курбатов В.Я. Домовой. Семен Степанович Гейченко: письма и разговоры. Псков: Областная тип., 2013. 112 с.

Курбатов В.Я. Пушкин на каждый день. Псков: Областная тип., 2014. 480 с.

Курбатов В.Я. Незабвенный угол // Алтаев Ал. Гдовщина. Забытый угол. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2020. С. 5–9.

Курбатов В.Я. Пушкин на каждый день. Москва: Красный пароход, 2022. 400 с.

Паустовский К.Г. Михайловские рощи // Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. Москва: Худож. лит., 1983. С. 161–168.

Исследования

Гидиринский В.И. Творчество Пушкина в интерпретации русских религиозных мыслителей в контексте проблемы взаимоотношения философии, литературы и религии в русской культуре // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2012. Вып. 6 (44). С. 43–53.

Говорухина Ю.А. Метод современной литературной критики // Вестник Томского университета. Сер.: Филология. 2010. № 333. С. 10–16.

Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Ленинград: Лениздат, 1989. 446 с.

Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. Москва: Наука, 1982. 208 с.

Непомнящий В.С. Пушкин. Русская картина мира. Москва: Наследие, 1999. 543 с.

Разумовская А.Г. Пушкин как культурный герой «псковского текста» // Разумовская А.Г. «Город на горах»: мифология Пскова в литературе: монография. Псков: ООО «ЛОГОС», 2021. С. 172–192.

Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты: кол. монография / отв. ред. Н.Л. Вершинина. Псков: ООО «ЛОГОС», 2015. 262 с.

Сергеева-Клятис А. Повседневная жизнь Пушкиногорья: сельцо Михайловское и его обитатели. От Александра Сергеевича до Семена Степановича. Москва: Молодая гвардия, 2018. 336 с.

Сергуненков Б.Н. Прогулки к Пушкину пешком и на велосипеде // Сергуненков Б.Н. Три ключа. Санкт-Петербург: Изд-во писателей «Дума», 2011. 356 с.

References

Gidirinskii V.I. *Tvorchestvo Pushkina v interpretatsii russkikh religioznykh myslitelei v kontekste problemy vzaimootnosheniia filosofii, literatury i religii v russkoi kul'ture* [Pushkin's Works in the Interpretation of Russian Religious Thinkers in the Context of the Problem of the Relationship between Philosophy, Literature, and Religion in Russian Culture]. *Vestnik Pravoslavnogo Svято-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 1: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Ser. 1: Theology. Philosophy. Religious Studies], 2012, vol. 6 (44), pp. 43-53. (In Russ.)

Govorukhina Iu.A. *Metod sovremennoi literaturnoi kritiki* [Method of Contemporary Literary Criticism]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Ser.: Filologiya* [Bulletin of Tomsk University. Philology], 2010, No. 333, pp. 10-16. (In Russ.)

Gordin A.M. *Pushkin v Mikhailovskom* [Pushkin in Mikhailovskoye]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989, 446 p. (In Russ.)

Maimin E.A. *Pushkin. Zhizn' i tvorchestvo* [Pushkin. Life and Work]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 208 p. (In Russ.)

Nepomniashchii V.S. *Pushkin. Russkaia kartina mira* [Pushkin. Russian Picture of the World]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, 543 p. (In Russ.)

Razumovskaia A.G. *Pushkin kak kul'turnyi geroi "pskovskogo teksta"* [Pushkin as a cultural hero of the "Pskov text"]. *Razumovskaia A.G. "Gorod na gorakh"*:

mifologiya Pskova v literature [Razumovskaya A.G. "City on the mountains": the mythology of Pskov in literature]. Pskov, OOO "LOGOS" Publ., 2021, pp. 172-192. (In Russ.)

Russkaia usad'ba: regional'nye i obshchekul'turnye aspekty [Russian estate: regional and general cultural aspects]: collective monograph, ed. by N.L. Vershinina. Pskov, LOGOS Publ., 2015, 262 p. (In Russ.)

Sergeeva-Kliatis A. *Povsednevnaia zhizn' Pushkinogor'ia: sel'tso Mikhailovskoe i ego obitateli. Ot Aleksandra Sergeevicha do Semena Stepanovicha* [Everyday life of Pushkinogorye: the village of Mikhailovskoye and its inhabitants. From Alexander Sergeevich to Semyon

Stepanovich]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2018, 336 p. (In Russ.)

Sergunenko V.N. *Progulki k Pushkinu peshkom i na velosipede* [Walking and cycling tours to Pushkin]. Sergunenko V.N. *Tri kliucha* [Three keys]. St. Petersburg Duma Publ., 2011, 356 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

ПУШКИНСКОЕ СЛОВО В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ В.Е. МАКСИМОВА (по романам «Заглянуть в бездну» и «Кочевание до смерти»)

Фокина Мадина Александровна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, madi.fokina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Шохра Мохаммед, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, med.chohra02@gmail.com

Аннотация. В статье характеризуются пушкинские цитаты, в том числе известные крылатые слова и выражения, в романах известного русского прозаика второй половины XX в. В.Е. Максимова. Целью исследования является филологический анализ особенностей структуры и семантики крылатых единиц, определение своеобразия их функционирования в повествовательном дискурсе. В романе «Заглянуть в бездну» используются пушкинские цитаты из стихотворений «К морю» и «Бесы», в романе «Кочевание до смерти» упоминается цитата Пушкина из романа «Евгений Онегин» и крылатое выражение из «Сказки о рыбаке и рыбке». Пушкинские образные слова в художественном повествовании Максимова являются средством создания авторской иронии, речевых характеристик главного героя и перволичного рассказчика, формируют повествовательную полифонию, обеспечивают интертекстуальное взаимодействие, объединяют разные сюжетные линии романов и обеспечивают структурно-смысловую целостность текстов.

Ключевые слова: В.Е. Максимов, А.С. Пушкин, крылатая единица, пушкинизм, цитата-реминисценция, повествовательный дискурс, ирония, интертекстуальность.

Для цитирования: Фокина М.А., Шохра М. Пушкинское слово в повествовательном дискурсе В.Е. Максимова (по романам «Заглянуть в бездну» и «Кочевание до смерти») // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 91–97. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-91-97>

Research Article

PUSHKIN'S WORD IN THE NARRATIVE DISCOURSE OF V.E. MAXIMOV (based on the novels "Look into the abyss" and "The nomadism to Death")

Madina A. Fokina, Doctor of Philology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, madi.fokina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Shohra Mohammed, graduate student, Kostroma State University, University, Kostroma, Russia, med.chohra02@gmail.com

Annotation. The article characterizes Pushkin's quotes, including famous catch words and expressions, in the novels of the famous Russian prose writer of the second half of the twentieth century, V.E. Maximov. The purpose of the study is a philological analysis of the features of the structure and semantics of winged units, determining the uniqueness of their functioning in narrative discourse. The novel "Look into the Abyss" uses Pushkin's quotes from the poems "To the Sea" and "Demons," while the novel "The nomadism to Death" mentions Pushkin's quote from the novel "Eugene Onegin" and a catchphrase from "The Tale of the Fisherman and the Fish." Pushkin's figurative words in Maximov's artistic narration are a means of creating the author's irony, speech characteristics of the main character and the primary narrator, form narrative polyphony, provide intertextual interaction, unite different plot lines of novels and ensure the structural and semantic integrity of texts.

Keywords: V.E. Maximov, A.S. Pushkin, winged unit, Pushkinism, quotation-reminiscence, narrative discourse, irony, intertextuality.

For citation: Fokina M.A., Shohra M. Pushkin's word in the narrative discourse of V.E. Maximov (based on the novels "Look into the abyss" and "The nomadism to Death"). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 91–97 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-91-97>

Многогранное творчество А.С. Пушкина, основоположника современного русского литературного языка, является мощным источником обогащения лексико-фразеологического состава. Многие пушкинские цитаты вошли в фонд крылатых единиц и активно употребляются в художественной и публицистической речи. К характерным чертам крылатых единиц (крылатизмов) относятся афористичность, глубина сообщаемой ими мысли, особая выразительность, свежесть и образность [Берков, Беркова: 10]. Крылатые единицы по структуре подразделяются на крылатые слова, крылатые выражения и крылатые фразы.

Изучению пушкинизмов – пушкинских крылатизмов – посвящено обширное количество исследований отечественных филологов. В 1999 г., к 200-летию русского гения, было подготовлено уникальное лексикографическое издание: «Словарь крылатых выражений Пушкина», составленный петербургскими учеными В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко (1999). Значительное число пушкинских крылатых единиц отражено в «Большом словаре крылатых слов русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой (2005): *Без божества, без вдохновенья; Богат и славен Кочубей; Брожу ли я вдоль улиц шумных, / Вхожу ль во многолюдный храм; Быть можно дельным человеком / И думать о красе ногтей; властитель дум; даль свободного романа; Друзья мои, прекрасен наш союз; души прекрасные порывы; Здравствуй, племя младое, незнакомое!; Над вымыслом слезами обольюсь; Но я другому отдана; / Я буду век ему верна; Печаль моя светла; сквозь магический кристалл; с ученым видом знатока; Чем меньше женщину мы любим, / тем легче нравимся мы ей; Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать* и др. [Берков 2005].

Разноаспектный анализ пушкинских крылатых единиц представлен в научных публикациях Л.П. Дядечко [Дядечко 1999; 2002; 2007]; В.М. Мокиенко [Мокиенко]; К.П. Сидоренко [Сидоренко]; С.Г. Шулежковой [Шулежкова] и др. Пушкинские цитаты-реминисценции, интертекстуальные взаимодействия произведений Пушкина с текстами русских писателей XIX–XX вв. рассматриваются в исследованиях В.П. Григорьева [Григорьев]; Т.Б. Зайцевой [Зайцева]; И.В. Петровой [Петрова]; И.М. Поповой [Попова]; В.Ю. Прокофьевой [Прокофьева]; Г.С. Струговой [Стругова]; И.А. Сухановой [Суханова]; И.А. Тарасовой [Тарасова]; Н.А. Фатеевой [Фатеева]; Г.Ю. Филипповского [Филипповский] и др.

Пушкинские цитаты получили широкое распространение в публицистическом и художественном дискурсах XX–XXI вв. Отсылки к произведениям А.С. Пушкина находим в повествовательных произведениях В.Е. Максимова, известного прозаика вто-

рой половины XX в. Изучению функций интертекста в прозе Максимова посвящена научная статья И.И. Поповой [Попова]. На материале романа «Прощание из ниоткуда» исследователь описывает точные и варьированные цитаты из произведений авторов разных эпох и различных жанров: А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, библейских текстов, философских сочинений и др. И.И. Попова отмечает, что обращение Максимова к пушкинскому слову формирует и комические, и трагические интонации художественного повествования: «Несоответствие торжественных пушкинских строк о роли поэта, его высоком предназначении рифмовкам героя романа создает комический эффект. Пушкинский интертекст помогает выразить и драматическое, трагическое в жизни героев, так как повторяющиеся строки «любовь к родному пепелищу» формируют в романе Максимова сквозной мотив отчего дома, покинутого и брошенного» [Попова: 459]. Характерной чертой прозы Максимова, по мнению учёного, является «усиленное обращение к сверхтекстовым связям, которые взаимодействуют и с концептуальным полем художественного текста, и с внутренней пространственно-временной, и с субъектной структурой произведения» [Попова: 460].

В романе Владимира Максимова «Заглянуть в бездну» используются пушкинизмы разной структуры: 1) крылатое выражение *властители дум*; 2) цитаты-фразы *Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный; сколько вас, куда вас гонят*.

Генитивная метафора *властители дум* обычно употребляется в книжной речи, имеет значение «о великих людях, деятельность которых оказывает сильное влияние на духовную жизнь общества, на умы современников» [Берков: 80]. Крылатое выражение восходит к пушкинскому стихотворению «К морю», где поэт упоминает Наполеона и Байрона. А в романе Максимова с помощью пушкинизма иронически характеризуются русские писатели начала XX века: «Помнится, в те годы, как почти все девушки её возраста, она увлеклась сочинениями российских *«властителей дум»*. Читала запоем, всё подряд, без разбору, безвольно втягиваясь в засасывающий омут их словесного самоистязания. Но со временем, исподволь, в ней нарастало чувство сопротивления, протеста как раз вот этому самому их кокетливому мазохизму. Каким-то подсознательным чутьем она улавливала, что в... этом мазохизме... таится некая неподвластная самим авторам, но разрушительная в своей потенции ложь. В чем это выражалось, ей едва ли удалось бы определить в словах, но фальшь прочитанного в конце концов стала ощущаться ею почти физически» [Максимов: 233].

Фрагмент третьеличного повествования включает вкрапления несобственно-прямой речи героини,

Анны Тимирёвой, любимой женщины адмирала Колчака. Она вспоминает свою юность, увлечение чтением. Крылатое выражение *властители дум* употребляется во множественном числе, так как характеризует нескольких писателей, и заключается в кавычки, что придает пушкинизму семантическую двойственность: с одной стороны, пунктуационное выделение указывает на цитату; с другой стороны, крылатое выражение приобретает противоположный, иронический смысл. Юная читательница, очарованная сочинениями российских писателей, постепенно ощущает в их произведениях *неподвластную, разрушительную ложь, фальшь*. Это внутреннее противоречие раскрывается далее в последующем повествовании, где автор характеризует конкретных писателей, не называя их имён, но по ярким деталям описания читатель легко догадывается, о ком говорится в тексте: «Один, к примеру (с гениальной, впрочем, убедительностью!), звал человечество вернуться к собственному естеству, к природе, прочь от разлагающей душу и тело цивилизации, но ей-то доподлинно было известно, что сам пророк без этой цивилизации шагу не мог ступить, строго соблюдал свой помещичий интерес, а для его прославленного во всех мыслимых языках вегетарианского стола в доме держали специального повара, а от не менее прославленной крестьянской поддёвки на нем неизменно исходил едва уловимый запах “Коти”».

Герои другого, живущие в тоске по честному труду и мечтой о времени, когда небо непременно должно обрасти алмазами, почему-то всегда окружены толпой услуживающей их челяди, которую они, без разбора пола и возраста, во всеуслышание «тыкают», заполняя тома волшебных по тонкости и мастерству повестей, рассказов и пьес пустопорожними разговорами о «золотом веке», долженствующем, по их мнению, наступить вот-вот, по крайней мере не позже следующего понедельника.

Третий же и вовсе от книги в книгу тянул однообразный маскарад из философствующих во хмелю или после оного провинциальных купцов, реющих буревестников и благородных цыган с вырванными для осветительных целей сердцами, но при всем своем свободолобии не стеснялся высокомерно облаивать всякого, кто хотя бы робко пытался возражать его расхожим пошлостям» [Максимов: 233–234].

Авторская ирония проявляется в противоречивости характеристик Льва Толстого, А.П. Чехова и Максима Горького, которые были для читающей молодежи начала XX в. непререкаемыми авторитетами в мире литературы. Повествователь отмечает их позитивные стороны, художественный талант: *с гениальной убедительностью* (о Толстом); *тома волшебных по тонкости и мастерству повестей* (о Чехове). Но в то же время замечает несоот-

ветствие высоких идей, провозглашенных в книгах, реальной жизни писателей или расхождение убеждений, слов героев с их поступками: *звал человечество вернуться к собственному естеству, к природе, прочь от разлагающей душу и тело цивилизации, но... сам пророк без этой цивилизации шагу не мог ступить, строго соблюдал свой помещичий интерес; крестьянская поддёвка – запах «Коти»* (о Толстом); *герои, живущие в тоске по честному труду... почему-то всегда окружены толпой услуживающей их челяди; пустопорожние разговоры о «золотом веке»* (о героях Чехова); *при всем своем свободолобии не стеснялся высокомерно облаивать всякого, кто хотя бы робко пытался возражать его расхожим пошлостям* (о Горьком). Прием создания иронии является также широкое использование различных интертекстуальных элементов. Текстовая семантика пушкинизма *властители дум* раскрывается в смысловом взаимодействии с крылатизмами Чехова и Горького: *небо непременно должно обрасти алмазами; буревестник*. Фраза Владимира Максимова *небо непременно должно обрасти алмазами* является индивидуально-авторской трансформацией чеховского крылатого выражения *небо в алмазах* из пьесы «Дядя Ваня», которое символизирует светлую мечту о лучшей жизни. Контекстуальным синонимом этого образного выражения становится крылатизм *золотой век*, восходящий к античной литературе: «о самом лучшем, счастливом периоде чьей-либо жизни; о времени наивысшего расцвета науки и культуры в истории какого-либо народа, страны» [Берков: 188]. Крылатое слово *буревестник* восходит к названию «Песни о Буревестнике» Максима Горького, имеет несколько значений: «символ приближающейся революции; о революционерах, пламенных борцах за что-либо; о Максиме Горьком» (*буревестник революции*) [Берков: 58]. Ещё одним выразительным приемом создания иронии является перифрастическая характеристика Данко, бесстрашного и самоотверженного героя произведения Максима Горького «Старуха Изергиль»: *благородных цыган с вырванным для осветительных целей сердцами*. Здесь форма единственного числа заменяется множественным: *цыган, сердцами*. Синекдоха усиливает авторский сарказм, стилистически снижает образную характеристику героя. Горящее сердце Данко представлено как заурядное световое устройство: *для осветительных целей*.

Пушкинские цитаты, являющиеся фразами, употребляются в прямой и внутренней речи главного героя романа, адмирала Колчака, провозгласившего себя Верховным правителем России в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Колчак негативно отзывался о политических и военных событиях, о бездарных, но амбициозных людях в его

окружении. Предчувствуя свое поражение, он крайне жесток и беспощаден к врагам: «С каждым днем Адмирал становился раздражительнее и угрюмей. Всякая мелочь, любой пустяк, пошлая сплетня оборачивались для окружающих бурными сценами или молчаливым бешенством, что было еще неприятнее. С министрами он вообще теперь разговаривал, как с опостылевшей дворней: “Я приказываю начальникам частей расстреливать всех пленных коммунистов. Или мы их перестреляем или они нас. Так было в Англии во время войны Алой и Белой розы, так неминуемо должно быть и у нас, и во всякой гражданской войне. Если я сниму военное положение, вас немедленно переарестуют большевики и эсеры, или ваши члены Экономического совещания, или ваши же губернаторы”».

Частые смены его настроений смягчали только деникинские успехи на Юге, но и этого ему стало доставать ненадолго: ноша заметно стала перевешивать его силы. Теперь, отпуская очередного докладчика, Адмирал просил Удальцова остаться, чтобы в очередной раз излиться перед ним в приступе внезапной откровенности: “Прав был, тысячу раз прав был наш Пушкин, когда учил нас в «Капитанской дочке»: *«Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»*. Впрочем, – мрачновато усмехался он, – другие не умнее и не добрей, разве что короче...”» [Максимов: 258–259].

Пушкинская фраза саркастически характеризует социальные потрясения в России. Адмирал Колчак сравнивает русскую революцию и гражданскую войну с историческими событиями зарубежных государств: *другие не умнее и не добрей, разве что короче*. Проявляя жестокость и непримиримость к врагам, он ищет оправданий, ссылаясь на известные сражения в Европе: *Так было в Англии во время войны Алой и Белой розы, так неминуемо должно быть и у нас, и во всякой гражданской войне*. Война Алой и Белой розы была гражданской войной за власть, произошла в Англии в XV веке, победу одержал Генрих Тюдор. Длительные кровопролитные сражения унесли множество жизней, привели народ к бедствиям и разрушениям. Историческая параллель гражданской войны в России с давними военными событиями в Англии помогает наглядно представить масштаб и драматизм сложной социальной ситуации, которую характеризует Колчак, ссылаясь на авторитет Пушкина: *русский бунт, бессмысленный и беспощадный*. Он уже понимает неизбежность своего поражения и обреченность всего белогвардейского движения, несмотря на временные успехи Деникина. Пушкинская цитата напоминает о событиях крестьянского восстания под предводительством Емельяна Пугачёва и побуждает героя к философскому пониманию необратимости естественного хода истории, неизбеж-

ности столкновений различных интересов и обстоятельств, приводящих к трагическим потерям.

Во время встречи с Николаем Устряловым, бывшим приват-доцентом Московского университета, служащим в бюро печати правительства Колчака, адмирал испытывает неприязнь к своему собеседнику и дает ему саркастическую характеристику: «Что-то в этом человеке сразу же насторожило Адмирала. Во всём его облике, в тоне, в манере держаться чувствовалась затаенная уверенность в чем-то таком, что недоступно пониманию многих, если не всех остальных смертных, и чем он не спешил поделиться с ближними.

«Ещё один мессия, – досадливо поморщился про себя Адмирал, – сколько вас, куда вас гонят!» [Максимов: 280].

Во внутренней речи Колчака используется преобразованная пушкинская цитата *сколько вас, куда вас гонят*. У Пушкина в оригинале: *Сколько их! Куда их гонят?* («Бесы»). Осуществляется замена местоимения 3-го лица *их* на местоимение 2-го лица *вас*: Колчак негативно думает о своем собеседнике, находясь рядом, мысленно обращается к нему и с иронией оценивает его и ему подобных, используя форму множественного числа.

В романе широко представлено бесовское, дьявольское начало, в том числе прослеживаются смысловые ассоциации с романом Ф.М. Достоевского «Бесы»: *легкомысленный флирт с дьяволом* (о представителях иностранной интервенции, вошедших в сговор с большевиками); *накал поистине дьявольской страсти* (о политических речах Ленина); *дьявольский лабиринт; на поток и растерзание разнужданной бесовщине; торжествующий хохот Сатаны* (о социальных потрясениях).

В романе «Кочевание до смерти» находим пушкинские цитаты из «Евгения Онегина» и из «Сказки о рыбаке и рыбке». Эти пушкинизмы используются в монологическом слове перволичного рассказчика, русского писателя в эмиграции. Он описывает свои взаимоотношения с женщиной: «Мы сошлись с ней где-то в эмигрантской компании. Сошлись в хмельном угаре без объяснений и обязательств. Я на следующий день стёр её из своей памяти, мало ли их у меня перебивало! Но она вскоре нашла меня, стала появляться, просиживать у меня иногда целыми днями, таскаться за мной по кафе и забегаловкам, пока мне всё это смертельно не надоело. Я органически не выношу никакого постоянства, что я ей в конце концов и высказал в лучших пушкинских традициях: *мол, я не создан для блаженства, ему чужда душа моя* и далее в том же духе, со всеми остановками. Она выслушала меня так же безропотно, как *Татьяна – Онегина*, согласно покивала, стряхивая слёзы с подкрашенных ресниц, послушно ушла затем,

но звонить не перестала, прорываясь ко мне при каждом удобном случае» [Максимов: 556–557].

Человек творческой профессии, внутренне раскрепощенный, независимый герой Максимова не желает связывать себя серьезными отношениями с женщиной, которая искренне к нему привязалась. Объяснение с возлюбленной иронически характеризуется с помощью пушкинской цитаты: *я не создан для блаженства, ему чужда душа моя*. Это фраза из ответа Онегина на письмо Татьяны. В тексте романа Максимова упоминаются также имена главных героев произведения Пушкина, что усиливает иронию и создает пародийность описываемой ситуации любовного объяснения.

Писатель характеризует русскоязычных эмигрантов, создает их колоритные речевые портреты. Описывает владыку Николая, которого обвиняют в антисемитизме. Бывший митрополит недружелюбно отзывается о евреях: «Так и у всех у них, на словах братство и равенство, а на уме одно – власть. И только ли в России? Испанию вспомните, клочка земли ими не купленной уже не осталось, правительство в руках держали... То же и в Германии после первой войны, всем овладели: банками, прессой, культурой, нет, большего захотелось... Вот и *остаются*, как та пушкинская старуха, всегда у разбитого корыта, а в зеркало посмотреть не хотят, всё виновных ищут» [Максимов: 643].

Фразеологизм у *разбитого корыта* (оказаться, очутиться) означает 'ни с чем, потеряв всё приобретенное' [ФСРЛЯ 1: 322]. Пушкинизм является негативной характеристикой корыстолюбивых людей, использующих свою власть для бесконечного обогащения, но в порыве жадности теряющих полученные блага.

В романах Владимира Максимова «Заглянуть в бездну» и «Кочевание до смерти» ярко используются различные пушкинизмы для сатирического описания героев и событий, они являются оригинальным средством создания иронии, сарказма, пародии. Активное употребление крылатых слов, выражений и цитат великого гения в повествовательном дискурсе известного прозаика свидетельствует о том, что пушкинское слово продолжает жить в художественной речи русских писателей.

Список литературы

Источники

Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. Москва: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с.

Максимов В.Е. Избранное. Москва: Терра, 1994. 736 с.

Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ: Фолио-пресс, 1999. 748 с.

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Фёдоров. Москва: Цитадель, 1997.

Исследования

Берков В.П., Беркова О.В. О крылатых словах // Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. Москва: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. С. 3–15.

Григорьев В.П. Хлебников и Пушкин // Структура и семантика художественного текста: доклады VII междунар. конф. Москва: СпортАкадемПресс, 1999. С. 50–64.

Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность: монография. Киев: ИПЦ «Киевский университет», 2002. 294 с.

Дядечко Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология: учеб. пособие. Киев: ООО «Изд. дом Аванпост-прим», 2007. 336 с.

Дядечко Л.П. Пушкинские крылатые выражения (материалы к словарю) // Материалы Пушкинской науч. конф. (к 200-летию А.С. Пушкина). Киев: ИПЦ «Киевский университет», 1999. С. 151–155.

Зайцева Т.Б. Повесть А.П. Чехова «Черный монах» в контексте «золотого века» русской литературы // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докладов междунар. науч. конф. / ред.-сост. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003.

Мокиенко В.М. Пушкинская золотая рыбка: до и после Пушкина // Пушкин: альманах / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2002. Вып. 3. С. 3–15.

Петрова И.В. Текст и интертекст в поэтическом мире Ф.И. Тютчева // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докладов междунар. науч. конф. / ред.-сост. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 151–159.

Попова И.М. Функции интертекста в прозе Владимира Максимова // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докладов междунар. науч. конф. / ред.-сост. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 458–462.

Прокофьева В.Ю. Петербург: от реального пространства к поэтической интертекстуальности // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докладов междунар. науч. конф. / ред.-сост. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 217–221.

Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова: монография. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 253 с.

Стругова Г.С. О заглавиях поэтических текстов М. Цветаевой (в аспекте теории интертекста) // Ин-

тертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докладов междунар. науч. конф. / ред.-сост. С.Г. Шулержкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 205–207.

Суханова И.А. Интертекстуальные связи романа В. Орлова «Альтист Данилов» // Язык русской литературы XX века: сб. ст. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2001. С. 215–245.

Тарасова И.А. «Каждый бы подумал, как подумал Пушкин»: когнитивные механизмы интертекстуальности // Художественный текст как динамическая система: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию В.П. Григорьева / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, 19–22 мая 2005 г.). Москва: Управление технологиями, 2006. С. 95–103.

Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. 3-е изд. Москва: КомКнига, 2007. 280 с.

Филипповский Г.Ю. А.С. Пушкин: поэтика «отзывчивости»: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. 291 с.

Шулержкова С.Г. Лексикографическое описание крылатых единиц: проблемы и перспективы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 24. С. 62–72.

References

Berkov V.P., Berkova O.V. *O krylatykh slovakh* [About winged words]. Berkov V.P. *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka* [Large dictionary of popular words of the Russian language], V.P. Berkov, V.M. Mokiyeenko, S.G. Shulezhkova. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., Russkiye slovari Publ., 2005, pp. 3-15. (In Russ.)

Dyadechko L.P. *Krylatyye slova kak ob'yekt lingvisticheskogo opisaniya: istoriya i sovremennost'* [Winged words as an object of linguistic description: history and modernity]. Kiyev, IPTS Kiyevskiy universitet Publ., 2002, 294 p. (In Russ.)

Dyadechko L.P. *“Krylatyy slova zvuk”, ili Russkaya eptologiya* [“The winged sound of words”, or Russian Eptology]. Kiyev, Avanpost-prim Publ., 2007, 336 p. (In Russ.)

Dyadechko L.P. *Pushkinskiye krylatyye vyrazheniya (materialy k slovaryu)* [Pushkin's winged expressions (materials for the dictionary)]. *Materialy Pushkinskoy nauchnoy konferentsii*. Kiyev, IPTS Kiyevskiy universitet Publ., 1999, pp. 151-155. (In Russ.)

Fateyeva N.A. *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti* [Intertext in the world of texts: Counterpoint to intertextuality]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 280 p. (In Russ.)

Filippovskiy G.Yu. *A.S. Pushkin: poetika “otzyvchivosti”* [A.S. Pushkin: poetics of “responsiveness”]. Yaroslavl', RIO YAGPU Publ., 2022, 291 p. (In Russ.)

Grigor'yev V.P. *Khlebnikov i Pushkin* [Khlebnikov i Pushkin]. *Struktura i semantika khudozhestvennogo teksta: doklady VII mezhdunar. konf.* [Structure and semantics of literary text: reports of the VII international conference]. Moscow, SportAkademPress Publ., 1999, pp. 50-64. (In Russ.)

Mokiyeenko V.M. *Pushkinskaya zolotaya rybka: do i posle Pushkina*. [Pushkin's goldfish: before and after Pushkin]. *Pushkin: al'manakh* [Al'manakh], ed. by S.G. Shulezhkovoy. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2002, vol. 3, pp. 3-15. (In Russ.)

Petrova I.V. *Tekst i intertekst v poeticheskom mire F.I. Tyutcheva* [Text and intertext in the poetic world of F.I. Tyutchev]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskoy diskurse* [Intertext in artistic and journalistic discourse]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2003, pp. 151-159. (In Russ.)

Popova I.M. *Funksii interteksta v proze Vladimira Maksimova* [Functions of intertext in the prose of Vladimir Maksimov]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskoy diskurse* [Intertext in artistic and journalistic discourse]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2003, pp. 458-462. (In Russ.)

Prokof'yeva V.Yu. *Peterburg: ot real'nogo prostranstva k poeticheskoy intertekstual'nosti* [Petersburg: from real space to poetic intertextuality]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskoy diskurse* [Intertext in artistic and journalistic discourse]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2003, pp. 217-221. (In Russ.)

Sidorenko K.P. *Intertekstovyye svyazi pushkinskogo slova* [Intertextual connections of Pushkin's word]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 1999, 253 p. (In Russ.)

Shulezhkova S.G. *Leksikograficheskoye opisaniye krylatykh yedinits: problemy i perspektivy* [Lexicographic description of winged units: problems and prospects]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Filology, Culture], 2009, No. 24, pp. 62-72. (In Russ.)

Strugova G.S. *O zaglaviyakh poeticheskikh tekstov M.Tsvetaevoy (v aspekte teorii interteksta)* [On the titles of M. Tsvetaeva's poetic texts (in the aspect of intertext theory)]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskoy diskurse* [Intertext in artistic and journalistic discourse]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2003, pp. 205-207. (In Russ.)

Sukhanova I.A. *Intertekstual'nyye svyazi romana V. Orlova “Al'tist Danilov”* [Intertextual connections of V. Orlov's novel “Violist Danilov”]. *Yazyk russkoy literatury 20 veka: sb. st.* [Language of Russian Literature: anthologies of articles]. Yaroslavl', YAGPU im. K.D. Ushinskogo Publ., 2001, pp. 215-245. (In Russ.)

Tarasova I.A. *“Kazhdyy by podumal, kak podumal Pushkin”: kognitivnyye mekhanizmy intertekstual'nosti* [“Everyone would think as Pushkin thought”: cog-

nitive mechanisms of intertextuality]. *Khudozhestvennyy tekst kak dinamicheskaya sistema* [Fiction text as art system]. Moscow, Upravleniye tekhnologiyami Publ., 2006, pp. 95-103. (In Russ.)

Zaytseva T.B. *Povest' A.P. Chekhova «Chernyy monakh» v kontekste «zolotogo veka» russkoy literatury* [Chekhov's story "The Black Monk" in the context of the "golden age" of Russian literature]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskom diskurse* [Intertext in

artistic and journalistic discourse]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2003. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 13.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

ЭЛЕГИЯ «НЕ СПРАШИВАЙ ЗАЧЕМ УНЫЛОЙ ДУМОЙ» А.С. ПУШКИНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ

Ненарокова Мария Равильевна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Российский университет дружбы народов, Россия, Москва, maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Еременко-Григоренко Юлиана Николаевна, Донецкий государственный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия, yu.eremenko04@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3458-4947>

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода пушкинской лирики на английский язык в XX–XXI вв. Объектом изучения стали содержание и форма переводов элегии А.С. Пушкина «К *** (Не спрашивай, зачем унылой думой...)». Предметом изучения стали особенности передачи формы и содержания стихотворения Пушкина в английских переводах. Исследование осуществлено на материале двух переводов элегии, выполненных переводчиками Вячеславом Чистяковым и Андреем Кнеллером. Введение в научный обиход двух ранее не исследованных переводов пушкинского текста составляет новизну исследования. В задачи исследователя входило: определить и описать особенности перевода выбранного для анализа стихотворения; определить круг его ключевых лексем; выявить и описать расхождения в переводах, указать, почему выбранный вариант возможен или невозможен в переводе пушкинского текста. Исследование показало, что при передаче грамматических особенностей оригинала использовались многочисленные переводческие трансформации. Перевод Кнеллера более удачен, поскольку он старается не использовать эмоционально окрашенную лексику.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, лирика, элегия, перевод, переводная множественность, эмоционально окрашенная лексика, нейтральная лексика, переводческая трансформация.

Для цитирования: Ненарокова М.Р., Еременко-Григоренко Ю.Н. Элегия «Не спрашивай зачем унылой думой» А.С. Пушкина: сравнительный анализ двух англоязычных переводов // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 98–106. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-98-106>

Research Article

THE ELEGY “DON’T ASK ME WHY, ALONE IN DISMAL THOUGHT” BY ALEXANDER PUSHKIN: A COMPARATIVE ANALYSIS OF TWO ENGLISH TRANSLATIONS

Maria R. Nenarokova, doctor of Philology, Professor, Leading Researcher, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia, maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Yuliana N. Eremenko-Grigorenko, Donetsk State University, Donetsk, Donetsk People’s Republic, Russia, yu.eremenko04@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3458-4947>

Abstract. The article focuses on the problem of translating Pushkin’s lyrics into English in the 20th–21st centuries. The object of study is the content and form of A.S. Pushkin’s elegy “To *** (Don’t ask me why, alone in dismal thought)” in English translations. The subject of the study is the peculiarities of conveying the form and the contents of Pushkin’s poem, with two translations of the elegy, made by Vyacheslav Chistyakov and Andrey Kneller, as a case study. The analysis of two previously unexplored translations of Pushkin’s text constitutes the novelty of the study. The tasks of the study were as follows: to describe the peculiarities of the given translations, to outline the group of the key words of the poem, describe discrepancies in their translation. The study showed that numerous translation transformations were used by the translators. Kneller’s translation is more adequate because of avoiding emotionally charged language.

Keywords: A.S. Pushkin, lyrics, elegy, translation, translation plurality, emotionally charged vocabulary, neutral vocabulary, translation transformation.

For citation: M.R. Nenarokova, Yuliana N. Eremenko-Grigorenko The elegy “Don’t ask me why, alone in dismal thought” by Alexander Pushkin: a comparative analysis of English translations. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 98–106 (InRuss.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-98-106>

Переводная множественность обычно понимается как возможность появления переводов одного текста как в диахронии, когда все переводы одного текста можно выстроить по хронологии – с первого до последнего, причем их могут разделять десятки лет, так и в синхронии, когда выбираются переводы, сделанные разными людьми в течение небольшого отрезка времени. При этом различные «переводческие версии одного и того же оригинала» [Чайковский: 143] образуют «пространство перевода» [Кушникова: 40], позволяющее увидеть, как менялись понимание и процесса, и результата переводческой деятельности, отношение к переводимому тексту, мировоззрение переводчиков. Обращение к поэтическим текстам привлекательно для переводчика, поскольку в поэзии открывается мир чувств и переживаний, находящихся отклик в душе любого человека. Именно так объясняет выбор поэтических текстов для перевода переводчик-любитель Александр Сингилеев: «...перевожу в меру сил и умений те произведения, которые не оставили меня равнодушным, даже будучи написанными на других языках» [Сингилеев]. Однако при переводе поэтических текстов возникают определенные трудности, поскольку переводчику необходимо передавать такие особенности стихотворной формы, как размер и рифма. Случай А.С. Пушкина является, пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией проблемы переводной множественности: первые переводы пушкинской лирики появились в 20-х гг. XIX в., еще при жизни поэта, и с тех пор обращение переводчиков, как российских, так и зарубежных, к творчеству великого русского поэта не прекращается. Работа над переводами пушкинской поэзии осложняется тем, что Пушкин стал одной из констант русской культуры, ее символом. Слава Пушкина как «солнца русской поэзии» задает высокую планку, обязывая переводчиков, решивших перевести его произведения, стремиться к максимальному сохранению и формы, и содержания его поэзии, а это подчас приводит к переводческим ошибкам и потерям.

С точки зрения переводной множественности случай Пушкина, пожалуй, уникален. Его произведения переводились на множество языков, в первую очередь на европейские языки, на немецкий и французский, которые в соответствии с культурной ситуацией, сложившейся в России XIX в., также можно считать языками русской культуры, поскольку образованные русские люди свободно говорили, читали, писали на этих языках.

Величие творческого наследия поэта французской аудитории открыл Проспер Мериме переводами

«Пиковой дамы», поэм «Цыгане», «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин». Переводчиками пушкинских произведений на французский язык были И. С. Тургенев, Л. Виардо, В. Михайлов, Ф. Готье, П. Бессан, Л. Леже: «Вступление» «Медного всадника», отрывки из «Евгения Онегина», стихотворения «Пророк», «Анчар», «Русалка», «Утопленник», «Песнь о вещем Олеге», «Памятник», «Клеветникам России», поэму «Братья разбойники», сцену в Чудовом монастыре из «Бориса Годунова». Существенный вклад в популяризацию Пушкина во Франции в XX веке внесли такие французские писатели и ученые, как Анри Труайя, Юбер Жуэн, Жан-Луи Бэкс [Трыков: 183–189; Крамер: 115–117]. Знакомство немецких читателей с творчеством А.С. Пушкина – «Станционный смотритель», «Борис Годунов», «Дубровский» состоялось благодаря переводам Генри Гейзелера, Артура Лютера, Рейнгольда фон Вальтера, Вернера фон Магтейя [Юдина: 39–48].

Пушкина переводили и на славянские языки, например на чешский. Чешские читатели познакомились с творческим наследием А.С. Пушкина, а именно: «История стихотворца», «Зимний вечер», «Два ворона», «Клеветникам России», «Бесы», «Анчар», «Цветок», отрывок из «Медного всадника», «Борис Годунов», «Барышня-крестьянка», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Полтава», «Братья разбойники», «Евгений Онегин», «Кавказский пленник» [Кишкин: 264–268]. Первые переводы произведений А.С. Пушкина на словенский язык были сделаны выдающимся словенским поэтом – реалистом, русофилом Антоном Ашкерцем. Ему удалось выполнить главную задачу любого профессионального переводчика: понять смысл и прочувствовав форму произведения, воспроизвести его на другом языке, сохраняя не только замысел, размер, подтекст, но и общее впечатление, создаваемое оригиналом, так называемое «послевкусие» стиха [Старикова: 228–234].

Творчество Пушкина известно и в Скандинавии. Так, норвежцам пушкинская проза стала известна в переводах И. Кристенсена, Н. Хьяра, Х. Крога. У. Рюттер переводил как прозу, так и стихи Пушкина. Благодаря его труду на норвежский язык были переведены не только «Капитанская дочка», «Повести Белкина» и другие новеллы, но и «Евгений Онегин», «“Памятник” и другие стихи», «Борис Годунов», «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери» [Ермакова: 149–157].

При том что переводы пушкинской лирики на латинский язык можно назвать скорее интеллектуальной игрой, а не необходимостью, тем не менее

и на латынь Пушкина переводили. Лирика Пушкина на латинском языке появилась в переводах Проспера Мериме, Г.Э. Зенгера, Ф.Е. Корша, среди которых находим «Анчар», «Пророк», «Туча», «Поэт и толпа», перевод сонета «Поэту», «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...»), послание «К Овидию» [Боровский: 68–74].

Пушкинская проза и стихи оказались востребованы и на Востоке. Переводы и исследования А.С. Пушкина имеют в Китае более чем столетнюю историю. Кроме того, и по сей день А.С. Пушкин является одним из наиболее читаемых иностранных писателей [Ван Лие: 158–166]. Пушкина переводили и на персидский язык [Розенфельд: 121–128].

Существует немало переводов произведений Пушкина и на языки народов России. Так, не раз отдельные стихотворения переводились на татарский язык: например, «Зимний вечер» в 1906 г. был переведен Г. Рахманкулем, а затем еще 6 раз (Дэрдмендом, М. Джалилем, А. Ерикеем, Х. Усмановым, С. Батталом, М. Садри), стихотворение «Цветок» (перевод И. Киляуле) переводилось 5 раз и др. Следует отметить, что особенностью переводов на татарский язык является широкое употребление аллюзий татарского художественного сознания, которые способствуют адаптации пушкинских текстов к нему [Сафина 2009: 154–161; Сафина 2014: 173–176].

Не обошли вниманием лирику Пушкина англоязычные читатели. Знакомство англоязычной читательской аудитории с творчеством А.С. Пушкина состоялось благодаря трудам многих переводчиков, как носителей английского языка – Уолтер Арндт, Джеймс Фаллен, Оливер Элтон, Энтони Вуд, Джулиан Лоуэнфельд, Уильям Д. Льюис, Дж. Борроу, Томас Бодж Шоу, Ч.Э. Турнер, Р. Лэмпсон, так и тех, чьим родным языком является русский: это Иван Козлов, А.Д. Абамяк-Баратынская, В.В. Набоков, И. Железнова, Е. Бонвер и др. На английском языке можно прочесть такие пушкинские шедевры, как «Черная шаль» и «Песня Земфиры», отрывок из поэмы «Цыгань», «Талисман», «Арион», «Зимняя дорога», «Зимнее утро» [Ненарокова 2017: 794–806; Ненарокова 2019: 22–30; Тихомирова: 29–37; Черемисина-Харпер: 131–134].

Американский филолог-русист Дин Хант, переведивший произведения русских поэтов, в частности Пушкина, охарактеризовал работу этих переводчиков как «героический подвиг» [Третьяков Хант: 28], так как «эта работа полна непредсказуемых ловушек. Тут и установившиеся языковые традиции в сложном переплетении с поэтическими аллюзиями и выражениями, тонкие языковые различия, неповторимость внешнего строения оригинала, а также ритмические и стилистические препятствия» [Третьяков Хант: 28]. Все эти наблюдения переводчика-практи-

ка можно отнести и к элегии Пушкина «Зачем унылой думой», переводы которой ранее не привлекали внимания исследователей.

Для начала стоит обратиться к истории создания стихотворения Пушкина «Зачем унылой думой». В 1816 г. в Россию из Европы вернулась княгиня Авдотья Ивановна Голицына. В салон княгини в Санкт-Петербурге приезжали Н.М. Карамзин, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский. В период с 1817 по 1820 г. Голицыну навещал и Пушкин. По свидетельству Карамзина, он был пылко влюблен в Авдотью Ивановну. Ей он посвятил элегию «Зачем унылой думой», написанную в 1817 г. Лирический герой рассуждает о мимолетности счастья в жизни человека. Его слова наполнены глубоким разочарованием и даже любовь не может стать для него панацеей.

К элегии Пушкин обратился в 1816 г., следуя примеру В.А. Жуковского, он разрабатывал темы, характерные для элегии, – неразделенная любовь, уходящая молодость, постепенно угасающая душа. В рассматриваемом тексте присутствуют вариации этих мотивов. Любовь оказывается невозможной, молодость проходит, оставляя лишь разочарование, способность радоваться жизни утрачивается, а душа практически мертва.

Элегия «Зачем унылой думой» еще при жизни Пушкина была положена на музыку. Не раз к ней обращались известные композиторы, например, А.С. Даргомыжский, А.Т. Гречанинов, В.С. Калинников. Одна из наиболее популярных на сегодня мелодий принадлежит Исааку Иосифовичу Шварцу. Его прекрасная стилизация под старинные русские романсы впервые прозвучала в фильме «Станционный смотритель», вышедшей на экраны в 1972 г.

А.И. Белецкий в статье 1953 г. «Из наблюдений над стихотворными текстами А.С. Пушкина» достаточно полно исследовал семантику ключевых слов лирического произведения «К *** (Не спрашивай, зачем унылой думой...», он приходит к выводу о том, что «любовная тематика» анализируемого произведения подчинена философско-психологической концепции, при этом основой является «тема разных состояний внутреннего мира поэта». По мнению А.И. Белецкого, в элегии поэт переживает три этапа таких состояний: вторжение красоты, «врезавшейся в душевную память» поэта, утрата воспоминания в момент душевного угнетения и, наконец, ощущение эстетической ценности жизненных явлений [Белецкий: 393].

С его выводами соглашается и Б.В. Томашевский, уточняя, что в произведении «отражены не реальные определения женщины, а только эмоциональная характеристика восприятия, поэтического воспоминания». Известный филолог и пушкинист называет в качестве главной темы этого стихотворения тему

любви, которая определяет «полноту жизни» [Томашевский: 335–336].

В настоящее время существует значительное количество переводов стихотворения Пушкина «Не спрашивай, зачем унылой думой» на английский язык. Все они различаются между собой, поскольку переводчики преследовали разные цели: сохранить ритмическую организацию исходного текста, сделать перевод максимально близким к оригиналу, передать национально-культурную специфику переводимого произведения. В связи с этим представляется актуальным сопоставительный анализ подходов разных переводчиков к решению проблем, возникающих при передаче данного произведения с русского языка на английский [Князева: 26].

Для анализа были взяты два перевода стихотворения А.С. Пушкина «Зачем унылой думой», выполненные нашими современниками Вячеславом Чистяковым и Андреем Кнеллером.

Андрей Кнеллер, поэт и переводчик, живет в США. Из-под его пера вышли переводы стихотворений В.В. Маяковского, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, А.С. Пушкина. Кроме того, его собственные стихотворения публиковались в ряде журналов, включая *Futures Magazine*, *National Forum: The Phi Kappa Phi Journal*. О Вячеславе Чистякове опубликовано мало информации, однако стоит отметить, что этот человек позиционирует себя в первую очередь как писатель, а переводческая деятельность для него является второстепенной.

Как Вячеслав Чистяков, так и Андрей Кнеллер стремятся полностью воссоздать рифмическую структуру оригинала. Передача лексико-стилистических средств оформления поэтического перевода при переводе представляет собой значительную проблему, поскольку переводчики сталкиваются с необходимостью сохранить стилистическую окраску, смысловые коннотации, оценку, экспрессивность переводимых единиц. Все это требует от переводчика высокого профессионального мастерства.

В приведенном ниже фрагменте (табл. 1) интерес в переводческом аспекте представляют две выделенные единицы: «унылый» (о думе) и «забава».

«Большой толковый словарь» определяет лексическую единицу «унылый» следующим образом: «наводящий уныние своим однообразием, монотонностью и т. п.; безрадостный, скучный» [Ожегов: 943]. При переводе Кнеллер использовал лексическую еди-

ницу “dismal” – *showing or causing unhappiness or sad feelings: not warm, cheerful, etc.* – «проявляющий или становящийся причиной несчастья или печальных чувств: отсутствие теплоты, жизнерадостности и т. д.» [The Britannica Dictionary], а Чистяков – “depressing” – *causing someone to feel sad or without hope: causing depression* – «заставляющий кого-то чувствовать грусть или отсутствие надежды: вызывающий депрессию» [The Britannica Dictionary]. Таким образом, мы можем отметить, что Вячеслав Чистяков при переводе сделал акцент на эмоциональной составляющей, усиливающей впечатление от прочтения, в то время как Андрей Кнеллер выбрал относительно нейтральную лексическую единицу.

В Большом толковом словаре русского языка дана следующая дефиниция лексической единицы «забава» – «развлечение» [Ожегов: 943]. У Чистякова «забава» передана словом “fun” (согласно словарю Cambridge dictionary, имеет значение “*pleasure, enjoyment, or entertainment*” – «удовольствие, услада или развлечение» [Cambridge English Dictionary]), что ближе к понятию «забава, развлечение» в русском языке. Кнеллер выбирает лексическую единицу “mirth”, что, конечно, не совсем соответствует русскому слову «забава» – “*laughter, humour, or happiness*” – «смех, юмор или счастье» [Cambridge English Dictionary].

Отдельного внимания заслуживает и грамматическое построение предложений. Кнеллер переводит дословно «Не спрашивай, зачем унылой думой» – “**Don’t ask me why**, alone in dismal thought,” «*Не спрашивай меня, почему я погружен в мрачные раздумья*», в то время как Чистяков видоизменяет структуру предложения для более адекватной передачи его на иностранный язык: “**You wander why** I’m very often shaded” – «*Ты спрашиваешь, почему я так часто омрачен*».

В приведенном далее фрагменте (табл. 2) интерес в переводческом аспекте представляют две выделенные единицы: «угрюмый» (о взоре) и «взор».

Вячеслав Чистяков в своем переводе слова «угрюмый» использует яркоокрашенную лексическую единицу “grief” – “*very great sadness, especially at the death of someone*” – «очень большая печаль, особенно из-за чьей-то смерти» [Cambridge English Dictionary], что подчеркивает чувства лирического героя: смерть любви как чувства воспринимается как смерть близкого человека. Однако перевод Кнеллера –

Таблица 1

Перевод двух первых строк первой строфы

Оригинал	Перевод В. Чистякова	Перевод А. Кнеллера
Не спрашивай, зачем унылой думой Среди забав я часто омрачен,	You wander why I’m very often shaded With a depressing thought amidst a fun,	Don’t ask me why, alone in dismal thought, In times of mirth, I’m often filled with strife,

Таблица 2

Перевод третьей и четвертой строки первой строфы

Оригинал	Перевод В. Чистякова	Перевод А. Кнеллера
Зачем на все подъямлю взор угрюмый, Зачем не мил мне сладкой жизни сон;	Why for a grief my glances are intended, Why sweetened dreams of life from me are gone;	And why my weary stare is so distraught, And why I don't enjoy the dream of life;

Таблица 3

Перевод второй строфы стихотворения

Оригинал	Перевод В. Чистякова	Перевод А. Кнеллера
Не спрашивай, зачем душой остылой Я разлюбил веселую любовь И никого не называю милой – Кто раз любил, уж не полюбит вновь;	Don't ask me why my chilled downsoul Is not amused by a playful love, Why "dear pet" I nobody call – Who loved once is gratified enough.	Don't ask me why my happiness has perished, Why I don't love the love that pleased me then, No longer can I call someone my cherished Who once felt love will never love again;

distraught – “If someone is distraught, they are so upset and worried that they cannot think clearly.” – «Если кто-то обезумел от горя, это значит, что он настолько расстроен и обеспокоен, что не может ясно мыслить» [Collins English Dictionary] – в данном случае оказывается точнее и ближе к русскому значению слова «угрюмый» – «мрачный, неприветливый; безотрадный» [Ожегов: 943].

У русского существительного «взор» есть значение «направленность, устремленность глаз в сторону кого-либо или чего-либо». У Чистякова встречаем “glances” – “a quick short look” – «краткосрочный взгляд» [Cambridge English Dictionary], тогда как Кнеллер выбирает “stare” – “a long look at something or someone with your eyes wide open” – «длительный взгляд на что-то или кого-то с широко открытыми глазами» [Cambridge English Dictionary]. Интересен тот факт, что выбранные при переводе лексические единицы являются антонимами, но при этом одинаково гармонично воспринимаются читателем. Однако все-таки перевод Кнеллера более адекватен, так как, исходя из контекста стихотворения, Александр Сергеевич старался подчеркнуть угрюмость и мрачность взора расстроенного человека, который точно не предпринимает резких движений для смены положения головы и, соответственно, угла зрения.

Стоит также отметить особенность грамматического построения предложения “Зачем не мил мне сладкой жизни сон” при переводе на английский язык: Кнеллер переводит практически дословно “And why I don't enjoy the dream of life” – «И почему я не наслаждаюсь сном жизни», а у Чистякова подлежащим становится «сладкий сон», который покинул лирического героя: “Why sweetened dreams of life from me are gone” – «Почему сладкие мечты о жизни покинули меня».

Для русской лингвокультуры концепт «душа» является основополагающим, и при переводе важно сохранить данный концепт для достижения полноценности перевода. В этом ключе перевод Вячеслава Чистякова ближе к оригиналу, чем перевод Кнел-

лера (табл. 3), где акцент делается на «исчезнувшей радости» – ‘happiness has perished’, а не на «остылой душе» – ‘Don't ask me why my chilled down soul’.

Кроме того, и во второй строке второй строфы стихотворения Чистяков более поэтичен, чем Кнеллер: у Кнеллера находим тавтологию из-за использования глагола “to love” и существительного “love” в одной фразе, Чистяков использует Participle II “amused”, что является более удачным переводческим решением для фразы «Я разлюбил веселую любовь». Для того чтобы убедиться в правильности выбранной для перевода лексической единицы “amused”, обратимся к словарю Cambridge Dictionary – ‘to keep someone interested and help them to have an enjoyable time’ – «заинтересовать кого-то и помочь приятно провести время» [Cambridge English Dictionary]. Интересен выбор переводчиком слова “playful”, которое в словаре Cambridge Dictionary имеет дефиницию “funny and not serious” – «забавный и несерьезный» [Cambridge English Dictionary]. Пушкин показывает, что раньше лирический герой находил для себя интересной и, возможно, даже забавной «веселую любовь», ту самую любовь – *lūdus* по Аристотелю – гедонистическую любовь-игру, которая не отличается глубиной чувства – пока не полюбил по-настоящему и пока всё кардинально не изменилось. Этот смысл филигранно передан Чистяковым.

Обратимся к лексической единице «милая», которая в эпоху жизни Пушкина имела значение «возлюбленная». Стоит отметить различный подход переводчиков к передаче этого слова на английский язык: Чистяков использует словосочетание “dear pet”, которое в английской лингвокультуре используется в неформальной обстановке и преимущественно в устном общении, в то время как Кнеллер выбирает литературный вариант слова «милая» – “cherished” – «любимая». Если обратиться к словарю Collins Dictionary [Collins English Dictionary], то мы увидим: в качестве дефиниции слова “cherished” дана не менее литературная лексическая единица “treasured” – «драгоценная». Та-

ким образом, Кнеллер подчеркивает отношение лирического героя к своей возлюбленной – она не просто «милая», она «драгоценная, подобна сокровищу».

Анализируя строку «Кто раз любил, уж не полюбит вновь», стоит отметить, что Кнеллер переводит эту фразу практически дословно “Who once felt love will never love again” – «Тот, кто однажды испытал любовь, никогда не полюбит снова», в то время как Чистяков в поисках новых смыслов в произведении передает это следующим образом: “Who loved once is gratified enough”, что при обратном переводе означает «кто любил хотя бы раз уже счастлив». Вновь Вячеслав Чистяков делает акцент на эмоциональной составляющей при прочтении, используя эмоционально окрашенную лексику и придавая тексту новый смысл. Безусловно, мы не можем отрицать, что перевод Кнеллера является также адекватным, но восприятие оригинала будет совершенно разным при прочтении перевода Кнеллера и перевода Чистякова.

Далее, интерес представляет перевод лексической единицы «счастье» (табл. 4) – «чувство и состояние полного, высшего удовлетворения» [Ожегов: 943].

Чистяков передает «счастье» посредством словосочетания “soul treasures”, что при обратном переводе означает «сокровища души». Безусловно, в осознании счастья любить и быть любимым в ответ заключается ценность, но под «сокровищами души» в русской лингвокультуре обычно подразумевается нечто иное – душевные качества, духовное развитие человека, но не пушкинское «счастье». Говоря о переводе Кнеллера, стоит отметить, что английское слово “bliss” – «блаженство, счастье», относящееся к возвышенной лексике, – подобрано достаточно грамотно. Если мы обратимся к словарю Cambridge Dictionary, мы увидим, что у слова “bliss” есть следующая дефиниция: “perfect happiness” – «совершенное счастье» [Cambridge English Dictionary], что отражает значение русского словосочетания «высшее счастье».

Согласно словарю Ожегова, слово «блаженство» определяется как «полное и невозмутимое счастье; наслаждение» [Ожегов: 943]. Чтобы подчеркнуть «краткий миг» блаженства, Кнеллер выбирает для своего перевода фразу “moment’s happiness” – «счастье мгновенья», в то время как Чистяков акцентирует внимание не столько на быстротечности блаженства, сколько на самом ощущении, которое

является новым и волнующим – об этом свидетельствует дефиниция слова “fresh”, взятая из Collins Dictionary – “If you describe something as fresh, you like it because it is new and exciting” – «Если вы описываете что-то как новое, вам это нравится, потому что это что-то ранее не было испытано и является захватывающим» [Collins English Dictionary]. Вероятно, тот факт, что Вячеслав Чистяков является в первую очередь писателем, отражается на его переводах в стремлении усилить эмоциональный эффект от прочтения произведения.

Если вернуться к оригиналу стихотворения, то мы обнаруживаем, что, как это обычно бывает с ключевыми словами культуры, ни одно из слов, выбранных переводчиками, не может в полной мере передать значения пушкинского существительного «уныние», которое, согласно словарю Ожегова, определяется как «безнадежная печаль; гнетущая скука» [Ожегов: 943]. Вячеслав Чистяков использует слова “affliction” – «бедствие, несчастье» и “despondency” – «уныние, упадок духа», имеющие схожее значение – «сильное чувство несчастья, вызванное трудностями, которые человек, по его мнению, не сможет преодолеть». Очевидно, что переводчик в очередной раз усиливает и без того эмоционально окрашенную лексику русского языка.

В то же время Андрей Кнеллер переводит «уныние» как “apathy” – «апатия, вялость» и “grief” – «горе, печаль, скорбь», однако в английской лингвокультуре эти слова не являются синонимами, так как слово “apathy” отражает отсутствие эмоций, заинтересованности и желания взаимодействовать с кем-то, а лексическая единица “grief” имеет дефиницию глубокого страдания, вызванного тяжелой утратой кого-либо по причине смерти. Поскольку для лирического героя отсутствие взаимности или утрата расположения от возлюбленной подобно смерти любви, и, соответственно, чувства, которые он испытывает, подобны чувствам скорбящего, использованная Кнеллером лексика наиболее точно отражает смысл строк, заложенный Александром Сергеевичем.

Далее обратимся к переводческим трансформациям, использованным Андреем Кнеллером и Вячеславом Чистяковым. Вячеслав Чистяков использует переосмысление при переводе строки «Не спрашивай, зачем унылой думой» – “You wander why I am very often shaded”. Словосочетание «часто омрачен» пе-

Таблица 4

Перевод третьей строфы стихотворения

Оригинал	В. Чистяков	А. Кнеллер
Кто счастье знал, уж не узнает счастья. На краткий миг блаженство нам дано: От юности, от нег и сладострастья Останется уныние одно...	You cannot renovate your soul treasures , A want of a fresh happiness is vain – Of youth sensuality, of bliss and pleasures Affliction and despondency remain.	Who once felt bliss , no more will feel its essence, A moment’s happiness is all that we receive: From youth, prosperity and joyful pleasance, All that is left is apathy and grief ...

реведено Чистяковым с помощью модуляции – “with a depressing thought” – «гнетущей мыслью омрачен».

При переводе строки «Я разлюбил веселую любовь» Андрей Кнеллер использует описательный перевод – “why I don’t love the love that pleased me then” – «почему мне не мила та любовь, которая радовала меня раньше» – чтобы передать пушкинскую «веселую любовь».

Строка «кто раз любил, уж не полюбит вновь» переведена посредством полного перевода у Вячеслава Чистякова и методом частичного перевода у Андрея Кнеллера. Кроме того, строка «кто счастье знал, уж не узнает счастья» переведена Чистяковым с помощью переосмысления, а Кнеллером – частичного перевода.

Обращаясь к переводу строки «Останется уныние одно», стоит отметить, что оба переводчика использовали прием добавления и компенсации, о чем свидетельствует соответствие лексической единицы «уныние» – английским словосочетаниям «affliction and despondency» и “apathy and grief”.

Подводя итоги проведенного исследования, стоит отметить, что к элегии Пушкин, вслед за В.А. Жуковским, обратился в 1816 г., но элегия как жанр актуальна и в наше время, ведь мотивы неразделенной любви и уходящей молодости, подчиненные философско-психологической концепции, всегда были и будут вечными темами для вдохновения писателей, поэтов и музыкантов. Более того, элегия «К *** (Зачем унылой думой)» представляет особый интерес в переводческом и лингвокультурном аспекте.

Сравнительный анализ двух переводов элегии показал, что профессиональная деятельность авторов переводов определила некоторые особенности результата их трудов. Так, в переводе Вячеслава Чистякова, в первую очередь писателя, а потом уже переводчика, прослеживается тенденция акцента на эмоциональной составляющей при прочтении стихотворения, что реализуется при помощи использования эмоционально окрашенной лексики. Андрей Кнеллер, профессиональный переводчик, отдающий себе отчет в том, что он как автор перевода не должен замещать собой автора оригинала, обращается крайне осторожно с эмоционально окрашенными лексическими единицами и склонен выбирать относительно нейтральную лексику.

При передаче грамматического своеобразия лирического произведения «К *** (Не спрашивай, зачем унылой думой...)» А.С. Пушкина с русского языка на английский Вячеслав Чистяков и Андрей Кнеллер используют различные приемы и трансформации: переосмысление, модуляцию, описательный перевод, метод частичного перевода, метод полного перевода, прием добавления и компенсации, синтаксическое уподобление, синтаксическую замену.

В результате сравнительного анализа можно сделать вывод, что перевод Андрея Кнеллера оказался более удачен, поскольку переводчик не стремится усилить воздействие своего текста на читателя, используя лексику, которая по своей экспрессивности превосходит лексику пушкинского стихотворения. В переводе Кнеллера чувства, душевное состояние, эмоциональный накал поэтического воспоминания А.С. Пушкина в лирическом произведении выражены просто и эмоционально, переводчику удалось более тонко передать переживания великого русского поэта, таким образом, полученный перевод достаточно приближен к оригиналу.

Список литературы

Источники

The Britannica Dictionary. URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 05.05.2024).

Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 29.04.2024).

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 02.05.2024)

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений. РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 2003. 943 с.

Исследования

Белецкий А.И. Из наблюдений над стихотворными текстами А.С. Пушкина // Избранные труды по теории литературы. Москва: Просвещение, 1964. 490 с.

Боровский Л.М. О переводах стихотворений Пушкина на латинский язык // Временник Пушкинской комиссии. 1970 / под ред. М.П. Алексеева; Академия наук СССР, отд. лит. и яз. Ленинград: Наука, 1972. 140 с.

Ван Лие. Творчество А.С. Пушкина в Китае // Вестник московского университета. Сер. 9: Филология. 2012. № 6. С. 158–166.

Ермакова О.Л. А.С. Пушкин в норвежских переводах // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2019. № 4. С. 149–157.

Кишкин Л.С. Пушкин в переводах Челаковского и других чешских современников // Славянский альманах. 1999. С. 264–269.

Князева М.А. Особенности переводов романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на английский язык Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. и тезисов XIII Междунар. науч.-практ. конф. Минск: БГУ, 2020. С. 2–635.

Крамер В.В. Из истории ранних французских переводов Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1974. С. 115–117.

Кушнина Л.В. Когнитивно-семиотическое пространство перевода // Научно-технические ведомо-

сти СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 39–46.

Нагуманова Э.Ф. К вопросу о переводной множественности поэзии (на материале переводов стихотворений А.С. Пушкина на татарский язык) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (55). Ч. 1. С. 164–167.

Ненарокова М.Р. А.С. Пушкин «Зимняя дорога»: восприятие стихотворения в англоговорящем мире через методику внимательного прочтения // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 22–30.

Ненарокова М.Р. Пушкинский «Арион» на английском языке: к проблеме полноценности переводов // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 4. С. 794–810.

Розенфельд А.З. Новые переводы Пушкина на персидский язык (50–70-е годы) // Временник Пушкинской комиссии. 1985. С. 121–129.

Сафина Г.Ф. Поэтика синхронных переводов на татарский язык стихотворения Пушкина «Деревня» // Вестник ТГГПУ. 2014. № 2 (36). С. 173–176.

Сафина Г.Ф. Множественность переводов лирики А.С. Пушкина на татарский язык // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 3. С. 154–162.

Сафина Г.Ф. Адаптация форм пушкинской лирики в переводах на татарский язык // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2. С. 144–147.

Сингилеев А.Е. Бессониц Солнце! URL: http://samlib.ru/s/singileew_a_e/sun_of_the_sleepless_by_byron.shtml (дата обращения: 16.07.2024).

Старикова Н.Н. Славянский альманах. 1998: А.С. Пушкин в словенских переводах и литературной критике (XIX в.) // Славянский альманах. 1999. С. 228–234.

Тихомирова Ю.А. Современный англоязычный Пушкин: стратегии репрезентации лирики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 29–37.

Томашевский Б.В. А.С. Пушкин / отв. ред. В.Г. Базанов; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. 575 с.

Трыков В.П. Французский Пушкин // Знание. Понимание. Умение: Фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук: науч. журнал Московского гуманитар. ун-та. 2008. № 1. С. 183–190.

Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода (вводная часть). Магадан: СвГУ, 2008. 182 с.

Черемисина-Харрер И.А. В. Набоков – переводчик пушкинской лирики (на материале стихотворения «Зимнее утро») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11 (113). С. 131–135.

Юдина Т.В. Конкурирующие переводы художественной литературы и проблема культурной идентичности переводчика // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2020. № 1. С. 39–51.

References

Beletskii A.I. *Iz nabliudenii nad stikhotvornymi tekstami A.S. Pushkina* [From observations on the poetic texts of A.S. Pushkin]. *Izbrannye trudy po teorii literatury*. [Selected works on literary theory]. Moscow, Prosvshchenie Publ., 1964, 490 p. (In Russ.)

Borovskii L.M. *O perevodakh stikhotvorenii Pushkina na latinskii iazyk* [On translations of Pushkin's poem into Latin]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [The Time of the Pushkin Commission], ed. by M.P. Alekseeva; USSR Academy of Sciences, Department of Literature and Language, Leningrad, Nauka Publ., 1972, 140 p. (In Russ.)

Chaikovskii R.R. *Osnovy khudozhestvennogo perevoda (vvodnaia chast')* [Fundamentals of literary translation. (introductory part)]. Study guide. *Severo-Vostochnyi gos. un-t.* [North-Eastern State University]. Magadan, North-Eastern SU Publ., 2008, 182 p. (In Russ.)

Cheremisina-Kharrer I.A. *V. Nabokov perevodchik pushkinskoi liriki (na materiale stikhotvoreniiia "Zimnee utro")* [V. Nabokov translator of Pushkin's lyrics (based on the material of the poem "Winter Morning")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomskiy State University], 2011, No. 11 (113), pp. 131-135. (In Russ.)

Ermakova O.L. *A.S. Pushkin v norvezhskikh perevodakh* [A.S. Pushkin in Norwegian translations]. *Al'manakh severoevropeskikh i baltiiskikh issledovani.* [Almanac of Northern European and Baltic Studies], 2019, No. 4, pp. 149-157. (In Russ.)

Iudina T.V. *Konkuriruiushchie perevody khudozhestvennoi literatury i problema kul'turnoi identichnosti perevodchika* [Competing translations of fiction and the problem of cultural identity of the translator]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. Ser. 22: The theory of translation, 2020, No. 1, pp. 39-51. (In Russ.)

Kishkin L.S. *Pushkin v perevodakh Chelakovskogo i drugikh cheshskikh sovremennikov* [Pushkin in the translations of Chelakovsky and other Czech contemporaries]. *Slavianskii al'manakh* [Slavic Almanac], 1999, pp. 264–269. (In Russ.)

Kniazeva M.A. *Osobennosti perevodov romana A.S. Pushkina "Evgenii Onegin" na angliiskii iazyk* [Features of translations of A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin" into English]. *Idei. Poiski. Resheniia: sb. st. i tezisov XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Ideas. Search. Solutions: collection of articles and abstracts of the XIII international Scientific and Practical Conference]. Minsk, BSU Publ., 2020, pp. 26-35. (In Russ.)

Kramer V.V. *Iz istorii rannikh frantsuzskikh perevodov Pushkina* [From the history of early French translations of Pushkin]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [The Time of the Pushkin Commission], 1974, pp. 115-117. (In Russ.)

Kushnina L.V. *Kognitivno-semioticheskoe prostranstvo perevoda* [Cognitive-semiotic translation space]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences], 2019, vol. 10, No. 4, pp. 39-46. (In Russ.)

Nagumanova E.F. *K voprosu o perevodnoi mnozhestvennosti poezii (na materiale perevodov stikhotvorenii A.S. Pushkina na tatarskii iazyk)* [On the question of the translational multiplicity of poetry (based on the material of translations of A.S. Pushkin's poems into the Tatar language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2016, No. 1 (55), part 1, pp. 164-167. (In Russ.)

Nenarokova M.R. *A.S. Pushkin "Zimniaia doroga": vospriiatie stikhotvoreniiia v anglogovoriashchem mire cherez metodiku vnimatel'nogo prochteniia* [A. S. Pushkin "Winter Road": the perception of a poem in the English-speaking world through the method of careful reading]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2019, No. 2 (56), pp. 22-30. (In Russ.)

Nenarokova M.R. *Pushkinskii "Arion" na angliiskom iazyke: k probleme polnotsennosti perevodov* [Pushkin's "Arion" in English: on the problem of the translations' usefulness]. *Vestnik RUDN* [Bulletin of the RUDN. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], 2017, No. 4, pp. 794-810. (In Russ.)

Rozenfel'd A.Z. *Novye perevody Pushkina na persidskii iazyk (50-70-e gody)* [New translations of Pushkin into Persian (50-70)]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [The Time of the Pushkin Commission], 1985, pp. 121-129. (In Russ.)

Safina G.F. *Poetika sinkhronnykh perevodov na tatarskii iazyk stikhotvoreniiia Pushkina "Derevnia"* [The poetics of simultaneous translations into the Tatar language of Pushkin's poem "The Village"]. *Vestnik TGGPU* [Bulletin of the TGGPU], 2014, No. 2 (36), pp. 173-176. (In Russ.)

Safina G.F. *Mnozhestvennost' perevodov liriki A.S. Pushkina na tatarskii iazyk* [The multiplicity of translations of A.S. Pushkin's lyrics into the Tatar language].

Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Kazan State University. The series "Humanities"], vol. 151, iss. 3, pp. 154-162 (In Russ.)

Safina G.F. *Adaptatsiia form pushkinskoi liriki v perevodakh na tatarskii iazyk*. [Adaptation of the forms of Pushkin's lyrics in its translations into the Tatar language (the beginning of the twentieth century)]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of KazGUKI], 2014, No. 2, pp. 144-147. (In Russ.)

Singileev A.E. *Bessonits Solntse!* [Sun of the Sleepless!]. URL: http://samlib.ru/s/singileew_a_e/sun_of_the_sleepless_by_byron.shtml (access date 16.07.2024). (In Russ.)

Starikova N.N. *A.S. Pushkin v slovenskikh perevodakh i literaturnoi kritike (XIX v.)* [A.S. Pushkin in Slovene translations and literary criticism (XIX century)]. *Slavianskii al'manakh* [Slavic Almanac], 1999, pp. 228-234. (In Russ.)

Tikhomirova Iu.A. *Sovremennyi angloiazychnyi Pushkin: strategii reprezentatsii liriki* [Modern English-speaking Pushkin: strategies for the representation of lyrics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2013, No. 373, pp. 29-37. (In Russ.)

Tomashevskii B.V. *A.S. Pushkin* [A.S. Pushkin.], ed. by V.G. Bazanov. Leningrad, Izd-vo AN USSR Publ., 1961, 575 p.

Trykov V.P. *Frantsuzskii Pushkin* [French Pushkin]. *Znanie. Ponimanie. Umenie: Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia v oblasti gumanitarnykh nauk: nauchnyi zhurnal Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Knowledge. Understanding. Ability. Fundamental and applied research in the field of humanities: the scientific journal of the Moscow university of humanities], 2008, No. 1, pp. 183-190. (In Russ.)

Van Lie. *Tvorchestvo A.S. Pushkina v Kitae* [The works of A.S. Pushkin in China]. *Vestnik moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 9: Philology], 2012, No. 6, pp. 158-166. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 28.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 107–113. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 107–113. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 811.111'25

EDN VICTPR

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-107-113>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ КЛЮЧЕВЫХ ОБРАЗОВ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА «КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ» В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Рубцов Алексей Андреевич, Донецкий государственный университет, Россия, Донецкая Народная Республика, Донецк, rubtsov.eng@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7217-3512>

Ненарокова Мария Равильевна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Российский университет дружбы народов, Россия, Москва, maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности передачи ключевых образов стихотворения-оды «Клеветникам России» А.С. Пушкина в английских переводах. Цель исследования – произвести сравнительный анализ перевода ключевых образов и стилистических особенностей стихотворения. Материалом исследования выступили 3 перевода на английский язык. В статье анализируются способы трансформации текста и ключевых образов произведения, в частности, сравниваются семантические поля исходных лексем с их английскими аналогами, определяется, как от выбора переводчиком конкретной единицы перевода изменяется тональность произведения, анализируется воздействие исторического контекста и субъективного восприятия переводчиков на переводной текст. В статье рассматривается проблема передачи реалий при переводе поэтического текста. В рамках исследования используются элементы этимологического, сравнительно-исторического, сопоставительного анализов. Передаваемые образы активно подвергаются различным переводческим трансформациям.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Клеветникам России», перевод, образ, трансформация, реалия.

Для цитирования: Рубцов А.А., Ненарокова М.Р. Особенности передачи ключевых образов стихотворения А.С. Пушкина «Клеветникам России» в английских переводах // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 107–113. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-107-113>

Research Article

PECULIARITIES OF THE KEY IMAGES CONVEYING OF A.S. PUSHKIN'S POEM "TO THE SLANDERERS OF RUSSIA" IN ENGLISH TRANSLATIONS

Alexey A. Rubtsov, Donetsk State University, Russia, Donetsk People's Republic, Donetsk, rubtsov.eng@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7217-3512>

Maria R. Nenarokova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Russia, Moscow, maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Abstract. The article deals with the peculiarities of rendering the key images of A.S. Pushkin's poem "To the Slanderers of Russia" in the English translations. The research aims at comparative analysis of the key images rendering and stylistic features of the poem. The research material comprises three English translations. The article analyses the transformation of the text and its key images. In particular, the article compares the semantic fields of the original lexemes with their English equivalents. It is defined how the translator's selection of a particular translation unit affects the tonality of the work. Moreover, the impact of the historical context and the translators' personal perception on the translated text is analysed. The article deals with the problem of transferring realities when translating a poetic text. The study applies elements of etymological, comparative-historical and comparative analyses. The images conveyed are actively undergone various translational transformations. The transferred images are actively subjected to various translation transformations.

Keywords: A.S. Pushkin, "To the Slanderers of Russia", image, translation, transformation, realia.

For citation: Rubtsov A.A., Nenarokova M.R. Peculiarities of the key images conveying of A.S. Pushkin's poem "To the Slanderers of Russia" in English translations. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 107–113 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-107-113>

В XIX в. благодаря активной переводческой деятельности как отечественных, так и зарубежных переводчиков у зарубежного читателя появилась возможность лично ознакомиться с творчеством многих русских писателей и поэтов. Важным фактором в этом процессе является то, что русские писатели сами были активными переводчиками. Например, В. Жуковский внес значительный вклад в перевод произведений Ф. Шиллера, И.В. Гёте, Гомера и Вергилия. И. Бунин переводил Дж. Байрона, Г. Лонгфелло, А. де Мюссе, а А.Н. Островский – М. де Сервантеса и У. Шекспира, чьи переводы стали предметом современных исследований, например, работы Н.К. Ильиной «“The Taming of the Shrew” У. Шекспира в прозаических переводах Н.Х. Кетчера и А.Н. Островского» [Ильина].

Особое внимание исследователей привлекают переводы произведений А.С. Пушкина, одного из самых переводимых русских поэтов. Актуальность современных исследований переводов Пушкина на английский язык обусловлена не только научным интересом, но и практической целью – способствовать расширению знаний о русской литературе в мире.

Исследуемое в данной статье стихотворение Пушкина «Клеветникам России» является одним из наиболее известных стихотворений политической направленности поэта. Оно было написано в ответ на призывы некоторых депутатов французского парламента к военной поддержке польских повстанцев против власти Российской империи. По мнению Ю.М. Лотмана, «Пушкину всегда был свойствен живой интерес к политике», причем «в 1830-е гг. его особенно тревожили внешние отношения России» [Лотман: 149]. Выйдя в печать, стихотворение сразу же вызвало широкий резонанс не только европейского, но и российского общества. Непосредственно после его публикации были выполнены переводы на французский язык такими русскими переводчиками и политическими деятелями, как П.А. Вревский, Н.Б. Голицын, С.С. Уваров. На немецкий язык стихотворение было переведено немецким писателем и славистом Ф. Боденштедтом.

Первым на английский язык стихотворение перевел современник Пушкина англичанин Томас Бадд Шоу (1813–1862). Т. Шоу родился и получил образование в Великобритании, однако большую часть своей жизни прожил в России. Помимо Пушкина он переводил А.А. Бестужева (Марлинского), И.И. Лажечникова. Остальные два перевода были выполнены в течение последнего десятилетия и опубликованы в открытом доступе сети Интернет. Один из них принадлежит Т.С. Рыжовой, кандидату филологических наук, заведовавшей кафедрой английского языка ПсковГУ, тогда как другой современный перевод выполнен переводчиком-любителем В. Четиным.

Знакомство читателя с поэтическим текстом, как правило, начинается с его заголовка. В заголовке «Клеветникам России», Пушкин в некоторой степени опирается на традицию стихотворной эпистолы, то есть поэтического жанра, чрезвычайно распространённого в европейской литературе XVIII–XIX вв. Так, произведение создается в форме послания, имеющего конкретного адресата и соответствующий мотив создания.

Рассмотрим, как был осуществлен перевод заголовка в работах трех переводчиков. Т. Шоу, а затем и Т. Рыжова перевели его как “To the Slanderers of Russia”. В. Четин перевел заголовок как “Ode to defamers of Russia”. В первую очередь обратим внимание на подбор лексической единицы ПЯ к русскому слову *клеветник*. Согласно «Словарю русского языка С.И. Ожегова», клеветник – это «тот, кто клеветает на кого-то», тогда как клевета – «порочащая ложь» [Ожегов: 424]. “Cambridge Dictionary Online” определяет глагол *slander* как “to damage someone's reputation by making a false spoken statement about them” [Cambridge Dictionary Online], а *defame* – как “to damage someone's or something's reputation by saying or writing bad things that are not true” [Cambridge Dictionary Online]. Обе лексемы – негерманского происхождения и восходят к латыни: англ. *slander* от лат. *scandalum* (скандал, то есть публичная громкая ссора), а англ. *defame* от лат. *diffamare* (приставка *dis* выражает сему «разрушение», «отмена», а корень ‘*fama*’ (f) – не только ‘молва’, ‘слух’, но и то же самое, что и современная английская лексема *fame*, то есть слава, почетная известность). Можно заключить, что, хотя на первый взгляд данные две лексемы имеют сходные семантические значения, между ними существует небольшое различие: англ. глагол *slander* можно понимать как желание «клеветников России» устроить громкий скандал, тогда как глагол *defame* выражает стремление «клеветников» лишить Россию её доблестной славы.

Перейдем к анализу переводов непосредственно основной части стихотворения, при этом обратим внимание на первую строку, которая, несмотря на свою краткость, играет важную роль в композиции и смысловом содержании произведения. Именно в первой строфе «*О чем шумите вы, народные витии?*» обнаруживается первое прямое обращение лирического героя Пушкина как ревностного защитника русской идеи и народа к своим идеологическим оппонентам – представителям французского парламента (под которыми обычно понимаются Ж.М. Ламарк, Ж. Лафайет, Ф. Моген).

«Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля» определяет лексему *вития* как «оратор, ритор, краснобай, краснописец, красноречивый словесник, краснослов, речистый человек» [Даль: 510]. Тогда как в «Толковом словаре русского языка» под ред.

Д.Н. Ушакова стоит помета «иронично» [Толковый словарь: 300]. В современном русском языке данное слово перешло в разряд устаревших и книжных.

Рассмотрим, как реализуется перевод обращения «народные витии» в исследуемых переводах:

“*Why rave ye, babblers, so — ye lords of popular wonder?*” [Shaw];

“*What are you shouting there, world orators?*” [Рыжова];

“*What’s that you’re trumpeting about, calumniators?*” [Четин].

Дословно под «народными витиями» Т. Шоу понимает властителей/повелителей народного удивления. Для современного носителя английского языка слово *lord* ассоциируется с лицом, носящим высокий чин и имеющий доступ в круги британской аристократии. Изначально в Средневековый период титул лорда являлся свидетельством о принадлежности к социальному классу феодалов. Более того, до настоящего времени слово *Lord* используется как обращение к Богу в молитве и эквивалентно русскому слову *Господь*. Таким образом, “*lords of popular wonder*” – это люди, обладающие большой властью и противопоставленные народным массам. Также, помимо этого, Т. Шоу расширяет обращение посредством лексического добавления личного местоимения *ye* и существительного *babbler*. Лексема *babbler* ‘болтун, говорун’ является производной от глагола *babble*, что означает “*to talk or say something in a quick, confused, excited, or silly way*” [Cambridge Dictionary Online], который нередко ассоциируется с детским лепетом, то есть высказыванием, пока ещё лишенным смыслового содержания. В свою очередь, выбор переводчиком местоимения *ye* в противовес привычному для современного английского языка местоимению *you* объясняется следующим. В среднеанглийском и ранненоанглийском местоимение *ye* использовалось в форме 2-го л. мн. ч. как при неофициальном обращении к группе знакомых лиц, так и в качестве почетного обращения к группе высших по социальному статусу лиц [Расторгуева: 231]. Следует также отметить, что авторы XIX в. нередко использовали в произведениях данные формы (*ye, thou, thee*), в настоящее время перешедшие в разряд архаичных, для придания тексту большей поэтичности и возвышенности, тогда как в устном дискурсе использовалось местоимение *you*. Так, в переводе Т. Шоу создается антитеза величия и несостоятельности.

В переводе Т. Рыжовой находим лексему “*orators*”, в чем, на наш взгляд, проявляется схожесть семантического значения русскому слову *вития*. Однако для обозначения определения «народный» переводчик использует лексему “*world*”, что несколько расширяет значение лексемы ИЯ и может трактоваться как относящегося ко всему миру. «Народные витии»,

то есть политики в ироничном понимании Пушкина, наделенные народом властью и призванные защищать его интересы, в переводе предстают как самодостаточная глобальная элита.

В. Четин передает обращение «народные витии» посредством единственной, но семантически насыщенной лексемы *calumniator* ‘лжец, клеветник’. В исходном тексте обращение поэта к людям, влияющим на общественное мнение, хотя и не лишённое иронии, сменяется прямым обвинением.

Также в первой строке «*О чем шумите вы, народные витии?*» [Пушкин] лирический герой описывает эмоциональную реакцию своих оппонентов. Шуметь – значит создавать беспокойство, и в переносном смысле – то же самое, что скандалить. Исходная лексема передана следующими аналогами: Т. Рыжова использует стилистически нейтральную лексему *shout* ‘кричать’, В. Четин – напоминающую звук трубы или слона лексему *trumpet*, а Т. Шоу посредством лексемы *rave* подчеркивает неистовство. Из вышеперечисленных лексем глагол *rave* обладает самым сильным семантическим значением, которое можно соотнести с бредом и бессвязной речью: “*to talk irrationally in or as if in delirium, to speak out wildly*” [Merriam-Webster Online].

Примечательно и то, что обращение «народные витии» также возникает и в заключительной части стихотворения: «*Так высылайте ж к нам, витии, / Своих озлобленных сынов: / Есть место им в полях России, / Среди нечуждых им гробов*» [Пушкин], посредством чего автор создает кольцевую композицию стихотворения, выражая свою субъективную оценки исходу данного предприятия:

“*Then send your numbers without number, / Your maddened sons, your goaded slaves*” [Shaw];

“*Why! Send us, then, orators vagrant, / Your sons, whose wickedness you praise*” [Рыжова];

“*Then send your bellicose descendants, / Defamers, over to our place!*” [Четин].

Обратим внимание на то, как переосмысливается фраза «*своих озлобленных сынов*» в работах переводчиков. В варианте Т. Шоу используется лексема *maddened*, что говорит не столько о состоянии озлобленности, сколько безумия. Более того, помимо «*сыновей*» высылаются также и «подстрекаемые рабы» (государства, находящиеся в политической зависимости), о чем свидетельствует добавление переводчиком фразы “*your goaded slaves*”. В переводе Т. Рыжовой «народные витии» (“*orators vagrant*”) восхваляют злодеяния своих сыновей: “*your sons, whose wickedness you praise*” [Рыжова]. В варианте В. Четина «озлобленность» сменяется на «воинственность»: переводчик использует лексему *bellicose* ‘воинствующий’, определяемую как “*wishing to fight or start a war*” [Cambridge Dictionary Online]. Примечатель-

но, что лексема *bellicose* этимологически восходит к латинскому слову *bellum* ‘война’. Однако вместо лексемы «сыновья» переводчик использует лексему “*descendants*”, эквивалентную русскому «потомки».

Ключевое место в произведении занимают рассуждения, упоминания, приводимые аргументы лирического героя, связанные с предпосылками, мотивами сторон и ходом польского восстания 1830–1831 гг. Рассмотрим, как осуществляется передача этнонимов, топонимов и историко-политических событий в исследуемых переводах.

Уже в самом начале Пушкин отмечает событие, волновавшее его и в конечном итоге побудившее к созданию стихотворения: «*О чем шумите вы, народные витии? / Зачем анафемой грозите вы России? / Что возмутило вас? волнения Литвы?*» [Пушкин]:

“*What moves your idle rage? Is 't Poland's fallen pride?*” [Shaw];

“*What made you such indignant – Lithuanian rise?*” [Рыжова];

“*What has enraged you? Lithuanian unease?*” [Четин].

В вышеприведенных вариантах мы видим, что русские переводчики Т. Рыжова и В. Четин передают название данного события дословно, как и в оригинале, тогда как Т. Шоу переосмысливает текст, называя «восстание Литвы» «павшей гордостью Польши». По мнению В.В. Орехова, предыстория польского вопроса восходит «к эпохе существования польско-литовского государства, известного под названием Великого княжества Литовского и существовавшего с XIII в.» [Орехов]. Именно в состав Великого княжества Литовского входят территории современной Юго-Западной России, Украины и Белоруссии. В дальнейшем оно через династический брак объединяется в унию с Польским Королевством, образуя новое государство под названием Речь Посполитая.

Более того, в переводах видно различие в оценке восстания. При передаче слова «волнение» Т. Рыжова использует лексему *rise* ‘восстание’ (от глагола *rise* ‘вставать, подниматься’), В. Четин – лексему *unease* ‘беспокойство, предчувствие беды’, близкую к исходной русской лексеме. В переводе Т. Шоу “*Is 't Poland's fallen pride?*” [Shaw] восставшая сторона характеризуется как вольнолюбивая, но обиженная утратой чувства национального достоинства.

Описывая истоки возникших в прошлом и вспыхнувших вновь распрей, Пушкин акцентирует внимание на родственной связи враждующих сторон, определяя конфликт как семейный, племенной спор: «*Оставьте: это спор славян между собою, / Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою*» [Пушкин]:

“*T is but Slavonic kin among themselves contending, / An ancient household strife, oft judged but still unending*” [Shaw];

“*Calm down: this is Slavs' question – only theirs, / Their old domestic, weighed by fate, affairs*” [Рыжова];

“*Forget it: this is Slavic beef among their kindred, / Domestic ancient squabble, fate has long since figured*” [Четин].

Т. Шоу и В. Четин подчеркивают племенную и кровнородственную связь враждующих народов посредством лексем *kin* ‘родня, род’ (Т. Шоу), *kindred* ‘(кровное) родство’ (В. Четин). Лексема *strife*, которую использует Т. Шоу, свидетельствует об агрессивных и насильственных разногласиях, так как *strife* может определяться как “very angry or violent disagreement between two or more people or groups” [Merriam-Webster Online]. В. Четин для описания причины раздора использует употребляемую в разговорной речи стилистически сниженную лексему “*beef*”, которую словарь определяет как “(informal) a complaint”, и которая обозначает ссору и недовольство [Cambridge Dictionary Online]. Также, В. Четин передает «спор» как “*squabble*”, то есть ссора из-за пустяков: “to argue loudly about things that are not important” [Merriam-Webster Online].

Созданная автором антитеза «*Кто устоит в неравном споре: / Кичливый лях, шль верный росс?*» [Пушкин] содержит два этнонима: «лях» и «росс»:

“Which shall stand fast in such commotion, / The haughty Pole, or faithful Russ?” [Shaw];

“Who will withstand in this unequal quarrel – / Conceited Pole or faithful Ross?” [Рыжова];

“Who'll stand the ground when odds are heavy: / A haughty Lech? A faithful Russ?” [Четин].

При передаче первого этнонима *лях* Т. Шоу и Т. Рыжова прибегают к генерализации, используя соответствующее “*Pole*” (‘поляк’), хорошо понятное английскому читателю. Сам этноним «лях» встречается в летописи Нестора для обозначения западнославянских племен [ЭСБЕ]. В дальнейшем ляхами в России исторически называли поляков. Известна также легенда о «Трёх братьях-славянах»: Чехе, Русе и Лехе, последний из которых считался вождем племени полян и основателем польской государственности. В английском языке для обозначения данной народности употребляется этноним *Lechite* ‘лехит’, тогда как имя *Lech* является собственным, описывает вышеупомянутого легендарного князя и не может соотноситься с русским *лях*.

Интересно также проследить, как переводчики осмысливают характерный как для русской, так и для английской литератур архетипический образ моря, символизирующий материнское лоно, истоки славянских народов:

“*Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? вот вопрос*» [Пушкин];

“*And shall Slavonic streams meet in a Russian ocean / – Or that dry up? This is point for us*” [Shaw];

“*Will Slavic streams to the Russian sea all flow? Or it'll get dry? / – One cannot know*” [Рыжова];

“*The question is if Slavic floods will ever / Blend in the Russian sea or it'll reduce*” [Четин].

В отличие от вариантов Т. Рыжовой и В. Четина, в переводе Т. Шоу и так величественный образ «русского моря» заменяется на образ «русского океана», то есть еще больший по своему размеру водоем.

Необходимо отметить, что в поэтической структуре стихотворения Пушкина определенное место занимают также и религиозные образы. Первым из них является упоминание автором анафемы: «*Зачем анафемой грозите вы России?*» [Пушкин]:

“*Why such anathemas 'gainst Russia do you thunder?*” [Shaw];

“*Why do you threaten Russia with anathemas?*” [Рыжова];

“*How come you threaten us with excommunication?*” [Четин].

Слово *анафема* имеет религиозный компонент и в христианстве обозначает «церковное проклятие, отлучение от церкви, отвержение обществом верующих; об. брань, проклятие» [Даль: 41]. В христианском мире, в частности в католицизме и православии, быть преданным анафеме – значит быть отлученным от Церкви и лишиться спасения (принцип христианской экклесиологии «Вне церкви нет спасения», впервые сформулированный Киприаном Карфагенским). Очевидно, под анафемой здесь понимаются угрозы политического характера, направленные против России и означающие её изоляцию от той части цивилизованного мира, который представляют западноевропейские страны.

Т. Шоу и Т. Рыжова в своих переводах сохраняют значение переводной лексемы посредством полного лексического соответствия, используя существительное *anathemas* ‘анафемы’. В свою очередь, В. Четин использует лексему *excommunication* ‘отлучение’, которая может использоваться не только в религиозном, но и в гораздо более широком контексте: изгнание из определенного общества. Слово *excommunication* происходит от лат. *excommunicare*, состоящего из приставки *ex-* ‘вне, из’ и корня *communicare* ‘делить, делать общим’ (ср. лат. *communis* ‘общий’). Онлайн-словарь “Merriam-Webster Online” дает два определения вышеупомянутой лексеме: 1) “an ecclesiastical censure depriving a person of the rights of church membership” и 2) “exclusion from fellowship in a group or community” [Merriam-Webster Online]. Можно сказать, что в религиозном контексте анафема (*anathema*) – это высшая мера отлучения (*excommunication*). Таким образом, в варианте В. Четина как бы стирается религиозный компонент семантики данного выражения.

Ещё один и, пожалуй, самый интересный образ, объединяющий в себе религиозный и политический

мотивы, проявляется в следующих строках: «*За то ль, что в бездну повалили / Мы тяготеющий над царствами кумир / И нашей кровью искупили / Европы вольность, честь и мир?..*» [Пушкин]. Посредством аллюзии Пушкин напоминает своим оппонентам о том, что именно русскому народу и армии принадлежит ключевая роль в освобождении Европы от власти Наполеона I Бонапарта. В то время как многие в Европе ненавидели Наполеона, для других он стал объектом восхищения и предметом для подражания. Так, в литературе можно встретить таких персонажей, очарованных личностью Наполеона, как Жюльен Сорель («Красное и чёрное» М.А. Стендаля), Пьер Безухов («Война и мир» Л.Н. Толстого), Родион Раскольников («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского) и др.:

“*Is it that into dust we shattered / The Dagon that weighed down the earth so wearily? / And our best blood so freely scattered / To buy for Europe peace and liberty?*” [Shaw];

“*Or maybe just because we cast him - / The idol weighing heavily upon all nations? / And paid with blood, just as we are accustomed, / For Europe's peace, its honor and salvation?*” [Рыжова];

“*Respond: because we sent the idol, / Who'd been predominating kingdoms, to abyss, / Thus having paid with our lifeblood / For Europe's freedom, state and peace?..*” [Четин].

Русские переводчики Т. Рыжова и В. Четин подбирают эквивалентную лексему *idol* ‘идол’, которая является заимствованной как в английском, так и русском языках и восходит к греч. εἰδῶλον (*eidōlon*) [Фасмер: 460]. С.И. Ожегов определяет слово *идол* следующим образом: «*Статуя, к-рой язычники поклоняются как божеству, истукан, кумир*» [Ожегов: 365] и «*перен. Кумир, предмет восхищения, преклонения*» [Ожегов: 476]. В данном контексте русская лексема *кумир* обладает тем же значением, что и лексема *идол*, однако этимологически восходит к ст.-слав. *коумирь* [Фасмер: 416]. По мнению исследователей, установить дальнейший источник данной лексемы трудно.

В варианте Т. Шоу происходит целостное преобразование: лексема *идол* заменяется на имя собственное *Дагон*. Современному читателю образ Дагона как подводного чудовища может быть знаком прежде всего по рассказам Г.Ф. Лавкрафта. Тем не менее Дагон – это божество, которое встречается в мифологии финикийцев, ханаанцев и шумеров. Являясь богом плодородия, рыболовства и зерна, Дагон часто изображался в виде получеловека-полурыбы. В Ветхом Завете упоминания о Дагоне встречаются в «Книге Судей Израильских» и «Первой книге Царств», в которых он упоминается как главное божество филистимлян [Еврейская энциклопедия: 914–916]. С позиции иудеев, исповедующих моно-

теистическую религию, поклонение Дагону являлось идолопоклонством. Более того, согласно повествованию «1-й книги Царств» (глава 5), захватив у потерявших поражение израильтян Ковчег Завета, филистимляне перенесли его в Азот, во святилище Дагона. Подобно тому, как статуя Дагона была повержена два раза (окончательно во второй раз), так и Наполеон I Бонапарт отрекся от престола два раза, а остаток своей жизни провел в ссылке на острове Святой Елены.

Вдобавок, в вышеупомянутой части стихотворения, говоря о самоотречении и жертве, которую принесла Россия на алтарь европейской свободы, Пушкин использует фразу «нашей кровью искупили» [Пушкин]. Искупление в христианстве – основной догмат, согласно которому человек получает освобождение от греха и обретает вечную жизнь с Богом через жертву Иисуса Христа, его смерть (пролитую кровь) и воскресение. С лингвистической точки зрения слово ‘искупление’ основывается на семантике «покупать», что предполагает процесс обмена между сторонами за какие-то ценности.

Примечательно, что все три переводчика для передачи фразы «кровью искупили» используют словосочетания, основанные на глаголе *pay* ‘платить’ в связке с существительными *blood* ‘кровь’ (Т. Шоу и Т. Рыжова) или его производным *lifeblood* ‘кровь’ (В. Четин). В варианте Т. Шоу это не просто кровь, а «лучшая кровь», то есть выдающиеся представители русской нации, что является метафорой, созданной самим переводчиком; и эта «кровь» была пролита в огромном количестве, о чем свидетельствует наречие *freely* ‘много, обильно’: “*And our best blood so freely scattered / To buy for Europe peace and liberty?*” [Shaw]. Помимо этого, в варианте Т. Рыжовой читатель обнаруживает, что переводчик модифицирует исходный текст, добавляя фразу “*just as we are accustomed*” [Рыжова], подразумевающую неоднократное вовлечение России многими европейскими странами в свои военные конфликты. Следует отметить, что в английском языке наиболее близкой к исходной лексеме *искупление* является лексема *redemption* (от глагола *redeem*), которая предполагает не только выкуп чего-то (повторная покупка), но и включает в себя религиозный компонент: “*(especially in Christianity) an occasion when someone is saved from evil, suffering, etc.*” [Cambridge Dictionary Online].

Одной из существенных трудностей, с которой сталкивается переводчик, является перевод реалий. Под реалией понимается слово или выражение, которое отражает специфику культуры ИЯ, не имеющее прямого аналога в культуре ПЯ и, следовательно, не обладающее таким языковым соответствием.

В исходном тексте встречается 3 реалии русской культуры: «Кремль», «русский царь» и «старый бога-

тырь». Если при переводе первых двух реалий у переводчиков не возникло сложностей в подборе основанных на транслитерации соответствий благодаря тому, что данные реалии вошли в английский язык и устоялись в нем (рус. *Кремль* – англ. *the Kremlin*, рус. *царь* – англ. *tsar*), сохраняя свою национально-культурную специфику, то при передаче реалии *богатырь* переводчики прибегли к различным решениям: «*Иль старый богатырь, покойный на постеле, / Не в силах завинтить свой измайловский штык?*» [Пушкин]:

“*Or is the hero, now reclined in laurelled quiet, / Too weak to fix once more Izmail's red bayonet?*” [Shaw];

“*Or do you think the ancient bogatyr is on his couch at peace, / No longer having power at all to mount his Turkish bayonet?*” [Рыжова];

“*As if an aged hero, calm in relaxation, / Can't fix his Ismailian bayonet to a gun?*” [Четин].

Русскому читателю еще с ранних лет известно, что богатырь – «герой русских былин, совершающий воинские подвиги» [Ожегов: 92], мужчина крепкой физической силы, освободитель русских земель. В этом отношении Т.С. Рыжова в своем переводе руководствуется стратегией форенизации и подбирает заимствованную и основанную на транскрипции лексему *bogatyr*: “*one of the legendary medieval heroes of Russia*” [Merriam-Webster Online], что сохраняет национальный колорит. Однако в таком случае английскому читателю, незнакомому с данным понятием, приходится обращаться к словарю. Другой стратегии придерживаются В. Четин и Т. Шоу: у них передача русской реалии осуществляется посредством английского аналога “*hero*”. Лексема “*hero*” – рус. ‘герой’ имеет более широкий спектр значений и может обозначать не только эпического персонажа, выдающегося воина, но и в современном понимании человека, положительно отличившегося в обществе.

Согласно аналитическому сервису «Google Ngram Viewer», самые первые случаи употребления словоформы *bogatyr* в английском языке фиксируются в начале 1850-х гг., а пик употреблений приходится на начало XX в. Исходя из этого, можно предположить, что выбор Т. Шоу объясняется как попытка поиска нужного соответствия, а выбор В. Четина – как стремление к стратегии доместикации, причем отчасти переводчик теряет национальную специфику реалии.

Перевод стихотворения Пушкина «Клеветникам России», насыщенного сильными эмоциями и патристическим пафосом, представляет собой непростую задачу для переводчика. Таким образом, на основании проведенного нами исследования было установлено, что при передаче ключевых образов каждый переводчик по-своему осмысливает оригинал, что проявляется как в подборе достаточно близких семантически, но при более детальном изучении обладающими существенными различиями на уровне смысла аналогов

ПЯ, так и посредством намеренной трансформации переводного текста, исходя из своей субъективной оценки и исторического контекста. Это прослеживается в переводе заглавия, исторических событий и реалий, религиозных образов, которые в зависимости от способов и стратегии, используемых конкретным переводчиком, влияют на процесс читательской рецепции оригинала.

Список литературы

Источники

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртене. Санкт-Петербург; Москва: Тип. Товарищества М.О. Вольф, 1903. Т. 2. 1724 стб.

Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем Т. 6. Санкт-Петербург: О-во для науч. евр. изд. Брокгауз-Ефрон, 1910. 497 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. Москва: Мир и Образование, 2019. 1376 с.

Пушкин А.С. Клеветникам России / пер. на англ. В. Четин. URL: <https://stihi.ru/2014/04/18/1325> (дата обращения: 17.05.2024).

Пушкин А.С. Клеветникам России / пер. на англ. Т. Рыжова. URL: <https://stihi.ru/2022/06/19/7353> (дата обращения: 17.05.2024).

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 14 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом), 1950. Т. 3. 552 с.

Русский биографический словарь. Т. 22: Чаадаев – Швитков / под ред. А.А. Пловцова. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. С. 550–551.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935. Т. 1. 1562 стб.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. Москва: Прогресс, 1986. 672 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 18. Лопарди – Малолетние преступники. Санкт-Петербург: Тип.-лит. И.А. Ефрона, 1896. 480 с.

Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 18.05.2024).

Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 19.05.2024).

The Oxford Dictionary of English Etymology, ed. by C.T. Onions. Oxford, Oxford University Press, 1966, 1024 p.

Исследования

Ильина Н.К. «The Taming of the Shrew» У. Шекспира в прозаических переводах Н.Х. Кетчера

и А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № S. С. 51–58.

Капустина С.В. К вопросу о переводе единиц концептосферы Н.В. Гоголя: «Богатырство» или «heroism»? // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 16–33. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-16-3>

Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя; Статьи и заметки. 1960–1990. Евгений Онегин: Комментарий. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2003. 847 с.

Орехов В.В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71), № 3. С. 69–88.

Расторгуева Т.А. История английского языка: учебник. Москва: Изд-во Астрель: Изд-во АСТ, 2003. 348 с.

References

Il'ina N.K. "The Taming of the Shrew" U. Shekspira v prozaicheskikh perevodakh N.Kh. Ketchera i A.N. Ostrovskogo ["The Taming of the Shrew" by W. Shakespeare in prose translations by N.H. Ketcher and A.N. Ostrovsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma state university], 2023, vol. 29, No. S, pp. 51-58. (In Russ.)

Kapustina S.V. K voprosu o perevode edinitov kontseptosfery N.V. Gogolia: "Bogatyrstvo" ili "heroism"? [On the issue of translating units of the concept sphere N.V. Gogol: "heroism" or "heroism"?]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2023, vol. 5, No. 4, pp. 16-33. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-16-3>. (In Russ.)

Lotman Iu.M. *Pushkin. Pushkin. Biografiia pisatel'ia; Stat'i i zametki. 1960–1990. Evgenii Onegin: Kommentarii* [Pushkin. Pushkin. Biography of the writer: Articles and notes. 1960–1990. Evgeny Onegin: Comment]. SPb, Iskusstvo-SPb Publ., 2003, 847 p. (In Russ.)

Orekhov V.V. "Klevetnikam Rossii": avtorskaia pozitsiia i literaturnaia reputatsiia ["To the Slanderers of Russia": the author's position and literary reputation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philological sciences], 2019, vol. 5 (71), No. 3, pp. 69-88. (In Russ.)

Rastorgueva T.A. *Istoriia angliiskogo iazyka* [History of the English Language]. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2003, 348 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

ФРАЗЕОЛОГИЯ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ КОСМИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (с использованием материалов словаря «Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв.»)

Мелерович Алина Михайловна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, amelерович@mail.ru

Мокиенко Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, mokienko40@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Якимов Александр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, aleyakim@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6269-094X>

Аннотация. Статья посвящена изучению фразеологии, репрезентирующей космический хронотоп в пространстве русской поэтической картины мира в дискурсе поэзии XIX–XXI вв. на материале концептуальной парадигмы «человек – земной шар – космос». Рассматриваются особенности системной организации, своеобразие концептообразующего и стилиобразующего функционирования основных компонентов выявленной концептуальной парадигмы в контексте отдельных поэтических произведений и в границах определенного поэтического дискурса, представленного в словаре «Фразеологизмы в русской поэзии» (СФРП) рядом стихотворений поэтов XIX – начала XXI вв., теми произведениями, в которых данная концептосфера получила образное и философски обобщенное выражение. Особо рассматривается поэтическое воплощение нашедших образное отражение в данном поэтическом дискурсе основных идей, на базе которых группируются анализируемые фразеологические обороты: идея антропоцентризма, идея бессмертия и жизни в вечности, идея посмертного награждения человека бессмертием за его земные подвиги, идея подвижничества природы поэтического вдохновения.

Ключевые слова: антропоцентризм, вечность, белый свет, подлунный мир, земной шар, солнечный шар, Млечный Путь, поэтический хронотоп, поэтическая фразеология, поэтический дискурс, космический хронотоп, поэтическая картина мира, категории пространства и времени, концептуальная парадигма, концептосфера, космос, Вселенная, сферическое пространство.

Благодарности: Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

Для цитирования: Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е. Фразеология, репрезентирующая космический хронотоп в пространстве русской поэтической картины мира (с использованием материалов словаря «Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв.») // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 114–132. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-114-132>

PHRASEOLOGICAL UNITS REPRESENTING COSMIC CHRONOTOPE
IN THE RUSSIAN POETIC WORLDVIEW
(including the materials from the dictionary „Phraseological units
in the Russian poetry of the 19th – 21st centuries“)

Alina M. Melerovich, Doctor of Philology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, amelerovich@mail.ru

Valerij M. Mokienko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, mokienko40@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Alexander Y. Yakimov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, aleyakim@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6269-094X>

Abstract. This article is devoted to the study of phraseological units that represent the cosmic chronotope in the Russian poetic world view in the poetry discourse of the 19th – 21st centuries, based on the conceptual paradigm “human – globe – space”. The article considers the peculiarities of the system organisation, the originality of the concept-forming and style-forming functioning of the main components of the conceptual paradigm within the context of some particular poetry and within a certain poetic discourse, presented by a number of poems of the 19th – early 21st centuries in the dictionary “Phraseological Units in Russian Poetry”. The choice of poetry is determined by a descriptive and philosophically generalised expression of the concept. The biggest attention is paid to the way the main ideas, that are figuratively reflected in this poetic discourse, are realised. The considered phraseological units are grouped around the following ideas – anthropocentrism, immortality and life in eternity, posthumously reward for a person’s lifetime exploits, ascetic nature of inspiration.

Keywords: anthropocentrism, eternity, wide world, sublunar realm, globe, solar globe, Milky Way, poetic chronotope, poetic phraseology, poetic discourse, cosmic chronotope, poetic worldview, categories of space and time, conceptual paradigm, conceptsphere, space, universe, spherical area.

Acknowledgments: The research is being carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00252, implemented at St. Petersburg State University) “Biblical Heritage of East Slavic Languages in Linguocultural and Lexicographical Interpretation (Large Russian-Belarusian-Ukrainian-Rusyn Dictionary of Biblical Words)”

For citation: Melerovich A.M., Mokienko V.M., Yakimov A.Y. Phraseological units representing cosmic chronotope in the Russian poetic worldview (including the materials from the dictionary „Phraseological units in the Russian poetry of the 19th – 21st centuries“). *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 114–132 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-114-132>

Исследование языкового строя поэтических произведений в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах выявляет особенности преломления различных фрагментов картины мира этноса, социума, индивида в семантическом пространстве поэзии, ведёт к обнаружению языковых образов, наиболее рельефно отражающих поэтическую картину мира. Категории «Пространство» и «Время» являются важнейшими составляющими картины мира, ключевыми концептами культуры, вербализуемыми лексикой, фразеологией, запечатленными в грамматике языка. Все явления действительности, всё сущее в мире воспринимается сквозь призму концептуальной модели времени, нашедшей отражение в системах языковых знаков и форм. Время неотделимо от пространства. Постигая и осваивая пространство, человек «находит себя в нём, т.е. начинает творить по образу и подобию пространственных форм» [Трессидер: 331]. Любой художественный текст образует упорядоченный мир, обладая своим особым хронотопом, своими временными и пространственными параметрами. По М.М. Бахтину, сущность хронотопа определяется неразрывностью времени и пространства: время

в художественном тексте «сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же <...> втягивается в движение времени, сюжета, истории» [Бахтин: 10].

В языковых моделях хронотопа нашли яркое отражение признаки антропоцентричности: «Жизнь человеческая просматривается сквозь призму модели времени: *утро жизни* (о юности), *закат жизни* (о старости) и под.» [Маслова: 74].

Среди микросистем, организующих пространство русской поэтической картины мира, особое место принадлежит концептосфере, репрезентирующей космический хронотоп, наиболее ярко представленный концептуальной парадигмой, условно обозначаемой наименованиями основных её констант: «человек – земной шар – космос (Вселенная)». Данная концептосфера служит выражению космического мироощущения, идеи сопричастности человека космическому пространству и времени.

Рассмотрим особенности системной организации, своеобразие концептообразующего и стилообразующего функционирования основных компонентов выделенной концептуальной парадигмы в контексте

отдельных поэтических произведений и в границах определённого поэтического дискурса, представленного в словаре «Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв.» стихами Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Мандельштама, Окуджавы, Левитанского, Высоцкого и др. – теми поэтическими произведениями, в которых данная концептосфера получила наиболее наглядно-образное и философски обобщённое воплощение.

Так, в поэтическом дискурсе ФЕ *во время оно*, отражая идею изначальности существования явлений, передаёт неразрывную связь времён. См. следующие употребления ФЕ *во время оно* в стихах Л. Миллер:

И сыплются, сыплются с тополя, с клена
Осенние листья *со времени она*,
И каждый по ветру летит, окрылён...
«И лист, покружившись, летит с паутины...»

Все эти времена лихие,
Все времена,
Как листья прошуршат сухие.
На письма
Похож узор на листьях клёна.
Роняет клён
И нынче, как *во время оно*,
Поток письмён.

«Все эти времена лихие...»

В представленных поэтических контекстах оборот *во время оно* (*со времени оно*) выражает концептуальное содержание «с незапамятных времён, ныне и навсегда». Вариант *со времени она* в стихотворении кажется поэтической инновацией. Тем не менее он в какой-то мере – рефлекс системы склонения старославянского местоимения *оно* ‘то’, имевшего формы *он, она, оно; оный, она, оно*. Ср. *в оны дни* и другие подобные устаревшие выражения. В Евангелии *во время оно* значит ‘в то время’.

В стихотворении «Все эти времена глухие...» сравнение узора листьев клёна с «потокотом письмён» глубоко символично: здесь образ «потокотом письмён» создаёт аллюзию на изначальные смыслы-символы мироздания. Ср. с употреблением ФЕ *во время оно* в стихотворении «Сказка» (роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго») в контексте фразеологической конфигурации, создающей сказочно-мифологический хронотоп:

Встарь, *во время оно*,
В сказочном краю
Пробирался конный
Степью, по репью.

Он спешил на сечу,
А в степной пыли

Тёмный лес навстречу
Вырастал вдали.

Здесь время и место действия – «неопределённо далёкое прошлое и некий “сказочный край”» [Власов: 49].

В стихах современного поэта и философа А.И. Аргутинского-Долгорукого нашла отражение созданная им «Философия планетаризма», поэтическая версия которой связана с идеями многопланетной цивилизации землян, развитием планетарного сознания [Аргутинский-Долгорукий]. В стихах Аргутинского-Долгорукого представлен вневременной хронотопический план *вечности* как вбирающий в себя земное время и позволяющий «взглянуть на то, что происходит в истории, извне, т. е. с метаисторической точки зрения» [Волков, Поликарпов: 190].

Рассмотрим примеры употреблений ФЕ *альфа и омега*, играющей ключевую роль в создании вневременного, космического хронотопа в ряде стихотворений Аргутинского-Долгорукого:

В темно-синей душе латимерий
Так безоблачен, юн океан...
И с улыбкою зрит капитан
Смутный образ отпавших империй.
<...>

Победитель над родом своим,
Где же *альфа твоя и омега*?
Думу думает он – нелюдим
И последним ступает с ковчега.

«Победитель»

Здесь оборот *альфа твоя и омега* обозначает основы жизни человека, его индивидуального существования. Он употреблён в контексте, характеризующем вневременное существование «победителя над родом своим» – капитана, одиноко странствующего в бескрайнем космосе, живущего вне законов земного времени и пространства. Ср. со следующим употреблением данной ФЕ:

Что не спишь, мой товарищ пилот?
Кончился тяжкий удел ожидания –
вот и летит за предел обитания
смело влекомый тобой звездолёт!
<...>

Альфой, омегой нашего братства –
тот дорогой и единственный тост:
за небожителей этого царства –
воспоминание Солнца и звезд.

«Что не спишь, мой товарищ пилот?...»

Под «*альфой, омегой нашего братства*» подразумеваются основы духовного единения пилотов звезд-

долёта, покидающего «предел обитания», свою Галактику, пространство «небожителей этого царства», которое для пилотов – исследователей Вселенной остаётся лишь «воспоминанием Солнца и звёзд».

В следующей фразеологической конфигурации оборот *меж альфой и омегой* обозначает межзвёздное пространство Вселенной, в «кругопространстве» которого вселенский хаос («Хаос-бог») «запер звездолёт»:

Напрасно мозг мой ищет снисхожденья
и мысль высокая волнуется вотще,
на дерзкий зов, на взлет стихотворенья
лишь ветхий миф откликнется в душе.

Сангвиник Ной командует ковчегом,
астрофилософ нить свою прядет,
но Хаос-бог *меж альфой и омегой*
в кругопространстве запер звездолет.

«Напрасно мозг мой ищет снисхожденья...»

Примечательно, что здесь обозначается пространство вселенной, её форма – «кругопространство», а космический, вневременной хронотоп проступает сквозь призму восприятия землян, в котором философско-гносеологический план сопоставляется с мифологическим – «сангвиник Ной командует ковчегом» и земной *астрофилософ* уподоблен персонажам древнегреческих мифов мойрам, прядущим нить человеческой жизни.

В рассмотренных употреблениях присутствует архетипический хронотоп, обусловленный актуализацией внутренней формы ФЕ *альфа и омега*. Источник этого выражения – библейская новозаветная книга «Откровение Иоанна Богослова» (Апокалипсис): «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, – говорит Господь» (Откр. 1: 8); «Я есмь Альфа и Омега, первый и последний» (Откр. 1: 10). Символика оппозиции «первый: последний» связана с названием первой (α «альфа») и последней (ω «омега») букв греческого алфавита. Употребляясь вместе, *альфа и омега* символизируют единство, целостность пространства, времени и духа. При характеристике архетипического хронотопа мы опираемся на положение М. Бахтина, согласно которому «хронотопичен всякий художественно-литературный образ. Существенно хронотопичен язык как сокровищница образов. Хронотопична внутренняя форма слова, то есть тот опосредующий признак, с помощью которого первоначальные пространственные значения переносятся на временные отношения (в самом широком смысле)» [Бахтин: 185]. В рассмотренных употреблениях ФЕ *альфа и омега* такой перенос осуществляется в контексте фразеологических конфигураций. При этом, как можно заметить, древняя алфавитная

символика данного выражения в поэтическом контексте «возносится» до космических высот. И это не случайно, ибо в астрономии уже давно она используется для обозначения ярких звезд – ср. *Альфа Центавра*, *а Центавра* – тройная звёздная система в созвездии Центавра или *Альфа Водолея*, или Садалмелик, – вторая по яркости звезда в созвездии Водолея.

В поэзии находит отражение циклическое время, соответствующее космологическому сознанию. См., например, крылатую фразу *Всё возвращается на круги своя* («Всё в природе повторяется, возобновляется; происходит снова, заново; всё когда-то начнется вновь»), восходящую к Библии (Еккл. 1: 6). В соответствующем месте Библии имеется в виду ветер, дующий сначала на юг, потом на север и затем – вновь возвращающийся на то место (свои круги), с которого он начинал дуть.

В стихотворении В. Высоцкого «Я вам расскажу про то, что будет...» воспроизведен архетипический образ данного выражения, служащий основой представления о далёком будущем Земли как о возвращении к её изначальному состоянию:

Я вам расскажу про то, что будет,
Вам такие приоткрою дали!..
Пусть меня историки осудят
За непонимание спирали.
Возвратятся на свои на круги
Ураганы поздно или рано,
И, как сырмятные подруги,
Льды затянут брюхо океану.

В контексте стихотворения Ю. Левитанского «Окрестности, пригород – как этот город зовется...» оборот *нельзя возвращаться на круги* приобретает глубоко индивидуализированное концептуальное содержание, передавая одновременно невольное стремление возврата к прошлому и осознание тщетности этого стремления, его неосуществимости:

Чего мы тут ищем? У нас опускаются руки.
Нельзя возвращаться, нельзя возвращаться на круги...
Мы с прошлым простились, и незачем дальше прощаться.
Нельзя возвращаться на круги, нельзя возвращаться.

Здесь оборот *нельзя возвращаться на круги* служит созданию философско-психологического хронотопа, абстрагированного от архетипического образного плана данного выражения.

В употреблениях ряда фразеологизмов в поэзии наблюдаются трансформации, отражающие взаимозамену и совмещение в их смысловом содержании временных и пространственных понятий. Ср., например: *за тридцать земель и за тридцать лет* (В. Солоухин), *из-за тридцать буйных ве-*

ков (С. Городецкий), за тридевять земель и двадцать лет (М. Цветаева); *старый шар земной* (В. Луговской). На базе автономно осмысленных компонентов ФЕ *танцевать от печки*, внутренняя форма которой включает сему пространства, в стихотворении Б. Слуцкого «Танцы» создан оборот *танец новейший от печки, которую сложат в тридцатом столетье, быть может*, служащий символом обновленного мировосприятия, предвосхищающего будущее.

Парадигма «человек – земной шар – космос (Вселенная)» в поэзии основана на представлении о неразрывном единстве мира природы и духовного мира человека. Стремление найти место человека в пространстве Вселенной всегда являлось для поэтов важнейшим стимулом своего собственного открытия мира, его творческого познания и освоения.

Неслучайно поэтому концепты «Время» – «Пространство» во фразеологии представлены чрезвычайно многообразно, отражая их в дальнобойной ретроспективе [Мокиенко 1990; Мокиенко 2005]. Концепт «Время» при этом многогранно отразился в метафорике и особенно – в идиоматике и паремииологии многих народов. В русской фразеологии, например, такие обороты (частично интернациональные), как *время не ждёт, час пробил, денно и ночью, сутки напролёт, от зари до зари* и мн. др. составляют значимую долю общего фразеологического фонда [Мокиенко 2005: 6–95].

Пространственная модель мироздания, созданная языковыми образами русской поэзии, наиболее рельефно выявляется в образах, отражающих сферическую форму космоса, небесных тел, их круговое, вращательное движение.

В поэзии Ф. Тютчева сферическая форма Солнца, Земли, звезд актуализируется рядом олицетворяющих генетивных метафор – *глава земли, глава солнца, главы звезд*, особенно отчетливо проявляющих мифопоэтическое видение космоса: *Уж солнца раскаленный шар / с главы своей земля скатила* («Летний вечер»); *Уж звезды светлые взошли / и тяготеющий над нами / небесный свод приподняли / своими влажными главами*.

В стихотворении Тютчева «Как океан объемлет шар земной...» сферичность передается рядом фразеологизмов и лексем:

Как океан объемлет *шар земной*,
Земная жизнь кругом объята снами...

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Здесь фразеологизмы, слова, предикативные конструкции, выражающие идею круга, сферы, множат

образы сферичности, создавая целостное, объемное ощущение всеединства космического пространства.

В стихотворении Блока «Шар раскалённый, золотой...» словом *пространство* именуется часть вселенной как арена бытия двух космических шаров – Солнца и Земли, каждый из которых отражает в пространстве свой конус: Солнце – «луч огромный», Земля – «длинный конус тени темной»:

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит *шар другой*.
Таков наш безначальный мир.
Сей конус – наша ночь земная.
За ней опять, опять эфир
Планета плавит золотая...

Первую строфу, представляющую взгляд из космоса, перефразирует вторая, представляющая «наш безначальный мир» одновременно в двух ракурсах – земном и космическом.

Сходная метафора динамически разворачивается в другом стихотворении:

Я вдруг увидел *шар огромный*,
Плывущий в красной тишине.
А. Блок. «Я встал, и трижды поднял руки...»

Образное видение сферического пространства, актуализация образа *земного шара* часто проявляется в характерных для этого фразеологического наименования Земли трансформациях – инверсии и перифразировании, расширении компонентного состава ФЕ *земной шар*, при котором на первый план выступает образ сферы, шара (ср.: *шар, тяжелый шар земной, шар земли*). См., например:

На плоту уплывающем стоя,
Огибая речную излучку,
Древней руны руно золотое
Перекинула я через руку. <...>
И плыла я и пела: «Недаром
Шар земли называется шаром;
Оттого, что земля неквадратна,
Я всегда приплываю обратно».

Н. Матвеева. Песня в песне

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда *тяжелый шар земной*
Не уплывет под нашими ногами.

М. Цветаева. «Мне нравится...»

Движение Земли в космосе наиболее часто передают глаголы *вращаться* и *вертеться*. Движущийся

во Вселенной олицетворенный земной шар метонимически символизирует жизнь человека и человечества:

Покуда в вечной суете
Не надоест Земле *вращаться*,
Всегда рискуешь оказаться
Иль под щитом, иль на щите.
Н. Олев. Прощай, веселый пароход

Шар земной, устав вращаться,
Может вдруг с цепи сорваться,
Иль ко всем чертям взорваться,
Н. Олев. «Превратив живое в тлен...»

В стихотворении Р. Рождественского «Сейчас весна в походе» использован оборот, формулирующий *закон земного шара*, суть которого – в корреляции между скоростью вращения Земли и «яростными пожарами», иносказательно передающими трагические события истории человечества:

Горение, горение! –
Закон земного шара.
И чем Земля быстрее,
Тем яростней пожары...

В стихотворении А.И. Аргутинского–Долгорукого «Странствуют храмы искусства...» отражены «вращения» земного шара и всего сущего на нём:

Странствуют храмы искусства,
где остановится взгляд:
там продвижение густо
или взято наугад?

Вот уж да Винчи, Мурильо,
взгляд в небесах просвещён.
Разума взмахи и крылья –
на перекрестках имён.

И на вращениях шара
сколько священной зари!
Отблески, ритмы пожаров,
выжженных вдоль изнутри.

Свое философское видение законов единства природного мира и земной жизни человека – от первого осознания своего бытия до смерти, «от первого прозрения» «до последней черты» представлено Б. Окуджавой в стихотворении «Всему времечко свое...»:

Всему времечко свое: лить дождю, *земле вращаться*,
знать, где первое прозреньё, где последняя черта.

В стихотворении А. Тарковского «Белый день» представлена образная символика единения челове-

ка со Вселенной, постижение законов мироздания для всего в нем сущего и имеющего быть выражено символическими образами «натяжения шарового» Вселенной и «орбиты круговой» ещё не зачатого ребёнка:

Во вселенной наш разум счастливый
Ненадёжное строит жильё,
Люди, звёзды и ангелы живы
Шаровым натяженьем её.
Мы ещё не зачали ребёнка,
А уже у него под ногой
В никуда выгибается плёнка
На орбите его круговой.

В поэзии афоризмы, основанные на использовании языковых ФЕ, базируются на аллюзии, на ассоциациях с космическим видением земного шара (со взглядом из космоса), с образом вращающейся Земли. Между прочим, символика вращения Земли, столь ярко воспеваемая поэтами, имплицитно синкретизм пространственного концепта с темпоральным: ведь этимологически рус. *Время* и прасл. **vertę* расшифровывается именно как 'коловоращение', 'кружение', 'повторное возвращение', 'вечный оборот' и т. п. Ср. однокоренные глаголы рус. *вертеть*, др.-инд. *vart* 'вертеться', 'кружиться'. В индоевропейской ретроспективе исходным значением славянского обозначения времени могло быть и.-е. **uertmen* 'колесо' или 'орбита', т. е. как движение по кругу [Черных 1993, 1: 171]. Здесь символы макрокосма и микрокосма, объемно-наглядные и предельно индивидуализированные, слиты в нераздельной целостности.

Так, в стихотворении М. Лисянского «В гостях» воспета жизнь *под высокой крышей небосвода*:

жизнь, где в малой капельке нектара
из благоухающих громад
всех цветов и трав земного шара
заклочён волшебный аромат.

Посредством отражения в предельно малом неobjятного и прекрасного, измеряемого масштабами всего *земного шара*, поэт рисует глобальный образ цветущей земной природы.

Философское соположение макрокосма и микрокосма отражается в поэтической картине мира рядом конкретизированных идей, концептов в характерном для поэтического видения их наглядно-образном преломлении.

Метафорическое изображение планеты Земля представлено в стихотворении Р. Рождественского «Ксени». Поэтически осмысленный образ «пронзительного шара земного» символизирует предстоящую каждому человеку перспективу с возрастом постепенно осваивать, «узнавать» земной шар:

Ты пока что не знаешь, как *пронзителен шар земной*. Что такое «светло» – не знаешь. Что такое «темно». Что такое «весна». (Хотя родилась ты весной). Что такое «снег». (Хотя снега полным-полно). Целый час ты живёшь на планете...

Неразрешимое противоречие между доскональным, скрупулёзным изучением земного шара (см. авторский афоризм на основе развёрнутой метафоры: *Распялен шар земной на карты и на схемы*), «своим» открытием мира каждым рождённым на Земле человеком и неизбежностью утраты им этих знаний с приходом смерти отражено в стихотворении В. Шефнера «Старинный пакетбот, погибший в Зейдер-зее...»:

Распялен шар земной на карты и на схемы,
Известны острова и устья дальних рек,
Известны все пути, все пристани, – но *все мы*
Мир открываем вновь, чтоб утратить навек.

В стихотворении Н. Хикмета звучит призыв к освоению земного шара и космического пространства для будущего, для счастья новых поколений:

Дадим шар земной детям, дадим хоть на день,
Дадим, как раскрашенный шарик, пусть с ним играют,
Пусть играют и песни поют среди звёзд.

Фразеологизм рефрена песни «Мы за мир!» С. Туликова на слова А. Жарова (*Не бывать войне-пожару, Не пылать земному шару!*) в СССР стал и до сих пор остаётся одним из ярких и динамичных лозунгов борцов за мир:

Мы за мир! И песню эту
Понесём, друзья, по свету.
Пусть она в сердцах людей звучит.
Смелей, вперёд, за мир!
Не бывать войне-пожару,
Не пылать земному шару!
Наша воля твёрже, чем гранит.

В песне О. Фельцмана на стихи В. Сергеева «Фронтвики, наденьте ордена» используется интertextуальный повтор оборота *не пылать земному шару* (ср. предыдущее употребление ФЕ *земной шар*):

Чтоб *не пылать земному шару* снова,
Солдатской крови пролито сполна...
Чтоб помнил враг урок войны суровой,
Фронтвики, наденьте ордена!

В стихотворении Л. Мартынова «Вознёсся в космос человек» отражена давняя мечта человека об освоении космического пространства, об «овладении» «секретом неба» на благо человечества:

Вознёсся
В космос человек,
Но это вовсе не побег
Из повседневности земной.
Вознёсся
В космос человек,
Секретом неба овладел,
И возвратился человек,
И снова Землю оглядел: –
Напрашивается масса дел!

По моделям земного шара, шара земли в поэзии создаются перифразы *солнечный шар* и *шар солнца*, а также образные индивидуально-авторские перифрастические обороты *шар огневой; огненный шар раскалённый, светило дня, как шар огня* и т. п.

В стихотворении «Тригорское» Н.М. Языков создаёт две поэтические перифразы Солнца:

Бывало, в царственном покое
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит *огневым.*

В стихотворении «Две картины» поэт употребляет перифрастический оборот *светило дня, как шар огня*:

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним *светило дня*
Из синих вод, *как шар огня,*
Встаёт в торжественном покое.

См. также в цитированном стихотворении А. Блока яркие поэтические перифразы Солнца: *шар раскалённый, золотой* и *планета золотая*.

Ярко, зримо представлен перифрастический образ *огненный шар раскалённый* в стихотворении Б. Ахмадулиной:

Светает! И огненный шар раскалённый
встаёт из-за моря... Скорее – знамёна!
Возжаждала воли душа
и, раннею ранью, отвесной тропею,
раненой ланью спеша,
летит к водопою...

Б. Ахмадулина. Скорее – знамёна!

См. также образную перифразу Солнца в стихотворении П. Вяземского «Первый снег»:

*И солнца шар вспылал на своде голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдыстыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.*

В стихотворении А.И. Аргутинского-Долгорукого «Воспоминания о Костроме» употреблён оборот *дымчатый шар неземной* как перифрастический синоним наименования ещё одной планеты Солнечной системы – Луны (Селены). Поэт обращается к Луне от имени её «завтрашних» первопроходцев:

Селена! Мы всё ещё те же,
но завтра на купол иной
мы смело шагнем из манежа
на дымчатый шар неземной.

Здесь отражена давняя мечта человека об освоении извечного спутника нашей планеты, тысячелетиями привлекающего внимание землян.

Окказиональная ФЕ *голубой шарик* в стихотворении Б. Окуджавы образована на основе контаминации образов воздушного шарика и земного шара. В стихотворении аллегорически сопоставляется хронотоп человеческой жизни с движением «голубого шарика» Земли в пространстве и во времени:

Девочка плачет: шарик улетел.
Её утешают, а шарик летит.
Девушка плачет: жениха всё нет,
Её утешают, а шарик летит.
Женщина плачет: муж ушёл к другой.
Её утешают, а шарик летит.
Плачет старушка: мало пожила...
А шарик вернулся, а он голубой.

Б. Окуджава. Голубой шарик

Космический хронотоп включает также ряд употреблений фразеологизмов *небесный свод*, *небесный купол*, связанных с идеями вечности и бесконечности. В СФРП зафиксирована ФЕ *небесный свод* (*небосвод*, *свод неба*, *свод небес*) (книжн., высок.), передающая узуальное значение «открытое небо над головой до линии горизонта, представляющееся по форме необъятным сводом, куполом», а также образные обороты с ключевым компонентом *купол* (см. *небесный купол*, *купол светлых небес*, *купол синий* – «небо над головой, воспринимаемое как имеющее форму купола»).

В контексте стихотворения В. Шефнера «Своды» оборот *свод небесный* как «вечный свод... / На миллиарды лет пронизанный мирами» употреблён в сопоставлении со сводами темницы, кельи, гробницы:

Пусть тать отбудет срок, покинет свод темницы,
Пусть Лазарь, воскресая, покинет свод гробницы,

Пусть Нестор кончит труд под сводом кельи тесной, –
И вновь над ними свод, на этот раз – небесный.
Последний, вечный свод над ними и над нами,
На миллиарды лет пронизанный мирами.
Метну в его простор фотонную ракету –
Но нет пределов тьме и нет предела свету.
О, как мне разглядеть неясный лик природы?
Куда ни погляжу – повсюду своды, своды...
И даже свод небес разгадке не поможет:
Ведь это тоже свод, – а дальше, дальше что же?

Аллегорически оборот *небесный свод* употребляется в поэме М.Ю. Лермонтова «Мцыри»:

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

В контексте развёрнутой метафоры ФЕ *свод небес* употреблена в стихотворении П. Вяземского «Ночь на Босфоре»:

Вспыхнул свод небес под огнём лампад;
Всех красавиц звёзд не обхватит взгляд...

Аллегорическое представление структуры небесного свода в индивидуальном восприятии поэта находим в стихотворении С. Липкина «Литературное воспоминание»:

Нарушен был планетный обиход:
В два яруса вставал небесный свод.
Мне озером казался верхний ярус,
Челн самолёта в нём купал свой парус,
А в нижнем краснопалая рука
Как бы остановила облака.

Обороты *небесный свод* и т. п. обозначения видимой части неба над горизонтом базируются на метафорическом переносе. На их основе рождаются поэтические сочетания *Воздушный свод*, *под сводом облачных небес* (А. Ахматова. Вечер), *голубого неба своды* (А. Фет), *белый свод* (С. Липкин), *небесные своды* (А. Аргутинский-Долгорукий) и др.

См. также ФЕ *волшебный купол-небосвод* в функции поэтической перифразы имени существительного *небосвод* в стихотворении А.И. Аргутинского-Долгорукого; в поэтическом контексте строка *канун неведомых открытий*, перифразирующая оборот *волшебный*

купол-небосвод. Ср. с завершающим стихотворение оборотом *венец свершившихся событий* в роли перифразы повторяющегося оборота *вечерний звон*.

Влечёт заоблачное море!
Случайный вечности итог,
сверкнёт витраж пурпурно-синий,
и ностальгический цветок
смиряет огненный поток,
храня узор пылавших линий.
Жизнестремительный кристалл,
как ты дрожишь в ладони тесной!
В прозрачной завязи отвесной
астральный разум заблистал.
Честь вдохновенной и наитий,
предвосхищающих полёт...
*Волибный купол-небосвод,
канун неведомых открытий.
Вечерний звон, вечерний звон –
венец свершившихся событий.*
А.И. Аргутинский-Долгорукий. Собор

Поэтическую перифразу небосвода *купол светлых небес* представил в своём стихотворении «У сгнившей лесной избушки...» Н. Рубцов:

У сгнившей лесной избушки,
Меж белых стволов бродя,
Люблю собирать волнушки
На склоне осеннего дня.
Летят журавли высоко
Под *куолом светлых небес*,
И лодка, шурша осокой,
Плывёт по каналу в лес.
И холодно так, и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева с лёгким свистом
Слетает прохладный лист,
И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одиноких стая
Под *куолом светлых небес*.

Ещё одну перифразу имени *небосвод – купол синий* – находим у А. Блока:

Кубок-факел брошу в *купол синий* –
Расплеснётся млечный путь.
Ты одна взойдёшь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.
Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.
А. Блок. «Шлейф, забрызганный звёздами...»

В стихотворении А.И. Аргутинского-Долгорукого «В тревогах роковых гаданий...», посвящённом М.Ю. Лермонтову, употреблена поэтическая перифраза небосвода *шатёр небес*:

В тревогах роковых гаданий мелькал неясно образ твой.
Чреда каких воспоминаний предуготовлена судьбой?
Послушник сумрачного «Мцыри», куда лилась душа твоя?
Внимали царственные шири журчанью светлого ручья.
Шатёр небес, приют лазурный во тьме таинственно мерцал.
И голос твой печально-юный меня оттуда звал и звал.

Яркий образ поэтов-странников, «разлетающихся по земле» под *небесными шатрами*, А.И. Аргутинский-Долгорукий создаёт в стихотворении «Цыгане».

Все мы, милые, цыгане,
те, кто с песней на крыле.
Под *небесными шатрами*
в перезвонах со звездами
разлетимся по Земле!

Наряду с выделенными константами рассматриваемой космической парадигмы и их вариантами в русской поэзии употребляется ряд их поэтических синонимов, перифраз, представленных в СФРП в отдельных словарных статьях. Рассмотрим некоторые из них.

Оборот *белый свет* в СФРП определяется как «планета Земля со всем существующим на ней; мир, вселенная».

См. актуализацию этого образа в стихотворении Б. Ахмадулиной «Весной, весной, в её начале...»: «окружающий человека мир, пространство; земля как сфера обитания человечества»:

Когда я на неё глядела,
я думала: не зря, о, нет,
а для таинственного дела
мы рождены на *белый свет*.

В следующем употреблении оборота *белый свет* находим совмещение значений: «окружающий человека мир, природа» и «местность, покрытая снегом».

Стоит зима, бодра,
Ложится редкий снег.
Я с белого бугра
Смотрю на *белый свет*.
А он и вправду бел.
И разгоняет кровь
Тех, кто остался цел,
Тех, кто родился вновь.
К. Ваншенкин. «Тот, кто остался жив...»

Оборот *белый свет* употребляется в составе афоризмов в представленных ниже фразеологических конфигурациях.

В стихотворении «Ушли родные старики...» К. Ваншенкина передан взгляд на белый свет с позиций позднего возраста:

Нет больше тех, кто старше нас,
Их нет и нет на белом свете.
Ещё скажу вам в горький час:
Они давно уж были дети –
И огорчали много раз,
И радовали в годы эти.

В контексте авторского афоризма оборот *белый свет* передаёт также потребность поэта в творчестве, необъяснимую жажду творчества (стихотворение):

На белом свете чуда нет,
Есть только ожиданье чуда.
На том и держится поэт,
Что эта жажда ниоткуда.
А. Тарковский. «На белом свете чуда нет...»

Не высоко я ставлю силу эту:
И зяблики поют. Но почему
С рифмовником бродить по белу свету
Наперекор стихиям и уму
Так хочется и в смертный час поэту.
А. Тарковский. Рифма

В тексте стихотворения Н.Н. Глазкова обнаруживаем сопоставление контрастно воспринимаемых явлений; антитезу белого и чёрного (ср. *белый свет и ночи, чёрные, как сажка*).

Зачем нужны на белом свете
Свирепый холод, буйный ветер,
И дождь двухмесячного стажа,
И ночи, чёрные, как сажка?
Н. Глазков. «Зачем нужны на белом свете...»

У Евгения Рейна в стихотворении «Алмазы навсегда» находим индивидуально-авторский оборот-оксюморон *чёрный белый свет*. В поэтическом контексте прилагательное *белый* употреблено одновременно как компонент условной номинации Земли, мира и как буквальное наименование белого в противоположность чёрному. Прилагательное *чёрный* приобретает резко отрицательный смысл по отношению к *белому свету* как миру, окружающему человека, миру, в котором обитает человечество:

Когда я вышел, было очень пусто,
все разошлись с попок новогодних

и спали пьяным сном в своих постелях,
в чужих постелях, на вагонных полках,
в подъездах и отелях, и тогда
Григорьева я вспомнил поговорку.
Сто лет назад услышал он её,
когда у Оппенгеймера в конторе
учился он брильянтовому делу.
О, эта поговорка ювелиров,
брильянтиков, предателей,
убийц из-за угла и шлюх шикарных:
«Нет ничего на чёрном белом свете.
Алмазы есть. Алмазы навсегда».

В контексте стихотворения Л. Миллер «Закливание» эпитет *белый* употребляется символически по отношению к потенциально безгреховному миру. Именно таким – безгреховным, «не знавшим вех, подобных бойне и распятью», – является мир, называемый *белым светом*, а «единственный и светлый» грех в нём – «зачать» новой жизни.

Земля бела. И купола Белы
под белыми снегами.
Что может приключиться с нами?
– Чисты и мысли, и дела
В том мире, где досталось жить,
Который назван *белым светом*,
Где меж запорошённых веток
Струится солнечная нить;
Где с первых дней во все века
Дела свершаются бескровно
И годы протекают ровно,
И длань судьбы всегда легка,
Как хлопья, что с небес летят
На землю, где под кровлей снежной
Мать держит на ладонях нежных
На свет рождённое дитя,
На белый свет, не знавший вех,
Подобных бойне и распятью,
Резне и смуте. Где *зачать*
Единственный и светлый грех.

Шутливо-аллегорически оборот *белый свет* в значении «планета Земля» употреблён в стихотворении В. Солоухина «Та минута была золотая»:

Все опасности *белого света*
Начинались на этом лугу.
Мне подсунула камень планета
На втором от рожденья шагу.
И упал, и заплакал, наверно,
И барахтался в тёплой пыли...

В стихотворении В. Шефнера «Стремясь в несбыточные дали...» отражено движение души человека:

Путь бытия она проходит,
В себе замкнув весь *белый свет*, –
И вновь к самой себе приходит –
Не на поклон, а на совет.

В стихотворении А. Межирова «Человек живёт на белом свете...» фразеологический повтор (*человек живёт на белом свете*) вводит тему сопоставления контрастных (обыденных и трагических) сторон человеческой жизни:

Человек живёт на белом свете.
Где – не знаю. Суть совсем не в том.
Я – лежу в пристрелянном кювете,
Он – с мороза входит в тёплый дом.
Человек живёт на белом свете,
Он – в квартиру поднялся уже.
Я – лежу в пристрелянном кювете
На перебомблённом рубеже.
Человек живёт на белом свете.
Он – в квартире зажигает свет.
Я – лежу в пристрелянном кювете,
Я – вмерзаю в ледяной кювет.
Я лежу в пристрелянном кювете.
Я к земле сквозь тусклый лед приник...
Человек живёт на белом свете –
Мой далекий отсвет! Мой двойник.

В стихотворении Б. Ахмадулиной «Главы из поэмы» метонимически переосмысленный оборот *белый свет* репрезентирует значение «население всего земного шара», под «всеобщей виной» в контексте стихотворения понимается вина человечества:

Прощалось и невежде, и лгуну
– какая разница?
– пред *белым светом*,
позволив нам не хлопотать об этом,
он искупал всеобщую вину.

Исходное значение у сочетания *белый свет* – «яркий дневной свет». Слово *свет* у славян уже в глубокой древности имело и пространственное значение – «окружающий мир, вселенная». Позднее это значение получило всё сочетание в целом. Такому переосмыслению способствовало мифологическое противопоставление «этого» света, т. е. светлого, солнечного мира живых, «тому» свету – темному царству мертвых. В образовании оборота немалую роль сыграла и положительная символика белого цвета в русском языке. С точки зрения древнерусской эстетики белое лицо, белые руки и белое тело являлись неременным условием человеческой красоты. Такая символическая окрашенность – отражение древнейшего цветового противопоставления: *белый* (положительный) – *черный* (отрицательный). Выражение извест-

но многим славянским языкам: бел. *белы* (*Божы свет*, укр. *білий світ*, болг. *бял свет*, х/с *bijeli svijet*. Ср. нем. *das Licht der Welt erblicken* (букв. появиться на белый свет 'быть опубликованным'); латыш. *baltā pasaule* (букв. белый свет); лит. *margas pasaulis* (букв. пестрый свет) и т. п.

Оборот *подлунный мир* манифестирует значение «земной шар, планета Земля и человечество».

Об участии *подлунного мира* в поэтическом творчестве пишет А.И. Аргутинский-Долгорукий в произведении «Гётенаум. Диалогическая поэма. Пролог» (см. ФЕ в поэтическом тексте):

Веленьем судеб правит вероятность.
Домашний чёрт – отнюдь не Асмодей.
Мчи, Адольфино, в ярмарку идей!
Подлунный мир расцветивает кратность.
Вращая смыслы рифмой виртуозной,
проложим путь эпохе грациозной!

Выражение *подлунный мир* образовано по модели, известной в XVIII–XIX вв.: *в подсолнечной, в подлунной, в подоблачной, в поднебесной* – 'на земле, во вселенной'. Ср.: «Так думает иной Затеиник, / Что он в подсолнечной гремит...» (И.А. Крылов. Муравей). Ср. также: *под луною* – 'на земле'. Выражение употреблялось в XIX в. и в переводе В. Шекспира: «О роза майская, Офелия, о ты / Прелестнейший цветок во всей подлунной» (Гамлет). См. использование выражения *подлунный мир* в «Памятнике» А.С. Пушкина, где актуализированы две составляющие основного значения оборота:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в *подлунном мире*
Жив будет хоть один пиит.

Оборот *Божий мир* является синонимом ФЕ *подлунный мир*, отражающим христианское представление от том, что творцом мира является Бог:

Как мил мне *Божий мир*!
В набухших облаках
Прогалины лазури тонкой,
И пятна бузины – как кровь на локотках
В кустах бегущего внучонка,

И дождь, когда влажна крапива у оград
И пижмы жёлтое суконце,
И кажется, что лес – не лес, а вертоград,
И, как вино, вкушаешь солнце...
С. Липкин. Вячеславу. Жизнь переделкинская

ФЕ *Божий свет*, поэтический синоним фразеологизмов *подлунный мир* и *Божий мир*, находим

в стихотворении С. Липкина «Литературное воспоминание»:

Сердечных не любивший излиятий,
Насмешник и остряк, как все южане,
Нагнулся, обхватил меня рукой,
От слёз и снега мокрою щекой
К моей щеке неловко прикоснулся.
Иль *Божий свет* опять на миг проснулся
В незрячем? Иль буран грядущих лет
Провидит оком голубя поэт?

Обороты *подлунный мир, Божий мир, Божий свет* употреблены как поэтические перифразы наименований *Земной шар, планета Земля*, а также слова *человечество*. Выражение *Божий свет* в рассматриваемом поэтическом употреблении реализует буквальное значение компонента *свет* в сочетании с определением *Божий*: «Иль Божий свет опять на миг проснулся / В незрячем...»

Ярким романтическим образом, репрезентирующим важнейший компонент космического хронотопа в пространстве русской поэтической картины мира, представлено устойчивое словосочетание *Млечный Путь* – «скопление огромного количества звёзд и туманностей, представляющееся невооружённому глазу светлой полосой неправильной формы, растянутой по небесному своду». Приведём ряд употреблений этого оборота, служащих обозначением и образным представлением Млечного Пути в стихах А. Блока.

В стихотворении А. Блока оборот *шлейф, забрызганный звездами* является метафорической поэтической перифразой оборота *Млечный Путь*. Индивидуально-авторское *расплеснётся Млечный Путь* развивает художественный образ уподоблением Млечного Пути потоку, готовому «расплеснуться» по небосводу. Наконец, форма множественного числа инвариантной ФЕ *млечные пути* манифестирует в контексте стихотворения скопления огромного количества звёзд и туманностей, представляющиеся невооружённому глазу светлыми, сверкающими полосами на ночном небе.

Шлейф, забрызганный звездами,
Синий, синий, синий взор.
Меж землёй и небесами
Вихрем поднятый костёр.
Жизнь и смерть в круженье вечном,
Вся – в шелках тугих –
Ты – путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозových.
Пали душевные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся мгла...
Ты – рукою узкой, белой, странной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол синий –
Расплеснётся млечный путь.
Ты одна взойдёшь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.
Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.
А. Блок. «Шлейф, забрызганный звездами...»

В стихотворении А. Блока «Твоё лицо бледней, чем было...» находим представление Млечного Пути как «суждённого магу серебряного узкого пояса»:

Комета! Я прочёл в светилах
Всю повесть раннюю твою,
И лживый блеск созвездий милых
Под чёрным шёлком узнаю!
Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь в тени, как тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейф влачишь, как та звезда!
Не медли, в тёмных теньях кроясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкий пояс –
Суждённый магу млечный путь.

В другом стихотворении А. Блока *Млечный Путь* предстаёт в виде поэтической перифразы «*ленты млечной*»:

И я затянут *Лентой млечной!*
Тобой обманут, О, Вечность!
Подо мной растянут
В дали бесконечной
Твой узор, Бесконечность,
Темница мира!
Узкая лира,
Звезда богини,
Снежно стонет
Мне.

А. Блок. В снегах

В стихотворении А. Блока «Я в дольний мир вошла, как в ложу...» *Млечный Путь* представлен в виде горящего серебром «узкого пояса» – «млечной стези», «звёзды мечтаний нежных»:

Я – звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроясь,
Ты горишь, мой узкий пояс
Млечная стезя!

В стихотворении А. Блока «В час глухой разлуки с морем...» *Млечный Путь* также представлен сверкающим («горящим») млечным поясом «серебристой звезды»:

Протекут ещё мгновенья,
Канут в тёмные века.
Будут новые виденья,
Будет старая тоска.
И, в печальный саван кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидим мы тогда, –
Как *горит* твой *млечный пояс!*
Как летит к родному морю
Серебристая звезда!

Образное представление *Млечного Пути* у А. Блока воплощает и *млечная лента*, которой охвачена голова мага, «простёртого над миром бранным», и *млечная стезя*, по которой «в бледно-фосфорном сияньи / Ночь плывёт путём цариц».

*Маг, простёрт над миром бранным,
В млечной ленте – голова.
Знаки поздних поколений –
Счастье дальнего волхва.
Поднялась стезёю млечной,
Осиянная – плывёт.
Красный шлем остроконечный
Бороздит небесный свод.
В длинном чёрном одеянье,
В сонме чёрных колесниц,
В бледно-фосфорном сиянье –
Ночь плывёт путем цариц.*

А. Блок. Ночь.

Название *Млечного Пути* восходит к древнегреческой легенде о молоке священной козы Амалфеи, которая в одном из греческих мифов спасла от голодной смерти Зевса. Примерно 150 миллиардов звёзд, составляющих его, – это капельки молока козы – кормилицы Зевса. По мнению древних писателей, например Сервия, созвездие Козерога из цикла зодиака – не что иное, как Амалфея. А *Млечный Путь* – её богатый удой. Сочетание *Млечный Путь* кажется таким же русским, как и *Большая Медведица*. Однако так же как и последнее, это название – лишь перевод древнегреческого *γαλακτίας κύκλος*: *gala, galaktos* ‘молоко’, *kyklos* ‘круг, цикл, путь’. В русских же диалектах *Млечный Путь* зовут *Моисеевой дорогой*, *Батыевой дорогой*, *Птичьим путём*, *Дорогами*, *Путями*, *Улицами*, *Поясами на небе*; в украинском языке – *Чумацким шляхом*, в шведском – *Зимней улицей*, во вьетнамском – *Серебряной рекой*, в мансийском – *Лыжной дорогой мужчины из племени Мось*, а в якутском – *Следом, оставленным добрым духом*,

когда он шёл по небу на лыжах. И каждое из названий эти народы воспели в поэтических мифах, не менее красивых, чем миф о козе Амалфея [Мокиенко 2016].

Ведущей идеей, объединяющей концептуальную парадигму «человек – земной шар – космос (Вселенная)», является идея антропоцентризма, часто определяющая антропоморфность структуры языковых образов. Антропоцентризм как воззрение, согласно которому человек есть центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий, заложен в мифопоэтических пространственных представлениях о мировом древе и таких его функциональных эквивалентах, как *человек-великан*, *мировой столп*, *пуп земли*.

Среди поэтических произведений, отражающих антропоцентрическое видение вселенной, стихотворение Эд. Межелайтиса «Человек» выделяется особой изобразительной яркостью и силой воплощенной в нем идеи. Человек, гиперболически изображенный во весь свой космический рост, предстает как буквализированное воплощение центра мироздания:

*В шар земной упираясь ногами,
солнца шар я держу на руках.
Так стою, меж двумя шарами –
солнечным и земным. <...>
Я – как мост меж землею и солнцем.*

Здесь микрокосм вырастает до пределов макрокосма: Человек – Вселенная направляет движение Земли и Солнца. Из недр своего мозга Человек выплавляет

*корабли, бороздящие море,
поезда, обвившие сушу,
продолжение птиц – самолеты
и развитие молний – ракеты.*

Голова Человека уподоблена одновременно шару земному и шару солнца:

*Это все я добыл из круглой,
словно шар земной, головы.
Голова моя – шар солнца,
излучающий свет и счастье,
оживляющий все земное,
заселяющий землю людьми.*

Человек-Космос сочетает в себе энергию природного мира и могущество животворящего, одухотворяющего природу разума. В нем заключена космическая мощь Творца, созидающего все материальные и духовные ценности.

В стихотворении Н. Матвеевой «Сон. Душа вещей» создан антропоцентрический образ учёного, творящего на благо человечества, совершающего

открытия космического масштаба. Представленный аллегорически, ученый предстаёт «хрупким человеком», который «стал посреди всего земного шара»:

Вбежал какой-то хрупкий человек,
 Стал посреди всего земного шара,
 С лицом усталым, как весенний снег,
 Подтаивший от близости пожара.
 «Нашёл! – он крикнул. – Эврика! – как брат,
 раскрыв народам быстрые объятья,
 – Я знал, я знал, что входят в яд и ад
 Противоядьё и противоадьё!
 Не будет взрыва! Атомы за нас!
 Да будет жизнь! Вы будете, я буду!
 Я сделал ВСЁ! И завершил – Сейчас.
 Да! – в этот миг. В предельную минуту».

Антропоцентрический образ «председателя земного шара» представлен в стихотворении Б. Слуцкого «Председатель... Гр. Титникову». В начале стихотворения показано изменение в облике, в поведении бывшего «Председателя земного шара» в связи с утратой этой «должности»:

*Председатель земного шара –
 Всех морей его и держав
 Попросил картуз поддержать.
 Спичка вспыхнула, задрожала,*

*Озаряя лицо председателя:
 Шрамы, стимулы, тормоза
 И глядящие наблюдательно
 Председательские глаза*

В следующей строфе видим изменение отношения «Председателя» ко всему, что ему было подвластно согласно формуле «был» – «стал», смену его позиции, назначения:

*Был он бодрым, а стал – небодрым.
 Был он гордым, а стал он – добрым.
 И – ни править ему, ни карать,
 Только тихий архив разбирать».*

В эпилоге представлено превращение претензий на «властительство шаром этим земным» – «в попустительство малым хлопотам очередным» и «тихое вращение» больше не возглавляемого «Председателем» земного шара.

В стихотворении В. Солоухина «Человек пешком идёт по земле» представлены разнообразные повторы: лексико-синтаксический параллелизм; эпитетические повторы (*метр – расстояние; километр – расстояние; шар земной – расстояние; Человек пешком идёт по земле*), отражающие, подчёркивающие динамику человеческой жизни. Человек энергично и упорно обходит земной шар, ему всё по силам:

Человек пешком идёт по земле,
 Вот сейчас он правую ногу
 Переставит ещё на полметра вперёд.
 А потом – ещё на полметра вперёд
 Переставит левую ногу.
 Метр – расстояние.
 Километр – расстояние.
Шар земной – расстояние.
 Человеку тепло. Он снимает кепку.
 Человек пешком по земле идёт,
 Палкой стучит о дорогу.

В стихотворении «Новый год» В. Луговского аллегорически изображена символизирующая революционные изменения в мире «вся в красном женщина-Коммуна», держащая в ладонях «старый шар земной»:

*И видел я в ту ночь, как из морей
 Кровавых, из потоков слёз горячих
 Встаёт вся в красном женщина-Коммуна,
 Держа в ладонях *старый шар земной.**

Обобщающий «планетарный» образ человечества, уподобление сотворения человека творению миров, сопоставление состояния человека с состоянием потерянного в мироздании «кружащегося» шара находим в стихотворении И. Бродского «Я был только тем...»:

*Я был только тем,
 чего ты касалась ладонью,
 над чем в глухую, воронью
 ночь склоняла чело.
 <...>
 Так творятся миры.
 Так, сотворив, их часто
 оставляют вращаться,
 расточая дары.
 Так, бросаем то в жар,
 то в холод, то в свет, то в темень,
 в мирозданьи потерян,
 кружится шар.*

В стихотворении А. Тарковского «Малютка-жизнь» передано восприятие земной жизни человека как драгоценной «малютки-жизни», при всех её тяготах противостоящей смерти, символически представленной как полёт «вниз головой в пространство мировое, шаровое»:

*Терзай меня, – не изменюсь в лице,
 Жизнь хороша – особенно в конце,
 Хоть под дождём и без гроша в кармане,
 Хоть в Судный день – с иглою в гортани.
 А! Это сон! Малютка-жизнь, дыши,
 Возьми мои последние гроши,*

Не опускай меня вниз головою
 В пространство мировое, шаровое!
 А. Тарковский. Малютка-жизнь

В стихотворении В. Высоцкого «Мы вращаем Землю» передано ощущение органической, неразрывной связи человека со своей планетой, полного слияния с ней и её подчинения воле стремящегося к победе солдата:

Я ступни свои сзади оставил.
 Мимоходом по мёртвым скорбя, –
 Шар земной я вращаю локтями –
 От себя, от себя!
 В. Высоцкий. Мы вращаем Землю

В ряде поэтических употреблений оборот *земной шар* представлен в метонимическом значении «все люди, все народы, человечество». Например, в образном контексте стихотворения Е. Винокурова фразеологизм *земной шар* с дистантно расположенными компонентами употреблён в применении к «континенту», к человечеству:

Земным овладевая шаром, –
 Покой? Да где он? Нет как нет! –
 Сенсация лесным пожаром
 уж охватила континент.
 Е. Винокуров. Из иностранной тетради

В стихотворении О. Мандельштама оборот *шар земной* трансформирован структурно и семантически. В контексте авторской перифразы он манифестирует олицетворённый собирательный образ ветеранов войн на всём земном шаре:

Хорошо умирает пехота,
 И поёт хорошо хор ночной
 Над улыбкой приплюснутой Швейка,
 И над птичьим копьём Дон-Кихота,
 И над рыцарской птичьей плюсной.
 И дружит с человеком калека:
 Им обоим найдётся работа.
 И стучит по околицам века
 Костылей деревянных семейка:
 – Эй, товарищество – шар земной!
 О. Мандельштам. Стихи о неизвестном солдате

В стихотворении И. Шкляревского создан шуточно-иронический образ земного шара в рамках развёрнутой метонимии двух пространственно размежёванных половин человечества:

Синеет лужа на дороге чёрной,
 Чернеет ворон в синеве просторной.

Представишь под собою шар земной –
 и задохнёшься!
 Там вниз головой почти полчеловечества
 повисло.

Но убеждать их в этом нету смысла.
 Им кажется, что это мы висим.
 И потому совсем не страшно им!

И. Шкляревский. «Официально парк ещё закрыт»

Здесь посредством комбинаций цветовых символов поэт создаёт образный фон стихотворения, на котором шуточно представлены диаметрально противоположные позиции «двух половин» человечества.

Вселенная – грандиозная сущность, тысячелетиями вдохновляющая поэтов Земли, творчество многих из них пронизано космическими образами.

Так, в стихотворении А. Власова «Поэзия сродни волне...» космическое пространство предстает как соприродное поэзии. Оно наполняется, формируется, «достраивается» ею. Дух творчества придает завершенность и конечный смысл всему сущему и космосу в целом:

Поэзия сродни волне.
 Она не средство и не цель,
 самодостаточна вполне.

Но без неё бездонный Космос –
 провал, не Бездна даже – просто
 провал,
 зияющий, как щель,
 пустой и недоовоплощенный...<...>

...Да, брэнностью не пренебречь,
 да, беспощадная в стремленье
 все за собой во тьму увлечь,
 река времен, поток забвенья
 текла и вечно будет течь, –
 но будет и звучать –
 сверяя
 свой ритм с дыханием прибоя
 и это гулкое, слепое
 пространство одухотворяя –
 поэта сбивчивая речь.

Поэзия как высшая форма духовного созидания объединяет пространство и время. Жизнь поэта-творца – жизнь для вечности и в вечности.

Тема поэтического подвига, дарующего поэту вечность, звучит в стихотворении Б. Окуджавы «О кузнечиках»:

Два кузнечика зеленых пишут белые стихи. <...>
 Снег их бьет, жара их мучит, мелкий дождичек кропит,
 шар земной на повороте отвратительно скрипит...

Но меж летом и зимою, между счастьем и бедой
прорастает неизменно вещей смысл работы той,
и сквозь всякие обиды прорываются в века
хлеб (поэма), жизнь (поэма), ветка тополя (строка)...

Здесь поэтическое вдохновение противопоставлено повседневному тяготам и лишениям, представленным рядом параллельных фраз: *Снег их бьет, жара их мучит...*, замыкающихся ироническим обобщением, создаваемым образом земного шара, движущегося в космическом пространстве: *шар земной на повороте отвратительно скрипит...* Поэтическое творчество, явленное его земными символами – *Два кузнечика зеленых пишут белые стихи*, – осмысливается как работа великой, «космической» важности, обладающая «вещим» смыслом, проникающим в тайны жизни, природы. Смысл ее «прорывается в века» – в вечность.

В стихотворении Н. Заболоцкого «Гроза» аллегорически представлено возникновение поэтического вдохновения, отражён процесс поэтического творчества. Образ земного шара («круга земного») дан в контексте одухотворённой природы как источника вдохновения:

Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь вдохновения,

Человеческий шорох травы, вещей холод на тёмной руке,
Эту молнию мысли и медлительное появленье
Первых дальних громов – первых слов на родном языке.
Так из тёмной воды появляется в мир светлоокая дева,
И стекает по телу, замирая в восторге, вода,
Травы падают в обморок, и направо бегут и налево
Увидавшие небо стада.

А она над водой над просторами *круга земного*,
Удивлённая, смотрит в дивном блеске своей наготы.
И, играя громами, в белом облаке катится слово,
И сияющий дождь на счастливые рвётся цветы.

В стихотворении В. Луговского «Заблик запел» передается вдохновенное восприятие поэтом жизни в её «голубой бесконечности» через олицетворённо-аллегорическую «каждую клеточку шара земного»:

Видишь всю землю, рождённую снова.
Всё, что забылось, – встаёт наяву.
Каждая клеточка *шара земного*
Тайно тебе говорит: я живу!
Жизнь голубой бесконечностью манит.
Где же предел? Мне не виден предел.

В стихотворении Б. Окуджавы «Рифмы милые мои...» предстает олицетворенный образ динамики поэтического творчества, организующим центром которого служит *шар земной, вскрикнувший на повороте*:

Рифмы милые мои,
баловни мои,
гордячки!
Вы – как будто соловьи
из бессонниц и горячки,
вы – как музыка за мной,
умопомраченья вроде,
вы – как будто *шар земной*,
вскрикнувший
на повороте.

В стихотворении «Чувство жизни» Б. Пастернак воспел вдохновенное творчество, приобщающее поэта к вечности, уничтожающее грань между жизнью и смертью, дающее ощущение сопричастности сотворению мира:

Со мной сегодня вечность вся.
Вся даль веков без покрывала.
Мир Божий только начался.
Его в помине не бывало.
Жизнь и бессмертие – одно.
Будь благодарен высшим силам
За приворотное вино,
Бегущее огнем по жилам.

В своем программном стихотворении «Быть знаменитым некрасиво» Б. Пастернак говорит о высшем устремлении творчества поэта:

...так жить, чтобы в конце концов
привлечь к себе *любовь пространства*,
услышать *будущего зов*.

В этом контексте одухотворенное *пространство* – образ человечества в его космическом измерении. Это пространство раздвигается до бесконечности благодаря сообщению ему временной координаты – *будущего зов*.

Идея бессмертия, жизни в вечности, дарованной подвигом, воплощена в образе Неизвестного солдата, к которому обращаются поэты XX в. Неизвестный солдат – собирательный образ воина, павшего в борьбе за Отчизну. В поэме О. Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» сама природа – воздух, звезды, безымянная манна дождя – призваны в свидетели и судьи людских деяний и бед:

Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

Но «земная» могила неизвестного солдата получает вселенское бытие, превращаясь в парящую в космосе «воздушную могилу»:

Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой *воздушной могилу*
Без руля и крыла совладать.

Воздушная могила – символ полета в бессмертие. И творческий дух поэта стремится направить, поддержать этот полет как вечную память о подвиге. Но чувство высокого долга, великое дерзание поэта оказывается в неразрешимом противоречии с брэнностью телесной *ласточки хилой, разучившейся летать*. Этот трагический оксюморон – отзвук осознания поэтом трагизма своего земного существования, губительной неразрешимости противоречия высоких помыслов и враждебных, сокрушающих сил, превращающих музу поэта в *ласточку хилую, разучившуюся летать*.

В стихотворении С. Орлова «Его зарыли в шар земной...» также прославлен подвиг неизвестного солдата. Образ зарытого в *земной шар* солдата – аллегория, основанная на пространственной метонимии, обретающая также временное измерение – вечность. Мавзолей-Земля лелеет, хранит вечный покой воина. *Шар земной*, в который *руками всех друзей положен парень... как будто в мавзолей*, – символ бессмертия, вечной памяти в духовном пространстве человечества:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой.
Без званий и наград.

Ему как мавзолей Земля –
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков. –

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей.

В стихотворении М. Лисянского «Спят неизвестные солдаты» идея жизни в вечности, даруемой неизвестному солдату, передана образами космического полета, «осторожного» вращения Земли, оберегающей вечный сон погибших за родину солдат. Земной почет, освященный дарованным воинам бессмертием, определяет планетарную значимость их подвига:

Вертись, планета, осторожно,
Лети в снегах, лети в дождях.
Спят неизвестные солдаты
На самых главных площадях.

Идея награждения человека бессмертием за его земные подвиги, запечатленная в мифопоэтических картинах мира разных народов, основана на философском осмыслении концептов «жизнь» и «смерть», нашедшем отражение в русской языковой картине мира. В словаре В.И. Даля смерть человека интерпретирована как конец лишь «плотской жизни», «переход к вечной, к духовной жизни» («воскресенье»). В дефинициях концепта «жизнь» в толковых словарях актуализирована сема «движение». Жизнь – все сущее, независимо от факта сознания обладающее формой движения. Жизнь – одна из форм существования материи, но материя существует потому, что «живет», движется. Таким образом, движение является формой и содержанием жизни [Чернейко, Хо Сон Тэ 2001].

В поэзии нашло отражение понимание смерти человека как перехода к вечной жизни, главная сущность которой (форма и содержание) представляется как непрерывное движение, как вечный полет в космическом пространстве. Представление о неразрывной связи окончания земной жизни с переходом к жизни вечной, о самом процессе жизни в вечности, в пространстве космоса передано системой образов стихотворения В. Шефнера «Вечность», в котором концептосфера «Человек – Земной шар – Космос» актуализирована выражением финальных мотивов земной жизни человека:

Когда последняя беда
Опустит свой топор,
Я упаду, как никогда
Не падал до сих пор. <...>
Я буду падать, падать, падать...
И не коснусь земли.
Я врежусь в купол голубой,
В небесные пары,
Я буду прошибать собой
Надзвездные миры.
Сквозь звезды, через темноту,
Через хвосты комет
Я буду падать в высоту
Сто миллионов лет.

Завершающее двустигийное – оксюморонный символ – совмещает представление физической смерти, переданное глаголом *падать*, и непосредственного перехода к вечной жизни (см.: *падать*, но – *в высоту*).

В поэтическом дискурсе употребление слов и фразеологизмов, репрезентирующих концепты времени и пространства, связано с философским осмыслением этих категорий, проявляющемся в наделении данных языковых знаков определёнными смыслами, коннотациями. Поэтический хронотоп, создаваемый языковыми номинациями пространства и вре-

мени, многокомпонентен. Зачастую он совмещает архетипический (мифологический), социально-исторический, философско-гносеологический и психологический аспекты. В поэтическом тексте хромотипично не только актуальное смысловое содержание слов и ФЕ, но и их внутренняя форма; не только смыслы отдельных ФЕ и слов, но и содержание поэтического контекста, представленное строфой, рядом строф, поэтическим произведением в целом.

Неотъемлемой составляющей поэтического хронотопа является космический аспект, рассматриваемая нами концептуальная парадигма «человек – земной шар – Вселенная». Данная концептосфера в русской поэзии служит идее сопричастности человека космическому пространству и времени.

Яркие, оригинальные речевые образы, представленные в поэтическом тексте словами, фразеологизмами, фрагментами текста, организованными как строфы, сверхфразовые единства, а часто – текст в целом, вербализуют, создают концепты и концептосферы, насыщенные, актуализированные широкими жизненными обобщениями, заполняющими концептуальные лакуны как в индивидуальном сознании, так и в картине мира определенной социальной среды, этноса. Стремление к вербализации отдельных признаков концептов, индивидуальных концептов и концептосфер является изначальным, важнейшим стимулом речетворчества, слово- и фразеотворчества и, наконец, художественного, поэтического творчества.

Библиографический список

- Аргутинский-Долгорукий А.И. Философия планетаризма. Планетарный разум земной цивилизации / Я.В. Сиверц ван Рейзема (А.И. Аргутинский-Долгорукий). 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Фонд «Новое тысячелетие», 2005. 583 с.
- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Эпос и роман. Санкт-Петербург, 2000. 302 с.
- Власов А.С. «Стихотворения Юрия Живаго» Б.Л. Пастернака (сюжетная динамика поэтического цикла и «прозаический» контекст). Кострома, 2008. 208 с.
- Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: Энциклопедический словарь. Москва, 1999. 518 с.
- Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Москва: Флинта: Наука, 2008. 296 с.
- Мелерович А.М. Концептуальная парадигма «человек – земной шар – вселенная» как средство выражения космического мироощущения в семантическом пространстве русской поэзии // Фразеология и миропонимание народа: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2 Фразеология и межкультурная коммуникация. Тула: Изд-во Тул. гос. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2002. С. 225–231.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 456 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е. Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. 528 с.

Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. Москва: Высш. шк., 1990. 159 с.

Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. 2-е изд., перераб. Санкт-Петербург: Авалон: Азбука-классика, 2005. 256 с.

Мокиенко В.М. Фразеология в уровне иерархии языковой системы // *Frazeologia słowiańska i inne płaszczyzny systemu językowego* / pod red. Janiny Bartoszewskiej, Walerija Mokijenka, Harr'ego Waltera. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004. С. 115–122.

Мокиенко В.М. Млечный путь Александра Сергеевича Герда // *Verba magistro*: сб. науч. ст. памяти проф. А.С. Герда / отв. ред. А.Х. Гирфанова, С.А. Мызников. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. С. 216–225.

Панова Л.Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 803 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.

Трессидер Д. Словарь символов. Москва: ГРАНД, 1999. 444 с.

Чернейко Л.О., Хо Сон Тэ. Концепты «жизнь» и «смерть» как фрагменты русской языковой картины мира // *Филологические науки*. 2001. № 5. С. 5059.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Москва: Русский язык, 1993. Т. 1: А – Пантомима. 622 с.; Т. 2: Панцирь – Ящур. 560 с.

References

- Argutinskij-Dolgorukij A.I. *Filosofiya planetarizma. Planetarnyj razum zemnoj civilizacii* [Philosophy of planetarism. The planetary mind of earthly civilization], Ya.V. Siverc van Rejzema (A.I. Argutinskij-Dolgorukij), 2-e izd. Moscow, Fond “Novoe tysyacheletie” Publ., 2005, 583 p. (In Russ.)
- Bahtin M.M. *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of Time and Chronotope in the Novel]. *Epos i roman* [Epic and Novel]. Saint-Petersburg, 2000, 302 p. (In Russ.)
- Chernejko L.O., Ho Son Te. *Koncepty «zhizn'» i «smer't'» kak fragmenty russkoj yazykovoj kartiny mira* [The concepts of “life” and “death” as fragments of the Russian linguistic picture of the world]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 2001, No. 5, pp. 50-59. (In Russ.)

Chernyh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1993. Vol. 1: A-Pantomima, 622 p.; Vol. 2: Pancir'-YAshchur, 560 p. (In Russ.)

Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008, 296 p. (In Russ.)

Melerovich A.M. *Konceptual'naya paradigma «chelovek – zemnoj shar – vseennaya» kak sredstvo vyrazheniya kosmicheskogo mirooshchushcheniya v semanticheskom prostranstve russkoj poezii* [The conceptual paradigm “man – globe – universe” as a means of expressing cosmic worldview in the semantic space of Russian poetry]. *Frazeologiya i miroponimanie naroda: materialy mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch. Ch. 2: Frazeologiya i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Phraseology and the worldview of the people: materials of the international scientific conference: in 2 vols. Vol. 2: Phraseology and intercultural communication]. Tula, Izd-vo Tul. gos. un-ta im. L.N. Tolstogo Publ., 2002, pp. 225-231. (In Russ.)

Melerovich A.M., Mokienko V.M. *Sovremennaya russkaya frazeologiya (semantika – struktura – tekst)* [Modern Russian phraseology (semantics – structure – text): monografiya]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova Publ., 2011, 456 p. (In Russ.)

Melerovich A.M., Mokienko V.M., Yakimov A.E. *Frazeologiya v russkoj poezii XIX–XXI vv. Slovar': opyt leksikograficheskoj sistematizacii upotreblenij frazeologizmov v russkoj poezii* [Phraseology in Russian poetry of the 19th–21st centuries. Dictionary: an attempt at lexicographic systematization of the use of phraseological units in Russian poetry], ed. by V.M. Mokienko. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova Publ., 2016, 528 p. (In Russ.)

Mokienko V.M. *Zagadki russkoj frazeologii* [Riddles of Russian Phraseology]. Moscow, Vy'ssh. shk. Publ., 1990, 159 p. (In Russ.)

Mokienko V.M. *Zagadki russkoj frazeologii* [Riddles of Russian Phraseology], 2-e izd. Saint-Petersburg, Avalon Publ., Azbuka-klassika Publ. Saint-Petersburg, 2005, 256 p. (In Russ.)

Mokienko V.M. *Frazeologiya v urovnevoj ierarhii yazykovoj sistemy* [Phraseology in the level hierarchy of the language system]. *Frazeologia slowianska i inne plaszczyny systemu jazykowego* [Slavic phraseology and other levels of the language system], ed. by Ja. Bartoszewski, W. Mokienko, H. Walter. Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego Publ., 2004, pp. 115-122. (In Russ.)

Mokienko V.M. *Mlechnyj put' Aleksandra Sergeevicha Gerda* [Milky Way by Alexander Sergeevich Gerd]. *Verba magistro: sb. nauch. st. pamyati prof. A.S. Gerda*, ed. by A.H. Girfanova, S.A. Myznikov. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 216-225. (In Russ.)

Panova L.G. «Mir», «prostranstvo», «vremya» v poezii Osipa Mandel'shtama [„World“, „space“, „time“ in the poetry of Osip Mandelstam]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003, 803 p. (In Russ.)

Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, ACT Publ., Vostok-Zapad Publ., 2010, 314 p. (In Russ.)

Tressider D. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, GRAND Publ., 1999, 444 p. (In Russ.)

Vlasov A.S., «Stihotvoreniya Yuriya Zhivago» B.L. Pasternaka (syuzhetnaya dinamika poeticheskogo cikla i «prozaicheskij» kontekst) [„Poems of Yuri Zhivago“ by B.L. Pasternak (plot dynamics of the poetic cycle and „prose“ context)]. Kostroma, 2008, 208 p. (In Russ.)

Volkov Yu.G., Polikarpov V.S. *Chelovek: Enciklopedicheskij slovar'* [Man: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1999, 518 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 03.09.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 133–139. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 133–139. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5 Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1'367

EDN INPKLS

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-133-139>

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ СООТВЕТСТВИЯ ЯЗЫКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ ОБЩЕРОССИЙСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ: СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Галкина Наталия Павловна, доктор филологических наук, доцент, ФГКВООУ ВО «Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко» Министерства обороны Российской Федерации, Кострома, Россия, gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Аннотация. Работа посвящена анализу сложноподчиненных предложений с придаточными условия, причины, цели, уступки, следствия в региональных газетах Костромской области в сравнении с данными аналогичных исследований, проводимых на материале общероссийских периодических изданий. Грамматика языка, составляющая костяк всей языковой системы, является наиболее устойчивой, стандартизированной, что должно проявляться на синтаксическом уровне. Описание языковых явлений в материалах региональных периодических изданий в сравнении с общероссийскими вносит вклад в составление общей картины синтаксиса современного русского языка. В данной работе на основе количественных данных исследования показано соответствие синтаксиса текстов областных газет языку общероссийских периодических изданий по следующим аспектам: распределение сложноподчиненных предложений с различными типами придаточных в общей системе обусловленности и особенности использования средств их построения. Показано, что в текстах региональных газет Костромской области на синтаксическом уровне присутствуют все структурно-семантические особенности конструкций со значением обусловленности: распределение по типам, употребление типизированных и нетипизированных средств связи, явления градации, инверсии, парцелляции, фразеологизации придаточных. На примере функционирования наиболее востребованных, семантически емких и значимых сложноподчиненных предложений показано, что синтаксический медиаобраз Костромского региона в целом отражает общую картину в современной русской публицистике, что свидетельствует об устойчивости системы сложноподчиненных предложений на данном этапе развития языка.

Ключевые слова: публицистика, синтаксис, придаточная часть, союз, парцелляция, фразеологизация, частотность употребления, региональный компонент языка, языковая система.

Для цитирования: Галкина Н.П. Статистические индикаторы соответствия языка региональных газет Костромской области общероссийским показателям: синтаксический подход // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 133–139. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-133-139>

Research Article

STATISTICAL INDICATORS OF THE CORRESPONDENCE OF THE LANGUAGE OF REGIONAL NEWSPAPERS IN KOSTROMA REGION TO ALL-RUSSIAN STANDARDS: A SYNTACTIC APPROACH

Natalia P. Galkina, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Nuclear, Biological, Chemical Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko, Kostroma, Russia, gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Abstract. The paper is devoted to the analysis of complex sentences with subordinate clauses of condition, cause, goal, concession, consequence in regional newspapers of Kostroma Region in comparison with the data of similar studies conducted on the material of all-Russian periodicals. The grammar of the language, which is the backbone of the entire language system, is the most stable, standardised, which should be manifested at the syntactic level. The description of linguistic phenomena in the materials of regional periodicals in comparison with the all-Russia's ones contributes to the forming of a general picture of the syntax of the modern Russian language. This paper shows on quantitative research data the correspondence of the syntax of regional newspapers with the language of all-Russia's periodicals in the following aspects – the distribution of

complex sentences with various types of subordinate clauses in the general system of conditionality and the peculiarities of using the means of their construction. It is shown that in the texts of regional newspapers of Kostroma Region, at the syntactic level, there are all the structural and semantic features of complex sentences with the meaning of conditionality – distribution by their types, the use of typed and non-typed means of communication, the phenomena of gradation, inversion, parcellation, phraseologisation of subordinate clauses. On the example of functioning of the most popular, semantically capacious and significant complex sentences, it is concluded that the syntactic media image of Kostroma Region reflects the general picture in modern Russian journalism, which indicates the stability of the system of complex sentences at the current stage of language development.

Keywords: journalism, syntax, subordinate clause, conjunction, parcelling, phraseologisation, frequency of use, regional language component, language system

For citation: Galkina N.P. Statistical indicators of the correspondence of the language of regional newspapers in Kostroma Region to all-Russian standards: a syntactic approach. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 133–139 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-133-139>

В настоящее время, в эпоху глобализации, актуальными являются вопросы языковой нормы, границ нормативного, допустимого и неприемлемого в языковой практике [Лалетина; Пушкарева]. Расширяется демократизация языка, возрастает эмоциональность и экспрессивность высказываний, происходит проникновение разговорных и просторечных элементов в различные сферы коммуникации – изменения отмечаются на всех языковых уровнях [Юдина]. Исследования по проблеме сохранения и трансформации норм русского языка затрагивают главным образом лексическую сторону языка. Объектом нашего исследования являются сложноподчиненные предложения (далее – СПП) с придаточными условия, причины, цели, уступки, следствия, объединенные в общую категорию обусловленности, которые, по классификации В.А. Белошапковой, составляют костяк расчленённых СПП детерминантного типа [Белошапова: 222; ГСРЛЯ 1970: 709–710]. Целью исследования является сопоставление количественных данных, касающихся употребления СПП указанных типов в текстах региональных газет Костромской области и общероссийских периодических изданий. Материалом для анализа послужили 500 СПП указанных типов, выписанные методом сплошной выборки из газет, издаваемых в Костромской области («Северная правда», «Костромские ведомости», «Костромская народная газета», «Хронометр» и др.). Анализ осуществляется в сравнении с данными аналогичных исследований, проводимых на материале общероссийских периодических изданий («Комсомольская правда», «Солидарность», «Совершенно секретно», «Аргументы и Факты», «Наша Версия», «Народное вече» и др.) и авторских публицистических произведений.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что описание языковых явлений в материалах региональных периодических изданий в сравнении с общероссийскими вносит вклад в составление общей картины синтаксиса современного русского языка. Результаты сопоставления представляются интересными для авторов и читателей региональной

прессы, так как свидетельствуют о «нормативности» языка костромских медиа, его соответствии среднестатистическим общероссийским показателям. В подтверждение вспомним, например, удовлетворительное замечание костромских журналистов после доклада о некоторых результатах данного исследования на одной из конференций: «Значит, в нашей местной журналистике всё нормально». Здесь же следует отметить роль количественных методов в лингвистике. В работе [Галкина 2022] мы показали действенность статистических показателей, касающихся лексики большого массива текстов (при определении их тематической доминанты). Данное исследование демонстрирует применение количественного метода в приложении к анализу синтаксических конструкций, результаты которого позволяют сделать вывод о том, что синтаксический медиаобраз Костромского региона отражает общую картину в современной русской публицистике.

Прежде всего рассмотрим распределение различных типов СПП (условных, причинных, целевых, уступительных, следственных) в общей системе СПП обусловленности. Исследование указанных синтаксических единиц показало следующую картину дистрибуции СППО по их конкретным типам. В таблице приводятся данные по результатам анализа СПП из материалов региональных газет Костромской области в сравнении с выборкой из общероссийских СМИ и публицистических произведений в целом.

Как видно, таблица процентного соотношения СПП различных типов показывает аналогичную картину по трем выборкам. В корпусе СПП обусловленности преобладают условные предложения. Этот вывод стабильно прослеживался по мере количественного увеличения базы исследования и с расширением её тематического и жанрового разнообразия. Несколько больший процент УСПП в региональных газетах (44 %) по сравнению с общероссийскими СМИ (38 %) объясняется тем, что в областных изданиях выше доля материалов, носящих рекомендательный, инструктивный характер. Например: *Если вам*

Распределение СПП различных типов, составляющих комплекс обусловленности

Материалы	Кол-во единиц	СПП по типам				
		Условные СПП (УСПП)	Причинные СПП (ПСПП)	СПП цели (СППЦ)	СПП уступки (СППУ)	СПП следствия (СППС)
Региональные газеты Костромской области	500	44 %	19 %	25 %	11 %	1 %
Общероссийские СМИ	1 500	38 %	25 %	23 %	13 %	1 %
Произведения публицистики в целом	4 500	39 %	26 %	20 %	14 %	1 %

нужно помочь разыскать родных и близких, не пришедших с Великой Отечественной войны, пишите по адресу... [Северная правда, № 20, 18.05.2022: 8]; **Если** возбудители обнаружатся, потребуются срочно сделать укол иммуноглобулина [Северная правда, № 20, 18.05.2022: 22]. Понятно, что в конструкциях такого рода преобладают СПП с препозицией придаточного, что зафиксировано и на материалах общероссийских СМИ. См. также примеры с придаточным в постпозиции и интерпозиции соответственно: *На оттенок листвы стоит обратить особое внимание, **если** вы создаете сад определенного цвета* [Северная правда, № 31, 05.08.2020: 16–17]; *С укоренением делёнок (часть корня для размножения делением. – Н. Г.), **если** их вовремя поливать, проблем не будет* [Костромская народная газета, № 19, 11.05.2022: 21].

Рассмотрим череду условных СПП, в которой за счет присоединения к союзу *если* лексических элементов (*если – в особенности если – в случае если*) происходит сначала нарастание, а затем ослабление условного значения и следствия из него. См.: **Если** вы обнаружили на теле присосавшегося клеща (*в особенности если* пострадавший – ребенок!), лучше обратиться за медицинской помощью, например, в травмпункт. **В случае если** медицинская помощь недоступна... можно попытаться удалить клеща самостоятельно [Северная правда, № 20: 22]. Таким образом, модификация служебного слова обеспечивает реализацию экспрессивного синтаксического средства – градации.

По нашим наблюдениям, в публицистических произведениях и в текстах общероссийских газет и журналов второе место по употребительности в общей системе СПП обусловленности занимают причинные СПП (25–26 %). По материалам же костромских газет группа причинных СПП (19 %) уступает СПП цели (25 %). В региональных СМИ мы обнаруживаем более высокий процент целевых СПП (25 %) по сравнению с общероссийскими (23 %). Это также объясняется тенденцией преимущественного включения материалов рекомендательного характера в местные информационные ресурсы. См., например: **Чтобы** сад выглядел гармонично, определитесь

со стилистикой еще на стадии проектирования [Северная правда, № 31, 05.08.2020: 16–17]. В нынешних непростых условиях фонд предпринял целый ряд мер, **чтобы** поддержать костромской бизнес [Северная правда, № 31: 2].

Меньшая доля причинных СПП в региональных материалах на фоне общероссийских связана с тем, что, как показало исследование, местные периодические издания содержат меньше аналитических статей на общественно-политические, мировоззренческие, общеобразовательные темы, которые требуют логических выводов, обоснования, объяснения причин и т. п. Тем не менее свойственное причинным СПП разнообразие средств связи наблюдается как в региональных, так и в общероссийских изданиях. Об этом подробнее будем говорить ниже.

Доля СПП со значением уступки в публицистических материалах сохраняется на уровне 11 %–14 %. См. примеры: **Хотя** дождь уже не шел сплошной стеной, но всё еще моросил, а при ветерке падал крупными каплями [Костромская народная газета, № 19: 20]; ...Музей в первую очередь предназначен для людей, **хотя** посещают его и взрослые [Северная правда, № 20: 11]; **Несмотря на то что** художницы совсем юные, им уже иногда поступают заказы от галчан и гостей города [Новости региона, № 32: 2].

На СПП следствия приходится стабильно менее 1 % всех сложноподчиненных конструкций со значением обусловленности (см. таблицу выше). Например: **Субсидия составляла 73 млн рублей, так что** здесь мы заметно усилили свою материальную базу [Новости региона, № 32]. Они (добавки при приготовлении шашлыка. – Н. Г.) дают специфические пары, **так что** это – на любителя [Костромская народная газета, № 19: 19]. В газетах значительно чаще используются отдельные предложения с *Так что* в начальной позиции. Они выражают значение следствия того, о чем сказано в предыдущем предложении или нескольких предложениях. См., например: **Задача реконструкции – сохранить подлинные стены здания. Их укрепляют по уникальной технологии. Так что** все главные объемы будут сохранены [Костромские ведомости, № 19: 2]. Нередки даже слу-

чай, когда предложения с *Так что* инициируют абзац, указывая на следствие из предыдущего микротекста. Конструкции такого рода отличаются высокой степенью самостоятельности, обособленности, что позволяет квалифицировать их как отдельное предложение, а не придаточную часть СПП.

Теперь обратимся к употреблению основных сцепляющих и видообразующих структурных элементов СПП обусловленности – союзов. В.А. Белошапкина называет такие союзы семантическими [Белошапкина: 222], а С.Г. Ильенко – функциональными, подчёркивая, что связующие средства в предложениях подобного типа являются «главным организующим центром сложного предложения», составляющим «зерно его структуры, его важнейший строевой элемент» [Ильенко: 6–7]. В процессе анализа общероссийских СМИ мы обнаружили разнообразный спектр функциональных союзов и описали обстоятельства их употребления [Галкина 2021а; 2021б]. Примечательно, что все они встречаются и в региональных периодических изданиях. Как и в общероссийских СМИ, в региональных газетах во всех типах исследуемых СПП доминируют основные категориальные союзы: *если* – в условных СПП, *потому что* – в причинных, *чтобы* – в целевых, *хотя* – в уступительных предложениях [Галкина 2023: 174–175]. В то же время интерес представляют нетипичные, малочастотные средства связи и условия их функционирования.

В корпусе УСПП помимо общеупотребительного *если* находим конструкции с разговорным союзом *коли*: *Коли на Еремея погоже, то и уборка хлеба пригожа* [Хронометр, № 19: 2]. Данное предложение имеет историческую коннотацию и отражает просторечный говор в контексте описания народных примет в районах Костромской губернии. Отметим, что случаи употребления союза *коли* в общероссийской публицистике также связаны с целью придания высказыванию народного колорита или исторического оттенка [Галкина 2021а: 307]. См. ещё пример из рассказа о приметах и народных способах излечения: «(Вот чертов сын, лег на голые кирпичи, да ещё падалью накрылся, ну как теперь с тобой ляжешь). Оставайся, **коли так**, леший с тобой!» [Костромская народная газета, № 19, 11.05.2022: 13]. Здесь к тому же имеет место фразеологизация придаточного *коли так* – явление, свойственное публицистическим произведениям, о чём будем говорить ниже.

В корпусе целевых СПП помимо нейтрально-общеупотребительного *чтобы* встречаются случаи употребления составного союза *для того чтобы*, чаще в публикациях официального содержания. См.: *Я понимаю, что для того, чтобы реализовать идею, нужна команда* [Агитационные материалы]. Вызывает интерес употребление книжного, архаического союза *дабы* в целевых СПП в публицисти-

ческих текстах. «Русская грамматика» маркирует его пометой ‘устаревший’ и ‘высокий’: «Союз *дабы*, уже в XIX в. имевший окраску устарелости, в современном языке сохраняет эту окраску либо употребляется в целях стилизации или иронически» [РГ 1980: 595]. Л.Д. Беднарская в монографии, посвященной анализу развития системы сложного предложения «от Пушкина до наших дней», относит его к союзным средствам «архаико-эмотивной окрашенности» и говорит об оживлении их активности в современной художественной прозе [Беднарская: 79]. В одной из костромских газет обнаруживаем в рассказе о житейских передрагах, происшествиях употребление *дабы*: *Женщина, дабы не встречать старость в одиночестве, приняла предложение нового друга съехаться* [Хронометр, № 19: 6]. Подключение *дабы* в данном случае придает высказыванию просторечность/народность, указывает на намерение, вызванное жизненными обстоятельствами. В центральных периодических изданиях мы также отмечаем случаи употребления этого стилистически окрашенного средства связи в целях создания исторического колорита, придания оттенка торжественности, для имплицитного выражения авторской иронии, сарказма [Галкина 2021а].

Употребление причинных союзов характеризуется большим разнообразием, что обнаруживается и на региональном уровне. Во всем ассортименте средств связи причинных СПП как в общероссийских, так и в региональных СМИ наиболее распространенными являются *потому что*, *поскольку* и *так как*, при бесспорном доминировании *потому что*. См., например: *Она (церковь. – Н. Г.) была построена в 1781 году и сегодня довольно плохо сохранилась, да и куполов давно лишилась, **потому что** долгое время была занята пищевым производством* [Костромские ведомости, № 19: 24]. Оформленное общеупотребительным типизированным союзом *потому что*, придаточное выражает реальную, действительную причину. Такое же причинное значение, но в более официальном стиле отмечаем в предложениях с союзами *поскольку* и *так как*. См. соответственно: ***Поскольку** в Костроме нет другой культурной площадки... лекторы к нам приходят с радостью* [Костромские ведомости, № 19: 11]; ***Так как** читательница попросила узнать историю именно ордена Красной Звезды, мы начали поиск именно его истории* [Северная правда, № 31, 05.08.2020: 2].

Помимо продуктивных *потому что*, *поскольку* и *так как*, в региональной выборке ПСПП находим менее частотные союзы дифференцирующего типа [РГ 1980: 583–584]: *из-за того что*, *благодаря тому что*, *оттого что*. См., например: *С одним из кавалеров пришлось прервать отношения **из-за того, что** она виделась с ним всего раз в год* [Хро-

номер, № 19: 4]; *Произошло это в 2013-м из-за того, что муж начал выпивать*. [Хронометр, № 19: 6]. В конструкциях с этим союзом отмечается указание на причину неблагоприятных событий. Напротив, для указания на благоприятствующую причину используется малопродуктивный устаревший союз *благо* [РГ 1980: 585]. См.: *Мы сопереживали и помогли, восхищались и улыбались – благо для этого были поводы* [Северная правда, № 31: 9]. Употребление официального *в связи с тем, что* встречается в описании обстоятельств уголовного дела, о чем прямо сказано в скобках в примечании редактора. См.: *В связи с тем, что сожитель матери постоянно делал замечания, между нами началась словесная перепалка, которая переросла в конфликт* [Хронометр, №19, 10.05.2022: 6].

Рассмотрим два следующих примера с указанием на причину: 1) *От того, что мы назовем район, где пропал человек, ничего не изменится* [Костромские ведомости, № 19: 13]; 2) *(Если же беременная перейдет дорогу, когда несут покойника,) – пятно образуется оттого, что у ребенка «запечется кровь»* [Костромская народная газета, № 19: 13]. Различие в графическом оформлении союзного сочетания (*от того, что* vs *оттого, что*), которое наблюдалось и в материалах центральных газет, свидетельствует о том, что данное сочетание еще не окончательно оформилось/закрепилось как составной причинный союз, процесс формирования союзных средств СПП ещё продолжается.

Следующая конструкция интересна тем, что иллюстрирует последовательное развертывание причинного обоснования в парцелированной конструкции с несколькими придаточными, оформленными при помощи различных средств связи: *(Что вызывает большой интерес? – Наша последняя работа – спектакль «Ох уж эта Анна!»). Наверное, потому что это – комедия, что всегда весело и хорошо, ведь это поднимает настроение* [Костромская народная газета, № 19: 12].

Следует отметить, что в исследуемой выборке нам не встретились причинные конструкции, оформленные союзом *ибо*, который по результатам анализа общероссийских СМИ и публицистических произведений в целом оказывается по продуктивности наравне с общеупотребительным *так как* [Галкина 2021б: 35]. Отсутствие данного союза в материалах текущего исследования объясняется тем, что региональные газеты не содержат аналитических статей на общественно-политические, социально-экономические темы, в которых причинные конструкции чаще имеют характер убеждения, обоснования, аргументации авторской позиции – семантическая область, относящаяся к сфере функционирования союза *ибо* [Галкина 2021б: 35].

В корпусе СПП уступки находим все присущие им средства связи (*хотя, несмотря на то что*, сочетания *даже если, кто/что/где/куда/сколько ни*, слова-связки *правда* и *пусть*). Например, СПП с условно-уступительным значением: 1) *Даже если шведский концерн полностью прекратит поставки своей продукции на российский рынок, отечественные производители обеспечат туалетной бумагой* [Костромская народная газета, № 19: 11]; 2) *Некоторые вызывают бригаду, даже если просто чуть-чуть подскочило давление* [Хронометр, № 19: 17]. Приведем примеры обобщенно-уступительных СПП: *Куда бы я ни обращалась, везде говорили, что им нужны мальчики* [Костромская народная газета, № 19: 12]; *Кто бы на него ни покусился, не теряйте уверенности в своих силах* [Хронометр, № 19: 16]. Здесь к тому же имеет место инверсия (изменение стандартного порядка слов) – средство усиления экспрессии, свойственное публицистике. В рассказе о жизни в российской глубинке, предполагающем неформальный стиль изложения, также отмечаем инверсию союза (который здесь используется в редуцированном виде – *хоть*) по отношению к подлежащему: *Роман хоть и учился на престижном факультете, но его всегда тянуло в родные края* [Северная правда, № 20: 20]. Приведем пример употребления слова *пусть* в качестве квалификатора уступительных отношений: *Пусть в целом он (Костромской кремль. – Н. Г) смотрится впечатляюще, работ ещё много* [Северная правда, № 20: 7].

Текстам газетного стиля присущи редуцированные формы союзов. Они делают речь менее официальной, более разговорной и встречаются в текстах, посвященных народной жизни (приметы – примеры 1, 2 ниже), описанию житейских ситуаций, включая реплики героев рассказа, очерка (примеры 3, 4 ниже). См. примеры из региональных СМИ: 1) *В наше время урилотерапия – известное, хоть и весьма небесспорное средство* [Костромская народная газета, № 19: 13]; 2) *Нельзя смотреть на слепых уродов, чтоб это не передалось ребенку* [Костромская народная газета, № 19: 13]; 3) *Быстрей одергивай стожок, чтоб не замочило* [Костромская народная газета, № 19: 20]; 4) *(Руки побаливали в предплечьях, но девчонка не чувствовала никакой усталости,) и если б только сейчас потребовалось сложить ещё один стог, у нее бы хватило сил* [Костромская народная газета, № 19: 20]. Такие усеченные формы имеют незначительное соотношение на фоне употребления категориальных функциональных союзов, что также было обнаружено и на материале общероссийской публицистики.

Отметим также наличие в региональных СМИ таких проявлений экспрессивного синтаксиса, как парцелляция и фразеологизация придаточной части. См., например, примеры парцелляции придаточных различного типа: 1) *Это можно реализовать. Если*

продолжить начатую работу [Агитационные материалы]; 2) *Какие-то способы лечения признаются сегодняшней медициной, что-то считается заблуждением и предрассудками малограмотных людей. Хотя бывает и наоборот* [Костромская народная газета, № 19: 13]. Если в группе условных, причинных и уступительных СПП оформление придаточных в виде самостоятельных предложений в смысловом отношении придает им статус дополнительного замечания, уточнения, оценочного суждения, то в случае парцелляции целевых СПП внутренняя мотивация направлена на усиление, актуализацию целевого компонента высказывания. См.: *Если мы за это платим, то давайте использовать максимально. Чтобы люди получили преимущества от этой работы* [Северная правда, № 20: 3].

Отличительная черта синтаксиса в публицистике – десемантизация или фразеологизация придаточного. Это явление наблюдаем и в региональных источниках. Фразеологизация придаточного наиболее частотна и разнообразна в корпусе условных СПП [Галкина 2021в]. См., например: *В принципе, если быть совсем точным в определениях, то триммер – это ручная электрическая газонокосилка* [Северная правда, № 31: 23]. *А собственно, кто, если не мы, на страже прав потребителя?* [Северная правда, № 31: 24]. *Если не лень, можно регулярно удалять свернувшиеся увядающие цветки* [Костромская народная газета, № 19: 21]. См. также пример фразеологизации в конструкции, формально представляющей обобщенно-уступительное СПП: *И ей тут, как ни странно, очень понравилось* [Северная правда, № 20: 20].

Таким образом, в текстах региональных газет Костромской области на синтаксическом уровне присутствуют, и примерно в той же пропорции, все структурно-семантические особенности конструкций со значением обусловленности: распределение по типам СПП, употребление типизированных и нетипизированных средств связи, явления градации, инверсии, парцелляции, фразеологизации придаточных. «Публицистика тематически неисчерпаема, огромен ее жанровый диапазон, велики выразительные ресурсы» [Солганик: 203]. По материалам анализа наиболее востребованных, семантически ёмких и значимых сложноподчиненных предложений можно сделать вывод, что синтаксический медиаобраз Костромского региона – исторической и географической части центральной России – в целом отражает общую картину в современной русской публицистике.

Список литературы

Агитационные материалы «Партии социальной защиты».

Беднарская Л.Д. Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской ху-

дожественной прозы XIX–XX столетий: монография. Орёл: Орловский государственный университет, 2014. 170 с.

Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. Москва: Высшая школа, 1977. 248 с.

Галкина Н.П. Роль и место устаревших союзов в современной публицистике // Известия Смоленского государственного университета. 2021а. № 1 (53). С. 86–101.

Галкина Н.П. Типология причинных конструкций в гипотаксисе (на материале публицистики XX–XXI вв.) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021б. Т. 43, № 3. С. 32–40.

Галкина Н.П. Фразеологизированные компоненты условного типа в системе сложноподчиненных предложений // Неофилология. 2021в. Т. 7, № 26. С. 193–201.

Галкина Н.П. Ключевые слова в аспекте частотности и тематической релевантности // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 180–185.

Галкина Н.П. Ядерные и периферийные варианты построения сложноподчиненных предложений со значением обусловленности в научном и публицистическом стилях современного русского языка // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 172–180. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-172-18>

ГСРЛЯ 1970 – Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Наука, 1970. 767 с.

Ильенко С.Г. Сложное предложение в современном русском языке. Типология сложноподчинённого предложения. Ленинград, 1976. 32 с.

Костромская народная газета. № 19, 11.05.2022.

Костромские ведомости. № 19, 10–16 мая 2022.

Лалетина А.О. Языковая норма в эпоху глобализации // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, кн. 6. С. 219–226.

Новости региона. № 32, 05.08.2020.

Пушкарева Н.В. Русская грамматика: объединяющий фактор в эпоху перемен // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 125–134.

РГ 1980 – Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Наука, 1982. 714 с.

Северная правда. № 31. 05.08.2020.

Северная правда. № 20. 18.05.2022.

Солганик Г.Я. Стилистика текста. 3-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2001. 256 с.

Хронометр. № 19. 10.05.2022.

Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? Москва: Гнозис, 2010. 296 с.

References

- Agitacionnye materialy "Partiya social'noj zashchity", newspaper. (In Russ.)
- Bednarskaya L.D. *Osnovnye zakonomernosti v razvitií slozhnogo predlozheniya v yazyke russkoj hudozhestvennoj prozy XIX–XX stoletij: monografiya* [Basic patterns in the development of complex sentences in the language of Russian prose of the 19th – 20th centuries: monograph]. Oryol, Orlovskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2014, 170 p. (In Russ.)
- Beloshapkova V.A. *Sovremennyy russkij yazyk. Sintaksis* [Modern Russian language. Syntax]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1977, 248 p. (In Russ.)
- Galkina N.P. *Rol' i mesto ustarevshih soyuzov v sovremennoj publicistike* [The role and place of outdated unions in modern journalism]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Smolensk State University], 2021, No. 1 (53), pp. 86-101. (In Russ.)
- Galkina N.P. *Tipologiya prichinnyh konstrukcij v gipotaksise (na materiale publicistiki XX–XXI vv.)* [Typology of causal constructions in hypotaxis (based on journalism of the XX–XXI centuries)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2021, vol. 43, No. 3, pp. 32-40. (In Russ.)
- Galkina N.P. *Frazeologizirovannyye komponenty uslovnogo tipa v sisteme slozhnopodchinennyh predlozhenij* [Phraseological components of conditional type in the system of complex sentences]. *Neofilologiya* [Neophilology], 2021, vol. 7, No. 26, pp. 193-201. (In Russ.)
- Galkina N.P. *Klyucheveye slova v aspekte chastotnosti i tematicheskoj relevantnosti* [Key words in terms of frequency and thematic relevance]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2022, vol. 28, No. 3, pp. 180-185. (In Russ.)
- Galkina N.P. *Yadernyye i periferijnyye varianty postroeniya slozhnopodchinennyh predlozhenij so znacheniem obuslovlennosti v nauchnom i publicisticheskom stilyah sovremennogo russkogo yazyka* [Core and peripheral constructions of complex sentences with the meaning of conditionality in the scientific and journalistic styles of the modern Russian language]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2023, vol. 29, No. 3, pp. 172-180. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-172-18>
- Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 767 p. (In Russ.)
- Hronometr* [Chronometer], newspaper, No. 19, 2022, 10 May. (In Russ.)
- Il'enko S.G. *Slozhnoe predlozhenie v sovremenном русском языке. Tipologiya slozhnopodchinennogo predlozheniya* [Complex sentence in modern Russian. Typology of complex sentences]. Leningrad, 1976, 32 p. (In Russ.)
- Kostromskaya narodnaya gazeta* [Kostroma People's Newspaper], newspaper, No. 19, 2022, 11 May. (In Russ.)
- Kostromskie vedomosti* [Kostroma News], newspaper, No. 19, 2022, 10-16 May. (In Russ.)
- Laletina A.O. *Yazykovaya norma v epohu globalizacii* [Language norm in the era of globalization]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University], 2011, vol. 153, iss. 6, pp. 219-226. (In Russ.)
- Novosti regiona* [Regional news], newspaper, No. 32, 2020, 5 Aug. (In Russ.)
- Pushkareva N.V. *Russkaya grammatika: ob"edinyayushchij faktor v epohu peremen* [Russian grammar: a unifying factor in an era of change]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current problems of philology and pedagogical linguistics], 2017, No. 3, pp. 125-134. (In Russ.)
- Russkaya grammatika: v 2 t. T. 2: Sintaksis* [Russian grammar: in 2 vols. Vol. 2: Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 714 p. (In Russ.)
- Severnaya Pravda* [Northern Truth], newspaper, No. 31, 2020, 5 Aug. (In Russ.)
- Severnaya Pravda* [Northern Truth], newspaper, No. 20, 2022, 18 May. (In Russ.)
- Solganik G.Ya. *Stilistika teksta* [Text stylistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2001, 256 p. (In Russ.)
- Yudina N.V. *Russkij yazyk v XXI veke: krizis? evolyuciya? progress?* [Russian language in the 21st century: crisis? evolution? progress?]. Moscow, Gnozis Publ., 2010, 296 p. (In Russ.)
- Статья поступила в редакцию 26.05.2024; одобрена после рецензирования 01.06.2024; принята к публикации 13.09.2024.*
- The article was submitted 26.05.2024; approved after reviewing 01.06.2024; accepted for publication 13.09.2024.*

ФЕНОМЕН АГРЕССИИ В ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМА ТЕРМИНООБОЗНАЧЕНИЯ

Фирсова Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия, firsovamariaa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3819-6586>

Аннотация. В статье выделены основные подходы к описанию агрессии в языке. Полифонический статус речевой агрессии связан с междисциплинарностью данного феномена и объясняется повсеместным распространением агрессии в современной речевой практике. Цель данной статьи – представление и сопоставление имеющихся в языкознании подходов к изучению агрессии и определение агрессии в рамках лингвокогнитивного подхода. Описаны направления научной лингвистической мысли в исследовании агрессии и установлены ее типологические различия, служащие основой для концептуальных подходов к классифицированию ее видов. Рассмотрена типология вербальной агрессии в работах отечественных исследователей по следующим направлениям: 1) речевой акт, 2) форма речевого поведения, 3) коммуникативная стратегия, 4) речевое (коммуникативное) действие. Установлено, что вербальная агрессия включает в себя не только известные средства ее вербализации, но и все возможные условия коммуникативного пространства, специфику дискурса, в котором она репрезентируется, состояние и статус коммуникантов. Это обусловлено комплексным подходом к пониманию вербальной агрессии, заключающейся в нанесении вреда адресату или объекту речи. Выбирая агрессивную форму речевого поведения, говорящий выполняет две функции: адаптации или защиты. Эти функции человеческой агрессии определяют ее существование в разных типах дискурса, обуславливают формы ее вербализации.

Ключевые слова: вербальная агрессия, коммуникативно-прагматический подход, форма речевого поведения, коммуникативная стратегия, речевой акт.

Для цитирования: Фирсова М.А. Феномен агрессии в языке: проблема терминологии // Вестник костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 140–147. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-140-147>

Research Article

THE PHENOMENON OF AGGRESSION IN LANGUAGE: THE PROBLEM OF TERMINOLOGY

Maria A. Firsova, Candidate of Philological Sciences, Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, firsovamariaa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3819-6586>

Abstract. The article highlights the main approaches to describing aggression in language. The polyphonic status of speech aggression is associated with the interdisciplinarity of this phenomenon and is explained by the widespread spread of aggression in modern speech practice. The purpose of this article is to present and compare the approaches available in language to the study of aggression and the definition of aggression within the framework of a linguocognitive approach. The directions of scientific linguistic thought in the study of aggression are described and its typological differences are established, which serve as the basis for conceptual approaches to classifying its types. The typology of verbal aggression in the works of Russian researchers in the following areas is considered: 1) speech act, 2) form of speech behaviour, 3) communicative strategy, 4) speech (communicative) action. It is established that verbal aggression includes not only the known means of its verbalisation, but also all possible conditions of the communicative space, the specifics of the discourse in which it is represented, the state and status of communicants. This is due to a comprehensive approach to understanding verbal aggression, which consists in harming the addressee or the object of speech. Choosing an aggressive form of speech behaviour, the speaker performs two functions: adaptation or protection. These functions of human aggression determine its existence in different types of discourse, determine the forms of its verbalisation.

Keywords: verbal aggression, communicative-pragmatic approach, form of speech behaviour, communicative strategy, speech act.

For citation: Firsova M.A. The phenomenon of aggression in language: the problem of terminology. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 140–147 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-140-147>

Введение. Лингвистика всегда находилась в поиске способов и средств выражения в языке различных проявлений чувств, оценок и эмоциональных состояний субъекта, современная лингвистика занимается выявлением языковых инструментов оказания речевого воздействия. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска универсального механизма терминологии агрессии в языке с учетом многоаспектности и распространенности данного феномена в речевой практике. Широкая представленность проблемы агрессии в лингвистических исследованиях последних десятилетий, с одной стороны, расширяет и дополняет объем научных знаний в данной области, а с другой – вносит некоторый диссонанс в толкование термина. Так, отсутствует единый теоретический подход к проблеме агрессии в языке, а вопросы о ее составляющих, способах объективации, о границах данного понятия остаются дискуссионными. Следовательно, одной из важных задач лингвистических исследований является выработка единого системного подхода к обозначению агрессии в языке для дальнейшего развития и приращения научного знания в области персуазивной лингвистики.

Цель данной статьи – представление и сопоставление имеющихся в языке подходов к изучению агрессии и определение агрессии в рамках лингвокогнитивного подхода.

Материалы и методы исследования. В ходе исследования нашли применение следующие методы: общенаучный индуктивно-дедуктивный метод, позволивший сформулировать гипотезу о полифоническом статусе агрессии в языке; метод анализа теоретических подходов, послуживший основой для сопоставления имеющихся направлений исследования феномена вербальной агрессии; метод когнитивно-дискурсивного анализа, нашедший применение в объяснении условий и способов вербализации агрессии.

Результаты исследования. Полифонический статус термина агрессии объясняется различными подходами к описанию данного феномена в смежных с лингвистикой научных областях: философии, социологии, психологии и др. Так, в Большом толковом психологическом словаре дается следующее определение: «Агрессия – очень общий термин, используемый для обозначения разнообразных действий, включающих нападение, враждебность» [Ребер: 22]. В Словаре общественных наук под агрессией понимаются «незаконные, запрещенные международным правом насильственные действия, направленные против территориальной целостности государства» [Подольская: 15]. Толковый социологический словарь определяет агрессию как «враждебное отношение или действие, в основе которых лежат гнев или страх» [Джери: 17]. Приведенные дефини-

ции демонстрируют сходство взглядов на осмысление агрессии общественными науками.

Первоисточником научных воззрений на агрессивное считается психология, где З. Фрейд положил начало исследованиям агрессии как врожденного свойства личности и как обязательного условия выживания организмов, их форме адаптации к внешней среде. Последователи фрейдизма выделяли агрессию враждебную, побуждаемую злостью и являющуюся самоцелью, и инструментальную, служащую средством достижения какой-либо цели. Целенаправленность как главная определяющая характеристика агрессии лежит, в частности, в основе методики измерения уровня агрессии (опросник Басса – Дарки).

В психологических же исследованиях для проявлений агрессии в речи избирается термин «вербальная агрессия». Остановимся на данном термине, устанавливая противопоставление «физическая агрессия – вербальная агрессия».

В лингвистике конца XX – начала XXI веков психологический термин «вербальная агрессия» претерпел ряд изменений и дополнений, о чем свидетельствует появление терминологических сочетаний «языковая агрессия» [Апресян 2003], «речевая агрессия» [Воронцова 2006], «словесная агрессия» [Дашковский 1995], нередко взаимозаменяемых в современных научных работах (см., например: [Щербинина 2013]). В зарубежной лингвистике, наряду с «verbal aggression» [Agar-Hutton 2003; Infante, Wigley 1986], встречаются термины «obscene language» [Baudhuin 1973; Dreizin, Priestly 1982] и «hate speech» [Baker 2008; Strossen 1996].

Понятие «вербальная агрессия» [Шейгал 1999] становится объектом рассмотрения в различных лингвистических областях, отражающих междисциплинарный подход к данному языковому феномену. Следует отдельно сказать о наиболее значимых направлениях научных исследований. Среди них: 1) медиалингвистика, решающая задачу изучения речевой агрессии с точки зрения воздействия на массовую аудиторию [Воронцова 2006; Черкасова 2011 и др.]; 2) юрелингвистика, фокусирующаяся на проблеме речевой агрессии в аспекте правового поля и соблюдения норм законодательства [Баранов 2007; Бринев 2009; Галяшина 2020 и др.]; 3) контрастивная лингвистика, исследующая сопоставительные характеристики проявлений речевой агрессии в разных языках [Лазебная 2007; Маковский 2006; Файзуллина 2008 и др.]; 4) коммуникативная лингвистика, выявляющая агрессию в коммуникативных стратегиях и тактиках [Иссерс 2008; Пекарская 2009; Федорова 1991 и др.]; 5) дискурсология как направление коммуникативной лингвистики, определяющее условия и особенности проявления речевой агрессии в различных типах дискурса [Темиргазина, Бачурка 2017 и др.].

Каждая из областей лингвистического знания, разрабатывая собственную терминологию, стремится описать те составляющие агрессии, которые отражают проблематику конкретной области.

В результате анализа работ отечественных исследователей, обращающихся к феномену вербальной агрессии, нам удалось выделить несколько основных интерпретаций данного термина, прежде всего в рамках коммуникативно-прагматического подхода.

1. Вербальная агрессия – речевой акт. Описание вербальной агрессии как речевого акта основано на характеристиках общезыкового и ситуационного контекста. Например, в работе Т.С. Шахматовой под речевым актом вербальной агрессии подразумевается оскорбление – «речевой акт прямого действия, направленный на подавление интеллектуальной составляющей сознания личности с целью отрицания ее социальной значимости» [Шахматова: 268]. Целеустановка речевого акта агрессии посредством оскорбления заключается в нанесении вреда, понимаемого также как языковое насилие. К категориальным признакам вербальной агрессии как речевого акта, выделенным О.В. Масловой, относятся следующие: форма, целевая установка адресата, коммуникативная ситуация, оценка предмета речи [Маслова: 23]. Таким образом, речевой акт агрессии отличается персональной направленностью, основанной на нарушении социальных запретов говорящим, а изменения в психоэмоциональном состоянии адресата являются результатом реализации данного речевого акта. Вербальная агрессия может быть также репрезентирована и другими речевыми актами, например: враждебным замечанием, угрозой, грубым требованием, грубым отказом, порицанием (упреком), обвинением, иронией. Данная классификация, предложенная Ю.В. Щербининой, нашла свое применение в лингвистических работах последних лет, в которых подробно описывается каждый вербально-агрессивный акт как в свете коммуникативно-прагматического подхода [Сидорова 2009; Гузенко 2012 и др.], так и в сопоставительном [Денисова 2021], когнитивном [Кошкарова 2012; Ларионова 2017 и др.] и лингвоэкологическом аспектах [Самкова 2022; Сироткина 2016 и др.]. В перечисленных исследованиях вербально-агрессивный акт рассматривается как целенаправленное нанесение вреда с учетом изменения протекания самого процесса коммуникации за счет умаления коммуникативных прав речевого партнера. Например, враждебное замечание, часто проявляющееся имплицитно через отрицательное сравнение, перенаправляет коммуникацию в негативную сторону, делая ее невозможной для продолжения. Например: «Некоторые мои друзья – это друзья детства, которых я знаю очень давно и которые говорят мне, если я веду себя, как придурок» [Национальный корпус].

Прямые вербально-агрессивные акты подкреплены иллюкутивной целью участника коммуникации – нанесением вреда объекту воздействия средствами речи. Происходит манифестирование агрессии посредством вербальных актов угрозы, грубого требования/отказа, упрёка, обвинения, которые способны перенаправить коммуникацию в негативный сценарий протекания, вовсе прекратить ее или служить причиной эскалации агрессии.

Примерами вербально-агрессивного акта в бытовом межличностном и в публичном взаимодействии также могут служить шейминг, флейминг, кибербулинг, троллинг – формы вербальной агрессии в интернет-коммуникации. Отмечается, что троллинг – это «речевая провокация с целью эскалации конфликта», флейминг – «агональный диалог, спор ради спора» [Воронцова: 112]. Данные явления рассматриваются как способы дестабилизации коммуникации в интернет-пространстве, а также как формы нарушения этико-речевой нормы. Вербально-агрессивные акты в сетевом взаимодействии обусловлены открытостью медиaprостранства, в котором формами реализации агрессии являются и отдельно взятые табуированные единицы, и целые коммуникативные приемы, развертывающиеся и функционирующие во временном континууме. Каждый агрессивный речевой акт сопровождается целенаправленным нанесением вреда коммуниканту средствами речи, способными спровоцировать ответную агрессию.

2. Вербальная агрессия – форма речевого поведения. Понимание вербальной агрессии как формы поведения предложено в 1961 году психологом А. Бассом: «Вербальная агрессия – это выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угроза, проклятия, ругань)» [Buss: 11]. Ряд исследователей сходится во мнении о том, что вербальная агрессия имеет целью выражение негативных реакций, состояний, однако точного представления о способах экспликации агрессивного речевого поведения не дается. Ю.В. Щербинина трактует вербальную агрессию как «проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие» [Щербинина: 13], О.Н. Быкова – как «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление» [Быкова: 97]. В.Ю. Апресян дает самое широкое определение и включает в вербальную агрессию все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату [Апресян: 33]. Агрессивную форму речевого поведения приобретает, когда говорящий использует негативные вербальные средства передачи чувств и отношений.

По нашему мнению, при определении вербальной агрессии необходимо учитывать не столько типологию способов передачи негативного или отрицательного намерения говорящего, сколько весь возможный

арсенал речевых средств выражения агрессии, к которым исследователи относят инвективную и стилистически сниженную лексику, жаргонную лексику, иронию, агрессивную метафору [Петрова, Рацибурская: 31].

Выбирая агрессивную форму речевого поведения, говорящий выполняет две функции: адаптации (биохевиористская теория) или защиты (фрустрационная теория). Эти функции человеческой агрессии предопределяют ее существование в разных типах дискурса, обуславливают формы ее вербализации. Например, использование жаргонизмов и сленгизмов играет роль в формировании групповой идентичности говорящего – делает его носителем молодежной или иной субкультуры.

Определение термина «вербальная агрессия» как формы речевого поведения обусловлено ведущими функциональными характеристиками: формальной – словесное оформление высказываний, включающее оценку вербальных и невербальных (интонация, тембр и пр.) средств ее репрезентации; содержательной – анализ темы и цели текстов (высказываний); структурной – комплексного описания дискурсивных условий коммуникации/текстов и экстралингвистических факторов, влияющих на них.

Частным случаем агрессивной формы речевого поведения является агрессия как речевое действие.

3. Вербальная агрессия – речевое (коммуникативное) действие. Вербальная агрессия в форме коммуникативного действия представляет собой различные речевые проявления, неоднородные по своему содержанию. К таким, например, относится коммуникативный саботаж – намеренное речевое действие, при котором говорящий «отбирает информацию, придает ей определенную форму и излагает в соответствии с целями высказывания» [Андреева: 5]. Вербальная агрессия служит одной из форм выражения коммуникативного саботажа, в то время как номенклатура коммуникативных действий, основанных на ней, довольно широка. Так, К.Ф. Седов выделяет четырнадцать агрессивных субжанров, среди которых – злопожелание, колкость, констатация некомпетентности, грубое прерывание коммуникативного акта и др. [Седов: 36].

В современных исследованиях вербальная агрессия, репрезентированная в форме коммуникативного действия, определяется как один из лингвистических феноменов, связанных с нанесением коммуникативного вреда. К.Ф. Седов определяет вербальную агрессию как «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [Седов: 88]. Л.Р. Комалова рассматривает агрессию как «многоаспектный феномен, в том числе и как комплекс реализуемых

и воспринимаемых деструктивных эмоциональных и эмоционально-модальных состояний, манифестируемых в наборах коммуникативных действий» [Комалова: 9]. Данные действия задают вектор развертывания коммуникации и определяют в этом случае вербальную агрессию как установку на антидиалог.

Вербальная агрессия как коммуникативное действие рассматривается Т.В. Ларионовой в свете психолингвистического подхода, который предопределяет контекстные условия (в первую очередь психологическое и эмоциональное состояние участников общения) в возникновении вербальной агрессии [Ларионова: 117].

Коммуникативное действие, эксплицирующее вербальную агрессию, определяется дискурсивными условиями, индивидуально-личностными особенностями коммуниканта, фрустрирующими обстоятельствами и др., которые в комплексе предопределяют коммуникацию как агрессогенную.

4. Вербальная агрессия – коммуникативная стратегия. Рассмотрение вербальной агрессии как стратегической коммуникации предпринято в работе П.Н. Горелик, где автор классифицирует ее по следующим сценариям: «просьба», «обвинение», «жалоба», «оправдание речевой агрессии», «враждебная интонация», «поток агрессивной речи» [Горелик: 1243]. По мнению Ю.В. Яковлевой, коммуникативная агрессия – это «использование языковых средств для выражения враждебности, негативных эмоций и намерений в неприемлемой в данной коммуникационной ситуации форме, преследующее цель оказать отрицательное воздействие на адресата» [Яковлева: 54]. Т.А. Воронцова подчеркивает, что в основе коммуникативной агрессии находится конфликтное речевое поведение, «нарушающее межличностное взаимодействие и приводящее к противостоянию участников коммуникации» [Воронцова: 84]. Следовательно, коммуникативный акт как акт познания, основанный на агрессии, включает в себе противоречие, реализующееся в установке на антикоммуникацию.

Вербальная агрессия как коммуникативная стратегия может быть репрезентирована коммуникативными приемами, реализующими цели коммуникативного дисбаланса, например: перебивания, перехваты речевого хода, демонстративный отказ от коммуникации, враждебная интонация и др. Комплекс дискурсивных условий и экстралингвистических факторов при реализации агрессии в коммуникативных стратегиях является определяющим при выборе репрезентирующих ее приемов. Например, А.В. Карякин рассматривает стратегию дискредитации как вид речевой агрессии, нацеленный на понижение статуса оппонента [Карякин: 166]. О.С. Иссерс выделяет тактики, в которых раскрывается стратегия дискредитации: тактика «прямого оскорбления»,

тактика «навешивания ярлыков», тактика «косвенного оскорбления» [Иссерс: 90]. Каждая из них направлена на негативную характеристику, реализуемую через прямые и косвенные оценочные суждения, и может быть вербализована как прямыми негативными номинациями, так и посредством иронии, метафоры, гиперболы и пр.

Выводы. Итак, в современных лингвистических исследованиях отмечается тенденция, состоящая в отказе от абсолютизации какого-либо одного фактора в определении агрессии в языке, речи и коммуникации. Интеграция подходов к изучению вербальной агрессии продиктована самой ее природой, заключающейся в сложной многоуровневой структуре, многофакторных условиях зарождения и экспликации.

Вербальная агрессия включает в себя не только известные средства ее вербализации, но и все возможные условия коммуникативного пространства, специфику дискурса, в котором она репрезентируется, состояние и статус коммуникантов. Это обусловлено комплексным подходом к пониманию вербальной агрессии, заключающейся в нанесении вреда адресату или объекту речи.

В рамках данной статьи вербальная агрессия была рассмотрена со следующих позиций: 1) речевой акт, 2) форма речевого поведения, 3) речевое (коммуникативное) действие, 4) коммуникативная стратегия. Определены типологические характеристики каждого подхода к описанию вербальной агрессии в лингвистических исследованиях последних лет. Установлено, что вербальная агрессия как речевой акт определяется целенаправленным нанесением вреда коммуниканту средствами речи; вербальная агрессия – форма речевого поведения – обусловлена формальной, содержательной и структурной характеристиками, сопровождающими ее; вербальная агрессия – коммуникативное действие – предопределяется дискурсивными условиями, индивидуально-личностными особенностями коммуниканта, фрустрирующими обстоятельствами, характеризующими ее репрезентацию; вербальная агрессия как коммуникативная стратегия эксплицируется тактиками и приемами, имеющими цель оказать отрицательное воздействие на адресата.

Список литературы

Андреева В.Ю. Коммуникативный саботаж в ряду смежных речевых явлений (сопоставление с конфликтом, речевой агрессией, коммуникативным давлением) // *Современные проблемы науки и образования.* 2014. № 1. С. 356.

Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия в языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Междунар. конф. «Диалог 2003».* Москва: Наука, 2003. С. 14–18.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Москва: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. Барнаул: АлтГУ, 2009. 252 с.

Быкова О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия // *Вестник Российской риторической ассоциации.* 1999. Вып. 1. С. 96–99.

Воронцова Т.А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2006. № 1. С. 84.

Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология.* 2016. № 2. С. 109–116.

Галяшина Е.И. Использование специальных знаний для противодействия угрозам информационной безопасности интернет-коммуникации // *Вестник криминалистики.* 2020. № 2 (74). С. 24–29.

Горелик П.Л., Русакова М.М., Куценко Л.В. Речевая агрессия как стратегическая коммуникация // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2022. № 4. С. 1243.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. Москва, 2001. 304 с.

Гузенко О.В. Феномен речевой агрессии в текстах западных СМИ // *Вестник Майкопского государственного технологического университета.* 2012. № 2. С. 52–56.

Дашковский Х. Словесная агрессия // *Наука и жизнь.* 1995. № 6. С. 99–101.

Денисова А.В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии в английском и русском языках // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2021. С. 48–56.

Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Москва: Вече: АСТ, 2001. С. 17.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

Карякин А.В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // *Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание.* 2009. № 2. С. 166.

Комалова Л.Р. Параметры типологизации агрессии, вербализованной в письменном тексте/дискурсе // *Этнопсихолингвистика.* 2022. № 3. С. 7–25.

Кошкарлова Н.Н. Лингвистические механизмы речевой агрессии в политическом интервью межкультурного уровня // *Культура и текст.* 2012. № 1 (13). С. 11–21.

Лазебная И.Б. Способы выражения речевой агрессии в английском языке // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета.* 2007. № 8. С. 242–254.

Ларионова Т.В. Речевая агрессия: от речевой практики к социокогнитивной матрице // *Филологические*

науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-1 (73). С. 117.

Маковский М.М. Феномен табу в традициях и в языке европейцев. Сущность – формы – развитие. Москва: КомКнига, 2006. 280 с.

Маслова О.В. Особенности выражения речевой агрессии в коммуникативном поведении американцев и русских // Полилингвистическая и транскультурные практики. 2013. № 2. С. 23.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Пекарская Е.А. Речевая и поведенческая агрессия как причина коммуникативных неудач // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 170–174.

Петрова Н.Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. Москва: Флинта: Наука, 2011. 160 с.

Подольская Е.А. Словарь общественных наук / Е.А. Подольская, Д.Е. Погорелый, В.Д. Лихвар. Москва: Феникс, 2006. С. 15.

Ребер А. Большой толковый психологический словарь. Москва: Вече: АСТ. 2000. Т. 1. С. 22.

Самкова М.А. Инвектива в читательских комментариях // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4 (47). С. 132–136.

Седов К.Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. 2005. № 6. С. 87–104.

Сидорова Е.Ю. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 28–31.

Сироткина Т.А. Обсуждение проблем конфликтного речевого взаимодействия в рамках курсов повышения квалификации «Профилактическая работа по предупреждению экстремизма и выявлению вербальной агрессии» // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 7. С. 91–94.

Темиргазина З.К., Бачурка М.С. Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 51–57.

Файзуллина А.Г. Функциональный аспект инвективных композитов в разноструктурных языках. Казань: Изд-во Казанского университета, 2008. 240 с.

Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 67–82.

Черкасова М.Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т путей сообщения. 2011. 123 с.

Шахматова Т.С. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия: Гуманит. науки. 2013. № 5. С. 268.

Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. 1999. Вып. 28. С. 204–222.

Щербинина Ю.В. Речевая агрессия: Территория вражды. Москва: Форум, 2013. С. 366–388.

Яковлева Ю.В. Речевая агрессия в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 1917–1932 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016. 166 с.

Agar-Hutton R. How to deal with verbal aggression. London, Troubador, 2003, 112 p.

Buss A.H. The psychology of aggression. New York, Willey Publ., 1961, p. 11.

Baudhuin E.S. Obscene language and evaluative response. An empirical study. Psychological Reports, 1973, no. 32, pp. 399-402.

Baker Edwin C. Hate speech. Extreme speech and democracy. Oxford, Oxford University Press, 2008. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1105043

Dreizin F., Priestly T. A systematic approach to Russian obscene language. Russian Linguistics, 1982, vol. 6, no. 22, pp. 233-249.

Infante D.A., Wigley C.J. Verbal aggressiveness: an interpersonal model and measure. Communication Monographs, 1986, no. 53, pp. 61-69.

Strossen N. Hate speech and pornography: do we have to choose between freedom of speech and equality? Conferences and Symposia. Cleveland, OH, Case Western Reserve University, School of Law, 1995, pp. 465-470.

References

Andreeva V.Ju. *Kommunikativnyj sabotazh v rjadu smezhnyh rechevyh javlenij (sopostavlenie s konfliktom, rechevoj agressiej, kommunikativnym davleniem)* [Communicative sabotage in a number of related speech phenomena (comparison with conflict, speech aggression, communicative pressure)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern problems of science and education], 2014, no. 1, 356 p. (In Russ.)

Apresjan V.Ju. *Implicitnaja agressija v jazyke* [Implicit aggression in language]. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Tr. Mezhdunar. konf. «Dialog 2003»* [Computational Linguistics and Intelligent technologies: Tr. International Conference “Dialog 2003”]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 14-18. (In Russ.)

Baranov A.N. *Lingvisticheskaja e'kspertiza teksta* [Linguistic expertise of the text]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2007, 592 p. (In Russ.)

Brinev K.I. *Teoreticheskaja lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaja e'kspertiza* [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise]. Barnaul, AltSU Publ., 2009, 252 p. (In Russ.)

Bykova O.N. *Rechevaja (jazykovaja, verbal'naja) agressija* [Speech (language, verbal) aggression]. *Vestnik Rossijskoj ritoricheskoj asociacii* [Bulletin of the Russian Rhetorical Association], 1999, vol. 1, pp. 96-99. (In Russ.)

Cherkasova M.N. *Rechevy'e formy` agressii v tekstax SMI* [Speech forms of aggression in media texts]. Rostov-on-Don, Rostovskij gos. un-t putej soobshheniya Publ., 2011, 123 p. (In Russ.)

Denisova A.V. *Leksiko-semanticheskie sposoby` vy`razheniya rechevoj agressii v anglijskom i ruskom yazy`kax* [Lexico-semantic ways of expressing speech aggression in English and Russian languages]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezkul`turnaya kommunikacija*. [Vestnik VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2021, pp. 48-56. (In Russ.)

Fajzullina A.G. *Funkcional`nyj aspekt invektivny`x kompozitov v raznostrukturny`x yazy`kax: monografija* [The functional aspect of invective composites in different structural languages: monograph]. Kazan, Izdatelstvo Kazanskogo universiteta Publ., 2008, 240 p. (In Russ.)

Fedorova L.L. *Tipologiya rechevogo vozdejstviya i ego mesto v strukture obshheniya* [Typology of speech influence and its place in the structure of communication]. *Voprosy` yazy`koznaniya* [Questions of linguistics], 1991, no. 6, pp. 67-82. (In Russ.)

Galyashina E.I. *Ispol`zovanie special`ny`x znaniy dlya protivodejstviya ugrozam informacionnoj bezopasnosti internet-kommunikacii* [The use of special knowledge to counter threats to the information security of Internet communication]. *Vestnik kriminalistiki* [Bulletin of Criminology], 2020, no. 2 (74), pp. 24-29. (In Russ.)

Gorelov I.N., Sedov K.F. *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, 2001, 304 p. (In Russ.)

Gorelik P.L., Rusakova M.M., Kucenko L.V. *Rechevaja agressija kak strategicheskaja kommunikacija* [Speech aggression as a strategic communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2022, no. 4, p. 1243. (In Russ.)

Guzenko O.V. *Fenomen rechevoj agressii v tekstax zapadny`x SMI* [The phenomenon of speech aggression in the texts of Western media]. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maikop State Technological University], 2012, no. 2, pp. 52-56. (In Russ.)

Dashkovskij X. *Slovesnaya agressiya* [Verbal aggression]. *Nauka i zhizn`* [Science and life], 1995, no. 6, pp. 99-101. (In Russ.)

Dzheri D., Dzheri Dzh. *Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar'* [A large explanatory sociological dictionary]. Moscow, Veche Publ., AST Publ., 2001, p. 17. (In Russ.)

Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki ruskoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2008, 288 p. (In Russ.)

Jakovleva Ju.V. *Rechevaja agressija v polemicheskikh materialah sovetskikh literaturno-hudozhestvennykh izdanij 1917–1932: dis. ... candidate of philological sciences* [Speech aggression in polemical materials of Soviet literary and artistic publications of 1917–1932: PhD thesis]. Moscow, 2016, 166 p. (In Russ.)

Karjakin A.V. *Strategija diskreditacii kak sposob realizacii rechevoj agressii* [Discrediting strategy as a way to implement speech aggression]. *Vestnik VolGU. Ser. 2: Jazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 2: Linguistics], 2009, no. 2, p. 166. (In Russ.)

Komalova L.R. *Parametry tipologizacii agressii, verbalizovannoj v pis'mennom tekste/diskurse* [Parameters of typologization of aggression verbalized in a written text/discourse]. *Jetnopsiholingvistika* [Ethnopsycholinguistics], 2022, No. 3, pp. 7-25. (In Russ.)

Koshkarova N.N. *Lingvisticheskie mexanizmy` rechevoj agressii v politicheskom interv`yu mezkul`turnogo urovnya* [Linguistic mechanisms of speech aggression in an intercultural political interview]. *Kul`tura i tekst* [Culture and Text], 2012, no. 1 (13), pp. 11-21. (In Russ.)

Lazebnaya I.B. *Sposoby` vy`razheniya rechevoj agressii v anglijskom yazy`ke* [Ways of expressing verbal aggression in the English language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2007, no. 8, pp. 242-254. (In Russ.)

Larionova T.V. *Rechevaja agressija: ot rechevoj praktiki k sociokognitivnoj matrice* [Speech aggression: from speech practice to the sociocognitive matrix]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2017, no. 7-1 (73), p. 117. (In Russ.)

Makovskij M.M. *Fenomen tabu v tradiciyax i v yazy`ke evropejcev. Sushhnost` – formy` – razvitie* [The phenomenon of taboo in the traditions and in the language of Europeans. Essence – forms – development]. Moscow, KomKniga Publ., 2006, 280 p. (In Russ.)

Maslova O.V. *Osobennosti vyrazhenija rechevoj agressii v kommunikativnom povedenii amerikancev i russkikh* [Features of the expression of verbal aggression in the communicative behavior of Americans and Russians]. *Polilingvial'nost' i transkul`turnye praktiki* [Multilingualism and transcultural practices], 2013, no. 2, p. 23. (In Russ.)

Nacional`nyj korpus russkogo yazy`ka [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russ.)

Pekarskaya E.A. *Rechevaja i povedencheskaja agressiya kak prichina kommunikativny`x neudach* [Speech and behavioral aggression as a cause of

communication failures]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 2009, no. 3, pp. 170-174. (In Russ.)

Petrova N.E. *Jazyk sovremennyh SMI: sredstva rechevoj agressii: ucheb. posobie* [The language of modern media: means of speech aggression: studies. stipend], N.E. Petrova, L.V. Raciburskaja. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011, 160 p. (In Russ.)

Podol'skaja E.A. *Slovar' obshhestvennyh nauk* [Dictionary of Social Sciences], E.A. Podol'skaja, D.E. Pogorelyj, V.D. Lihvar. Moscow, Feniks Publ., 2006, p. 15. (In Russ.)

Reber A. *Bol'shoy tolkovyj psihologicheskij slovar'* [A large explanatory psychological dictionary]. Moscow, Veche Publ., AST Publ., 2000, p. 22. (In Russ.)

Samkova M.A. *Invektivnaya v chitatel'skix kommentariyax* [Invective in readers' comments]. *Aktual'ny'e voprosy` sovremennoj filologii i zhurnalistiki* [Topical issues of modern philology and journalism], 2022, no. 4 (47), pp. 132-136. (In Russ.)

Sedov K.F. *Agressiya i manipuljacija v povsednevnoj kommunikacii* [Aggression and manipulation in everyday communication]. *Jurisljngvistika* [Jurislinguistics.], 2005, no. 6, p. 88. (In Russ.)

Sidorova E.Yu. *Verbal'naya agressiya kak kommunikativno-pragmaticheskoe javlenie* [Verbal aggression as a communicative and pragmatic phenomenon]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2009, no. 319, pp. 28-31. (In Russ.)

Sirotkina T.A. *Obsuzhdenie problem konflikt-nogo rechevogo vzaimodejstviya v ramkax kursov povy'sheniya kvalifikacii «Profilakticheskaya rabota po preduprezhdeniyu e`kstremizma i vy`javleniyu verbal'noj agressii»* [Discussion of the problems of conflict speech interaction in the framework of advanced training courses "Preventive work to prevent extremism and identify verbal aggression"]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2016, no. 7, pp. 91-94. (In Russ.)

Shejgal E.I. *Verbal'naya agressiya v politicheskom diskurse* [Verbal aggression in political discourse]. *Voprosy` stilistiki* [Questions of stylistics], 1999, vol. 28, pp. 204-222. (In Russ.)

Sherbinina Ju.V. *Rechevaja agressija: Territorija vrazhdy* [Speech aggression: The territory of enmity]. Moscow, Forum Publ., 2013, pp. 366-388. (In Russ.)

Shahmatova T.S. *Oskorblenie kak instrument jazykovogo nasilija v rechevyh situacijah institucional'nogo ob-*

shhenija [Insult as a tool of linguistic violence in speech situations of institutional communication]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser.: Gumanit. nauki* [Scientific notes of Kazan University. The Humanities Series], 2013, no. 5, p. 268 (In Russ.)

Temirgazina Z.K., Bachurka M.S. *Rechevy'e akty` agressivnogo xaraktera v pedagogicheskom diskurse* [Speech acts of an aggressive nature in pedagogical discourse]. *Zhanry` rechi* [Genres of speech], 2017, no. 1 (15), pp. 51-57 (In Russ.)

Voroncova T.A. *Trolling i flejming: rechevaja agresija v internet-kommunikacii* [Trolling and flaming: speech aggression in Internet communication]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorija i filologija* [Bulletin of the Udmurt University. Ser.: History and Philology], 2016, no. 2, pp. 109-116. (In Russ.)

Voroncova T.A. *Rechevaja agresija v kommunikativno-diskursivnoj paradigmatike* [Speech aggression in the communicative-discursive paradigm]. *Vestnik VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Bulletin of the VSU. Ser.: Linguistics and Intercultural Communication], 2006, no. 1, p. 84. (In Russ.)

Agar-Hutton R. *How to deal with verbal aggression*. London, Troubador Publ., 2003, 112 p.

Buss A.H. *The psychology of aggression*. New York, Willey Publ., 1961, p. 11.

Baudhuin E.S. *Obscene language and evaluative response. An empirical study*. *Psychological Reports*, 1973, no. 32, pp. 399-402.

Baker Edwin C. *Hate speech. Extreme speech and democracy*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2008. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1105043

Dreizin F., Priestly T. *A systematic approach to Russian obscene language*. *Russian Linguistics*, 1982, vol. 6, no. 22, pp. 233-249.

Infante D.A., Wigley C.J. *Verbal aggressiveness: an interpersonal model and measure*. *Communication Monographs*, 1986, no. 53, pp. 61-69.

Strossen N. *Hate speech and pornography: do we have to choose between freedom of speech and equality?* *Conferences and Symposia*. Cleveland, OH, Case Western Reserve University, School of Law Publ., 1995, pp. 465-470.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 13.06.2024.

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication 13.06.2024.

**О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НЕОДНОРОДНОГО СОПОДЧИНЕНИЯ
С ПРИЧИННЫМ КОМПОНЕНТОМ В НАУЧНОМ СТИЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
(на материале математических текстов)**

Волкова Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), lenka@mail.mipt.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2267-0438>

Коротун Владилена Леонидовна, старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), vladakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7590-2541>

Аннотация. В произведениях научного стиля, в частности, в стиле точных наук, содержится большое количество сложноподчинённых предложений. Многие из них являются многокомпонентными. Особый интерес для исследования представляют конструкции неоднородного соподчинения. Они обладают большими «изобразительными» средствами, давая возможность передать сложную мысль автора в достаточно легкой для восприятия форме. Комплексная структура распадается на отдельные компоненты, позволяя читателю следить за ходом логических рассуждений, что имеет ключевое значение при чтении и обдумывании сложных математизированных текстов. Однако было бы ошибочно представлять исследуемые конструкции как просто составленные друг с другом отдельные предикативные части. Сложноподчинённое предложение, построенное из многих компонентов, является сложным «организмом» со своими синтаксическими отношениями, с общей модальностью и преобладающей связью структурных частей. Предметом рассмотрения данной статьи стали конструкции, состоящие всего из трёх компонентов: главной части, причинной придаточной части и придаточного нерасчленённого типа. В стиле точных наук причинный компонент даёт возможность ясно установить связь «причина – следствие» между явлениями, а вся конструкция способствует адекватному пониманию сложной научной мысли, концентрируя внимание читателя на важных моментах изложения материала. Исследование проводилось по ряду трудов известных современных математиков. Их книги и учебные пособия написаны классическим математическим языком и заслуженно пользуются популярностью у студентов и молодых учёных. В исследуемых конструкциях причинный компонент может по-разному сочетаться с компонентом нерасчленённого типа. Почти всегда причинный компонент предшествует придаточной части нерасчленённого типа и присоединяется союзами *так как* и *поскольку*. Когда в качестве компонента нерасчленённого типа выступает местоименно-союзная соотнесительная придаточная часть, причинно-следственное значение всей конструкции значительно усиливается. Изъяснительная и присубстантивно-атрибутивная придаточные части теряют самостоятельность и прочно объединяются по структуре и по смыслу с главной. Построение исследуемых конструкций оказывается гармоничным: тема-рематическое членение предложения почти всегда соответствует разделению конструкции на придаточную причинную часть и сложную главную часть. Это помогает читателю верно определить вектор движения авторской мысли.

Ключевые слова: многокомпонентное сложноподчинённое предложение, неоднородное соподчинение, причинная придаточная часть, главная часть, придаточная часть нерасчленённого типа.

Для цитирования: Волкова Е.Б., Коротун В.Л. О структурно-семантических особенностях сложноподчинённых предложений неоднородного соподчинения с причинным компонентом в научном стиле русского языка (на материале математических текстов) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 148–153. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-148-153>

**ON STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF COMPLEX SENTENCES
OF HETEROGENEOUS SUBORDINATION WITH A CAUSAL COMPONENT
IN THE SCIENTIFIC STYLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE
(based on mathematical texts)**

Elena B. Volkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), lenka@mail.mipt.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2267-0438>

Vladilena L. Korotun, Senior Lecturer, Moscow Aviation Institute (National Research University), vladakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7590-2541>

Abstract. All works of scientific style, in particular, in the style of exact sciences, contain a large number of complex sentences. Many of them are multi-component. Of particular interest for the study are the constructions of heterogeneous subordination. They have large “pictorial” means, making it possible to convey the author’s complicated thought in a form that is easy enough for perception. The complex structure breaks down into separate components, allowing the reader to follow the course of logical reasoning, which is of key importance when reading and thinking about sophisticated mathematised texts. However, it would be a mistake to imagine the studied constructions as simply separate predicative parts composed with each other. A complex sentence, built from many components, is a complex “organism” with its own syntactic relations, with a common modality and a predominant connection of structural parts. The subject of this article is constructions consisting of only three components – the main part, the causal subordinate clause and the subordinate clause of the indivisible type. In the style of exact sciences, the causal component makes it possible to clearly establish the cause-and-effect relationship between phenomena, and the entire structure promotes an adequate understanding of complex scientific thought, focusing the reader’s attention on the important points of the presentation of the material. The study was conducted on a number of works by famous modern mathematicians. Their books and textbooks are written in classical mathematical language and are deservedly popular with students and young scientists. In the studied constructions, the causal component can be combined with the component of the indivisible type in different ways. Almost always, the causal component precedes the subordinate clause of the indivisible type and is joined by the conjunctions *as* and *since*. When a pronominal-conjunctive correlative subordinate clause acts as a component of the indivisible type, the causal meaning of the entire construction is significantly enhanced. Explanatory and substantive-attributive subordinate clauses lose their independence and are strongly united with the main one in structure and meaning. The construction of the studied constructions turns out to be harmonious: the theme-rheme division of a sentence almost always corresponds to the division of the construction into a subordinate causal clause and a complex main clause. This helps the reader correctly determine the vector of movement of the author’s thought.

Keywords: multi-component complex sentence, heterogeneous subordination, causal subordinate clause, main clause, subordinate clause of indivisible type.

For citation: Volkova E.B., Korotun V.L. On structural-semantic features of complex sentences of heterogeneous subordination with a causal component in the scientific style of the Russian language (based on mathematical texts). *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 148–153 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-148-153>

В данной статье мы хотели бы рассмотреть основные особенности структуры и семантики сложноподчинённых предложений (далее СПП) неоднородного соподчинения, которые используются в стиле точных наук русского языка. Стиль текстов математических произведений достаточно консервативен, имеет свои традиции, мало подвержен проникновению иностранных черт. Грамматические конструкции представлены в них наиболее выпукло.

Мы проанализируем только трёхкомпонентные конструкции, где есть главная часть и две разнофункциональные придаточные части – расчленённого и нерасчленённого типов. В качестве компонента расчленённого типа используется придаточная часть причинного типа. Она коррелирует со всем предложением в целом. Придаточное нерасчленённого

типа – присубстантивно-атрибутивное, изъяснительное или местоименно-союзное соотносительное – привязывается по смыслу к одному опорному (или контактному) слову (словосочетанию) в главной части, раскрывая его содержание. Такие СПП менее продуктивны, чем подобные конструкции с одним условным компонентом, которые мы уже рассматривали [Волкова, Коротун 2023], но также довольно часто употребляются в математических текстах.

Применяя метод сплошной выборки, мы обнаружили порядка 700 СПП исследуемого типа в нескольких произведениях талантливых математиков XX–XXI вв.: А.Б. Александрова, Л.С. Понтягина, Б.В. Федосова и некоторых других. Их перу принадлежат классические учебные пособия и научные статьи в области алгебраической и дифференциальной

топологии. Изложение материала детально продумано и максимально доступно для людей с соответствующими базовыми знаниями.

Для начала напомним основные определения. Соподчинение – это «всякое одноступенное подчинение двух или более придаточных главному предложению (во всём объёме или по отношению к его членам)» [Ганцовская: 92]. Под неоднородным соподчинением мы подразумеваем «соподчинение нескольких придаточных разных структурно-семантических характеристик всей главной части в целом, отдельному её члену или членам либо соподчинение придаточных одинакового типа разным членам главной части» [Волкова, Коротун: 130].

В первую очередь стоит подчеркнуть, что почти во всех исследуемых конструкциях придаточная причинная часть занимает препозитивное положение по отношению к придаточной части нерасчленённого типа. Имеются различные варианты данной модели в зависимости от типа придаточного нерасчленённой структуры, входящего в ее состав, места придаточных по отношению друг к другу, особенностей союзно-относительной связи придаточных с главной частью.

Вследствие препозитивного положения придаточного причины в большинстве случаев вся конструкция приобретает следственную семантику. В качестве компонента нерасчленённого типа одинаково часто выступают присубстантивно-атрибутивная или изъяснительная части. Также в исследуемых математических текстах весьма частотны такие конструкции с местоименно-союзной соотносительной придаточной частью. Придаточное причины вводится обычно союзами *так как* и *поскольку*, причем первый союз значительно количественно преобладал в исследуемом нами материале. С придаточным причины в конструкции наиболее продуктивными оказались присубстантивно-атрибутивные придаточные с союзным словом *где*, поясняющим математическую формулу. Относительное местоимение *который* менее частотно, чем слово *где*. Присубстантивно-атрибутивные придаточные с другими союзными словами встречались в нашем материале крайне редко. Например:

«Так как U' есть произвольная окрестность точки a из системы Σ' , то $a \in M$, где операция замыкания определена, исходя из системы Σ' » [Понтрягин: 67].

«Поскольку $\varphi : so(2m) \rightarrow spin(2m)$ – изоморфизм, то $\partial^2 a = [\varphi(\Omega), a]$, где Ω – кривизна связности ∂ » [Федосов: 198].

«Так как G есть подгруппа, то все элементы $ta = (te)a$, где t – целое число, принадлежат G » [Понтрягин: 186].

«Так как последовательность (9) равномерно сходится к g , то существует номер k , для которого $|g(x) - g_k(x)| < \varepsilon$ » [Понтрягин: 202].

«Поскольку любой характеристический класс (в смысле определения 4) выражается через классы Черна, характеристические классы вещественных расслоений выражаются через классы Понтрягина и, следовательно, задаются формами, степени которых кратны четырем» [Федосов: 63].

«Так как $f(G)$ есть подгруппа локальной группы G' , то при доказательстве мы ограничимся рассмотрением случая, когда f есть гомоморфное отображение группы G на всю группу $G' = f(G)$ » [Понтрягин: 390].

«Так как множество F^* не содержит области, то существует окрестность W^* , замыкание которой бикомпактно и целиком содержится в множестве $W^* \setminus \{G^*\}$ » [Понтрягин: 125].

В этих примерах можно заметить, что придаточные с союзным словом *где* теснее, чем присубстантивно-атрибутивные компоненты с другими союзными словами, сливаются с главной частью. Такие придаточные, относящиеся к математической формуле, настолько характерны для математизированных текстов, что отчасти фразеологизировались и превратились в полупредикативный оборот.

Если в придаточной части употребляется союз *поскольку*, то в главной отсутствует частица *то*, которая, как правило, употребляется в паре с союзом *так как*. Эта частица позволяет чётко разграничить две предикативные части и в то же время указать на следствие из причинной придаточной части.

Когда вторым придаточным компонентом выступает придаточное изъяснительное, то пропорция СПП с придаточными причинными частями с союзами *так как* и *поскольку* практически такая же, как и в предложениях с придаточным присубстантивно-атрибутивным компонентом.

Основным средством связи придаточной изъяснительной части с главной является союз *что*, другие союзы в исследуемых текстах встречались достаточно редко. Главная часть, как правило, формальна, строится по одному принципу и просто выполняет организующую функцию центра СПП. Например:

«Поскольку индекс оператора Дирака обязан быть целым, то это означает, что необходимым условием существования спинорной структуры является целочисленность A -рода» [Федосов: 201].

«Поскольку $\varphi\sigma - \mu \in PM(S)$, не имеет значения, какое ядро Пуассона рассматривается (инвариантное или гармоническое)» [Александров: 178].

«Поскольку в многомерном случае существуют сингулярные A -меры, следствие 1.1.6 показывает, что при $n \geq 2$ формула (5) имеет место не для всех мер $\mu \in M(S)$ » [Александров: 174].

«Так как последнее бикомпактно, то из первой части предложения В) следует, что и множество U^* бикомпактно» [Понтрягин: 83].

«Так как при изучении локальных свойств топологической группы G нас интересует поведение группы G лишь в произвольно малой окрестности U ее единицы, то, естественно, возникает вопрос, нельзя ли изучать U как самостоятельное понятие» [Понтрягин: 145].

В приведённых примерах видно, что небольшая по объёму главная часть имеет служебный характер, тогда как основное смысловое ядро находится в придаточной изъяснительной части. Придаточная причинная часть и изъяснительная часть как бы уравниваются друг друга, образуя комплексное семантическое единство – «причина – следствие».

Частотность конструкций с местоименно-союзной соотносительной придаточной частью оказалась чуть ниже, чем у СПП с присубстантивно-атрибутивным и изъяснительным компонентами. Средством связи главной и местоименно-союзной соотносительной придаточной части служит взаимосвязанная пара: указательное слово *так* (*такой*), *настолько* (*столь*) и союз *что* или *чтобы*. Благодаря этому сочетанию проявляется как один из смысловых оттенков меры количества, степени качества, образа действия, так и обусловленное союзным подчинением значение следствия или цели. Например:

«Так как функции fv_1, \dots, fv_k все непрерывны, то существует такая окрестность V точки a , что $fv_i(x) \in Uv_i$ при $x \in V, i = 1, \dots, k$ » [Понтрягин: 93].

«Так как оба элемента p и q принадлежат A , то существует настолько большое натуральное число n , что элементы p^n и q^n принадлежат окрестности G нуля тела K » [Понтрягин: 187].

«Так как в начале координат e матрица $\|v_j(x)\|$ обращается в единичную, то имеется столь малая окрестность G начала координат e , что при $x \in G, y \in G$ существует решение $f(x, y)$ системы (49), удовлетворяющее начальному условию $f(e, y) = y$ » [Понтрягин: 411].

«Так как пространства G' и G'' локально бикомпактны, то системы Σ' и Σ'' могут быть выбраны так, чтобы замыкания входящих в них окрестностей были бикомпактны» [Понтрягин: 155].

«Так как мощность системы M не превосходит континуума, то можно каждому элементу $x \in M$ поставить в соответствие действительное число $f(x)$ таким образом, чтобы система, составленная из чисел $f(x), x \in M$, была линейно независимой» [Понтрягин: 272].

Можно отметить, что местоименно-союзная соотносительная придаточная часть имеет много семантических оттенков. Её значение зависит от: 1) семантики соотносительного местоимения в главной части и его позиции; 2) союза в придаточной части. Данный предикативный компонент соотносится и со словом (словосочетанием) в главной части, и с со-

держанием всей главной части, поэтому СПП с местоименно-союзной соотносительной придаточной частью причисляются к переходным «между нерасчленёнными и расчленёнными структурами» [Максимов: 200]. В нашем материале не встречались сочетания придаточного причинного с союзом *поскольку* с местоименно-союзной соотносительной придаточной частью в одной конструкции. Можно видеть, что значение следствия (или цели) выражено в сочетании «главная часть + местоименно-союзная соотносительная придаточная часть» значительно более отчётливо, чем с другими придаточными нерасчленённого типа. Такие конструкции обладают большей экспрессией, динамичностью, заставляя читателя обратить внимание на важные моменты изложения сложного математического материала.

Единичны примеры с препозитивным придаточным нерасчленённой структуры, таким компонентом почти всегда оказывается придаточное присубстантивно-атрибутивное:

«Однако в случае, когда $a \in M$, этого критерия недостаточно, так как a может быть изолированной точкой множества M » [Понтрягин: 60].

Интересно исследование Л.Д. Беднарской, которая анализировала сложные предложения на материале русской художественной литературы от пушкинской эпохи до наших дней отмечает, что «союз *так* как оказался крайне редким в прозе пушкинской эпохи, потому что в то время он ещё считался принадлежностью “простого слога наших дней”». Однако к концу XIX века его частотность резко возросла, и он «уже осознаётся как союз книжного стиля, преимущественно научного, делового, публицистического. <...> С помощью союза *так как* в причинном СПП придаточное смогло передвинуться в препозицию, широко раздвинув рамки актуализации высказывания» [Беднарская: 260]. По нашему мнению, это и является причиной высокой продуктивности данного союза в исследуемом материале. Союз *поскольку*, как считает Л.Д. Беднарская, употребляется «только в произведениях современной художественной прозы» [Беднарская: 260].

С другой стороны, Н.П. Галкина, проводившая исследование двухкомпонентных СПП на материале текстов естественнонаучного цикла, считает союз *поскольку* «наиболее продуктивным для выражения причинных отношений в научном стиле». Когда он стоит в препозиции, «наиболее ярко демонстрируется порождающий характер каузальных отношений. Информация предложения воспринимается как элемент цепи рассуждений, в которой из одной ситуации следует другая. <...> Кроме того, именно предложения, построенные по модели *Поскольку ..., то* играют доминирующую роль в оформлении конструкций, выражающих отношения логического вывода-обо-

снования» [Галкина: 98]. По наблюдениям исследователя, союз *так как* менее продуктивен и в основном употребляется в постпозиции, чтобы привести причинное обоснование главной части в придаточной.

В нашем исследовании трёхкомпонентных СПП неоднородного соподчинения с одним причинным компонентом наблюдается другая ситуация. Наиболее частотным оказался союз *так как* в препозиции, затем союз *поскольку*. В отличие от союза *поскольку*, союз *так как* в препозиции всегда употребляется с *то* для оформления более четких причинных отношений. Скорее всего, это объясняется семантикой относительного «молодого» союза *поскольку*, он «представляет причину как единственную, вне конкуренции с другими» [Ляпон 1986: 179]. Случаи постпозиции причинных придаточных единичны. Благодаря их препозитивному положению, причинно-следственные отношения выражаются наиболее ярко, что облегчает восприятие хода логических рассуждений.

Итак, мы рассмотрели структурно-семантические качества трёхкомпонентных СПП неоднородного соподчинения с одним придаточным причины, а другим – нерасчленённого типа. Они достаточно продуктивны в математических текстах. Придаточное причинное и главная часть представляют собой основные конструктивно важные предикативные части, а придаточные нерасчленённого типа в большинстве случаев приближаются к зависимым от главной части полупредикативным единицам. Если компонентом нерасчленённого типа является местоименно-союзная соотносительная придаточная часть, то ситуация несколько иная. И главная, и придаточная части взаимосвязаны и структурно равноправны. Благодаря союзному подчинению, придаточная часть, помимо семантики, обусловленной связью с соответствующим словом (словосочетанием) в главной части, выражает и дополнительное следственное (или целевое) значение всего предложения. Поэтому такие придаточные синкретичны, совмещая в себе свойства придаточных нерасчленённого и расчленённого типов.

Благодаря препозиции причинной части, вся конструкция представляет собой своеобразное «единство противоположностей»: причинная придаточная часть и сложная главная часть дополняют, а иногда даже и усиливают значения друг друга и формируют цельную коммуникативную структуру. Такие предложения продуктивны в стиле точных наук, поскольку позволяют рассмотреть предмет или явление с разных сторон, обладают большим потенциалом «объёмного» представления объекта повествования. Данное равновесие также делает такие предложения более прозрачными для восприятия, поскольку расставляются необходимые акценты для того, чтобы читатель мог правильно понять сложную мысль автора.

Список литературы

Александров А.Б. Теория функций в шаре // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. 1985. Т. 8. С. 115–190.

Беднарская Л.Д. Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений: монография. Орёл: ГОУ ВПО «ОГУ», 2010, 154 с.

Волкова Е.Б., Коротун В.Л. Сложноподчинённые предложения неоднородного соподчинения с одним условным компонентом в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 151–156.

Волкова Е.Б., Коротун В.Л. Трёхкомпонентные сложноподчинённые предложения с неоднородным соподчинением в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 129–133.

Галкина Н.П. Сложноподчинённые предложения со значением обусловленности в научном стиле современного русского языка (на материале произведений естественнонаучного цикла): дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2014, 225 с.

Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1967. 274 с.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. Москва: Наука, 1986. 200 с.

Максимов Л.Ю. Сложное предложение / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов // Современный русский язык: учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.»: в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. 2-е изд., перераб. Москва: Просвещение, 1987. 256 с.

Понтрягин Л.С. Непрерывные группы. Москва: Едиториал УРСС, 2009. 520 с.

Федосов Б.В. Теоремы об индексе // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. 1991. Т. 65. С. 165–268.

References

Aleksandrov A.B. *Teoriya funktsij v share* [Theory of functions in a ball]. *Itoги nauki i tekhniki* [The results of science and technology]. Ser.: *Sovremennye problemy matematiki. Fundamental'nye napravleniya* [Modern problems of Mathematics. Fundamental Directions], 1985, vol. 8, pp. 115-190. (In Russ.)

Bednarskaya L.D. *Zakonomernosti grammaticheskogo chleneniya mnogokomponentnyh slozhnyh predlo-*

zhenij [Patterns of grammatical division of multicomponent complex sentences]. Oryol, OGU Publ., 2010, 154 p. (In Russ.)

Fedosov B.V. *Teoremy ob indekse* [Index theorems]. *Itogi nauki i tekhniki* [The results of science and technology]. Ser.: *Sovremennye problemy matematiki. Fundamental'nye napravleniya* [Modern problems of Mathematics. Fundamental Directions], 1991, vol. 65, pp. 165-268. (In Russ.)

Galkina N.P. *Slozhnopodchinjonnye predlozhenija so znacheniem obuslovlennosti v nauchnom stile sovremenogo russkogo jazyka (na materiale proizvedenij estestvennonauchnogo cikla): dis. ... kand. filol. nauk* [Complex sentences with the meaning of conditionality in the scientific style of the modern Russian language (based on the works of the natural science cycle): PhD thesis]. Oryol, 2014, 225 p. (In Russ.)

Gancovskaya N.S. *Mnogokomponentnye slozhnopodchinjonnye predlozhenija v nauchnom stile sovremenogo russkogo jazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Multicomponent complex sentences in the scientific style of the modern Russian language: PhD thesis]. Moscow, 1967, 274 p. (In Russ.)

Ljapon M.V. *Smyslovaja struktura slozhnogo predlozhenija i tekst. K tipologii vnutritekstovyh otnoshenij* [Semantic structure of a complex sentence and text. Towards a typology of intratextual relations]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 200 p. (In Russ.)

Maksimov L.Yu. *Slozhnoe predlozhenie* [Complex sentence], V.V. Babajceva, L.Yu. Maksimov. *Sovremennyy russkij jazyk: ucheb. dlja studentov ped. in-tov po spec. № 2101 «Rus. jaz. i lit.»* [Modern Russian language: textbook for students of ped. univ. in the spec.

2101 "Russian language and literature"]: in 3 vols., vol. 3: *Sintaksis. Puntuacija* [Syntax. Punctuation], 2-e izd., pererab. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1987, 256 p. (In Russ.)

Pontryagin L.S. *Nepreryvnye grupy* [Continuous groups]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2009, 520 p. (In Russ.)

Volkova E.B., Korotun V.L. *Slozhnopodchinjonnye predlozhenija neodnorodnogo sopodchinenija v nauchnom stile russkogo jazyka (na materiale tekstov matematicheskikh proizvedenij)* [Complex sentences of heterogeneous subordination with one conditional component in the scientific style of the Russian language (based on texts of mathematical works)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, no. 1, pp. 151-156 (In Russ.)

Volkova E.B., Korotun V.L. *Trjohkomponentnye slozhnopodchinjonnye predlozhenija s neodnorodnym sopodchineniem v nauchnom stile russkogo jazyka (na materiale tekstov matematicheskikh proizvedenij)* [Three-component complex sentences with heterogeneous subordination in the scientific style of the Russian language (based on texts of mathematical works)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2022, vol. 28, no. 1, pp. 129-133. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 23.08.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 23.08.2024; accepted for publication 03.09.2024.

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'373.45

EDN RBQJTG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-154-163>

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЕНДЕРНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

Хатламаджиян Маргарита Аршалуйсовна, кандидат филологических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, Margarita22@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3638-3256>

Аннотация. Современный этап развития общества отличается высокой динамичностью в силу культурной трансформации и усложнения социальных отношений. На вершине ценностного пространства находится стремление к уравниванию гендерных ролей и пропаганда полигендерной принадлежности. Лексика языка, несомненно, реагирует на стремительное развитие социума. Непрерывные социальные противоречия увеличили уровень напряжённости в обществе. Вследствие всецелого изменения культуры гендерных взаимодействий и выстраивания новой картины бытия мужчин и женщин острота гендерных противоречий стала проследиваться с особой очевидностью. Данная работа направлена на рассмотрение «рискогенных» неологизмов, анализ их конфликтогенного потенциала с выявлением оценочных сем и изучение особенностей гендерной стереотипизации. Исследование конфликтогенного потенциала гендерных неологизмов позволяет проследить социокультурный ритм трансформаций, изучить существенные особенности взаимодействия мужчин и женщин в конкретном историческом и культурном пространстве. Проведённый нами исследовательский анализ позволяет заключить, что гендерные неологические номинации возникают вследствие социального запроса, выступающего в роли основной движущей силы неологизации в языке. Непрестанная трансляция гендерно обусловленных социокультурных образов, визуализация маскулинной и феминной идентичности в языковом сознании, приписывание стереотипизированных социальных ролей выступают конфликтогенным фактором, способным активизировать большей частью негативную эмоциональную реакцию.

Ключевые слова: английский язык, гендер, неологизмы, гендерные стереотипы, маскулинитивы, феминитивы, гендерный конфликт, конфликтоген, семантика.

Для цитирования: Хатламаджиян М.А. Конфликтогенный потенциал гендерных неологизмов англоязычного дискурса // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 154–163. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-154-163>

Research Article

CONFLICT-GENERATING POTENTIAL OF GENDER NEOLOGISMS OF ENGLISH-LANGUAGE DISCOURSE

Margarita A. Khatlamadzhiyan, Candidate of Philological Science, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, margarita22@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3638-3256>

Abstract. The current stage of development of society is characterised by high dynamism due to cultural transformation and the complication of social relations. At the top of the value space is the desire to equalise gender roles and the promotion of polygender affiliation. The vocabulary of a language undoubtedly responds to the rapid development of society. Continuous social contradictions have increased the level of tension in society. Due to a complete change in the culture of gender interactions and the construction of a new picture of the existence of men and women, the severity of gender contradictions began to be seen with particular clarity. This work is aimed at examining “risky” neologisms, analysing their conflict potential with the identification of evaluative semes and studying the features of gender stereotyping. Studying the conflict-generating potential of gender neologisms allows us to trace the sociocultural rhythm of transformations and study the essential features of the interaction between men and women in a specific historical and cultural space. Our research analysis allows us to conclude that gender neological nominations arise as a result of social demand, which acts as the main driving force of neologisation in language. The constant broadcast of gender-based sociocultural images, the visualisation of masculine and feminine identities in linguistic consciousness, and the ascription of stereotypical social roles act as a conflict-generating factor that can activate a mostly negative emotional reaction.

Keywords: English language, gender, neologisms, gender stereotypes, masculinitives, feminitives, gender conflict, conflictogen, semantics.

For citation: Khatlamadzhiyan M.A. Conflict-generating potential of gender neologisms of English-language discourse. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 154–163 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-154-163>

Обогащение словарного запаса любого языка новыми лексическими единицами – процесс естественный и закономерный, обусловленный различными факторами. Действие языковых и социальных факторов, несомненно, должно быть принято во внимание, поскольку истинные причины языковой эволюции кроются исключительно во взаимодействии этих аспектов. Процесс образования неолексем обусловлен внешними, или экстралингвистическими, факторами, играющими определяющую роль и влияющими на выбор способа обозначения денотата: словообразование или изменение значения существующего в языке слова [Степанова: 12].

Современный этап развития общества отличается высокой динамичностью в силу культурной трансформации и усложнения социальных отношений. На вершине ценностного пространства находится стремление к уравниванию гендерных ролей и пропаганда полигендерной принадлежности. Гендерные роли лишены универсального содержания, поскольку быть мужчиной либо женщиной не означает обладать отдельными природными качествами, а всего лишь предполагает выполнение предписанной социальной роли. В.В. Катермина трактует мужское начало как инициативное, динамическое, в то время как женское – рецептивное, страдательное, статическое [Катермина: 71].

В последние десятилетия в англоязычном коммуникативном пространстве наблюдается тенденция к возникновению неологизмов путем маскулинной маркировки лексем, которые либо выступают как гендерно нейтральные, либо отождествляются с категорией феминности. Одним из ярких трендов коммуникативного пространства стала тенденция к образованию *маскулинитивов* с усиленным оценочным смыслом, обусловленная нацеленностью феминистского дискурса на критику и деконструкцию социального устройства, в котором мужчина выступает основным носителем политической власти и морального авторитета.

Возросшая роль женщины в жизни общества способствовала образованию новых лексических единиц для репрезентации референта применительно к условиям окружающей действительности. Одним из заметных трендов коммуникативного пространства, связанного с общественной активностью женщин, изменением её статуса и популяризацией равенства возможностей для всех полов, стало широкое распространение *феминитивов* [Хатламаджиян: 159].

Данная работа направлена на изучение гендерных неологизмов, анализ их конфликтогенного потенциала, рассмотрение особенностей формирования гендерных стереотипов с выявлением оценочных сем.

Актуальность темы исследовательской работы детерминирована тем, что непрерывные социальные противоречия увеличили уровень напряжённости в современном обществе. В силу всецелой трансформации культуры гендерных взаимодействий и построения новой картины бытия мужчин и женщин острота гендерных конфликтов стала прослеживаться с особой очевидностью.

Изучение конфликтогенного потенциала гендерных неологизмов позволяет проследить социокультурный ритм трансформаций, изучить сущностные особенности взаимодействия мужчин и женщин в конкретном историческом и культурном пространстве. Вслед за В.Н. Кириллиной отметим, что гендерный конфликт является социокультурным феноменом общественного развития [Кириллина: 386].

Объектом исследования послужили английские гендерно маркированные неологизмы.

Предметом данной работы являются структурно-семантический и когнитивный аспекты изучения содержания гендерных неологизмов с выявлением собственного конфликтогена.

Материалом исследования послужили лексикографические онлайн-словари: Cambridge Dictionary, Rice University Neologisms Database, Urban Dictionary, Word Spy. Общее количество проанализированных примеров составило 175 единиц. Критерием отбора гендерных неолексем явилось наличие содержательной или структурной гендерной маркированности, то есть в результате компонентного анализа лексического значения были определены соответствующие семы (для феминитивов – *woman, girl, female, mum, mom, mother, sister, wife, widow, lady, nanny*; для маскулинитивов – *man, boy, gay, dude, male, father, dad, brother, husband, son*), через экспликацию гендерного стереотипа выявлены маркеры конфликтогенного текста.

Приоритетными методами лингвистического анализа конфликтогенного потенциала гендерных неолексем выступают: метод контекстуального анализа, описательный метод, семантический анализ, метод когнитивно-дискурсивной интерпретации. Контекстуальный метод позволил установить ценностные особенности актуализации исследуемых гендерно маркированных неолексем. Описательный метод был применён с целью выявления отличительных свойств неологических единиц в англоязычном коммуникатив-

ном пространстве. Семантический анализ способствовал определению денотативных и оценочных особенностей рискованных неологизмов, а также выявлению их конфликтогена посредством изучения особенностей конструирования гендерных стереотипов, позволивших детерминировать национально-культурную коннотацию, роль мужчины и женщины в ценностно-смысловом пространстве современного этносоциума. Когнитивно-дискурсивный метод позволил сформировать концептуальную основу для осознания актуальных смыслов исследуемых неолексем в коммуникативном пространстве.

Отметим, что термин «гендер» в силу своей разнотипности и многоликости имеет множество дефиниций. В понимании специалистов в области межкультурной и кросс-культурной коммуникации гендер выступает в качестве социокультурного пола, который актуализируется через языковые и неязыковые средства [Кирилина 2000; Городникова 2002; Томская 2017]. Данное определение разделяет ряд отечественных и зарубежных исследователей, заостряющих внимание на следующих свойствах гендера: возможности его конструирования и использования как инструмента социального управления действительностью [Anderson 2019; Vessey 2019; Deriu, Fioredistella Iezzi 2020].

В рамках парадигмы научного знания гендер рассматривается и как конвенциональная категория, востребованность которой продиктована конкретными социально-экономическими и политическими запросами. Как подчёркивает М.В. Томская, возможно говорить о существовании определённой «моды» на гендер [Томская: 150]. Согласимся с мнением А.В. Кирилиной, утверждающей, что гендер отображает одновременно процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном социуме на определённом историческом этапе [Кирилина: 28]. Гендер – феномен многоаспектный, что позволяет анализировать его с учётом стереотипных установок о распределении социальных функций в быту и профессиональной среде, а также принимая во внимание его конфликтогенный потенциал и способность провоцировать негативную эмоциональную реакцию. Под *конфликтогеном* понимается слово, вербальное или невербальное действие, инициирующее конфликтную ситуацию [Карповская: 17].

Трансформация традиционных мужских и женских ценностей, канонов маскулинности и феминности является неизбежным требованием временного континуума, вызывающим неотвратимое столкновение интересов. Усложнение социальных отношений во многом обусловлено гендерными стереотипами, предписывающими стандартные модели гендерного ролевого поведения.

Относительно определения гендерных стереотипов не существует единого мнения. В.В. Козлов и Н.А. Шухова предлагают сложную формулировку, фокусируя внимание на гендерных отношениях и интерпретируя гендерные стереотипы как социально сконструированные категории «маскулинности» и «феминности», которые подтверждаются поступками мужчин и женщин в зависимости от их идентичности и различным гендерным распределением внутри социальных ролей. Гендерные стереотипы поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально одобряемой манере, ощущая свою непротиворечивость [Козлов, Шухова: 21]. Стереотипные установки выступают эффективным инструментом социального управления гетерогенной целевой аудитории [Гусейнова: 61].

Развёрнутые и широкие дефиниции будем считать более точными. Полагаем, что при анализе гендерных стереотипов важно учитывать не только социальные представления, роли, качества, атрибутирующиеся мужчине и женщине, но и актуализировать культурно-символическую составляющую гендера. Гендерные стереотипы, с одной стороны, выступают в роли механизмов, поддерживающих внутреннюю стабильность и играющих роль защитников существующих порядков, с другой – представляют собой барьер для продуктивного коммуникативного взаимодействия.

Стереотипизация порождает гендерные конфликты в силу ряда причин. В первую очередь, гендерным стереотипам присущи эмоциональность и оценочность, отражающие, как правило, внутригрупповую систему жизненных ценностей. На этот факт обращает внимание и лингвист А.В. Зырянова, объясняющая данное явление «социальным восприятием языка» [Зырянова: 156].

Далее, принято считать, что гендерные стереотипы характеризуются стабильностью и нормативностью. Сеем, однако, предположить, что гендерные стереотипы не особо устойчивы и претерпевают изменения по мере трансформации социальных образов и представлений. Как подчёркивает американский исследователь Дж. Скотт, изменения в организации социальных отношений всегда соответствуют изменениям в репрезентациях власти [Скотт: 434]. Атрибутируемые характеристики мужественности и женственности всё более модифицируются. Их сущностное содержание корректируется исходя из социального запроса.

В данной работе мы будем придерживаться классификации гендерных конфликтов, предложенной Л.Г. Степановой и выделяющей внутриличностные, межличностные конфликты и конфликты на макроуровне [Степанова: 536].

Внутриличностные гендерные конфликты имеют разнотипную систему:

– *ролевой конфликт работающей женщины*, актуализирующий переживания женщины относительно трудностей в совмещении нескольких ролей одновременно;

– *конфликт боязни успеха*, ассоциирующийся с утратой феминности и социальным неприятием. Как считает отечественный психолог Г.В. Турецкая, центр тяжести феномена находится не во внутриличностной сфере, а в контексте отношений и культуры в целом [Турецкая: 38];

– *экзистенциально-гендерный конфликт*, связанный с переоценкой жизненных ориентаций, поиском и обретением смысла своего бытия. Порождается гендерными представлениями о разной ценности и значимости семейных и профессиональных ролей для мужчин и женщин.

Межличностные гендерные конфликты подразделяются на:

– *семейный конфликт*, сопряжённый с внутрисемейным распределением обязанностей;

– *конфликт в профессиональной сфере*, обусловленный демонстрацией гендерных стереотипов относительно квалификации работника.

Конфликты на макроуровне отражают *социальный конфликт*, вызванный борьбой за интересы представителей обоих полов.

Через использование компонентного анализа лексических значений отобранных примеров нами будут выявлены отличительные свойства гендерных неологических единиц, определены денотативные и оценочные характеристики рискогенных неологизмов с декодировкой их конфликтогена и стереотипизации в контексте англоязычного коммуникативного пространства. Исследование позволило классифицировать гендерные неологизмы на 5 тематических групп на основе взаимосвязанных и взаимообусловленных коннотативных оттенков.

1. Тематическая группа «социальные роли»:

По причине многообразия семантических структур неолексем в рамках гендерного пространства «социальные роли» разделим отобранные лексические единицы на следующие подгруппы:

– **«семья и родительство»:**

Alpha earner (*жена, которая зарабатывает большую часть дохода своей семьи*); **momager** (*мать, управляющая карьерой одного или нескольких своих детей*); **birth striker** (*женщина, которая решает не иметь детей, потому что обеспокоена тем, что население мира слишком велико*); **do-it-herselfer** (*женщина, предпочитающая самостоятельно справляться с домашними обязанностями без привлечения мужчины*).

Проанализируем гендерную неолексему **Alpha earner**, подчёркивающую ломку гендерных стереотипов и изменившийся статус женщины в современ-

ном мире. Ожидается, что мужчины как кормильцы семьи несут основную ответственность за финансовое обеспечение семьи, в то время как обязанность женщины – ведение домашних дел, уход за детьми и создание домашнего уюта. Подобный стереотипный образ о мужчине ушёл в прошлое, что во многом обусловлено уравниванием гендерных ролей и манифестацией лидерских позиций женщин в семье и социуме. Рассматриваемый гендерный стереотип эксплицирует, однако, двойственность взглядов и не репрезентирует высокую степень согласия в обществе. Приведём пример:

*“They call them the new **alpha earners**. They are women, they bring home America's bacon and they are set to take over.*

– Joanna Walters, *“America's **alpha career women** leave men at the kitchen sink”*. (Word Spy)

Неолексема “**Alpha earner**” репрезентирует иерархичность, с одной стороны, и противопоставление мужчинам – с другой. Компонент “**alpha**” изначально связан с животным миром, где он обозначает лидера стаи. Применение данной лексемы к сфере заработка подразумевает соревновательность и иерархию, где женщины позиционируются как «доминирующие» в экономическом плане. Использование “**alpha**” в контексте “**women**” может быть также воспринято как противопоставление мужчинам, как попытка вытеснить их из «первенствующей» роли, что может вызывать негативную реакцию у мужчин, особенно тех, кто чувствует угрозу своей традиционной роли в обществе.

Выражение “*they bring home America's bacon*” манифестирует традиционный гендерный стереотип. Фраза “*bring home the bacon*” связывается с мужской ролью «кормильца». Применение её к женщинам может быть воспринято как попытка перехватить мужскую роль, что также может вызывать негативную реакцию.

В качестве усилителя гендерных стереотипов выступает ремарка “*leave men at the kitchen sink*”. Эта фраза не только акцентирует традиционный гендерный стереотип, но и несёт в себе уничижительный подтекст, представляя мужчин как неспособных к самостоятельности и зависящих от женщин.

Фраза “*set to take over*” несёт в себе агрессивный подтекст, в котором женщины представлены как «завоеватели», стремящиеся захватить власть.

Таким образом, в семантике проанализированного примера с неологической единицей “**alpha earner**” прослеживается межличностный конфликтогенный потенциал, указывающий на дифференциацию представлений об амбивалентности социальных ролей и призванный привлечь внимание к феномену новых женщин-лидеров.

– **«профессия», «род деятельности»:**

manny (няня-мужчина); **manbrarian** (мужчина, работающий библиотекарем); **ShEO** – she + CEO (женщина-руководитель).

Обратимся к неолоксем **manny**, манифестирующей мужчину в роли няни. Гендерной стереотипизации подвергается профессиональная успешность, являющаяся наиболее значимой социальной ролью для мужчины. В позиции няни принято рассматривать женщину ввиду приписываемых ей эмоциональных качеств, любви к детям, заботливости и нежности. Рассмотрим пример:

“Simon isn't a dad. He is a manny – the new name for young men who take care of other people's children for money. It is still rare to find guys on traditional nannying courses”. (Word Spy)

Этот текст, стремясь представить мужчин в новой роли «мужской няни», невольно усиливает существующие гендерные стереотипы, актуализируя нестандартную позицию мужчины, который занимается уходом за детьми. Подобная необычная ситуация может восприниматься как исключение из нормы. Фраза *“traditional nannying courses”* усиливает гендерную стереотипизацию в отношении женщины, демонстрируя её «естественную» роль в вопросе ухода за детьми. Следующим усилителем гендерного профессионального неравенства выступает замечание *“It is still rare to find guys on traditional nannying courses”*, подчёркивающее внутриличностный конфликтогенный потенциал рассматриваемой неологической единицы *“manny”*.

В семантике данной неолоксем усаживается гендерная асимметрия образа мужественности. Очевидно, что определённые профессии часто стереотипно приобретают гендерную маркированность. Маскулинности традиционно атрибутируются качества, коррелирующие с публичной сферой и статусной позицией мужчины.

– «социальная позиция», «феминизм»:

febfo (подруга-женщина, которая является членом группы друзей-мужчин); **leather spinster** (гетеросексуальная или асексуальная женщина, не состоящая в браке и не имеющая желания искать себе партнера); **womyn** (термин, используемый феминистками, которые считают, что наличие слова ‘man’ в слове ‘woman’ делает женщин подгруппой мужчин, поэтому они заменили букву ‘e’ на ‘y’); **mangina** (мужчина, который разыгрывает феминистскую программу или ненавидит других мужчин в пользу женских привилегий).

Интересным представляется рассмотрение неолоксем **womyn**, олицетворяющей представительницу радикального феминистического движения. Отметим, что существенной особенностью радикального феминизма выступает его потенциальная конфликтогенность. Например:

“Have you seen that womyn? The way she snapped at those men made her look like a dragon!” (Urban Dictionary)

Неолоксема *“womyn”*, на первый взгляд, может показаться простым описанием агрессивной женщины. Однако в её коннотации скрыт ряд элементов, которые могут быть восприняты как гендерно конфликтные.

Нестандартное написание *“womyn”* вместо *“woman”* может актуализировать феминистский подтекст и вызывать негативную реакцию у людей, не разделяющих феминистские ценности. Далее, анализируемая неологическая единица может быть воспринята как «отчуждение», как попытка отделить «новых» женщин от «традиционных».

Выражение *“snapped at those men”* репрезентирует женщину в роли агрессора и усиливает стереотип о женщине как эмоциональной и неконтролируемой особе. Подобное поведение у мужчины могло бы указывать на его уверенность и решительность, а у женщины рассматривается как агрессия. Налицо демонстрация двойных стандартов в оценке поведения мужчин и женщин.

Компонент *“dragon”* олицетворяет архетип женской мощи и рисует угрожающий образ женщины, усиливая стереотип о женщине как опасной и непредсказуемой личности.

Соответственно, стереотипизации подвергается образ женщины, принимающей на себя социально неодобряемые атрибуты маскулинности, а именно агрессивность и воинственность. Подобная стереотипизация отражает гендерный конфликт на макроуровне и имеет, безусловно, негативную оценку.

2. Тематическая группа «эмоциональное выражение»:

emo boy – emotional (парень, обладающий эмоциональным характером; обычно они немного женственны, выражают чувства совершенно открыто и не особо заботятся о том, насколько они «крутые», как это делают большинство обычных парней); **groomzilla** (мужчина, невротически одержимый планированием своей свадьбы).

Обратимся к гендерно окрашенной неолоксем **emo boy**. В эмоциональной сфере мужчин поощряют подавлять эмоции и проявлять стоицизм, в то время как женщин – быть более эмоционально выразительными. Приведём пример:

“Too shy to speak to her directly”, the emo boy watched the dancing object of his adoration from a darkened booth and reflected bitterly upon the futility of his love-life. (Urban Dictionary)

«Эмо» означает стиль в музыке и культуре, соотносящийся с чувствительностью, эмоциональностью, меланхолией, что традиционно характеризует женскую природу. Применение неолоксем *“emo*

boy” в отношении мужчины может быть воспринято как подчёркивание его слабости, неуверенности и неспособности на прямое общение с представительницей противоположного пола.

Фраза “*futility of his love-life*” подчёркивает неудачи “*это boy*” в любовных делах, что может быть воспринято как «несоответствие» традиционной мужской роли, где мужчине приписывается стереотипизированный образ успешного в отношениях человека. Данная фраза способна вызвать негативную реакцию у мужчин, чувствующих давление социальных ожиданий.

Очевидно, что в неолексеме “*это boy*” не просматривается бытующий в социуме стереотип о мужской эмоциональной устойчивости и хладнокровии. Напротив, эксплицируется внутриличностный гендерный конфликт с демонстрацией маскулинной чувствительности, тревожности и, как следствие, конструированием образа «неадекватного» мужчины.

3. Тематические группы «личностные качества» и «поведение»:

Alpha female (сильная, напористая женщина с красивой внешностью и превосходным интеллектом; она нравится мужчинам, а девушки с низкой самооценкой её ненавидят); **Alpha girl** (доминирующий член группы девушек; девушка, которая издевается над другими девочками); **bachelor** (неженатый мужчина, эгоистичный, бесчувственный и боящийся обязательств); **ball-buster** (женщина, которую мужчины считают пугающей или угрожающей; женщина, которая постоянно обвиняет мужчин или мужское общество в целом); **Beta male** (Бета-самец – мужчина, которому не хватает мужской энергии и который принимает женские черты; тот, кто не способен утвердить свое доминирование); **bridezilla** (будущая невеста, которая, планируя свадьбу, становится исключительно эгоистичной, жадной и несносной); **chavette** (девушка, которая всегда и везде предпочитает ходить в спортивном костюме и демонстративно пьёт на улице, употребляет наркотики, устраивает беспорядки; типичный подросток, желающий доказать всему миру, что он сделает всё вопреки родительскому приказу); **conversational puma** (человек, то и дело влезаящий в разговор с репликами «Да, я знаю!», «Я вам всегда это говорил!», что делает беседу крайне затруднительной); **female Simp** (чрезмерно покорная и послушная женщина, которая сделает всё ради внимания или одобрения мужчины, независимо от того, как это может повлиять на её собственное благополучие или самоуважение); **girlboss** (влиятельная и независимая женщина, занимающая высокое положение, которая эксплуатирует или злоупотребляет своей властью); **Karen** (уничижительный термин для чересчур требовательной и конфликтной

белой женщины с обострённым чувством права); **man child** (мужчина-ребенок, незрелый парень, который просто отказывается взростеть); **omega male** (мужчина, который с наименьшей вероятностью возьмет на себя доминирующую роль в социальной или профессиональной ситуации); **Sigma male** (Сигма-самец признает, что ему не нужна власть над другими, как того желает альфа-самец, а нужна только власть, чтобы контролировать себя и сохранять свою автономию от других; Сигма-мужчины часто прагматичны, но окружающие могут воспринимать их как отстраненных, параноидальных и скрытных); **toxic Soy boy** (женоподобный мужчина, чьи чувства слишком легко можно задеть); **valley girl** (малообразованная молодая девушка из богатой семьи, ставящая личные удовольствия превыше всего на свете); **woman child** (женщина-ребёнок, которая постоянно на эмоциях, ноет и жалуется; не берёт ответственность за свои действия и обвиняет других в своих ошибках).

Проанализируем гендерно окрашенную неолексему **man child**. Гендерной стереотипизации подвергаются личностные качества мужчины, традиционно не соотносящиеся с мужской идентичностью. Истинному мужчине приписываются лидерские качества, среди которых ум, сила, зрелость, способность принимать решения. Приведём пример:

“*You'll never believe it, but that 30-year old uber-gamer man child who lives door to me finally got a job!*” (*Urban Dictionary*)

Неолексема “*man child*” содержит в своей основе дискриминационную, уничижительную коннотацию по отношению к мужчине, описывая эмоционально незрелого и несамостоятельного человека. Фраза “*30-year old uber-gamer*”, в свою очередь, создаёт несерьёзный, непродуктивный образ мужчины, усиливая межличностный конфликт и общую пейоративную коннотацию неологической единицы.

Реплика “*finally got a job*” в рассматриваемом контексте приобретает саркастическое и пренебрежительное значение, обостряя отрицательное восприятие мужчины и его образа жизни.

Феминное гендерное «поле» зеркально репрезентируется в неолексеме **woman child**, описывая чрезмерно эмоциональную женщину, склонную к постоянным жалобам и перемене настроения. Например:

Person 1: “*This girl I work with complains ALL the time and is all emotion. I hope she gets upset and quits because her immaturity reminds me of high school.*”

Person 2: “*Wow, what a woman child!*” (*Urban Dictionary*)

Существует убеждение, что женщина, находящаяся во власти эмоций, не способна к рациональным, логическим рассуждениям. Выражение “*complains all the time and is all emotion*” лишь подтверждает по-

добный стереотип. Реплика *“her immaturity reminds me of high school”* указывает на детскость женщины, предполагая, что женщина «не созрела» и не способна к взрослому поведению. Подобные феминные атрибуты способны провоцировать межличностный конфликт.

Проанализируем следующую феминно окрашенную неолексему **Karen**, переосмысливающую в английской лингвокультуре образ белой женщины как символа добропорядочности. Однако с популяризацией мема «Карен» образ белой женщины начал олицетворяться с агрессией, подстрекательством к насилию, особенно против чернокожих мужчин. В качестве примера приводится убийство Дж. Флойда, произошедшее как раз после вызова полиции белыми женщинами. Рассмотрим примеры:

“Karen refuses to wear a face mask for her 5 minute trip to the supermarket during a pandemic. She harasses the workers, asks to see the manager and threatens to sue”.

“Karen complains that her favorite parking spot was replaced by a ramp for wheel chairs. She parks her car in the old spot anyway and shoots a vlog about it”. (Urban Dictionary)

Использование архетипа “Karen” как отрицательного обобщающего образа для всех женщин с определённым типом поведения упрощает реальность и не учитывает индивидуальность и разнообразие женщин.

Замечания *“refuses to wear a face mask”* и *“complains about parking spot”* представляют женщину как непослушную, эгоцентричную и не соблюдающую правила. Если бы речь шла о мужчине, то его поведение в аналогичной ситуации могло бы быть описано как «не согласный», «не убеждённый» или «имеющий своё мнение». Усматриваются двойные стандарты в оценке поведения мужчин и женщин.

Коллективное сознание склонно воспринимать женщину жертвенной, мягкосердечной. Подобная шаблонная репрезентация о феминности не коррелируется с образом конфликтной и жёсткой **Karen**, что приводит к обострению гендерного и в дополнение расового конфликта на макроуровне.

Обратимся к новообразованию **omega male**. Не стоит думать, что лишь женщина находится во власти «заданности» своей роли. Считается, что со стереотипом маскулинности мужчина олицетворяет стремление к достижению цели, доминированию. Несоответствие этой роли и шаблонности поведенческого реагирования вызывает общественное порицание. Например:

“Ever seen William? He’s such an outcast”

“You mean an Omega male?”

“They’re just disgusting!” (Urban Dictionary)

Через образность второго компонента неолексемы **‘omega’** (последней буквы греческого алфавита) актуализируются гендерные трансформации, ведущие к трансформации гендерного неравенства. Подобная эксплуатация гендерных стереотипов ведёт к обострению межличностного коммуникативного взаимодействия, а также подчёркивает иерархичность в отношениях между мужчинами, где *“Alpha”* мужчины считаются «лучшими», а *“Omega”* мужчины – «худшими».

Использование лексической единицы *“outcast”* несёт в себе отрицательную коннотацию, представляя мужчину как «отверженного» и «не принятого обществом» индивидуума и придавая общую пейоративную коннотацию неологической единице *“Omega male”*.

Эмоциональное высказывание *“They’re just disgusting!”* выражает резкое неприятие и отрицательное отношение к *“Omega”* мужчинам, что воспринимается как нетерпимость к людям, не соответствующим традиционным гендерным нормам.

4. Тематическая группа «внешний вид»:

femiman (мужчина с очень женственной внешностью); **himbo** (мужчина с красивой внешностью, но с неразумным поведением и поверхностным характером); **metrosexual** (городской мужчина с сильным эстетическим чувством, который тратит много времени и денег на свой внешний вид и образ жизни); **tomboy** (женщина с мужскими характеристиками).

“She is always hanging around those dudes, i’ve never seen her in a tight jeans, why can’t she be just a little bit girly, she’s such a tomboy”. (Urban Dictionary)

Приведённый пример иллюстрирует несоответствие стереотипных представлений о женской внешности и модели поведения. Стандартизированному феминному образу приписывают нежность, покорность, хрупкость. Относительно внешнего вида женщина стереотипно ассоциируется с платьями, длинными волосами, формирующими цельный мягкий образ.

Выражение *“never seen her in a tight jeans”* подчёркивает отсутствие «женской» одежды в гардеробе женщины. Высказывание *“why can’t she be just a little bit girly”* расширяет негативный смысл неолексемы *“tomboy”*, усиливая стереотип о несоответствии женского гардероба нормам женственности. Подобное несоответствие может быть воспринято как «отрицание» женщины как женщины, как «неполноценность», «дефект» и отрицание её права на самовыражение. Устойчивые, сформированные воззрения на образ и модели поведения могут привести к противоречиям, снижающим уровень взаимопонимания на межличностном уровне.

5. Тематическая группа «возраст»:

failson (взрослый сын, безработный либо на частичной занятости, который живет со своими ро-

дителями и предпочитает проводить время за видеороликами); **manfant** (взрослый мужчина, ведущий себя как маленький ребенок); **perennial** (женщина немолодого возраста, демонстрирующая поведение молодой девушки).

Рассмотрим маскулинную неолексему **failson**:

“Welcome to the Failson hangout. This is the thread for Failsons. We are disappointments to our families, burdens on societies, and NOT jealous of our older sibling's nice houses and luxury automobiles. We have our computers, and frankly, that is enough!” (Word Spy)

Неолексема “failson” репрезентирует негативное убеждение по отношению к мужчине, предполагая, что он не способен на успех и достижения, что он неудачник и не оправдывает ожидания общества. Отрицательная оценочная коннотация рассматриваемой неолексемы интенсифицируется через выражения “disappointments to our families” и “burdens on societies”, предполагающие, что такие мужчины не способны к ответственности и не могут быть полезны для семьи и общества.

Реплика “NOT jealous of our older sibling's nice houses and luxury automobiles” указывает на отсутствие такого стереотипа маскулинности, как конкурентоспособность и желание достичь больших высот. Неспособность к реальной жизни и непродуктивность мужчины подобного склада подтверждается высказыванием “We have our computers, and frankly, that is enough!”. Социальные нормы указывают на то, что с возрастом мужчина должен стать самодостаточным, статусным, состояться как зрелая личность. Нарушение ожиданий препятствует восприятию стереотипизированной маскулинной идентичности и может привести к межличностным противоречиям в гендерном языковом сознании.

Проведённое нами исследование позволяет заключить, что гендерные неологические номинации возникают вследствие социального запроса, выступающего в роли основной движущей силы неологизации в языке. Непрестанная трансляция гендерно обусловленных социокультурных образов, визуализация маскулинной и феминной идентичности в языковом сознании, приписывание стереотипизированных социальных ролей выступают конфликтогенными факторами, способным активизировать большей частью негативную эмоциональную реакцию.

Содержание гендерных стереотипов обусловлено влиянием социального контекста. Дополнительный статус, возникающий у стереотипизируемой группы, подвергается корректировке, манифестируя тем самым зависимость общепринятых норм от характера социальных отношений между субъектом и объектом стереотипизации.

По результатам нашего исследования отметим, что гендерные неолексемы с компонентом лексико-

семантического поля «личностные качества» и «поведение» составляют наиболее многочисленную группу. Активное образование соответствующих гендерных неолексем, актуализирующих личностные и поведенческие штампы, связано, на наш взгляд, с использованием гендерных конструктов при выстраивании диалога в процессе межличностного взаимодействия в соответствии с ценностными ориентациями и аксиологической картиной мира участников коммуникативного акта. Стереотипы, репрезентирующие личностные и поведенческие характеристики, выступают продуктом естественных эмоциональных процессов, неизбежно приводящих к экспликации их конфликтогенного потенциала.

Перспективы дальнейшего исследования конфликтогенного потенциала гендерных неологизмов мы видим в более основательном и полиаспектном изучении способов манипулирования коллективным сознанием посредством гендерных стереотипов и выявлении путей преодоления этих условностей, препятствующих достижению гендерной толерантности.

Список литературы

- Городникова М.Д. Гендер в коммуникативной интеракции: доклады II Междунар. конф. «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва: МГЛУ, 2002. С. 70–76.
- Гусейнова И.А. Гендер как конфликтогенный фактор институциональной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 59–74.
- Зырянова А.В. Неологизмы-заимствования в аспекте их семантики (на материале средств массовой информации) // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. Челябинск, 2006. № 6. С. 156–164.
- Карповская Н.В. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтогенности и их когнитивно-прагматическом потенциале / Н.В. Карповская, И.Р. Абкадырова, И.И. Давтянц // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2022. № 1 (2). С. 14–25.
- Катермина В.В. Гендерный стереотип: особенности формирования и функционирования в языке и речи // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы XI Междунар. науч. конф.; Государственный социально-гуманитарный университет. 2018. С. 71–73.
- Кирилина А.В. О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании // Научн. докл. высш. шк. Филологические науки. Москва, 2000. № 3. С. 28–36.
- Кириллина В.Н. Гендерный конфликт в контексте глобальных социокультурных изменений // Безопасность Евразии. 2004. № 4 (18). С. 385–396.

Козлов В.В., Шухова Н.А. Гендерная психология: учебник для вузов. Москва: ИП Петросян, 2022. 296 с.

Петрова Р.Г. Гендерология и феминология: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2022. 207 с.

Прудникова Е.С. Категория гендера как объект изучения лингвистики / Е.С. Прудникова // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (23). С. 59–61.

Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования / под ред. С. Жеребкина. Санкт-Петербург, 2001. Ч. 2. С. 405–437.

Степанова М.Д. Аспекты синхронного словообразования // Иностранные языки в школе. 1972. № 3. С. 3–13.

Степанова Л.Г. Введение в гендерную психологию: курс лекций. Москва: МПСУ; Воронеж: МО-ДЭК, 2012. 536 с.

Томская М.В. Изучение гендера как проявление «исследовательской моды» в российском языкознании // Язык и мода: сб. ст. / отв. ред. Н.Н. Трошина. Москва: ИНИОН РАН, 2017. С. 146–163. (Сер.: Теория и история языкознания).

Турецкая Г.В. Страх успеха: психологическое исследование феномена // Психологический журнал. 1998. № 1. С. 37–46.

Хатламджиян М.А. Особенности актуализации англоязычных неологизмов с семантическим компонентом «женщина» // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. трудов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 158–168.

Anderson C. Discourses of Ageing and Gender: the impact of public and private voices on the identity of ageing women. Birmingham, Palgrave Macmillan, 2019.

Deriu F., Fioredistella Iezzi D. Text Analytics in Gender Studies. Introduction. International Review of Sociology, 2020, vol. 30, no. 1, pp. 1-5.

Vessey R. Domestic work = language work? Language and gender ideologies in the marketing of multilingual domestic workers in London. Gender and Language, 2019, vol. 13.3, pp. 314-338.

References

Gorodnikova M.D. *Gender v kommunikativnoj interakcii: doklady II mezhdunar. konf. «Gender: yazyk, kul'tura, kommunikaciya»* [Gender in communicative interaction: reports of the Second International Conference “Gender: Language, Culture, Communication”]. Moscow, MGLU Publ., 2002, pp. 70-76. (In Russ.)

Gusejnova I.A. *Gender kak konfliktogennyj faktor institucional'noj kommunikacii* [Gender as a conflict-generating factor in institutional communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarny'e nauki* [Bulletin of Mos-

cow State Linguistic University. Humanitarian sciences], 2021, vol. 11 (853), pp. 59-74. (In Russ.)

Karpovskaya N.V. *O konfliktnom diskurse, leksicheskix markerax konfliktogennosti i ix kognitivno-pragmaticheskom potenciale* [About conflict discourse, lexical markers of conflict potential and their cognitive-pragmatic potential]. *Byulleten' gumanitarny'x issledovanij v mezhdisciplinarnom nauchnom prostranstve* [Bulletin of Humanities Research in Interdisciplinary Scientific Space], 2022, no. 1 (2), pp. 14-25. (In Russ.)

Katermina V.V. *Genderny'j stereotip: osobennosti formirovaniya i funkcionirovaniya v yazy'ke i rechi* [Gender stereotype: features of formation and functioning in language and speech]. *Yazyk: kategorii, funkcii, rechevoe dejstvie: materialy XI mezhdunar. nauch. konf.* [Language: categories, functions, speech action: materials of the XI international scientific conference], *Gosudarstvenny'j social'no-gumanitarny'j universitet* [State Social and Humanitarian University], 2018, pp. 71-73. (In Russ.)

Kirilina A.V. *O primenenii ponyatiya «gender» v russkoyazychnom lingvisticheskom opisani* [On the application of the concept of “gender” in Russian linguistic description]. *Nauchn. dokl. vyssh. shk., Filologicheskie nauki* [Scientific report higher school, Philological sciences]. Moscow, 2000, no. 3, pp. 28-36. (In Russ.)

Kirillina V.N. *Genderny'j konflikt v kontekste global'ny'x sociokul'turny'x izmenenij* [Gender conflict in the context of global sociocultural changes]. *Bezopasnost' Evrazii* [Security of Eurasia], 2004, no. 4 (18), pp. 385-396. (In Russ.)

Khatlamadzhian M.A. *Osobennosti aktualizacii angloyazychny'x neologizmov s semanticheskim komponentom «zhenshhina»* [Features of the actualization of English neologisms with the semantic component “woman”]. *Mezhdisciplinarny'e aspekty lingvisticheskix issledovanij: sb. nauch. trudov* [Interdisciplinary aspects of linguistic research: collection of scientific papers]. Krasnodar, Kubanskij gosudarstvenny'j universitet, 2024, pp. 158-168. (In Russ.)

Kozlov V.V., Shuxova N.A. *Gendernaya psixologiya: ucheb. dlya vuzov* [Gender psychology: textbook. for universities]. Moscow, IP Petrosyan Publ., 2022, 296 p.

Petrova R.G. *Genderologiya i feminologiya: uchebn. dlya vuzov* [Genderology and feminology: textbook for universities]. Moscow, Yurajt Publ., 2022, 207 p. (In Russ.)

Prudnikova E.S. *Kategoriya gendera kak ob'ekt izucheniya lingvistiki* [The category of gender as an object of study of linguistics]. *Gumanitarny'e nauki* [Humanitarian sciences], 2014, no. 1 (23), pp. 59-61. (In Russ.)

Skott Dzh. *Gender: poleznaya kategoriya istoricheskogo analiza* [Introduction to Gender Studies], ed. by Zherebkina S. SPb., 2001, part 2, pp. 405-437. (In Russ.)

Stepanova M.D. *Aspekty` sinxronnogo slovoobrazovaniya* [Aspects of synchronous word formation]. *Inostranny`e yazy`ki v shkole* [Foreign languages at school]. Moscow, 1972, no. 3, pp. 3-13. (In Russ.)

Stepanova L.G. *Vvedenie v gendernuyu psixologiyu: kurs lekcij* [Introduction to gender psychology: course of lectures]. Moscow, MPSU; Voronezh, MODE`K Publ., 2012, 536 p. (In Russ.)

Tomskaya M.V. *Izuchenie gendera kak proyavlenie «issledovatel`skoj mody`» v rossijskom yazy`koznanii* [The study of gender as a manifestation of “research fashion” in Russian linguistics]. *Yazy`k i moda* [Language and fashion]: sb. st., ed. by N.N. Troshina. Moscow, INION RAN Publ., 2017, pp. 146-163. (Ser.: *Teoriya i istoriya yazykoznanija* [Ser.: Theory and history of linguistics]). (In Russ.)

Tureczkaya G.V. *Strax uspeha: psixologicheskoe issledovanie fenomena* [Fear of success: a psychological study of the phenomenon]. *Psixologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 1998, no. 1, pp. 37-46. (In Russ.)

Zy`ryanova A.V. *Neologizmy`-zaimstvovaniya v aspekte ix semantiki (na materiale sredstv massovoj in-*

formacii) [Neologisms-borrowings in terms of their semantics (based on the media)]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. ped. un-ta* [Bulletin of the Chelyabinsk State. ped. university]. Chelyabinsk, 2006, no. 6, pp. 156-164. (In Russ.)

Anderson C. *Discourses of Ageing and Gender: the impact of public and private voices on the identity of ageing women*. Birmingham, Palgrave Macmillan Publ., 2019.

Deriu F., Fioredistella Iezzi D. *Text Analytics in Gender Studies. Introduction*. *International Review of Sociology*, 2020, vol. 30, no. 1, pp. 1-5.

Vessey R. *Domestic work = language work? Language and gender ideologies in the marketing of multilingual domestic workers in London*. *Gender and Language*, 2019, vol. 13.3, pp. 314-338.

Статья поступила в редакцию 01.05.2024; одобрена после рецензирования 16.06.2024; принята к публикации 09.09.2024.

The article was submitted 01.05.2024; approved after reviewing 16.06.2024; accepted for publication 09.09.2024.

ЯЗЫК ТОТАЛИТАРИЗМА: НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ И МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ

Погорецкая Ольга Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков им. Т.З. Черданцевой, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Россия, [o.pogoretskaya@inno.mgimo.ru](mailto:opogoretskaya@inno.mgimo.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1216-5083>

Панченко Юрий Юрьевич, старший преподаватель кафедры иностранных языков Высшей школы международных отношений и мировой политики, Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия, panyurij@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7441-0323>

Аннотация. Когда речь идет о создании мощной идеологии, язык в руках властей становится инструментом для консолидации нации. Фашистская Италия и милитаристская Япония являются яркими примерами использования языка как средства объединения людей во имя провозглашенных новых ценностей и идеалов. В данной статье предпринимается попытка анализа языковой политики обеих стран в период тоталитарного режима: от первоначального желания объединить жителей страны новым порядком под эгидой единой нации посредством языка до открытой враждебности к любым проявлениям неоднородности, в частности к территориальным диалектам, до открытой борьбы против любых иностранных слов, даже тех, которые уже прочно укоренились или закрепились в языке. Авторы ставят перед собой задачу проследить, какие изменения произошли в итальянском и японском языках, когда новые партии пришли к власти со своей идеологией, а также проанализировать, в какой степени языковые политики Италии и Японии первой половины двадцатого века схожи и в какой степени они различаются. Кроме того, рассматриваются итоги проведенной в обеих странах рестриктивной языковой политики после окончания Второй мировой войны.

Ключевые слова: языковая автаркия, итальянский язык, язык фашизма, итальянизация, языковая политика, фашистская Италия, милитаристская Япония, диалекты.

Для цитирования: Погорецкая О.А., Панченко Ю.Ю. Язык тоталитаризма: национальная языковая политика в фашистской Италии и милитаристской Японии // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 164–174. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-164-174>

Research Article

LANGUAGE OF TOTALITARIANISM: NATIONAL LINGUISTIC POLICY IN FASCIST ITALY AND MILITARIST JAPAN

Olga A. Pogoretskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Cherdantseva Department of Romance Languages, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, [o.pogoretskaya@inno.mgimo.ru](mailto:opogoretskaya@inno.mgimo.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1216-5083>

Yury Yu. Panchenko, Senior Lecturer, Chair of Foreign Languages, Higher School of International Relations and World Politics, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, panyurij@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7441-0323>

Abstract. When it comes to creating a notorious ideology, in the hands of those in power, language becomes a tool for consolidating a nation. Fascist Italy and militarist Japan are prime examples of the use of language as a means of uniting people in the name of proclaimed “new” values and ideals. In the present article the authors provide a detailed analysis of language policy in both countries: from the initial desire to unite the inhabitants of the country with the proclaimed order under the aegis of a single nation by means of language, to open hostility to any manifestations of heterogeneity, in particular to regional dialects or dialectal variants of the literary national language, to an open struggle against loan words, even those that had already been firmly established or consolidated in the domestic language. The study attempts to trace what changes happened to Italian and Japanese languages when intransigent parties had come to power with their ideologies; to analyze to what extent the language policies of Italy and Japan in the 1st half of the 20th century are similar and to what extent they differ; and we also summarise the results of such restrictive language policies after the World War II resulted in the said politicians’ defeat.

Keywords: linguistic autarky, Italian language, language of fascist Italy, italianisation, language policy, fascist Italy, militarist Japan, dialects.

For citation: Pogoretskaya O.A., Panchenko Yu.Yu. Language of totalitarianism: national linguistic policy in fascist Italy and militarist Japan. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 164–174 (In English.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-164-174>

Introduction

The first half of the XX century knew the boom of totalitarian regimes in the world. One of the most notorious examples are Nazi Germany, Fascist Italy and Militarist Japan, who formed the Axis countries during the Second World War. Despite of certain peculiarities and differences of the regime in each of these countries, they shared among others such things as the total participation of the government in the lives of the population, the cult of the leader, high importance of the militarist values and the extreme nationalism. It is obvious that such attention given to the national pride and superiority, often resulted in the severe propaganda, could not leave the national language aside from the political goals of the regime.

Just having emerged from a difficult but victorious war, a new Italian regime presented itself on the political horizon of the country safeguarding and exalting the moral values of the Nation. Many Italians accepted Mussolini's totalitarian regime in the name of national pride and anticommunism.

The principal ideology towards the language was to establish linguistic autarky. The regime wanted to use linguistic uniformity to strengthen centrist sentiment and popular approval. The language policy pursued by the Fascists was to create a one-size-fits-all norm, to give homogeneity to all local colloquialisms. A common language was to cement the process of national cohesion [Foresti: 11-26], thus becoming one of the core means not only to achieve the mutual intelligibility throughout the country but also fostering the nationalistic ideology.

Slightly different processes were going in Japan, where the progressive reforms of the new government in the Meiji period (1868-1912), which had the goal to make Japanese society closer to the Western values and ideologies, resulted in heavy debates between progressive and conservative parts of intellectual elite. The questions concerning the language policy, e.g. the reduction of characters used in writing or the need for the unified standard language, gave birth to vigorous discussions and important measures (taken or not taken) by the new government.

The imposition of the newly created standard language to unify the country where people in different regions spoke their own dialects, sometimes practically mutually incomprehensible, contributed to the shaping of the new Japanese identity. The rise of the ultraconservative wave in 1930s and its culmination

in 1940s also resulted in nation's further cohesion, contributing to the development of ultraconservative linguistic ideologies and strengthening the Japanese linguistic nationalism.

It can be seen that Italy and Japan in the beginning of the XX century, and more precisely, before the Second World War, had some common points which influenced the ideologies towards the national language. That is why the aim of the present article is to compare the language ideologies in Fascist Italy (1922-1945) and Militarist Japan (1920-1945), with special attention to the decades of the 1930s and 1940s which turned to be the culmination of totalitarianism in both countries. It is not frequent to compare these two regimes in linguistic research, so we hope that such an attempt will be useful to understand the methods of shaping of the ideology towards language issues in totalitarian regimes.

Various aspects of language policy in Japan were treated in the works of V. Alpatov (2003) and L. Vasiljeva (2018), who analyzed the most important language reforms conducted in the Japan of XIX-XX centuries. A. Meshherjakov (2014) made a thorough investigation on the social life and ideology during the militarist era. For a detailed information of the linguistic peculiarities of the Japanese of that period we have recurred to the works of such Japanese scholars, as S. Araki (2004), C. Kato (2016), S. Okamoto (2004), A. Tanaka (2007), T. Yamana (2014), K. Yamaguchi (1989), who considered different aspects concerning language reforms in Japan of various periods.

Basing on the results of these studies, we have attempted to conduct a comparative analysis of language reforms in Italy and Japan under the seemingly similar totalitarian regimes, focusing on underlying ideologies towards the national language.

1. The case of Italy

1.1. Emerging of fascist language ideology

From a linguistic point of view, Fascism is of great interest because the regime intended to "discipline" the Italian language, which in fact meant its complete reform. The intentions were very wide-ranging: in addition to controlling the national language - its distribution, teaching and use - the new language policy had to have a radical impact on dialects, especially in foreign-speaking regions, and to eradicate borrowings from other languages.

Language within the regime was extremely important; it was a tool for achieving nationalist cohesion. The global goal of the entire language policy of the Fascist

era was to spread the Italian language as a symbol of unification and nationalism. By the beginning of the twentieth century, such a need was indeed urgent, since most Italians spoke mainly in dialect. The literacy rate was low, and the lower social classes had no access to books, newspapers, or any other source of literate Italian (so it is not surprising that the inhabitants of different regions of Italy spoke virtually different languages).

Thus, along with abolishing the handshake and replacing it with the Roman salute, the regime tried to control the language and its use. The justification for lexico-grammatical changes in the language was socio-ideological. For example, the replacement of the polite address to “you” – “Lei”- by the “voi”¹ form was explained as follows: the “Lei” address was a remnant of the servile of Italians towards foreign invaders.

The unification of the Italian language, or rather its spoken version, became possible thanks to the spread of mass communication media - radio, cinema, television. The unified literate Italian language became a kind of a cornerstone of the regime. We can distinguish three main vectors in which the language policy was conducted:

1) working to unify and codify the Italian language, which would become a single language for all Italian citizens,

2) the fight against borrowing (replacement of foreign terms),

3) Italianization of everything from surnames² (non-Italian) to toponyms (especially in the regions of Alto Adige, Piemonte e Valle d'Aosta).

Let us consider these directions in more detail in the main part.

1.2. Language - a tool for nation unity. Mussolini's oratory as a starting point for a systematic language policy

The fascist conception of language relied heavily on the oratorical skills of Benito Mussolini. His manner contained diverse elements: socialist vocabulary, dannunzianism, sententiousness, active gesticulation [Desideri, 1984].

The main idea that Mussolini proclaimed was the struggle for “purezza dell'idioma patrio”³ [Mussolini 1931]. His speeches were oriented towards public appearances “in piazza”, communicating with the crowd. As a consequence, the syntax was simplified - a minimum of subordinate clauses, frequent two- and threefold repetitions, slogan-like expressions and forms. We suggest a few such expressions.

1) Twofold structure:

– The model “who ... , is ...”:

Chi si ferma, è perduto.

Chi osa, vince.

Chi non è con noi, è contro di noi.

– the “either ... or ...” model:

O l'amicizia preziosa o l'ostilità durissima.

O Fascismo o antifascismo.

– two free homogeneous elements:

si tiene duro e si dura. (impersonal construction)

molti nemici, molto onore! (nouns)

Ricordare e prepararsi (infinitives)

rinunciare alla lotta significa rinunciare alla vita.

2) Threefold structure:

La Patria è la più grande, la più umana, la più pura delle realtà.

Crede obbedire combattere.

vivere è la lotta, il rischio, la tenacia.

La libertà non è un diritto. è un dovere! Non è una elargizione. è una conquista! Non è una uguaglianza. è un privilegio!

Such forms of communication with the electorate, as in modern political discourse, are aimed at maximum direct communication. The power in the person of the leader of the fascist party B. Mussolini again turned to the genre of “slogan” due to the dynamism of this form. Subsequently, many fragments of the Fascist leader's speeches spread in the form of graffiti [Desideri 1998], which once again confirmed the communicative success of slogan forms as one of the ways of speech impact on the voter.

1.3. The first reforms and the beginning of the fight against dialects

Before the Fascist Party came to power, language teaching was carried out in the most classical way possible, often in isolation from the linguistic reality of the peninsula. The fear of “compromising” some of the rules of the Italian language led to the fact that teaching was reduced to the teaching of the “book” norm; there was no question of teaching the literary language in the form of “as spoken”, because the linguistic norm varied greatly.

This state of affairs did not suit the regime, which led to a desire to influence the linguistic picture of the world of the “new people” already since childhood. This aspiration was reflected in a number of language reforms of the 20s-30s of the twentieth century.

The first major reform was the language reform known as the “Giovanni Gentile reform” [Gentile 1922] in 1923. This Italian philosopher and intellectual saw the reform of the Italian language as an extremely positive transformation: a large-scale language reform would be an opportunity to “organize” the Italian language, to make it more literary and, most importantly, to get rid of the clogging of foreign words (the course of “Italianization of Italian”). The teaching of Italian at school level was to be conducted according to the concept of “dal dialetto alla lingua”. It should be noted that dialect was used in schools at that time for didactic purposes - it was often used to teach literary Italian, because often even primary school teachers themselves did not speak literate Italian (supra-regional language).

Gentile's reform presupposed a relaxed attitude towards dialects; it was based on the desire to codify and spread the literary norm rather than to fight against dialects as such. However, already from 1925 the attitude to dialects became sharply negative. The dialectal variant of Italian was seen as an obstacle on the way to a unified national language. They tried to eradicate dialect from teaching in every possible way, which was quite a challenge. Since 1929, uniform textbooks have appeared for all schools in the country. An example of such an aid is *Almanacchi*, a series of books through which, in addition to the didactic task of transferring the population from dialect to a united Italian language, the regime sought to ideologically "model" the younger generation.

The fascist regime began actively curbing the use of dialects in the public sphere. By 1933, dialects had been forced out of school classrooms throughout Italy and were banned from any periodical press. Politicians and intellectuals supported the call for linguistic uniformity throughout Italy and showed zero tolerance for regional diversity. By 1933, the use of dialect, even for didactic purposes, had become unacceptable.

Reforms are also carried out at the level of institutions. In 1929, the *Accademia d'Italia*, the main regime body for culture in the country, began to operate. It was to this *Accademia* that Mussolini, in 1934, assigned the task of editing a "complete and updated" *Vocabolario della lingua italiana*. Of course, this version of the dictionary was based on the regime's precepts: the language must reflect new ideas (while still being relatively flexible with regard to borrowings). In 1931 the infamous "Giuramento di fedeltà al Fascismo" (Oath of Fascist Allegiance) took place - all Italian university professors were obliged by royal decree and upon pain of dismissal to swear allegiance to the Fascist Party.

Thus, a gradual "fascistizzazione" of the Italian language took place. Although the attitude of the Fascist leadership towards the public use of the dialect was at times multifaceted and sometimes even openly contradictory, it can still be said that the regime discouraged - and later officially condemned - the public use, promotion and publication of the dialect. The aim of the Fascist regime was to expunge the dialect from the public sphere in the name of the Aryan nature of Italians and their national language, what researchers would later call the "dialettobia of the government" [Cortelazzo 1984: 107-116]. There was a shift towards a Fascist intellectual and cultural orthodoxy.

1.4. Mass communication media as a way to influence the speech behavior of citizens

The dictatorship counted on the potential of mass communication media, which it wanted to use in time for political purposes. Control over the mass media was a pillar of the dictatorship.

Real "campaigns" were carried out in the press: the Ministry of Popular Culture - *Minculpop* - carried out orders to broadcast news and to keep silent about what news, how and in what epithets to present this or that information. Official information instructions were sent to daily and periodicals, which had to be strictly observed.

With the help of the *Istituto Luce*, the fascist regime also planned a strict control of cinemas, not just the press. Thus, the problem of cadence, tone, diction arose. The Fascist linguistic policy was centered on the elimination of any matrix that obscured the purity of the regime; in this regard, diction also had to be uniform. The first school of diction was established in the 1930s in Rome, and a pronunciation based on Roman speech rules was imposed, ousting the previous Tuscan rules.

Among the various measures to preserve the purity of the language, mention should be made of the institution of film dubbing from 1932, which was aimed at spreading the production nationwide [Gualdo 2019]. Most American films were dubbed by Italian-Americans who had a generic knowledge of the Italian language, which consequently included mistakes, from pronunciation that differed from the real one to semantic errors. Therefore, in order to hinder the import and consumption of foreign films in Italy, the government, with Decree-Law 261 of 5 October 1933, decided that any foreign film, in order to be shown in Italy, had to be dubbed into Italian within Italian territory.

The main efforts of the Fascist regime's language policy were still directed at the campaign against "foreignness" (*forestierismi*, *barbarismi*, *esotismi*).

Language "protectionism" and active oppression of foreign words began actively in 1923. The starting point was the introduction of a signboard tax on 11 February 1923: if an exotism was indicated on the signboard, the tax was increased fourfold. Such propaganda was primarily aimed at drawing attention to the language as a national pride. In 1937, the Ministry of Press and Propaganda was transformed into the Ministry of Popular Culture, later known as *Minculpop*, which had more freedom in setting taxes. Already in 1938, the tax on exports (decree of 1923) increased 25 times, thus forcing everyone to submit to the total Italianization: "il Touring Club Italiano" became "la Consociazione Turistica Italiana", "Standard" supermarkets became "la Standa", the Milan football team "Internazionale" was already called "Ambrosiana" from 1928.

Propaganda in the name of "Italianness" and patriotic spirit became an instrument more powerful than laws. From 1926, articles in defense of the national language appeared in the *Nuova Antologia*, which promoted the idea of "bonifica linguistica", a kind of linguistic sanitation.

In the thirties, full-scale work on the "Italianization of the Italian language" is carried out throughout the

Kingdom. In 1931 in the Florentine magazine “Scena illustrate” appeared the column “Difendiamo la lingua italiana”, and in 1932 in the Roman newspaper “La Tribuna” a competition was announced for those who would propose the best way to replace 50 loanwords with words of Italian origin. In 1933 Paolo Monelli started to write a column “Una parola al giorno” in the Turin daily newspaper “la Gazzetta del Popolo”. The articles for this column were later collected in a book, *Barbaro dominio*, also known as “Processo a 500 parole esotiche” (1933). The book deals with the rejection of loanwords that have “endangered” the “purity” of the Italian language. The book quotes Niccolò Machiavelli: “le lingue non possono esser semplici, ma conviene che sieno miste con l'altre lingue. Ma quella lingua si chiama d'una patria, la quale convertisce i vocaboli ch'ella ha accattati da altri nell'uso suo, et è sì potente che i vocaboli accattati non la disordinano, ma ella disordina loro: perché quello ch'ella reca da altri lo tira a sé in modo che par suo” [Castellani Pollidori: 243].

Paolo Monelli condemned Frenchisms, for the most part, but only because they were more widespread. Instead, he admitted only a few English-language terms. The Anglo-Saxon terms allowed were: bar, bartender, sport, jazz, picnic, snob; sex-appeal and girl (they were deemed suitable to refer to militant women within variety shows).

The words condemned by Monelli, complete with examples of terms to be used in Italian, were:

Film = Pellicola; Clown = Pagliaccio; Match = Partita; Star = Stella; Toast = Crostino; Club = Circolo; Detective = Investigatore; Game = Gioco; Budget = Bilancio.

Other prominent personalities supporting this linguistic trend include Gabriele D'Annunzio (tramezzino - sandwich, slogans for Mussolini); Bruno Migliorini, founder of the magazine *Lingua nostra* (1939), who advocated replacing the French “regisseur” and “chaffeur” with the Italianized “regista” and “autista”.

All this was encouraged by the regime. There was also an increase in negative sentiment towards foreign languages with the Proclamation of Autarchy and preparations for the invasion of Ethiopia. Speaking a language other than Italian, the “language of the enemy”, was perceived as a kind of treason.

Even more severe restrictions began to be imposed with the outbreak of the Second World War. The law of 23 December 1940 (n. 2042) prohibited the use of foreign words in official documents, posters, shop signs, with fines of up to five thousand lire, and arrest for up to six months. At the same time, the Accademia dei Lincei became part of the Royal Italian Academy, which was to monitor exotisms and edit a dictionary of the Italian language. The first volume (A-C) was published in 1941; it was also the last one due to the fall of the Fascist

regime. From 1940 to 1942 there was a commission for the “Italianness of the language” (“per l'italianità della lingua”).

It was in charge of drawing up lists of forbidden words with various bulletins indicating the translations. Most of the terms were French: “hôtel” was replaced by “albergo”, “grand hôtel” by “albergo imperiale”, “garage” became “autorimessa”, “papillon” - “farfallino” or “cravattino”. At the end there were about 1 500 words replaced by Italian ones and, coming to the Anglicisms: “bar” was replaced with “mescita” or “qui si beve”, “dancing” with “sala danze”, “danzatoio” or “balleria” and among the other banned words were “alcohol” (“alcole”), “boy scout” (“giovane esploratore”), “cyclostyle” (“ciclostilo”), “extra-strong” (“extra-forte”), “film” (“pellicola”), gangster (malfattore), pullman (torpedone, corriera, autocorriera), “pullover” (“maglione”), “sandwich” (“tramezzino”), “smoking” (“giacca da sera”), “toast” (“pane tostato” and “pantosto”). Among the permitted forestierisms, however, were words also used in the regime's writings such as “film” (until the 1930s in the feminine, 'la film'), “sport” or “camion”, and even in the dictionary of the Reale Accademia some forestierisms can be found, e.g. “clown”, albeit distinguished by italics and flanked by the Italian “pagliaccio”.

2. The case of Japan

2.1. Language reforms in the Westernizing Japan

The second half of the 19th century in Japan marked the beginning of a new era in Japanese history - the Meiji era (1868-1912), associated with the end of more than two centuries of the country's isolation under the military government - the shogunate - and the restoration of imperial power. The new government, recognizing Japan's backwardness compared to the contemporary Western states, embarked on a course of full-scale transformation of all aspects of Japanese society following the Western model.

Within the processes of Westernization and Europeanization in Japanese society, there were also active processes of language reform. As it is pointed out in [Alpatov 2003; Tanaka 2007], one of the most pressing problems at the beginning of the Meiji era was the discrepancy between the written literary norm, based on the classical Japanese language (*bungo*), and the spoken vernacular used in everyday life. The classical literary language did not match the massive modernization undertaken by the new government and therefore had to be reformed. There were even suggestions, such as completely switching to English as the language of the new era (proposed by Mori Arinori), or to accelerate the education of the Japanese population by completely abandoning the ideographic writing system in favor of a syllabic alphabet or Roman letters (*romaji*). Such radical projects were not implemented; however, they

laid the groundwork for further discussions on issues such as limiting the number of ideograms and their systematization, or developing methods to improve the transcription of the Japanese language.

As part of discussions on the need to create a common literary language based on the spoken vernacular, the movement for unifying written and spoken languages - *genbun itchi* - emerged. In 1902, under the Ministry of Education, a special commission for the study of the national language (*Kokugo chōsa iinkai*) was established, which among its tasks, designated the study of existing Japanese dialects with the goal of selecting a dialectal basis for creating an official standard language intended for dissemination among the Japanese population. Due to the capital nature of Tokyo, as well as the comprehensibility of the Tokyo dialect to residents of other regions, the speech of the educated population of Tokyo was chosen as the basis for the new literary - standard - language (*hyo:jungo*).

The introduction of the standard language was carried out mainly through the educational system with school textbooks being published in it [Vasiljeva 2018]. Also, teachers were to use the standard language in the classroom and discourage the children from using their local dialect. It was also the language for the radio broadcasting that has been going on since 1925. There was formed the societal norm that announcers' speech should be the standard language, and standard language workshops, organized or supported by broadcasting stations and involving announcers and educators, were held in various places [Tanaka: 97].

However, the movement to spread standard language, pursued under the centralized or totalitarian social system of the time, also had the aspect of aiming to eliminate and erase dialects, treating them as bad or shameful language. Especially in schools, this led to tragic incidents related to human rights, such as encouraging the reporting of peers who spoke in dialect, and based on such reports, forcing them to wear "dialect tags" around their necks. Shibata Takeshi even introduces the special term "dialect complex" - aversion to the dialect of one's own area, which evoked traumatic childhood memories [Shibata 1999]. Such a complex led not only to psychological discomfort among the post-war generation of Japanese, but even provoked suicides.

Such imposition of a standard language with the simultaneous eradication of local dialects, which intensified during militarist and wartime, in addition to solving exclusively communication problems, served the purpose of creating the unity of the nation and fits quite organically into the concept of *kokutai* "the body of the state", which determines the political life of militarist Japan. According to its militarist interpretation, the population of Japan is a single nation, united by a single Japanese spirit, headed by the sacred figure of

the emperor [Meshherjakov 2014]. The expression of the Japanese spirit was to be a single Japanese language. That is why one of the goals of creating the standard Japanese language was to solve the educational problem in the occupied territories. The population of occupied Korea, Taiwan and other territories, in order to become familiar with the Japanese spirit, had to study the Japanese language, which was introduced into the school education system of the respective countries [Yamaguchi 1989]. In this situation, when the standard language is at the same time the embodiment of the spirit of the nation, it is difficult to imagine a tolerant attitude towards dialects that deviate from the norm promoted by the militarist state.

The work of the Commission for the Study of the National Language and its successor in 1921, the Temporary Commission for the Study of the National Language (*Rinji kokugo chōsa kai*), was not limited exclusively to the issue of creating and disseminating the standard language, *hyo:jungo*. For example, they considered the possibilities of transitioning from syllabic writing to phonetic writing, as well as reforms of orthography and the ideographic system of the Japanese language.

2.2. Far-right criticism of the new reforms

It should be noted that the ongoing or only proposed language reforms also caused rejection from conservative groups of the population. With the strengthening of far-right, nationalist tendencies in Japanese society, which has emerged since the 1920s and reached its apogee in the 1930s, reform movements associated with Westernization began to be perceived extremely negatively, and their leaders could be persecuted.

For example, proposals to limit the use of characters, put forward since the end of the 19th century, were perceived with hostility by Japanese conservatives. For instance, plans by the Ministry of Education to limit the number of characters used, and the introduction of corresponding character minimums, undertaken by the Ministry of Education in the 1920s and 1930s, met a constant resistance from the opposition movement, led by nationalists and right-wing parties [Tanaka 2007]. Therefore, the developed drafts of the character minimums presented by the Temporary Commission in 1923 and 1931 were not put into use. The Great Kanto Earthquake on September 1, 1923 and the events in Manchuria in 1931 can also be considered as other reasons that influenced the postponement of their introduction.

The transition from syllabic writing to phonetic writing, which was advocated already at the end of the 19th century by representatives of the so-called "Romanization movement" and the possibilities of which were even considered by the Commission for the Study of the National Language, became one of the symbols of the previously carried out Westernization in the era of

increasing militarism [Tanaka 2007]. Saito Hideo, who led the magazine “Moji to Gengo” (Characters and Language) and worked on the spread of Roman letters and Esperanto, was arrested for the first time in 1939 by the Special Higher Police (thought police), and after being arrested three times, he died in 1940 due to exhaustion from prison life. In 1938, the “Left-wing Romanization Incident” occurred, where many advocates of Romanization, including Teru Takakura, Masao Hirai, and Reizo Kito, as well as students from the Waseda University Romanization Club, were arrested as anti-nationalists.

2.3. Far-right attitude towards loan words

Of particular interest is the question of the attitude towards loanwords in the Japanese language during the period of militarization. Along with Westernization carried out during the Meiji era, a stream of new concepts poured into the country. In order to express these concepts in Japanese at first new words were composed from Chinese roots. The defeat of China in the Sino-Japanese War of 1894-1895 and the collapse of the Qing dynasty in 1911 ended Chinese influence on Japanese reality.

At the same time, the process of constructing new words from Chinese roots to reflect new concepts was replaced by direct borrowings of words from Western languages (primarily English). Another reason for this was the difficulties in differentiating and understanding of the words constructed from Chinese roots. The flow of loanwords intensified even more during the years of “Taisho democracy” (1912-1925) [Loveday 1996]. These processes led to a significant increase of the number words of foreign (non-Chinese) origin – *gairaigo* - in the lexical system of the Japanese language.

However, the situation changed radically with the strengthening of nationalist tendencies in Japanese society in the 1930s. Words borrowed from European languages started to be perceived as alien to Japanese society and proposals were made to replace them with Japanese equivalents.

For example, there was a well-known controversy regarding the words “papa” (“father”) and “mama” (“mother”), which were widespread among the Tokyo middle class and Tokyo nobility in 1930s and for which there were equivalents in the standard language: “*oto:san*” and “*oka:san*” respectively. The use of the words “papa” and “mama” began to be ridiculed as a sign of “white collar” (*haikara shumi*) culture and a manifestation of a Western touch (*seiyo: kabure*). By the mid-30s, and then in wartime, these words fell out of use due to growing nationalist sentiments, but returned to Japanese speech again in the 1950s [Tanaka 2007].

Negative rejection of foreign loanwords (*gairaigo*) was also accompanied by a deterioration in the attitude towards the English language as a whole. On one hand, Japanese English language teachers saw teaching English

as a way to introduce Japanese citizens to world culture. For example, Ichikawa Mikio, in the article “On the Issue of the English Department,” strongly opposes the “banning of the English language.”: “We English teachers are striving under all adversities to advance our country's culture through English and to provide our fellow citizens with the dignity of being global citizens.” [Araki: 65].

On the other hand, in 1931, the Manchurian Incident occurred, followed by the Shanghai Incident in 1932, propelling Japan into war, and English transitioned from being an “enemy language” to a “language of the enemy nations.” By 1931, English class hours in middle schools were reduced, and around 1935, English departments in girls' schools became elective or were abolished. America and Britain were labeled as “demonic beasts,” and textbook descriptions praising the US and Britain were banned, with city names and borrowings from English written in *katakana* (a Japanese syllabary, which was used also for writing foreign words) being translated into Japanese.

The beginning of an active campaign against loanwords from “enemy languages” (*tekisei-go*) can be considered 1937, which became the unleashing of the Second Sino-Japanese War, in which China received support from the USA, the USSR and their allies. It should be noted that the term “enemy language” was not an official term but an expression of the increased fighting spirit that arose as a form of self-regulation by ordinary civilians and private organizations, backed by rising nationalism as the country headed toward war against Britain and the United States [Kato 2016].

According to [Tanaka 2007], the peak of the anti-foreign word campaigns was during the “*Eibei gekimetsu*” (“Annihilation of Britain and America”) period of the Pacific War (part of the World War II). The discussion on excluding foreign words during this period was advocated by right-wing groups and veterans' associations, spreading through the worlds of journalism and education, involving broadcasting and journalism, and eventually becoming a societal trend. “Enemy words” were not recommended for use in the media, where it was proposed to replace them with Japanese equivalents [Stanlaw 2004; Loveday 1996]. Such Japanese equivalents could be synonymous words of Japanese origin or composed of Chinese roots that had already functioned earlier (during the Meiji era) but were later supplanted by European borrowings. If such a “forgotten” word was not found, a new word could be created from Chinese roots.

Company names and signs saw the disappearance of words like “enjin” (engine), “gasorin” (gasoline), “kamera” (camera), which became “mechanism that starts a movement” (*hatsudo:ki*), “vaporizing oil” (*kihatsuyu*) and “mechanism for photos (*shashinki*) respectively.

Even baseball calls like “se:fu” (safe), “auto” (out), “sutoraiku” (strike), “bo:ru” (ball), “fauru” (foul) were replaced with “good” (yoshi), “no good” (dame) to progress the games. Some sports also were renamed, e.g. “volleyball” became “pressing ball” (haikyū:), “golf” became “beating ball” (dakyū:), etc.

In broadcast music programs, “baiorin” (violin), “ako:deon” (accordion) were changed to “teikin (Japanese koto), tefu:kin (hand harmonica)”, and terms like “sonata” (sonata), “serena:de” (serenade), “nokuta:n” (nocturne), “fu:ga” (fugue) were altered to “tune to be performed” (so:meikyoku), “small evening tune” (sayokyoku), “tune for night reflections” (yaso:kyoku) and “running and escaping tune” (tonso:kyoku). Even for the names of the music notes the wide-spread do, re, mi, fa etc. were substituted to the syllables of the Japanese traditional poem *Iroha-uta*, which is still used sometimes as a scale for enumerations [Tanaka 2007].

The whole names of companies also underwent changes. So, Japan Times became Nippon Times, Ko:rakuen Stadium became Ko:rakuen undōjō:, etc. Such journals as “Sande: mainichi” (Sunday everyday), “Economisuto” (Economist) and “Keizai magajin” (Economic magazine) became “Shu:kan mainichi”, “Keizai mainichi” and “Keizai Nippon”. An interesting example is that of the children magazine “Kinda: bukku” (Kinder book). Here the German “Kinder” was changed for the Japanese “Kodomo”, so the title of the magazine became “Mikuni no kodomo” (“Children of the country”).

The same thing happened with the names of educational institutions that contained foreign words [Kato 2016]: Wilmina Women Institute (Uwirumina jogakuin) became Osaka Women High School (Osaka jogakuin ko:to: jogakko:), Pool Women High School became Seisen Women High School. Furthermore, if the name of a school contained the word “English”, it also could be changed. In this manner the Institute for Research in English Teaching (Eigo kyo:ju kenkyo:jo) became the Institute for Research in Teaching Linguistics (Gogaku kyo:iku kenkyu:jo), Shizuoka English-Japanese Women School (Shizuoka Eiwa Jogakko:) became Seiryō Senior High School (Seiryō: Ko:to: Jogakko:). Sometimes the character 英 “ei” representing “England” and “English” was substituted by others that had the same pronunciation: 永 (To:yo: eiwa jogakko:) or 榮 (Yamanashi eiwa jogakko:).

The hostility towards English also took place in the field of proper nouns. People from the show business of the 1930s who had English-style names, due to the pressure of the times, hurriedly changed them to Japanese-style names [Kato 2016]. Many of them changed back to their real Japanese names. Such is the case of the singers Dick Mine and Miss Columbia

who went back to Koichi Mine and Masao Matsubara respectively. Some geographical names also were changed. An interesting example is that of “The Japanese Alps” - a series of mountain ranges that separate the Western and the Eastern Japan. Its Japanese name “Nihon arupusu” was replaced with “a mountain range of the Chubu Region” (Chu:bu sangaku).

To sum up, the substitutions of loanwords were carried on literally in every aspect of everyday life of the Japanese people. Even the widespread and familiar to everyone loanwords could be a target for criticism and a subsequent replacement. In the absence of any official decree abolishing the use of borrowed words in Japan and officially advocating for such a policy, an extremely high level of psychological and societal pressure that existed in Japan can be imagined.

However, since there was not any law banishing the use of loanwords, the rejection to replace them could not be legally penalized. Probably this is why even in the war-time there appeared some brands under English names: “nashonaru” (Matsumoto Electrics) or “sha:pu” (Hasegawa Electric Plant). Also, as it is pointed out in [Yamana 2014], the abolishment of all loan words as practically impossible, because many of them had been already deeply rooted in the lexical system of Japanese.

Discussion

After having outlined the peculiarities of ultraconservative language ideologies which reigned in Fascist Italy and Military Japan, it is clear that in both countries there were going similar processes.

First of all, both in Italy and in Japan in the beginning of the XX century the principal language policy was marked with the expansion of the national (standard) language. The factitious extermination of dialects (or regional languages), their complete disregard was the condition for the national language to be absorbed by the population in both countries.

Secondly, in both countries language purism was actively implemented. It took form of the fight against borrowings. The loan words from the language spoken in “enemy countries” received strictly negative connotations. Therefore, the use of such words in both countries could be seen as the lack of patriotism. However, in Japan there had not been adopted any law banning loan words, the society regulated itself creating such a psychological climate where it would take certain bravery to keep using word borrowed from “the enemy languages”. In Italy

Italy has gone even further - legislative measures have been taken to reduce foreign words (with subsequent eradication). For example, an increased tax on signs containing foreign words contributed to the forced Italianization of signs and slogans.

However, it seems that such policies in Japan were less institutionalized that they were in Italy. We think this was due to a higher level of cohesion in Japanese society.

The importance of belonging to the group and, even more, to the country, emphasized in the theory of *kokutai* made it unnecessary to officially cement ultraconservative language ideologies.

It is also interesting to observe the fate of these ideologies after the fall of fascism in Italy and militarism in Japan. With the fall of both regimes, not all the changes that had been imposed on native speakers of Italian or Japanese have taken hold.

As for foreignisms, with the Liberation a new door opened, that of Anglo-Americanisms, which had already appeared during the twenty years of fascism. With the collapse of the fascism, along with the arrival of American soldiers, their language and culture also arrived in Italy, which, precisely as a reaction to fascism, in the following decades became identified with freedom and the American dream.

The same thing happened in Japan. After the loss in the Second World War Japan was occupied by the American Army and suddenly the country saw the close presence of phenomena related to American culture, which was associated to liberalism and democracy. With the new orientation towards the democracy and in the conditions of the post-war rebuilding a large number of borrowings from American English started to enter Japan. This trend continues up to nowadays [Alpatov 2003; Okamoto 2004].

Speaking of the results of the fight against loan words in Italy, it does not seem possible to say that it has worked, but neither can it be said that anything has taken root. Certainly, some proposals were successful, and during Fascism some words such as “registra” or “autista” were stabilized, or much of the sports terminology that in those days was predominantly English (“gol” for “rete”, “basketball” for “pallacanestro”). Many translations did not undermine the English equivalents, but still co-exist today as synonyms perhaps with a lower frequency, e.g. “scarto” (dribbling) or “scatto” (sprinting). In many other cases the substitutes did not work at all, sometimes not even during the regime, such as “mescita” for “bar”, “pallacorda” or “giuoco della racchetta” for “tennis”, “fiorellare” for “flirtare” (Panzini’s neologism) or “balleria” or “danzatoio” for “dancing”. At other times they worked in the fascist era only to regress later (“palla ovale”/ “rugby”). The answers are complex also because in the meantime language has evolved and meanings have changed: D’Annunzio’s “tramezzino” as an alternative to “sandwich” has become a very specific snack made with toast bread.

In the case of Japan, the equivalents proposed during the militarist years are still present in dictionaries. However, it does not mean that they are in active use nowadays. The major tendency seems to have been to go back to the loan words and renounce the equivalents. We suppose it was due to the strong association of these words

to the militarist and war time, which were incompatible with the new democratic orientation of Japan.

Sometimes it is not possible to establish whether the appearance of certain equivalents used in Fascist Italy was the direct consequence of fascist policy or not, and even drawing up lists of replacements and then counting what remained and what vanished would lead nowhere. Many alternatives circulated even before fascism, and according to Riccardo Tesi especially these were followed up [Tesi 2005].

In Japan also some equivalents already existed in the Japanese language before, however, without being in a broad use. Such is the case, e.g., of the objects that came to Japan from the West after the Meiji period and for whom there were created Japanese words out of Chinese routes (“camera” - *shashinki*). However, then with the appearance of the equivalent from the Western languages (primarily, English), a loan word of Western origin came into use (“camera” - *kamera*). So, in the militarist years there was no need to create out of nowhere a new word to name the “camera”, as the already existing (previously constructed) word of Chinese origin could be used.

Conclusion

As analyses of national language policy in Fascist Italy and militarist Japan have shown, there is a similar logic in both Western and Eastern culture on the part of the regime representatives. When it comes to creating a powerful ideology, in the hands of those in power, language becomes a tool for consolidating the nation. Language is used as a way to influence the worldview of its speakers. Under the pretext of linguistic unification and codification, the authorities use language as a means of safeguarding and exalting the moral values of the nation.

Language cannot be left out of a regime’s political objectives. The desire to unite the country under the aegis of “greatness”, “national identity”, to equalize all speakers and to suppress linguistic diversity within the country has resulted, both in Italy and Japan, in a desire to establish linguistic homogeneity.

In this regard, the processes of language regulation were very similar in both countries whose language policies were examined in this study. The similarity of these processes was also influenced by the similar initial linguistic situation in both countries: both Italy and Japan observed a great dialectal diversity, a dramatically smaller proportion of the population spoke a literary language, the literary language had a higher status, but given the total number of speakers, it did not diminish the dignity of dialect speakers, much less hinder them in their careers. But in order to unify the country where people in different regions spoke their own dialects, sometimes practically mutually incomprehensible, drastic measures were necessary. The expansion of the national (standard) language became a priority in the field of language policy.

The second global vector of language policy was language purism. At the beginning of the twentieth century, the world was changing and developing rapidly, and foreign words, primarily from English, were penetrating into Italian and Japanese - as well as other European and Oriental languages. However, in the wake of the politics of “exclusivity”, the promotion of “national pride” and “national consciousness”, the use of foreign words came to be seen as a manifestation of unpatriotism and led to substitutions of loanwords being carried on literally in every aspect of everyday life.

Such reforms were undoubtedly fueled by the developing mass media and public education. Newspapers and the radio contributed to the normalization of the new political trends towards the language, and educational reforms were aimed at unifying, consolidating society by erasing regional differences at the level of language.

When the war was lost, both Italy and Japan were greatly influenced by American culture and the English language as part of it (it was as if English had become the language of the victors). Prohibitionism certainly failed, as a method. And the policy against “il barbaro dominio” through repression and censorship is today the heaviest legacy of totalitarianism, linguistically speaking. In reaction, it has subsequently thrown the doors wide open to accept linguistic diversity, embracing the regional linguistic differences or welcoming borrowings from other languages, which sometimes can be seen as too extensive.

Примечания

¹ For this reason, despite the different meaning of the word, the magazine “Lei” became “Annabella”, since the lei had been abolished, but fortunately one could still speak of Galileo Galilei and not Galileo Galivoi, to quote a joke by Totò that earned him a later dismissed complaint.

² Fascist law provided for the Italianisation of a surname considered to be of Italian origin, without the consent of the person concerned. If, for example, the surname was clearly foreign, the process of rendering it into Italian was “optional” but “recommended”; however, if the person had decided to keep the surname of origin, he could also incur certain repercussions; this was the case if he held public office, suffering career blocks.

³ “Discorso su Tommaso Tittoni” written by Mussolini and pronounced in Parliament by Luigi Federzoni on March, 16, 1931.

Список литературы

Алтаев В.М. Япония: язык и общество. Москва: Муравей, 2003. 208 с.

Васильева Л.В. Языковая политика Японии с периода Мэйдзи до наших дней // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. 2018. С. 630–637. (Вопросы японоведения, № 7).

Мецераков А.Н. Статья японцем. Топография тела и его приключений. Москва: Наталис, 2013. 432 с.

Araki S. Linguistic imperialism and teaching of foreign languages in Japan. («日本における英語帝国主義—英語帝国主義と外国語教育»). Bulletin of the Faculty of Communication of Gunma University, 2004, no. 21, pp. 53-72.

Ben-Ghiat R. Language and the Construction of National Identity in Fascist Italy. The European Legacy 2.3, 1997, pp. 438-443.

Castellani Pollidori O. Niccolò Machiavelli e il “Dialogo intorno alla nostra lingua”, con una edizione critica del testo. Firenze, Olschki Publ., 1978, 243 p.

Cannistraro P.V. La fabbrica del consenso: fascismo e mass media. Roma, Bari, Laterza Publ., 1975, 123 p.

Cortelazzo M. Il dialetto sotto il fascismo. Movimento operaio e socialista, 1984, no. 1.7, pp. 107-116.

Desideri P. Teoria e prassi del discorso politico. Strategie persuasive e percorsi comunicativi. Bulzoni, Roma Publ., 1984, 232 p.

Desideri P. L'imperio del segno, ovvero la scritta murale fascista, in Ead. (a cura di), Il segno in scena. Scritte murali e graffiti come pratiche semio-linguistiche. Ancona, Mediateca delle Marche Publ., 1998, pp. 175-223.

Enciclopedia Treccani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/lingua-del-fascismo_\(Enciclopedia-dell%27Italiano\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/lingua-del-fascismo_(Enciclopedia-dell%27Italiano)) (дата обращения: 29.07.2024).

Foresti F. Credere, obbedire, combattere. Il regime linguistico nel Ventennio, Bologna, Pendragon (1^a ed. La lingua italiana e il fascismo, Bologna, Consorzio provinciale pubblica lettura, 1977), 2003, 325 p.

Gentile G. The Reform of Education. New York, Harcourt Publ., Brace and Company Publ., 1922, 250 p.

Gualdo R. Gli accoppiamenti maliziosi. Scambi e contatti di lingua e altro, tra italiane e inglesi. Franco Cesati Editore Publ., 2019, 123 p.

Kato C. Teacher Chikara's language ecology. (“ちから教授のコトバ生態学.”). Nagoya, Chunichi-bunka Publ., 2016, 230 p.

Klein G. “L'italianità della lingua” e l'Accademia d'Italia. Sulla politica linguistica fascista. Quaderni storici, 1981, vol. 16.47, no. 2, pp. 639-675.

Loveday L. Language contact in Japan a socio-linguistic history. Oxford, New York, 1996, 235 p.

Mussolini B. 1931. URL: <https://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0473-.htm> (дата обращения: 29.07.2024).

Okamoto S. Receptivity and Language Management of Foreign Words from the Language Policy Viewpoint. («外来語の受容と管理 : 言語政策の視点から»). Journal of Hokkaido Bunkyo University, 2004, no. 5, pp. 51-63.

Shibata T., Tetsuya K., Inoue F., Long D. 10. The Rise and Fall of Dialects. Sociolinguistics in Japanese Contexts. Berlin, Mouton De Gruyter Publ., 1999, pp. 183-206.

Stanlaw J. Japanese English: Language and culture contact. Hong Kong, Hong Kong University Press Publ., 2004, 388 p.

Tanaka A. Japanese in movement. (“揺れ動く二ホン語”). Tokyo, Tokyodo Publ., 2007, 276 p.

Tesi R. Storia dell'italiano. La lingua moderna e contemporanea (Bologna, Zanichelli, 2005), M. Fanfani. LINGUA NOSTRA. STAMPA, LXIX, 2008, pp. 123-125.

Yamaguchi K. Problems Concerning Modernization and the Japanese Language: from “Japanese” as the National Language to “Japanese” as a Language of the Human Race. («近・現代化とことばの問題 : 日本語(邦語), 国語から人間のことばの一つとしての日本語へ»). Ritsumeikan Bunka Kenkyu, 1989, no. 1, pp. 25-45.

Yamana T. Reconsidering loan words. («外来語再考»). Bulletin of Tsukuba International University, 2014, no. 20, pp. 19-24.

References

Alpatov V.M. *Yaponija: jazyk i obshchestvo* [Japan: language and society]. Moscow, Muravej Publ., 2003, 208 p.

Meshherjakov A.N. *Stat' japoncem. Topografija tela i ego prikljuchenija* [Become Japanese. Topography of the body and its adventures]. Moscow, Natalis Publ., 2014, 432 p.

Vasiljeva L.V. *Jazykovaja politika Japonii s perioda Mejdzi do nashih dnei* [Language policy in Japan from the Meiji period to nowadays]. *Voprosy japonovedenija* [Issues of Japanology], 2018, pp. 630-637. (Japonija: 150 let revoljucii Mejdzi [Japan: 150 years since the Meiji revolution, no. 7]).

Araki S. Linguistic imperialism and teaching of foreign languages in Japan. («日本における英語帝国主義—英語帝国主義と外国語教育»). Bulletin of the Faculty of Communication of Gunma University, 2004, no. 21, pp. 53-72.

Ben-Ghiat R. Language and the Construction of National Identity in Fascist Italy. *The European Legacy* 2.3, 1997, pp. 438-443.

Castellani Pollidori O. Niccolò Machiavelli e il “Dialogo intorno alla nostra lingua”, con una edizione critica del testo. Firenze, Olschki Publ., 1978, 243 p.

Cannistraro P.V. *La fabbrica del consenso: fascismo e mass media*. Roma, Bari, Laterza Publ., 1975, 123 p.

Cortelazzo M. *Il dialetto sotto il fascismo. Movimento operaio e socialista*, 1984, no. 1.7, pp. 107-116.

Desideri P. *Teoria e prassi del discorso politico. Strategie persuasive e percorsi comunicativi*. Bulzoni, Roma Publ., 1984, 232 p.

Desideri P. *L'imperio del segno, ovvero la scritta murale fascista*, in Ead. (a cura di), *Il segno in scena. Scritte murali e graffiti come pratiche semio-linguistiche*. Ancona, Mediateca delle Marche Publ., 1998, pp. 175-223.

Enciclopedia Treccani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/lingua-del-fascismo_\(Enciclopedia-dell%27Italiano\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/lingua-del-fascismo_(Enciclopedia-dell%27Italiano)) (дата обращения: 29.07.2024).

Foresti F. *Credere, obbedire, combattere. Il regime linguistico nel Ventennio*, Bologna, Pendragon (1^a ed. *La lingua italiana e il fascismo*, Bologna, Consorzio provinciale pubblica lettura, 1977), 2003, 325 p.

Gentile G. *The Reform of Education*. New York, Harcourt Publ., Brace and Company Publ., 1922, 250 p.

Gualdo R. *Gli accoppiamenti maliziosi. Scambi e contatti di lingua e altro, tra italiane e inglesi*. Franco Cesati Editore Publ., 2019, 123 p.

Kato C. *Teacher Chikara's language ecology*. (“ちから教授のコトバ生態学.”). Nagoya, Chunichi-bunka Publ., 2016, 230 p.

Klein G. “L'italianità della lingua” e l'Accademia d'Italia. *Sulla politica linguistica fascista. Quaderni storici*, 1981, vol. 16.47, no. 2, pp. 639-675.

Loveday L. *Language contact in Japan a socio-linguistic history*. Oxford, New York, 1996, 235 p.

Mussolini B. 1931. URL: <https://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0473-.htm> (access date: 29.07.2024).

Okamoto S. *Receptivity and Language Management of Foreign Words from the Language Policy Viewpoint*. («外来語の受容と管理 : 言語政策の視点から»). *Journal of Hokkaido Bunkyo University*, 2004, no. 5, pp. 51-63.

Shibata T., Tetsuya K., Inoue F., Long D. 10. *The Rise and Fall of Dialects. Sociolinguistics in Japanese Contexts*. Berlin, Mouton De Gruyter Publ., 1999, pp. 183-206.

Stanlaw J. Japanese English: Language and culture contact. Hong Kong, Hong Kong University Press Publ., 2004, 388 p.

Tanaka A. Japanese in movement. (“揺れ動く二ホン語”). Tokyo, Tokyodo Publ., 2007, 276 p.

Tesi R. Storia dell'italiano. La lingua moderna e contemporanea (Bologna, Zanichelli, 2005), M. Fanfani. LINGUA NOSTRA. STAMPA, LXIX, 2008, pp. 123-125.

Yamaguchi K. Problems Concerning Modernization and the Japanese Language: from “Japanese” as the National Language to “Japanese” as a Language of the Human Race. («近・現代化とことばの問題 : 日本語(邦語), 国語から人間のことばの一つとしての日本語へ»). Ritsumeikan Bunka Kenkyu, 1989, no. 1, pp. 25-45.

Yamana T. Reconsidering loan words. («外来語再考»). Bulletin of Tsukuba International University, 2014, no. 20, pp. 19-24.

Статья поступила в редакцию 01.06.2024; одобрена после рецензирования 24.06.2024; принята к публикации 08.09.2024.

The article was submitted 01.06.2024; approved after reviewing 24.06.2024; accepted for publication 08.09.2024.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОМОНИМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТАХ ТАТАРСКОГО И МАРИЙСКОГО НАРОДОВ

Хабибуллина Флёра Яхиятовна, кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Иванова Ираида Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Аннотация. Статья посвящена анализу современной музыкально-песенной традиции контактирующих этносов Среднего Поволжья. Основное внимание сосредоточено на изучении песенных текстов на татарском и марийском языках, содержащих онимы сельских населенных пунктов Республики Татарстан и Республики Марий Эл. Установлено сохранение общей для обоих этносов тенденции, выраженной в унификации тематических групп, сохранении общих черт национально-культурной специфики в исполнении музыкальных произведений. Зафиксирована свойственная для татарской песенной модели архаичная пентатоника, заимствованная в марийскую народную песню. Подтверждено, что основой современной татарской и марийской музыкально-песенной культуры села выступает жанр деревенского напева, маркирующий место бытования песни и информирующий об отнесённости песенного произведения к определённому населённому пункту. Прослеживается прямая связь между онимом села и деревенским напевом. Реализация деревенского напева осуществляется преимущественно в обоих языках посредством лирической песни и такмака. Такмак (частушка), как наследие музыкального влияния тюркско-татарского населения Среднего Поволжья, сохранил своё влияние на музыкальную традицию черемис (мари), что позволило установить определенное родство современной песни этих народов в сельском сообществе. Маркирование географической отнесенности песенных произведений обеспечивается топоноименованиями, описывающими локацию того или иного населенного пункта. В качестве текстового материала использованы песенные сборники сводного типа на татарском и марийском языках, представленные в печатном и электронном вариантах. Сравнительный анализ современных песен, включающих комонимы, выявил сходные черты при их реализации в естественной культурной среде. Большинство современных народных песен, как татарских, так и марийских, построены на традиционных мотивах малой родины, ностальгии по родному селу, любви к природе, автобиографической истории, воспоминаниях о прошедшей молодости и детстве с указанием характерных для данной территории особенностей геоландшафта, а также лингвокультурными образами, построенными на мотивах социокоммуникации – презентации населенного пункта, его жителей, выдающихся уроженцев, самопрезентации, продвижении традиций села, взаимоотношений полиэтничного состава деревни и др.

Ключевые слова: комоним, песня, песенный текст, жанр, тематическая группа, марийский язык, татарский язык, Среднее Поволжье.

Для цитирования: Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Функционирование комонимов в современных песенных текстах татарского и марийского народов // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 175–186. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-175-186>

Research Article

THE FUNCTIONING OF COMONYMS IN MODERN SONG TEXTS OF THE TATAR AND MARI PEOPLES

Flera Ya. Khabibullina, Candidate of Pedagogic Sciences, Mari State University, Yoshkar-Ola, Mari El autonomy, Russia, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Iraida G. Ivanova, Candidate of Philological Sciences, Mari State University, Yoshkar-Ola, Mari El autonomy, Russia, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the modern musical and song tradition of the contacting ethnic groups of the Middle Volga region. The main attention is focused on the study of song texts in the Tatar and Mari languages contained in the names of rural settlements of the Republic of Tatarstan and the Republic of Mari El. The preservation of a common trend for all

ethnic groups, expressed in the unification of thematic groups, the preservation of common features of national and cultural specificity in the performance of musical works, has been established. An archaic pentatonic characteristic of the Tatar song model, borrowed into the Mari folk song, has been recorded. It is confirmed that the basis of the modern Tatar and Mari musical and song culture of the village is the genre of village chant, marking the place of existence of the song and informing about the attribution of the song to a certain locality. There is a direct connection between the village and the rustic motif (chant). The implementation of the village tune is carried out mainly in everyday languages through lyrical songs and “takmak”. “Takmak” (analogous to Russian chastushka), as a legacy of the musical influence of the Turkic-Tatar population of the Middle Volga region, retained its influence on the musical tradition of the Cheremis (Mari) people, which allowed to establish a certain kinship of modern folkish songs of these peoples in rural society. The marking of the geographical affiliation of the song works is provided by toponyms describing the location of a particular locality. Song collections of a consolidated type in the Tatar and Mari languages are presented in printed and electronic versions. A comparative analysis of modern songs, including comonyms, revealed the manifestation of similar features when they are implemented in a natural cultural environment. Most modern folkish songs, both Tatar and Mari, are based on traditional motifs of the small homeland, nostalgia for the rural nativity, love of nature, autobiographical history, memories of past youth and childhood, indicating the characteristic features of the geo-landscape for this territory, as well as linguistic and cultural images based on the motives of sociocommunication – the presentation of the settlement, its residents, outstanding natives, self-presentation, promotion of village traditions, relationships of the multiethnic composition of the village, etc.

Keywords: comonym, song, song text, genre, thematic group, Mari language, Tatar language, Middle Volga region.

For citation: Khabibullina F.Ya., Ivanova I.G. The functioning of comonyms in modern song texts of the Tatar and Mari peoples. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 175–186 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-175-186>

Введение. Песни всегда являлись частью культуры любого народа. Они несут в себе передаваемый опыт человечества, отражают самобытность, неповторимость и культуру народа, создавая национальный образ, цельную картину происходящего. Песня – это род словесно-музыкального искусства, имеющий поэтическую форму, относящийся к видам художественного слова. Согласно «Словарю литературоведческих терминов», песня представляет собой небольшое поэтическое произведение, предназначенное для пения. К его наиболее распространённым жанрам относят лирическую или эпическую народную поэзию. Происхождение песни связано с древними обрядами и ритуалами [Белокурова]. Под современными песнями подразумевается направление современной музыки, объединяющее традиционную народную и популярную музыку. Песня на национальном языке – это одна из мощных опор, на которой базируется этнос. Современная популярная песня на национальном языке относится к жанрам массовой культуры и является актуальным отражением ментальных установок носителей определённой лингвокультуры и общих тенденций развития языка. Народная песня как музыкально-поэтический жанр фольклора – наиболее распространённый вид народной музыки, продукт коллективного устного творчества – отражает характер народа, его традиции, исторические события, отличается своеобразием жанрового содержания и музыкального языка. В некоторых видах народной музыки она существует в единстве с танцем, игрой, инструментальной музыкой, словесным фольклором, народным театром [Большой энциклопедический словарь]. В ав-

торских песнях при написании текста и музыки поэт и композитор вкладывают свой жизненный опыт, сформировавшийся в контексте определенной культуры и геопространства.

Комонимы – составная часть топонимики, являющейся одним из источников исторической, естественнонаучной, этнографической и лингвистической информации. Комоним (от др.-греч. κῶμη «деревня, селение, поселок» + др.-греч. ὄνομα «имя, название») – вид ойконима, собственное имя сельского поселения. Исследуемый в статье материал – комонимы в песнях на татарском и марийском языках, зафиксированные в сборниках песен, – представляет объекты, находящиеся на территории Республики Татарстан и Марий Эл. Песенные тексты, общее количество которых составило 62 единицы, содержат 45 топонимов. При анализе фактического материала использованы описательно-аналитический, семантический, этимологический, сопоставительный методы исследования.

Актуальность выбранной темы обусловлена следующими закономерностями: песенный текст посредством языка, языковых фактов, общей языковой культуры отражает изменения современного культурного пространства в собственно лингвистическом, лингвокультурологическом, социолингвистическом, психолингвистическом, когнитивном, социально-этническом аспектах. Песенный текст является источником отражения жизни, культуры, ценностей и вербальной репрезентации наиболее актуальных жизненных проблем.

Цель данного исследования состоит в выявлении и описании тематических параллелей песенных текстов с комонимами, характерными для неродствен-

ных языков народов единого геопространства Среднего Поволжья.

Новизна работы заключается в компаративном аспекте исследования текстов современных песен на татарском и марийском языках, содержащих наименования сельских населенных пунктов Республики Татарстан и Республики Марий Эл.

Обсуждение и результаты. Идея проведения сравнительно-сопоставительного анализа песенного материала тюркских и финно-угорских народов Поволжья впервые была сформулирована в 1936 году Б. Бартоком, признанным классиком музыки XX века, венгерским композитором, пианистом, музыковедом-фольклористом, и осуществлена по инициативе и при поддержке венгерского композитора Золтана Кодая музыковедом и этнографом Ласло Викаром совместно с Г. Берецки. Барток писал, что «имеет большое желание исследовать тюркскую народную музыку непосредственно из первых рук и особенно выяснить, есть ли какие-либо связи между старинной венгерской и старинной тюркской народной музыкой, так как... сравнение старинной венгерской народной музыки, с одной стороны, и музыки черемис (мари) и тюркско-татарских жителей Казанской губернии в России, с другой стороны, имело бы результатом установление определенного родства между народной музыкой этих различных народов» [Викар 2000:46]. В ходе экспедиции 1958 года в СССР были собраны материалы по языку, фольклору, народной музыке в Волго-Камском регионе по итогам посещения более 300 деревень. Этнографы записали около 4 000 марийских, удмуртских, мордовских, чувашских, татарских и башкирских песен, провели сравнение народной музыки, записанной в бассейне рек Волги, Камы и Белой, с венгерской народной музыкой [Викар 1985: 121]. Полученные материалы были опубликованы в антологиях “Cheremis Folksongs” («Черемисские народные песни», 1971), “Chuvash Folksongs” («Чувашские народные песни», 1979), “Votyak Folksongs” («Удмуртские народные песни», 1989), “Tatar Folksongs” («Татарские народные песни», 1999) [Максимов: 380–381]. Результаты были объединены в четыре тома песен народов Поволжья, включивших в себя свыше полутора тысяч напевов с поэтическими текстами на языке оригиналов, переводы на английский и венгерский, исследовательские статьи и обширный научно-аналитический аппарат на английском. Как указывает М.Г. Кондратьев, «собираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА» Ласло Викара впервые обеспечила надежную аналитическую базу для верификации прежних представлений, выработанных его учителями и предшественниками «из мертвых письменных источников» [Кондратьев: 41–47]. Изучение обширной территории позволило Викару уверенно судить и об особенностях отдель-

ных культур, и о межнациональных взаимодействиях, влияниях и заимствованиях. Так, например, важным является его вывод о том, что монофоническая (моноподийная) пентатоника в Поволжье составляет фундаментальную черту музыки тюркоязычных народов, и этот пентатонизм воспринят финно-уграми. Пентатоника и мелодика нисходящей структуры были заимствованы также венграми более тысячи лет тому назад от булгаро-тюркских предков чувашей.

На эту особенность музыкального взаимодействия народов на примере музыки тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья указывается в диссертационном исследовании Л.В. Бражник об ангемитонике в модальных и тональных системах музыки [Бражник], проведенного на материале, отобранном из сборников песенного фольклора тюрков и финно-угров. Исследование современных проблем межэтнической общности, взаимосвязи и своеобразия фольклора народов Урало-Поволжского региона стало предметом изучения К.М. Миннуллина, который в монографическом труде и ряде научных статей рассмотрел различные аспекты образной системы татарских песен в сравнительно-типологическом плане с фольклором народов Поволжья и Приуралья [Миннуллин 1999: 32–48; Миннуллин 2001: 5]. На протяжении веков, указывал автор, между народами названного региона существовали тесные взаимоотношения, чему способствовали территориальная близость и весь процесс исторического развития. В фольклоре тюркских (татары, башкиры, чуваш) и финно-угорских (мари, мордва, удмурты) прослеживается близость не только жанров и сюжетов, но и образов и поэтических приёмов.

Географическая среда способствует установлению событийно-смысловых связей с прошлым и настоящим, указывает на исторические персоналии и текстовое пространство. Так, в географическом отношении выявленные в татарских и марийских песнях ойконимы представляют объекты, находящиеся как на территории рассматриваемых субъектов – Республики Татарстан и Республики Марий Эл, так и за их пределами: Европа, Индия, Крым, Финляндия, Башкортостан и др. Среди ойконимов выделяются астионимы в России и за рубежом (Москва, Берлин, Кострома, Нижний Новгород, Париж, Порт-Артур и др.) [Хабибуллина, Иванова 2023б: 191–193]. Исследуя астионимы в исторических песнях национальных языков, выявлены наименования городов, отсылающих к значимым для обоих этносов эпохам и событиям: периодам Булгарского царства, Золотой орды, Казанского ханства, татарского феодального государства в Среднем Поволжье, Черемисских войн, Русско-турецкой войны, войны с японцами, Первой мировой войны, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и др. [Хабибуллина, Иванова 2023а: 4006–4012].

Песенный текст многофункционален: в нём могут быть реализованы поэтическая, эмотивная, коммуникативная, воспитательная функции, задействованы прагматическая и фатическая функции. Поэтическая функция обладает прямой связью с поэтическими литературными жанрами, эмотивная проявляется в авторской оценке того или иного явления либо в субъективной модальности. Коммуникативная функция позволяет чувствовать себя включенным в общность, сообщество, социальную группу. Воспитательная функция способствует формированию нравственных качеств и идейных убеждений. Прагматическая функция песни заключается в её жизненно-практическом назначении: distrакции, сопровождении обрядов, символизации, маркированности. Фатическая функция обладает целью установления связи между автором и слушателем и заключается как в провозглашении тех или иных установок, имеющих философское, политическое, культурное начало, так и в передаче бессознательного.

Анализ лингвистических особенностей песенных текстов, содержащих топонимическую лексику, требует, прежде всего, обзора их тематики, поскольку специфика функционирования в песне вербальных компонентов всегда обусловлена тематическим фактором. В популярных и народных песнях на национальных языках выбираются преимущественно актуальные для современного слушателя географические объекты (населенный пункт, водный объект, ландшафт, микрообъекты, растительность и животный мир, инфраструктура и др.). Темы, которые поднимаются в текстах, разнообразны: родина, труд/работа, любовь, творчество, мечты, одиночество, красота окружающей природы, взаимоотношения людей, призыв к действию и др. Эти темы передают душевные переживания лирического героя, акцентируют внимание на его мироощущении. Тематика текстов песен актуализирует доминантные проблемы: географическая история – прошлое (детство, юность), настоящее и будущее (служба в армии, учеба, выбор профессии), ностальгия по родному краю; развитие населённого пункта и перспектив его существования; коммуницирование с окружающими людьми (родителями, соседями, родственниками, друзьями и др.) и т. д. Топонимический материал выполняет роль культурного маркера, подчёркивая связь текста с реалиями действительности и детерминируя его географическую локацию. Тополексика создаёт в тексте приближённость истории к реальной местности, эффект сближения с реципиентом благодаря коллективному когнитивно-эмоциональному полю, отражённому в онимах географических объектов.

Песни с компонентами-комонимами тематически относятся к разделу форм вокальной музыки о малой родине. Нередко песни, содержащие комонимы, пре-

зентуют определенную территорию – село или деревню, включая проживающие там сообщества людей. В соответствии с этим топонимический материал и его описание могут быть соотнесены со следующими тематическими группами, которые варьируются в зависимости от: геолокации, мира сельской природы, сельского социума и его истории.

I. Геолокация

1. В соответствии с представляемой в названии или тексте песни **административно-территориальной единицей** республик можно выявить следующие особенности функционирования песенных комонимов.

В марийском и татарском языках существуют лирические песни и частушки (такмаки), соотносящиеся с территориями – населёнными пунктами, включающими села и деревни. В татарской песенной традиции представлены как лирические песни («озын көй» – жанр песенной протяжной лирики), так и такмаки («кыска көй» – быстрая короткая песня, выражающая оптимизм, эмоциональный подъем, отличающаяся танцевальностью и активной ритмикой). Вместе с тем, Э.Р. Каюмова, анализируя художественные явления современной татарской песни, к ядру новотатарской музыкальной культуры отнесла авыл көе (деревенский напев), такмак, уен көе (игровой напев), тугэрэк уен көе (хороводно-игровой напев), кыска көй (короткий напев), салмак көй (умеренный напев), образующих единую жанрово-стилевую сферу. Автор относит их к области песенной лирики, связанной с досуговым музицированием на позднестадияльных формах бытования [Каюмова: 4–5]. Среди современных песен, названия которых информируют о «привязке» мелодии к определённому населённому пункту, превалирует аул көе. На эту тенденцию в народных песнях указывают также зарубежные авторы [Neubarth, Goienetxea, Johnson, Conklin]. В татарской фольклористике термин авыл көе применяется по отношению к особому разряду песен, выделяемых по ряду музыкально-стилистических и исполнительских особенностей. Однако в народном понимании авыл көе – это не определенный «стилистический тип» [Нигмедзянов: 9], а прежде всего маркировка места бытования песен. При таком подходе в указанную категорию включаются не только собственно «деревенские напевы» в музыковедческом понимании («Арча», «Сарман», «Минзэлэ»), но и напевы других жанровых групп (кыска көй, например). Существенно, что статус авыл көе получают лишь избранные напевы – те, которые этнофорами осознаются как исконные и с которыми связываются представления о некоем родовом напеве. Именно эти мелодии называются именем того населенного пункта, где функционируют, выступая его «визитной карточкой»: *там. Этнэ* авылы көе (мелодия

деревни Атия Атнинского района), **Сарман** авылы көе (мелодия деревни Сарманы Сармановского района), **Акъяр** авылы көе (мелодия деревни Азеево Новошешминского района), **Наласа** авылы көе (мелодия деревни Наласа Арского района), **Сэвэлэй** такмаклары (Савалеевские частушки Заинского района) и др. Мелодия объединяет сельчан и позволяет отличить «своих» от «чужих», то есть представителей других территорий, например: Жырлык **Әтнә** көене, / Жырчыларга таралсын. – «Споём на мелодию Атни, пусть распевают (её) все (и другие) певцы»; Өздерең гармун уйныйлар / **Наласа** авылында. – «На разрыв гармонь играет в деревне Наласа»; «**Акъяр**» дигән моңлы көйне / Кемнәр уйлап чыгарган? / Жырласам, еларсың кебек, / Керфек очың чыланган. – «Задушевную мелодию под названием “Акъяр”. Кто же придумал? Как запою, вот-вот заплачешь, увлажнив кончики ресниц»; Иртән торып эшкә барам, / Жырлап «**Сарман**» көенә. / Минем сөенгәнне күреп, / Ярты Казан көенә. – «Встав спозаранку, иду на работу, напевая на мотив “Сарман”. Видя мою радость, пол-Казани злится»; Арча якларына карыйм / Дустым Арча ягында / Дустым Арча ягында / Арча ягы бигрәк матур / Кош сайраган чагында. – «Смотрю в сторону Арска, моя подруга в Арской стороне (2 раза). Арская сторона особенно красива, когда птица поёт» («Арча»); Барасызмы Минзэләгә, / Мин барам Минзэләгә; / Минзэләне күрер өчен / Йөрәгем өзгәләнә (2 раза). – «Вы поедете в Мензелинск, я поеду в Мензелинск; когда вижу Мензелинск, мое сердце обрывается» («Минзэлә»).

В марийском языке используются преимущественно такмаки: **Кельмаксола** вел такмак-влак (частушки деревни Кельмаксола Советского района), **Унчо** вел такмак-влак (частушки деревни Шоруньжа Моркинского района), **Шайра** вел такмак-влак (частушки деревни Нуршарии Волжского района), «**Кугу Вочарма ял** йорга такмак-влак» (Кокетливые частушки деревни Большая Вочарма Мари-Турекского района). Названия групп частушек соотносятся в зависимости от масштаба топообъектов с хоронимами и комонимами, например: *мар.* Мыйын шочмо вер, / Тиде – Марий мланде. / **Николаевский** ялем / Эн мотор вер-шөр. / Мыйын шочмо вер / Садер лонгаште. **Николаевский** ялем / Эре ушыштем. – «Моя родина – это Марийская земля. Николаевский – моя родная деревня. Самая красивая земля. Я всегда думаю о ней. Она расположена в саду («Николаевский ялем»). Отантропонимный комоним русского происхождения **Николаевский** – выселок в Звениговском районе РМЭ, входит в состав Шелангерского сельского поселения.

2. В соответствии с представляемой в названии или тексте песни информации о **географическом положении, характеристике местности, природных**

факторах выявляется ряд особенностей функционирования комонимов.

В музыкально-поэтическом мире сочетаются реальное физическое пространство, его восприятие и наименование разными этносами:

– *ландшафтная расположенность населенного пункта* (вблизи гидрообъекта, возвышенности, луга, на лесистых, песчаных геоучастках и т. п.), например:

мар. Ужар олык, йогын Лаж вуд, / Уло мотор **Памаш-сола**. – «По зеленым лугам бежит Лаж-река, красивая деревня расположена там – Памаш-сола» («Ужар олык, йогын Лаж вуд»). Памаш-сола / Памашсола / Помашсола (оф. Дубники) – марийская деревня в составе Дубниковского сельского совета Сернурского района расположена на реке Лаж, правом притоке реки Немда (бассейн Немды – Пижмы – Вятки); Корнем эрта Шора вуд гоч, / Кузе мый шүм-чонем ом поч?! / Вет ончылнем мотор **Унчем**, / Тора гыч куанен ончем! («Унчо ялем»). – «Моя дорога (в деревню) проходит через реку Шора, Как мне не открыть душу?! Ведь передо мной – красивая деревня Шоруньжа, На которую издалека смотрю с удовольствием!» Унчо (оф. Шоруньжа) – село в Шоруньжинском сельском совете Моркинского района, название отгидронимное. В официальном варианте Шоруньжа оба компонента (Шор + Уньжа) отгидронимные: Шора – левый приток реки Илеть, Уньжа (Унчо) – правый приток реки Шоры. Название населенного пункта указывает на местоположение объекта относительно данных рек; **Купран** шинча купышто да, / **Чылдемыр** шинча чонгаште, / Мемнан милой **Күчыкэңерже** / Шинча садер лонгаште. – «Купряново расположено на болоте, Чендемерово – на возвышенности. А наш милый Кучукенер находится в гуще цветов». Чылдемыр (оф. Чендемерово) – деревня в Сернурском районе Республики Марий Эл. Күчыкэңер (оф. Кучукенер) – деревня в Моркинском районе Республики Марий Эл, входит в состав Шалинского сельского поселения;

тат. Агыйделдән күренеп тора / **Актаныш** басмалары шул; / Кызлар чәчен үрөп салса, / Жилферди тасмалары. – «С реки Белой даже видно Актышские мостки; Когда девушки заплетают волосы (заплетают девки косы), развеваются ленты (банты)». Актаныш (оф. Актаныш) от тат. *ак* «белый» + *таныш* «знакомый» – село, центр Актанышского района Татарстана. Расположено в нижнем течении реки Белая, близ границы с Башкортостаном, восточная часть выходит к озеру Старая Белая; Дөньяда ин матурлардан, / Ике чәчәк бар, диләр. / Берсе аның – яшьлек гомер, / Берсе – сөйгән **яр**, диләр. – «Говорят, что в мире есть два самых прекрасных цветка. Один из них – время молодости, а второй – любимый (родной) берег» («Акъяр»). Татарское село Акъяр (оф. Азеево) до революции 1917 года называлось Белый Яр (тат. *ак* «белый» + *яр* «берег»). Этимология топонима оче-

видна: село раскинулось на берегу небольшой реки Челна, который из-за песка кажется белым.

– достаточно часто топоним указывает на *особенности географической локации*, обозначенной имплицитно или эксплицитно в названии песни: *там*. «Чүпрәле» (оф. Дрожжаное), «Салкын Алан» (оф. Холодная Поляна), «Бакалы» (оф. Бакалы) и др.: *там*. Татарское село **Чүпрәле** (оф. Дрожжаное), административный центр Дрожжановского района и Стародрожжановского сельского поселения, известное с времен Казанского ханства (не позднее 1654 г.). Об этом свидетельствуют материалы, зафиксированные в Московском архиве Министерства юстиции г. Казани. История села отражена также в легенде, повествующей о том, что 400–450 лет назад в эти места пришли трое взрослых мужчин: Алкай, Алмакай и Салмакай. Они нашли родник и сели отдохнуть. Один из них выпил воды и заметил её кисловатый вкус, а земля болотистая, трясётся, как на дрожжах. По специфическому качеству воды и земли эту местность и речку они назвали Дрожжаное от тат. *чүпрә* «дрожжи». Таким образом, само название села метонимично указывает на болотистое место или деревню на болоте; **Салкын Алан** (оф. Холодная Поляна) – село расположено в Альметьевском районе Республики Татарстан, в верховье р. Малая Ирня, основано в 1924 г. переселенцами из сел Среднее Каширово и Новый Имян. Комоним произошел от татарского слова *салкын* «холодный» и оронимического термина *алан* «поляна»; **Бакалы** (досл. Лягушкино) – деревня в Бавлинском районе Татарстана, входит в Покровско-Урустамакское сельское поселение, деревня основана в XIX в. Топоним восходит к гидрониму Бакалы > зоон. *бака* «лягушка» и гидрографического термина *кул* «озеро» [Гарипова 2010: 79].

При исследованиях комонимов наряду с географическими обнаруживаются и культурные ландшафты, которые содержат информацию о народном опыте духовного и хозяйственного освоения пространства, отражая картину мира этноса, например: *мар*. Верланен ялемже / Сылне сад воктен. / Кок энер коклаште / **Кугу Варангыжем**. / Изэнер коремым / Шошо вўд тема, / А Ыярня курык / Омешет конча («Кугу Варангыж ялем»). – «Расположена моя деревня рядом с прекрасным садом, на двух берегах реки. Моя деревня Кугу Варангуж. Овраг Изэнер наполняется талой водой, а холм Ыярня тебе во сне приснится». Кугу Варангыж (оф. Варангуж) – марийская деревня, расположенная в Моркинском районе РМЭ. Населенный пункт находится на берегах Уртемки, правом притоке р. Ашит (бассейн р. Илеть). В тексте песни приводится описание ландшафта деревни и её структурных компонентов – природной среды (река, овраг, сады) и духовной культуры: Ыярня курык – это холм, оном которого возник от названия религиозного праздни-

ка Ыярня (Масленица). В этот праздник холм собирал всех желающих прокатиться на санях. Люди верили, что если в Масленицу прокатиться хотя бы раз, то год будет «идти как по маслу», успех и урожай будут обеспечены.

там. Ап-ак туй күлмәген кисә / **Сарман** алмагачлары, / Сөю жырын жырлап туймый / Дәртле сандугачлары. – «Как только сармановские яблони надевают свои свадебные платья, страстные соловьи поют беспрестанно любовные песни». Сарман (оф. Сарманово) – село, административный центр Сармановского района Татарстана, основано не позднее 1731 г. Топоним произошел от этнонима *сарман* > сущ. сарман (диал.) – «железный наконечник деревянного плуга; лемех» («Сарман алмагачлары») [Татарско-русский словарь]. Населённый пункт расположен в восточной части республики, на р. Мензеля, близ горы Бакыр тау (Медная гора). Оним отражает многовековой опыт хозяйственного освоения территории: добыча меди в недрах горы началась ещё в первой половине XVIII века. Об этом свидетельствуют сохранившиеся многокилометровые выработки и подземные галереи рудника.

Показателен пример, свидетельствующий о взаимопроникновении лингвокультурных традиций двух контактно проживающих этносов, нашедших подтверждение в татарской песне «Кайтам эле Элдөрмешкә»: *там*. Кайтам эле Элдөрмешкә, / Элдөрмешкә кайтам эле. / Чишмәгә тошәм эле, / Чишмәгә тошәм эле. – «Вот приеду в Альдермыш, в Альдермыш приеду я. Спустишь я к роднику, к роднику спустишь я». Элдөрмеш (оф. Альдермыш) – село в Высокогорском районе Республики Татарстан, расположено на р. Саянка. Село было основано в период Казанского ханства. Комоним имеет марийское происхождение. Коренными жителями села в древности были марийцы, татары появились позже. Два народа жили вместе: в одном конце села – марийцы, в другом – татары, но оба народа исповедовали ислам. В названии села есть марийское слово *Алдыр* и глагольное окончание *-мыш (-маи)*, где *мар. Алдыр* «большой ковш для разливания пива». Таким ритуальным ковшом разливали медовуху и пиво при праздновании марийских праздников, обычно весенне-летнего цикла (например, Семьк). Таким образом, топоним Элдөрмеш/Альдермыш означает место празднования определенного ритуала древних марийских религиозных дат.

II. Мир сельской природы

В народных песнях и песнях современных авторов поётся о родной земле, «малой» родине, в которых выражается любовь к своему краю, его многоводным рекам, величественным горным вершинам, просторам полей, лесам, миру сельской природы. Это маркирует характер функционирования содержащихся в таких песнях комонимов:

1. Лирические *песни пейзажного характера*:

тат. Язгы кояш нурын сибә / Мин барыр юлларыма. / Кайта һәр көнне күнелем / **Сәвәләй** авылына. – «Весеннее солнце сияет на дорогах, по которым я пойду в деревню **Савалеево**. Туда каждый день возвращается душа моя» («Сәвәләй»). Сәвәләй (оф. Савалеево) – село в Заинском районе Татарстана, административный центр Савалеевского сельского поселения Заинского муниципального района. Комоним отантропонимный, поселение основано во второй половине XVII века чувашиним по имени Савалей [Населенные пункты]; Төнбоеклы тирән күлдә / Тезелеп йөзә аккошлар. / **Наласа** кырларында. / Бала чагым гөрләп үтте. – «В темном глубоком озере лебеди плавают. Детство мое прошло на полях Наласа» («Наласа авылы көе»). Наласа (оф. Наласа) – село в Арском районе Республики Татарстан, в бассейне реки Атынка. Село известно с 1678 г. В комониме Наласа определяется компонент *су* «вода», который приобрёл форму *са* (*су < са*). Таким образом, топоним Наласа состоит из двух компонентов: *нала* + *са*, где *нала* > *нһли* + *су*. Вероятно, название произошло от названия реки в среднем бассейне Вятки, которую по-русски называли Ноли, по-татарски – *Налису*; **Чүпрәле!** / Алтынсу кырларында / Батыр иттең күпләрне. / Күнелендә яз булсын, / Мәңге аяз булсын / Туган ягым күкләре. – «Дрожжаное! На твоих полях золотой воды многих ты вырастила богатырями (храбрецами). Пусть в твоём сердце будет весна, Пусть вечно (всегда) будет ясно небо родной земли» («Чүпрәле»).

мар. **Церкӱ сола** кӱшӱл вуйыштет / Лаштыра ваштар шалга – «В верхнем конце села Пайгусово / Клён развесистый стоит». Церкӱ сола (оф. Пайгусово) – село в Горномарийском районе Марий Эл; **Салым сола** покшелнет, лаштыра тумет шога. – «Посреди деревни **Чаломкино** находится развесистый дуб» Салымсола (дер. Чаломкино) – деревня в Горномарийском районе РМЭ, входит в состав Еласовского сельского поселения.

2. *Песни о природе родного села, пронизанные мотивами любви к своей деревне, ностальгии по родной земле, потребности вернуться в отчий дом.* Тексты создают впечатление единого цикла: воспевание малой родины, своего окружения, воспоминания о детстве, выражение привязанности к родной земле:

тат. Ямьле **Кырлай** буйлары ла, / Матур урман, кырлары шул, / Матур урман, кырлары. / Кырда үскән курай кебек. – «Прекрасны окрестности Кырлая, красивы лес и поля (2 раза), как растущий в поле курай (сухой камыш)» («Кырлай»). Кырлай – село в Арском районе республики Татарстан, административный центр Новокрылайского сельсовета. В период с 1892 по 1895 год в селе проживал народный та-

тарский поэт Габдулла Тукай; **Акбулатым** – туган авылым, / Сине саг(ы)нып яшим мин һаман. / Еллар аша сиңа кабат кайтам, / Хыялымда гына булса да. – «**Акбулат** – моя родная деревня, до сих пор живу, постоянно скучая по тебе. Через годы я снова и снова возвращаюсь к тебе, пусть даже во сне» («Акбулатым – туган авылым»). Акбулат (оф. Акбулатово) – село в Чистопольском районе Республики Татарстан. Образовано от тюрк. *ак* «чистый, светлый» + *булат* «сталь наивысшего качества». Расположено на р. Багана. Село известно с 1724 года [Татарская энциклопедия 2002, 1: 48]; Майлар житсә, туган якка / Тарта сагыш, тарта мон. / Ярсу язларын сагынып, / **Сарманым**а кайтамын. – «Как только наступят майские деньки, на родину тянет грусть, тянет тоска. Соскучившись по буйным веснам, возвращаюсь в моё Сарманово» («Сарман алмагачлары»).

мар. **Аганур** шочмо мландым / Кӱ ужеш, йӱрата. / Марий Швейцарий / Йӱратен пелешта. / Кӱ курык үмбачын / Мый торашке ончем. / Йырым-ваш марий мланде – / Мыйын шочмо мландем. – «Родную землю Аганур полубят все, кто её увидит. Марийская Швейцария ответит взаимностью. С вершины Каменной горы я смотрю вдаль. Кругом марийская земля – мой родной край» («Аганур ялем»). Аганур – деревня в составе Русскошойского сельского поселения Куженерского района Республики Марий Эл. Комоним сложный, где *ага* обозначает «сев, посевные работы», *нур* – «поле». Населенный пункт расположен у подножья Каменной горы, состоящей из пластов известняка и песчаника. Необычный для Республики Марий Эл рельеф, затяжные холмы и долины с реликтовым лесом послужили основой для метафоричного названия местности «Марийская Швейцария». Имена собственные, в частности топонимы, занимают особое место среди средств выразительности, так как они обладают яркой национальной структурной семантикой и относятся к разряду коннотированной лексики: **Кӱрдӱ** – тиде тымык вер, / Чашкерла, изи энер, / Поро, ныжыл пошкудем. / **Кӱрдӱ** ялем. – «Кӱрды – это тихое место, полесья, речка. Добрые, приветливые соседи. Моя деревня Кӱрды» («Кӱрдӱ ялем»). Кӱрдӱ (оф. Кӱрды) – отгидронимный комоним финно-угорского происхождения, ср. манси *хорэ* «низина» – деревня в составе Великопольского сельского поселения Оршанского района РМЭ.

III. **Сельский социум**

Тексты песен дают представление о составе сельского населения, внешнем облике, трудовой занятости и достижениях жителей, выдающихся представителях, перспективах развития села.

1. *Субъекты деревни: тат.* **Элдермеш** якларын бизи, / **Элдермеш** якларын бизи, / Мохабэт узэннәре, / Ут йорэкле **егетләре**, / Ут йорэкле **егетләре**, / Тиндәшсез **гузәлләре**. – «Альдермешскую сторон-

ку украшает (2 раза) нескончаемая любовь, юноши с огненными сердцами (2 раза) и тихие красавицы» («Кайтам эле Элдөрмешкэ»); Чэчкэйләрең озын толым, / Алсу йөзөң сөйкемле. / Бакча түтәлләрендәге / Мәк чәчәге шикелле. / Их, **Кушай кызлары**, / **Чибәрләрдер** үзләре. / Үзәкләремне өзәдер / Нур балкыган йөзләре! – «Волосы, заплетенные в длинные косы, обрамляют прекрасное румяное лицо. Как маковый цветок в саду. Девчата из Кашаево самые красивые, будоражат мое сердце их сияющие лица!» («Кушай кызлары»). Кушай (оф. Кашаево) – деревня в Нижнекамском районе Татарстана, входит в состав Шингальчинского сельского поселения; Зифа **Кырлай кызлары**. / Эшчән егет, эшчән **кызлар** / Эшләп үсәләр бездә шул, / Эшләп үсәләр бездә. / Шуңа күрә без алабыз / Мул уңышлар һәр көздә. – «Стройны девушки из Кырлая. Трудолюбивы парни, трудолюбивы девушки, трудясь, растут в нашей деревне (букв. “у нас”). Именно поэтому мы получаем обильные урожаи каждую осень» («Кырлай кызлары»); Апрель житми, агып бетми / Агыйделнең бозлары шул; / Мул уңышлар яулап ала / **Егетләре, кызлары**. / Хезмәтләрдә жинү яулый, / Безнең **район уллары**. – «Скоро апрель, и лёд ещё не сошёл с реки Белой; (а уже) добились значительных успехов парни, девушки. В труде завоевали победы сыны нашего района». Актаныш (оф. Актаныш) – село, центр Актанышского района Татарстана. Расположено в нижнем течении реки Белая. Комоним Актаныш сложный, состоит из прилагательного *ак* «белый» и существительного *таныш* «знакомый», то есть «белый знакомый» («Актаныш»).

мар. **Чевәр үдыр** налмыда шуэш гын, / **Күчыкэнгерыш** толалза. / **Ужар үдыр** налмыда шуэш гын, / **Йогорсолаш** миялза. – «Если хотите жениться на прекрасной девушке, то приходите в Кутюк-Кинер. Если хотите жениться на молодой девушке, то езжайте в Егоркино». **Күчыкэнгер** (оф. Кутюк-Кинер) – деревня в Шалинском сельском совете Моркинского района. Ойконим марийского происхождения, отгидронимный: Күчыкэнгер – речка в бассейне реки Илеть. Сложный марийский гидроним указывает на размер водоема: *күчык* «короткий» + *енер* «река». **Йогорсола** (оф. Егоркино) – деревня в составе Шалинского сельского совета Моркинского района. Официальный и неофициальный варианты ойконима антропонимные, восходящие к личному имени первопоселенца **Йогор** (Егор). Марийское название состоит из двух слов: *Йогор* + *сола* «селение»; **Матехеньвла ылына**, / **Кырык марын** ылына. / Лач когонок палынеда гынь, / **Порандайвла** ылына. – «Мы из этих мест, мы из Горномарийского района. Если хотите узнать больше о нас, то мы скажем – мы из деревни Порандайкино». Порандай (оф. Порандайкино) – деревня в Горномарийском районе Республики

Марий Эл, входит в состав Пайгусовского сельского поселения; Кушеч улем палнеда гын, / **Мый** каласенат кертам. / **Азъял починган** Серафим Мишан / **Пумор каче** мый улам. – «Если хотите знать мою родину, то я могу сказать. Родом я из деревни Пумор, сын Михаила из деревни Починок Азъял». Азъял (домарийский гидроним *аз* + *ял* «деревня») – починок в Моркинском районе, входит в состав Себеусадского сельского поселения. Пумор (гидроним *пу* + этноним *мар* «мари») – деревня в составе Шалинского сельского поселения Моркинского района РМЭ.

Богатством топоматериала и антропогенного фактора в фольклоре татар и мари отличаются песни, которые в одном тексте концентрируют презентацию населенного пункта, его природы и жителей: *там.*: Кольшчыдан күчеп килгән / **Нариман кешеләре**. / Жиң сызганып авыл салган / **Баһадир егетләре**. / Ходай биргән шушы жирдә / Безгә гомер итәсе. / Бар монда **Камчат урманы**, / **Александр чишмәсе**. / Югары очтан бормаланып / **Ага Манча елгасы** <...> Йөз яшәгез, **авылдашлар**, / Кадерле **туганнарым**. / <...> Шушы **ожмах жирләрдән** мин – / Мәңге аерылмас идем. – «Жители Наримана – это переселенцы из Кулуши. Засучив рукава, парни Бахадира построили эту деревню. Здесь нам жить, на земле, данной нам богом. Здесь есть лес Камчата, родник Александра. В верхнем течении протекает извилистая река Манча <...> Сто лет живите, односельчане (и) дорогие родственники. <...> Я бы никогда не расстался с этими райскими местами» («Нариман – туган авылым»). Нариман (оф. Нариман) – деревня в Верхнеуслонском районе Татарстана. Деревня располагается на правом берегу Волги (Куйбышевское водохранилище); основана в 1924 году [Татарская онлайн-энциклопедия].

2. **Знаменитый уроженец села.** Минтимер Шарипович Шаймиев (*там.* Минтимер Шәрип улы Шаймиев) – советский и российский государственный и политический деятель, государственный советник Татарстана с 26 апреля 2010 года. Первый президент Республики Татарстан с 12 июня 1991 по 25 марта 2010 года. Знаковая фигура национального и всероссийского уровня современной России: Татарстан под его руководством сыграл огромную роль в сохранении целостности Российской Федерации в годы перестройки. Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», Герой Труда Российской Федерации (2017), Кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного (2023). М. Шаймиев стал одним из главных популярных персонажей политических частушек о родном селе, в которых он представлен в положительном образе: **Әнәк авылы зур түгел**, / **Ләкин тарихта эзле**. / **Минтимер Шәрип улы** да / Шунда туган бит үзе. / **Актанышта** туган егет, / Молодец кулларына. / Исле гөлләр чәчәк ат-

сын / Йөрөгән юлларына. – «Родная деревня невелика, но имеет историческое значение (букв. «оставила след в истории»). Ведь сам Минтимер, сын Шарипа, там родился. В Актаныше родился юноша, отлично поработавший. Пусть расцветают ароматные цветы на дорогах его жизни» («Супер Сэвэлэй такмаклары»).

3. *События, жизнь, быт народа, история и перспективы развития родного села.* Так, в песне «Кырлай» описываются улучшения в селе, клуб в центре села как символ культурной жизни деревни, окружённый цветочными клумбами: *tat.* Авыл уртасында **к(ы)луб**, / **Әйләнәсе гел чәчәк** шул, / Әйләнәсе гел чәчәк. / **Матур** бүгенге көнебез, / Таг(ы) да **матур киләчәк**. – «Посреди села – клуб, вокруг него – цветы (2 раза). Прекрасен сегодняшний день, и ещё более прекрасно будущее (села)» («Кырлай»). Кырлай (оф. Новый Кырлай) – село в Арском районе республики Татарстан, административный центр Новокырлайского сельсовета. В нём расположен литературно-мемориальный музейный комплекс татарского поэта Габдуллы Тукая, который проживал в селе в период с 1892 по 1895 год.

Успешные перспективы села в песнях связываются с его развитием, омоложением, строительством новых сооружений: *mar.* **Кушкеш** йораталме мотор **Унчына**. / **У суртым чонгат** – ме эре ужнына. / Сад вел гыч **эртак йоча йүк шергылтеш**, / Тугеже **Унчат рвезештеш**. – «Растет любимая красивая деревня Шорунджа. Мы всегда видим, как строятся новые дома. Из сада раздаются детские голоса, значит, молодеет Шорунджа» («Унчо ял»). Унчо (оф. Шорунджа) – отгидронимный ойконим самодийского происхождения (ср. сельк. *унджа* «речка, ручей») – село в Моркинском районе Республики Марий Эл, административный центр одноимённого сельского поселения.

В песнях о родном селе герой рекламирует свою «малую» родину, приглашает, проявляя гостеприимство, присущее жителям сельской местности: *tat.* **Питрәч** кайда, **Питрәч** кайда, – / **Питрәч** Казан ягында; / Кошлар булып очар идем / Бик сагынган – чагымда. / <...> Әйдә, дуслар, барыйк эле – / Питрәч ягы күнелле. / Питрәчләрдә сигез күпер, / Берсеннән чыгасым юк. – «Где Пестрецы, где Пестрецы, – Пестрецы на казанской стороне; птицей полетел бы я (туда), когда очень скучаю. Давайте, друзья, поедимте – в Пестречинской стороне весело. Восемь мостов в Пестрецах, через один мне не нужно переходить» («Питрәч таласы»). Питрәч (оф. Пестрецы) – село, административный центр регионов Пестречинского района в составе Республики Татарстан. Расположено на р. Мёша. Село основано в период Казанского ханства более 400 лет назад, после взятия Казани войсками Ивана Грозного. Согласно одной из версий, название комонима Пестрецы образова-

но от «пёстрый народ», то есть люди разных специальностей, селившиеся в регионе в XV–XVI веках: резчики по дереву, валяльщики, гончары, плотники, портные.

Семантика гостеприимства часто проявляется в свадебных обрядовых композициях с топокомпонентом: *mar.* Ик корем гыч вес коремыш / Тореш пашмам пыштена. / **Шоръял** гычын **Кожлаерыш** / **Туллар-тулачым** ыштена. – «Два берега соединим мостами, деревни Шоръял и Кожлаер – породним». Шоръял (ф.-угор. гидроним *шор* «болото» + *ял* «деревня») – деревня в Моркинском районе. Входит в состав Семисолинского сельского поселения. Кожлаер (*mar.* *кож* «ель» + *ер* «озеро») – деревня в составе Коркатовского сельского поселения Моркинского района.

На протяжении многих веков песня как зеркало отражала в музыкально-поэтической форме наиболее важные и яркие события деревни, жизнь и быт народа, социальные и этнические взаимоотношения и т. п. Ойконимы данной группы интересны не только с географической, но и с исторической точки зрения. Например, комонимы Чүпрәле, Чишмә, Сэвэлэй/Дрожжаное, Чишма, Савалеево, включённые в социально-исторический контекст песен, отражают события, связанные с советским периодом в развитии России. Эти песни восхваляют жизнь людей, их светлое будущее, описывают союзные стройки, дружбу народов многонациональной страны и т. п.: *tat.* Син күптән түктең себереп / Искелекнең чүпләрен. Совет еллари чорында / Чәчәк аттын, Чүпрәлем. // Тузанлы юлларың белән / Истә калса үткәнен, / Килер вакыт – асфальтларга / Төрөнерең, Чүпрәлем. – «Ты давно вымел мусор прошлых лет. В советские годы ты расцвёл, Дрожжаное. Пыльными дорогами будет вспоминаться прошлое, придет время – покроется асфальтом и моё Дрожжаное» («Дрожжаное»).

Песня фиксирует значимые события, связанные с реализацией масштабныхстроек в период социалистической эпохи. Первая строчка, как и само название песни, является темообразующей, так как задаётся контекст и семантика маршрута, пункт назначения, как, например, упоминание строительства дороги Белорецк – Чишмы: *tat.* Урман яра, тау актара / Яшьләренең көчле кулы. / Калаларны тоташтыра (Йөрәкләрне кавыштыра), / Белорет – **Чишмә** юлы, / Белорет – **Чишмә** юлы. – «Рубит леса, проходит сквозь (букв. обшаривает) горы мощная рука молодежи. Соединяет города (соединяет сердца) дорога Белорецк – Чишмы, дорога Белорецк – Чишмы». – Чишмә (оф. Чишмы) – село в Чишминском районе Башкортостана. Топоним произошёл от гидрографического термина на татарском языке *чишмә* «ключ, родник, источник». В 1970 годах был реализован проект строительства дороги общей протяженностью

203 км. В строительстве железной дороги принимали активное участие студенческие отряды («Белорет – Чишмэ юлы»).

Дружеские межэтнические взаимоотношения всегда были объектом воспевания: *tat.* Медаль һәм орденнар бизи / Уңганнарның күкрәген. / Синдэ татар, рус һәм чуаш / Бертуган күк, Чүпрәлем. – «Медаль и орден украшают грудь умелых. У тебя татары, русские и чуваша, как родные братья, Дрожжаное» («Дрожжаное»).

Заключение

Современная национальная песня – это особое языковое явление, отражающее актуальное состояние языка и лингвокультуры народа, представляющее перспективы эволюции языка и общества. Песня позволяет получить представление об историческом развитии страны в XX–XXI вв. Как популярная, так и народная песня на национальных языках характеризуется сохранением традиций национальной культуры. Зафиксирована сходная для обоих этносов тенденция, выраженная в унификации тематических групп песен с комонимами. Маркирование географической отнесенности обеспечивается топонимами, описывающими локацию того или иного населенного пункта и связанную с ней песню. Сохранена общая для татар и мари национально-культурная специфика в исполнении музыкальных произведений, восходящая к песенной традиции тюркоязычных народов – архаичная пентатоника, воспринятая марицами через татарскую песенную модель. Среди популярных песенных жанров в обоих языках наиболее частотными выступают лирическая песня и частушка. Такмак как наследие музыкального влияния тюрко-татарского населения Среднего Поволжья на музыкальную традицию черемис (мари) позволил установить определенное родство современной народной деревенской песни этих народов. Исследование песенных текстов актуализируется в лингвокультурологическом, когнитивном, лингвострановедческом, концептуальном, этнолингвистическом, социолингвистическом, психолингвистическом аспектах. В рамках лингвокультурологии песенные тексты могут рассматриваться как ретрансляторы культуры. Является необходимым при исследовании песенного дискурса и когнитивный подход, обеспечивающий рассмотрение языковой картины мира в песенном тексте. Музыкальные композиции с комонимами обладают способностью формировать у реципиентов собственную концептосферу («родина» (земля, страна, край), «малая родина» (село/деревня, история и перспективы развития), «природа» (красота родной земли, природные богатства), «национально-культурное сообщество» (жители села, национальные герои, выдающиеся личности), «семья» (родители, родственники), «любовь» (привя-

занность к месту, односельчанам). Язык песни может рассматриваться как социальная разновидность языка с позиции социолингвистики, отражая в текстах информацию о жителях села и их трудовых достижениях (труженики села, передовики, выдающиеся односельчане). Лексика текстов ориентирована на эмоциональный фон слушателя, их задача – вызвать у реципиента эмоции, эмпатию, душевный отклик. Страноведческий компонент представлен в мотивах песен соответственно каждой территориальной единице отдельно взятого региона. Песенные тексты содержат в себе наименования различного рода географических элементов: названия рек, гор, родников, лесов и других топонимических объектов.

Список литературы

- Белокурова С.П.* Словарь литературоведческих терминов. 2005. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/256-%D0%BF%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8F> (дата обращения: 13.02.2024).
- Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. Москва: Большая Российская энциклопедия; Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1434 с. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 13.02.2024).
- Бражник Л.В.* Ангемитоника в модальных и тональных системах: На примере музыки тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: дис. ... д-ра искусствоведения. Казань, 340 с.
- Викар Л.* Немеркнувшие ценности // Советская музыка. 1985. № 4. С. 120–121.
- Викар Л.* Венгерские исследования чувашской народной музыки // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 2000. № 1. С. 45–53.
- Гарипова Ф.Г.* Татар топонимнары сүзлеге. Казан, 2010. 679 б. (Тат.)
- Каюмова Э.Р.* Татарская народно-песенная культура Нового времени (Проблемы традиционного мышления и жанровой атрибуции): дис. ... канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2004. 285 с.
- Кондратьев М.Г.* Зеркало истории. Памяти Ласло Викара – лучшего зарубежного знатока музыки народов Поволжья // Искусство, наука, практика. 2017. № 4 (20). С. 41–47.
- Максимов В.Н.* Габору Берецки – 95 // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 380–381.
- Марий калык муро. Ленинград: Гос. муз. изд-во, 1951. 340 с. (Мар.)
- Миннуллин К.М.* Общая символика песенной поэзии народов Поволжья и Приуралья // Типология татарского фольклора. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 32–48.
- Миннуллин К.М.* Песня как искусство слова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2001. 72 с.

Муро пыжаш – чоныштем. Йошкар-Ола, 2012. 204 с. (Мар.)

Народная песня // Большой энциклопедический словарь / гл. ред. академик А.М. Прохоров. Москва, 2000. 1456 с. URL: <https://ru.wikipedia.org/>

Населенные пункты Республики Татарстан // Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ Татарская энциклопедия. Т. 5. URL: http://www.ite.antat.ru/articles/punkt_s/s_007.shtml.

Нигмедзянов М.Н. Татарские народные песни. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. 240 с. (Тат.)

Песни горных мари: Кырык мары халык мурывля. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, 2005. 512 с. (Мар.)

Песни луговых мари. Ч. 2. Необрядовые песни / сост. Н.В. Мушкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, 2005. 502 с. (Мар.)

Татар жырлары. Казань: Татарское кн. изд-во, 2022. 399 с. (Тат.)

Татар халык ижаты: Тарихи һәм лирик жырлар / төз., кереш мәкалә язучы, иск. эзерләүче И.Н. Надиров; редкол.: И.Н. Надиров (жит.), М.Г. Госманов, Х.Ш. Мәхмүтов (ф. ред.); СССР ФА, КФ. Г. Ибраһимов исем. ТЭТИ. Казан, 1988. 488 б. (Тат.)

Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. Т. 1. 671 с.; 2010. Т. 5. 736 с.

Татарская онлайн-энциклопедия Tatarica / Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/glavnaaya/ehnciklopediya-tatarika>

Татарско-русский словарь / Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. Казань, 2007. URL: https://www.studmed.ru/tatarsko-russkiy-slovar_a3725780f1c.html. (Тат., Рус.)

Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Астионимы в песенном творчестве мари и татар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023а. Т. 16, вып. 11. С. 4006–4012.

Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Топонимическая лексика в татарском и марийском песенном творчестве // Казанская наука. 2023б. № 9. С. 191–193.

Neubarth K., Goienetxea I., Johnson C., Conklin D. Association mining of folk music genres and toponyms. 13th International Society for Music Information Retrieval Conference. ISMIR, 2012. https://www.researchgate.net/publication/265801099_Association_mining_of_folk_music_genres_and_toponyms

References

Belokurova S.P. *Slovar literaturovedcheskih terminov* [Dictionary of literary terms], 2005. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/256-%D0%BF%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8F>. (In Russ.)

Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' [Big Encyclopaedic Dictionary], ed. by A.M. Prokhorov. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Encyclopaedia Publ.; St. Petersburg, Norint Publ., 2000, 1434 p. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/> (access date: 13.02.2024). (In Russ.)

Brazhnik L.V. *Angemitonika v modal'nyh i tonal'nyh sistemah: Na primere muzyki tyurkskih i finno-ugorskih narodov Povolzh'ya i Priural'ya* [Anhemitonics in modal and tonal systems: Based on the example of the music of the Turkic and Finno-Ugric peoples of the Volga and Urals regions]: dis. ... d-ra iskusstvovedeniya. Kazan, 2003, 340 p. (access date: 13.02.2024). (In Russ.)

Garipova F.G. *Tatar toponimnary syzlege* [Dictionary of Tatar toponyms]. Kazan, 2010, 679 p. (In Tatar)

Kayumova E.R. *Tatarskaya narodno-pesennaya kul'tura Novogo vremeni (Problemy tradicionnogo myshleniya i zhanrovoy atribucii)* [Tatar folk song culture of the New Age (Problems of traditional thinking and genre attribution)]: dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Sankt-Peterburg, 2004, 285 p. (In Russ.)

Khabibullina F.Ya., Ivanova I.G. *Astionimy v pesennom tvorchestve mari i tatar* [Astynonyms in the songwriting of the Mari and Tatars.]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2023, vol. 16, no. 11, pp. 4006-4012. (In Russ.)

Khabibullina F.Ya., Ivanova I. G. *Toponimicheskaya leksika v tatarskom i marijskom pesennom tvorchestve* [Toponymic vocabulary in Tatar and Mari songwriting]. *Kazanskaya nauka* [Kazan science], 2023, no. 9, pp. 191-193. (In Russ.).

Kondratev M.G. *Zerkalo istorii. Pamyati Laslo Vikara – luchshego zarubezhnogo znatoka muzyki narodov Povolzh'ya* [Mirror of history. In memory of Laszlo Vikar - the best foreign expert on the music of the peoples of the Volga region]. *Iskusstvo, nauka, praktika*, 2017, no. 4 (20), pp. 41-47. (In Russ.)

Maksimov V. N. *Gaboru Berecki – 95* [Gabor Berecki – 95]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric world], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 380-381. (In Russ.)

Mari Kalyk muro [Mari folk song]. Leningrad, State Music Publishing House Publ., 1951, 340 p. (In Mari)

Minnullin K.M. *Obshchaya simvolika pesennoj poezii narodov Povolzh'ya i Priural'ya* [General symbolism of the song poetry of the peoples of the Volga and Urals regions]. *Tipologiya tatarskogo fol'klora*. Kazan, Master Lajn Publ., 1999, pp. 32-48. (In Russ.)

Minnullin K.M. *Pesnya kak iskusstvo slova* [Song as the art of words]: avtoref. ... d-ra filol. nauk. Kazan, 2001, 72 p. (In Russ.)

Muro pyzhash – chonyshstem [Song in my soul]. Joshkar-Ola, 2012, 204 p. (In Mari)

Narodnaya pesnya. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' [Big encyclopedic dictionary], ed. by

akad. A.M. Prohorov. Moscow, 2000, 1456 p. URL: <https://ru.ruwiki.ru/> (In Russ.)

Naselennye punkty respubliki Tatarstan [Populated areas of the Republic of Tatarstan]. *Tatarskaya enciklopediya*, vol. 5; Institut Tatarskoj enciklopedii i regionovedeniya AN RT. URL: http://www.ite.antat.ru/articles/punkt_s/s_007.shtml (In Russ.)

Nigmedzyanov M.N. *Tatar folk songs* [Tatar folk songs]. Kazan, Tatar. book publishing house Publ., 1984, 240 p. (In Tatar.)

Pesni gornyh mari. Kyryk mary halyk muryvlä [Songs of the mountain Mari]. Joshkar-Ola, MarNIIYALI im. V.M. Vasil'eva Publ., 2005, 512 p. (In Mari)

Pesni lugovyh mari [Songs of meadow mari]. Vol. 2. *Neobryadovye pesni* [Non-ritual songs], comp. N.V. Mushkina. Joshkar-Ola, MarNIIYALI im. V.M. Vasil'eva Publ., 2005, 502 p. (In Mari)

Tatar zhyrlary [Tatar songs]. Kazan', Tatarskoe kn. izd-vo Publ., 2022, 399 p. (In Tatar.)

Tatar halyk ıxatı: Tarihi häm lirik äcyrlar [Tatar folk art: Tatar historical and folk songs], töz., keresh mäkalä yazuchy, isk. äzerlätöche I.N. Nadirov; ed. by I.N. Nadirov (жит.), M.G. Gosmanov, H.Sh. Mähmytov; SSSR FA. KF. G. Ibrahimov isem. ТӘТИ. Kazan, 1988, 488 p. (In Tatar.)

Tatarskaya enciklopediya [Tatar Encyclopedia]: in 6 vols., ed. by M.H. Hasanov, otv. red. G.S. Sabirzyanov. Kazan', Institut Tatarskoj enciklopedii AN RT Publ., 2002, vol. 1, 671 p.; 2010, vol. 5, 736 p. (In Russ.)

Tatarskaya onlajn-enciklopediya Tatarica [Tatar online encyclopedia Tatarica]; Institut tatarskoj enciklo-

pedii i regionovedeniya Akademii nauk Respubliki Tatarstan. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/glavnaya/ehnciklopediya-tatarika>. (In Russ.)

Tatarsko-russkij slovar' [Tatar-Russian dictionary]; Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova. Kazan', 2007. URL: https://www.studmed.ru/tatarsko-russkiy-slovar_a3725780f1c.html (In Tatar. and Russ.)

Vikar L. *Nemerknushchie cennosti* [Unfading Values]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music], 1985, no. 4, pp. 120-121. (In Russ.)

Vikar L. *Vengerskie issledovaniya chuvashskoj narodnoj muzyki* [Hungarian studies of Chuvash folk music]. *Izvestiya Nacional'noj akademii nauk i iskusstv Chuvashskoj Respubliki* [News of the National Academy of Sciences and Arts of the Chuvash Republic], 2000, no. 1, pp. 45-53. (In Russ.)

Neubarth K., Goienetxea I., Johnson C., Conklin D. Association mining of folk music genres and toponyms. 13th International Society for Music Information Retrieval Conference. ISMIR, 2012. https://www.researchgate.net/publication/265801099_Association_mining_of_folk_music_genres_and_toponyms.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 26.05.2024.

The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 26.05.2024.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 187–195. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 187–195. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 677:94(470.315)“1942/1943”

EDN IOBRYE

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-187-195>

РОЛЬ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ В БОРЬБЕ С ТРУДОВЫМ ДЕЗЕРТИРСТВОМ НА ТЕКСТИЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942–1943 ГГ.

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. В данной статье исследуется карательная практика военных трибуналов в отношении текстильщиков, допустивших самовольный уход с предприятий, а также дезорганизаторов производства, оказывавших негативное влияние на рабочих с ноября 1942 г. по ноябрь 1943 года. Она стала возможной после принятия Президиумом Верховного Совета СССР 11 октября 1942 г. Указа «О распространении на рабочих и служащих предприятий Народного комиссариата текстильной промышленности СССР Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». В результате текстильщики приравнивались к рабочим оборонной промышленности, считались на период войны мобилизованными и закрепленными для постоянной работы за текстильными фабриками и комбинатами, на которых они трудились. Самовольный уход с работы рабочих и служащих рассматривался как дезертирство, а лица, виновные в их совершении (дезертирстве), военными трибуналами приговаривались к тюремному заключению на срок от 5 до 8 лет. В статье отражается динамика этого процесса, приводятся данные на дезертиров по профессиям и полу, называются меры профилактического воздействия на трудовые коллективы и т. д. Внимание уделено такой положительной практике работы трибуналов, как осуждение условно с обязыванием возврата на предприятие. Статья подготовлена на материалах Государственного архива Ивановской области, впервые вводимых в научный оборот; адресована специалистам в области истории отечественной текстильной промышленности, аспирантам, магистрантам и студентам высших учебных заведений.

Ключевые слова: Государственное управление, текстильная промышленность, Президиум Верховного Совета СССР, указы, трудовые дезертиры, Ивановская область, военный трибунал войск НКВД, карательная практика, результаты, особенности, меры профилактики, осуждение условно.

Для цитирования: Околотин В.С. Роль военных трибуналов в борьбе с трудовым дезертирством на текстильных предприятиях Ивановской области в 1942–1943 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 187–195. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-187-195>

Research Article

THE ROLE OF MILITARY TRIBUNALS IN THE FIGHT AGAINST LABOUR DESERTION AT TEXTILE ENTERPRISES OF IVANOVNO REGION IN 1942–1943

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Institute for the Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. This article examines the punitive practice of military tribunals against textile workers who committed unauthorised departure from enterprises, as well as production disrupters influential among workers, from November 1942 to November 1943. It became possible after the adoption by the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on October 11, 1942, of Decree “On the extension of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR” dated December 26, 1941, to workers and employees of enterprises of the People’s Commissariat of the Textile Industry of the USSR. “On the responsibility of workers and employees of enterprises of the military industry for unauthorised withdrawal from enterprises.” As a result, textile workers were equated with workers in the defence industry; they were considered mobilised for the period of the war and assigned to permanent work at the textile factories and factories where they worked. The unauthorised departure of workers and employees from work was considered as desertion, and those guilty of committing them (deserters) were

sentenced by military tribunals to imprisonment for a term of 5 to 8 years. The article reflects the dynamics of this process, provides data on deserters by profession and sex; we call preventive measures on labour collectives, etc. Attention is paid to such positive practice of the tribunals as conditional conviction with the obligation to return to the enterprise. It was prepared on the materials of the State Archive of Ivanovo Region, which had first been introduced into scientific circulation. It is addressed to specialists in the field of the history of Soviet textile industry, to graduate students, undergraduates and students of higher educational institutions.

Keywords: public administration, textile industry, Presidium of USSR Supreme Soviet, decrees, labour deserters, Ivanovo Region, military tribunal of tNKVD troops, punitive practice, results, features, preventive measures, conditional conviction.

For citation: Okolotin V.S. The role of military tribunals in the fight against labour desertion at textile enterprises of Ivanovo Region in 1942–1943. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 187–195. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-187-195>

Постановка проблемы, историография. Изучение опыта хозяйственного управления экономикой страны в чрезвычайных условиях, в том числе и мер по укреплению трудовой дисциплины, по-прежнему представляет интерес для современных исследователей. Среди них следует назвать доктора исторических наук А.К. Сорокина, научные издания которого определяют ориентиры для дальнейших исследований, прежде всего регионального характера [Сорокин 2022]. Применительно к текстильным предприятиям, в том числе Московской и Ивановской областей, эта тема нашла отражение в трудах, подготовленных автором статьи самостоятельно [Околотин 2017, 2019] и в соавторстве с другими исследователями [Белгородский 2023]. Более предметно она отражена в совместной статье с аспирантом Д.С. Сафоловым, опубликованной на страницах «Вестника Костромского государственного университета» в 2023 году [Сафолов 2023]. Вместе с тем в указанных работах речь шла о мерах по укреплению трудовой дисциплины, основанных на довоенном законодательстве, в частности на положениях Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»¹. Однако, как показала судебная практика, эти меры уже не соответствовали военной обстановке. Только за 8 месяцев 1942 г. в народные суды области поступило более 53 тыс. дел о нарушениях данного указа, из них свыше 70 % с предприятий текстильной промышленности. По неполным данным из 59 текстильных предприятий только за 7 месяцев 1942 г. в суды было передано 20 547 дел о таких нарушителях. Количество случаев самовольного оставления работы в августе по сравнению с январем 1942 г. увеличилось в 3,5 раза, а число опозданий и прогулов за это же время возросло более чем в два раза. По отдельным предприятиям эта кратность была значительно выше. Например, на Шуйской объединенной мануфактуре в августе по сравнению с январем 1942 г. число нарушений увеличилось в 6, а на Красно-волжском комбинате – в 13 раз. По данным 34 предприятий 1-го и 2-го

Ивглахлоппромов с момента издания указа по 1 августа 1942 г. осуждено 24 647 человек, т. е. 31,5 % к среднесписочному составу их рабочих на 1 января 1942 года. На некоторых предприятиях он был еще выше. Так, на фабрике им. Абельмана он составил 68 %, на фабрике «Красный Профинтерн» – 57 %, на фабрике «Шуйский пролетарий» – 50,8 % и т. д.²

Несомненно, в сложившейся ситуации требовалось принятие более жестких мер к дезорганизаторам трудовой дисциплины. В этой обстановке 11 октября 1942 г. Президиум ВС СССР принял Указ «О распространении на рабочих и служащих предприятий Народного комиссариата текстильной промышленности СССР Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. “Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий”». Его содержание было кратким и полностью повторяло название указа. Отныне работники текстильной промышленности приравнивались к рабочим военной промышленности, которые на период войны считались мобилизованными и закрепленными для постоянной работы за теми предприятиями, на которых они трудились. Самовольные уходы рабочих и служащих с предприятий рассматривались как дезертирство, и лиц, виновных в их совершении (дезертирстве), устанавливалось карать тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. Дела на таких лиц изымались из компетенции народных судов и передавались для рассмотрения в военные трибуналы войск НКВД. В результате в обиходе того времени появилось новое понятие – трудовой дезертир. Борьбе с трудовым дезертирством на текстильных предприятиях Ивановской области и посвящена данная статья.

В Государственном архиве Ивановской области сохранились докладные записки о работе военной прокуратуры войск НКВД по надзору за делами о нарушении указа от 26 декабря 1941 года. Их анализ позволяет отразить динамику карательной практики военных трибуналов по 46 предприятиям текстильной промышленности региона с ноября 1942 г. по ноябрь 1943 года.

Таблица 1

Карательная практика по предприятиям текстильной промышленности в ноябре – декабре 1942 года³

П/п	Месяц	Поступило		Рассмотрено		Возвращено на доработку
		Очно	Заочно	Очно	Заочно	
1	Ноябрь	30	64	23	44	26
2	Декабрь	59	115	45	98	21

Примечание. Согласно приведенным данным, заочное вынесение приговоров преобладало над очным осуждением. В этой связи требовался розыск осужденных для приведения приговоров в исполнение.

Таблица 2

Меры наказаний, вынесенные военными трибуналами в ноябре – декабре 1942 года⁴

П/п	Месяц	Всего осуждено	На 5 лет	На 6 лет	На 7 лет	На 8 лет	Оправдано	Осуждены условно
1	Ноябрь	67	27	14	14	9	3	–
2	Декабрь	126	39	56	13	18	–	–

Примечание. Из таблицы следует, что при вынесении приговоров такая их форма, как осуждение условно, в 1942 г. не применялась.

Таблица 3

Динамика карательной практики по предприятиям текстильной промышленности с января по март 1943 года⁵

П/п	Месяцы	Поступило дел в военный трибунал	Рассмотрено дел в военном трибунале
1	Январь	134	86
2	Февраль	154 + 18 остаток	104
3	Март	203 + 12 остаток	156

Примечание. Приведенные в таблице данные свидетельствуют об увеличении количества дел, рассмотренных военными трибуналами по фактам трудового дезертирства.

Таблица 4

Меры наказания, вынесенные военными трибуналами по делам трудового дезертирства с января по март 1943 года⁶

П/п	Месяцы	К 5 годам заключения	К 6 годам заключения	К 7 годам заключения	К 8 годам заключения	Всего
1	Январь	21	36	16	12	86
	Февраль	15	45	27	12	104
	Март	75	45	24	4	156

Примечание. Согласно приведенным данным, в основном дезорганизаторы производства приговаривались военными трибуналами на сроки от 5 до 7 лет заключения.

Карательная практика в 1942 году. О формировании карательной практики военных трибуналов применительно к указанной категории дел можно судить по сведениям за ноябрь – декабрь 1942 года (табл. 1, 2).

В целом с ноября по декабрь 1942 г. карательная практика военных трибуналов по делам самовольного оставления предприятий имела тенденцию к росту.

Карательная практика в первом полугодии 1943 года. Согласно документам, в этот период наблюдалось усиление карательной практики по делам о трудовом дезертирстве (табл. 3). В то же время широкое применение получили формы профилак-

тического воздействия на трудовые коллективы текстильных предприятий. В докладных записках значительное внимание стало уделяться анализу причин самовольного ухода с предприятий, попыткам принятия мер для предотвращения трудового дезертирства.

О мерах наказания, вынесенных военными трибуналами по предприятиям текстильной промышленности, свидетельствуют данные, приведенные в следующей таблице (табл. 4).

О фактах трудового дезертирства на крупных предприятиях текстильной промышленности, послуживших основанием для вынесения военным трибу-

Таблица 5

Сведения о приговорах военного трибунала по фактам трудового дезертирства за март – апрель 1943 года⁷

П/п	Наименования предприятий	Март	Апрель
1	Меланжевый комбинат	20	35
2	Фабрика им. Балашова	8	15
3	Тейковский комбинат	11	13
3	Шуйский комбинат	6	–
4	Фабрика им. Варенцовой	6	10
5	Фабрика № 2 Кинешма	4	31
6	Комбинат 5 Октябрь	5	10
7	Комбинат III Интернационала	7	11

Примечание. В целом увеличение количества приговоров по фактам самовольного ухода с работы наблюдалось по всем указанным предприятиям.

Таблица 6

Сведения о приговорах военного трибунала по фактам трудового дезертирства за апрель – май 1943 года⁸

П/п	Наименования предприятий	Апрель	Май
1	Меланжевый комбинат	35	48
2	Фабрика им. Балашова	15	22
3	Фабрика № 2 г. Фурманов	21	43
4	Фабрика «Красный Профинтерн»	18	27
5	Фабрика № 1 г. Фурманов	7	18

Примечание. Тенденция к росту числа приговоров, вынесенных военными трибуналами, в мае 1943 г. продолжилась.

налом карательных приговоров с марта по май 1943 г., свидетельствуют следующие данные (табл. 5, 6).

Всего военным трибуналом за май 1943 г. были осуждены: на срок от 5 до 6 лет – 208, от 7 до 8 лет – 149 и условно – 41 человек⁹.

Из содержания докладных записок следует, что карательная практика военного трибунала признавалась в основном правильной. Меры наказания определялись с учетом личности осужденного, его возраста, семейного положения и причин дезертирства.

В целях профилактики трудового дезертирства военная прокуратура провела целый ряд показательных процессов на текстильных предприятиях области. Они прошли в Шуе, Тейкове, Вязниках, Кинешме, Фурманове, Вичуге и других городах. Одновременно работники военной прокуратуры и военного трибунала проводили в рабочих коллективах беседы по разъяснению указа Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 года. В результате, утверждалось в одной из записок, на Писцовскую фабрику возвратились 4, а на Фурмановские № 1 и 2 – 7 дезертиров¹⁰.

Анализ причин трудового дезертирства, сделанный военной прокуратурой, показал, что его в большинстве своем допускали кадровые квалифицированные рабочие. Об этом свидетельствуют сведения

по фабрикам им. Дзержинского, Красная Талка и им. Балашова г. Иванова (табл. 7).

Среди дезертиров текстильных предприятий в основном были женщины, что объяснялось характером текстильного производства и, как правило, семейные, имевшие малолетних детей (табл. 8).

Мотивами к совершению ими дезертирства были названы дезорганизаторская деятельность отдельных лиц, «неповоротливость» администрации в улучшении бытовых и социальных условий рабочих, невозможность оставить малолетних детей без присмотра и т. д. Вместе с тем, как отмечалось в обзорных записках, значительная часть дезертиров – это лица, судимые в прошлом за прогулы по 2–3 раза. Данные лица обманным путем получали продовольственные карточки, их продавали, спекулировали наличием малолетних детей и занимались хищением. Так, из осужденных военным трибуналом войск НКВД за дезертирство с предприятий текстильной промышленности в ноябре 1942 г. 64 человек в прошлом были судимы 15 рабочих, а из осужденных в декабре 1942 г. 143 человек – 45 человек¹³.

Показательны примеры из карательной практики, приведенные в обзорных записках. В частности, подвозчица кип сортировочно-трепального цеха фабрики «Красная Талка» Дружинина Д.Н., 1925 года

Таблица 7

Сведения о дезертирстве квалифицированных рабочих по ряду предприятий¹¹

П/п	Наименование профессий	Фабрика им. Дзержинского	Фабрика «Красная Талка»	Фабрика им. Балашова	Всего
1	Ватерщицы	21	33	23	77
2	Банкаброшницы	1	10	13	24
3	Трепальщики	–	5	5	10
4	Сновалки	–	3	2	5
5	Моталки	28	11	14	53
6	Ткачи	22	–	139	161
7	Съемщицы	28	24	24	76
8	Ленточницы	9	2	4	15
9	Тазохолстовщицы	10	4	7	21
10	Чистильщики машин	–	10	–	10
11	Электрики	1	–	–	4
12	Поммастеров	4	–	–	4
13	Прочие	90	70	144	304
14	Всего	214	172	375	761

Примечание. Наибольшее количество фактов трудового дезертирства имело место среди ткачей, ватерщиц, моталок, съемщиц, что подтверждает вывод военной прокуратуры.

Таблица 8

Сведения о фактах трудового дезертирства среди мужчин и женщин¹²

П/п	Наименование предприятия	Мужчины	Женщины	Всего
1	Фабрика им. Дзержинского	Нет данных	Нет данных	–
2	Фабрика им. Балашова	35	340	375
3	Фабрика «Красная Талка»	8	165	173
4	Всего	43	505	548

Примечание. Согласно приведенным данным, женщины значительно преобладали среди трудовых дезертиров на указанных текстильных предприятиях.

рождения, 17 февраля 1943 г. самовольно оставила работу. В 1942 г. она была дважды судима по указу от 26 июня 1940 г., кроме этого, в течение декабря 1942 г. и января 1943 г., несмотря на получение от предприятия одежды и обуви, она без уважительных причин совершила несколько невыходов на работу, а затем самовольно ушла с предприятия. Как выяснилось на заседании трибунала, это произошло под влиянием лиц без определенных занятий, совершавших кражи на фабриках. Заседание проводилось публично на фабрике «Красная Талка», на котором присутствовало около 200 человек. В итоге Д.Н. Дружинина была осуждена к 7 годам лишения свободы¹⁴.

Другой пример. Запасная ткачиха фабрики им. Дзержинского Л.А. Смирнова 24 января 1943 г. самовольно оставила работу. В прошлом Смирнова была судима по указу от 26 июня 1940 г., в последнее время занималась воровством на фабрике. Дирекция фабрики несколько раз вызывала Смирнову и предлагала вернуться на работу. Однако она приступить к работе категорически отказалась. Смирнова, имея двух малолетних детей, совершенно отстранилась

от их воспитания, передала их своей матери, а сама уходила и не показывалась дома в течение нескольких дней. Работницы фабрики на суде рассказывали, что они собирали хлеб для детей, которых оставила Смирнова. Муж Смирновой, находившийся на фронте, узнав из писем матери об отношении Смирновой к детям, прислал письмо, в котором выражал негодование ее поведением. Как говорилось в записке, на заседании трибунала «Смирнова была разоблачена не только как злостный дезорганизатор производства, вор, но и как несоветская мать, которая, прикрываясь детьми, уклонялась от уголовной ответственности и заявляла: “Меня судить не будут, у меня малолетние дети”». Дело Смирновой слушалось показательным процессом на фабрике им. Дзержинского. Присутствовало на процессе свыше 300 человек¹⁵.

Следует привести еще один показательный пример из карательной практики военных трибуналов: «На фабрике им. Дзержинского имеется работница чесальщица Бебкова, мать троих детей. Бебкова самовольно оставила работу в начале января 1943 года. При посещении ее квартиры нашли, что все трое де-

тей имеют изможденное состояние вследствие того, что Бибкова, желая избавиться от них, морила их голодом. Детей немедленно госпитализировали, а Бибкова, воспользовавшись этим, скрылась, и ее место нахождения пока не установлено»¹⁶.

«Неповоротливость администрации» в решении социально-бытовых вопросов, и прежде всего в организации общественного питания, говорилось в докладных записках, также служила причиной для трудового дезертирства на предприятиях. Это проявлялось в стремлении неустойчивой части рабочих «любыми способами уйти в деревню». Так, фабрика им. Дзержинского заготовила картофель и мясо, но не могла из-за отсутствия транспорта вывезти их из глубинных пунктов. При обследовании пригородного хозяйства фабрики выяснилось, что оно находилось в плохом состоянии, и поэтому продукты с него почти не попадали в столовую. В результате неполноценного питания среди рабочих получил развитие авитаминоз, возникавший на фоне общего истощения организма и, как следствие, приводивший к появлению безбелкового отека. По этой причине на фабрике только в декабре 1942 г. находились на больничном 94, а в январе 1943 г. – 66 рабочих, от истощения

умерли 4 работницы. Чтобы как-то повлиять на эту ситуацию, администрация фабрики вынуждена была отпускать рабочих в кратковременные отпуска, которые, как правило, ими использовались для похода в сельскую местность за продуктами¹⁷.

Такая практика имела место и на других предприятиях. В частности, на фабрике «Красная Талка» были отпущены в краткосрочные отпуска в ноябре 1942 г. – 126 человек, в декабре – 213, в январе и феврале 1943 г. – 174 и 133 рабочих соответственно. На фабрике им. Балашова в краткосрочные отпуска были отпущены в декабре 1942 г. – 460 человек, в январе 1943 г. – 426 человек, в феврале – 383 человека¹⁸.

Общая карательная практика первого полугодия по предприятиям области имела свою специфику. Если в январе 1943 г. условное наказание военными трибуналами не применялось, то начиная с февраля оно стало активно звучать в их решениях (табл. 9).

Однако до 1 июня 1943 г. военные трибуналы не обязывали условно осужденных к возврату на предприятия. После установления на Писцовской и Фурмановских фабриках № 1 и 2 фактов негативного влияния приговоров с условным наказанием без обязывания осужденных вернуться на предпри-

Таблица 9

Применение военными трибуналами условного наказания с января по июнь 1943 года

П/п	Месяцы	Всего осуждено по указу	К условной мере наказания	Процент
1	Январь	263	–	–
2	Февраль	288	5	1,75
3	Март	342	4	1,1
4	Апрель	335	12	3,6
5	Май	358	41	10,3
6	Июнь	406	33	8,2

Примечание. Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о поступательном росте применения условного наказания в карательной практике военных трибуналов.

Таблица 10

Количество дел по ряду текстильных предприятий области в июне и июле 1943 года²⁰

П/п	Наименование предприятий	Июнь	Июль
1	Меланжевый комбинат	41	58
2	Фабрика им. Балашова	22	15
3	Фурмановская №2	29	26
4	Красный Профинтерн	6	17

Примечание. Можно утверждать, что количество случаев трудового дезертирства во многом могло зависеть от количества рабочих и служащих на указанных предприятиях.

Таблица 11

Общая карательная практика по оборонным и текстильным предприятиям области в июле 1943 года²¹

Всего осуждено	В том числе заочно	К 5 годам	К 6 годам	К 7 годам	К 8 годам	Условно
478	283	233	138	36	22	51

Примечание. Условно осуждено 10,8 %, причем все условно осужденные были обязаны возвратиться на производство.

ятия, в практику военных трибуналов было введено данное обязательство. Более того, данное требование дополнялось обязательной проверкой исполнения данного условия. В результате 53,1 % условно осужденных в июне 1943 г. вернулись на предприятия, что было признано в докладных записках положительной практикой в деле сохранения кадров предприятий, которая могла быть использована в дальнейшем¹⁹.

Карательная практика во втором полугодии 1943 года. В июле 1943 г. рост числа дел, связанных с нарушением указа от 26 декабря 1941 г., продолжился. Всего по оборонной и текстильной промышленности было рассмотрено 571 дело. Из них по текстильной промышленности – 393, из которых заочно – 269 дел. По крупным предприятиям эта статистика выглядела следующим образом (табл. 10, 11):

В целях оказания профилактического воздействия на рабочих предприятий было проведено 12 открытых процессов, на которых было рассмотрено 12 дел. В целом они оказали положительное воздействие на трудовых дезертиров. Так, на Яковлевском льнокомбинате из дезертировавших с него 28 работников возвратились обратно 23 человека. Среди причин, способствовавших дезертирству, были названы: недостаточность питания, неблагоустроенность жилищных условий, а также длительность оформления дел, что формировало представление о безнаказанности совершаемых действий.

В августе 1943 г. в производстве военного трибунала находилось 911 дел, что оказалось чуть выше количества дел за предшествующий месяц. По-прежнему подавляющее большинство материалов (359 и 576 в целом по области) поступило по предприятиям текстильной промышленности. Лидерами по фактам трудового дезертирства были названы Ивановский меланжевый комбинат г. Иванова –

51 дело, фабрика «Красная Талка» – 27 дел и фабрика им. Абельмана в Коврове – 20 дел. Для оказания профилактического воздействия на рабочих были проведены показательные процессы на текстильных предприятиях в Карабанове и Струнине, а также Шуйской объединенной текстильной фабрике, которые в целом оказали положительное воздействие на трудовые коллективы²².

Согласно данным военной прокуратуры за сентябрь 1943 г., общее количество дел, связанных с нарушением указа от 26 декабря 1941 г., по сравнению с августом заметно снизилось (табл. 12). По текстильной промышленности было рассмотрено 275 дел из 474 дел в целом по области.

Как говорилось в докладной записке, снижение количества дел объяснялось значительным улучшением материального положения трудящихся, жилищно-бытовых условий, сокращением мобилизации на трудовые повинности и усилением массово-политической работы по укреплению трудовой дисциплины на текстильных предприятиях. При анализе причин трудового дезертирства установлено, что основной из них стало нежелание трудящихся работать в этой отрасли промышленности. Особенно отчетливо это проявлялось среди рабочих, эвакуированных с территорий, временно занятых немецко-фашистскими захватчиками. Их стремление вернуться в освобожденные местности зачастую служило главной причиной трудового дезертирства (табл. 13).

Из общего числа осужденных мужчины составили 146, а женщины 242 человека. По возрастному составу: до 18 лет – 112, от 18 до 25 лет – 144, от 26 до 40 лет – 85 и свыше 40 лет – 47 человек.

В целях закрепления тенденции на снижение дел по трудовому дезертирству военный трибунал провел 10 открытых процессов на предприятиях, которыми были охвачены 2 750 работников²⁵.

Таблица 12

Сведения о трудовом дезертирстве по крупным текстильным предприятиям²³

П/п	Наименование предприятий	Август	Сентябрь
1	Меланжевый комбинат	51	9
2	Фабрика им. Балашова	12	12
3	Фурмановская фабрика № 1	11	9
4	Фабрика им. рабочего Ф. Зиновьева	10	4

Примечание. И в данном случае можно утверждать, что количество случаев трудового дезертирства во многом могло зависеть от количества рабочих и служащих на указанных предприятиях.

Таблица 13

Общая карательная практика по оборонным и текстильным предприятиям области в сентябре 1943 года²⁴

Всего осуждено	На 5 лет	На 6 лет	На 7 лет	На 8 лет	Условно
388	196	97	33	15	47

Примечание. Условное наказание было применено к 12,1 % осужденных с обязательствами возврата на предприятие.

Таблица 14

Сведения о трудовом дезертирстве по крупным текстильным предприятиям²⁶

П/п	Наименование предприятий	Сентябрь	Октябрь
1	Меланжевый комбинат	9	7
2	Фабрика им. Балашова	12	8
3	Фурмановская фабрика № 1	9	3
4	Фабрика им. рабочего Ф. Зиновьева	4	1

Примечание. Сведения, приведенные в таблице, свидетельствуют о снижении случаев трудового дезертирства на крупных текстильных предприятиях.

Таблица 15

Общая карательная практика по оборонным и текстильным предприятиям области в сентябре 1943 года²⁷

Всего осуждено	На 5 лет	На 6 лет	На 7 лет	На 8 лет	Условно
291	177	65	16	6	27

Примечание. На основании представленных данных можно говорить о снижении числа осужденных по сравнению с августом и дальнейшем использовании военными трибуналами условной меры наказания.

В октябре 1943 г. продолжилось снижение общего количества дел, поступивших в военные трибуналы по фактам трудового дезертирства. Всего в этот период поступило 336 дел, из которых 234 дела – по предприятиям текстильной промышленности (табл. 14, 15).

Из 291 осужденного мужчины составили 113, а женщины – 178 человек. Из них до 18 лет – 103, от 18 до 25 лет – 85, от 25 до 40 лет – 82 и свыше 40 лет – 18 человек.

В ноябре 1943 г. общее количество дел, поступивших в военный трибунал на трудовых дезертиров, вновь снизилось. Всего было рассмотрено 257 материалов, из них с предприятий текстильной промышленности – 136 дел. По профессиям они распределялись в следующем порядке: помастера – 12, ткачи – 38, ватерщицы – 17, чесальщицы – 8, банкаброшницы – 20, зарядчицы – 6, заправщики – 4 и прочие – 13 человек. В течение месяца было проведено 9 открытых процессов на предприятиях области²⁸.

Отдельного внимания заслуживает практика розыска по делам осужденных заочно. Он осуществлялся органами милиции. Всего с января по октябрь 1943 г. ими было осуществлено задержание 642 рабочих, осужденных заочно. Однако значительное количество дел, представленных органами милиции в военный трибунал, было возвращено обратно по следующим причинам: за призывом осужденных в ряды Красной армии – 52 человека, за возвратом их на предприятие – 40 и по многодетности осужденных – на 14 человек. Всего по этим, а также другим причинам в военные трибуналы были возвращены без исполнения материалы на 106 человек²⁹.

Таким образом, в связи с принятием указа Президиума ВС СССР от 11 октября 1942 г. на текстильных предприятиях Ивановской области стала фор-

мироваться практика работы военных трибуналов по делам, связанным с трудовым дезертирством. При этом ее следует рассматривать не как тотальное наказание за любые нарушения трудовой дисциплины, а как форму борьбы с дезорганизаторами производства, оказывавшими негативное влияние на рабочих предприятий. По сравнению с аналогичными делами по оборонным и другим предприятиям региона она имела свои результаты и специфику, а также динамику. Если до августа 1943 г. шел процесс роста числа осужденных за трудовое дезертирство, то начиная с сентября началось заметное снижение дел на лиц, рассмотренных трибуналами по этой категории. Причинами тому, по утверждению надзирающих органов, стали улучшение материального положения рабочих и социально-бытовых условий, а также усиление воспитательной работы в трудовых коллективах. Другой особенностью стало увеличение числа дел, по которым трудовые дезертиры осуждались условно с обязательством возврата на предприятие. Среди причин дезертирства, кроме уже названных, во второй половине 1943 г. появилась еще одна: желание, прежде всего со стороны ранее эвакуированных рабочих, вернуться в родные места, освобожденные от немецко-фашистских оккупантов. Несомненно, такое стремление было вполне объяснимо, но война еще продолжалась, и на производстве была на учете каждая пара рабочих рук.

Примечания

¹ Известия. 1940. 27 июня.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327. Оп. 7. Д. 382. Л. 19–20.

³ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 43.

⁴ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 43.

⁵ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 10–11.

- ⁶ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 14.
⁷ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 19.
⁸ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 2.
⁹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 4 об.
¹⁰ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 4.
¹¹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 281. Л. 37.
¹² ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 38.
¹³ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 38.
¹⁴ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 38.
¹⁵ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 39.
¹⁶ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 39.
¹⁷ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 39.
¹⁸ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 39.
¹⁹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 98–100 об.
²⁰ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 116.
²¹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 117–117 об.
²² ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 88–91.
²³ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 122.
²⁴ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 123.
²⁵ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 122 об.
²⁶ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 139.
²⁷ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 140.
²⁸ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 170–171.
²⁹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821. Л. 159.

Список литературы

Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Околотин В.С., Гаврилов А.Ю. Деятельность Народного комиссариата текстильной промышленности СССР в 1939–1942 гг. (по материалам Московской и Ивановской областей). Москва: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2023. 400 с.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1: 22 июня – 31 декабря 1941 года. 2-е изд., испр. и доп. Иваново: А-Гриф, 2017. 344 с.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2: 1 января – 31 декабря 1942 года. Иваново: А-Гриф, 2019. 624 с.

Сафолов Д.С., Околотин В.С. Меры советского государства по укреплению трудовой дисциплины и их реализация на текстильных предприятиях Ивановской области (1939–1942 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 7–14.

Сорокин А.К. В штабах Победы. Очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Москва: Политическая энциклопедия, 2022. 239 с.

References

Belgorodskij V.S., Dembiczkij S.G., Okolotin V.S., Gavrilov A.Yu. *Deyatel'nost' Narodnogo komissariata tekstil'noj promy'shlennosti SSSR v 1939–1942 gg. (po materialam Moskovskoj i Ivanovskoj oblasti)* [The activity of the People's Commissariat of the Textile Industry of the USSR in 1939–1942 (based on the materials of the Moscow and Ivanovo regions)]. Moscow, Kosygin Russian State University Publ., 2023, 400 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaya oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny`. Kn. 1: 22 iyunya – 31 dekabrya 1941 goda* [Ivanovo region during the Great Patriotic War. Vol. 1: June 22 – December 31, 1941], 2nd ed. Ivanovo, A-Grif Publ., 2017, 344 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaâ oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Kniga 2: 1 ânvarâ – 31 dekabrá 1942 goda* [Ivanovo oblast during the great Patriotic war. Vol. 2: January 1 – December 31, 1942]. Ivanovo, A-Grif Publ., 2019, 624 p. (In Russ.)

Safonov D.S., Okolotin V.S. *Mery sovetskogo gosudarstva po ukrepleniyu trudovoj discipliny i ih realizaciya na tekstil'nyh predpriyatiyah Ivanovskoj oblasti (1939–1942 gg.)* [Measures of the Soviet state to strengthen labor discipline and their implementation at textile enterprises of the Ivanovo region (1939–1942)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, no. 1, pp. 7–14. (In Russ.)

Sorokin A.K. *V shtabax Pobedy`. Ocherki istorii gosudarstvennogo upravleniya v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 gg.* [In the Victory headquarters. Essays on the history of public administration in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, Politicheskaya e`nciklopediya Publ., 2022, 239 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 12.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 12.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

ДЕНАЦИФИКАЦИИ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА В ОККУПИРОВАННОЙ ГЕРМАНИИ 1945–1949 ГГ.

Петелин Борис Валентинович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, pbwtscherepowez@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-5932>

Аннотация. Политика денацификации, проводимая победителями в оккупированной Германии, о которой идет речь в статье, нашла свое отражение в опубликованных источниках, исследованиях, воспоминаниях. Однако большая часть их касается практических мер, направленных на ликвидацию нацистского режима, прежде всего выявление и наказание военных преступников. Намного сложнее было с идеологией национал-социализма, которая глубоко проникла в немецкое общество. Проблема состояла еще и в том, что изначально отсутствовало понимание ее содержания и роли в формировании тоталитарного режима. Война показала, какую реальную угрозу для человечества представляют идеи и замыслы германского фашизма, стремящегося к мировому господству. В оккупационный период союзникам пришлось перестраивать систему образования, воспитания, культуру, социальные отношения, общественную жизнь немцев. Неоднозначность подходов, что имело место в политике всех оккупационных властей в Германии, тем не менее позволило решить главные задачи денацификации. Однако на этом процесс «преодоления тоталитарного прошлого» не завершился и имел свое продолжение в германской истории второй половины XX века.

Ключевые слова: денацификация, идеология национал-социализма, военный плен, немецкая молодежь, советская оккупационная зона, преодоление тоталитарного прошлого

Для цитирования: Петелин Б.В. Денацификации идеологии национал-социализма в оккупированной Германии 1945–1949 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 196–204. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-196-204>

Research Article

DENAZIFICATION OF THE IDEOLOGY OF NATIONAL SOCIALISM IN OCCUPIED GERMANY 1945–1949

Boris V. Petelin, Doctor of Historical Sciences, Cherepovets State University, Cherepovets, Vologda Region, Russia, pbwtscherepowez@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-5932>

Abstract. The policy of denazification pursued by the victors in occupied Germany, which is discussed in the article, is reflected in published sources, research, and memoirs. However, most of them concern practical measures aimed at eliminating the Nazi regime, primarily the identification and punishment of war criminals. It was much more difficult with the ideology of Nazism, which had penetrated deeply into German society. The problem was also the initial lack of understanding of its content and role in the formation of a totalitarian regime. The war had showed what a real threat to humanity the ideas and designs of German fascism, striving for world domination, posed. During the occupation period, the Allies had to rebuild the education system, upbringing, culture, social relations, and social life of the Germans. The ambiguity of approaches, which took place in the policy of all the occupation authorities in Germany, nevertheless showed us that the main tasks of denazification were indeed solved. However, the process of “overcoming the totalitarian past” did not end there and had its continuation in the German history of the second half of the 20th century.

Keywords: denazification, Nazi ideology, prisoners of war, German youth, Soviet occupation zone, overcoming totalitarian past.

For citation: Petelin B.V. Denazification of the ideology of National Socialism in occupied Germany 1945–1949. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 196–204 (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-196-204>

В Большой российской энциклопедии «денацификация» названа как «мероприятия по очищению гос., обществ.-политич., экономич. и культурной жизни Германии и Австрии от наследия нацистского режима, выявлению и наказанию нацистских преступников и активных национал-социалистов»¹. О необходимости ее проведения говорили руководители СССР, США и Великобритании на встречах «Большой тройки». На Потсдамской конференции участники решили: «Уничтожить национал-социалистическую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность и пропаганду»².

Предстояло самое трудное – искоренить идеологию нацизма. Закрыть, запретить, распустить, осудить и наказать – меры вполне выполнимые. В отношении идеологии подобная задача ставилась впервые. Советский историк А.С. Бланк писал, что «изучение источников, характерных черт, особенностей, составных частей нацистской идеологии является необходимым и важным звеном в изучении фашизма в целом». Он решительно возражал тем, кто считал, что фашистской идеологии как таковой вообще не существовало [Бланк: 9]. Есть ли у А.С. Бланка конкретное определение нацистской идеологии, кроме выявления ее сущностных черт и идейных связей с реакционными учениями и теориями? Такого «определения» в его работах нет. Согласимся с суждением российского исследователя Л.М. Макаровой, что «понятие идеологии в трудах историков чаще всего фиксируется на интуитивном уровне и обозначает просто совокупность идей, между которыми, однако же, существует некая неопределенная связь, позволяющая рассматривать их как целостность» [Макарова: 29].

Советские историки не сразу обратились к идеологии национал-социализма. Приход Гитлера к власти и установление национал-социалистической диктатуры не привели к изоляции Германии. С ней сохраняли отношения все известные государства. В Германию ехали туристы, восторгаясь чистотой и порядком, при Гитлере были проведены зимние и летние Олимпийские игры в 1936 г. Преследование коммунистов, евреев и других неугодных нацистскому режиму воспринималось как внутреннее дело и не вызвало особой озабоченности в Европе и Америке. Даже начавшаяся 1 сентября 1939 г. война объяснялась в привычных геополитических рамках, но отнюдь не идеологических [Тыщевский: 697–699].

Профессор Ю.В. Галактионов отмечал, что марксистская концепция главным проявлением фашизма считала «антикоммунизм [Галактионов: 6]. Антикоммунизм был свойственен большинству партий, поэтому это мало что добавляло в понимание при-

роды германского фашизма – национал-социализма и его идеологической основы. В работах отечественных и зарубежных марксистов преобладало мнение о скором крахе гитлеровской диктатуры, ибо у «империалистов ненадежен тыл... фашистские агрессоры имеют в своем тылу возмущение народных масс» [Галактионов: 109–110]. Действительность была иной. Свои главные преступления Гитлер совершит в годы Второй мировой войны, а «в середине 1930-х годов он без всяких натяжек превратился в подлинного национального героя, увлекшего за собой весь немецкий народ» [Тыщевский: 712].

В 1936 г. в СССР был издан сборник «Против фашистского мракобесия и идеологии», где была опубликована статья академика А.М. Деборина «Идеология фашизма» [Деборин]. Естественно, автор не расходился с коминтерновской оценкой фашизма: «Идеология фашизма есть прикрытие и оправдание террористической диктатуры наиболее хищных, империалистических элементов буржуазии методами национальной и социальной демагогии» [Деборин: 50–51]. Для большей убедительности он ссылаясь на Георгия Димитрова, который упрекал коммунистические партии в «пренебрежительном отношении к вопросам борьбы с фашистской идеологией». Когда «многие товарищи, – говорил Димитров, – не верили, что столь реакционная разновидность буржуазной идеологии, как идеология фашизма, доходящая в своей нелепости зачастую до сумасбродства, вообще способна завоевать массовое влияние. Это была большая ошибка» [Деборин: 51].

При отсутствии однозначного определения нацистской идеологии А.М. Деборин показал и обосновал ее основные части: антикоммунизм, расизм, национализм, шовинизм, антисемитизм, этатизм... Им было указано на наличие иррациональной составляющей идеологии национал-социализма: «Классовый смысл фашистского иррационализма сводится к стремлению набросить непроницаемое для разума покрывало на реальную действительность, которое должно скрыть сущность совершающихся событий в объективном мире». Суждения академика об оккультных корнях нацизма выглядели достаточно смелыми. Вряд ли он принимал их за пустые «феодалские погрешности», если писал, что «идеологи фашизма сами признают, что для них дело не в научном понятии расы и нации», а в мифе нации и расы. «Миросозерцание фашизма, – писал он, – есть не что иное, как кровавая идеология войны с собственным народом под маской единства нации и войны за колонии под прикрытием идеи расы, нации, чести, свободы и судьбы» [Деборин: 89–90].

Статья А.М. Деборина, как и сборник в целом, не повлияли на политику советского руководства. В 1939 г., после подписания Договора о ненападении

между Германией и СССР, Сталин заявил, что нелепо и жестоко истреблять людей из-за того, что кому-то не нравятся определенные взгляды и мировоззрение, что это похоже на средневековье... Огнем и мечом нельзя уничтожить никакой идеологии... Можно уважать или ненавидеть гитлеризм... это дело вкуса. Но затевать войну из-за «уничтожения гитлеризма» – значит допускать в политике преступную глупость»³.

«Странную войну» на Западе 1939–1940 гг. вряд ли стоит считать «войной идеологий». Многие из того, что оказалось в нацистской пропаганде, было известно не только в теории, но и на практике. «Требование расовой чистоты, сохранения изначальной расы и т. д. были буквально навязчивой идеей евгенического движения во всех странах Запады», особенно в США. В Германии эти идеи получили «развитие» еще в XIX веке – «евгеника» была заменена «расовой гигиеной», но практическая реализация началась при нацистах, взявших на вооружение богатый опыт американских единомышленников [Жуков: 60–61].

Насколько «расистская идеология» вошла в повседневную жизнь многих поколений немцев, можно судить по изданию с 1853 г. журнала «Die Gartenlaube» («Садовая беседка»). Изначально журнал был исключительно для «семейного чтения», привлекая своим оформлением и содержанием. Однако уже с 1913 г., как пишет Фатима Фидарова, «можно указать на механизм сильной идеологизации журнала и обоснование им необходимости войны» [Фидарова: 8]. Журнал буквально призывал народ к войне, ибо «нордическая раса» призвана «воевать». Поражение Германии лишь усилило идеологическую направленность журнала, редакция которого без колебаний стала поддерживать национал-социалистов. Пока они были в «резерве», «Гартенлаубе» восторгался Муссолини, печатая его «восхитительные» портреты. Затем пришла очередь Гитлера: «Третий рейх чувствует короля Генриха I основателя первого рейха... великого создателя немецкого рейха, чье человеческое и политическое наследие спустя 1 000 лет принял на себя Гитлер» [Фидарова: 83].

С падением Германии на СССР война приобрела иной характер. Противоборство двух систем означало и противоборство идеологий – «идеологический фронт стал одним из главных фронтов Великой Отечественной войны»⁴, поэтому денацификация стала частью борьбы СССР с национал-социализмом. Формировалась разветвленная система политической пропаганды, куда вошли практически все организации, имевшие к ней отношение. С началом войны пришлось организовывать политико-воспитательную работу с немецкими военнопленными. Ее эффективность была невысокой⁵ – военнопленные продолжали верить в непобедимость гитлеровской Германии, несмотря на поражение вермахта под Москвой. Пода-

вляющая часть солдат воспринимала поход на Восток как «туристическую прогулку», о чем писали в своих письмах в «фатерланд», сетуя на то, что понадобится много лет, чтобы навести здесь «немецкую чистоту» [Вашкау].

Среди немецких военнопленных встречались те, кто самостоятельно приходил к пониманию неизбежного краха Третьего рейха и пагубности нацистской пропаганды⁶. Но таких было немного. Декларирование того, что немцы – арийская раса – призваны господствовать над остальными для их же блага, подкреплялось не только геббельсовской пропагандой, но и социальной политикой. Она, как пишет Норберт Фрай, не была «исключительно реакционной или риторической и не служила всего лишь точно рассчитанным средством тоталитарных манипуляций». Более того, в дальнейшем «она претворилась в содержательную и отчасти даже прогрессивную социальную политику» [Фрай: 83].

В опубликованных исследованиях, документах, воспоминаниях много написано о лагере военнопленных № 27 в Красногорске, где была развернута образцовая антифашистская пропаганда среди офицерского состава военнопленных. По данным российского исследователя В.Н. Всеволодова, за восемь лет существования лагеря (с 1942 по 1950 г.) через него прошли около 50 тысяч человек, то есть около 1,1 % от общего количества всех военнопленных и интернированных, находящихся в СССР, в том числе 530 генералов, 7 228 офицеров и 48 043 унтер-офицера и рядовых различных национальностей [Всеволодов].

В сентябре 1993 г. в Красногорске состоялась научная конференция с участием российских и немецких исследователей, посвященная 50-летию НКСГ. Среди участников был Генрих фон Айнзидель, бывший немецкий военнопленный лагеря № 27, докладом которого открывалась эта конференция. Выступавшие сходились в одном: работа советских пропагандистов не была бесполезным делом. Однако, по словам директора Музея немецких антифашистов полковника А.А. Крупеникова, главным побудительным мотивом к развитию антифашизма в лагерях военнопленных были «восстания совести» и потеря веры в фюрера, утрата уверенности в победе из-за поражений вермахта, а не воздействие политических структур, какими бы мощными они тогда ни были⁷.

Этот вывод подтверждает в своих воспоминаниях Ханс Модров, последний глава коммунистического правительства ГДР, оказавшийся в советском плену в мае 1945 г. на территории Германии, что воспринималось им тогда как «постыдный факт» [Модров]. Пропагандистская обработка антифашистами, как он написал, не вызвала какого-то перелома, более значимы были собственные размышления... Но эти «размышления» пришли не сами собой, а под

влиянием настойчивой и кропотливой работы тех же антифашистов. В марте 1946 г. Ханс оказался под Москвой, затем стал слушателем в антифашистской школе в Рязани, где не просто вели пропаганду, а готовили кадры для новой Германии [Модров: 37]. Этот выбор оказался решающим, определив всю его дальнейшую жизнь в служении народу ГДР.

С приближением окончания войны в Европе понимание в необходимости проведения денацификации не вызывало сомнений. Американцы, вступившие осенью 1944 г. на территорию Германии, оказались к ней практически не готовы. Кого следовало считать номинальным нацистом? Как поступать с теми, кто был вынужден присоединиться к нацистской партии, чтобы сохранить работу и средства к существованию? Как заставить немцев изменить свои взгляды, сознание, пораженное нацистской идеологией, и каким образом определить, что это изменение произошло? Вопросов и проблем было много, но и затягивать с их решением было нельзя [Жаронкина: 63–67].

Советские власти были озабочены теми же проблемами. Среди опубликованных документов есть записка Георгия Димитрова и А.С. Панюшкина (март 1945 г.) к Молотову и Маленкову об организации и содержании политической пропаганды на территории Германии с участием немецких коммунистов и других немцев-антифашистов⁸. Для восстановления чести германского народа, как говорилось в записке, необходимо признание ответственности за преступление фашизма, морально-политическое перевоспитание в демократическом прогрессивном духе, отказ от шовинистического «расового» чванства, последовательное разоблачение лживости и реакционности фашистской идеологии, и только решительный разрыв с позорным наследием прошлого откроет новую страницу в истории Германии⁹.

Опубликованные документы, а также другие материалы по проведению денацификации в оккупационных зонах позволяют выявить ее содержание и результаты. Ликвидировалось и запрещалось все, что можно было ликвидировать и запретить, но как изменить самосознание немцев? Следовало кардинально менять обучение и воспитание молодежи. В Восточной Германии 72 % всех учителей были членами нацистской партии. В Тюрингии этот показатель был еще выше: 90 % от числа всех преподавателей школ. Аналогичной была ситуация в западных зонах [Тимофеева: 13]. По мнению Яна Фойтцига, в СОЗ наблюдалась явная «депрофессионализация», когда место учителя в школе занимали исключительно коммунисты. К 1 мая 1949 г. «новые учителя» составляли 70–80 % от общего числа преподавателей школ, 47,6 % из них состояли в СЕПГ¹⁰. Вероятнее всего, «новые учителя» не были мастерами школьного дела, но применительно к денацификации они оказались на своем ме-

сте. Что касается Западной Германии, то сошлемся на высказывание немецкого политолога Курта Зонтхаймена: «...Многие нацисты после 1949 г. снова смогли подвизаться на западе Германии в качестве чиновников, судей или университетских профессоров и школьных учителей» [Зонтхаймер: 23].

Битва за послевоенную немецкую молодежь предстояла быть долгой и упорной. Нацистская пропаганда внедряла в сознание молодежи героические, патристические идеи войны, «фронтového братства», идею исторической миссии Германии, умалчивая о преступлениях нацистов. «Молодое поколение третьего рейха росло сильным и здоровым, исполненным веры в будущее своей страны и в самих себя, в дружбу и товарищество, способным сокрушить все классовые, экономические и социальные барьеры», – писал американский журналист Уильям Ширер, очевидец тех событий с 1934 г. [Ширер: 295]. В советской оккупационной зоне принимаемые меры были направлены на приобщение молодежи к социальным преобразованиям, перспективам новой жизни, которая начиналась на их глазах. В марте 1946 г. был создан Союз свободной немецкой молодежи в расчете на то, что организация станет общегерманской, какой она так и не стала. В 1946 г. в ССНМ состояло не менее 500 тыс. членов (18,8 % всей молодежи соответствующего возраста) [Болдырев: 9]. Как отмечает Клаус Шредер, автор фундаментального труда по истории политического режима ГДР, специальным решением руководства СЕПГ с октября 1948 г. ССНМ становится «резервом компартии» и «проводником ее политики среди молодежи» [Schroeder: 46]. Аналогичные процессы шли в Западной Германии, где молодежные организации становились «проводниками политики» ХДС/ХСС, СДПГ, СвДП.

Если в СОЗ нацистская идеология замещалась коммунистической советского образца, то в западных зонах шел процесс привития новых ценностей в общественной, духовной и материальной культуре и жизни. Немецкая молодежь не лишалась спорта, досуга, самоуправления, но исключалась всякая политизация. Массово распространялась литература, газеты, фильмы из США, американский футбол, баскетбол, причем вся экипировка предоставлялась бесплатно. Все расходы шли в счет долга будущего германского государства [Дацишина]. Так как в будущем воспитанием немецкой молодежи должны заниматься сами немцы, то в США направлялись на стажировку тысячи молодых учителей. В английской и французской зонах все было скромнее, но работа велась в том же направлении с прицелом на будущее европейское объединение [Дацишина: 110].

Оккупационные власти западных зон не ограничивались только развлекательными мероприятиями. Немцы обязаны были смотреть фильмы о престу-

плених нацистов, их водили по концентрационным лагерям, привлекали к перезахоронению жертв Холокоста. Как и в СОЗ, все это было направлено на то, чтобы «разоблачать лживость и реакционность фашистской идеологии, добиваться решительного разрыва с позорным наследием прошлого, который откроет новую страницу в истории Германии...»¹¹.

Решительные перемены предстояло осуществить в сфере культуры. Немецкая интеллигенция медленно и постепенно освобождалась от «апатии, замкнутости, настороженности и выжидания» [Семиряга: 216]. В центре советской политики оказались писатели – «инженеры человеческих душ». 4 июля 1945 г. по инициативе СВАГ был основан «Культурбунд», а также учрежден журнал «Ауфбау» и еженедельная газета «Зонтаг»¹². Председателя «Культурбунда» Иоганнеса Бехера в СВАГ обвиняли в «предательстве» и «буржуазности»¹³, видимо из-за его беспокойства о судьбе Германии, что, впрочем, не помешало ему стать в 1953 г. лауреатом Сталинской премии, а позже возглавить Министерство культуры ГДР.

В западных оккупационных зонах писателей также ограничивали в творчестве. Созданная в Мюнхене в 1947 г. молодыми литераторами «Группа 47», куда позже войдут Генрих Белль и Гюнтер Грасс, постоянно преследовалась американскими оккупационными властями. Ее спасало то, что «Группа 47» не имела обязательного членства, жесткой структуры, участники собирались на свои встречи дважды в год, на которых обсуждали не только книги, но и актуальные политические темы.

О том, как нелегко было освободиться от нацистской идеологии, свидетельствуют судьба и творчество Гюнтера Грасса. В 17 лет он был призван в танковую дивизию СС и был горд тем, что попал в элитные войска. Воевал недолго, попал в плен к американцам, где и началось переосмысление всего того, что случилось с Германией. Грасс стал известным писателем, лауреатом Нобелевской премии по литературе (1999 г.). Он, как пишет И.В. Млечина, «был одним из первых немецкоязычных писателей, открыто говоривших о нацизме, о вине немцев, в том числе и индивидуальной вине и ответственности, и об осмыслении этой вины вместо «попыток поверхностного вытеснения прошлого» [Млечина: 27]. Однако о своей службе в СС Грасс рассказал лишь в 2006 г., что вызвало нешуточный скандал: раздавались даже призывы лишить его Нобелевской премии. Как видим, даже у знаменитого писателя преодоление прошлого заняло чуть ли не всю жизнь.

Действенным средством «перевоспитания» становился кинематограф. В западных зонах и Западном Берлине наблюдалось явное доминирование американской кинопродукции. На протяжении всех 50-х гг. в прокате ФРГ находилось от 350 до 380 иностран-

ных лент [Патрушев: 624]. В Восточной Германии в Бабельсберге заработала киностудия «Дефа», которая станет главной государственной киностудией ГДР. В снятых картинах «Брак и тени» (1947), «Дело Блюма» (1948) и других «обличалась бесчеловечная расистская политика правителей гитлеровского рейха» [Нефедов: 42]. В крупных немецких городах и Восточном Берлине демонстрировались советские фильмы в соотношении: 30 % немецких и 70 % советских фильмов. Трудно было ожидать, что фильм «Падение Берлина» в самом Берлине будет иметь кассовый успех, как и другая советская картина – о Сталинградской битве. Историк Ларс Карл отметил, что не только «немецкая молодежь воспринимала советские фильмы о войне в послевоенное время с непониманием», но и немецкие интеллектуалы со своим антифашистским мировоззрением скептически относились к советским фильмам, так как находили в них параллели с известными тоталитарными режими [Карл: 142–144].

С конца 1947 г. в оккупационных зонах становится более заметным отход от денацификации. Разумеется, преследование и наказание военных преступников никто не отменял, но отношение к бывшим членам НСДАП становилось иным. Сталин на встрече с руководством СЕПГ 31 января 1947 г. предложил создать в Восточной Германии партию, членами которой могли стать бывшие фашисты, но которая была бы в блоке с СЕПГ¹⁴. Немецкие коммунисты к такому повороту не были готовы, но установку Сталина пришлось принять, и в 1948 г. появилась Национально-демократическая партия Германии. В СВАГ ей даже разрешили использовать лозунг «Против марксизма – за демократию».

Так как оккупационный период подходил к своему завершению, а раскол Германии становился неизбежным, то надобность в совместных и скоординированных действиях у союзников исчезла. Приказом СВАГ № 35 от 26 февраля 1948 г. все учрежденные комиссии по денацификации распускались, потому что в СОЗ «создана прочная основа антифашистского демократического порядка»¹⁵. Аналогичным образом поступили военные администрации в Западной Германии.

Официальное завершение денацификации не означало, что идеология нацизма полностью предана забвению. С созданием ФРГ и ГДР «преодоление тоталитарного прошлого» растянулось на десятилетия [Борозняк]. Да, это другая история, но насколько смогли немцы извлечь уроки из минувшей? Или, как пишет политолог Хельмут Кениг, «хотя национал-социалистической идеологии как внутренне единой системы мыслей больше не существует... но многочисленные отдельные элементы фашистского мышления, вырванные из контекста и потому вдвойне ирраци-

ональные, еще присутствуют» [Кениг: 86]. Современная Германия отказалась от поиска собственных альтернатив, занявшись развитием европейской интеграции, но существующий мир настолько нестабилен, что возвращение в прошлое вовсе не исключено.

Примечания

¹ Большая Российская энциклопедия. Т. 8: Григорьев – Динамика. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 524.

² Тегеран. Ялта. Потсдам: сборник документов. 3-е изд. Москва: Международные отношения, 1971. С. 388.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1123. Л. 32–37. Машинописный подлинник. ПРАВКА Сталина – автограф: [опубл.: Известия. 1939. № 234. 9 окт.] // Архив Александра Н. Яковлева. URL: alexanderyakovlev.org. (дата обращения: 13.03.2024).

⁴ Трагедия плена: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ/СНО и начало репатриации военнопленных» (Москва – Красногорск, 31 окт. – 2 нояб. 1995 г.). Красногорск, 1996. С. 145.

⁵ По отзывам военнопленных: «Пропаганда, которую ведут русские среди немцев-военнопленных, по форме слишком топорна» (см.: Бабиченко Л.Г. Антифашистские школы и курсы немецких военнопленных в СССР – система подготовки актива движения «Свободная Германия», кузница кадров для будущей ГДР // Трагедия плена... С. 59).

⁶ За Германию против Гитлера!: Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров / Мемориальный музей немецких антифашистов. Москва, 1993. С. 42–43.

⁷ НКСГ – 50 лет: сб. материалов российско-германской науч.-практ. конф. Москва; Красногорск, 1993. С. 48.

⁸ Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг.: сб. документов. Москва: АИРО-XXI; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. С. 49–54.

⁹ Там же. С. 51.

¹⁰ Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945–1949: сб. документов. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 66–67.

¹¹ Советская военная администрация в Германии (СВАГ). С. 50–51.

¹² Культурная жизнь Федеративной Республики Германия / пер. А. Семенова. Бонн, 1993. С. 11–12.

¹³ Советская политика в отношении Германии, 1944–1954: документы / сост., отв. ред. Я. Фойтцк. Москва, 2011. С. 336.

¹⁴ СССР и германский вопрос. 1941–1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 3 т. Т. 3. Москва: Международные отношения, 2003. С. 244–264.

¹⁵ Там же. С. 787.

Список литературы

Бабиченко Л.Г. Антифашистские школы и курсы немецких военнопленных в СССР – система подготовки актива движения «Свободная Германия», кузница кадров для будущей ГДР // Трагедия плена: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ/СНО и начало репатриации военнопленных» (Москва – Красногорск, 31 октября – 2 ноября 1995 года). Красногорск, 1996. С. 59–68.

Бланк А.С. Идеология германского фашизма: материалы к спецкурсу «Германский фашизм и западно-германская историография». Ч. 3. Вологда, 1974. 124 с.

Болдырев Р.Ю. Деятельность детских и молодежных организаций в советской оккупационной зоне Германии, 1945–1949 // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 7–16.

Большая Российская энциклопедия: в 35 т. Т. 8: Григорьев – Динамика / гл. ред. Ю.С. Осипов. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2007. 766 с.

Борозняк А.И. Жестокая память: Как Германия преодолевает нацистское прошлое. Москва: Альпина Паблишер, 2023. 470 с.

Вашкау Н.Э. «...Хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат вермахта из сталинградского окружения. Москва: РОССПЭН, 2013. 135 с.

Всеволодов В.А. Срок хранения – постоянно! Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПИ НКВД-МВД СССР № 27. Москва: Московский издательский дом, 2003. 272 с.

Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20–30-х годов. Новое прочтение. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. 172 с.

Дацишина М.В. После Гитлера: битва за молодежь Германии. 1945–1949 гг. // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 6. С. 108–115.

Деборин А.М. Идеология фашизма // Против фашистского мракобесия и демагогии: сб. ст. Москва: Соцэкгиз, 1936. С. 47–112.

Жуков Б. Евгеника: хотели как лучше... // Знание – сила. 2024. № 5. С. 55–64.

За Германию против Гитлера!: Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров / Мемориальный музей немецких антифашистов. Москва, 1993. 512 с.

Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. Москва: Памятники исторической мысли, 1996. 320 с.

Карл Л. «О героях и людях...». Советской кино о войне: взгляд из ГДР. Москва: Памятники исторической мысли, 2008. 248 с.

Кениг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 164 с.

Культурная жизнь Федеративной Республики Германия / пер. А. Семенова. Бонн: Интер Национес, 1993. 257 с.

Макарова Л.М. Идеология нацизма. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. 174 с.

Млечина И.В. Гюнтер Грасс. Москва: Молодая гвардия, 2015. 319 с. (Сер.: Жизнь замечательных людей).

Модров Х. Я хотел жить в новой Германии. Москва: Международные отношения, 2000. 440 с.

Нефедов В.В. СЕПГ и культура ГДР. Москва: Научно-политическая книга, 2019. 559 с.

НКСГ – 50 лет: сб. материалов российско-германской науч.-практ. конф. (Москва – Красногорск, 7–9 сентября 1993 г.). Красногорск, 1994. 186 с.

Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. Москва, 2007. 704 с.

Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945–1949: сб. документов. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 976 с.

Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. 400 с.

Советская военная администрация в Германии, 1945–1949. Взгляд через десятилетия: материалы IV Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Липецк, 25–26 апреля 2024 г. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. 135 с.

Советская политика в отношении Германии, 1944–1954: документы / сост., отв. ред. Я. Фойтцик. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011. 751 с.

Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг.: сб. документов. Москва: АИРО-XXI; Санкт-Петербург: Дмитрий Буладин, 2006. 352 с.

СССР и германский вопрос. 1941–1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 3 т. Т. 3. Москва: Международные отношения, 2003. 856 с.

Тегеран. Ялта. Потсдам: сб. документов. 3-е изд. Москва: Международные отношения, 1971. 416 с.

Тимофеева Н.П. Немецкая интеллигенция и политика реформ: Система образования в Восточной Германии 1945–1949 гг. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 157 с.

Трагедия плена: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ/СНО и начало репатриации военнопленных» (Москва – Красногорск, 31 октября – 2 ноября 1995 года). Красногорск, 1996. 200 с.

Тышцецкий И.Т. Происхождение Второй мировой войны. Москва: Международные отношения, 2020. 864 с.

Фидарова Ф.К. Германия: от «культурного национализма» к национал-социализму. Москва: Политическая энциклопедия, 2016. 127 с.

Фрай Н. Государство фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 255 с.

Шупер У. Взлет и падение третьего рейха: в 2 т. Т. 1. Москва: Воениздат, 1991. 653 с.

Schroeder K. Der SED-Staat. Geschichte und Strukturen der DDR. München, 1998, 781 S.

References

Babichenko L.G. *Antifashistskie shkoly` i kursy` nemeckix voennoplenny`x v SSSR – sistema podgotovki aktiva dvizheniya «Svobodnaya Germaniya», kuznitsa kadrov dlya budushhej GDR* [Anti-fascist schools and courses for German prisoners of war in the USSR – a system for training the activists of the Free Germany movement, a forge of personnel for the future GDR]. *Tragediya plena: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Okonchanie vojny`, zavershenie deyatel`nosti NKSG/SNO i nachalo repatriacii voennoplenny`x» (Moskva – Krasnogorsk, 31 oktyabrya – 2 noyabrya 1995 goda)* [The tragedy of captivity: collection of materials from the International scientific and practical conference “The end of the war, the end of the activities of the NKSG/SNO and the beginning of the repatriation of prisoners of war” (Moscow – Krasnogorsk, October 31 – November 2, 1995)]. Krasnogorsk, 1996, pp. 59–68. (In Russ.)

Blank A.S. *Ideologiya germanskogo fashizma: materialy` k speczkursu «Germanskij fashizm i zapadnogermanskaya istoriografiya», ch. 3* [The ideology of German fascism: materials for the special course “German fascism and West German historiography”, part 3]. *Vologda*, 1974, 124 p. (In Russ.)

Boldy`rev R.Yu. *Deyatel`nost` detskix i molodezhny`x organizacij v sovetskoj okkupacionnoj zone Germanii, 1945–1949* [Activities of children's and youth organizations in the Soviet occupation zone of Germany, 1945–1949]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarny`e i social`ny`e nauki* [Bulletin of the Pomor University. Ser.: Humanities and Social Sciences], 2010, no. 2, pp. 7–16. (In Russ.)

Bol`shaya Rossijskaya e`nciklopediya. T. 8: Grigor`ev – Dinamika [The Great Russian Encyclope-

dia. Vol. 8: Grigoriev – Dynamics]. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya Publ., 2007, 766 p. (In Russ.)

Boroznyak A.I. *Zhestokaya pamyat': Kak Germaniya preodolevaet nacistskoe proshloe* [Cruel Memory: How Germany is Overcoming its Nazi Past]. Moscow, Al'pina Publ., 2023, 470 p. (In Russ.)

Dacishina M.V. *Posle Gitlera: bitva za molodezh' Germanii, 1945–1949 gg.* [After Hitler: the battle for the youth of Germany, 1945–1949]. *Alma mater (Vestnik vy'sshej shkoly')* [Alma mater (Bulletin of the Higher School)], 2018, no. 6, pp. 108-115. (In Russ.)

Deborin A.M. *Ideologiya fashizma* [Ideology of fascism]. *Protiv fashistskogo mrakobesiya i demagogii: sbornik statej* [Against fascist obscurantism and demagoguery: A collection of articles]. Moscow, Socze'kgiz Publ., 1936, pp. 47-112. (In Russ.)

Fidarova F.K. *Germaniya: ot «kul'turnogo nacionalizma» k nacional-socializmu* [Germany: From “Cultural Nationalism” to National Socialism]. Moscow, Politicheskaya e'nciklopediya Publ., 2016, 127 p. (In Russ.)

Fraj N. *Gosudarstvo fyurera: Nacional-socialisty' u vlasti: Germaniya, 1933–1945* [The Fuehrer's State: National Socialists in Power: Germany, 1933-1945]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N) Publ., 2009, 255 p. (In Russ.)

Galaktionov Yu.V. *Germanskij fashizm v zerkale istoriografii 20-30-x godov. Novoe prochtenie* [German fascism in the mirror of historiography of the 20-30s. A new reading]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1996, 172 p. (In Russ.)

Karl L. *«O geroyax i lyudyax...». Sovetskoy kino o vojne: vzglyad iz GDR* [“About Heroes and People...”. Soviet Cinema about the War: A View from the GDR]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy my'sli Publ., 2008, 248 p. (In Russ.)

Kenig X. *Budushhee proshlogo: Nacional-socializm v politicheskom soznanii FRG* [The Future of the Past: National Socialism in the Political Consciousness of the FRG]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N) Publ., 2012, 164 p. (In Russ.)

Kul'turnaya zhizn' Federativnoj Respubliki Germaniya [Cultural Life of the Federal Republic of Germany], trans. by A. Semenov. Bonn, Inter Naciones Publ., 1993, 257 p. (In Russ.)

Makarova L.M. *Ideologiya nazizma* [The Ideology of Nazism]. Syktyvkar, Syktyvkar State University Publishing House Publ., 2005, 174 p. (In Russ.)

Mlechina I.V. *Gyunter Grass* [Günter Grass]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2015, 319 p. (*Ser.: Zhizn' zamechatel'ny'x lyudej* [Ser.: The Lives of Remarkable People]). (In Russ.)

Modrov X. *Ya xotel zhit' v novoj Germanii* [Wanted to Live in the New Germany]. Moscow, Mezhdunarodny'e otnosheniya Publ., 2000, 440 p. (In Russ.)

Nefedov V.V. *SEPG i kul'tura GDR* [The SED and the Culture of the GDR]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga Publ., 2019, 559 p. (In Russ.)

NKSG – 50 let: sb. materialov rossijsko-germanskoj nauch.-prakt. konf. Moskva – Krasnogorsk, 7–9 sentyabrya 1993 g. [NKSG – 50 years.: collection of materials of the Russian-German scientific and practical conference (Moscow – Krasnogorsk, September 7–9, 1993)]. Krasnogorsk, 1994, 186 p. (In Russ.)

Patrushev A.I. *Germanskaya istoriya: cherez ternii dvux ty'syacheletij* [German history: through the thorns of two millennia]. Moscow, 2007, 704 p. (In Russ.)

Politika SVAG v oblasti kul'tury, nauki i obrazovaniya: celi, metody, rezul'taty, 1945–1949: sbornik dokumentov [Policy of the SED in the field of culture, science and education: goals, methods, results., 1945–1949: collection of documents]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N) Publ., 2006, 976 p. (In Russ.)

Semiryaga M.I. *Kak my' upravlyali Germaniej* [How we governed Germany]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N) Publ., 1995, 400 p. (In Russ.)

Sovetskaya voennaya administraciya v Germanii, 1945–1949. Vzglyad cherez desyatiletija: materialy' IV Vserossijskoj (s mezhdunarodny'm uchastiem) nauchnoj konferencii (Lipeck, 25–26 aprelya 2024 g.) [Soviet military administration in Germany, 1945–1949. A look through the decades: materials of the Fourth All-Russian (with international participation) scientific conference]. Lipeck, LSPU named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky Publ., 2024, 135 s. (In Russ.)

Sovetskaya politika v otnoshenii Germanii, 1944–1954: Dokumenty [Soviet policy towards Germany, 1944–1954: Documents], comp., ed. by J. Foitzik. Moscow, Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya Publ., 2011, 751 p. (In Russ.)

Sovetskaya Voennaya Administraciya v Germanii (SVAG). Upravlenie propagandy (informacii) i S.I. Tyulpanov, 1945–1949 gg.: sbornik dokumentov [Soviet Military Administration in Germany (SMAG). Propaganda (Information) Directorate and S.I. Tyulpanov, 1945–1949: collection of documents]. Moscow, AIRO-XXI Publ.; St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2006, 352 p. (In Russ.)

SSSR i germanskij vopros. 1941–1949: Dokumenty' iz Arhiva vneshnej politiki Rossijskoj Federacii: v 3 t. T. 3 [The USSR and the German Question. 1941–1949: Documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation: in 3 vols., vol. 3]. Moscow, Mezhdunarodny'e otnosheniya Publ., 2003, 856 p. (In Russ.)

Tegeran. Yalta. Potsdam: sb. dokumentov [Tehran. Yalta. Potsdam. Collection of documents]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1971, 416 p. (In Russ.)

Timofeeva N.P. *Nemeczkaya intelligenciya i politika reform: Sistema obrazovaniya v Vostochnoj Germanii 1945–1949 gg.* [German intelligentsia and the policy of reform: The education system in East Germany 1945–1949]. Voronezh, Voronezh University Publishing House Publ., 1996, 157 p. (In Russ.)

Tragediya plena: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Okonchanie vojny, zavershenie deyatel'nosti NKSG/SNO i nachalo repatriacii voennoplennykh» (Moskva – Krasnogorsk, 31 oktyabrya – 2 noyabrya 1995 goda) [The tragedy of captivity: collection of materials of the International scientific and practical conference “The end of the war, the end of the activities of the NKSG/SNO and the beginning of the repatriation of prisoners of war” (Moscow – Krasnogorsk, October 31 – November 2, 1995)]. Krasnogorsk, 1996, 200 p. (In Russ.)

Tysheczkij I.T. *Proisxozhdenie Vtoroj mirovoj vojny* [The Origin of World War II]. Moscow, Mezhdunarodny'e otnosheniya Publ., 2020, 864 p. (In Russ.)

Shirer U. *Vzlet i padenie tret'ego rejxa.: v 2 t. T. 1* [The Rise and Fall of the Third Reich: in 2 vols., vol. 1]. Moscow, Voenizdat Publ., 1991, 653 p. (In Russ.)

Vashkau N.E'. «...Xot` raz napishu tebe pravdu». *Pis'ma soldat vermaxta iz stalingradskogo okruzheniya* [“...At Least Once I Will Write You the Truth.” Letters from Wehrmacht Soldiers from the Stalingrad Encirclement]. Moscow, ROSSPE`N Publ., 2013, 135 p. (In Russ.)

Vsevolodov V.A. *Srok xraneniya – postoyanno! Kratkaya istoriya lagerya voennoplenny`x i internirovanny`x*

UPI NKVD-MVD SSSR № 27 [Shelf Life - Forever! A Brief History of the Prisoner of War and Internment Camp of the UPI NKVD-MVD of the USSR No. 27]. Moscow, Moskovskij izdatel'skij dom Publ., 2003, 272 s. (In Russ.)

Zhukov B. *Evgenika: xoteli kak luchshe...* [Eugenics: They wanted the best...]. *Znanie – sila* [Knowledge is power], 2024, no. 5, pp. 55-64. (In Russ.)

Za Germaniyu protiv Gitlera!: dokumenty` i materialy` o sozdanii i deyatel'nosti Nacional'nogo komiteta «Svobodnaya Germaniya» i Soyuzu nemeczkix oficerov; Memorial'ny`j muzej nemeczkix antifashistov [For Germany against Hitler!: documents and materials on the creation and activities of the National Committee “Free Germany” and the Union of German Officers; Memorial Museum of German Anti-Fascists]. Moscow, 1993, 512 p. (In Russ.)

Zontxajmer K. *Federativnaya Respublika Germaniya segodnya. Osnovny`e cherty` politicheskoy sistemy`* [The Federal Republic of Germany Today. The Main Features of the Political System]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy my`sli Publ., 1996, 320 p. (In Russ.)

Schroeder K. *Der SED-Staat. Geschichte und Strukturen der DDR.* München, 1998, 781 S.

Статья поступила в редакцию 25.06.2024; одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 25.06.2024; approved after reviewing 13.08.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 205–213. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 205–213. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470)''1941/1945''

EDN NFFXQH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-205-213>

ПОТЕРИ ЗАПАДНОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: МАСШТАБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; МГТУ им Н.Э. Баумана, Калуга, Россия, kometchikov.igor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2814-835X>

Занько Евгений Александрович, аспирант кафедры истории, Институт истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия, z_e_a9696@mail.ru

Аннотация. В статье на материале разноплановых источников, многие из которых недавно введены в научный оборот, анализируется влияние людских и материальных потерь деревни Запада РСФСР на особенности восстановительных процессов в первые послевоенные годы. Дефицит рабочей силы, техники, капиталовложений в сельском хозяйстве региона, в том числе из-за потерь военного времени, существенно замедлил завершение индустриализации сельхозпроизводства, обусловил неспособность решить ключевые проблемы жизни и труда населения, стал одной из важных причин низких доходов многих колхозов и совхозов, сокращения площади пашни с начала 1950-х гг., длительного доминирования на селе внеэкономического принуждения и обеспечивающих его структур. Последствия военного разорения в сочетании с антикрестьянской аграрной политикой первых послевоенных лет предопределили совершенствование деревней приспособительного поведения, на борьбу с которым власть тратила много сил и средств. Потери военных лет, жесткая аграрная политика также стали ключевыми причинами подрыва сохранявшихся элементов традиционной культуры деревни Запада РСФСР.

Ключевые слова: западнорусская деревня, Великая Отечественная война, геноцид, гитлеровская оккупация, раскрестьянивание, советский аграрный строй.

Для цитирования: Кометчиков И.В., Занько Е.А. Потери западнорусской деревни в Великой Отечественной войне: масштабы и последствия // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 205–213. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-205-213>

Research Article

LOSSES OF THE WEST RUSSIAN VILLAGE DUE TO THE AXIS AGGRESSION: SCALE AND CONSEQUENCES

Igor V. Kometchikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History and Law, Tsiolkovsky Kaluga State University; Bauman Moscow State Technical University, Kaluga, Russia, kometchikov.igor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2814-835X>

Evgeny A. Zanko, postgraduate student of the Department of History, Institute of History and Law, Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia, z_e_a9696@mail.ru

Abstract. The article analyses the impact of human and material losses of the village of the West of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (the RSFSR) on the peculiarities of reconstruction processes in the first post-war years in terms of the diverse sources, many of which have recently been introduced into the scientific turnover. The deficit of manpower, equipment, and capital investments in the region's agriculture, including one due to wartime losses, significantly slowed down the agricultural production industrialisation completion, predetermined inability to solve key problems of life and labour of the population, became one of the important causes of low incomes of many collective and state farms, the reduction of arable land since the early 1950s, and the long dominance of extra-economic coercion and its supporting structures in the countryside. The consequences of the war devastation combined with the unpopular agrarian policy of the first post-war years brought to life the improvement of adaptive behaviour by the village, which the authorities spent a lot of energy and resources to combat. The losses of the war years and harsh agrarian policy were also the key reasons for the undermining of the preserved elements of traditional culture of the village of the West of the RSFSR.

Keywords: Western Russian village, World War II East Front, elements of genocide, Hitler's occupation, peasant decline, Soviet agrarian system.

For citation: Kometchikov I.V., Zanko E.A. Losses of the West Russian village due to the Axis aggression: scale and consequences. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 205–213 (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-205-213>

Считается общепризнанным, что именно советская деревня понесла наибольшие потери по итогам Великой Отечественной войны, однако их величина не изменила эволюцию советского аграрного строя и была в целом компенсирована к началу 1950-х гг. Потери деревни рассматриваются как составляющая ее жертвенного подвига во имя победы (И.М. Волков, Ю.В. Арутюнян, М.А. Вылцан, В.Т. Анисков и др.) Такой подход подчас смещает фокус от другого важного аспекта проблемы – влияния потерь на судьбу деревни, советского аграрного строя в целом. В настоящей статье она анализируется на материале западнорусской деревни – наиболее пострадавшего от оккупации и боевых действий региона РСФСР – Брянской, Калининской, Калужской, Орловской и Смоленской областей. На основе статматериалов, делопроизводства партийных и государственных центральных и местных органов, источников личного происхождения выясняется, во-первых, примерная величина людских и материальных потерь западнорусской деревни, а, во-вторых, их последствия для ключевых сфер жизни деревни в первые послевоенные годы.

Сначала следует рассмотреть величину людских потерь деревни. По неполным данным, только количество гражданского населения, погибшего от рук оккупантов и их пособников, составило в Смоленской области 87,2 тыс. чел., в Калужской – более 20 тыс., в Орловской – более 80 тыс., в Брянской – свыше 74 тыс. [Без срока давности: Брянская область: 44, 205; Без срока давности: Орловская область: 47; Без срока давности: Смоленская область: 50, 291; Когда бушуют: 62]. Подчас точно не известно, сколько населения было угнано оккупантами, однако к сентябрю 1945 г., когда большая часть угнанных была репатриирована, в Брянскую область прибыло 70,3 тыс. (было угнано около 100 тыс.), в Калужскую – 150,4 тыс. (угнано 233 тыс.), в Калининскую – 52,4, Смоленскую – 77,4 (угнана 81 тыс.) [Без срока давности: Калужская область: 459; Без срока давности: Смоленская область: 50; Репатриация: 383–384]. Основная масса угонялась и возвращалась в сельскую местность. К 1945 г. по сравнению с 1940 г. наличное колхозное население на Западе РСФСР сократилось на 22 % (подсчитано: [Арутюнян: Советское крестьянство: 389, 390]). На момент образования 5 июля 1944 г. население Брянской области сократилось на 445 тыс. чел. Смоленщина за 2,5 года оккупации потеряла около 350 тыс. чел. [Без срока давности:

Брянская область: 23; Без срока давности: Смоленская область: 51]. К 1950 г. по сравнению с 1946 г. из-за демографического «эха» войны, миграции в города сельское население западнорусских областей сократилось на 2 % (на 77 тыс. чел.)¹.

Особенно уменьшилось количество трудоспособных. Если до войны почти в каждом колхозном дворе был трудоспособный мужчина, то в 1944 г. он приходился в среднем на пять дворов, в 1945 г. – на два-три. Колхозные дворы к 1945 г. были относительно малочисленны и состояли из трех человек. Было немало хозяйств, лишенных даже трудоспособных женщин (подсчитано: [Арутюнян: Советское крестьянство: 320, 322]). Сокращалось и количество подростков, часть которых в годы войны и послевоенные годы выбывала в школы ФЗО и ремесленные училища [Арутюнян: Советское крестьянство: 319; Вылцан: 13].

Оккупация подорвала техническое оснащение колхозно-совхозного производства. Особенно большой урон понесли МТС, многие из которых были разрушены, техника уничтожена, частично передана в армию, эвакуирована вглубь страны. В оккупированных областях РСФСР гитлеровцы уничтожили 1 тыс. МТС, уничтожили или вывезли 46 тыс. тракторов, 18 тыс. комбайнов, 23 тыс. сеялок и много другой сельхозтехники. На этой территории оставалось лишь 23 % довоенного поголовья лошадей. Убыль сельхозмашин доходила по отдельным категориям до 60–70 % [Вылцан: 14–16]. В Калужской, Брянской областях были уничтожены все колхозы, совхозы, МТС, тракторный парк. В Калининской области были уничтожены 80 МТС и МТМ, около 5 тыс. колхозов, на селе практически не осталось тягловой силы [Когда бушуют: 130; Очерки истории Брянской: 257; Очерки истории Калининской: 486]. Самой пострадавшей от оккупации областью РСФСР была Смоленская. После освобождения ее сельское хозяйство располагало лишь 20 % довоенной численности тракторов (в переводе на условные 15-сильные), 12 % комбайнов, 51 % тракторных сеялок, 75 % тракторных трехкорпусных плугов, 6 % грузовых автомобилей и т. д. Из 54 видов сельхозмашин, имевшихся до войны, 32 отсутствовали². Известно много примеров, когда в отсутствие рабочего скота колхозники впрягались в плуги сами, вскапывали тысячи гектаров вручную [Вылцан: 15, 17, 20]. Жители районов Смоленской области вспоминали первое время после освобождения: «На освобожденной земле

колхозы начали проводить сев. Тягловой силы почти не было. Землю приходилось копать лопатами или пахать вручную, когда в плуг запрягалось 6–7 человек – это были женщины и дети-подростки. В такой “упряжке” пришлось побывать и мне...» [Абрамов: 61; Зайцев: 69].

Огромными были потери сферы культуры деревни. Были разрушены многие сельские клубы, избы-читальни, библиотеки, районные типографии и дома культуры, инфраструктура проводного и эфирного радиовещания. Так, в 1945 г. в Калининской области количество сельских клубов составляло 72 % от их числа в 1940 г., в Калужской – 74 %, в Орловской – 62 %, в Смоленской – 24 %; количество библиотек уменьшилось почти наполовину [40 лет образования: 107; Народное хозяйство Калининской: 163, 164; Народное хозяйство Орловской: 263, 264; Народное хозяйство Смоленской: 95]³. В 1945 г. на селе Брянской области насчитывалось лишь 490 радиоточек и эфирных радиоприемников, Калужской – 1 734, Смоленской – 390, Орловской – 1 538, а, например, Московской – свыше 64 тыс.⁴

Не пережили войну и многие храмы и молитвенные дома распространенных на Западе РСФСР религиозных конфессий, что в сочетании с антирелигиозными кампаниями предвоенных лет значительно сократило их количество. Кроме того, всплеск религиозных настроений оккупационного периода был существенно ограничен мерами, сопровождавшими освобождение Запада РСФСР от гитлеровцев. По данным Совета по делам РПЦ, на оккупированной немцами территории верующими было занято 1 701 общественное здание, 1 150 из них были изъяты в 1945–1947 гг., в том числе 324 здания бывших церквей и 826 нецерковных зданий [Чумаченко 1999: 76–77; Чумаченко 2008: 142]. Так, в Брянской области в период оккупации функционировало 184 церкви, а на 1 января 1947 г. легально действовало 99. В Калининской области не было допущено возобновления церковной службы в более 100 церквях, которые в предвоенные и первые военные годы «механически прекратили свою деятельность из-за отсутствия священников и на которые не было решения органов власти о закрытии их». В Смоленской области в начале 1945 г. наряду с 54 действовавшими церквями было учтено 169 недействующих, в том числе 51 занятая под хозяйственные и иные нужды⁵.

Какими же были последствия людских и материальных потерь для деревни Запада РСФСР в годы войны? В хозяйственной сфере деревни убыль населения, прежде всего в трудоспособных возрастах, привела к дефициту рабочей силы, не компенсированному ростом технической оснащенности сельхозпроизводства. Он усугублялся ее оттоком в города вследствие низких заработков, более тяжелых,

чем в городе, условий труда. В Смоленской области довоенная численность населения не восстановлена до сих пор [Без срока давности: Смоленская: 51].

До начала 1950-х гг. деревня Запада РСФСР не могла полностью отстроиться, вывести всех своих жителей из землянок. Жили в них преимущественно семьи, потерявшие кормильцев, где едоки количественно преобладали над работниками. Так, на 1 января 1946 г. 72,2 тыс. семей в таких районах РСФСР проживало в землянках, 97,3 тыс. – на подселении, на 1 января 1947 г. – 42,2 тыс. и 92 тыс., на 1 января 1948 г. – 12 тыс. и 79 тыс., на 1 января 1949 г. – 8,2 тыс. и 70 тыс. На 1 января 1952 г. только в Брянской, Калужской и Орловской областях таких семей насчитывалось 3,9 тыс. Были примеры проживания колхозников в землянках с конца 1930-х по начало 1950-х гг.⁶ Негативную роль в налаживании мирной жизни играла и высокая засоренность сельхозтерриторий на Западе РСФСР взрывоопасными предметами, ощущавшаяся и в 1950-е гг.⁷

Нехватка сельхозтехники приводила к тому, что в 1945 г. посевные работы в областях нечерноземного Центра были механизированы на 3–16 %, уборка зерновых – на 1–6 % [Вербицкая: 37]. В период весенней посевной 1946 г. нагрузка на одну лошадиную силу мощности тракторного парка в РСФСР составила в среднем 8,3 га, а в Брянской области – 13,9 га, Смоленской – 13,5 га, Калужской – 10,9 га [Вылцан: 17–19]. Хотя восстановление материально-технической базы колхозного производства завершилось в основном к началу 1950-х гг., МТС Запада РСФСР получали сельхозтехнику в более скромных размерах, чем зерновые районы, восстановление которых в первые послевоенные годы власть считала более приоритетной задачей.

Оккупация, боевые действия почти уничтожили инфраструктуру электрификации. Средств и сил вести ее темпами, как того требовала центральная власть, многие сельские районы не могли. Например, Смоленский обком ВКП(б) только в 1949–1950 гг. принял четыре постановления об электрификации сельского хозяйства области, три решения – облисполком. Ее состояние оценивалось как неудовлетворительное. Руководство облконторы «Сельэлектро» не могло сдвинуть дело с мертвой точки. Строились электростанции, мощности которых не хватало еще до ввода в строй⁸. Электрификация шла неравномерно: к 1950 г. были электрифицированы 94 % МТС Московской области, но лишь 34 % – Орловской, 27 % – Калужской [Арутюнян: Механизаторы: 109–110].

Относительно низкий уровень механизации основных полевых сельхозработ, почти полное отсутствие механизации и электрификации в животноводстве, низкий общий уровень электрификации

деревни обуславливали большую долю ручного труда в сельском хозяйстве, негативно влияли на урожайность и продуктивность животноводства, доходы колхозов, совхозов, подворий населения. Даже к началу 1950-х гг. около половины колхозов областей Западе РСФСР получали маленькие доходы: в 1950 г. до 200 тыс. руб. получили более 41 % колхозов Брянской области, 46 % колхозов Калининской, более 72 % – Калужской, 71 % – Смоленской, 38 % – Орловской⁹.

Следствием тяжелого положения в колхозно-совхозном производстве, вызванного, в частности, разорением военных лет, стало значительное сокращение площади пашни в областях Западе РСФСР, ее перевод в земли других категорий. В 1950–1959 гг. на Западе РСФСР площадь пашни в колхозах и совхозах (без земель приусадебного фонда) сократилась на 5 % [Подсчитано: Земельный фонд: 103, 104, 111, 112; Посевные площади I: 174, 176, 178; Посевные площади II: 6, 8, 10, 168, 170, 172, 310, 312, 314]. Только в одной Калужской области в 1954–1960 гг. в законном порядке было выведено из сельхозоборота 251,4 тыс. га земель. Всего же в колхозах, совхозах и других хозяйствах области, которые занимались сельхозпроизводством, с учетом ранее списанных площадей выбыло из сельхозоборота 377 тыс. га (23,6 % площади сельхозугодий на 1 сентября 1953 г.)¹⁰.

Хроническая нехватка материальных ресурсов и рабочей силы, усугубленная потерями военных лет и курсом власти на первоочередное восстановление промышленности, городов, транспорта, перевооружение армии, придавали большую актуальность совершенствованию деревней приспособительного поведения по отношению к основным институтам советского аграрного строя – поземельным, трудовым отношениям, финансовой политике в отношении деревни. Ее ядром в рассматриваемый период стали многообразные попытки деревни незаконно использовать себе во благо ресурсы колхозов, совхозов, МТС, других государственных учреждений в условиях невозможности обеспечить легальный заработок в колхозно-совхозном производстве. Его формами можно считать захваты подворьями населения нескольких соток приусадебной земли, фиктивные разделы колхозных дворов, самовольные переселения на хутора и малодворные поселки, покушения на сенокосы на колхозной или государственной земле, уклонение от уплаты налогов, подписки на займы, расчеты колхозов с поставщиками и подрядчиками помимо расчетных счетов в сберкассах и госбанке («черные кассы»), махинации с налоговыми квитанциями, введение явочным порядком гарантированной оплаты труда колхозников и т. д. Военное лихолетье возродило и такие, казалось бы, позабытые способы западнорусской деревни пережить го-

лод, бедность, антикрестьянскую политику, как профессиональное нищенство и мешочничество¹¹.

На борьбу со всем этим власть тратила колоссальные силы и средства, что в итоге существенно понижало хозяйственную эффективность советского аграрного строя. В западнорусской деревне эта борьба осложнялась наличием большого числа коллаборантов и репатриантов, в среде которых были распространены антиколхозные настроения и слухи о якобы грядущем роспуске колхозов, а также влиянием гитлеровской пропаганды против советских порядков, ликвидацией в период оккупации в ряде местностей колхозного строя и переходом к хуторской системе землепользования, чересполосице, глухим сопротивлением сбору бывшего колхозного имущества, обобществлению индивидуальных посевов, произведенных при оккупантах, и т. п. [Кометчиков: «Нам надо было»: 306–307].

Обусловленный, в частности, потерями военных лет дефицит рабочей силы, технического оснащения колхозного производства власть стремилась преодолеть совершенствованием внеэкономического принуждения, что имело на Западе РСФСР свою специфику. В областях и многих сельских районах на Западе РСФСР в годы войны и первые послевоенные годы у руководства оказалось много приверженцев жесткого стиля руководства. Так, например, Д.М. Попов, первый секретарь Смоленского обкома ВКП(б), А.П. Матвеев, первый секретарь Орловского (а с 1944 г. – Брянского обкома ВКП(б)), прошли суровую школу партизанского движения, партработы в фронтовых регионах. Они часто делали ставку на руководителей с фронтовым или партизанским опытом. Такие кадры считались прошедшими проверку на преданность советской власти, получали известный карт-бланш для стабилизации ситуации на вверенном участке. Работников, направленных на Запад РСФСР из тыловых областей, руководители «старожилы» подчас недолюбливали, считали отсижившимися в тылу, «бравшими штурмом Иркутск» и т. д. [Кометчиков: Бывшие: 96–107].

С учетом объективной организационной и кадровой слабости многих низовых структур власти и даже аппаратов региональных парт- и госорганов на Западе РСФСР ставка часто делалась на чрезвычайные методы руководства, основным среди которых были мобилизации руководящего партийно-хозяйственного актива для организации на периферии «хозяйственно-политических кампаний» – авралов по выполнению срочных заданий центральной власти. В официальной документации она обозначалась как «институт уполномоченных». На время кампании представители актива забрасывали свою основную работу и сосредоточивались на выполнении данного им партпоручения. Неспособные выполнить его

удалялись с постов, исключались из партии. Уполномоченные смещали по своему усмотрению низовых руководителей, маневрировали материальными ресурсами и рабочей силой, следили за началом и окончанием сельхозработ и т. д.

Следствиями «комиссарства», «партизанщины», как неофициально назывался директивный стиль управления, были высокая текучесть кадров низового руководства, подмена парторганами советских и хозяйственных, чрезвычайщина как норма функционирования системы власти над деревней, селекция руководителей по принципу способности выполнить директивы «любой ценой». Но для решения стратегических для деревни задач – введения правильных севооборотов, строительства всесезонных дорог, электрификации, развития телекоммуникаций, строительства благоустроенного жилья – сил и средств не хватало. В 1945–1953 гг. подчас не удавалось улучшить результаты даже таких кампаний, как хлебозаготовки: за этот период Брянская область смогла выполнить план поставки государству зерна только в 1948–1953 гг., Калининская – в 1945–1949 и 1951 гг., Калужская – в 1949, 1951 и 1952 гг., Орловская – в 1947 г., Смоленская – в 1947–1949, 1951 и 1952 гг. [Кометчиков: Региональная: 140, 141].

В упадке после окончания войны находилась «культпросветработа», как официально именовалась проекция партпропаганды на взрослое население, что было неудивительно, так как ее состояние напрямую зависело от благосостояния колхозов и колхозных дворов – основных налогоплательщиков, а оно было скудным. Лишь к концу 1950-х гг. количество культпросветучреждений на селе Запада РСФСР приблизилось к их довоенной численности. В Брянской области к 1956 г. насчитывалось 77 % довоенной численности клубных учреждений, в Калининской – 92 %, в Калужской – 87 %, в Смоленской – 65 %, только в Орловской – 100 % [Учреждения культуры: 51, 52]. Многие колхозы вообще не имели своих клубов, так как не могли их содержать.

Нередко сельский очаг культуры был заполнен зерном или использовался под иные хозяйственные нужды. Спектр форм работы изб-читален, сельских клубов и библиотек был довольно разнообразен, но в основном базировался на живом слове. Многие культпросветучреждения ютились в приспособленных помещениях, имели скудный инвентарь. Дефицитом были газеты, особенно центральные. При неизменности системы финансирования потребностей сельского культпросвета ущерб ему, нанесенный войной, становился постоянно действующим фактором, подчеркивавшим культурную неполноценность деревни в сравнении с городом, усиливал миграцию сельского населения, особенно молодежи. Исправлялось такое положение медленно. К началу сплошной

радиофикации деревни в середине 1950-х гг. Запад РСФСР находился на последнем месте среди регионов Центрального Нечерноземья по доступности радио на селе¹².

С другой стороны, тяжелое положение, в котором находился культпросвет и советская культура западнорусской деревни в целом, оставляли достаточно места для уцелевших элементов традиционной культуры деревни – традиции кулачных боев в дни местных религиозных праздников, «гостевания», коллективных застолий, досуговой самоорганизации молодежи и т. д.

Огромный масштаб разрушений на территориях, где велись боевые действия, оказал значительное влияние на сферу религиозности деревни. В немалой степени под влиянием произошедшего на оккупированной территории «религиозного взрыва» – стихийного открытия нескольких тысяч церквей и молитвенных домов, что в своих интересах пытались использовать гитлеровцы, – власть пошла на более гибкую политику в отношении религии и религиозных организаций.

«Поворот» государства к религии и церкви на Западе РСФСР также имел свои особенности. Во-первых, как уже говорилось, освобождение сопровождалось закрытием тех храмов, которые были открыты при немцах, относительно которых не было решений советской власти. Во-вторых, разрушение большого количества храмов и молитвенных домов в результате боевых действий и политики «выжженной земли» оккупантов сразу поставили движение за открытие храмов в узкие рамки, когда, с одной стороны, община верующих не могла подыскать помещение для молитвенных собраний, минимально удовлетворявшее формальным требованиям, а с другой – не имела средств на ремонт того, что предлагалось властью. Одно только это существенно ограничило количество легализованных общин и официально действующих храмов. Так, если в 1914 г. в Брянской, Калужской, Смоленской, Орловской и Тверской епархиях РПЦ МП насчитывалось 4 235 приходских храма и 1 338 часовни, то в 1948 г., когда власти прекратили открытие храмов, – 292 церкви. Если в 1914 г. две западнорусские старообрядческие епархии объединяли 85 приходов, то в 1949 г. на Западе РСФСР легально действовали 14 храмов старообрядческих церквей [Шевцова: 172; Смоленская; Орловская; Мануил (Чибицов): 366–367]¹³. В-третьих, малое количество легально действующих храмов обусловило распространение множества форм нелегальной религиозности, прежде всего – десятков подпольных молитвенных домов, с которыми власть вела борьбу¹⁴. Угасание «малой» религиозной традиции западнорусской деревни, тесно связанной с закрытым или утраченным в годы войны сельским храмом, наряду с другими причина-

ми, стало фактором окончательного размывания ее традиционной духовной культуры, нарастания общего кризиса культуры села в послевоенные годы.

Таким образом, высокий уровень потерь западно-русской деревни по итогам войны оказал комплексное негативное влияние на ее судьбу в послевоенные годы. Потери стали серьезной преградой на пути завершения индустриализации сельхозпроизводства, достижения экономического благополучия, одним из факторов миграции из деревни в послевоенные годы. В сочетании с антидеревенской политикой власти потери обусловили развитие деревней поведения, направленного на уклонение от многих мер власти, что затрудняло реализацию аграрного курса в целом. В политической сфере их следствием стала длительная актуальность внеэкономического принуждения и обеспечивавших его структур, «комиссарство», директивный стиль руководства, посредством чего власть компенсировала объективный дефицит капиталовложений и рабочей силы, боролась с «неправильным» поведением деревни. Следствием медленного восстановления многих колхозов и подворий населения был упадок большинства институтов советской культуры, особенно требовавших грамотных кадров и технически сложной инфраструктуры (пресса, радио), который власть пыталась преодолеть масшированием на селе самых простых ее форм, а деревня – обращением к подвергшимся значительному обмирщению и профанации элементам традиционной культуры.

Примечания

¹ Подсчитано: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 416. Л. 34, 35; Д. 756. Л. 27, 92, 96; Д. 757. Л. 51, 104.

² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 127. Д. 495. Л. 35–36.

³ ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 249. Л. 48.

⁴ Подсчитано: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2106. Л. 29.

⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 68; Д. 317. Л. 10, 12; Д. 895. Л. 19.

⁶ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5672. Л. 27; Оп. 7. Д. 1461. Л. 18.

⁷ Государственный архив Смоленской области. Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 259. Л. 19–36, 41–43, 46–48, 59; Государственный архив Орловской области. Ф. П-52. Оп. 8. Д. 120. Л. 36–37, 66; Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее – ГАДНИКО). Ф. П-55. Оп. 8. Д. 999. Л. 1–9.

⁸ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 1061. Л. 36–52.

⁹ Подсчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 112. Л. 284, 284 об.

¹⁰ ГАРФ. Ф. А-420. Оп. 1. Д. 456. Л. 4.

¹¹ Государственный архив Калужской области. Ф. Р-883. Оп. 19. Д. 172. Л. 14, 35, 52; Д. 218. Л. 93; Тверской центр документов новейшей истории. Ф. 147. Оп. 4. Д. 66. Л. 142; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 59, 59 об.

¹² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 5591. Л. 77.

¹³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22а – 25; Оп. 4. Д. 219. Л. 7, 18, 20, 47.

¹⁴ ГАДНИКО. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 594. Л. 32; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 387. Л. 221, 223, 224; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 482. Л. 15, 51; Д. 485. Л. 4.

Список литературы

40 лет образования Калужской области (Юбилейный статсборник) / под ред. Б.А. Надзирателева. Калуга: Облстат, 1984. 138 с.

Абрамов И.Я. Как это было. Смоленск: Смол. городск. типогр., 2005. 107 с.

Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. (Формирование кадров массовых квалификаций) / отв. ред. В.П. Данилов. Москва: АН СССР, 1960. 340 с.

Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. В.П. Данилов. Москва: АН СССР, 1963. 460 с.

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Смоленская область: сб. архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. О.В. Иванов; сост. С.В. Карпова. Москва: Фонд «Связь Эпох»: Кучково поле Музеон, 2020. 656 с.

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Орловская область: сб. документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. Ю.В. Апарина; сост. Л.М. Кондакова (отв. сост.) и др. Москва: Фонд «Связь Эпох»: Изд. центр «Воевода», 2020. 480 с.

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Брянская область: сб. документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. Ж.Л. Розанова; сост. А.И. Шендрик и др.; авт. науч. ст. В.П. Алексеев; авт. археогр. предисл. В.Ф. Блохин. Москва: Фонд «Связь Эпох», 2020. 424 с.

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупи-

рованной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область: сб. архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. М.А. Добычина; сост. Н.В. Зиновкина, В.Я. Агапова, А.В. Денисов и др. Москва: Фонд «Связь Эпох»: Изд. центр «Воевода», 2020. 552 с.

Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву: середина 40-х – начало 60-х годов / отв. ред. И.Е. Зеленин. Москва: Наука, 1992. 222 с.

Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958 гг.). Москва: Мысль, 1976. 263 с.

Зайцев М.С. О времени и о себе. Смоленск: [б. и.], 2009. 118 с.

Земельный фонд Союза ССР по состоянию на 1 ноября 1959 года: составлен по отчетам союзных республик. Москва: [б. и.], 1960. 585 с.

Когда бушуют грозы. Калужская область в Великой Отечественной войне / под общ. ред. А.П. Бекасова. Тула: Приокск. кн. изд-во, 1970. 344 с.

Кометчиков И.В. Бывшие партизаны в механизме управления на Западе РСФСР (1942 – конец 1940-х гг.) // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны: материалы III Междунар. науч. конф. 20 мая 2022 г., г. Вязьма. Смоленск: Свиток, 2022. С. 96–107.

Кометчиков И.В. «Нам надо было оставаться в Германии...»: настроения репатриантов в западнорусской деревне середины 1940-х гг. // *Studia internationalia: материалы IV Междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв. (г. Брянск, 1–3 июля 2015 г.) / редкол.: С.И. Михальченко, А.А. Чубур.* Брянск: РИО БГУ, 2015. С. 306–313.

Кометчиков И.В. Региональная власть и деревня Центрального Нечерноземья в хлебозаготовительных кампаниях 1945–1953 гг. // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета.* 2018. № 2 (26). С. 136–154.

Мануил (Чибисов), игумен. Белокриницкая иерархия в 1846–1988 гг.: этапы истории. Кострома: ДиАр, 2017. 464 с.

Народное хозяйство Калининской области в 1960 году: Статсборник / под ред. И.В. Кудрявцева, П.В. Ушакова. Москва: Госстатиздат, 1961. 184 с.

Народное хозяйство Орловской области: Статсборник / под ред. А.В. Скворцова. Орел: Госстатиздат, 1960. 182 с.

Народное хозяйство Смоленской области: Статсборник. Смоленск: Смоленск. кн. изд-во, 1957. 108 с.

Орловская и Севская епархия // Брянская епархия РПЦ МП. URL: <http://www.bryansk-eparhia.ru/eparhiya/istoriya/orlovskaya-i-sevskaya-eparhiya/> (дата обращения: 30.03.2024).

Очерки истории Брянской организации КПСС / отв. ред. В.А. Смирнов. Тула: Приокск. кн. изд-во, 1982. 542 с.

Очерки истории Калининской организации КПСС / пред. редкол. В.И. Смирнов. Москва: Моск. рабочий, 1971. 710 с.

Посевные площади СССР: Статсборник: в 2 т. Т. 1. Москва: Госстатиздат, 1957. 515 с.

Посевные площади СССР: в 2 т. Т. 2: (Технические культуры, картофель, овоще-бахчевые и кормовые культуры): Статсборник. Москва: Госстатиздат, 1957. 503 с.

Репатриация советских граждан с оккупированной территории германии, 1944–1952: сб. документов: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. О.В. Лавинская, В.В. Захаров; сост. К.М. Гринько, Е.В. Полторацкая и др. Москва: РОССПЭН, 2019. 877с.

Смоленская епархия // *Древо. Открытая православная энциклопедия.* URL: <https://drevo-info.ru/articles/9619.html> (дата обращения: 30.03.2024).

Учреждения культуры, искусства, научные учреждения и печать в РСФСР: Статсборник. Москва: ЦСУ при СМ РСФСР, 1961. 148 с.

Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961 гг. Москва: АИРО-XX, 1999. 248 с.

Чумаченко Т.А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // *Вестник Челябинского государственного университета.* Сер.: История. 2008. Вып. 24, № 15. С. 138–149.

Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. / пер. с англ. Е. Итэсь, В. Шевцовой, отв. ред. Д.М. Буланин. Санкт-Петербург: Дм. Буланин, 2010. 488 с.

References

40 let obrazovanija Kaluzhskoj oblasti (Jubilejnyj statsbornik) [40 Years of Kaluga Oblast Formation (Anniversary Statistical Collection)], ed. by B.A. Nadziratlev. Kaluga, Oblstat Publ., 1984, 138 p. (In Russ.)

Abramov I.Ja. *Kak jeto bylo* [As it was]. Smolensk, Smol. gorodsk. tipogr. Publ., 2005, 107 p. (In Russ.)

Arutjunjan Ju.V. *Mehanizatory sel'skogo hozjajstva SSSR v 1929–1957 gg. (Formirovanie kadrov massovyh kvalifikacij)* [Mechanizers of the USSR agriculture in 1929–1957 (Formation of mass qualification personnel)], ed. by V.P. Danilov. Moscow, AN SSSR Publ., 1960, 340 p. (In Russ.)

Arutjunjan Ju.V. *Sovetskoe krest'janstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Soviet Peasantry during the Great Patriotic War], ed. V.P. Danilov. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, 460 p. (In Russ.)

Bez sroka давности: prestuplenija nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naselenija na okkupirovannoj ter-

ritorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Smolenskaja oblast': sbornik arhivnyh dokumentov [Without statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Smolensk region: collection of archival documents], ed. by O.V. Ivanov. Moscow, Fond «Svjaz' Jepoh» Publ., Kuchkovo pole Muzeon Publ., 2020, 656 p. (In Russ.)

Bez sroka давности: prestuplenija nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naselenija na okkupirovannoj territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Orlovskaja oblast': sbornik dokumentov [Without Statute of Limitations: Crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Oryol Region: collection of Documents], ed. by Ju.V. Aparina. Moscow, Fond «Svjaz' Jepoh» Publ., Izd. centr «Voevoda» Publ., 2020, 480 p. (In Russ.)

Bez sroka давности: prestuplenija nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naselenija na okkupirovannoj territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Brjanskaja oblast': sbornik dokumentov [Without Statute of Limitations: Crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Bryansk region: Collection of documents], ed. by Zh.L. Rozanova. Moscow, Fond «Svjaz' Jepoh» Publ., 2020, 424 p. (In Russ.)

Bez sroka давности: prestuplenija nacistov i ih posobnikov protiv mirnogo naselenija na okkupirovannoj territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Kaluzhskaja oblast': sbornik arhivnyh dokumentov [Without Statute of Limitations: Crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Kaluga Region: collection of archival documents], ed. by M.A. Dobychina. Moscow, Fond «Svjaz' Jepoh» Publ., Izd. centr «Voevoda» Publ., 2020, 552 p. (In Russ.)

Chumachenko T.A. *Gosudarstvo, Pravoslavnaja cerkov' i verujushhie. 1941–1961 gg.* [The State, the Orthodox Church and the Believers. 1941–1961]. Moscow, AIRO-XX Publ., 1999, 248 p. (In Russ.)

Chumachenko T.A. *Pravovaja baza gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij v 1940-e – pervoj polovine 1960-h godov: sodержanie, praktika primenenija, jevoljucija* [Legal base of state-church relations in the 1940s – first half of the 1960s: content, practice of application, evolution]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija* [Bulletin of Chelyabinsk State University. History Series], 2008, vol. 24, no. 15, pp. 138-149. (In Russ.)

Kogda bushujut grozy. Kaluzhskaja oblast' v Velikoj Otechestvennoj vojne [When thunderstorms rage. Kaluga Region in the Great Patriotic War], ed. by A.P. Bekasov. Tula, Prioksk. Publ., 1970, 344 p. (In Russ.)

Kometchikov I.V. *Byvshie partizany v mehanizme upravlenija na Zapade RSFSR (1942 – konec 1940-h gg.)* [Former partisans in the mechanism of governance in the West of the RSFSR (1942 – late 1940s)]. *Edinstvo fronta i tyla v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: materialy III Mezhdunar. nauch. konf.* [The unity of the front and rear during the Great Patriotic War: materials of the III International Scientific Conference]. Smolensk, Svitok Publ., 2022, pp. 96-107. (In Russ.)

Kometchikov I.V. «*Nam nado bylo ostavat'sja v Germanii...*»: *nastroenija repatriantov v zapadnorusskoj derevne seređiny 1940-h gg.* [“We should have stayed in Germany...”: the sentiments of repatriates in the West Russian village of the mid-1940s.]. *Studia internationalia: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. «Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnoshenijah X–XX vv.»* [Studia internationalia. Proceedings of the IV International Scientific Conference “Western Region of Russia in International Relations X–XX”]. Brjansk, BGU Publ., 2015, pp. 306-313. (In Russ.)

Kometchikov I.V. *Regional'naja vlast' i derevnja Central'nogo Nechernozem'ja v hlebozagotovitel'nyh kampanijah 1945–1953 gg.* [Regional authorities and the village of the Central Non-Black Earth Region in the grain procurement campaigns of 1945–1953]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University], 2018, no. 2 (26), pp. 136-154.

Manuil (Chibisov), igumen. *Belokrinickaja ierarhija v 1846–1988 gg.: jetapy istorii* [Belokrinitskaya hierarchy in 1846–1988: stages of history]. Kostroma, DiAr Publ., 2017, 464 p. (In Russ.)

Narodnoe hozjajstvo Kalininskoj oblasti v 1960 godu: Statsbornik [National economy of the Kalinin Region in 1960: Statistical collection], ed. by I.V. Kudrjavcev, P.V. Ushakov. Moscow, Gosstatizdat Publ., 1961, 184 p. (In Russ.)

Narodnoe hozjajstvo Orlovskoj oblasti. Statsbornik [National economy of the Orel region. Statistical Collection], ed. by A.V. Skvorcov. Orel, Gosstatizdat Publ., 1960, 182 p. (In Russ.)

Narodnoe hozjajstvo Smolenskoj oblasti: Statsbornik [National economy of the Smolensk region: Statistical collection]. Smolensk, Smolensk Publ., 1957, 108 p. (In Russ.)

Orlovskaja i Sevskaja eparhija [Orel and Sevsk diocese]. *Brjanskaja eparhija RPC MP* [Bryansk Diocese of the ROC MP]. URL: <http://www.bryansk-eparhia.ru/eparhiya/istoriya/orlovskaya-i-sevskaya-eparhiya> (access date: 30.03.2024). (In Russ.)

Očerki istorii Brjanskoj organizacii KPSS [Essays on the History of the Bryansk Organization of the CPSU], ed. by V.A. Smirnov. Tula, Prioksk Publ., 1982, 542 p. (In Russ.)

Očerki istorii Kalininskoj organizacii KPSS [Essays on the History of the Kalinin organization of the

CPSU], ed. by V.I. Smirnov. Moscow, Mosk. rabochij Publ., 1971, 710 p. (In Russ.)

Posevnye ploshhadi SSSR: v 2 t. T. 1: Statsbornik [Sown areas of the USSR: Statistical collection: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Gosstatizdat Publ., 1957, 515 p.

Posevnye ploshhadi SSSR: v 2 t. T. 2: Statsbornik (tehicheskie kul'tury, kartofel', ovoshhe-bahchevye i kormovye kul'tury) [Sown areas of the USSR: Statistical collection: in 2 vols. Vol. 2: (Industrial crops, potatoes, vegetables and forage crops)]. Moscow, Gosstatizdat Publ., 1957, 503 p. (In Russ.)

Repatriacija sovetskih grazhdan s okkupirovannoj territorii germanii, 1944–1952: sbornik dokumentov: v 2 t. T. 1 [Repatriation of Soviet citizens from the occupied territory of Germany, 1944–1952: collection of documents, in 2 vols. Vol. 1], ed. by O.V. Lavinskaja, V.V. Zaharov. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2019, 877 p. (In Russ.)

Smolenskaja eparhija [Smolensk diocese]. *Drevo: otkrytaja pravoslavnaja jenciklopedija* [Tree: Open Orthodox Encyclopedia]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/9619.html> (access date: 30.03.2024). (In Russ.)

Shevcova V.F. *Pravoslavie v Rossii nakanune 1917 g.* [Orthodoxy in Russia on the eve of 1917]. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2010, 488 p. (In Russ.)

Uchrezhdenija kul'tury, iskusstva, nauchnye uchrezhdenija i pechat' v RSFSR: Statsbornik [Institutions of cul-

ture, art, scientific institutions and the press in the RSFSR: Statistical collection]. Moscow, CSU pri SM RSFSR Publ., 1961, 148 p. (In Russ.)

Verbickaja O.M. *Rossijskoe krest'janstvo: ot Stalina k Hrushhevju: seredina 40-h – nachalo 60-h godov* [The Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev: mid-40s – early 60s], ed. by I.E. Zelenin. Moscow, Nauka Publ., 1992, 222 p. (In Russ.)

Vylcan M.A. *Vosstanovlenie i razvitie material'no-tehnicheskoi bazy kolhoznogo stroja (1945–1958 gg.)* [Restoration and development of the material and technical base of the collective farm system (1945–1958)]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, 263 p. (In Russ.)

Zajcev M.S. *O vremeni i o sebe* [About time and about myself]. Smolensk, 2009, 118 p. (In Russ.)

Zemel'nyj fond Sojuza SSR po sostojaniju na 1 nojabrja 1959 goda: sostavljen po otchetam sojuznyh respublik [Land fund of the Union of Soviet Socialist Republics as of November 1, 1959]. Moscow, 1960, 585 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 02.09.2024.

**«ПОЛИТИЧЕСКИ ЗРЕЛЫЙ И ОПЫТНЫЙ...»:
НЕКОТОРЫЕ МОДЕЛИ РОТАЦИИ ПЕРВЫХ СЕКРЕТАРЕЙ ОБКОМА ВКП(б)/КПСС
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940–50-Х ГГ.
(на материале областей Верхней Волги)**

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Аннотация. В статье анализируются модели ротации региональных руководящих кадров областей Верхней Волги в конце сталинского периода и в хрущевскую эпоху. В центре внимания находятся 3 первых секретаря обкома ВКП(б) / КПСС 1940–50-х гг. (П.Н. Алферов, В.В. Лукьянов, Ф.Е. Титов), которые в разное время были партийными руководителями Владимирской, Ивановской, Ярославской областей. Внимание уделено количественным и институциональным характеристикам, связанным с кадровыми ротациями позднего сталинизма и хрущевской оттепели. Методологическую основу исследования составили принципы историзма и системности, просопографический метод, сочетание анализа архивных документов и источников личного происхождения. Теоретический базис статьи основан на идеях Е.Ю. Зубковой, А.Б. Коновалова, А.Н. Федорова, О.В. Хлевнюка, Й. Горлицкого. Источниковая база представлена документами Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), материалами документальных публикаций и справочных изданий, источниками личного происхождения (мемуары и интервью). В статье делается вывод, что биографии первых секретарей обкомов Верхневолжских регионов (П.Н. Алферова, В.В. Лукьянова, Ф.Е. Титова) демонстрируют 3 различные модели ротации региональных руководящих кадров сталинского и хрущевского периодов, но не исчерпывают многообразия кадровых перемещений в послевоенном СССР. Отмечается, что модель ротации «Из региона в регион», присущая В.В. Лукьянову, может считаться типичной для группы успешных сталинских выдвиженцев конца 1930-х гг. Подчеркивается, что модель «Регион – центр – регион», присущая П.Н. Алферову, отражает перемещение по регионам с кратковременным возвращением в центральный аппарат опытного, но не слишком успешного партийного функционера. Констатируется, что модель «Второй – первый – второй», присущая Ф.Е. Титову, характеризовалась чередованием должности первого секретаря обкома в регионах РСФСР и второго секретаря в республиканских компартиях СССР. Отмечается значимость для карьеры партийного функционера должностей второго секретаря обкома, председателя облисполкома, инспектора ЦК ВКП(б), структур центрального аппарата. В качестве финишной точки в номенклатурной карьере партийных функционеров 1950–60-х гг. указывается Комитет партийного контроля. Публикация является приглашением к дискуссии для представителей научного сообщества в части типизации и классификации региональных партийных руководителей советской эпохи.

Ключевые слова: СССР, области Верхней Волги, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, просопография, обком КПСС, первый секретарь, устная история, региональная власть, партийная номенклатура, кадровая ротация, карьера.

Для цитирования: Никифоров Ю.С. «Политически зрелый и опытный...»: некоторые модели ротации первых секретарей обкома ВКП(б)/КПСС второй половины 1940–1950-х гг. (на материале областей Верхней Волги) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 214–222. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-214-222>

**“POLITICALLY MATURE AND EXPERIENCED ONE...”:
SOME MODELS OF ROTATION OF THE FIRST SECRETARIES
OF THE COMMUNIST PARTY REGIONAL COMMITTEE
IN THE 2ND HALF OF THE 1940S TO THE 50S
(based on the materials of the Upper Volga regions)**

Yury S. Nikiforov, Candidate of Historical Sciences, associate professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Abstract. The article analyses the models of rotation of regional leadership in the Upper Volga regions at the end of Stalin’s period and in the beginning of Khrushchev’s one. The focus is on the 3 first secretaries of the Communist Party regional committee in the 1940–50s - Pavel Alforyov, Vladimir Luk’yanov, Fyodor Titov, who at different times were Party leaders of Vladimir, Ivanovo, and Yaroslavl regions. Attention is paid to quantitative and institutional characteristics associated with personnel rotations of late Stalinism and Khrushchev Thaw. The methodological basis of the study was the principles of historicism and systematicity, the prosopographic method, a combination of analysis of archival documents and sources of personal origin. The theoretical basis of the article is based on the ideas of Yelena Zubkova, Aleksandr Kononov, Aleksey Fyodorov, Oleg Khlevniuk, Yoram Gorlizki. The source base is represented by documents from the Russian State Archive of Contemporary History, materials from documentary publications and reference publications, and personal sources (memoirs, interviews). The article concludes, that the biographies of the first secretaries of the regional committees of the Upper Volga regions (Pavel Alforyov, Vladimir Luk’yanov, Fyodor Titov) demonstrate 3 different models of rotation of regional leadership personnel of Stalin and Khrushchev periods, but do not exhaust the diversity of personnel movements in the post-war USSR. It is noted that the first rotation model “From region to region”, inherent in Vladimir Luk’yanov, can be considered typical of the group of successful Stalinist promoters of the late 1930s. It is emphasised that the second model “Region-centre-region”, inherent in Pavel Alforyov, reflects a move across the regions with a short-term return to the central apparatus of an experienced but not quite successful Party functionary. It is stated that the third model “Second-First-Second”, inherent in Fyodor Titov, was more rare, characterised by alternating the position of first secretary of the regional committee in the regions of the Russian Soviet Republic and second secretary in the republican communist parties of the USSR. The significance for career growth in the 1940-50s is noted considering the positions of second secretary of the regional committee, chairman of the regional executive committee, inspector of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, structures of the central apparatus. As the finishing point in the nomenclature career of Party functionaries of the 1950–60s, the Party Control Committee is indicated. The publication is an invitation to discussion for representatives of the scientific community regarding the typification and classification of regional Party leaders of the Soviet era.

Keywords: USSR, Upper Volga regions, Joseph Stalin, Nikita Khrushchev, prosopography, Communist Party regional committee, first secretary, oral history, regional power, Party nomenclature, personnel rotation, career.

For citation: Nikiforov Yu.S. “Politically mature and experienced one...”: some models of rotation of the first secretaries of the Communist Party regional committee in the 2nd half of the 1940s to the 50s (based on the materials of the Upper Volga regions). *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 214–222 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-214-222>

Активные перестановки корпуса первых секретарей обкома ВКП(б) / КПСС, имевшие место в СССР 1940–50-х гг., получили достаточно широкое освещение в современной историографии – отечественной [Болдовский; Зеленов, Пивоваров; Зубкова; Коновалов; Метёлкина; Федоров; Хлевнюк] и зарубежной [Модсли, Уайт; Hough; Rigby; Gorlizki, Khlevniuk]. Особо отмечу новейшую монографию «Секретари» [Хлевнюк, Горлицкий].

Внимания требуют ротации региональных руководящих кадров, коснувшиеся Верхневолжских регионов [Никифоров 2021]. Эти кадровые изменения, как представляется, являют во многом модельный образец в реализации советской региональной по-

литики как позднего И.В. Сталина [ЦК ВКП(б)], так и Н.С. Хрущева [Региональная политика], заставляя задуматься над типизацией и обобщением кадровых ротаций.

В настоящей статье на материале областей Верхней Волги будет предпринята попытка проанализировать векторы перемещения первых секретарей обкома ВКП(б) / КПСС, сравнив подходы позднего И.В. Сталина и Н.С. Хрущева в ротации региональных партийных руководителей.

В статье углублен ранее предпринятый научный поиск, представленный в авторских публикациях [Никифоров 2020, 2023]. Детально будут проанализированы конкретные партийные руководители

исследуемых областей: их карьера, персональные характеристики, обнаруженные в РГАНИ и/или отраженные в воспоминаниях.

В качестве типичных представляются биографии отдельных партийных лидеров Верхневолжских областей РСФСР конца 1940–50-х гг. Учитывая ограниченный объем статьи, выбор был сделан в пользу углубленного изучения достаточно узкой группы партийных руководителей. В центре внимания исследования находятся 3 первых секретаря обкома ВКП(б) / КПСС 1940–50-х гг.: П.Н. Алферов, первый секретарь Владимирского обкома ВКП(б) (1947–1951) и Ярославского обкома КПСС (1954–1957); В.В. Лукьянов, первый секретарь Ивановского обкома ВКП(б) (1947–1952) и Ярославского обкома КПСС (1952–1954); Ф.Е. Титов, первый секретарь Ивановского обкома ВКП(б) / КПСС (1952–1959).

Источниковая база исследования представлена несколькими группами. Во-первых, были использованы архивные документы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), отложившиеся в фонде «Политбюро ЦК КПСС» (Ф. 3). Во-вторых, была проанализирована информация документальных изданий [ЦК ВКП(б); Региональная политика] и справочников [Горячев; Зеленев, Пивоваров; Справочник]. В-третьих, были привлечены источники личного происхождения (мемуары и интервью, лично взятое автором) [Торопов; Личный архив автора].

Просонография [Merton, Stone] как метод исследования предусматривает детальную оценку группы персоналий по идентичным критериям. Как следствие, стоит остановиться на начальном этапе биографии изучаемых руководящих кадров, представленном в таблице 1.

Из таблицы видно, что, несмотря на некоторые различия в возрасте, все три региональных партийных лидера имели сходные социальные характеристики.

Они связаны с принадлежностью к рабоче-крестьянской среде, наличием инженерно-технического образования, вступлением в ВКП(б) в возрасте до 30 лет, которое способствовало стремительному продвижению по социальной лестнице.

Однако видны и различия у каждого из «героев» исследования. Так, бросается в глаза перечень мест производственной деятельности В.В. Лукьянова, требующих достаточно высокой квалификации в сфере интеллектуального труда. Безусловно, из всей тройки классическим представителем рабочего класса был только П.Н. Алферов, который начал трудовую деятельность в железнодорожной отрасли. Заметим, что железная дорога, находившаяся в ведении Министерства путей сообщения, была в СССР на привилегированном положении. Д. Фильцер называл позднесталинское Министерство путей сообщения «самостоятельной империей», которое имело «собственный комплекс строительных организаций... располагало собственной сетью школ и больниц» [Фильцер: 33–34]. Как следствие, работа П.Н. Алферова в этой сфере может считаться престижной в общей структуре советского производства. Наконец, ранняя трудовая деятельность Ф.Е. Титова, судя по всему, с самого начала была ориентирована на продвижение по идеологической – комсомольско-партийной линии.

Далее следует обратиться к первым шагам будущих первых секретарей по партийной лестнице, что отражено в таблице 2.

Первая строка таблицы 2 показывает разнообразие структур, где начиналась карьера будущего партийного функционера регионального уровня: комиссия партконтроля, столичный райком, исполком горсовета, обкома и др. Точки восхождения на высшие должности в региональной иерархии власти, представленные во второй строке таблицы, были достаточно стандартные для сталинской эпохи. В качестве ключевой структуры, из которой нередко шло выдви-

Таблица 1

Начало биографии первых секретарей обкома ВКП(б) / КПСС¹

Критерий сравнения	П.Н. Алферов (1906–1971)	В.В. Лукьянов (1901–1958)	Ф.Е. Титов (1910–1989)
Место рождения	г. Каменское Екатеринославской губернии	д. Заболотье Александровского уезда Владимирской губернии	с. Сергиевы Горки Гороховецкого уезда Владимирской губернии
Начало трудовой биографии (до партийной работы)	Железная дорога: слесарь паровозного депо, помощник машиниста паровоза, машинист паровоза	красноармеец, технический работник, председатель группкома возчиков; техник конторы; инспектор, экономист Московского эксплуатационно-планового управления; экономист «Союзтранс»; инженер Московского НИИ автомобильного транспорта	Зав. избой-читальней, инструктор районной газеты, секретарь горкома ВЛКСМ
Образование	Днепродзержинский металлургический институт (1934)	Московский институт инженеров автомобильного транспорта (1936)	Костромской текстильный институт (1941)
Вступление в ВКП(б)	1930	1927	1930

Таблица 2

Начало партийной работы первых секретарей обкома ВКП(б) / КПСС²

Критерий сравнения	П.Н. Алферов	В.В. Лукьянов	Ф.Е. Титов
Первые должности по партийной /советской линии	В Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1940–1943); секретарь Саратовского обкома ВКП(б) (1943–1946)	Инструктор, зав. отделом партийных кадров Куйбышевского райкома ВКП(б) Москвы (1937–1938)	Председатель исполкома горсовета; зав. отделом Ярославского обкома ВКП(б) (1941–1942)
Точка (-и) восхождения	Управление кадров ЦК ВКП(б): зав. отделами кадров: внутренних дел, госбезопасности и судебно-прокурорских органов; советских органов (1946 г.)	Второй секретарь Кировского обкома ВКП(б) (1938–1940)	Управление кадров ЦК ВКП(б) – инструктор (1942–1944); секретарь КП(б) Латвии по кадрам (1944–1949)
<i>Пребывание в структурах и должностях, важных для карьерного роста:</i>			
Управление ЦК ВКП(б)	Да	Нет	Да
Инспектор ЦК ВКП(б) / КПСС	Да	Да	Нет
2-й секретарь обкома	Нет	Да	Да
Председатель облисполкома	Да	Нет	Нет

Таблица 3

Кульминация партийной карьеры³

Критерий сравнения	П.Н. Алферов	В.В. Лукьянов	Ф.Е. Титов
Высшие точки карьеры на региональном уровне	Первый секретарь Владимирского обкома ВКП(б) (1947–1951); председатель Ульяновского облисполкома (1953–1954); первый секретарь Ярославского обкома КПСС (1954–1957)	Первый секретарь Кировского обкома ВКП(б) (1940–1947); первый секретарь Ивановского обкома ВКП(б) (1947–1952); первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) / КПСС (1952–1954)	Второй секретарь КП(б) Латвии (1949–1952); первый секретарь Ивановского обкома КПСС (1952–1959); второй секретарь КП Узбекистана (1959–1962); первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС (1963–1966)
Карьера на центральном уровне	Зам. председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (1957–1961). С 1961 г. на пенсии.	Первый зам. председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (1954–1956), член Центральной ревизионной комиссии ЦК, секретарь Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (1956–1958). С 1958 г. на пенсии.	Руководитель группы советников по оказанию помощи в развитии народного хозяйства Кубы (1962–1963); чрезвычайный и полномочный посол СССР в Венгрии (1966–1971), министр иностранных дел РСФСР (1971–1982). С 1982 г. на пенсии

жение в первые секретари регионального парткома, выступало Управление кадров ЦК ВКП(б). Именно такой путь движения на вершину региональной власти виден в случае П.Н. Алферова и Ф.Е. Титова. Челябинский историк А.Н. Федоров отмечал, что «при помощи... работников центральных ведомств и столичных органов Центральный комитет партии пытался смягчить характерный для второй половины 1940-х гг. дефицит квалифицированных кадров в среднем управленческом звене и улучшить региональное руководство СССР» [Федоров: 407]. Еще более типичная ступенька на пути к посту регионального лидера – должность второго секретаря обкома ВКП(б) / КПСС, с которой произошло восхождение В.В. Лукьянова.

Для понимания ротации региональных руководителей кадров в областях Верхней Волги наиболее важен контент таблицы 3.

Анализируя содержание таблицы 3, обратим внимание на такой параметр, как время пребывания в региональной власти каждого из трех руководителей.

Так, П.Н. Алферов за 10 лет (1947–1957) был партийным главой двух регионов и один раз был председателем облисполкома. При этом первым секретарем обкома КПСС он был в двух соседних регионах (Владимирской и Ярославской областей). Средний срок замещения поста первого секретаря обкома составил для него значение от 3 до 4 лет. Данный временной промежуток соотносится с аналогичными периодами других региональных партийных руководителей сталинской эпохи и хрущевского периода. Исключение составило годовое назначение П.Н. Алферова председателем Ульяновского облисполкома, которое вместе с пребыванием в должности инспектора ЦК ВКП(б) разделило на 2 части его карьеру на по-

стах первого секретаря в соседних Верхневолжских областях.

Назначению П.Н. Алферова в Ульяновск предшествовало почти годичное (июль 1951 г. – май 1952 г.) пребывание в аппарате ЦК в конце сталинской эпохи [Зеленов, Пивоваров: 193]. Аналогичный механизм перемещения был применен и в ранний хрущевский период при назначении П.Н. Алферова первым секретарем в Ярославский обком КПСС. 30 декабря 1953 г. он был зачислен инспектором ЦК КПСС с прозрачной формулировкой «для дальнейшего использования в качестве первого секретаря одного из обкомов партии» [Зеленов, Пивоваров: 193]. Должность инспектора ЦК КПСС стала своеобразным транзитным пунктом на пути к назначению в новый регион. Уже 23 января 1954 г. П.Н. Алферов был утвержден первым секретарем Ярославского обкома КПСС⁴.

Несколько особняком в рассматриваемой тройке руководителей Верхневолжских областей стоит номенклатурная карьера Ф.Е. Титова. Его карьерные перемещения чисто хронологически в большей степени связаны с кадровой политикой Н.С. Хрущева на региональном уровне. Ф.Е. Титов, выдвинувшийся в конце сталинского периода, занимал разноплановые статусные должности в регионах СССР по началу брежневской эпохи. За 17 лет (1949–1966) он был дважды партийным главой регионов РСФСР и еще два раза становился вторым секретарем в союзных республиках СССР. В среднем Ф.Е. Титов по 3 года замещал эти значимые посты в системе региональной власти СССР. Исключение составила лишь Ивановская область, где он был первым секретарем обкома ВКП(б) / КПСС в течение 7 лет.

География кадровых перемещений Ф.Е. Титова выглядит широко, охватывая «разнополюсные» территории СССР: Латвия, Иваново, Узбекистан, Чечено-Ингушетия. Обратим внимание на его назначения в союзные республики на пост второго секретаря ЦК КП(б). Они коррелировали с негласным правилом кадровой политики СССР: назначать первым секретарем республиканской компартии представителя «титульной нации» союзной республики [Метёлкина], а вторым секретарем, как правило, этнического русского. О.В. Хлевнюк и Й. Горлицкий указывали на своеобразную практику, «впервые введенную в позднесталинскую эпоху в прибалтийских республиках, когда в неславянских республиках назначение титульного первого секретаря было дополнено вторым секретарем-славянином, который был назначен для наблюдения за распределением кадров, для надзора за деятельностью полиции безопасности, а также для наблюдения за деятельностью первого секретаря» [Gorlizki, Khlevniuk: 13]. Эти выводы ученых подтверждаются и данными устной истории. Сын представителя региональной партноменклатуры

1940–60х гг. Г.Ф. Егоров в интервью 2023 г. утверждал, что «в каждой союзной республике вторым секретарем был русский, чтобы не было националистических движений»⁵.

Семилетнее пребывание Ф.Е. Титова партийным лидером Ивановской области (1952–1959) на фоне интенсивных ротаций в соседних областях (Костромская, Ярославская), позволяет сделать осторожный вывод об относительной эффективности этого регионального партийного руководителя и/или, по крайней мере, о доверии к нему со стороны Н.С. Хрущева. Эту догадку подтверждают и последующие факты его биографии: отсутствие очевидных «карьерных падений» и последующие назначения на ответственные, специфические направления руководящей работы в национальных регионах СССР (Узбекская ССР, Чечено-Ингушская АССР). Кроме того, в период Карибского кризиса и в первые месяцы после него Ф.Е. Титов был руководителем «группы советников по оказанию помощи в развитии народного хозяйства Кубы» [Справочник]. Вероятно, именно этот кубинский вояж был одним из факторов перевода Ф.Е. Титова в брежневскую эпоху на дипломатическую линию. В 1966–1971 гг. он был в ранге чрезвычайного и полномочного посла СССР в Венгрии, затем в течение 11 лет (1971–1982) занимал должность министра иностранных дел РСФСР [Горячев: 886].

В.В. Лукьянов, который за 14 лет (1940–1954) был партийным главой трех близких географически регионов, в среднем замещал посты первого секретаря обкома по 5–6 лет. Исключение составил лишь финишный этап его карьеры – Ярославская область, где В.В. Лукьянов пробыл менее 1,5 лет. Подобно П.Н. Алферову он руководил двумя соседними Верхневолжскими регионами, проследовав из Ивановской области в Ярославскую в конце 1952 г., вероятно для усиления руководства и решения аграрных проблем региона. Его скорая отставка, спустя полтора года (в январе 1954 г.), связанная с кадровыми «чистками» Н.С. Хрущева, получила подробное освещение в документальном издании [Региональная политика: 59–71]. Вероятно, наиболее успешным, судя по характеристикам, обнаруженным в РГАНИ, оказался начальный этап партийной биографии В.В. Лукьянова – пост первого секретаря Кировского обкома ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны.

Важным представляется обратить внимание на характеристики, которые давались партийным функционерам в центральном аппарате ЦК ВКП(б) при назначении на должность. Краткие справки-объективки, отложившиеся в РГАНИ, прилагались к документам, фиксировавшим кадровые изменения в системе региональной власти СССР.

В справке-объективке «О тов. Лукьянове В.В.» при направлении его в Ивановский обком ВКП(б)

отмечалось, что это «энергичный и опытный работник, хорошо знает промышленность и сельское хозяйство... пользуется большим авторитетом, руководящие работники относятся к нему с уважением»⁶; подчеркивались его весомые хозяйственные успехи по предыдущему месту работы: «На протяжении 1944, 1945, 1946 гг. Кировская область выполняет план хлебозаготовок. В годы Отечественной войны умело организовал работу союзной, республиканской и местной промышленности; планы по выпуску валовой продукции ежегодно перевыполнялись»⁷. Надо сказать, что подобные позитивные и конкретные детали не так часто встречались в аналогичных характеристиках. Так, в справке при назначении Ф.Е. Титова первым секретарем Ивановского обкома он характеризовался более лаконично и стандартно: «политически подготовленный и опытный партийный работник, требовательный, хорошо знает партийную работу»⁸. Наконец, в похожей манере при назначении на должность партийного руководителя Ярославской области характеризовался П.Н. Алферов: «политически зрелый и опытный партийный руководитель, в решении вопросов проявляет настойчивость... с обязанностями первого секретаря Ярославского обкома справится»⁹.

Показательно, что при описании причин отставки П.Н. Алферова использовались практически аналогичные лаконичные эпитеты, но уже с негативной коннотацией. С должности первого секретаря Владимирского обкома ВКП(б) в 1951 г. он был отозван в распоряжение ЦК «как не справляющийся с работой»¹⁰. Шесть лет спустя, в 1957 г., уже с поста первого секретаря Ярославского обкома КПСС П.Н. Алферов был освобожден в связи «с серьезными недостатками в руководстве и плохим состоянием здоровья»¹¹.

Коснемся персональных характеристик некоторых из изучаемых первых секретарей, которые представлены в источниках личного происхождения.

Мемуарист из среды партноменклатуры В.Ф. Торопов, характеризуя первых секретарей обкома 1940–50-х гг., идентифицирует и П.Н. Алферова, и В.В. Лукьянова как «руководителей ленинского типа». В его высказывании очевидно конструирование *идеализированного облика этих региональных партийных лидеров*: «Все они, в моем понимании... соответствовали этой высокой должности. В личной жизни вели себя скромно, в духе высокой нравственной культуры. Особенно выделялись среди них Турко, Лукьянов, Алферов. Это были руководители ленинского типа... Личное общение с ними обогащало людей внутренне, вызывало желание лучше работать» [Торопов: 52–53]. Не менее значимы и косвенные реплики того же мемуариста о П.Н. Алферове: «Отчески предупредил, чтобы я вел себя осторожнее». Данное высказывание, вероятно, мо-

жет характеризовать П.Н. Алферова как корректного и осторожного руководителя, проявляющего заботу о ближайших подчиненных [Торопов: 35].

Персональные характеристики В.В. Лукьянова достаточно позитивны сразу в нескольких источниках. Воспоминания о В.В. Лукьянове С. Садырина (в годы Великой Отечественной войны – первый секретарь Свечинского и Лебяжского райкомов Кировской области): «Скромнее, порядочнее, умнее, ближе к народу, интеллигентнее у нас в области не было секретарей. Он не командовал людьми, а разговаривал как равный. С ним приятно было общаться и легко работать»¹². Интеллигентность и бытовая скромность как характеристики В.В. Лукьянова отмечаются и в таких источниках, как интервью Г.Ф. Егорова из Иваново¹³ и в мемуарах представителя региональной партноменклатуры [Торопов: 52].

Подводя итоги, отметим, что проанализированные выше биографии первых секретарей обкома демонстрируют 3 модели ротации региональных руководящих кадров сталинско-хрущевского периода, которые представляются достаточно типичными, но не исчерпывают всего многообразия кадровых перемещений в послевоенном СССР.

Во-первых, имела место модель «Из региона в регион», присущая В.В. Лукьянову. На протяжении 14 лет он 3 раза последовательно занимал посты первого секретаря обкома в географически близких регионах (с кратковременной паузой на должность инспектора ЦК), являя собой тип относительно успешного регионального партийного управленца сталинской эпохи. Во многом он может считаться классическим представителем когорты сталинских выдвиженцев конца 1930-х гг. В историографии их иногда так и именуют – «сталинские молодые кадры» и «класс 38 года» [Модсли, Уайт: 161–162]. Именно в 1938 г. В.В. Лукьянов получил назначение на пост второго секретаря Кировского обкома ВКП(б), с которого в 1940 г. переместился в первые секретари той же области. Закат его карьеры, завершившейся в структуре Комитета партийного контроля, пришелся на период Н.С. Хрущева.

Во-вторых, выделим модель «Регион – центр – регион», присущую П.Н. Алферову – выходцу из центрального аппарата ЦК. Его карьере можно считать во многом типичной моделью горизонтальных перемещений опытного, но не слишком успешного партийного функционера по регионам РСФСР 1940–50-х гг. В случае П.Н. Алферова имели место относительно продолжительные промежуточные фазы, связанные с «вытягиванием» в центральный аппарат для принятия решения о дальнейшем карьерном движении по регионам. П.Н. Алферов подобно В.В. Лукьянову завершил карьеру при Н.С. Хрущеве в Комитете партийного контроля.

В-третьих, отметим модель «Второй – первый – второй», присущую Ф.Е. Титову, который дважды чередовал должности первого секретаря обкома в регионах РСФСР и второго секретаря в компартиях союзных республик СССР. Фигура Ф.Е. Титова является во многом образцово-показательной в части реализации негласного правила кадровой политики в СССР: назначать вторым секретарем республиканской компартии этнического русского (шире – славянина). До известной степени Ф.Е. Титов выступил в роли своеобразного «специалиста» по работе управленцем в национальных регионах СССР, включая территории со сложным этническим составом. В отличие от П.Н. Алферова и В.В. Лукьянова, которые были ненамного его старше, руководящая карьера Ф.Е. Титова вполне успешно продолжилась и при Л.И. Брежнев, но уже, как было отмечено выше, на дипломатическом уровне.

Подчеркну, что представленная выше типизация первых секретарей обкома 1940–50-х гг., проведенная на локальном материале, условна, не является исчерпывающей и служит приглашением к дискуссии для представителей научного сообщества историков и других ученых.

Примечания

¹ Составлено по: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 266, Д. 327, Д. 392, Д. 672; Горячев Ю.В. ЦК КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): историко-библиографический справочник. Москва, 2015; Зеленов М.В., Пивоваров Н.Ю. Аппарат ЦК ВКП(б): структура, функции, кадры. 10 июля 1948 – 5 октября 1952. Москва, 2020; Справочник по истории КПСС и Советского Союза. URL: <http://www.knowbysight.info/index.asp> (дата обращения: 11.05.2024).

² Составлено по: Горячев Ю.В. ЦК КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): историко-библиографический справочник. Москва, 2015; Зеленов М.В., Пивоваров Н.Ю. Аппарат ЦК ВКП(б): структура, функции, кадры. 10 июля 1948 – 5 октября 1952. Москва, 2020; Справочник по истории КПСС и Советского Союза. URL: <http://www.knowbysight.info/index.asp> (дата обращения 11.05.2024).

³ Составлено по: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 266, Д. 327, Д. 392, Д. 672; Горячев Ю.В. ЦК КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): историко-библиографический справочник. Москва, 2015; Зеленов М.В., Пивоваров Н.Ю. Аппарат ЦК ВКП(б): структура, функции, кадры. 10 июля 1948 – 5 октября 1952. Москва, 2020; Справочник по истории КПСС и Советского Союза. URL: <http://www.knowbysight.info/index.asp> (дата обращения: 11.05.2024).

⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 672. Л. 136–138.

⁵ Интервью Г.Ф. Егорова Ю.С. Никифорову // Личный архив автора. Иваново. 29.06.2023 г. 10:00–12:00.

⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 327. Л. 72.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 91.

⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 672. Л. 138.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 266. Л. 38.

¹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 672. Л. 149.

¹² Садырин С. О Владимире Васильевиче остались тёплые воспоминания // Наш город. Первый секретарь. URL: https://vk.com/wall-202652333_241

¹³ Интервью Г.Ф. Егорова Ю.С. Никифорову // Личный архив автора. Иваново. 29.06.2023 г. 10:00–12:00.

Список литературы

Болдовский К.А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. 312 с.

Горячев Ю.В. ЦК КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): историко-библиографический справочник. Москва: Граница, 2015. 1006 с.

Зеленов М.В., Пивоваров Н.Ю. Аппарат ЦК ВКП(б): структура, функции, кадры. 10 июля 1948 – 5 октября 1952. Москва: Нестор-История, 2020. 776 с.

Зубкова Е.Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС. 1945–1953 гг. // Свободная мысль. 1999. № 3. С. 112–120.

Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 635 с.

Метёлкина Л.Н. Особенности ротации политической элиты в РСФСР (на примере 1-х секретарей региональных комитетов КПСС в период 1953–1964 гг.) // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 95–100.

Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева Центральный Комитет и его члены, 1917–1991. Москва: РОССПЭН, 2011. 429 с.

Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Пермское кн. изд-во, 2003. 238 с.

Никифоров Ю.С. Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950–1980-е гг.). Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021. 275 с.

Никифоров Ю.С. Движение вверх и по горизонтали: карьерные траектории лидеров Верхневолжских регионов в позднем СССР // Клио. 2020. № 10 (166). С. 110–120.

Никифоров Ю.С. 1953 г. как «поворотная линия» в карьере высших руководящих партийных кадров Верхневолжских областей РСФСР // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути: материалы XV Международ. науч. конф. Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г. / отв. ред. А.К. Сорокин. Москва: РОССПЭН, 2023. С. 203–219.

Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост.: О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прокуменщиков, В.Ю. Васильев и др. Москва: РОССПЭН, 2009. 774 с.

Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. URL: <http://www.knowbysight.info/index.asp> (дата обращения: 11.05.2024).

Торопов В.Ф. Незабываемое. Записки председателя облисполкома. Ярославль: Верхняя Волга, 2001. 173 с.

Федоров А.Н. Выдвижение ленинградских кадров в первые послевоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, вып. 2. С. 393–408.

Федоров А.Н. Ротация первых секретарей региональных комитетов ВКП(б) в 1946–1952 гг.: масштабы, причины, механизмы // Pamięć i Sprawiedliwość. 2018. № 2 (32). С. 126–142.

Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Москва: РОССПЭН, 2011. 354 с.

Хлевнюк О.В. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х гг. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31–49.

Хлевнюк О., Горлицкий Й. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. Москва: НЛО, 2024. 432 с.

ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост.: В.В. Денисов, М.Ю. Прокуменщиков, О.В. Хлевнюк. Москва: РОССПЭН, 2004. 494 с.

Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev. *Slavic Review*, 2010, no. 69 (3), pp. 676-700.

Gorlizki Y., Khlevniuk O. Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union. London, Yale University Press, 2020, 445 p.

Hough J.F. The Soviet Prefects. Cambridge, Mass., 1969, 416 p.

Merton R.K. Social Theory and Social Structure. New York, Macmillan Publ., 1957, 713 p.

Moses J.C. Regionalism in Soviet Politics: Continuity as a Source of Change, 1953–1982. *Soviet Studies*, 1985, vol. 37, no. 2, pp. 184-211.

Rigby T.H. Political Elites in the USSR. Central Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. Aldershot, 1990, pp. 156-161.

Stone L. Prosopography. *Historical Studies Today*, ed. by F. Gilbert and St. Graubard. New York, 1972, 107 p.

References

Boldovskij K.A. *Padenie “blokadny’x sekretarej”*. *Partapparat Leningrada do i posle “leningradskogo dela”* [The fall of the “siege secretaries”. The Leningrad party apparatus before and after the “Leningrad affair”]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018, 312 p. (In Russ.)

CK VKP(b) i regional'nye partijnye komitety, 1945-1953 [Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and regional party committees, 1945-1953], comp.: V.V. Denisov, M.Y. Prozumenshchikov, O.V. Hlevnyuk et al. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 494 p. (In Russ.)

Fedorov A.N. *Vy'dvizhenie leningradskix kadrov v pervy'e poslevoenny'e gody* [Promotion of Leningrad personnel in the first post-war years]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2023, vol. 68, no. 2, pp. 393-408. (In Russ.)

Fedorov A.N. *Rotaciya pervy'x sekretarej regional'ny'x komitetov VKP(b) v 1946-1952 gg.: masshtaby, prichiny, mexanizmy* [Rotation of first secretaries of regional committees of the CPSU(b) in 1946-1952: scale, reasons, mechanisms]. *Pamięć i Sprawiedliwość*, 2018, no. 2 (32), pp. 126-142. (In Russ.)

Fil'cer D. *Sovetskie rabochie i pozdnij stalinizm* [Soviet workers and late Stalinism]. ROSSPE'N Publ., 2011, 354 p. (In Russ.)

Goryachev Yu.V. *CK KPSS, VKP(b), RKP(b), RSDRP(b): istoriko-bibliograficheskij spravochnik* [Central Committee of the CPSU, CPSU(b), RCP(b), RSDLP(b): historical and bibliographic reference book]. Moscow, Granica Publ., 2015, 1006 p. (In Russ.)

Hlevnyuk O.V. *Regional'naya vlast' v SSSR v 1953 - konce 1950-h gg. Ustojchivost' i konflikty* [Regional power in the USSR in 1953 - late 1950s. Stability and conflicts]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 2007, no. 3, pp. 31-49. (In Russ.)

Hlevnyuk O.V., Gorliczkij J. *Sekretari. Regional'ny'e seti v SSSR ot Stalina do Brezhneva* [Secretaries. Regional networks in the USSR from Stalin to Brezhnev]. Moscow, NLO Publ., 2024, 432 p. (In Russ.)

Kononov A.B. *Partijnaya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noj vlasti (1945–1991)* [Party nomenclature of Siberia in the system of regional power (1945–1991)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2006, 635 p. (In Russ.)

Metyolkina L.N. *Osobennosti rotacii politicheskoy e'lity v RSFSR (na primere 1-x sekretarej regional'ny'x komitetov KPSS v period 1953–1964)* [Features of the rotation of the political elite in the RSFSR (on the example of the 1st secretaries of regional committees of the CPSU in the period 1953–1964)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Sociologiya. Politologiya* [News of Saratov University. Ser.: Sociology. Political science], 2012, vol. 12, no. 3, pp. 95-100 (In Russ.)

Modslı E., Uajt S. *Sovetskaya e'lita ot Lenina do Gorbacheva Central'ny'j Komitet i ego chleny, 1917-1991* [The Soviet elite from Lenin to Gorbachev, the Central Committee and its members, 1917-1991]. Moscow, ROSSPE'N Publ., 2011, 429 p. (In Russ.)

Mohov V.P. *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945-1991)* [Regional political elite of Russia (1945-1991)]. Perm', Permskoe izdatel'stvo Publ., 2003, 238 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Verhnevolzhskie regiony RSFSR i soyuzno-respublikanskij centr (1950-1980-e gg.)* [Upper Volga regions of the RSFSR and the Union-Republican center (1950-1980)]. Yaroslavl, YGPU Publ., 2021, 275 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Dvizhenie vverh i po gorizontali: kar'erny'e traektorii liderov Verhnevolzhskix regionov v pozdnem SSSR* [Moving upward and horizontally: career trajectories of the leaders of the Upper Volga regions in the late USSR]. *Klio* [Clio], 2020, no. 10 (166), pp. 110-120 (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *1953 g. kak «povorotnaya liniya» v kar'ere vy'sshix rukovodyashhix partijny'x kadrov Verhnevolzhskix oblastej RSFSR* [1953 as a “turning line” in the career of senior leadership party cadres of the Upper Volga regions of the RSFSR]. *1953-j. Podvedenie itogov i vy'bor puti. Materialy XV Mezhdunar. nauch. konf.* Ekaterinburg, 21-24 iyunya 2023 g. [Summing up and choosing a path: materials of the XV International Scientific Conference (Ekaterinburg, June 21-24, 2023)], ed. by A.K. Sorokin. Moscow, ROSSPE'N Publ., 2023, pp. 203-219. (In Russ.)

Regional'naya politika N.S. Khrushheva. *CK KPSS i mestny'e partijny'e komitety. 1953-1964 gg.* [Regional policy N.S. Khrushchev. CPSU Central Committee and local party committees. 1953-1964], comp.: O.V. Hlevnyuk, M.Yu. Prozumenshnikov, V.Yu. Vasil'ev et al. Moscow, ROSSPE'N Publ., 2009, 774 p. (In Russ.)

Spravochnik po istorii Kommunisticheskoy partii i Sovetskogo Soyuza 1898-1991 [Handbook of the history of the Communist Party and the Soviet Union 1898-1991]. URL: <http://www.knowbysight.info/index.asp> (access date: 11.05.2024). (In Russ.)

Toropov V.F. *Nezabyvaemoe. Zapiski predsedatelya oblispolkoma* [Unforgettable. Notes from the chairman

of the regional executive committee]. Yaroslavl', Verkhaya Volga Publ., 2001, 173 p. (In Russ.)

Zelenov M.V., Pivovarov N.Yu. *Apparat CzK VKP(b): struktura, funktsii, kadry: 10 iyulya 1948 – 5 oktyabrya 1952* [Apparatus of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks: structure, functions, personnel. July 10, 1948 – October 5, 1952]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020, 776 p. (In Russ.)

Zubkova E.Yu. *Kadrovaya politika i chistki v KPSS. 1945-1953 gg.* [Personnel policy and purges in the CPSU. 1945-1953]. *Svobodnaya my'sl* [Free thought], 1999, no. 3, pp. 117-127. (In Russ.)

Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev. *Slavic Review*, 2010, no. 69 (3), pp. 676-700.

Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union*. London, Yale University Press Publ., 2020, 445 p.

Hough J.F. *The Soviet Prefects*. Cambridge, Mass. Publ., 1969, 416 p.

Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York, Macmillan Publ., 1957, 713 p.

Moses J.C. Regionalism in Soviet Politics: Continuity as a Source of Change, 1953–1982. *Soviet Studies*, 1985, vol. 37, no. 2, pp. 184-211.

Rigby T.H. *Political Elites in the USSR. Central Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev*. Aldershot Publ., 1990, pp. 156-161.

Stone L. *Prosopography. Historical Studies Today*, ed. by F. Gilbert and St. Graubard. New York, 1972, 107 p.

Статья поступила в редакцию 26.06.2024; одобрена после рецензирования 13.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 26.06.2024; approved after reviewing 13.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

**ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОГО РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
(по материалам административного отдела Горьковского обкома ВКП(б))**

Кежутин Андрей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия; Дзержинский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижегородская область, Дзержинск, Россия; филиал Частного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет имени С.Ю. Витте» в г. Нижнем Новгороде, Нижний Новгород, Россия, kezhutin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0793-7181>

Аннотация. Статья раскрывает проблемы здравоохранения в городе Горьком и Горьковской области периода 1945 – начала 1950-х гг. Актуальность исследования связана в первую очередь с недостаточной разработанностью данной темы в историографии. С другой стороны, закрытость ряда архивных фондов и постепенная работа по рассекречиванию социально значимых документов требуют своевременного их вовлечения в научный оборот. Источниковой базой являются материалы Государственного общественно-политического архива Нижегородской области и Центрального архива Нижегородской области. Город Горький и районные центры Горьковской области, особенно Дзержинск, в послевоенный период являлись важными центрами промышленности. Горький также являлся одним из крупных транспортных узлов. В статье отмечается, что данные факторы напрямую повлияли на развитие региональной медицины. В условиях начала холодной войны медицинская документация стала закрытой. Автором уделено основное внимание анализу медицинских документов административного отдела Горьковского обкома ВКП(б). Вводятся в научный оборот данные о состоянии здравоохранения в регионе. В основу исследования положены принципы историзма, научной объективности, детерминизма. Применены методы анализа, синтеза, сравнительно-исторический, хронологический. Новизна исследования состоит в получении новых знаний об условиях состояния, функционирования и реформирования системы здравоохранения Горьковской области, а также об организации борьбы с социальными болезнями, венерическими заболеваниями и туберкулезом в послевоенный период. Автором выделены основные проблемы региональной медицины исследуемого периода и предложения партийных органов по решению социально значимых вопросов.

Ключевые слова: история, здравоохранение, социальные болезни, венерические заболевания, туберкулез, город Горький, врачи, послевоенный период.

Для цитирования: Кежутин А.Н. Проблемы послевоенного развития регионального здравоохранения (по материалам административного отдела Горьковского обкома ВКП(б)) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 223–227. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-223-227>

Research Article

**PROBLEMS OF POST-WAR DEVELOPMENT OF REGIONAL HEALTHCARE
(based on materials from the administrative department of Gorky Regional Committee
of the All-Union Communist Party (Bolsheviks))**

Andrey N. Kezhutin, Doctor of Historical Sciences, the Volga Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia; Dzerzhinsk Branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Lobachevsky Nizhny Novgorod State National Research University”, Dzerzhinsk, Nizhny Novgorod Region, Russia; Branch of the Private Educational Institution of Higher Education “Witte Moscow University» in Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, kezhutin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0793-7181>

Abstract. The article reveals health problems in the City of Gorky and Gorky Region in the period of 1945 – early 1950s. Topicality of the study is connected, first of all, with the insufficient development of this topic in historiography. On the other hand, the secrecy of a number of archival funds and the gradual work on declassifying socially significant documents require their timely involvement in scientific circulation. The source base is the materials of the State Socio-Political Archive of

Nizhny Novgorod Region and the Central Archive of Nizhny Novgorod Region. The City of Gorky and the regional centres of Gorky Region, especially Dzerzhinsk, were important industrial centres in the post-war period. Gorky was also one of the major transport hubs. The article notes that these factors directly influenced the development of regional medicine. With the outbreak of the Cold War, medical documentation became closed. The author focuses on the analysis of medical documents of the administrative department of Gorky Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Data on the state of health care in the region is just at the moment being introduced into scientific circulation. The research is based on the principles of historicism, scientific objectivity, and determinism. Methods of analysis, synthesis, comparative historicism, chronology were used. The novelty of the research lies in obtaining new knowledge about the conditions of the state, functioning and reform of the health care system of Gorky Region, as well as about the organisation of fighting social diseases, such as venereal ones and tuberculosis, in the post-war period. The author highlights the main problems of regional medicine of the period under study and the proposals of Party bodies to resolve socially significant issues.

Keywords: history, healthcare, social diseases, venereal diseases, tuberculosis, Gorky City, physicians, post-war period.

For citation: Kezhutin A.N. Problems of post-war development of regional healthcare (based on materials from the administrative department of Gorky Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks). Bulletin of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 223–227. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-223-227>

Проблема развития отечественной медицины в первые годы после Великой Отечественной войны является одной из актуальнейших тем в современной историографии. Еще в советский науке обозначилась тенденция к рассмотрению первых послевоенных лет в качестве восстановительного периода, который был успешно завершён к началу 1950-х гг. [Обидина, Узденникова; Трофимов, Занозин]. В последнее время намечается переход к пониманию всей противоречивости развития здравоохранения середины XX в. Даже ставится вопрос о том, что было характерно в большей степени: восстановление разрушенной сферы или создание новой системы [Загравкин, Вишленкова; Христенко; Кежутин 2021]. С точки зрения современных подходов к исследованию данного периода можно выделить сразу несколько направлений, требующих специального рассмотрения.

Во-первых, недостаточно изученным остается вопрос об изживании в 1940-х гг. негативного опыта реформирования советского здравоохранения в предвоенные годы. Как известно, в 1920–1930-е гг. неоднократно предпринимались неудачные попытки придания здравоохранению классового характера, отмечался явный перекося в сторону развития промышленной медицины, что было обусловлено проведением индустриализации. Все это привело к неравномерности развития советского здравоохранения накануне Великой Отечественной войны, которая отодвинула решение этих проблем, законсервировав их.

Во-вторых, целую группу проблем составляют вопросы организации здравоохранения. Предвоенные десятилетия характеризовались поиском эффективных форм взаимодействия центральных органов управления медицинской сферой, партийных структур, региональных систем организации здравоохранения, а также сети лечебно-профилактических учреждений.

В-третьих, важным остается вопрос исследования борьбы с социальными болезнями. Отчасти такая

ситуация вызвана объективными условиями развития советской медицины. С одной стороны, у широкой общественности практически не осталось возможности влиять на ход искоренения общественных недугов после сворачивания антиалкогольных кампаний, закрытия обществ трезвости, перехода к государственной борьбе с туберкулезом и венерическими заболеваниями в середине 1930-х гг. Хотя положительный опыт общественной деятельности по борьбе с социальными болезнями в Нижегородском регионе был накоплен еще накануне Первой мировой войны [Кежутин 2018]. С другой стороны, парадокс заключался в том, что именно социальные болезни были вызваны бурным развитием индустрии, вовлечением широких масс населения в производственный процесс с новыми социально-бытовыми условиями.

Общую трудность для исследователей данного периода составляет закрытость многих архивных фондов. Документы рассекречиваются постепенно, что позволяет говорить о возможности лишь фрагментарной реконструкции процесса развития региональной советской медицины в послевоенные годы. Вместе с тем некоторые документы содержат уникальные сведения, позволяющие представить целостную картину состояния советской медицины середины XX в. Особую роль играют справки, содержавшие сведения, выносившиеся на обсуждение партийных органов.

В отношении Горьковской области одним из таких недавно рассекреченных дел является уникальная подборка справок заведующего административным отделом Горьковского обкома ВКП(б) «О состоянии здравоохранения в г. Горьком и области. Январь 1951 – Октябрь 1951 г.»¹. Многие из документов фрагментарны. Наиболее информативной в рамках данного комплекса является справка № 869-с от 10 июля 1951 г.² С точки зрения внешней критики она представляет собой первый и единственный сохранившийся экземпляр с отметкой «С. секретно», содержит требование возвратить документ в Особый сектор Горьковско-

го обкома ВКП(б). Машинописный текст включает все необходимые реквизиты входящего и исходящего документа на первом листе, а также подпись заведующего административным отделом Горьковского обкома ВКП(б) П. Ласточкина на последнем листе. Второй экземпляр документа был уничтожен 8 декабря 1951 г., о чем сделана соответствующая запись на первом листе оригинала.

По форме исследуемая справка является обращением Горьковского Областного комитета партии в ЦК ВКП(б) с просьбой об оказании помощи в решении вопросов, связанных с развитием медицинского обслуживания населения.

Структурно в документе можно выделить три основных компонента: достижения регионального здравоохранения за последние несколько лет; проблемы и трудности в развитии медицинской сферы; просьбы о выделении средств на строительство и оборудование новых и уже действовавших лечебно-профилактических учреждений.

Содержательная особенность обращения составителя справки к историческому опыту состоит в отсылке к результатам деятельности местных органов управления здравоохранением за последние 15 лет. Это позволяет провести ретроспективный анализ.

Среди достигнутых успехов справедливо отмечают: увеличение расходов на здравоохранение, рост численности медицинских кадров, окончание объединения больниц и поликлиник в единые медицинские учреждения, почти повсеместное внедрение участкового принципа обслуживания населения. Приведенные факты не сопровождаются цифровыми данными. Сегодня нам очевидно, что они уже были опубликованы в периодической печати, растиражированы в официальных отчетах и на тот момент не составляли секретной информации.

Наряду с явными успехами в документе нашли отражение и крупные недостатки. Особенно много их было вскрыто в ходе работы бригады ЦК ВКП(б), проверявшей работу органов здравоохранения в области. В центре внимания комиссии оказались Горький и Дзержинск как наиболее крупные промышленные центры. В справке отмечено, что сеть лечебно-профилактических учреждений этих городов сильно отстала от роста населения и промышленных предприятий. Развитие действовавших больниц сдерживалось отсутствием помещений в Горьком, Выксе и ряде других городов области. В Дзержинске с 1935 г. не было построено ни одного лечебного учреждения. В Горьком имелось в среднем 7,5 койки на 1 тыс. населения, а в Дзержинске – 6,7 (при норме в 10 коек)³. Это приводило к тому, что больницы часто отказывали в госпитализации даже инфекционным больным. Особенно неблагоприятная ситуация складывалась в Дзержинске. Тяжелой оставалась си-

туация с распространением туберкулеза. Практически во всех крупных городах отмечались недостатки в благоустройстве, санитарном состоянии. В ряде поселков отсутствовала канализация.

Другой крупной проблемой оставался дефицит кадров. В Горьком не хватало 460 врачей, в Дзержинске – 90, а общий некомплект по области составлял 647 врачей. Более чем в 30 районах области не было врачей основных специальностей⁴. Вследствие этого широкое развитие приобрело совместительство. Последнее снижало качество обслуживания населения. Важной общей проблемой оставалось недостаточное снабжение больниц и аптечной сети необходимыми медикаментами.

В качестве основной причины тяжелого состояния региональной медицины было обозначено недофинансирование со стороны Министерства здравоохранения. Поэтому в справке было выделено 7 пунктов предложений, предусматривавших просьбы о выделении средств на следующие цели: строительство туберкулезной больницы в Горьком, туберкулезного диспансера в Дзержинске и 4 межрайонных больниц для лечения пациентов с костным туберкулезом; оборудование больниц области и создание рентгеновских кабинетов, лабораторий в них; приобретение машин для скорой помощи; создание в Дзержинске 3 стационаров при медицинских частях крупнейших предприятий химической промышленности; открытие санитарно-эпидемиологических станций в 25 районах области и т. д.⁵

В архивном фонде не обнаружено ответа на данное обращение, но общий контекст исследуемого периода позволяет предположить, что подобные справки с мест в исследуемый период поступали регулярно. Развитие системы регионального здравоохранения было напрямую связано с особенностями экономического развития регионов и уровнем их индустриализации.

Проблема дисбаланса городского и сельского здравоохранения так и не была изжита к середине XX в. Материалы Центрального архива Нижегородской области также свидетельствуют о противоречивых тенденциях развития регионального здравоохранения. С одной стороны, борьба с социальными болезнями принесла несомненные успехи. Именно с этим связано перенесение центра внимания врачебного общества от общественных заболеваний к сердечно-сосудистым и онкологическим. Статистика отделов здравоохранения местных исполнительных комитетов подтверждает данную тенденцию. Так, даже в одном из самых неблагоприятных в санитарно-эпидемиологическом отношении Ждановском районе г. Горького в начале 1950-х гг. основное место среди наиболее распространенных заболеваний занимал рак желудочно-кишечного тракта и молочных желез⁶.

С другой стороны, среди сельского населения и той части городских обывателей, которая проживала на окраинах в старом жилищном фонде с плохим устройством канализации в условиях скученности и антисанитарии, уровень заболеваемости малярией, туберкулезом, иными социальными и инфекционными заболеваниями продолжал оставаться достаточно высоким. В том же Ждановском районе г. Горького к 1953 г. заболеваемость туберкулезом увеличилась на 30 % вследствие плохих бытовых и жилищных условий. Частота встречаемости разных видов тифа хотя и снизилась почти в два раза благодаря ранее проведенным мероприятиям, но произошел рост заражения дизентерией также в два раза по сравнению с 1952 г. (заболело 1 026 чел.). Высокая заболеваемость объяснялась неудовлетворительным санитарным состоянием района: канализационный фонд составлял всего 7 %, сантехнические установки не хлорировались, что способствовало повышенному выплуду мух⁷.

И все же ситуация постепенно менялась к лучшему. Особенно красноречивыми были показатели рождаемости и детской смертности. За 1953 г. в Ждановском родильном доме, на содержание которого расходовалось около 50 % всего бюджета районного здравоохранения, родилось 3 537 детей, а умерло только 47⁸. Для сравнения, до революции 1917 г. Россия занимала первое место в мире по уровню смертности детей, доля умерших составляла до 27 % [Христенко: 634].

Таким образом, проблемы развития регионального здравоохранения Горьковской области послевоенного периода необходимо рассматривать в более широком контексте вопроса о соотношении между производством и потреблением, который в исследуемый период был далек от баланса. В общеисторической литературе данный вопрос уже получил некоторое освещение (см.: [Hoffmann D.L., Filtzer D.]). Однако вводимые в научный оборот архивные материалы наглядно показывают, что советское здравоохранение на региональном уровне оставалось неоднородным в исследуемый период, испытывая значительные трудности в связи с дефицитом медицинских кадров, специального оборудования, помещений. Еще более серьезную преграду для развития медицинской сферы представляли плохие жилищные и социально-бытовые условия жизни значительной части сельского и городского населения. Ситуация постепенно менялась к лучшему по своеобразной траектории: от областных индустриально развитых центров к районным городам и далее к сельским поселениям. Одним из важнейших показателей стал уровень детской смертности, снизившийся в несколько раз по сравнению с предыдущими десятилетиями. Увеличение финансирования учреждений здравоохранения, про-

ведение массовых профилактических мероприятий, организация благоприятных жилищных условий создавали предпосылки для окончательного преодоления распространенных ранее социальных и эпидемиологических заболеваний.

Примечания

¹ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. Р-3. Оп. 1. Ч. 3. Д. 8038 (32). Справки заведующего административным отделом обкома ВКП(б) о состоянии здравоохранения в г. Горьком и области. Январь 1951 – Октябрь 1951 г. 1951. 76 л.

² Там же. Л. 63–66.

³ Там же. Л. 63.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 64.

⁶ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-3071. Оп. 3. Д. 56. Л. 18.

⁷ Там же. Л. 20.

⁸ Там же. Д. 63. Л. 77.

Список литературы

Занозин Н.В. Организация системы здравоохранения Горьковской области в 1945–1953 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. Т. 10, № 5 (62). 2020. С. 1049–1057.

Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А. Восстановление или создание? Послевоенная реформа советского здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 28 (5). С. 1011–1016.

Кежутин А.Н. Борьба с социальными болезнями в Нижегородской губернии накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 103–107. <https://doi.org/10.17223/15617793/428/13>.

Кежутин А.Н. Борьба с социальными болезнями в Нижегородском крае на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 26–30. <https://doi.org/10.17223/19988613/70/4>.

Обидина Н.Д., Узденникова В.Н. Здравоохранение за 40 лет // Культурное строительство Горьковской области, 1917–1957. Горький: Горьковское книжное издательство, 1957. 328 с.

Трофимов В.В. Здравоохранение Российской Федерации за 50 лет. Москва: Медицина, 1967. 332 с.

Христенко Д.Н. Советская сельская медицина довоенного периода в оценках отечественных и иностранных очевидцев // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 629–645.

Hoffmann D.L. Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939. Ithaca–London, Cornell University Press, 2011, 327 p.

Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia. Health, Hygiene, and Living Standards, 1949–1953. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, 379 p.

References

Kezhutin A.N. *Bor'ba s social'nymi boleznyami v Nizhegorodskoj gubernii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny* [The fight against social diseases in the Nizhny Novgorod province on the eve and during the First World War]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 428, pp. 103-107. <https://doi.org/10.17223/15617793/428/13>. [In Russ.]

Kezhutin A.N. *Bor'ba s social'ny'mi boleznyami v Nizhegorodskom krae na rubezhe 1920–1930-x gg.* [The fight against social diseases in the Nizhny Novgorod region at the turn of the 1920s–1930s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2021, no. 70, pp. 26-30. <https://doi.org/10.17223/19988613/70/4> [In Russ.]

Khristenko D.N. *Sovetskaya sel'skaya medicina dovoennogo perioda v ocenках otechestvenny'x i inostranny'x ochevidcev* [Soviet rural medicine of the pre-war period in the assessments of domestic and foreign eyewitnesses]. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, no. 2, pp. 629-645. [In Russ.]

Obidina N.D., Uzdennikova V.N. *Zdravoohranenie za 40 let* [Healthcare for 40 years]. *Kul'turnoe stroitel'stvo Gor'kovskoi oblasti 1917–1957* [Cultural construction of

the Gorky region 1917–1957]. Gorky, Gorky Book Publishing House Publ., 1957, 328 p. [In Russ.]

Trofimov V.V. *Zdravoohranenie Rossijskoj Federacii za 50 let* [Healthcare of the Russian Federation over 50 years]. Moscow, Medicine Publ., 1967, 332 p. [In Russ.]

Zanozin N.V. *Organizaciya sistemy` zdravoohraneniya Gor'kovskoj oblasti v 1945–1953 gg.* [Organization of the health care system of the Gorky region in 1945–1953]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh ot-noshenii* [Issues of national and federal relations], 2020, vol. 10, no. 5 (62), pp. 1049-1057. [In Russ.]

Zatravkin S.N., Vishlenkova E.A. *Vosstanovlenie ili sozdanie? Poslevoennaya reforma sovetskogo zdravoohraneniya* [Restoration or creation? Post-war reform of Soviet healthcare]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravoohraneniia i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, healthcare and history of medicine], 2020, no. 28 (5), pp. 1011-1016. [In Russ.]

Hoffmann D.L. *Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Ithaca–London, Cornell University Press, 2011, 327 p.

Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia. Health, Hygiene, and Living Standards, 1949–1953. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, 379 p.

Статья поступила в редакцию 13.04.2024; одобрена после рецензирования 23.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 13.04.2024; approved after reviewing 23.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ШЛЯХЕТСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Красинский Иван Викторович, аспирант кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, iankrasinski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9549-3466>

Аннотация. В статье рассмотрены основные дореволюционные работы по проблеме доказательства шляхетства в Великом княжестве Литовском. Определены достижения и недостатки дореволюционной историографии. Исследования данной проблематики можно разделить на два этапа. Первый этап (XVI–XVIII вв.) характеризовался проведением генеалогических и геральдических исследований (М. Стрыйковский и Б. Папроцкий, К. Несецкий). Второй этап (конец XVIII – первая четверть XX вв.) представлен работами И.И. Лаппо, М.К. Любавского, Ф.И. Леонтовича, С.Л. Пташицкого и др. Сделан вывод о том, что дореволюционная историография предоставляет богатый материал для исследований. Однако остались неизученными такие аспекты, как причины и правовое регулирование процедуры вывода шляхетства, тактики судебных процессов и их влияние на социум и культуру ВКЛ. Тем не менее дореволюционный этап заложил основу для дальнейших исследований проблемы доказательства шляхетства, остающейся актуальной и в XXI веке.

Ключевые слова: историография истории Беларуси, шляхта, Великое княжество Литовское, доказательство шляхетства, вывод шляхетства, историография истории Великого княжества Литовского, социальная история.

Для цитирования: Красинский И.В. Дореволюционная историография проблемы доказательства шляхетства в Великом княжестве Литовском // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 228–238. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-228-238>

Research Article

PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM OF PROOF OF MEMBERSHIP IN THE NOBILITY IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

Ivan V. Krasinski, postgraduate student of the Department of the History of Belarus of Ancient Times and the Middle Ages, Belarus State University, Minsk, Belarus, iankrasinski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9549-3466>

Abstract. The article examines the main pre-revolutionary works on the problem of proving one's membership in the Szlachta (nobility) in the Grand Duchy of Lithuania. Achievements and shortcomings of pre-revolutionary historiography are identified. The research on this issue is divided into two stages. The first stage (16th–18th centuries) was characterized by genealogical and heraldic studies (Maciej Strykowski and Bartosz Paprocki, Kasper Niesiecki). The second stage (late 18th – 1st quarter of the 20th century) is represented by the works of Ivan Lappo, Matvei Lyubavsky, Fyodor Leontovich, Stanisław Ptaszycki, and others. It is concluded that pre-revolutionary historiography provided a rich material for research but missed aspects such as the reasons and legal regulation of the procedure for proving membership in the Szlachta, the tactics of judicial processes, and their impact on the society and culture of the Grand Duchy of Lithuania. Nevertheless, the pre-revolutionary period laid the foundation for further research on the problem of proving nobility, which remains relevant in the 21st century.

Keywords: historiography of Belarusian history, Szlachta, Grand Duchy of Lithuania, proof of membership in nobility, outputting personal nobility, historiography of Grand Duchy of Lithuania, social history.

For citation: Krasinski I.V. Pre-Revolutionary historiography of the problem of proof of membership in the nobility in the Grand Duchy of Lithuania. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 228–238. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-228-238>

Проблематика шляхетства Великого княжества Литовского (ВКЛ) занимает важное место в современных исторических исследованиях. Изучение шляхетства позволяет проследить социокультурные, политические и правовые процессы, проходившие в XIV–XVIII вв. в обширном регионе, затрагивающем территории современных Беларуси, Литвы, Украины, Польши, России, стран Прибалтики и Молдовы. Актуальность проблемы шляхетства ВКЛ подтверждается исследованиями современных авторов, среди которых стоит отметить П.О. Лойко, Е.С. Глинского, Е.К. Анищенко, А.А. Скепьян, И.Ю. Уварова, А.А. Винниченко, Н.В. Слиж, А.И. Шаланду, К. Петкевича, С.А. Рыбчонка, Н.Н. Яковенко, Д.Л. Яцкевича, Н.В. Козловскую, М.Е. Бычкову, А.В. Захарова, Т.И. Пелипенко и др.

Шляхта представляла собой привилегированное сословие, игравшее ключевую роль в политической, социальной и культурной жизни ВКЛ. Оформление шляхетства как отдельной социальной группы происходило в конце XIV – XVI вв. Введение правовых ограничений на получение привилегий привело к корпоративизации шляхетского сословия. Таким ограничением стала процедура «вывода», или доказательство шляхетства. Владение благородным статусом, согласно постановлению «Уставы о выводе шляхетства за примовую» (1507 г.; далее – «Устава») и положениям Статутов ВКЛ (1529, 1566, 1588 г.), требовало подтверждения шляхетства в судебном порядке.

Несмотря на возросший за последние 30 лет интерес авторов к истории шляхетства ВКЛ, проблема доказательство шляхетства остается практически нетронутой. Многие известные нам сегодня сведения об этой процедуре были опубликованы еще в дореволюционное время. В силу этого проведение обзора дореволюционной историографии по вопросу «вывода» шляхетства позволит оценить основные достижения исторической науки этого периода и определить неизученные аспекты, на которые следует обратить внимание современным историкам.

Цель статьи – определить достижения и выявить недостатки дореволюционной историографии по проблеме доказательство шляхетства в Великом княжестве Литовском.

Методология исследования базируется на историко-генеалогическом и историко-правовом подходах. Анализ источников включает изучение хроник, гербовников, правовых актов, судебных документов и дореволюционных исторических трудов. Для работы с накопленным историографическим материалом применены историко-генеалогический (анализ происхождения шляхетских родов), историко-правовой (изучение законодательства и правовых норм, регулирующих процесс доказательство шляхетства), компаративный методы (сопоставление подходов

к изучению доказательство шляхетства историками). Методологическим принципом статьи является принцип историзма. Несмотря на понятное для большинства слово «доказательство», автор применяет аутентичный термин изучаемого периода – «вывод», то есть выведение, обоснование, аргументация. Выбор этих методологических инструментов обусловлен необходимостью разностороннего анализа историографии доказательство шляхетства.

Дореволюционный период охватывает 400 лет историографии. Целесообразно разделить этот период на два этапа. Первый этап дореволюционного периода относится к XVI–XVIII вв. Это время накопления сведений о магнатских и шляхетских семьях, создания мифов и легенд об их происхождении, появления первых гербовников. Часто авторы этих «шляхетских справочников» находились под протекторатом влиятельных патронов, что обуславливало субъективное содержание трудов. Исследования XVI–XVIII вв. выступают для современного исследователя не только как историографический материал, но и исторический источник. Проблематика первого этапа дореволюционной историографии – социально-политическая, генеалогическая и геральдическая.

Ярким представителем первого этапа дореволюционной историографии «вывода» шляхетства является хронист ВКЛ М. Стрыйковский (1547–1586(1593)). Автором написана генеалогическая поэма «Goniec snoty do prawych szlachciców» [Strykowski 1574]. В 1582 г. в Королевце (Калининград) вышел главный труд Стрыйковского «Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi» [Strykowski 1846], в котором даны первые сведения о происхождении отдельных родов ВКЛ и Короны Королевства Польского. Стрыйковский ввел в оборот две концепции происхождения шляхты княжества – «сарматскую» и «римскую», дал сведения о родословных князей ВКЛ. Учитывая тот факт, что Стрыйковский был под протекторатом государственного и церковного деятеля ВКЛ М. Гедройца (1536–1609), который продвинул писателя на пост жемайтского каноника, следует с осторожностью использовать содержимое трудов хрониста.

Современник Стрыйковского Б. Папроцкий (1543–1614) также изучал генеалогию. Ему принадлежат такие труды, как «Gniazdo snoty» [Paprocki 1578] и «Koło gycerskie» [Paprocki 1576], содержащие описание родов не только польских земель, но и Великого княжества Литовского. Работы Папроцкого в XIX в. использовались историком А. Бонецким [Boniecki]. Фундаментальный гербовник во времена существования ВКЛ написан польским генеалогом и геральдистом К. Несецким (1682–1744) и издан в 4 томах (1728–1743) [Niesiecki]. Главное место в этой работе автор отвел описаниям шляхетских гербов и ро-

дословных (в том числе шляхты ВКЛ), на сведения о которых шляхта в последующие столетия ссылалась для подтверждения своего происхождения.

Таким образом, на первом этапе дореволюционного периода изучение доказательств шляхетства было однобоким и фрагментарным. Авторов геральдических работ, как и их патронов, интересовала социально-политическая сторона проблемы – стремление остаться в истории, сохранить привилегированный статус для себя и для потомков. В силу этого к работам этого периода следует относиться с осторожностью, верифицировать содержимое.

Второй этап дореволюционного периода – конец XVIII в. – 1917 г. В это время произошло оформление истории как науки, ученые собирали источники и написали первые тематические исследования. Направления исследований на этом этапе – генеалогическое, геральдическое, политическое и социально-политическое, историко-правовое. Важно заметить, что большую часть второго этапа дореволюционного периода (от О. Конта и Л. фон Ранке до школы «Анналов») в исторической науке господствовала методология позитивизма. Она обусловила описательный характер исследований, стремление к использованию многочисленных источников без разностороннего анализа и интерпретации.

В первую очередь отметим тех, кто сыграл роль в поиске и публикации источников. Так, руководитель издания «Архив Юго-Западной России» В.Б. Антонович (1834–1908) инициировал подготовку и публикацию семи частей издания, среди которых четвертая часть первого тома посвящена источникам о происхождении шляхетских родов в Юго-Западной Руси (1442–1760 гг.) [АЮЗР 4]. Т. Дзяльньский (1796–1861) опубликовал «*Źródłopisma do dziejów unii Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego*» [Działyński 1856–1861] и «*Acta Tomiciana*» (в 8 т.) [Działyński 1852–1869], касающиеся социальной жизни населения ВКЛ, в том числе шляхты. Белорусский историк М.В. Довнар-Запольский (1796–1861) издал «Акты Литовско-Русского государства» [Довнар-Запольский 1899], в которых размещены привилеи, грамоты, акты из Метрики ВКЛ, а также постановления гродских и земских судов. Поиск и публикационную активность проявляли И.И. Григорович, М.О. Коялович, М.Н. Ясинский и другие.

Накопление достаточного для проведения исследований материала позволило историкам XIX в. изучить различные темы. Однако в большей степени в силу особенностей времени ученых интересовала политическая и церковная история, нежели узконаправленная тематика. Поэтому в это время выходили общеисторические труды, работы по истории православной церкви, идеологически направленные

исторические исследования и др. (А.И. Ярошевич, Т. Нарбут, С.М. Соловьев, Г.С. Бандтке, В.О. Ключевский, М. Бобжинский, И.П. Боричевский, П.М. Батюшков и др.). Российские историки больше концентрировались на проблеме русского дворянства, польские – на изучении польских шляхетских родов. Проблема доказательств шляхетства в ВКЛ не рассматривалась как отдельный предмет исследования ни в одной работе.

В XIX в. продолжались генеалогические исследования. Одним из первых тематических трудов о происхождении шляхетского рода стала работа польского архивариуса-метриканта С.Л. Пташицкого (1853–1933) о Деспот-Зеновичах [Пташицкий 1878а]. В ходе анализа гербовников и других источников автор отметил, что корни этого рода – в Византийской империи и, вероятно, род имел отношение к сербской знати. В Великом княжестве Литовском Деспот-Зеновичи появились в конце XIV – начале XV в. Для подтверждения статуса Зеновичи хранили родовую грамоту, выданную великим князем Витовтом. Берестейский воевода Христофор Зенович (1560–1614) упомянул ее в духовной грамоте (1611 г.) [Пташицкий 1878б]. Довольно позднее внесение завещания в акты подтверждает тот факт, что благородное происхождение Деспот-Зеновичей не ставилось под сомнение.

Среди фундаментальных работ XIX в. стоит отметить труд «*Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795*» (1885) польского геральдиста и генеалога Ю. Вольфа (1852–1900) [Wolff], в котором содержится много информации о представителях привилегированного сословия за четыре столетия. Значимым исследованием для изучения вывода шляхетства можно назвать «Историю родов русского дворянства» (1886) [Петров] российского историка П.Н. Петрова (1840–1921), в которой вторая часть первого тома посвящена «знати инородческой», то есть родов ВКЛ (Хованские, Пинские, Слуцкие, Острожские, Кориатовичи, Любартовичи и другие князья). Аналогичная проблематика рассматривалась и другими российскими исследователями (например, М.Т. Яблочковым), которых в большей степени интересовало русское дворянство.

Польский историк, геральдист и генеалог Бонецкий (1842–1909), автор фундаментальной работы «*Herbarz polski*», в 1887 г. издал труд «*Poczet rodów w Wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku*» [Boniecki]. Основываясь на обширной базе источников (Метрика ВКЛ, великокняжеские привилеи, грамоты и др.), автор изучил происхождение многих родов Великого княжества Литовского до середины XVI в. В этой работе прослеживается становление отдельных как местных, так и «пришлых» (например, татарских) семей. Историк полагал, что одни роды были влиятельными (паны) в XV в. (потомки Геди-

миновичей, Чарторийские, Сангушки, Гаштольды), а другие – только в XVI в. [Boniecki: VII].

«Выводы» шляхетства в XV–XVI вв., по убеждению Бонецкого, происходили через получение великокняжеских привилеев, в то время как судебная практика только зарождалась. Так, утверждает историк, Чарторийские добились права считаться потомками Гедиминовичей в результате получения привилегии от Владислава III Варненчика [Boniecki: VIII]. Получение привилегии влекло за собой политические последствия. Так, князья Воротыньские, получившие привилегию Казимира Ягеллончика в 1447 г. вскоре разошлись в политических предпочтениях со своими родственниками и поддерживали великого князя [Boniecki: 389]. В последующем потомки рода получили влиятельные посты в Великом княжестве Московском и в переписках с Сигизмундом Августом (1567) утверждали, что происходят от Рогволодовичей и Виледамовичей [Boniecki: 389]. В работе подробно рассмотрена история происхождения разных родов, в частности Глинских, составлено их генеалогическое древо [Boniecki: 63–67].

Бонецкий – один из первых историков, которые критически относились к сведениям источников. Он не только привел примеры выводов шляхетства, но и опровергнул ошибочные сведения предшественников и современников. По вопросу о происхождении Радзивиллов автор согласился с Папроцким в том, что предком этого рода являлся не Войшунд, а Остик [Boniecki: 269]. Однако при всей фундаментальности работа Бонецкого не лишена недостатков. Местами исследователь допускал неточности. Например, автором была ошибочно указана дата «Уставы» 1507 г. (у Бонецкого – 1522 г.) [Boniecki: XII]. В последующем эта дата использовалась даже М.К. Любавским (1860–1936) и была опровергнута Ф.И. Леонтовичем (1833–1911) на основе опубликованного И. Даниловичем источника (1788–1843) [Daniłowicz: 277]. Правильная датировка (1507 г.) среди дореволюционных авторов встречается в работах Батюшкова [Батюшков: 156–158] и А.О. Турцевича [Турцевич: 205].

Важное место в исследовании доказательств шляхетства имеют работы польского медиевиста В. Семковича (1878–1949). Несмотря на то, что основные работы автора («Nagana i oczyszczenie szlachectwa w Polsce XIV. i XV. wieku») [Semkowicz 1899], «Wywody szlachectwa w Polsce XIV-XVII w.» [Semkowicz 1913] основаны на анализе польских источников, исследовательский опыт В. Семковича может быть интересен исследователю доказательств шляхетства в ВКЛ. В его трудах затронуты такие проблемы, как формирование шляхетского сословия в ВКЛ, генеалогические проблемы, непосредственно «выводы» шляхетства. Единственная статья автора, напрямую затрагиваю-

щая эту область исследования («W sprawie początków szlachty na Litwie i jej ustroju rodowego») [Semkowicz 1915], посвящена вопросу происхождения шляхты ВКЛ и корпоративизации сословия.

Работа В. Семковича построена на дискуссии с О. Халецким [Halecki]. По заявлению последнего, выдвинутые В. Семковичем три критерия шляхетства (закрытость сословия, наличие привилегий, гербовая адопция (принятие в гербовое братство)) не доказаны и не отражают процесса корпоративизации шляхетства в полной мере. В то же время сам автор утверждает, что не выделял эти критерии, а указывал на решающую важность только первого (закрытость), что произошло только в XVI в. («...tj. XVI. w., kiedy już i bojarowie byli szlachtą prawdziwą i instytucja nobilitacyi zapuściła tam swoje korzenie») [Semkowicz 1915]. И если профессор О. Халецкий больше внимания уделил Виленско-Радомской 1401 г. и Городельской униям 1413 г., которые, по выражению ученого, привели к становлению шляхетского сословия в ВКЛ, то В. Семкович не считал это утверждение обоснованным. Последний считал, что гербовая адопция отражала внешний признак принадлежности к нобилитету и отнюдь не характеризовала реальный статус шляхтича.

Согласно В. Семковичу, шляхта ВКЛ сформировалась по образцу польской шляхты через родовые связи и сохранение родовой памяти [Semkowicz 1915]. В качестве примера исследователь рассмотрел происхождение Зеновичей и Круповичей (имение Радуньских, близ Лидского замка). В 1550 г. Круповичи подтверждали происхождение в суде в Вильно, поскольку подверглись обвинению в простолоудинстве. Для подтверждения обратного Деспот-Зеновичи предоставили документы XV в., подтверждающие связи предка Крупоса с великим князем литовским Витовтом. Представители рода перечислили предков 5–6 поколений (150 лет). Несмотря на крестьянское происхождение Крупоса, Зеновичам удалось в 1560 г. подтвердить шляхетство. В. Семкович считал, что в то время семейная память играла главную роль в сохранении статуса.

В ходе рассмотрения прецедента с доказательством шляхетства Зеновичей В. Семкович обратил внимание на связь земских привилеев 1434 и 1447 г. с изданной в 1507 г. «Уставой» [Semkowicz 1915]. Исследователь заметил, что такая практика заимствована у поляков (доказательство «от деда») и практиковалась задолго до ее юридического закрепления. Таким образом, работы В. Семковича и О. Халецкого показывают те противоречия, которые существовали в дореволюционной историографии в отношении вопроса происхождения шляхетства.

Проблема «вывода» шляхетства затрагивалась украинским историком М.С. Грушевским (1866–1934).

В исследовании «Історія України-Руси» 5-й том автор посвятил общественно-политическому устройству в XIV–XVII вв. Историк кратко рассмотрел правовые основы процедуры вывода шляхетства, проанализировал текст «Уставы» 1507 г. (в тексте – 1522 г.) [Грушевський: 60]. Грушевский отметил влияние «Уставы на волоки» 1557 г. на социальную жизнь ВКЛ, поскольку в ходе реформы проводилась ревизия земельных владений, затронувшая шляхетские владения. Рассматривая «украино-русские» земли (в терминологии исследователя – Подляшье, Берестейщина и Пинщина), историк заключил, что проверка земельных владений проходила одновременно с ревизией прав на шляхетство, в особенности мелкой шляхты [Грушевський: 61]. Грушевский полагал, что реформа привела к социальной дифференциации в ВКЛ [Грушевський: 62]. В работе акцент сделан на западно-украинские земли, однако с учетом авторского мировоззрения и использованных в работе источников исследование затрагивало и белорусские земли. Например, автор выразил сомнение в выводах М.К. Любавского, Леонтовича и Бонецкого по вопросу происхождения Ильиничей и Глебовичей [Грушевський: 31].

Монография Довнар-Запольского (магистерское исследование) [Довнар-Запольский 1901], посвященная рассмотрению реформы 1557 г., является ценным источником информации для понимания развития доказательства шляхетства в 1550–1560-е гг. Исследователь отметил тенденцию к увеличению судебных разбирательств в эти десятилетия. Данный тезис подтвердил И.И. Лаппо, заявивший следующее: «В эпоху, когда уже существовал поветовый строй, введенный реформой 1565–1566 гг., проверка шляхетских прав должна была производиться, конечно, строже, чем в более раннее время. Этого требовали преимущества, которые получило поветовое шляхетство» [Лаппо 1901: 218]. Этим утверждением автор затронул не только проблематику вывода шляхетства, но и вывода шляхты в поветы. Поветовая шляхта отличалась от неповетовой тем, что владела политическими правами, то есть могла принимать участие в работе сеймиков.

Белорусский историк В.И. Пичета (1878–1947) выразил схожие с рассмотренными выше взгляды. В одной из своих публикаций он заметил, что «с проверкой прав на землевладение соединялась и проверка прав на шляхетство... По всей вероятности, эта сторона реформы для шляхты была гораздо болезненнее и существеннее, чем только одна проверка прав на землю» [Сборник статей: 543]. В большей степени эта составляющая работы ученого базировалась на трудах М.К. Любавского с анализом отдельных источников.

Выдающимся исследователем истории Великого княжества Литовского является Лаппо (1869–1944).

Помимо публикации ряда источников, он изучал судебную и правовую систему княжества, проанализировал Статуты ВКЛ, одним из первых описал деятельность земских [Лаппо 1897] и гродских судов [Лаппо 1908], издал общие труды по истории ВКЛ [Лаппо 1901]. Именно И.И. Лаппо писал, что земский суд ВКЛ вел дела по «выводу» шляхетства [Лаппо 1897: 282]. В работе, посвященной истории ВКЛ от Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1901), автор в главе II уделил внимание проблеме приобретения, утраты и доказательства шляхетства, а также рассмотрел типичные обвинения в нешляхетстве [Лаппо 1901: 239–254]. Автор утверждает, что помимо доказательства шляхетства через свидетельство других шляхтичей практиковались документальные доказательства, которые применялись с устными одновременно [Лаппо 1901: 239–240].

Лаппо выделил две причины доказательства шляхетства – обвинение в нешляхетстве и незаконное принуждение к чиншу [Лаппо 1901: 240]. Историк рассмотрел роль хорунжих ВКЛ в ходе процедуры доказательства шляхетства [Лаппо 1901: 330]. Поскольку люди, занимавшие этот пост, поименно знали военнообязанную шляхту, на их мнение полагались судьи. Поэтому хорунжий ВКЛ считался лучшим свидетелем родovitости [Лаппо 1901: 331]. Схожую роль выполняли городничие, возглавлявшие городскую стражу и отвечавшие за ремонт замков [Лаппо 1901: 337; 419].

Лаппо рассмотрел правовое оформление процедуры «вывода» шляхетства [Лаппо 1901: 188, 198–199]. Историк отметил, что грамоты великих князей литовских, судебные акты и реестры шляхты (например, «попис» 1528 г.) были главными свидетельствами происхождения [Лаппо 1901: 210]. Шляхтич мог доказать происхождение и через «довод листовной», подтверждающий несение воинской службы. В редких случаях требовалось доказательство свободы земельного владения от повинностей [Лаппо 1901: 213]. Правда, как утверждает Любавский, несение службы не гарантировало шляхетство (на момент 1529 г.) [Любавский 1893: 541–543]. Утверждения автора основаны на обширной базе источников.

Правовой аспект «примовки о шляхетство» по Статутам ВКЛ изучал историк И.А. Малиновский (1868–1932) [Малиновский: 109–112]. Виленский историк О.В. Щербицкий (1837–1916) подчеркнул историческое значение сеймовой конституции 1601 г. в прекращении стремительного расширения шляхетского сословия [Щербицкий: LII–LV].

Если в работах выше изучены типичные ситуации возникновения необходимости доказательства шляхетства, то в труде «Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г.» украинского историка Н.А. Максимейко (1870–1941) встречается

ся любопытный документ, согласно которому одним из способов дискредитации шляхты являлось требование доказательства шляхетства в ходе заключения торговых сделок с евреями [Максимейко: 179]. Эта проблема рассматривалась на Городенском сейме 1566–1567 гг., в результате чего было выработано правило, согласно которому князья, паны и шляхта должны были давать отправителям товаров письма с указанием количества зерна или других товаров, имен отправителей. В этих письмах нужно присягнуть, что товары не покупные, а принадлежат пану. На основании таких писем и присяги таможенники и евреи должны пропускать товары без задержек и требований о доказательстве шляхетства.

В дополнение к теме взаимосвязи торговли и шляхетства заметим, что торговля на практике все же не воспрещалась, как утверждает исследователь еврейства ВКЛ С.А. Бершадский (1850–1896): «Шляхтич торгует, отдает деньги в рост, мещанин приобретает населенные земли, расчищает леса, ставит борти, ловит рыбу, бьет зверя, а скопив денег, сам становится землевладельцем» [Бершадский: 290]. Ограничения торговли для шляхты были отменены сеймовой конституцией 1775 г. [Леонтович 1909а: 238].

В работе о сейме ВКЛ Любавский изучил законодательство и практику выводов шляхетства [Любавский 1900: 437–453]. Фактически идентичный материал представлен и в работе «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно». Исследователь придавал большое значение привилегиям XV в. в становлении шляхетского сословия [Любавский 1915: 122]. Автор полагал, что процедура вывода шляхетства возникла из-за того, что привилегии и грамоты не гарантировали боярству привилегии. На примере знати Жемайтии показан процесс включения боярства в тяглое сословие [Любавский 1915: 123]. Ученый-историк рассмотрел и основные положения Уставы 1507 г. (у автора – 1522 г.), Статута 1529 г., выявил важность «пописа» шляхты 1528 г., заметил, что судебные дела о шляхетстве возникали «спорадически» и случайно, что свидетельствует об отсутствии системной юридической практики подобных дел в первой трети XVI в. [Любавский 1915: 124]. В работе также перечислены способы получения шляхетства [Любавский 1915: 126].

Значимое место в дореволюционном дискурсе по проблеме доказательства шляхетства занимают труды Леонтовича (1833–1911). В серии публикаций о правоспособности шляхты он поднял такие проблемы, как законодательство по доказательству шляхетства, его практическое применение, возведение в шляхетство казачества [Леонтович 1907: 200–201], отличия между боярством и шляхетством [Леонтович 1907: 250]. В серии публикаций на тему

правоспособности шляхты автором изучены следующие проблемы: свидетельство в делах о шляхетстве [Леонтович 1908в: 262], правовое оформление вывода шляхетства [Леонтович 1908в: 279], способы приобретения шляхетства не только в XVI, но и в XVIII в. [Леонтович 1908г: 1–9, 16, 52], роль сеймовых конституций в регулировании доказательств шляхетства [Леонтович 1908г: 11–12], стратегии доказательства шляхетства [Леонтович 1908г: 31], организация судебных дел по делам о происхождении [Леонтович 1908г: 34], утрата шляхетства [Леонтович 1908г: 55; Леонтович 1909б: 86–88], регламентация адопции [Леонтович 1909а: 231], наказание обидчиков шляхты [Леонтович 1909а: 232] и др. Автор утверждает, что со второй половины XVII в. приобретение благородного статуса в ВКЛ происходило на тех же основаниях, что и в Польском государстве [Леонтович 1908г: 54].

Таким образом, в результате изучения дореволюционной историографии проблемы «вывода» шляхетства мы сделали ряд заключений. Что касается достижений этого периода, нужно отметить публикацию большого количества исторического материала для исследований. В частности, были изданы и систематизированы источники Метрики ВКЛ, актовые книги гродских земских судов, хроники и мемуары. Благодаря этому историки стали обращать внимание на те проблемы, которые ранее рассматривались. Появились первые тематические работы, среди которых наиболее уместными для нашей темы являются написанные Лаппо, Леонтовичем, Любавским и др.

Вместе с этим заметим, что есть ряд аспектов, которые не были затронуты историками дореволюционного времени. Ученые в значительной степени концентрировались на политической и церковной проблематике, поэтому вопросы социальной истории зачастую выходили из их поля зрения. В силу последнего замечания исследователи полностью или частично проигнорировали следующие аспекты темы: предпосылки и причины зарождения процедуры и института вывода шляхетства, правовое регулирование доказательства происхождения не только в XVI, но и в XVII–XVIII вв., ход самой судебной процедуры, тактики и стратегии, используемые как клеветниками, так и оскорбленными, мотивы (социальные, экономические, политические, культурные, бытовые и др.) возникновения необходимости оскорбления шляхетской чести, влияние процедуры на социум, политику, культуру Великого княжества Литовского и многие другие. Перечисленные аспекты не являются исчерпывающими.

Проведенный обзор дореволюционной историографии показал, что проблема доказательства шляхетства требует детального рассмотрения. Современным историкам еще многое предстоит изучить

в этом направлении, базируясь на достижениях предшественников.

Список литературы

Анищенко Е.К. Шляхта Минского воеводства: список XVIII ст. Минск: Виктор Хурсик, 2020. 275 с.

Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 4: Акты о происхождении шляхетских родов в Юго-Западной России. Киев, 1867. Т. 1. 461 с.

Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Санкт-Петербург: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1890. 640 с.

Бершадский С.А. Литовские евреи: история их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. 1388–1569. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. 432 с.

Вінниченко О.О. Доведення шляхетства на сеймиках Люблінського воєводства в перші десятиліття XVII ст. // Соціум: альманах соціальної історії. 2020. Вип. 15–16. С. 41–82.

Глінскі Я.С. Працэс аб «нагане шляхецтва» ад 1562 г. і паходжанне зямянскага роду Браневічаў-Бранавіцкіх // *Архіварыус*. Мінск: НГАБ, 2019. Вып. 17. С. 39–57.

Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 5: Суспільно-політичний і церковний устрій в Українсько-руських землях XIV–XVII в. Львів, 1905. 708 с.

Довнар-Запольский М.В. Акты Литовско-русского государства, изданные М. Довнар-Запольским. Вып. 1 (1390–1529 г.). Москва: Университетская тип., 1899. 258 с.

Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. 807 с.

Козловская Н.В. Шляхта Великого княжества Литовского XIV–XVI вв. в современной белорусской историографии // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. Минск: РИВШ, 2019. Вып. 19: в 3 ч. Ч. 1. С. 190–201.

Ланно И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586): опыт исследования политического и общественного строя. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. Т. 1. 780 с.

Ланно И.И. Гродский суд в Великом княжестве Литовском в XVI столетии // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 1. С. 51–113.

Ланно И.И. Земский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI века // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. № 6. С. 263–301.

Леонтович Ф.И. Правоспособность литовско-русской шляхты // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 6. С. 192–264; 1908. № 3. С. 53–87; № 5. С. 136–167; № 6. С. 245–298; № 7. С. 1–56; № 8. С. 49–56; 1909. № 2. С. 225–269; № 3. С. 44–88.

Лойка А.П. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. Минск: БДУ, 2002. 99 с.

Любавский М.К. Литовско-русский сейм: опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. Москва: Университетская типография, 1900. 1160 с.

Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута: исторические очерки с картою Литовско-русского государства в конце XV и начале XVI в. Москва, 1893. 884 с.

Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно: с приложением текста хартий, выданных Великому княжеству Литовскому и его областям. 2-е изд. Москва: Московская художественная печать, 1915. 401 с.

Максимейко Н.А. Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков: Тип. Адольфа Дарре, 1902. 205 с.

Малиновский И.А. Учение о преступлении по Литовскому Статуту. Киев: Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1894. 232 с.

Пелипенко Т.И. Опека и ограничение имущественных прав шляхтянок в Великом княжестве Литовском в середине XVI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2015. № 3. С. 4–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opeka-i-ogranichenie-imuschestvennyh-prav-shlyahtyanok-v-velikom-knyazhestve-litovskom-v-seredine-xvi-v> (дата обращения: 03.07.2024).

Петров П.Н. История родов русского дворянства: в 2 кн. / авт.-сост. П.Н. Петров. Санкт-Петербург: Изд-во Германа Гоппе, 1886.

Пташицкий С.Л. Деспоты Зеновичи в конце XVI и начале XVII веков // Русская старина. 1878. Т. 21, № 1. С. 125–138.

Пташицкий С.Л. Завещание Юрия Деспота Зеновича // Русская старина. 1878. Т. 22, № 7. С. 503–511.

Пяткевіч К. Вялікае Княства Літоўскае пад уладай Аляксандра Ягелончыка. Даследаванне гісторыі дзяржавы і грамадства на мяжы XV–XVI стагоддзяў. 2-е выд., папраўленае і дапоўненае. Смаленск: Інбелкульт, 2022. 416 с.

Рыбчонак С.А. Крыніцы масавага паходжання па генеалогіі Беларусі сярэдзіны XVII – пачатку XX ст.: (па матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага

архіва Беларусі): аўтарэферат дысертацыі на суісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. Мінск, 2010. 25 с.

Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского: с портретом М.К. Любавского и 2 таблицами / при участии Д. Балагея, Е. Барсова, С. Бахрушина и др. Петроград: Тип. Б.Д. Брукера, 1917. 788 с.

Скеп'ян А.А. Сфрагістыка князёў Аселькавічаў // *Архіварыус*. 2021. № 19. С. 138–157.

Слэж Н. Граць вяселле па шляхецу // *Arche*. Пачатак. Праз свята да душы. 2011. № 7–8 (ліпень – жнівень). С. 38–66.

Турцевич А.О. Хрестоматия по истории Западной России: учеб. пособие для учеников старших классов средних учебных заведений. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1892. 776 с.

Уваров И.Ю. Сословные права и привилегии шляхты Великого княжества Литовского (конец XIV – конец XVI столетий). Гомель: Гомельский государственный технический университет, 2017. 276 с.

Шаланда А.И. Валовічы ў гісторыі Вялікага княства Літоўскага XV–XVIII стст. / Цэнтр генеалагічных даследаванняў, Установа «Музей “Замкавы комплекс “Мір”»»; навук. рэд. А.И. Шаланда; склад. А.М. Янушкевіч. Мінск: Медысонт, 2014. 507 с.

Щербицкий О.В. Суды в бывшем Великом княжестве Литовском. Вильно, 1912. 79 с.

Яковенко Н.М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна. Київ: Критика, 2008. 472 с.

Яцкевич Д.Л. Малый гербовник Рогачёвской шляхты. Архивариус. Минск: НИАБ, 2010. Вып. 8. С. 255–276.

Adamowicz S. Lipiczany: Sprawy domu szlacheckiego na Litwie ze źródeł archiwalnych. Kraków, Druk W.L. Anczyca i Spółki, 1892, 356 s.

Boniecki A. Poczet rodów w Wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887, 425 s.

Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów papieżskich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Wilno, W drukarni A.H. Kirkora, 1862, t. 2, 370 s.

Działyński T. Acta Tomiciana: epistole, legationes, responsa, actiones, res geste... Sigismundi Primi Regis Poloniae... per Stanislaum Gorski collecte: 8 t. wyd. Tytus Działyński. Posnaniae, Biblioteka Kórnicka, 1852-1869.

Działyński T. Źródłopisma do dziejów unii Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, Biblioteka Kórnicka, 1856-1861.

Halecki O. O początkach szlachty i heraldyki na Litwie. Kwartalnik historyczny, 1915. Rocznik XXIX, Zeszyt 1/4, s. 177-207.

Niesiecki K. Korona polska przy złotej wolności starożytnymi wszystkimi katedr, prowincji y rycerstwa kleynotami [...] ozdobiona, t. 1-4. Lwów, W drukarni Collegium Lwowskiego Societatis Jesu, 1728-1743.

Paprocki B. Gniazdo Cnoty, zkaład herby Rycerstwa Polskiego swój początek mają. Kraków, 1578.

Paprocki B. Koło rycerskie w którym rozmaite zwierzęta swe rozmowy wiodą. Kraków, Andrzej Piotrkowiczka, 1576.

Semkowicz W. Nagana i oczyszczenie szlachectwa w Polsce XIV i XV wieku. Lwów, Z druk, W. Łozińskiego, 1899, 41 s.

Semkowicz W. W sprawie początków szlachty na Litwie i jej ustroju rodowego. Kwartalnik Historyczny, 1915, t. XXIX, № 1/4, s. 224-256. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/gensem/semkowicz_w_w_sprawie_pocz%C4%85tk%C3%B3w_szlachty_na_litwie_i_jej_ustroju_rodowego.html (data обращения: 09.06.2024).

Semkowicz W. Wywody szlachectwa w Polsce XIV-XVII w. Lwów, Nakł. Towarzystwa Heraldycznego, 1913, 41 s.

Strykowski M. Goniec cnoty do prawych szlachciców. Kraków, 1574.

Strykowski M. Kronika polska, litewska, zmozdka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Warszawa, Nakł. G.L. Glücksberga, 1846, t. 1, 392 c.; t. 2, 572 c.

Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795. Kraków, W druk, W.L. Anczyca, 1885, 354 s.

References

Anishchenko E.K. *Shlyakhta Minskogo vovodstva: spisok XVIII st.* [Nobility of Minsk Voivodeship: List of the 18th Century]. Minsk, Viktor Khursik Publ., 2020, 275 p. (In Russ.)

Arkhir Yugo-Zapadnoi Rossii, izdavaemyi vremennoy komissiei dlya razbora drevnikh aktov, vysochaishe uchrezhdennoi pri Kievskom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore [Archive of South-Western Russia, published by the Temporary Commission for the Analysis of Ancient Acts, established by the Governor General of Kyiv, Podillia, and Volhynia]. *Ch. 4. Akty o proiskhozhdenii shlyakhetskikh rodov v Yugo-Zapadnoi Rossii. T. 1* [Part 4. Acts on the Origin of Noble Families in South-Western Russia. Vol. 1]. Kiev, 1867, 461 p. (In Russ.)

Batyushkov P.N. *Belorussiya i Litva* [Belarus and Lithuania]. SPb., Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za» Publ., 1890, 640 p. (In Russ.)

Bershadsky S.A. *Litovskie evrei: istoriya ikh yuridicheskogo i obshchestvennogo polozheniya v Litve ot Vitovta do Lyublińskiej unii. 1388-1569* [Lithuanian Jews: The History of Their Legal and Social Status in Lithuania from Vytautas to the Union of Lublin. 1388–1569].

Sankt-Peterburg, Tip. M.M. Stasyulevicha Publ., 1883, 432 p. (In Russ.)

Dovnar-Zapol'sky M.V. *Akty Litovsko-russkogo gosudarstva, izdannye M. Dovnar-Zapol'skim. Vip. 1 (1390–1529 gg.)* [Acts of the Lithuanian-Russian State, published by M. Dovnar-Zapol'skii. Vol. 1: (1390–1529)]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1899, 258 p. (In Russ.)

Dovnar-Zapol'sky M.V. *Gosudarstvennoe khozyaistvo Velikogo knyazhestva Litovskogo pri Yagellonakh* [State Economy of the Grand Duchy of Lithuania under the Jagiellons]. Kiev, 1901, 807 p. (In Russ.)

Hlinski Ya.S. *Pratses ab «nahane shlyakhetstva» ad 1562 g. i pakhozhanne zyamanskaha rodu Branavichaw-Branavitskikh* [The Trial of “Discrediting Nobility” from 1562 and the Origin of the Zyamanskaha Family Branavichaw-Branavitskikh]. *Arkivaryus* [Archivarius], 2019, vol. 17, pp. 39-57. Minsk, NGAB Publ. (In Bel.)

Hrushevskiy M.S. *Istoriya Ukrainy-Rusy. T. 5: Suspilno-politychnyi i tserkovnyi ustroi v Ukraino-russkikh zemlyakh XIV–XVII v.* [History of Ukraine-Rus. Vol. 5: Social-Political and Church Order in Ukrainian-Rus' Lands of the 14th-17th Centuries]. L'viv, 1905, 708 p. (In Ukr.)

Kozlovskaya N.V. *Shlyakhta Velikogo knyazhestva Litovskogo XIV–XVI vv. v sovremennoi belorusskoi istoriografii* [Nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the 14th–16th Centuries in Modern Belarusian Historiography]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and Psychological-Pedagogical Sciences], 2019, vol. 19: in 3 ch., ch. 1: sb. nauch. st., pp. 190-201. Minsk, RIVSh Publ. (In Russ.)

Lappo I.I. *Velikoe knyazhestvo Litovskoe za vremya ot zaklyucheniya Lyublińskiej unii do smerti Stefana Batoriya (1569–1586): opyt issledovaniya politicheskogo i obshchestvennogo stroya. T. 1* [The Grand Duchy of Lithuania from the Conclusion of the Union of Lublin to the Death of Stephen Báthory (1569–1586): A Study of Political and Social Structure. Vol. 1]. Sankt-Peterburg, Tip. I.N. Skorokhodova Publ., 1901, 780 p. (In Russ.)

Lappo I.I. *Grodskii sud v Velikom knyazhestve Litovskom v XVI stoletii* [The Grodno Court in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th Century]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1908, no. 1, pp. 51-113. (In Russ.)

Lappo I.I. *Zemskii sud v Velikom knyazhestve Litovskom v kontse XVI veka* [The Zemstvo Court in the Grand Duchy of Lithuania in the Late 16th Century]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1897, no. 6, pp. 263-301. (In Russ.)

Leontovich F.I. *Pravospobnost' litovsko-russkoi shlyakhty* [Legal Capacity of the Lithuanian-Russian

Nobility]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1907, no. 6, pp. 192-264; 1908, no. 3, pp. 53-87; no. 5, pp. 136-167; no. 6, pp. 245-298; no. 7, pp. 1-56; no. 8, pp. 49-56; 1909, no. 2, pp. 225-269; no. 3, pp. 44-88. (In Russ.)

Loika A.P. *Shlyakhta belaruskikh zymel u giramad-ska-palitychnym zhyttsi Rechy Paspalitaty druhoi palovy XVI – pershai treti XVII st.* [The Nobility of Belarusian Lands in the Socio-Political Life of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Second Half of the 16th – First Third of the 17th Centuries]. Mn., BDU Publ., 2002, 99 p. (In Bel.)

Lyubavsky M.K. *Litovsko-russkii seim: opyt po istorii uchrezhdeniya v svyazi s vnutrennim stroem i vneshnei zhizn'yu gosudarstva. Izdanie Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete* [The Lithuanian-Russian Diet: An Attempt on the History of the Institution in Connection with the Internal Structure and External Life of the State. Published by the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1900, 1160 p. (In Russ.)

Lyubavsky M.K. *Oblastnoe delenie i mestnoe upravlenie Litovsko-russkogo gosudarstva ko vremeni izdaniya pervogo Litovskogo statuta: istoricheskie ocherki s kartoi Litovsko-russkogo gosudarstva v kontse XV i nachale XVI v.* [Regional Division and Local Administration of the Lithuanian-Russian State by the Time of the First Lithuanian Statute: Historical Essays with a Map of the Lithuanian-Russian State at the End of the 15th and Beginning of the 16th Century]. Moscow, 1893, 884 p. (In Russ.)

Lyubavsky M.K. *Ocherk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Lyublińskiej unii vkluchitel'no: s prilozheniem teksta khartii, vydannykh Velikomu knyazhestvu Litovskomu i ego oblastyam* [An Outline of the History of the Lithuanian-Russian State up to and Including the Union of Lublin: With the Text of Charters Issued to the Grand Duchy of Lithuania and Its Regions], 2nd ed. Moscow, Moskovskaya khudozhestvennaya pechatnya Publ., 1915, 401 p. (In Russ.)

Maksimeiko N.A. *Seimy Litovsko-russkogo gosudarstva do Lyublińskiej unii 1569 g.* [The Diets of the Lithuanian-Russian State before the Union of Lublin in 1569]. Kharkov, Tipografiya Adol'fa Darre Publ., 1902, 205 p. (In Russ.)

Malinovskiy I.A. *Uchenie o prestuplenii po Litovskomu Statutu* [The Doctrine of Crime under the Lithuanian Statute]. Kiev, Tipografiya Imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira Publ., 1894, 232 p. (In Russ.)

Pelypenko T.I. *Opeka i ogranichenie imushchestvennykh prav shlyakhtyanok v Velikom knyazhestve Litovskom v seredine XVI v.* [Guardianship and Restriction of Property Rights of Noblewomen in the Grand Duchy of

Lithuania in the Mid-16th Century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2015, no. 3, pp. 4-10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opeka-i-ogranichenie-imuschestvennyh-prav-shlyahcyanok-v-velikom-knyazhestve-litovskom-v-seredine-xvi-v> (access date: 03.07.2024). (In Russ.)

Petrov P.N. *Istoriya rodov russkogo dvoryanstva* [History of the Families of the Russian Nobility], in 2 vols., ed. by P.N. Petrov. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Germana Goppe Publ., 1886. (In Russ.)

Ptashitsky S.L. *Despoty Zenovichy v kontse XVI i nachale XVII vekov* [The Despot Zenoviches in the Late 16th and Early 17th Centuries]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1878, vol. 21, no. 1, pp. 125-138. (In Russ.)

Ptashitsky S.L. *Zaveshchanie Yuriya Despota Zenovicha* [The Will of Yuri Despot Zenovich]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1878, vol. 22, no. 7, pp. 503-511. (In Russ.)

Piatkevich K. *Vyalikae Knyastva Litouskae pad uladai Alyaksandra Yahalonchyka. Dasledavanne gistoryi dzyarzhavy i gramadstva na myazhy XV–XVI stogodzyay* [The Grand Duchy of Lithuania under the Rule of Alexander Jagiellon. A Study of the History of the State and Society at the Turn of the 15th–16th Centuries], 2nd ed., revised and enlarged. Smalensk, Inbelkult Publ., 2022, 416 p. (In Bel.)

Rybchona S.A. *Krynitsy masavaga pakhodzhanne pa henialohii Belarusi syaredziny XVII – pachatku XX st.: (pa materyyalah Natsyyanalnaha historychnaha arkhiva Belarusi): autareferat dysertatsyi na suiskanne vyuchonai stupeni kandydata historychnykh navuk* [Sources of Mass Origin for the Genealogy of Belarus from the Mid – 17th to Early 20th Century: (Based on Materials from the National Historical Archive of Belarus): Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences]. Minsk, 2010, 25 p. (In Bel.)

Sbornik statei v chest' Matveya Kuz'micha Lyubavskogo: s portretom M.K. Lyubavskogo i 2 tablitsami [Collection of Articles in Honor of Matvey Kuzmich Lyubavsky: With a Portrait of M.K. Lyubavsky and 2 Tables], pri uchastii: D. Balageya, E. Barsova, S. Bakhrushina i dr. Petrograd, Tipografiya B.D. Brukera Publ., 1917, 788 p. (In Russ.)

Skep'yan A.A. *Sfragistyka knyazyou Alekavichaw* [Sphragistics of the Princes Alalkavichi]. *Arkhivarius* [Archivarius], 2021, no. 19, pp. 138-157. (In Bel.)

Slizh N. *Hrats' vyasel'le pa shlyakhetsku* [Celebrating a Noble Wedding]. *Arche. Pachatak. Praz svyata da dushy* [Arche. Beginning. Through the Holiday to the Soul], 2011, no. 7-8 (July-August), pp. 38-66. (In Bel.)

Turtsevich A.O. *Khrestomatiya po istorii Zapadnoi Rossii: uchebnoe posobie dlya uchenikov starshikh klasov srednikh uchebnykh zavedenii* [Chrestomathy on the

History of Western Russia: A Textbook for Senior Students of Secondary Educational Institutions]. Vilna, Tip. A.G. Syrkina Publ., 1892, 776 p. (In Russ.)

Shalanda A.I. *Valovichy u gistoryi Vyalikaga knyastva Litouskaga XV–XVIII stst.* [The Valovichy in the History of the Grand Duchy of Lithuania of the 15th–18th Centuries]. Center for Genealogical Research, Institution «Museum “Castle Complex “Mir”»); ed. by A.I. Shalanda; compiler A.M. Yanushkevich. Minsk, Medysont Publ., 2014, 507 p. (In Bel.)

Shcherbitsky O.V. *Sudy v byvshem Velikom knyazhestve Litovskom* [Courts in the Former Grand Duchy of Lithuania]. Vilno, 1912, 79 p. (In Russ.)

Uvarov I.Yu. *Sostavnye prava i privilegii shlyakhty Velikogo knyazhestva Litovskogo (konets XIV – konets XVI stoletii)* [Class Rights and Privileges of the Nobility of the Grand Duchy of Lithuania (Late 14th – Late 16th Centuries)]. Gomel', Gomelsky gosudarstvenny tekhnicheskyy universitet Publ., 2017, 276 p. (In Russ.)

Vynnychenko O.O. *Dovedennia shliakhetstva na seimykakh Liublinskoho voievodstva v pershi desiatylytia XVII st.* [Proving Nobility at the Dietines of the Lublin Voivodeship in the First Decades of the 17th Century]. *Sotsium. Almanakh sotsial'noi istorii* [Socium. Almanac of Social History], 2020, vol. 15-16, pp. 41-82. (In Ukr.)

Yakovenko N.M. *Ukrainska shlyakhta z kintsya XIV do seredyny XVII stolittya. Volin' i Tsentral'na Ukrayina* [Ukrainian Nobility from the End of the 14th to the Middle of the 17th Century. Volhynia and Central Ukraine]. Kyiv, Krytika Publ., 2008, 472 p. (In Ukr.)

Yatskevich D.L. *Malyi gerbovnik Rogachyovskoi shlyakhty* [Small Armorial of Rogachev Nobility]. *Arkhivarius* [Archivarius], 2010, vol. 8, pp. 255-276. Mn., NIAB Publ. (In Russ.)

Adamowicz S. *Lipiczany: Sprawy domu szlacheckiego na Litwie ze źródeł archiwalnych.* Kraków, Druk W.L. Anczyca i Spółki Publ., 1892, 356 s.

Boniecki A. *Poczet rodów w Wielkiem księstwie Litewskim w XV i XVI wieku.* Warszawa, 1887, 425 s.

Daniłowicz I. *Skarbiec dyplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów.* Wilno, W drukarni A.H. Kirkora Publ., 1862, t. 2, 370 s.

Działyński T. *Acta Tomicianae: epistole, legationes, responsa, actiones, res geste... Sigismundi Primi Regis Poloniae... per Stanislaum Gorski collecte: 8 t.* wyd. Tytus Działyński. Posnaniae, Biblioteka Kórnicka, 1852-1869.

Działyński T. *Źródłopisma do dziejów unii Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego.* Poznań, Biblioteka Kórnicka Publ., 1856-1861.

Halecki O. *O początkach szlachty i heraldyki na Litwie.* *Kwartalnik historyczny*, 1915. *Rocznik XXIX*, Zeszyt 1/4, s. 177-207.

Niesiecki K. Korona polska przy złotej wolności starożytnymi wszystkimi katedrami, prowincjami i rycerstwami kleynotami [...] ozdobiona, t. 1-4. Lwów, W drukarni Collegium Lwowskiego Societatis Jesu Publ., 1728-1743.

Paprocki B. Gniazdo Cnoty, zjazd herby Rycerstwa Polskiego swój początek mają. Kraków, 1578.

Paprocki B. Koło rycerskie w którym rozmaite zwierzęta swe rozmowy wiodą. Kraków, Andrzeja Piotrkowszcza Publ., 1576.

Semkowicz W. Nagana i oczyszczenie szlachectwa w Polsce XIV i XV wieku. Lwów, Z druk, W. Łozińskiego Publ., 1899, 41 s.

Semkowicz W. W sprawie początków szlachty na Litwie i jej ustroju rodowego. Kwartalnik Historyczny, 1915, t. XXIX, № 1/4, s. 224-256. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/gensem/semkowicz_w._w_sprawie_pocz%C4%85tk%C3%B3w_szlachty_na_litwie_i_jej_ustroju_rodowego.html (data обращения: 09.06.2024).

Semkowicz W. Wywody szlachectwa w Polsce XIV-XVII w. Lwów, Nakł. Towarzystwa Heraldycznego Publ., 1913, 41 s.

Strykowski M. Goniec cnoty do prawych szlachciców. Kraków, 1574.

Strykowski M. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Warszawa, Nakł. G.L. Glücksberga Publ., 1846, t. 1, 392 c.; t. 2, 572 c.

Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386-1795. Kraków, W druk, W.L. Anczyca Publ., 1885, 354 s.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 07.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 07.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

ПРЕДСЕДАТЕЛИ КОСТРОМСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА: РОЛЬ И МЕСТО В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1871–1917 ГГ.)

Зайцев Леонид Николаевич, старший преподаватель, Костромской государственной университет, Россия, Кострома, l_zaycev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6874-206X>

Аннотация. В статье на основе архивных и исторических материалов подробно рассматриваются личности председателей Костромского окружного суда за период 1871–1917 гг. На основании изучения персонального состава Костромского окружного суда был проведен анализ личностей его председателей как особой социальной группы и их места в системе органов судебной власти Российской империи. Раскрываются основные этапы их жизненного пути, формирования и профессионального становления как судебных деятелей. Актуальность темы обусловлена недостаточным исследованием научных биографий председателей судов пореформенной России, а также расширением источниковой базы исследований об их личностях. Автором введены в научный оборот новые факты о деятельности председателей Костромского окружного суда, что позволило воссоздать портрет судебных чиновников второй половины XIX – начала XX в. Исследованы их сословное происхождение, образование, благосостояние, семейное положение, служебный статус. Отмечена их роль и место в деятельности судебных органов Российской империи, в том числе с помощью эффективного государственного управления в сфере правосудия в условиях нарастающего кризиса власти. Сделан вывод об их личном вкладе в управление деятельностью судебной ветви власти в Костромской губернии, их профессионализме.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., Костромской окружной суд, председатель, цензы.

Для цитирования: Зайцев Л.Н. Председатели Костромского окружного суда: роль и место в судебной системе Российской империи (1871–1917 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 239–246. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-239-246>

Research Article

CHAIRMEN OF KOSTROMA DISTRICT COURT: THEIR ROLE AND PLACE IN THE JUDICIAL SYSTEM RUSSIAN EMPIRE (1871-1917)

Leonid N. Zaitsev, senior lecturer, Kostroma State University, Russia, Kostroma, l_zaycev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6874-206X>

Abstract. Based on archival and historical materials, the article examines in detail the personalities of the chairmen of the Kostroma District Court for the period 1871–1917. Based on the study of the personnel of Kostroma District Court, the purpose of the study is to analyse the personalities of its chairmen as a special social group and their place in the system of judicial authorities of the Russian Empire. The main stages of their life path, formation and professional development as judicial figures are revealed. Topicality is due to insufficient research of the scientific biographies of the chairmen of the courts of post-reform Russia, as well as the expansion of the source base of research on their personalities. The author introduced new facts about the activities of the chairmen of Kostroma District Court into scientific circulation, which made it possible to recreate the portrait of judicial officials of the second half of the 19th – the early 20th century. Their estate origin, education, well-being, marital status, and official status are investigated. Their role and place in the activities of the judicial bodies of the Russian Empire are noted, including through effective public administration in the field of justice in the context of an increasing crisis of power. The conclusion is made about their personal contribution to the management of the judicial branch of government in Kostroma Province, their professionalism.

Keywords: Judicial reform in 1864, Kostroma District Court, Chairman, censorship.

For citation: Zaitsev L.N. Chairmen of Kostroma district court: their role and place in the judicial system Russian empire (1871-1917). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 239–246. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-239-246>

Актуальность исследования. Научная проблема формирования судебной власти в настоящее время является одним из востребованных направлений современной историко-правовой науки. Судебная реформа 1864 г. в целом и отдельные ее аспекты являются особенно интересными в этом плане, поскольку тот опыт, который был накоплен в России по итогам ее проведения, является важным и для современной российской судебной системы. Современные исследователи, изучив предпосылки и особенности проведения судебной реформы в целом по России, обратились к более подробному рассмотрению региональных особенностей и специфике реформирования судебных органов [Мхитарян: 9].

Источниковой базой настоящего исследования явились нормативно-правовые акты Российской империи, в том числе локальные; справочно-статистические источники; материалы как центральной («Журнал Министерства юстиции»), так и региональной («Костромские губернские ведомости») периодической печати; архивные материалы, мемуары дореволюционных чиновников, а также научные историко-юридические исследования современных ученых.

Территориальные рамки исследования очерчены границами Костромской губернии, состоящей из двенадцати уездов, на которую распространялась юрисдикция Костромского окружного суда.

Хронологически материалы исследования охватывают период с марта 1871 г., дня назначения первого председателя Костромского окружного суда, по конец 1917 г., когда пореформенный суд практически прекратил свою деятельность.

Окружные суды как суды общей юрисдикции были одними из ключевых элементов судебной реформы 1864 г. Для успешной реализации судебной реформы требовалось большое число профессиональных кадров [Курас: 136]. О должности председателя уголовного и гражданского суда в Российской империи впервые упоминалось в статьях 105 и 114 Учреждения для управления губерний в 1775 г.¹

Судебная реформа 1864 г. на законодательном уровне закрепила должности председателей окружных судов. В статье 77 Учреждения судебных установлений было закреплено, что окружной суд составляли председатель, его товарищи и члены, которых по представлению министра юстиции назначал император². Также законодательно закреплялись требования к указанным должностям.

Эти требования касались российского подданства, образования, стажа работы, отсутствия ограничений, препятствующих занятию должности. Для занятия вакансии председателя окружного суда требовался опыт работы в судебном ведомстве на должностях прокуроров или членов окружного суда. Власть стремилась к тому, чтобы председателями судов были лица, име-

ющие высшее юридическое образование, при этом отдельное внимание уделялось высоким моральным качествам [Марасанова: 26].

Нижняя граница возрастного ценза, а также верхний возрастной предел для занятия должности председателя, товарища председателя окружного суда отсутствовали. Вместе с тем, учитывая наличие высшего образования для данных должностей и стажа в судебном ведомстве не менее трех лет, можно предположить, что на такие должности назначались лица не моложе 25 лет. Такое же положение существует и сейчас для назначения на должности судей судов общей юрисдикции.

Костромской окружной суд относился к Московскому судебному округу и его вышестоящей судебной инстанцией являлась Московская судебная палата [Бриль, Зайцев: 187–189]. В окружном суде было создано три отделения. Одно – по гражданским делам и два – по уголовным [Зайцев: 25].

Официальное открытие Костромского окружного суда состоялось 1 июля 1871 г., о чем сообщалось в средствах массовой информации³.

Однако его первый председатель коллежский советник Иосиф Александрович Плец был назначен немного ранее, 18 марта 1871 г., Высочайшим приказом за № 71⁴. Поэтому, по нашему мнению, днем начала деятельности Костромского окружного суда следует считать именно *18 марта*, а не фактический день открытия суда 1 июля 1871 г., поскольку легитимно и легально назначенный его председатель с этого дня уже осуществлял свою деятельность по подбору и расстановке канцелярских и других кадров суда. Тем более что фактически канцелярия председателя суда, отделения суда уже располагались в помещении окружного суда, несмотря на то, что официально он был открыт позже. Также до официального открытия были назначены некоторые судьи, помощники прокурора, исполняющие должности судебных следователей. Например, высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции от 8 апреля 1871 г. за № 11 членами Костромского окружного суда были назначены капитан Н.К. Епанчин и капитан-лейтенант Д.В. Михайлов⁵.

Восстановить профессиональный портрет первого председателя Костромского окружного суда – Иосифа Александровича Плеца – по довольно ограниченному по своему содержанию материалам сложно. Имеются некоторые сведения, характеризующие его как судебного деятеля. В архивах данных о нем практически не сохранилось, кроме сведений о получении им образования⁶ и некоторых других.

Родился Иосиф Александрович в 1840 году, происходил из дворян. Образование получил в Императорском училище правоведения, которое закончил 16 мая 1860 года. До апреля 1866 г. Плец служил стар-

шим столоначальником Департамента Министерства юстиции в чине коллежского асессора. С 6 апреля 1866 г. он занимал должность товарища прокурора Санкт-Петербургского окружного суда. 7 марта 1868 г. он был назначен прокурором Новгородского окружного суда и занимал указанную должность до назначения его в Кострому [Памятная книжка 1869: 12; 1870: 12; 1871: 7]. Один из современников характеризовал Иосифа Александровича как самого дельного и способного из вновь назначенных судей в Костромскую губернию. Он был всеми уважаем за честное и грамотное ведение судебных дел [Классика: 177–179]. Более года прослужил Иосиф Александрович в должности председателя Костромского окружного суда, однако вскоре он умер и Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции от 2 ноября 1872 г. был исключен из списков в связи со смертью [Судебные: 75].

Следующим председателем Костромского окружного суда Именным указом Его Императорского Величества, данным Правительствующему сенату 2 ноября 1872 г., был назначен статский советник Николай Адольфович Ридман. Он родился 28 декабря 1828 г. Происходил из иностранцев. 26 апреля 1903 г. был внесен в третью часть дворянской родословной книги дворян Псковской губернии. Воспитание Ридман получил в Императорском Санкт-Петербургском университете, где окончил полный курс наук со степенью кандидата в 1850 г. 25 января 1851 г. был определен на службу канцелярским чиновником в Псковское губернское правление с чином коллежского секретаря. Впоследствии занимал ряд должностей в Псковской губернии. 5 октября 1867 г. Николай Адольфович Высочайшим приказом по Министерству юстиции за № 21 назначен членом Воронежского окружного суда. 3 октября 1868 г. назначен председателем Екатеринославского окружного суда с производством в статские советники. В период занятия им должности председателя Костромского окружного суда Николай Адольфович Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции 1 января 1876 г. произведен в действительные статские советники. Именным указом Его Императорского Величества, данным Правительствующему сенату 26 января 1878 г., Ридман был назначен председателем 1-го уголовного департамента Казанской судебной палаты. 1 января 1896 г. произведен по службе в тайные советники. За отличную и добросовестную службу неоднократно награждался орденами⁷. С 1 марта 1905 г. Ридман в отставке.

Сослуживцы характеризовали Николая Адольфовича как человека, обладающего богатой умственной силой, несокрушимой энергией, с высоко развитой стойкостью своих убеждений, плодотворностью, благотворной деятельностью на пользу государства

и общества. При разрешении дел он даже по незначительным делам выяснял не только одну формальную, но и материальную сторону правды [Адрес: 1–2].

Несмотря на частую смену мест службы, Н.А. Ридману это нисколько не помешало устроить свою личную жизнь. Женат он был на дочери подполковника Марии Ивановне Миллер, имел дочь Марию (20.11.1857 г. р.), сыновей Николая (22.02.1862 г. р.) и Сергея (16.07.1864 г. р.).

Умер Николай Адольфович 4 апреля 1916 г.

Третьим председателем Костромского окружного суда Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции от 1 февраля 1878 г. за № 7 был назначен коллежский советник Александр Сампсонович Негребецкий⁸. Родился он 12 августа 1840 года. Происходил из обер-офицерских детей. Указом Правительствующего сената от 24 апреля 1885 г. за № 1616 произведен в потомственное дворянство. В 1862 г. окончил полный курс в Императорском Харьковском университете по юридическому факультету с правом при вступлении в гражданскую службу на утверждение в X классе, то есть с отличием. К службе приступил в судебном ведомстве с 19 декабря 1861 г. в Павловской палате уголовного суда канцелярским чиновником. Свой первый чин коллежского секретаря получил 12 июня 1863 г. Впоследствии вначале был кандидатом на должность следователя с прикомандированием к Полтавской палате уголовного суда, а затем был утвержден в должности следователя Маршанского уезда Тамбовской губернии. 12 мая 1868 г. Александр Сампсонович был назначен товарищем прокурора Рязанского окружного суда, 18 марта 187 г. – товарищем прокурора Саратовской судебной палаты, где неоднократно исполнял должность прокурора судебной палаты. В период службы Негребецкий производился в последующие чины. За отличие по службе в Костромском окружном суде Высочайшим приказом 1 января 1880 г. Александр Сампсонович был произведен в чин действительного статского советника. 1 января 1899 г. за отличие по службе произведен в тайные советники. За отличную и усердную службу Негребецкий неоднократно награждался орденами. В Балашовском уезде Саратовской губернии у Негребецкого имелось 240 десятин земли, а у его жены имелось родовое имение – 700 десятин земли в Саратовской губернии. Он был женат, имел двух сыновей и двух дочерей. 28 февраля 1902 г. Александр Сампсонович умер⁹, и Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции от 15 марта 1902 г. за № 17 он был исключен из списков [Извлечение: 17].

Современники характеризуют Негребецкого как необходимого и полезного руководителя в занятиях, судебных заседаниях. Он был со всеми любезен, являлся надежной опорой, разумным, опытным пред-

седателем суда. Вместе с тем он был строгим, прямолинейным и резким. О себе он говорил: «Не злятся на меня, но любят, хоть и кричу подчас немало». О нем сослуживцы вспоминали:

Без Председателя дремало.
У нас бы все, что не служило;
Пока он в суд не заявился, –
Сонливо мы ведем занятия,
Но вот пришел... и оживился
Весь мир наш мигом без изъятья:
Того из нас зовет с докладом,
Тем назначает порученья;
С одним ведет беседу ладом,
С другим же тоном огорченья...
И вмиг работа закипела:
У всех натянуто вниманье,
Чтобы скорей исполнить дело
И чтоб избегнуть замечанья [Посмертный: 2–6].

24 года прослужил Негребецкий в должности председателя Костромского окружного суда. После смерти Александра Сампсоновича его жене Юлии Александровне по Высочайше утвержденному указу от 3 июля 1902 г. была назначена пенсия из казны в размере 900 руб. в год¹⁰.

Четвертым и последним председателем Костромского окружного суда Высочайшим приказом от 1 апреля 1902 г. за № 19 был назначен действительный статский советник Яков Яковлевич Чемадуров [Журнал: 21]. Родился он 7 февраля 1852 г. Происходил из потомственных дворян Казанской губернии. Вероисповедания православного. В 1872 г. окончил Императорское училище правоведения с чином X класса. В службе состоял в судебном ведомстве с 15 мая 1872 г. 1 января 1899 г., находясь на должности товарища прокурора Саратовской судебной палаты, был произведен в действительные статские советники, 1 января 1917 г. за отличие по службе произведен в чин тайного советника¹¹. Он также был почетным попечителем Костромской гимназии [Список 1916: 218]. В должности председателя суда Чемадуров прослужил 15 лет до его закрытия в 1917 г. Яков Яковлевич был женат, имел одну дочь и троих сыновей. У него не было имущества, а у его жены было 305 десятин земли в Нерехтском уезде Костромской губернии и дом в г. Петрограде¹². О дальнейшей судьбе Я.Я. Чемадунова сведений не обнаружено.

Деятельность председателя Костромского окружного суда не ограничивалась решением сугубо юридических вопросов. Существенной являлась и административная составляющая его работы. Его правовой статус характеризуется двойственной природой [Жолобов: 9]. Отдельные полномочия председателя суда были регламентированы Учреждением судебных установлений, Уставом уголовного судопроизводства.

Например, председатель суда мог назначить присяжных заседателей.

В региональном законодательстве – Особом наказе Костромского окружного суда полномочия председателя окружного суда были также регламентированы: он руководил канцелярией суда и для усиления канцелярий отделений мог временно командировать кандидатов на судебные должности (ст. 11), распределял по суду секретарей и их помощников (ст. 14), принимал и увольнял чинов канцелярии (ст. 15), распорядился финансами суда (ст. 18), созывал общее собрание отделений суда (ст. 21), вел общее наблюдение за движением, правильностью и быстротой делопроизводства в окружном суде, заведовал: производством дел в отделении, в котором он председательствовал (первом уголовном); делами о личном составе суда; регистратурой, кассой, архивом суда; производством дел по общему собранию отделений суда; отчетностью суда; перепиской суда; заготовлением необходимых для суда книг и другими делами (ст. 42); принимал просителей (ст. 116) [Особый наказ]. Кроме того, председатели Костромского окружного суда участвовали в подборе судебных кадров, поскольку они были наделены полномочиями в отношении кандидатов на судебные должности, назначая их в руководимом ими окружном суде, а впоследствии поручая им выполнять различные временные должности, такие как исполнение должностей помощников секретарей, секретарей канцелярии и отделений суда, судебных следователей, присяжных поверенных для защиты подсудимых, принимали от них ежемесячные отчеты о проведенной ими работе, а по окончании трехлетнего срока в должностях кандидатов на судебные должности и после успешной сдачи экзаменов рекомендовали через старшего председателя Московской судебной палаты для занятия ими вакантных должностей судебных следователей, помощников прокуроров окружных судов.

Все председатели Костромского окружного суда имели высшее юридическое образование: двое из них закончили Императорском училище правоведения, один – Императорский Санкт-Петербургский университет, еще один – Императорский Харьковский университет. Все происходили из дворянских сословий. Вероисповедание: трое православного вероисповедания, Плец – протестантского.

И.А. Плец был назначен на указанную должность в возрасте 31 года; Н.А. Ридман – 41 года; А.С. Негребецкий – 38 лет; Я.Я. Чемадуров – 50 лет.

На момент назначения на должности председателей суда претенденты имели следующий стаж: И.А. Плец – общий стаж 11 лет, из них в ведомстве Министерства юстиции – 5 лет; Н.А. Ридман – общий стаж 21 год, в ведомстве Министерства юстиции – 5 лет; А.С. Негребецкий – общий стаж 16 лет,

в ведомстве Министерства юстиции – 16 лет; Я.Я. Чемадуrow – общий стаж 30 лет, в ведомстве Министерства юстиции – 30 лет. То есть все председатели суда уже были в зрелом возрасте, с жизненным и профессиональным опытом.

При назначении на должности председателей у троих чины соответствовали IV классу табели о рангах занимаемой должности, только И.А. Плещ при назначении на указанную должность имел чин коллежского советника, что соответствовало более низкому VI классу табели о рангах¹³. Такое назначение Плева в первоначальный этап судебной реформы следует расценивать как следствие недостаточного количества судейских кадров, соответствующих законодательно установленным чинам определенного класса для проведения судебной реформы. В начале проведения судебной реформы основным высшим юридическим учебным заведением считалось Императорское училище правоведения, в котором обучались дворяне, но его выпускников было недостаточно, поскольку только в 1866 г. Высочайшей властью и по распоряжению Министра юстиции было назначено и перемещено по новым судебным установлениям 532 лица, из них сенаторов – 8, председателей судебных палат и их товарищей – 50, членов судебных палат и окружных судов – 144, чинов прокурорского надзора – 123, судебных следователей – 192 [Бриль, Зайцев: 192]. В Императорском училище правоведения за период с начала его деятельности в 1840 г. по 1866 г. (с 1-го по 27-й выпуски) было выпущено 610 правоведов [Пашенный], что было явно недостаточно для реализации судебной реформы 1864 г.

Почти все председатели окружного суда сделали головокружительную карьеру. Чин тайного советника, соответствующий военному званию генерал-лейтенанта, был у троих из четверых. При этом Н.А. Ридман получил указанный чин в 68 лет, прослужив в судах 31 год; А.С. Негребецкий – в 59 лет, прослужив в судебном ведомстве 37 лет; а Я.Я. Чемадуrow – в 64 года, прослужив в судебном ведомстве 44 года. Только у И.А. Плева был чин коллежского советника, соответствующий армейскому званию полковника, однако он еще получил бы более высокий чин, если бы не умер в возрасте 31 года.

О высоких профессиональных качествах председателей Костромского окружного суда свидетельствовали получаемые ими награды.

Н.А. Ридман за отлично-усердную службу был награжден: темно-бронзовой медалью на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг. (6 июня 1857 г.); единовременным пособием из государственного казначейства в размере 100 руб. (28 сентября 1857 г.); орденом св. Станислава 3 ст. (22 июля 1860 г.); орденом св. Анны 3 ст. (4 января 1864 г.); благодарностью от Его Императорского Высочества (4 января 1865 г.);

орденом св. Станислава 2 ст. (22 июля 1866 г.); орденом св. Владимира 3 ст. (9 декабря 1871 г.); знаком Красного Креста (в 1878 г.); орденом св. Станислава 1 ст. (1 июля 1881 г.); орденом св. Анны 1 ст. (1 января 1885 г.); орденом св. Владимира 2 ст. (1 января 1890 г.); знаком отличия беспорочной службы за 40 лет (22 августа 1892 г.); орденом Белого Орла (1 января 1901 г.); знаком отличия беспорочной службы за 50 лет (22 августа 1902 г.).

А.С. Негребецкий награждался орденами св. Станислава 3-й, 2-й и 1-й степеней, св. Анны 3-й и 2-й степеней.

Я.Я. Чемадуrow был награжден орденами св. Станислава 3-й и 2-й степеней, св. Анны 3-й, 2-й и 1-й степеней, св. Владимира 2-й степени.

По И.А. Плецу данные о наградах не установлены.

Исследование семейного положения, проведенное по формулярным спискам и другим источникам, показывает, что практически все председатели суда были женаты. У Н.А. Ридмана и Я.Я. Чемадуrow было по четверо детей, у А.С. Негребецкого – трое. По И.А. Плецу данные не установлены.

Несмотря на то, что в отношении председателей окружных судов не вводился имущественный ценз, существовавший, к примеру, для мировых судей, однако имущественные ограничения все же были: председатель, как и рядовые судьи, не мог быть объявлен несостоятельным должником или лицом, находившимся под опекой за расточительность [Жолобов: 40].

Сословная элитарность председателей окружного суда не предопределяла их высокий уровень благосостояния.

Для большинства председателей Костромского окружного суда источником существования было только жалование. Так, Плещ, Ридман и Негребецкий получали жалования в год – 2 500 руб., столовых – 1 000 руб., квартирных – 1 000 руб., а всего 4 500 руб. в год.

Чемадуrow в 1917 г. получал жалование в год – 3 300 руб., столовых – 1 000 руб., квартирных – 1 000 руб., а всего – 5 300 руб. в год. (по состоянию на февраль 1917 г.).

У Плева и Ридмана личного имущества исследованием не установлено.

У Негребецкого имелось 240 десятин земли, а у его жены имелось родовое имение – 700 десятин земли.

У Чемадуrow не было собственного имущества, а у его жены было 305 десятин земли в Костромской губернии и дом в г. Петрограде.

Кроме того, практически все председатели Костромского окружного суда кроме своей профессиональной деятельности занимались и общественной деятельностью. Так, Я.Я. Чемадуrow был председателем правления Костромского общества земледель-

ческих колоний и ремесленных приютов, почетным попечителем Костромской гимназии, членом губернской ученой архивной комиссии. А.С. Негребецкий также был членом Костромской губернской ученой архивной комиссии и председателем правления Костромского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Так, выступая 28 августа 1895 г. на Червертом съезде представителей русских исправительных заведений в г. Москве, Александр Сампсонович отмечал «блистательные результаты» деятельности открытого в сентябре 1890 г. в Костроме исправительного приюта для малолетних преступников. Он обратил внимание на недостаточное количество мест в приюте при его открытии, поскольку ежегодно по приговорам мировых и окружных судов в приют для малолетних ежегодно поступает более 10 человек. [Труды : 24–26]. Также на съезде он раскрыл вопросы освобождения, в том числе досрочного, малолетних преступников из приюта [Труды : 138]. Эти данные свидетельствуют о том, что руководство Костромского окружного суда в своей деятельности учитывало не только принцип неотвратимости наказания, но и гуманное отношение к малолетним преступникам и большое внимание уделяло их исправлению.

Подводя итог, можно отметить, что вопрос о кадровом составе Костромского окружного суда пореформенного периода в историографии практически не изучен. Отсутствуют монографии и диссертации по этой тематике. Вместе с тем, опираясь на общероссийское и региональное законодательство и архивные материалы, можно сделать выводы об особенностях кадрового состава председателей окружного суда и их деятельности.

Таким образом, качественной характеристикой корпуса председателей Костромского окружного суда были дворянское происхождение, зрелый возраст, ярко выраженный профессионализм – следствие полученного ими высшего юридического образования с отличием, а также опыта работы до поступления на указанную должность и в период ее занятия. Для большинства председателей суда источником существования было получаемое ими жалование. Правовой статус председателя Костромского окружного суда характеризуется двойственной природой – как носителя судебной власти и как лица, обладающего судебно-административными обязанностями. Председателям окружных судов, в том числе Костромского, отводилась важная роль, поэтому Министерство юстиции тщательно относилось к подбору кадров судебных органов, прежде всего их председателей. Особенно сложно было осуществлять руководство судом А.С. Негребецкому, на долю которого выпало руководить судом в период судебных контрреформ. Я.Я. Чемадунову также пришлось осу-

ществлять свои функции в период кризиса власти, повлекшего ее смену. Вместе с тем они достойно занимали свое место в деятельности окружного суда и судебных органов Российской империи, в частности с помощью эффективного государственного управления в сфере правосудия в условиях нарастающего кризиса власти. Их личный вклад в управление деятельностью судебной ветви власти в Костромской губернии и профессионализм сказывались на качестве работы руководимого ими суда. Их деятельность отвечала требованиям и потребностям времени и вполне себя оправдала.

Примечания

¹ Учреждения для управления губерний всероссийской Империи. ПСЗРИ – I. Т. 30. № 41392.

² Учреждение судебных установлений ПСЗРИ – II. Т. 39. № 41475.

³ Костромские губернские ведомости. № 26. 1871. 3 июля.

⁴ Костромские губернские ведомости. № 14. 1871. 10 апреля.

⁵ Костромские губернские ведомости. № 20. 1871. 22 мая.

⁶ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 355. Оп. 1. Д. 2408. Санкт-Петербург. Императорское училище правоведения. Петроград. 1835–1918. Личные дела воспитанников. Плец Иосиф.

⁷ Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). Ф. 340. Оп. 6-1. Д. 538. Л. 1–8. Дело председателя Костромского окружного суда статского советника Николая Адольфовича Ридмана.

⁸ Нами установлено, что, несмотря на то, что отчество Негребецкого в ряде источников указано как Сампсонович, однако фактически правильным следует считать отчество Сампсонович, поскольку он сам так указал в сведениях о личном, семейном и имущественном положении за 1888 г. Также его отчество Сампсонович указано и в Посмертном прощальном привете председателю Костромского окружного суда Александру Сампсоновичу Негребецкому.

⁹ ГАКО. Ф. 340. Оп. 6-1. Д. 536. Л. 1–8. Дело председателя Костромского окружного суда действительного статского советника Александра Сампсоновича Негребецкого.

¹⁰ Там же. Л. 94.

¹¹ ГАКО. Ф. 340. Оп. 6-1. Д. 380. С. 2–3.

¹² Там же. С. 2.

¹³ ПСЗРИ – II Т. 39. Отд. 3. № 41475. Приложение к ст. 238. С. 443.

Список литературы

Адрес Ридману Николаю Адольфовичу, председателю 1-го Уголовного департамента Казанской судебной палаты в день 50-летия юридической деятель-

ности от сослуживцев. Казань: Тип. А.А. Родионова, ценз. 1901. 3 с.

Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Московский судебный округ в судебной системе пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX века) // Конституция Российской Федерации – правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности (к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. трудов XX Всерос. декабрьских юридических чтений в Костроме. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 7–8 декабря 2023 г.). Кострома: Костромской государственной университет, 2024. 360 с.

Жолобов Я.Б. Правовой статус председателя суда общей юрисдикции в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 219 с.

Журнал Министерства юстиции. Год восьмой. № 5. Апрель. 1902. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1902.

Зайцев Л.Н. Костромской окружной суд: образование и деятельность (1871–1917 гг.) // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности. Возрождение святыни: Костромской кремль: сб. трудов VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 6 октября 2023 г.). Кострома: Костромской государственной университет, 2023. 241 с.

Извлечение из Высочайших приказов по гражданскому ведомству // Журнал Министерства юстиции. Год восьмой. № 4. Апрель. 1902. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1902. С. 12–17.

Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 6. Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева / сост.: П.С. Кабытов, М.В. Батшев, Э.Л. Дубман и др.; под науч. ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, М.М. Леонова. Самара: ООО «Слово», 2019. 268 с.

Курас Т. Служба в судебных палатах Российской империи (на примере деятельности А.Н. Гессе // Власть. 2011. № 10. С. 135–138.

Марасанова В.М. Кадры председателей и членов окружных судов Ярославской губернии во второй половине XIX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 1. С. 25–29.

Мхитарян Л.Ю. Судебная система Западного Урала в период с 1780 по 1880-е гг. (на примере Пермской и Вятской губерний): монография. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2016. 236 с.

Особый наказ Костромского окружного суда. Кострома. 1872.

Памятная книжка Новгородской губернии на 1869 год / под ред. Н. Богословского. Новгород: Тип. Новг. губ. правл., 1869. 366 с.

Памятная книжка Новгородской губернии на 1870 год. Новгород: Тип. Новг. губ. правл., 1869. 274 с.

Памятная книжка Новгородской губернии на 1871 год. Новгород: Тип. Новг. губ. правл., 1869. 290 с.

Пашенный Н.Л. Императорское училище правоведения и правоведа в годы мира, войны и смуты. URL: <https://genrogge.ru/isj/isj-091-2.htm> (дата обращения: 20.04.2024).

Посмертный прощальный привет председателю Костромского окружного суда Александру Сампсону Негребецкому. Кострома. 1902. 8 с.

Список гражданским чинам четвертого класса. Исправлен по 1-е марта 1916 г. Часть первая. Издание Инспекторского отдела Собственной Е. И. В. канцелярии. Петроград: Сенатская типография, 1916.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет / под ред. В.Ф. Френкеля, Э.Н. Берендса, И.А. Блинова. Доп. том. Петроград, 1914. 111 с.

Труды Высочайше разрешенного Четвертого Съезда представителей русских исправительных заведений, созданного в 1895 году, в Москве. Москва, 1896. 422 с.

References

Adres Ridmanu Nikolaju Adol'fovichu, predsedatelju 1-go Ugolovnogo departamenta Kazanskoj sudebnoj palaty v den' 50-letija juridicheskoj dejatel'nosti ot sosluzhivcev [Address to Ridman Nikolay Adolfovich, Chairman of the 1st Criminal Department of the Kazan Judicial Chamber on the day of the 50th anniversary of legal activity from colleagues]. Kazan', Тип. А.А. Rodionova Publ., 1901, 3 p. (In Russ.)

Bril' G.G., Zajcev L.N. *Moskovskij sudebnyj okrug v sudebnoj sisteme poreformennoj Rossii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka)* [The Moscow Judicial District in the judicial system of post-reform Russia (the second half of the XIX - early XX century)]. *Konstitucija Rossijskoj Federacii – pravovaja osnova ustojchivogo razvitija zakonodatel'stva i rossijskoj gosudarstvennosti (k 30-letiju prinjatija Konstitucii Rossijskoj Federacii): sbornik trudov XX Vserossijskih dekabr'skih juridicheskikh chtenij v Kostrome. Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija (g. Kostroma, 7–8 dekabrja 2023 g.)* [The Constitution of the Russian Federation is the legal basis for the sustainable development of legislation and Russian statehood (on the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation): collected works of the XX All-Russian December legal readings in Kostroma. All-Russian scientific and practical conference (Kostroma, December 7-8, 2023)]. Kostroma, Kostromskoj gosudarstvennyj universitet [Kostroma: Kostroma State University], 2024, 360 p. (In Russ.)

Izvlechenie iz Vysochajshih prikazov po grazhdanskomu vedomstvu [Extract from the Highest Orders of the Civil Department]. *Zhurnal Ministerstva justicii. God vos'moj. № 4. Aprel'. 1902* [Journal of the Ministry of

Justice. Year Eight. No. 4. April. 1902]. Sankt-Peterburg, Senatskaja tipografija Publ., 1902, pp. 12-17. (In Russ.)

Klassika samarskogo kraevedenija. Antologija. Vy-pusk 6. Dnevnik i vospominanija samarskogo gubernatora Aleksandra Dmitrievicha Sverbeeva [The classics of Samara local lore. An anthology. Issue 6. Diary and memoirs of Samara Governor Alexander Dmitrievich Sverbeev], comp.: P.S. Kabytov, M.V. Batshev, Je.L. Dubman et al.; sc. ed. by P.S. Kabytov, Je.L. Dubman, M.M. Leonov. Samara, OOO «Slovo» Publ., 2019, 268 p. (In Russ.)

Kuras T. *Sluzhba v sudebnyh palatah Rossijskoj imperii (na primere dejatel'nosti A.N. Gesse* [Service in the judicial Chambers of the Russian Empire (on the example of the activities of A.N. Hesse)]. *Vlast'* [Power], 2011, no. 10, pp. 135-138. (In Russ.)

Marasanova V.M. *Kadry predsedatelej i chlenov okružnyh sudov Jaroslavskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX veka* [Cadres of chairmen and members of the district courts of Yaroslavl province in the second half of the XIX century]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov], 2015, no. 1, pp. 25-29. (In Russ.)

Mhitarjan L.Ju. *Sudebnaja sistema Zapadnogo Urala v period s 1780 po 1880-e gg. (na primere Permskoj i Vjatskoj gubernij): monografija* [The judicial system of the Western Urals in the period from 1780 to the 1880s. (on the example of Perm and Vyatka provinces): monograph. Perm', Perm. gos. gumanit.-ped. un-t Publ., 2016, 236 p. (In Russ.)

Osobyj nakaz Kostromskogo okružnogo suda [Special order of the Kostroma District Court]. Kostroma, 1873. (In Russ.)

Pamjatnaja knizhka Novgorodskoj gubernii na 1869 god [The memorial book of the Novgorod province for 1869], ed. by N. Bogoslovskii. Novgorod, 1869, 366 p. (In Russ.)

Pamjatnaja knizhka Novgorodskoj gubernii na 1870 god [The memorial book of the Novgorod province for 1870]. Novgorod, 1869, 274 p. (In Russ.)

Pamjatnaja knizhka Novgorodskoj gubernii na 1871 god [The memorial book of the Novgorod province for 1871]. Novgorod, 1871, 290 p. (In Russ.)

Pashennyj N.L. *Imperatorskoe uchilishhe pravovedenija i pravovedy v gody mira, vojny i smuty* [The Imperial School of Jurisprudence and Jurists during the Years of Peace, War and Turmoil]. URL: <https://genrogge.ru/isj/isj-091-2.htm> (access date: 20.04.2024). (In Russ.)

Posmertnyj proshhal'nyj privet predsedatelju Kostromskogo okružnogo suda Aleksandru Sampsonovichu Negrebeckomu [Posthumous farewell greetings to Alexander Sampsonovich Negrebetsky, Chairman of the Kostroma District Court]. Kostroma, 1902, 8 p. (In Russ.)

Spisok grazhdanskim chinam chetvertogo klassa. Ispravlen po 1-e marta 1916 g. Chast' pervaja. Izdanie Inspektorskogo otdela Sobsvvennoj E. I. V. kanceljarii. Petrograd. Senatskaja tipografija [A list of civilian ranks of the fourth class]. Petrograd, 1916. (In Russ.)

Sudebnye ustavy 20 nojabrja 1864 g. za pjat'desjat let, ed. by V.F. Frenkel, Je.N. Berends, I.A. Blinov. Dopolnitel'nyj tom [Judicial statutes of November 20, 1864 for fifty years]. Petrograd, 1914, 111 p. (In Russ.)

Trudy Vysochajshe razreshennogo Chetvertogo Sezda predstavitelej russkih ispravitel'nyh zavedenij, sozvanogo v 1895 godu, v Moskve [The proceedings of the Most Highly Authorized Fourth Congress of Representatives of Russian Correctional Institutions, convened in 1895, in Moscow]. Moscow, 1896, 422 p. (In Russ.)

Zajcev L.N. *Kostromskoj okružnoj sud: obrazovanie i dejatel'nost' (1871–1917 gg.)* [Kostroma District Court: education and activities (1871-1917)]. *Istoričeskaja pamjat' i duhovnyj opyt formirovanija rossijskoj gosudarstvennosti. Vozrozhdenie svjatyni: Kostromskoj kremli': sbornik trudov VI Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii (g. Kostroma, 6 oktjabrja 2023 g.)* [Historical memory and spiritual experience of the formation of Russian statehood. Revival of the shrine: Kostroma Kremlin: collected works of the VI Int. scientific and practical. conf. (Kostroma, October 6, 2023)]. Kostroma, Kostromskoj gosudarstvennyj universitet Publ., 2023, 241 p. (In Russ.)

Zholobov Ja.B. *Pravovoj status predsedatelya suda obshhej jurisdikcii v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk* [The legal status of the Chairman of the Court of General jurisdiction in the Russian Federation : PhD thesis, summary]. Moscow, 2022, 219 p. (In Russ.)

Zhurnal Ministerstva justicii. God vos'moj. № 5. April'. 1902 [Journal of the Ministry of Justice]. Sankt-Peterburg, Senatskaja tipografija Publ., 1902. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 02.09.2024.

ТРАНСОВЫЕ СТЕРЕОТИПИИ В ПАНТОМИМИКЕ ЛЮДЕЙ И ПРИМАТОВ

Гончаренко Елена Вячеславовна, медицинский психолог, Областная детская клиническая больница им. Н.Н. Силищевой, Астрахань, Россия, lanovaya.s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6410-4170>

Миквабия Зураб Ясонович, доктор медицинских наук, профессор, Государственное научное учреждение Институт экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия, primat.ana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0729-6516>

Тайсаева Светлана Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, taisaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6947-8606>

Аргун София Нодаровна, младший научный сотрудник лаборатории физиологии и патологии ВНД, Государственное научное учреждение Институт экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия, argunsofiya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7885-7580>

Мурзова Ольга Анатольевна, кандидат медицинских наук, доцент, Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия, olgamurzova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0252-8872>

Дбар Сария Джоновна, кандидат биологических наук, заведующая лабораторией инфекционной патологии, Государственное научное учреждение Институт экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии Сухум, Абхазия, Saradbar@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6997-7846>

Ардашелия Саида Нугзаровна, научный сотрудник лаборатории инфекционной патологии, Государственное научное учреждение Институт экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия, adias08@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4406-5829>

Аннотация. Авторами проведен обзор и анализ российских и зарубежных экспериментальных исследований по пантомимическим стереотипиям. Первоначально стереотипному поведению давалась негативная оценка. Современные исследования рассматривают адаптивные функции и возможности стимминга как способа гармонизировать эмоциональное и психическое состояние. Сравнительный анализ круговых, маятниковых и диагональных движений у детей и обезьян старого света проведен с помощью этологического подхода в изучении поведенческих паттернов. Наблюдения за людьми проводились в психоневрологическом отделении Областной детской клинической больницы имени Н.Н. Силищевой г. Астрахани, в нем участвовали 40 детей дошкольного возраста с психическим дизонтогенезом. В сухумском питомнике наблюдались пять лабораторных макак и семья павианов гамадрилов, содержащихся в вольере с гомологичной кинесикой. По мнению авторского коллектива, хождение (бег) по кругу и диагонали, раскачивание тела «вправо-влево» в пантомимической продукции детей и обезьян связаны с самостимуляцией измененного состояния сознания. Трансовые стереотипии отвлекают внимание от внешних стрессоров и раздражителей и гармонизируют психический гомеостаз. Исследование может быть интересно антропологам, приматологам, а также специалистам в области изучения психики и патологического поведения животных и *homo sapiens*.

Ключевые слова: транс, приматы, дети, стереотипия, аутизм, стимминг.

Благодарности: авторский коллектив благодарит творческий коллектив Государственного ансамбля народного танца имени К. Тарба «Кавказ» республики Абхазии и художественного руководителя А.Т. Тарба за возможность изучения круговых телодвижений у танцоров.

Для цитирования: Гончаренко Е.В., Миквабия З.Я., Тайсаева С.Б., Аргун С.Н., Мурзова О.А., Дбар С.Д., Ардашелия С.Н. Трансовые стереотипии в пантомимике людей и приматов // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 247–258. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-247-258>

TRANCE STEREOTYPES IN HUMAN AND PRIMATE PANTOMIMICRY

Elena V. Goncharenko, medical psychologist, Silishcheva Astrakhan Regional Children's Clinical Hospital, Astrakhan, Russia, lanovaya.s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6410-4170>

Zurab Ya. Mikvabia, Doctor of Medical Sciences, Professor, State Scientific Institution Institute of Experimental Pathology and Therapy of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhumi, Abkhazia, primat.ana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0729-6516>

Svetlana B. Taisaeva, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, taisaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6947-8606>

Sofiya N. Argun, junior Researcher at State Scientific Institution Institute of Experimental Pathology and Therapy of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhumi, Abkhazia, argunsofiya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7885-7580>

Olga A. Murzova, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia, olgamurzova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0252-8872>

Saria Jo. Dbar, Candidate of Biological Sciences, Head of the Laboratory of Infectious Pathology, State Scientific Institution Institute of Experimental Pathology and Therapy of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhumi, Abkhazia, Saradbar@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6997-7846>

Saida N. Ardashelia, researcher at the Laboratory of Infectious Pathology, State Scientific Institution Institute of Experimental Pathology and Therapy of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhumi, Abkhazia, adias08@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4406-5829>

Abstract. The authors reviewed and analysed Russian and foreign experimental studies on pantomimic stereotypes. Initially, stereotypical behaviour was negatively evaluated. Modern research considers adaptive functions and possibilities of self-stimulation as a way to harmonise emotional and mental state. A comparative analysis of circular, pendulum and diagonal movements in children and Old World monkeys was conducted using an ethological approach to the study of behavioural patterns. Human observations were conducted in the psychoneurological department of Silishcheva Astrakhan Regional Children's Clinical Hospital, 40 preschool children with mental dysontogenesis participated. Five laboratory macaques and a family of hamadryas baboons kept in an aviary with homologous kinesics were observed in Sukhumi nursery. According to the authors' team, walking (running) in a circle and diagonally, swinging the body "right-to-left" in the pantomimic production of children and monkeys are associated with self-stimulation of an altered state of consciousness. Trance stereotypes divert attention from external stressors and stimuli and harmonise mental homeostasis. The study may be of interest to anthropologists, primatologists, specialists in the study of the psyche and pathological behaviour of animals and *Homo sapiens*.

Keywords: trance, primates, children, stereotypy, autism, stimming.

Acknowledgments: The authors' collective would like to thank the creative team of the State Folk Dance Ensemble named after Kandid Tarba «Caucasus» of the Republic of Abkhazia and the artistic director Arvilod Tarba for the opportunity to study circular body movements in the dancers.

For citation: Goncharenko E.V., Mikvabia Z.Y., Taisaeva S.B., Argun S.N., Murzova O.A., Dbar S.D., Ardashelia S.N. Trance stereotypes in human and primate pantomimicry. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 247–258. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-247-258>

Введение. Появление стереотипий в поведении детей дошкольного возраста связывают с дебютом или развитием ранней психической патологии, чаще с расстройством аутистического спектра (РАС). Действительно, дети с аутизмом в возрасте от года до двух лет демонстрируют более частые и повторяющиеся паттерны сенсорно-моторного поведения, чем дети с когнитивными и интеллектуальными нарушениями [Lewis, Kim: 130]. Но появление неспецифических вербальной и невербальной продукции может появляться и при другой психической патологии, к примеру шизофрении или обсессивно-компульсивном расстройстве (ОКР) [Rajapakse, Pringsheim: 254].

Зарубежные и российские авторы выделяют аудиальные, визуальные, сенсорные, пантомимические, проприоцептивные стереотипные действия, которые имеют впечатляющее разнообразие [Аттаева: 16]. Накапливающиеся экспериментальные данные подтверждают идею о том, что повторяющиеся формы поведения могут иметь различный патогенез. Появление стереотипий объясняется различными деструктивными изменениями в работе головного мозга: от возрастной незрелости до лобно-височных, теменных, мозжечковых, ганглиозных, лимбических нарушений [Khalil, Tindle: 670]. Некоторые авторы их связывают с высоким возбуждением подкорко-

вых или ствловых структур [Takumi, Tamada:41], с генными и гормональными нарушениями [Mattei, Notter: 27], в том числе снижением уровней в плазме окситоцина [Бурмистрова, Филиппова:65]. Влиянию микробиоты кишечника на аутизм посвящен ряд работ зарубежных ученых [Cenit, Sanz: 5491]. Обнаружено, что использование пробиотиков, содержащих виды *Bifidobacterium*, улучшает определенные симптомы заболевания, так как представители данного рода являются основными производителями молочной кислоты, которая подавляет рост *E. coli*, уменьшает воспаление в кишечнике и взаимодействует с иммунной системой [Hashemi, Foughse: 11]. Исследование Sanctuary M.R. с группой ученых было посвящено изучению влияния пробиотических добавок *B. infantis* и пребиотических олигосахаридов на функционирование кишечника у детей с РАС. Результаты 12-недельной экспериментальной работы показали, что группа испытуемых, которой вводили добавку и пребиотические олигосахариды, продемонстрировала значительное снижение стереотипий в поведении респондентов [Sanctuary, Kain: 129]. Cheng Y. и соавторы провели предварительный мета-анализ и предположили, что омега-3 жирные кислоты могут снизить повторяющиеся действия [Cheng, Tseng: 2540].

Природу неспецифической кинесики разнообразно объясняют исследователи поведения. По мнению Н.А. Бернштейна, ее появление обусловлено нарушением схемы тела и пространственной ориентации [Бернштейн: 212]. Некоторые авторы относят их к вычурному языку коммуникаций. К.С. Лебединская связывает движения с аутостимуляцией гиперкомпенсаторного характера [Лебединская: 230]. По мнению психиатра Дж. Боулби, стереотипии могут возникать при депривации родительской любви в системе «мать и дитя» [Боулби: 110]. В настоящее время негативизм к стереотипному поведению снизился, ему стали присваивать адаптивные функции и возможности. Предложенная G.J. Mason альтернативная гипотеза о том, что повторяющиеся поведенческие модели необходимы для преодоления стресса и снижают воздействие стрессора, набирает популярность [Mason: 1128]. Пользу от стереотипий рассматривают большое количество зарубежных исследователей. М. Маккарти и О. Брамбак считают, что при аутизме происходят колебания в слуховой, зрительной и моторной системах. Авторы полагают, что за счет повторяющейся двигательной активности образуется ритмическая сенсорная обратная связь, которая нормализует мозговые ритмы и улучшает обработку сенсорной информации [McCarty, Grumbach: 37]. Стимминг оценивается как защитный поведенческий паттерн от стрессовых стимулов окружающего мира [Petty, Ellis] и способ справиться

с трудностями [Araujo, da Silva:220]. Разнообразные стереотипии как компенсаторные формы поведения дифференцирует S. Карр с соавторами. Самоотчеты экспериментальной группы взрослых пациентов с РАС указывают, что повторяющиеся действия снижают беспокойство, внутреннее напряжение и тревогу. Они вызывают чувство расслабления, приятные эмоции, позволяют организовать мысли, сосредоточиться и избавиться от нервно-психического напряжения. Обеспечивают облегчение чрезмерной окружающей стимуляции, эмоционального возбуждения, в том числе повышенной тревожности [Карр, Steward: 1786].

Невербальные стереотипии появляются не только у пациентов с психическими нарушениями, но и у здоровых людей. Наши клинические наблюдения за здоровыми и аутичными детьми дошкольного возраста показывают, что многократные прыгающие движения – «пружина» и взмахивания кистей рук («крылышки») – являются моторикой эмоции радости. При аутизме амплитуда и длительность движений увеличивается в ответ на какой-либо стимул либо возникает не конгруэнтно ситуации. У нейростеников пантомимика угасает, когда удовлетворяется их потребность, и всегда соответствует контексту.

Стереотипная кинесика в виде учащения жестикляции возникают у психически здоровых индивидов и в стрессовом состоянии. В состоянии страха (стресса) люди многократно и бессознательно продуцируют дифференцированные телесные архаизмы. Наши этологические наблюдения в Сухумском питомнике обезьян обнаруживают филогенетические паттерны человеческих жестов в пантомимике приматов [Гончаренко, Тайсаева 2022: 425]. Жесты-манипуляторы, которые иллюстрируются высокой активностью мелкой моторики с неодушевленными предметами, украшениями и аксессуарами, базируются на цеплятельном рефлексе детеныша за шерсть матери. Жесты самоочистения в виде навязчивого очищения руками собственного тела, одежды, ногтей основаны на груминге животных. Монотонное покачивание тела в виде «китайского болванчика» и ног (вперед-назад) происходит от раскачивания тела детеныша под животом самки-матери. Повторяющиеся движения, которые продуцирует человек во время стресса, воспроизводят предковые формы тактильного контакта диады «мать и дитя», чтобы восстановить психический гомеостаз и снизить нервно-психическое напряжение [Гончаренко, Тайсаева 2023: 250].

Из всего многообразия стереотипного поведения, которое иллюстрируется как в норме, так и в патологии у детей дошкольного возраста, в своем исследовании нам было интересно проанализировать природу круговых, диагональных и маятниковых двигательных актов. Мы обратились к этологическому подходу

и сравнительному анализу пантомимики людей и животных. Кружение вокруг собственной оси, по мнению В.Р. Дольника, имеет эволюционное значение. Этолог относит кинесику к воспроизведению древней формы обитания предков современного человека и часто иллюстрируется детьми [Дольник: 117]. Но А. Lameira и М. Perlman установили, что многократное раскручивание на лианах (веревках) обезьян обусловлено не древолазанием, а изменением восприятия реальности и сознания, поэтому люди и антропоиды намеренно вводят себя в изменённое состояние сознания (ИСС) [Lameira, Perlman: 320].

В хореографической и религиозно-обрядовой пластике движений часто обнаруживается круговая и маятниковая пантомимика [Самохвалов: 113]. При этом возникают эмоциональные изменения, которые влияют на настроение, купируют фрустрацию и тревогу. Такой способ воздействия на эмоциональную сферу и психическое состояние индивида обнаруживается в интенсивных танцах и ритуально-обрядовой пантомиме: хороводах, шаманском камлании, кружении дервишей, тавафе и др. Возникающие эмоциональные состояния и изменение сознания приводят к мистическому озарению, духовному опыту или состоянию восторга [Ковшов: 46]. Ускоренное вращение тела вокруг собственной оси у людей без специальной физической подготовки изменяет работу внутреннего уха и разобщает сигналы автоматических движений глаз. Из-за этого происходят изменения в работе вегетативной нервной системы, вызывающие ее дисфункцию, и влияют на сознание [Nigmatullina, Hellyer: 559]. Анализ круговых телодвижений в поведении людей, в том числе и танцевательной моторике, обратил наше внимание на национальную хореографию народов Северного Кавказа. Вращательные движения исполняются в абигейском, осетинском, аварском, абхазском и старинном турецком танцах. Мы провели собственное наблюдение за творческим коллективом государственного ансамбля народного танца «Кавказ» Республики Абхазия во время репетиций. Нашей задачей было уточнить наличие психических и эмоциональных изменений у профессиональных танцоров при исполнении композиций с интересующей нас пантомимой. Поэтому мы попросили 29 юношей и девушек в возрасте 15–25 лет описать свое психическое и эмоциональное состояние после тренировки. Более 80 % испытуемых озвучили, что у них возникали «приливы» легкости, эйфории, радости и счастья. 68 % респондентов ощущали искажение реальности, времени и пространства. Анализ видеосъёмки показал, что лицевое поведение танцоров иллюстрировало признаки трансового состояния: замедление мигательных, глотательных, мимических движений, уплощение черт лица, спонтанные идеомоторные реакции и пр.

Маятниковые движения по типу «неваляшки» или «китайского болванчика» мы анализировали в своем исследовании по транс-жестам. По нашему мнению, монотонное покачивание телом «вправо-влево» и ногой «вперед-назад» вызывают измененное состояние сознания. Природу движений мы связали с регрессом в детско-родительские отношения ребенка с матерью и воспроизведением моторики материнского укачивания, которое положительно воздействует на психическое состояние индивида [Гончаренко, Тайсаева 2023: 251].

Этологический подход в изучении поведенческих паттернов требует анализа и поиска гомологичных этограмм у представителей фауны. Стереотипии часто наблюдается у птиц и животных, содержащихся в неволе. По мнению исследователей и зоологов, они развиваются в ответ на ограничения либо на изоляцию и обусловлены обеднением окружающей обстановки и среды [Tatemoto, Broom]. Наблюдения сухумских приматологов показывают, что навязчивые движения у экспериментальных и лабораторных обезьян возникают чаще, чем у вольерных. Ш.Л. Джалагония фиксировал стереотипии при нервном возбуждении у павианов гамадрилов [Джалагония: 20]. А.М. Чирков отмечает, что на фоне психоэмоционального напряжения и общей тревожности у павианов нарастают непрерывное хождение по клетке, подметающие движения рукой, ритмические, ротационные движения головой [Чирков, Чиркова: 73]. М.А. Дерягина и М.Л. Бутовская в изучении поведенческих ответов на стрессорную стимуляцию у экспериментальных обезьян отмечали стереотипии в виде монотонных раскачиваний, подергиваний телом и беспорядочных нашаривающих движений конечностями [Бутовская, Дерягина: 97]. А.М. Чирков и И.С. Войт дифференцируют два вида навязчивых паттернов у экспериментальных приматов: стереотипную локомоцию и ритмическую локомоцию [Чирков, Войт: 11]. Вольерные животные также продуцируют стереотипное поведение. В Сухумском питомнике обезьян они наблюдаются у групп и семей павианов гамадрилов и павианов анубисов. Также мы зафиксировали круговые вращения у антропоида, половозрелой самки шимпанзе в зоопарке «Баба Фрося» Астраханской области. Зарубежные ученые описывают сходные наблюдения в приматологических центрах. Гомологию повторяющихся движений, подобных РАС и ОКР, анализируют S.D. Fam и Y.S. Tan [Fam, Tan: 840]. Известный приматолог Ф.Де Вааль неоднократно отмечал в Центре разведения шимпанзе кружения и покачивания антропоидов [Де Вааль: 213].

Цель исследования. Сравнительный анализ круговых, маятниковых и диагональных стереотипий у детей с психическим дизонтогенезом и обезьян старого света.

Материалы и методы исследования. В качестве основы к изучению стереотипий людей и приматов использовались классические этологические подходы и методы регистрации и анализа свободного группового и индивидуального поведения:

1. Метод наблюдения за пантомимикой 40 детей с психическим дизонтогенезом в возрасте 3–6 лет в период госпитализации в психоневрологическом отделении (ПНО).

2. Метод наблюдения за пантомимической продукцией семьи павианов гамадрилов (14 особей) в вольере.

3. Метод наблюдения за пантомимической продукцией 4 лабораторных макак-резусов и 1 яванской макаки в возрасте от 15 до 25 лет.

Наблюдения и регистрация этограмм приматов осуществлялись в Сухумском питомнике обезьян Научно-исследовательского института экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии (НИИ ЭПИТ Академии наук Абхазии) г. Сухум. Наблюдения за поведением детей проводилось в ПНО ГБУЗ АО «Областная детская клиническая больница имени Н.Н. Силищевой» г. Астрахани.

Авторы руководствовались этическими принципами «Европейской конвенции по защите позвоночных животных, используемых для эксперимента и других научных целей». Были соблюдены требования биоэтической этики и Хельсинской декларации. У законных представителей детей в медицинской организации было получено добровольное информированное согласие на наблюдение медицинского психолога.

Результаты исследования

Дети с психическим дизонтогенезом. \ Отбор респондентов осуществлялся в процессе консультации медицинского психолога, в которую входили беседа с родителями, сбор психологического и клинического анамнеза, наблюдение за поведением ребенка. Все дети являлись пациентами психоневрологического отделения в возрасте от трех до шести лет и находились на стационарном лечении в течение 10–12 дней по поводу нарушений психического развития и речи. По данным психологического анамнеза изучалось моторное развитие пациентов. Анализировалось наличие речи: жесты-эмблемы, фонемы, вокализация гласными, эхолалия, словарный запас простых слов, наличие фразовой речи, дефекты звукопроизношения. Социальное поведение оценивалось наличием навыков самообслуживания и умением контактировать со сверстниками. Мыслительные операции диагностировались с помощью анализа игры ребенка, прохождением зеркального, цветового теста, «указательного жеста» и др.

Для дальнейшего наблюдения были отобраны дети, которые, со слов родственников, часто иллюстрировали круговую, маятниковую и диагональную

моторику либо демонстрировали ее во время консультации. Во время нахождения ребенка в стационаре нас интересовало появление/отсутствие стереотипий в его поведении. С помощью видеосъемки родителей на телефон либо при личном присутствии психолога проводилась фиксация хождения или бега по кругу и диагонали и телодвижений по типу «китайского болванчика».

Пример 1. Мальчик, возраст 4 года 10 месяцев. Социальный статус: проживает в полной семье, единственный ребенок у родителей. Детский сад начал посещать с трех лет, социальная адаптация в дошкольном учреждении была низкой, контактов с детьми избегал, много плакал, капризничал, не хотел по утрам идти в группу. Играл один, детей, которые проявляли дружелюбие, кусал, не стремился к групповой игре. С 4 лет после медико-педагогической комиссии стал посещать коррекционный детский сад, занимался 2–3 раза в неделю с дефектологом, психологом и логопедом с минимальной динамикой. Нервно-психическое развитие: родился от первых родов, первой беременности, в 39 недель, при рождении ГИЭ. Моторное развитие: не ползал, сидеть начал с 8 месяцев, встать с 11 месяцев, ходить с 1 года 2 месяцев. Речь: первые слова «мама», «дай» появились с года жизни, фразовая речь (простые предложения) сформировалась к 2 годам. После трех лет перенес острую вирусную инфекцию с высокой температурой, был госпитализирован в инфекционную больницу, выписан на 12-й день. После болезни родители обратили внимание на регресс в речевом развитии и поведении, в детском саду стали жаловаться на возросшую агрессивность к сверстникам и воспитателям. Навыки самообслуживания до «отката» были сформированы. На настоящее время: частично одевает и снимает одежду, пьет из стакана, ложкой не пользуется, не умывается самостоятельно. Аппетит избирательный, употребляет ограниченное количество продуктов, не пробует новую пищу, но часто облизывает и поедает несъедобные предметы. Навыки опрятности были сформированы родителями к 1,5 годам, не утрачены, самостоятельно ходит в туалет, ночного недержания мочи и каломазанья нет. В проявлении эмоций лабильный, агрессивный, часто кусает и щиплет мать и бабушку. Со слов матери, боится громких звуков (жужжание дрели, пылесоса, фена), закрывает уши, прячется либо громко кричит. Игровая деятельность: сюжетной и ролевой игры нет, манипулирует игрушкой, фиксируется на деталях, крутит колесико на машинке и долго наблюдает за вращением, часто раскладывает цифры и английские буквы в ряд. Новыми мультфильмами не интересуется, смотрит одни и те же серии «Синего трактора» или «Маши и медведя». Наблюдаются регрессивные паттерны в поведении: цепля-

тельный рефлекс – носит с собой кусочек материи, часто вытирает лицо, не дает матери стирать ткань; груминг – вырывает волосы у матери, кладет в рот, жует и сглатывает; патологический хватательный рефлекс – поедает несъедобное; самоповреждение – в состоянии гнева может сильно бить себя по лицу и голове. Указательным жестом не пользуется, использует материнскую руку, чтобы получить желаемое. Зеркальная проба: к зеркалу подбегает, не любит, мельком смотрит на свое отражение, убегает. Цветное зрение: цвета различает, из тарелки с разными фруктами приносит красное яблоко и оранжевый апельсин. Тактильная проба: в ответ на тактильные манипуляции руками отталкивает и щиплет руки специалиста, отбегает и начинает ходить по кругу в течение 78 секунд. В стационаре при контакте с другими детьми щиплет и кусает их, затем ходит по кругу. Во время госпитализации отмечено от двух до десяти круговых стереотипий в день, минимальное время кружения достигало 17 секунд, максимальное – 3 минуты 19 секунд.

Хронометраж пантомимы, лицевой активности и фиксации моторики 40 респондентов приведены в таблице 1.

Во внешней картине стереотипий, которые дети иллюстрировали от одного до более десяти раз за день, мы обратили внимание на изменение лицевого поведения, дыхания и сниженную восприимчивость к внешнему миру. Резкое прекращение движений, когда родители насильно отвлекали их от пантомимы, вызывали либо аффективную реакцию, либо упорное желание воспроизводить моторику далее. Стимминги чаще всего появлялись после медицинских манипуляций (забора крови, инъекций, аппаратных обследований, массажа) либо контакта «человек – человек» (вовлечении ребенка в групповую игру другими детьми, при взаимодействии с медицинским персоналом).

Вольерные павианы гамадрилы. В Сухумском питомнике обезьян мы проводили этологические наблюдения за 14 павианами гамадрилами в туристическом вольере. Все приматы имели родственные отношения друг с другом и являлись семьей. В группе проживали 4 особи, которым было больше 15 лет и 10 павианов от 9 до 2 лет. Альфа-самцу по имени Папа исполнилось 25 лет, его постоянно сопровождали овулирующая самка и самка с новорожденным детенышем. В течение трех недель мы наблюдали иерархичное, аффилиативное, родительское и социальное поведение животных, это занимало от 1,5 до 3 часов светового дня. Утром, как правило, работники тщательно моют и убирают вольеры, а павианы находятся в зимнем помещении, после чего их выпускают, и они проводят весь день на свежем воздухе. Субтропический климат Абхазии позволяет не менять этот режим круглый год. Мы обратили внимание, что после выпуска из зимника они сначала разбегаются по территории, обыскивают ее, ищут остатки пищи либо колупают пол, рассматривают прохожих, далее объединяются в группу и синхронно ходят или бегают по кругу либо по диагонали. Нас заинтересовала такая пантомимика, так как она напоминала круговые и диагональные стереотипии детей с психическим дизонтогенезом. Дифференцированный анализ поведения и наблюдение за животными показали, что стимулом для кинесики является предстоящее кормление. Приматы-животные визуальные, у них хорошая зрительная и слуховая память на лица и объекты [Ладыгина-Котс: 318]. Шум проезжавшей машины с пищей, раздача еды в соседних вольерах, звон ведер и посуды сначала вызывали ориентировочный и исследовательский интерес, эмоциональную вокализацию; после того как павианы не получали еду, у них появлялась интересующая нас моторика. Пример стереотипного поведения обезьян приводится в таблице 2.

Таблица 1

Внешняя картина стереотипной пантомимики детей

Стереотипия	Хронометраж двигательной активности (min-max)	Лицевая активность	Другие невербальные паттерны
Монотонные покачивания корпусом тела вправо-влево	15–217 секунд	Взгляд неподвижен, не сконцентрирован на окружении, черты лица смягчаются, нижняя челюсть с легким отвисанием вниз. Возможна низкая и монотонная вокализация гласными.	Дыхание медленное и поверхностное, при длительном хронометраже глубокое и диафрагменное
Непрерывное круговое хождение/бег	14–483 секунд	Аналогично маятниковым покачиваниям	Отключение от внешних стимулов (не реагируют на имя и просьбу), сниженное восприятие внешних раздражителей. Дыхание аналогично «маятниковым» покачиваниям
Непрерывное вертикальное хождение/бег	25–184 секунд	Аналогично маятниковым покачиваниям	Дыхание аналогично «маятниковым» покачиваниям, отключение от внешних стимулов

Стереотипные круговые и диагональные паттерны семьи павианов гамадрилов

Время	Стимул или окружающий фон	Поведение	Другие невербальные паттерны
10:16	Работники убирают соседние вольеры, переговариваются между собой	Вышли из зимнего вольера, разошлись по территории. Папа забрался с самками на верхнюю полку и наблюдает за членами семьи. Две самки делают груминг, подростки играют, другие ковыряют пол. Самец-подросток просовывает руку в соседний вольер к макакам резусам и дерется и т. д.	Вокальная коммуникация
10:30 – 10:37	Услышали голос работницы, которая раздаёт пищу	Любимая самка с детенышем лидирует, начинает ходить по кругу, самец следует за ней, к ним моментально присоединяются другие члены семьи	Низкая и редкая вокализация у отдельных павианов
10:38 – 10:58	Проходят мимо сотрудники, едут машины	Социальное и групповое поведение, игры подростков, расстановка иерархии Папой	Обычная вокальная коммуникация
10:59 – 11:02	Проехала машина с пищей	Возобновляют кружение, участвуют все особи, лидирует Папа	Низкие гортанные звуки у Папы, самок и трех подростков
11:03 – 11:39	Изредка идут сотрудники, подходят туристы к вольеру	Проявляют исследовательское и дружелюбное поведение, если турист угощает лакомством. Конфликтуют, дерутся, отнимают еду, если особь низкоранговая. Молодые самки Профессор 1 и Профессор 2 стучат об вывеску и металлическую задвижку, чтобы привлечь к себе внимание и т. д.	Вокальная коммуникация выражает агрессию, обиду, страх и пр.
11:40 – 11:57	Сотрудница начинает кормить животных в соседних вольерах	Массовое групповое движение начинает Папа, все обезьяны вовлечены в кружение. Обращает на себя мимика животных, «стеклянный взгляд», глаза смотрят «внутрь себя», не обращают внимания на идущих рядом сородичей. Голова опущена вниз либо устремлена вперед. Нижняя челюсть некоторых павианов опущена вниз. Начинают с хождения, которое постепенно убыстряется, затем преобразуется в бег.	Низкая и короткая вокализация у некоторых павианов
10:58	Работница подходит с ведром к вольеру и открывает задвижку, чтобы павианы ушли в зимник, а она высыпала корм в вольере	Круговая моторика на шаги и голос человека моментально распадается. Обезьяны убегают в зимник, чтобы им высыпали еду в открытом вольере.	Возбужденная вокализация, крики радости

В течение всего цикла наблюдения мы убедились, что стереотипии обезьян возникают в ответ на пищевой стимул, после чего они впадали в эмоциональное возбуждение и совершали групповые кружения. Во время двигательного акта у них изменяется мимическая активность. Обычно лицевое поведение приматов чрезвычайно живое и разнообразное по выражению эмоций [Ладыгина-Котс: 20]. Во время стереотипной моторики происходит лицевое уплощение, которое иллюстрируется маскообразностью и расслаблением мимических мышц, которое сопровождается медленными и редкими отряхивающими движениями головой. Менялась и голосовая модуляция, в вокализации преобладали короткие глухие звуки. Серия коротких и длинных (от 1 до 17 мин.) пантомим, по нашим наблюдениям, заканчивались удовлетворением пищевой потребности, а с возрастанием чувства голода кружения могли повторяться. Было выявлено, что в вечернее время, при посещении питомника туристами, которые раздавали лакомства обезьянам, стереотипии возобновлялись. Папа и его семья иллюстрировали групповые движения по кругу, когда туристы передвигались с едой по территории питомника. При приближении людей приматы заби-

рались на решетку вольера, демонстрировали дружелюбное поведение, протягивали руку, при отсутствии контакта возобновляли вращение. Мы обратили внимание еще на две семьи павианов гамадрилов, на синхронное вращение особей в первом и втором вольерах. Круговые движения, которые начинала семья вольера 1, подхватывали соседи, индуцируясь двигательной активностью. Имитационное поведение у животных хорошо изучено приматологами и связано с истерическими реакциями [Джалагония: 13], с зеркальными нейронам [Dinstein, Thomas: 13].

Лабораторные макаки. Среди 34 лабораторных животных Научно-исследовательского института экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии мы выделили 5 макак, которые демонстрировали выраженное стереотипное поведение. Отбор совершался среди приматов, которые имели психические нарушения. Приматы имеют неврозоподобные, депрессивные и шизотипические расстройства, гомологичные человеческим болезням. У активных особей возникает гиперагрессивность, у тихих и подчиняемых обезьян депрессия, повышенная тревожность, психосоматические реакции, склонность к самоповреждению. В пантомимике наблюдается

Стереотипии экспериментальных макак-резусов и яванских макак

Приматы	Стереотипия	Максимальное время	Стимул
Макака 1	Вращение вокруг собственной оси на четырех ногах, с чередованием кусания собственной руки	54 секунд	Приближение человека
Макака 2	Бег по кругу либо быстрая круговая ходьба, чередуется с прикасаниями рук к прутьям клетки	63 секунды	Приближение человека
Макака 3	Маятниковые движения на четырёх ногах стоя, чередующие с прикосновением руки к окошку кормления, короткие бипедические покачивания на двух ногах при удержании тела руками за прутья клетки	274 секунды	Приближение человека, на голоса людей из коридора по видеомониторингу
Макака 4	Маятниковые движения головой и корпусом тела при удержании конечностями на перекладинах верхней части клетки	67 секунд	Приближение человека
Макака 5	Круговое хождение на четырёх конечностях, затем выгибание тела, вычурный поворот головы вниз, затем круговое хождение	97 секунд	Приближение человека

вычурность и неадекватность поз и телодвижений. Выраженная замещающая деятельность в виде аутогруминга, цепляния за собственную шерсть и вырывания собственных волос, ковыряния пола клетки, поедание несъедобного, броски (самоудары) телом об прутья, укусы и грызение задвижек и замков являются способом отвлечения от неразрешимой задачи и избавлением от отрицательных эмоций (гнева, страха) [Гончаренко, Миквабия: 117].

Проведенная видеосъемка и наблюдения за макаками резусами и макакой яванской со стереотипиями в течение трех недель показали, что движения продуцировались при обозримом или аудиальном присутствии человека. Моторные акты исполнялись от *min* 54 секунд до *max* 4–5 минут, исполнялись многократно за световой день. В лицевом поведении фиксировались мимическая уплощенность и отсутствие эмоциональных выражений как у тихих, так и у агрессивных обезьян. После прерывания стереотипной активности происходил «откат» к агрессивным или пассивным паттернам, мимическая активность восстанавливалась. С 11-го дня мы начали давать обезьянам лакомство, чтобы исследовать, влияет ли пищевой положительный стимул на изменение поведения. На 13-й день экспериментальной работы стереотипии у четырех макак прекратились в нашем присутствии, у одного самца прерывались только на получение конфеты, оставаясь статичными до окончания эксперимента. При посещении сотрудников лаборатории и забора биологического материала у испытуемых возникал всплеск навязчивой моторики. Полученные данные позволили сделать вывод, что обезьяны иллюстрировали стереотипии в ответ на стрессор.

Заключение. Сравнительное наблюдение за круговыми, диагональными и маятниковыми телодвижениями людей и приматов выявили гомологичность и видоспецифичность кинесики в трех экспериментальных группах. Стереотипии вызывались сильным

эмоциональным возбуждением, которое появлялось в ответ на положительный стимул (предвкушение кормления у павианов гамадрилов) или отрицательный стимул (стрессор) (страх человека и медицинской манипуляции у макак и детей). Лицевое поведение обезьян и детей: уплощенность, амимичность, сниженный тонус мышц, застывший или «стеклянный» взгляд во время исполнения движений не соответствовали дифференцированному эмоциональному мимическому выражению людей [Ekman, Friesen: 343] и обезьян [Чирков, Войт: 84]. Схожие лицевые изменения описывают авторы, изучающие трансовые состояния [Прохоров, Юсупов: 23] и ИСС [Завьялов: 14]. По невербальному рисунку двигательной активности детей и обезьян: монотонность, структурированность, внешний рисунок в пространстве, многократность и повторяемость – мы сделали вывод, что исследуемые стереотипии являются стиммингами. Вышеперечисленные мимические и пантомимические маркеры указывают на транс, который вызывается самостимуляцией ИСС. Транс в свою очередь отвлекает внимание от внешних стимулов и раздражителей и снижает эмоциональное, нервно-психическое напряжение. Современные аппаратные исследования могли бы ответить на вопрос о функциональном состоянии головного мозга во время враждебной и маятниковой стереотипной моторики.

Список литературы

- Аттаева Л.Ж.* Стереотипии у детей: патоморфоз, патопластика, клиническая типология. Москва: КнигИздат, 2024. 182 с.
- Бернштейн Н.А.* О ловкости и ее развитии. Москва: Концептуал, 2024. 368 с.
- Боулби Дж.* Привязанность. Москва: Гардарики, 2003. 287 с.
- Бурмистрова А.Л., Филиппова Ю.Ю., Тимофеева А.В.* Микробный консорциум и окситоцин в социальном поведении детей с расстройством аути-

стического спектра // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 2018. Т. 95, № 4. С. 62–67. <https://doi.org/10.36233/0372-9311-2018-4-62-67>

Бутовская М.Л., Дерягина М.А. Систематика и поведение приматов. Москва: Энциклопедия российских деревень, 2004. 272 с.

Гончаренко Е.В., Тайсаева С.Б., Полякова Е.В. Транс-жесты в пантомимике жертв сексуального насилия и причастных лиц // Казанский педагогический журнал. 2022. № 3 (152). С. 257–263. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.153.3.033>

Гончаренко Е.В., Тайсаева С.Б., Аргун С.Н., Миквабия З.Я., Мурзова О.А., Джокуа А.А. Филогенетические и психологические аспекты классификации жестов при умышленном сокрытии информации (обмане) // Интегративная физиология. 2023. Т. 4, № 4. С. 441–449. <https://doi.org/10.33910/2687-1270-2023-4-4-441-449>

Гончаренко Е.В., Миквабия З.Я., Тайсаева С.Б., Аргун С.Н., Мурзова О.А., Джокуа А.А., Ракицкая А.В. Психологический и этологический подход в исследовании самоповреждающего поведения // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2024. Т. 30, № 1. С. 113–119. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2024-30-1-113-119>

Де Валь Ф. Последнее объятие Мамы: Чему нас учат эмоции животных. Москва: Альпина нон-фикшн, 2023. 448 с.

Завьялов В.Ю. Необъявленная психотерапия. Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 1999. 250 с.

Джалагония Ш.Л. Экспериментальные неврозы у обезьян: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Москва, 1979. 33 с.

Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Санкт-Петербург: Петроглиф, 2023. 352 с.

Ковшов Е.М. Две тенденции исследования сознания и его измененных состояний в современной философии и науке // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 5-5 (10). С. 45–48.

Ладыгина-Котс Н.Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях: [с 145 таблицами]. Москва: Государственный Дарвиновский музей, 1935. 596 с.

Лебединская К.С. Диагностическая карта: исследование ребенка первых двух лет жизни при предположении у него раннего детского аутизма. Москва: Международная педагогическая академия, 1995. 229–238 с.

Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Повседневное трансовое состояние. Москва: Институт психологии РАН, 2013. 176 с.

Самохвалов В.П. Эволюционная психиатрия (история души и эволюция безумия). Симферополь: Движение, 1993. 286 с.

Чирков А.М., Войт И.С. Этологический атлас психофармакологических исследований на павианах гамадрилах. Сухуми: Алашара, 1990. 128 с.

Чирков А.М., Чиркова С.К., Старцев В.Г. Эмоциональный стресс у обезьян. Ленинград: Наука, 1987. 164 с.

Araujo A.G.R., da Silva M.A., Bandeira P.F.R., Gillespie-Lynch K., Zanon R.B. Stigma and knowledge about autism in Brazil: A psychometric and intervention study. *Autism*, 2024, vol. 28, no. 1, pp. 215–228. <https://doi.org/10.1177/13623613231168917>

Genit M.C., Sanz Y., Codoñer-Franch P. Influence of gut microbiota on neuropsychiatric disorders. *World Journal of Gastroenterology*, 2017, vol. 23, no. 30, pp. 5486–5498. <https://doi.org/10.3748/wjg.v23.i30.5486>

Cheng Y.S., Tseng P.T., Chen Y.W., Stubbs B., Yang W.C., Chen T.Y., Wu C.K., Lin P.Y. Supplementation of omega 3 fatty acids may improve hyperactivity, lethargy, and stereotypy in children with autism spectrum disorders: a meta-analysis of randomized controlled trials. *Neuropsychiatric disease and treatment*, 2017, vol. 13, pp. 2531–2543. <https://doi.org/10.2147/NDT.S1473059/KPJ.2022.153.3.033>

Dinstein I., Thomas C., Behrmann M., & Heeger D.J. A mirror up to nature. *Current Biology*, 2008, vol. 18, no. 1, pp. 13–18. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2007.11.004>

Ekman P., Friesen W.V., Hager J.C. Facial Action Coding System. 2th ed. Salt Lake City, Research Nexus eBook, 2002, 527 p.

Fam S.D., Tan Y.S., & Waitt C. Stereotypies in Captive Primates and the Use of Inositol: Lessons from Obsessive–Compulsive Disorder in Humans. *International Journal of Primatology*, 2012, vol. 33, no. 4, pp. 830–844. <https://doi.org/10.1007/s10764-012-9613-4>

Hashemi Z., Fohse J., Im H.S., Chan C.B., Willing B.P. Dietary pea fiber supplementation improves glycemia and induces changes in the composition of gut microbiota, serum short chain fatty acid profile and expression of mucins in glucose intolerant rats. *Nutrients*, 2017, vol. 9, no. 11, p. 1236. <https://doi.org/10.3390/nu9111236>

Kapp S.K., Steward R., Crane L., Elliott D., Elphick C., Pellicano E., Russell G. 'People should be allowed to do what they like': Autistic adults' views and experiences of stimming. *Autism*, 2019, vol. 23, no. 7, pp. 1782–1792. <https://doi.org/10.1177/1362361319829628>

Khalil R., Tindle R., Boraud T., Moustafa A.A., Karim A.A. Social decision making in autism: On the impact of mirror neurons, motor control, and imitative behaviors. *CNS Neuroscience & Therapeutics*, 2018, vol. 24, no. 8, pp. 669–676. <https://doi.org/10.1111/cns.13001>

Lameira A.R., Perlman M. Great apes reach momentary altered mental states by spinning. *Primates*, 2023, vol. 64, pp. 319-323. <https://doi.org/10.1007/s10329-023-01056-x>

Lewis M., Kim S.J. The pathophysiology of restricted repetitive behavior. *J Neurodev Disord*, 2009, vol. 1, no. 2, pp. 114-132. <https://doi.org/10.1007/s11689-009-9019-6>

Mattei D., Notter T. Basic Concept of Microglia Biology and Neuroinflammation in Relation to Psychiatry. *Current Topics in Behavioral Neurosciences*, 2020, vol. 44, pp. 9-34. https://doi.org/10.1007/7854_2018_83

Mason G.J. Stereotypies: a critical review. *Animal Behaviour*, 1991, vol. 41, no. 6, pp. 1015-1037. [https://doi.org/10.1016/s0003-3472\(05\)80640-2](https://doi.org/10.1016/s0003-3472(05)80640-2)

McCarty M.J., Brumback A.C. Rethinking Stereotypies in Autism. *Seminars in Pediatric Neurology*, 2021, vol. 38, p. 100897. <https://doi.org/10.1016/j.spen.2021.100897>

Nigmatullina Y., Hellyer P.J., Nachev P., Sharp D.J., & Seemungal B.M. The Neuroanatomical Correlates of Training-Related Perceptuo-Reflex Uncoupling in Dancers. *Cerebral Cortex*, 2015, vol. 25, no. 2, pp. 554-562. <https://doi.org/10.1093/cercor/bht266>

Takumi T., Tamada K., Hatanaka F., Nakai N., Bolton P.F. Behavioral neuroscience of autism. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2020, vol. 110, pp. 60-76. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2019.04.012>

Tatemoto P., Broom D.M., Zanella A.J. Changes in Stereotypies: Effects over Time and over Generations. *Animals (Basel)*, 2022, vol. 12, no. 19, p. 2504. <https://doi.org/10.3390/ani12192504>

Trollope J. A preliminary survey of behavioural stereotypes in captive primates. *Laboratory Animals*, 1977, vol. 11, no. 3, pp. 195-196. <https://doi.org/10.1258/00236777780936666>

Petty S., Ellis A. The meaning of autistic movements. *Autism*, 2024, Jun 22. <https://doi.org/10.1177/13623613241262151>

Rajapakse T., Pringsheim T. Pharmacotherapeutics of Tourette syndrome and stereotypies in autism. *Seminars in Pediatric Neurology*, 2010, vol. 17, no. 4, pp. 254-60. <https://doi.org/10.1016/j.spen.2010.10.008>

Sanctuary M.R., Kain J.N., Chen S.Y. et al. Pilot study of probiotic/colostrum supplementation on gut function in children with autism and gastrointestinal symptoms. *PloS one*, 2019, vol. 14, no. 1, e0210064. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0210064>

References

Attaeva L.Zh. *Stereotipii u detey: patomorfoz, patoplastika, klinicheskaya tipologiya* [Stereotypes in children: pathomorphosis, pathoplasty, clinical typology]. Moscow, Kniglzdat Publ., 2024, 182 p. <https://doi.org/10.1007/s12519-022-00629-y> (In Russ.)

Bernstein N.A. *O lovkosti i yeye razvitiia* [About dexterity and its development]. Moscow, Conceptual Publ., 2024, 368 p. (In Russ.)

Bowlby J. *Privyazannost'* [Attachment]. Moscow, Gardariki Publ., 2003, 287 p. (In Russ.)

Burmistrova A.L., Filippova Yu.Yu., Timofeeva A.V. *Mikrobnyy konsortsiy i oksitotsin v sotsial'nom povedenii detey s rasstroystvom autisticheskogo spektra* [Microbial consortium and oxytocin in the social behavior of children with autism spectrum disorder]. *Zhurnal mikrobiologii, epidemiologii i im-munobiologii* [Journal of Microbiology, Epidemiology and Immunobiology], 2018, vol. 95, no. 4, pp. 62-67. <https://doi.org/10.36233/0372-9311-2018-4-62-67> (In Russ.)

Butovskaya M.L., Deryagina M.A. *Sistematika i povedeniye primatov* [Systematics and behavior of primates]. Moscow, Encyclopedia of Russian Villages Publ., 2004, 272 p. (In Russ.)

Chirkov A.M., Voit I.S. *Etologicheskii atlas psikhofarmakologicheskikh issledovaniy na pavianakh gamadrilakh* [Ethological atlas of psychopharmacological studies on hamadryas baboons]. Sukhumi, Alashara Publ., 1990, 128 p. (In Russ.)

Chirkov A.M., Chirkova S.K., Startsev V.G. *Emotsional'nyy stress u obez'yan* [Emotional stress in monkeys]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 164 p. (In Russ.)

De Val F. *Posledneye ob'yatiye Mamy: Chemu nas uchat emotsii zhivotnykh* [Mom's Last Hug: What Animal Emotions Teach Us]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2023, 448 p. (In Russ.)

Dolnik V.R. *Neposlushnoye ditya biosfery* [Naughty child of the biosphere]. St. Petersburg, Petro-glyph Publ., 2023, 352 p. (In Russ.)

Goncharenko E.V., Taisaeva S.B., Polyakova E.V. *Trans-zhesty v panto-mimike zhertv seksual'nogo nasiliya i prichastnykh lits* [Trans gestures in panto-facial expressions of victims of sexual violence and those involved]. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2022, no. 3 (152), pp. 257-263. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.153.3.033> (In Russ.)

Goncharenko E.V., Taisaeva S.B., Argun S.N., Mikvabiya Z.Ya., Murzova O.A., Jokua A.A. *Filogeneticheskiye i psikhologicheskkiye aspekty klassifikatsii zhestov pri umyshlennom sokrytii informatsii (obmane)* [Phylogenetic and psychological aspects of the classification of gestures during deliberate concealment of information (deception)]. *Integrativnaya fiziologiya* [Integrative physiology], 2023, vol. 4, no. 4, pp. 441-449. <https://doi.org/10.33910/2687-1270-2023-4-4-441-449> (In Russ.)

Goncharenko E.V., Mikvabiya Z.Ya., Taisaeva S.B., Argun S.N., Murzova O.A., Jokua A.A., Rakitskaya A.V. *Psikhologicheskii i etologicheskii podkhod v issledovanii samopovrezhdayushchego povedeniya* [Psychological and ethological approach to the study of self-harmful behavior]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo uni-*

versiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2024, vol. 30, no. 1, pp. 113-119. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2024-30-1-113-119> (In Russ.)

Jalagonia S.L. *Ekspierimental'nyye nevrozy u obez'yan* [Experimental neuroses in monkeys]: abstract. dis. ... Dr. med. Sci. Moscow, 1979, 33 p. (In Russ.)

Kovshov E.M. *Dve tendentsii issledovaniya soznaniya i yego izmenennykh sostoyaniy v sovremennoy filosofii i nauke* [Two trends in the study of consciousness and its altered states in modern philosophy and science]. Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh [National Association of Scientists], 2015, no. 5-5 (10), pp. 45-48. (In Russ.)

Ladygina-Kots N.N. *Ditya shimpanze i ditya cheloveka v ikh instink-takh, emotsiyakh, igrakh, privychkakh i vyrazitel'nykh dvizheniyakh: s 145 tablitsami* [The chimpanzee child and the human child in their instincts, emotions, games, habits and expressive movements: with 145 tables]. Moscow, State Darwin Museum Publ., 1935, 596 p. (In Russ.)

Lebedinskaya K.S. *Diagnosticheskaya karta: issledovaniye rebenka per-vykh dvukh let zhizni pri predpolozhenii u nego rannego detskogo autizma* [Diagnostic card: examination of a child in the first two years of life if he is suspected of having early childhood autism]. Moscow, International Pedagogical Academy Publ., 1995, pp. 229-238. (In Russ.)

Prokhorov A.O., Yusupov M.G. *Povsednevnoye transovoye sostoyaniye* [Everyday trance state]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2013, 176 p. (In Russ.)

Samokhvalov V.P. *Evolutsionnaya psixhiatriya (istoriya dushi i evolyu-tsiya bezumiya)* [Evolutionary psychiatry (history of the soul and the evolution of madness)]. Simferopol, Movement Publ., 1993, 286 p. (In Russ.)

Zavyalov V.Yu. *Neob"yavlennaya psixhoterapiya* [Unannounced psychotherapy]. Moscow, Academic project Publ.; Ekaterinburg, Business book Publ., 1999, 250 p.

Araujo A.G.R., da Silva M.A., Bandeira P.F.R., Gillespie-Lynch K., Zanon R.B. Stigma and knowledge about autism in Brazil: A psychometric and intervention study. *Autism*, 2024, vol. 28, no. 1, pp. 215-228. <https://doi.org/10.1177/13623613231168917>.

Cenit M.C., Sanz Y., Codoñer-Franch P. Influence of gut microbiota on neuropsychiatric disorders. *World Journal of Gastroenterology*, 2017, vol. 23, no. 30, pp. 5486-5498. <https://doi.org/10.3748/wjg.v23.i30.5486>

Cheng Y.S., Tseng P.T., Chen Y.W., Stubbs B., Yang W.C., Chen T.Y., Wu C.K., Lin P.Y. Supplementation of omega 3 fatty acids may improve hyperactivity, lethargy, and stereotypy in children with autism spectrum disorders: a meta-analysis of randomized con-

trolled trials. *Neuropsychiatric disease and treatment*, 2017, vol. 13, pp. 2531-2543. <https://doi.org/10.2147/NDT.S1473059/KPJ.2022.153.3.033>.

Dinstein I., Thomas C., Behrmann M., & Heeger D.J. A mirror up to nature. *Current Biology*, 2008, vol. 18, no. 1, pp. 13-18. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2007.11.004>

Ekman P., Friesen W.V., Hager J.C. *Facial Action Coding System*. 2th ed. Salt Lake City, Research Nexus eBook, 2002, 527 p.

Fam S.D., Tan Y.S., & Waitt C. Stereotypies in Captive Primates and the Use of Inositol: Lessons from Obsessive-Compulsive Disorder in Humans. *International Journal of Primatology*, 2012, vol. 33, no. 4, pp. 830-844. <https://doi.org/10.1007/s10764-012-9613-4>

Hashemi Z., Fohse J., Im H.S., Chan C.B., Willing B.P. Dietary pea fiber supplementation improves glycemia and induces changes in the composition of gut microbiota, serum short chain fatty acid profile and expression of mucins in glucose intolerant rats. *Nutrients*, 2017, vol. 9, no. 11, p. 1236. <https://doi.org/10.3390/nu9111236>

Kapp S.K., Steward R., Crane L., Elliott D., Elphick C., Pellicano E., Russell G. 'People should be allowed to do what they like': Autistic adults' views and experiences of stimming. *Autism*, 2019, vol. 23, no. 7, pp. 1782-1792. <https://doi.org/10.1177/1362361319829628>.

Khalil R., Tindle R., Boraud T., Moustafa A.A., Karim A.A. Social decision making in autism: On the impact of mirror neurons, motor control, and imitative behaviors. *CNS Neuroscience & Therapeutics*, 2018, vol. 24, no. 8, pp. 669-676. <https://doi.org/10.1111/cns.13001>

Lameira A.R., Perlman M. Great apes reach momentary altered mental states by spinning. *Primates*, 2023, vol. 64, pp. 319-323. <https://doi.org/10.1007/s10329-023-01056-x>

Lewis M., Kim S.J. The pathophysiology of restricted repetitive behavior. *J Neurodev Disord*, 2009, vol. 1, no. 2, pp. 114-132. <https://doi.org/10.1007/s11689-009-9019-6>

Mattei D., Nötter T. Basic Concept of Microglia Biology and Neuroinflammation in Relation to Psychiatry. *Current Topics in Behavioral Neurosciences*, 2020, vol. 44, pp. 9-34. https://doi.org/10.1007/7854_2018_83

Mason G.J. Stereotypies: a critical review. *Animal Behaviour*, 1991, vol. 41, no. 6, pp. 1015-1037. [https://doi.org/10.1016/s0003-3472\(05\)80640-2](https://doi.org/10.1016/s0003-3472(05)80640-2)

McCarty M.J., Brumback A.C. Rethinking Stereotypies in Autism. *Seminars in Pediatric Neurology*, 2021, vol. 38, p. 100897. <https://doi.org/10.1016/j.spen.2021.100897>

Nigmatullina Y., Hellyer P.J., Nachev P., Sharp D.J., & Seemungal B.M. The Neuroanatomical Correlates of Training-Related Perceptuo-Reflex Uncoupling in Dancers. *Cerebral Cortex*, 2015, vol. 25, no. 2, pp. 554-562. <https://doi.org/10.1093/cercor/bht266>

Takumi T., Tamada K., Hatanaka F., Nakai N., Bolton P.F. Behavioral neuroscience of autism. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2020, vol. 110, pp. 60-76. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2019.04.012>

Tatemoto P., Broom D.M., Zanella A.J. Changes in Stereotypies: Effects over Time and over Generations. *Animals (Basel)*, 2022, vol. 12, no. 19, p. 2504. <https://doi.org/10.3390/ani12192504>

Trollope J. A preliminary survey of behavioural stereotypies in captive primates. *Laboratory Animals*, 1977, vol. 11, no. 3, pp. 195-196. <https://doi.org/10.1258/00236777780936666>

Petty S., Ellis A. The meaning of autistic movements. *Autism*, 2024, Jun 22. <https://doi.org/10.1177/13623613241262151>

Rajapakse T., Pringsheim T. Pharmacotherapeutics of Tourette syndrome and stereotypies in autism. *Seminars in Pediatric Neurology*, 2010, vol. 17, no. 4, pp. 254-60. <https://doi.org/10.1016/j.spen.2010.10.008>

Sanctuary M.R., Kain J.N., Chen S.Y. et al. Pilot study of probiotic/colostrum supplementation on gut function in children with autism and gastrointestinal symptoms. *PloS one*, 2019, vol. 14, no. 1, e0210064. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0210064>

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 259–262. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 259–262. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

УДК 347.77

EDN VUIHNL

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-259-262>

ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ЛИШЕНИЯ ЛИЦА УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ И ОБ ИНОМ В СИСТЕМЕ НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ

Черкасов Константин Валерьевич, доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия; МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия, CherkasovKV1978@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9754-9619>

Аннотация. В настоящей статье исследуются ранее не освещённые в юридической литературе правовые аспекты последствий лишения лица учёной степени, а также отдельные вопросы существующей государственной системы научной аттестации. В процессе работы выявлены и проанализированы две проблемы, связанные с лишением лица учёной степени. Первая предопределена тем, что, будучи кандидатом или доктором наук, лицо, впоследствии лишённое учёной степени, может участвовать в процедуре защит иных диссертаций. Вторая обусловлена тем, что лицо, лишённое в дальнейшем учёной степени, до наступления данного момента могло быть задействовано в работе диссертационных советов. Констатируется, что решение данных вопросов требует дифференцированного подхода при недопустимости необоснованного и ненужного усложнения института государственной научной аттестации и необходимости предотвращения значительной временной и обстоятельной неопределённости статуса научных кадров. Особое внимание уделено проблеме лишения лица учёной степени в условиях существования параллельных схем государственного присуждения учёных степеней в нашей стране – диссертационными советами при научных и образовательных организациях, входящих в систему ВАК при Минобрнауки России и диссертационными советами при научных и образовательных организациях, наделённых правом самостоятельного присуждения учёных степеней. Формулируется вывод о целесообразности возврата к единой государственной системе научной аттестации во главе с ВАК при Правительстве Российской Федерации.

Ключевые слова: учёная степень, учёное звание, кандидат наук, доктор наук, диссертация, аттестация кадров, административная процедура, лишение учёной степени, диссертационный совет, ВАК при Минобрнауки России.

Для цитирования: Черкасов К.В. Ещё раз к вопросу о правовых последствиях лишения лица учёной степени и об ином в системе научной аттестации // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 259–262. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-259-262>

Research Article

ONCE AGAIN ON THE QUESTION OF THE LEGAL CONSEQUENCES OF DEPRIVING A PERSON OF AN ACADEMIC DEGREE AND OTHER ISSUES IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC CERTIFICATION

Konstantin V. Cherkasov, Doctor of Jural Sciences, All-Russia State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia; MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Komi autonomy, Russia, CherkasovKV1978@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9754-9619>

Abstract. This article examines the legal aspects of the consequences of depriving a person of an academic degree, previously not covered in the legal literature, as well as certain issues of the existing state system of scientific certification. In the process of work, two problems associated with depriving a person of an academic degree were identified and analysed. The first is predetermined by the fact that, being a candidate or doctor of sciences, a person subsequently deprived of an academic degree, can participate in the procedure for defending other theses. The second is due to the fact that a person who was subsequently deprived of an academic degree could, before this moment, be involved in the work of dissertation councils.

It is stated that the solution to these issues requires a differentiated approach, with the inadmissibility of unreasonable and unnecessary complication of the institution of state scientific certification and the need to prevent significant temporary and detailed uncertainty in the status of scientific personnel. Particular attention is paid to the problem of depriving a person of an academic degree in the context of the existence of parallel schemes for state awarding of academic degrees in Russia – dissertation councils at scientific and educational organisations included in the Higher Attestation Commission system under the Ministry of Education and Science of Russia, and dissertation councils at scientific and educational organisations vested with the right to independently award scientists' degrees. A conclusion is formulated about the advisability of returning to a unified state system of scientific certification, headed by the Higher Attestation Commission under the Government of the Russian Federation.

Keywords: academic degree, academic title, Candidate of Sciences, Doctor of Sciences, thesis, personnel certification, administrative procedure, deprivation of academic degree, dissertation council, Higher Attestation Commission under Russia's Ministry of Education and Science.

For citation: Cherkasov K.V. Once again on the question of the legal consequences of depriving a person of an academic degree and other issues in the system of scientific certification. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 259–262 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-259-262>

Действующее Положение о порядке присуждения учёных степеней, утверждённое Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842¹, а также Положение о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, утверждённое Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093² предусматривают не только основания (критерии) и процедуру присуждения учёной степени кандидата и доктора наук, но и её лишения. Вступившее в юридическую силу с 1 сентября 2024 г. Положение о присвоении учёных званий, утверждённое Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2023 г. № 1746³ также закрепляет, что, в частности, основанием для лишения лица учёного звания выступает лишение этого лица соответствующей учёной степени.

Несмотря на имеющуюся нормативную регламентацию данной административной процедуры, в юридической литературе справедливо отмечается ряд до сих пор нерешённых вопросов относительно правовых последствий лишения лица учёной степени. Современными правоведомы выработаны теоретические позиции и представлены некоторые обоснованные предложения и рекомендации в этой части, с большинством из которых невозможно не согласиться [Астафичев: 25–32; Бавсун, Бавсун: 336–341; Богдан, Урда: 22–31; Габов: 223–234; Грачева: 17–19; Ершова, Тарасенко: 52–63; Мацкевич: 11–16; Мацкевич: 20–25; Пахомов: 4–10; Черкасов: 191–194]. Не повторяясь и не вдаваясь в них подробно, вместе с тем позволим себе сконцентрироваться на тех пробелах и проблемах, которым в силу различных причин должного внимания ранее авторами уделено не было. В этой связи позволим себе обозначить следующие моменты.

Во-первых, будучи кандидатом или доктором наук, лицо может участвовать в процедуре защит иных дис-

сертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук, причём как в качестве официального оппонента, так и лица, подготовившего или утвердившего отзыв ведущей организации, или лица, подготовившего отзыв на автореферат диссертации. Более того, такое лицо может выступать в качестве научного руководителя или научного консультанта по диссертации, учитывая, что наличие научного руководителя по кандидатской диссертации обязательно. Отсюда закономерны некоторые вопросы. В частности, как быть, если в дальнейшем указанное лицо будет лишено учёной степени? Нужно ли отменять решение о присуждении учёной степени лицу, в процедуре защиты которого был активно задействован гражданин, в дальнейшем лишённый учёной степени? Следует ли подвергать ревизии все диссертации, защищённые при участии лица, после лишения учёной степени?

Во-вторых, гражданин, лишённый в дальнейшем учёной степени, до наступления данного момента мог быть задействован в работе диссертационных советов в качестве члена, учёного секретаря или даже председателя и на этом основании участвовать в работе экспертных комиссий диссертационных советов и голосовании о присуждении лицам учёных степеней. Исходя из этого, логичными представляются вопросы относительно легитимности предыдущей работы этих диссертационных советов, проведённых к этому времени защит диссертаций и как это может отразиться на лицах, которым учёные степени присуждены данными диссертационными советами.

Обе ситуации не только непростые, но и весьма спорные, однако в любом случае они не должны однозначно негативно отразиться на вновь признанных учёных. По нашему мнению, их решение требует дифференцированного подхода, а именно максимального учёта степени (уровня, интенсивности) вовлечённости гражданина, лишённого в дальнейшем учёной степени, в защиту диссертаций иных лиц. В качестве первоосновы должна выступать пози-

ция как о недопустимости необоснованного и ненужного усложнения института государственной научной аттестации в стране, так и о предотвращении значительной временной и обстоятельной неопределённости статуса защитившихся научных кадров. Полагаем, что здесь в первую очередь следует опираться на существующий «фильтр» прохождения диссертаций в ВАК Минобрнауки России, который не исключает также и повторную экспертизу-ревизию (непосредственно или по его поручению одним из диссертационных советов) содержания таких и иных диссертаций, их соответствия установленным критериям. Вместе с тем правовое регулирование в этой области нуждается в конкретизации, указанные аспекты могут и должны найти в нём своё разрешение.

В данном контексте нельзя обойти вниманием действующие сегодня параллельные схемы государственного присуждения учёных степеней в нашей стране. Первый вариант – диссертационными советами при научных и образовательных организациях, входящих в систему ВАК при Минобрнауки России. Второй вариант – диссертационными советами при научных и образовательных организациях, наделённых правом самостоятельного присуждения учёных степеней, перечень которых со временем неоднократно увеличивался. При последнем варианте возможны два способа – постоянно действующим диссертационным советом (создаваемым по аналогии с диссертационным советом ВАК при Минобрнауки России, но с определёнными особенностями, например без участия ведущей организации, большим количеством оппонентов) или «разовым» диссертационным советом, создаваемым под защиту конкретной диссертации (причём в достаточно узком составе (как правило, 5–7 человек – докторов наук), когда и оппоненты становятся членами этого диссертационного совета). В указанном случае каждая организация во многом решает данный вопрос «по-своему» в локальном нормотворчестве, исходя из собственных требований, предъявляемых к диссертационному исследованию, а также организации процесса защиты и утверждения решения. По аналогии нет и единой процедуры лишения лица учёной степени.

Отсутствие единообразия в присуждении лицу учёной степени, а также лишения этой степени, на наш взгляд, негативным образом сказывается на научной аттестации кадров в России. При этом, как не парадоксально, представители (сотрудники и профессорский состав) научных и образовательных организаций, наделённых правом самостоятельного присуждения учёных степеней, входят в состав ВАК при Минобрнауки России и, таким образом, непосредственно влияют на возможность и вероятность утверждения учёной степени ВАК при Минобрнауки России, а также её лишения. В целом есть убеж-

дение в необходимости возврата к проверенной годами и хорошо зарекомендовавшей себя ранее единой государственной системе научной аттестации во главе с ВАК при Правительстве Российской Федерации, что обеспечит как соответствующий высокий правовой статус данной структуры, так и унификацию административной процедуры присуждения и лишения учёной степени.

Примечания

¹ О порядке присуждения учёных степеней: Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 40 (ч. 3). Ст. 5074.

² Положение о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: Приказ Министерства образования и науки РФ от 10.11.2017 № 1093. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712060038?ysclid=lz020icjxm567517626> (номер опубликования: 0001201712060038; дата опубликования: 06.12.2017).

³ О порядке присвоения учёных званий: Постановление Правительства РФ от 20.10.2023 № 1746. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310240018?ysclid=lz01y0grqp423926601> (номер опубликования: 0001202310240018, дата опубликования: 24.10.2023).

Список литературы

Астафичев П.А. Плагиат как основание для лишения присужденной ранее ученой степени: конституционно-правовые пределы и условия // Журнал Конституционного правосудия. 2024. № 2. С. 25–32.

Бавсун М.В., Бавсун И.Г. Проблемы разрешения споров о лишении ученой степени кандидата, доктора наук (по материал судебной практики) // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 3 (89). С. 336–341.

Богдан В.В., Урда М.Н. Последствия лишения ученой степени работников образовательных и научных организаций в контексте трудового законодательства // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 1 (206). С. 22–31.

Габов А.В. Темпоральные элементы института лишения ученой степени // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 223–234.

Грачева Е.Ю. Актуальные вопросы научной экспертизы диссертационных правовых исследований // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 17–19.

Ершова И.В., Тарасенко О.А. О самостоятельности и плагиате в научных исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. № 6. С. 52–63.

Мацкевич И.М. О новых требованиях к членам диссертационных советов, к научным изданиям и о другом // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 11–16.

Мацкевич И.М. Юридические проблемы экспертной деятельности ВАК при Минобрнауки России в фокусе совершенствования законодательства // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 20–25.

Пахомов С.И. Переход к новой модели государственной научной аттестации: вызовы и перспективы // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 4–10.

Черкасов К.В. Лишение лица учёной степени: к вопросу о неопределённости некоторых правовых последствий // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 191–194.

References

Astafichev P.A. *Plagiat kak osnovanie dlia lisheniia prisuzhdennoi ranee uchenoi stepeni: konstitutsionno-pravovye predely i usloviia* [Plagiarism as a basis for deprivation of a previously awarded academic degree: constitutional and legal limits and conditions]. *Journal of Constitutional Justice* [Zhurnal Konstitutsionnogo pravosudiia], 2024, no. 2, pp. 25-32.

Bavsun M.V., Bavsun I.G. *Problems of resolving disputes about deprivation of the academic degree of a candidate, doctor of science (based on judicial practice)* [Problemy razresheniia sporov o lishenii uchenoi stepeni kandidata, doktora nauk (po material sudebnoi praktiki)]. *Akademicheskii iuridicheskii zhurnal* [Academic Legal Journal], 2022, vol. 23, no. 3 (89), pp. 336-341.

Bogdan V.V., Urda M.N. *Posledstviia lisheniia uchenoi stepeni rabotnikov obrazovatel'nykh i nauchnykh organizatsii v kontekste trudovogo zakonodatel'stva* [Consequences of deprivation of an academic degree from employees of educational and scientific organizations in the context of labor legislation]. *Lex Russica (Russkii zakon)* [Lex Russica (Russian Law)], 2024, vol. 77, no. 1 (206), pp. 22-31.

Cherkasov K.V. *Lishenie litsa uchenoi stepeni: k voprosu o neopredelennosti nekotorykh pravovykh posledstviiv* [Deprivation of a person's academic degree: on the

issue of uncertainty of some legal consequences]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, no. 4, pp. 191-194.

Gabov A.V. *Temporal'nye elementy instituta lisheniia uchenoi stepeni* [Temporal elements of the institution of deprivation of an academic degree]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2021, no. 471, pp. 223-234.

Gracheva E.Yu. *Aktual'nye voprosy nauchnoi ekspertizy dissertatsionnykh pravovykh issledovaniiv* [Topical issues of scientific examination of dissertation legal research]. *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka* [Legal education and science], 2023, no. 8, pp. 17-19.

Ershova I.V., Tarasenko O.A. *O samostoiatel'nosti i plagiate v nauchnykh issledovaniiax* [On independence and plagiarism in scientific research]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniiv* [Methodological problems of civil research], 2024, no. 6, pp. 52-63.

Matskevich I.M. *O novykh trebovaniiax k chlenam dissertatsionnykh sovetov, k nauchnym izdaniiam i o drugom* [On new requirements for members of dissertation councils, for scientific publications and other things]. *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka* [Legal education and science], 2023, no. 8, pp. 11-16.

Matskevich I.M. *Iuridicheskie problemy ekspertnoi deiatel'nosti VAK pri Minobrnauki Rossii v fokuse sovshshenstvovaniia zakonodatel'stva* [Legal problems of expert activity of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia in the focus of improving legislation]. *Iuridicheskaiia tekhnika* [Legal technology], 2022, no. 16, pp. 20-25.

Pakhomov S.I. *Perekhod k novoi modeli gosudarstvennoi nauchnoi attestatsii: vyzovy i perspektivy* [Transition to a new model of state scientific certification: challenges and prospects]. *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka* [Legal education and science], 2023, no. 8, pp. 4-10.

Статья поступила в редакцию 24.07.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024; принята к публикации 28.09.2024.

The article was submitted 24.07.2024; approved after reviewing 25.09.2024; accepted for publication 28.09.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 263–268. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 263–268. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

УДК 342.951

EDN QOEXDL

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-263-268>

СТАДИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АККРЕДИТАЦИИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Краснощеков Александр Алексеевич, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, k_ap@ssla.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-4705-7246>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках государственной аккредитации в сфере высшего образования. Цель статьи состоит в выявлении проблемных моментов и выработке предложений по совершенствованию нормативных актов, регламентирующих соответствующую административную процедуру. Сформулировано авторское определение аккредитационной экспертизы как специальной процедуры исследования образовательной деятельности по конкретной образовательной программе, проводимой компетентными экспертами, обладающими специальными знаниями в области образования, в рамках которой осуществляется сопоставление аккредитационных показателей и образовательной деятельности организации, что позволяет определить ее качество. Обоснована необходимость исключения из предмета аккредитационной экспертизы таких показателей, как средний балл единого государственного экзамена обучающихся, принятых по его результатам на обучение по образовательным программам высшего образования, а также средний балл вступительных испытаний, поскольку данные показатели не могут быть отнесены к показателям качества образования. Предложена интеграция электронной образовательной среды учебных заведений с Федеральной государственной информационной системой «ЕСИА». Аргументирована необходимость конкретизации отдельных сроков в рамках этапа аккредитационной экспертизы, что будет способствовать обеспечению права образовательной организации на своевременную аккредитацию образовательной деятельности.

Ключевые слова: образование, аккредитация, административная процедура, аккредитационные показатели, аккредитационная экспертиза, стадия, качество образования.

Для цитирования: Краснощеков А.А. Стадии административной процедуры государственной аккредитации в сфере высшего образования // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 263–268. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-263-268>

Research Article

STAGES OF THE ADMINISTRATIVE PROCEDURE OF STATE ACCREDITATION IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION

Alexander A. Krasnoshchekov, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, k_ap@ssla.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4705-7246>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the features of the procedural activity carried out within the framework of state accreditation in the field of higher education. The purpose of the article is to identify problematic issues and develop proposals for improving the regulatory acts governing the relevant administrative procedure. The author's definition of accreditation expertise is formulated as a special procedure for studying educational activities for a specific educational program, conducted by competent experts with special knowledge in the field of education, within the framework of which accreditation indicators and educational activities of the organisation are compared, which allows determining its quality. The need to exclude from the subject of accreditation expertise such indicators as the average score of the unified state examination of students accepted based on its results for training in higher education programmes, as well as the average score of entrance examinations, is substantiated, since these indicators cannot be attributed to the indicators of the quality of educational activities for a specific educational programme of higher school. The integration of the electronic educational environment of educational institutions with the Federal State Information System “the unified identification and authentication system” is proposed. The necessity of specifying individual deadlines within the stage of accreditation expertise is substantiated, which will help to ensure the right of an educational organisation to timely receive the result of the state service for accreditation of educational activities.

Keywords: education, accreditation, administrative procedure, accreditation indicators, accreditation expertise, stage, quality of education.

For citation: Krasnoshchekov A.A. Stages of the administrative procedure of state accreditation in the field of higher education. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 263–268 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-263-268>

Административная процедура в сфере образования рассматривается в науке как «нормативно закрепленный порядок совершения последовательных действий, направленных на установление, изменение и прекращение образовательных прав и обязанностей» [Повный: 8].

Процедура государственной аккредитации выступает составной частью административно-процедурного процесса, который является разновидностью административного процесса [Соколов: 192]. Являясь процессуальной деятельностью, она состоит из отдельных стадий.

Процедура государственной аккредитации в сфере высшего образования начинается со стадии возбуждения. Анализ норм Административного регламента¹ свидетельствует о том, что первоначальным этапом стадии выступает прием заявления и прилагаемых к нему документов.

В течение трех рабочих дней с момента приема заявления осуществляется последний этап стадии возбуждения, на котором принимается решение о проведении аккредитационной экспертизы, а именно издание соответствующего приказа.

Первоначальным этапом стадии рассмотрения аккредитационного дела выступает проведение аккредитационной экспертизы, поскольку обозначенная экспертиза необходима для определения соответствия качества образования по заявленным для государственной аккредитации образовательным программам нормативно установленным аккредитационным показателям.

В данном аспекте стоит согласиться с мнением, что «основной целью, определяющей суть государственной аккредитации образовательной деятельности, является подтверждение аккредитационным органом соответствия качества образования в организации, осуществляющей образовательную деятельность по заявленным для государственной аккредитации образовательным программам, установленным аккредитационным показателям; на это направлена и аккредитационная экспертиза» [Рукавишников: 61]. Аккредитация в сфере образования определяется как «специальная процедура оценивания качества услуг, оказываемых образовательными организациями, или качества отдельных образовательных программ, реализуемых в пределах соответствующей деятельности организаций» [Евдокимов: 40].

Именно аккредитационная экспертиза занимает центральное место в рассматриваемой административной процедуре.

Согласно энциклопедическому словарю, экспертиза – это «исследование и интерпретация фактов и обстоятельств, предполагающее использование специальных познаний в той или иной области» [Брокгауз, Ефрон: 447].

В толковом словаре она определяется как «анализ специалистами, пользующимися авторитетом, деятельности объекта, следствий того или иного явления или события, итогов чьей-либо работы или принятия решения, потенциалов воплощения в жизнь проекта» [Ожегов: 620].

Таким образом, она предполагает исследование, которое проводится лицом, обладающим специальными знаниями в какой-либо области. В то же время данные позиции оставляют открытым вопрос о том, с какой целью осуществляется анализ фактов и обстоятельств в рамках экспертизы, а также в чем состоит сущность использования специальных знаний.

Несколько иной подход содержится в работах авторов, рассматривающих институт экспертизы в сфере образовательной деятельности.

Так, по мнению В.И. Зверевой, экспертиза – это «совокупность взаимосвязанных процедур, необходимых для приобретения комплексного мнения, выраженного в форме экспертного суждения или оценки об объекте, процессе, явлении» [Зверева: 11].

Достоинством обозначенного определения выступает выявление цели экспертной деятельности, в качестве которой выступает формирование суждения об исследуемом объекте.

Интерес представляет также определение экспертизы, сформулированное А.Н. Тубельским. Это «процедура, при осуществлении которой обуславливается совпадение того или иного явления установленным нормам, знакомым экспертам» [Тубельский: 158]. В его рамках подчеркивается сущность экспертизы как установления соответствия объекта конкретным нормам. Данное определение применимо и к рассматриваемому виду деятельности.

Как следует из Положения о государственной аккредитации образовательной деятельности, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 19 мая 2023 г. № 797 (далее – Положение об аккредитации), она «направлена на подтверждение соответствия качества образования по заявленным для государственной аккредитации образовательным программам установленным аккредитационным показателям»².

В указанном определении обращает на себя внимание термин «качество образования». Его толкование содержится в Законе об образовании, согласно

которому это «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы»³.

Аккредитационные показатели также выступают «совокупностью обязательных требований, которые предъявляются к образовательной деятельности». Из этого следует, что само по себе соответствие аккредитационным показателям должно свидетельствовать о ее качестве. В связи с этим нормативная формулировка цели аккредитационной экспертизы, согласно которой таковой является «подтверждение соответствия качества образования установленным аккредитационным показателям», выглядит несколько некорректной.

Положительный результат экспертизы означает, что образовательная деятельность соответствует требованиям, предъявляемым к ней государством. Стоит также учитывать, что факт получения государственной аккредитации непосредственно влияет на возможность выдачи документов об образовании государственного образца.

Таким образом, аккредитационную экспертизу можно представить как «специальную процедуру исследования образовательной деятельности по конкретной образовательной программе, проводимую компетентными экспертами, обладающими специальными знаниями в области образования, в рамках которой осуществляется сопоставление нормативно установленных аккредитационных показателей и образовательной деятельности организации, что позволяет определить ее качество».

Как отмечают авторы, существовавшая ранее в России модель государственной аккредитации не была направлена на проверку качества подготовки студентов, поскольку сводилась к проверке соответствия образовательных программ федеральным государственным образовательным стандартам [Янкевич, Княгинина, Воробьев: 78].

В настоящее же время предметом экспертизы являются аккредитационные показатели, закрепленные приказом Минобрнауки № 409 (далее – Приказ № 409)⁴. Однако отдельные из них вызывают сомнения с точки зрения необходимости и корректности правового закрепления.

Так, в рамках аккредитационной экспертизы подлжит оценке средний балл единого государственного экзамена (далее – ЕГЭ) обучающихся, принятых по его результатам на обучение по образовательным

программам высшего образования – бакалавриата и специалитета.

Данный показатель находится в значительной зависимости от уровня мотивированности обучающихся. Он показывает уровень их готовности к освоению образовательной программы, однако не качество ее реализации в образовательной организации.

На необъективность данного аккредитационного показателя может также оказывать влияние известность высшего учебного заведения. К примеру, у населения сформировалось устойчивое мнение, что столичные учебные заведения предоставляют более качественное образование, в связи с чем в них может иметь место более жесткий конкурс. Таким образом, предлагается обозначенный аккредитационный показатель исключить из соответствующего перечня.

В числе аккредитационных показателей также закреплено наличие электронной информационно-образовательной среды.

Однако само по себе ее наличие не может выступать однозначной гарантией качества образования. Нормативно закрепленные признаки электронной образовательной среды свидетельствуют о ее формальном наличии, при этом имеют лишь косвенное отношение к эффективности образовательного процесса.

Отдельными исследователями предлагается в качестве показателей эффективности рассматривать такие, как «увеличение (или снижение) прибыли за счет увеличения (или снижения) оплаты за обучение; снижение затрат на сопровождение учебного процесса за счет электронного документооборота и сокращения расходов; рост количества обучающихся; рост производительности» [Воронов, Часовских: 121].

В то же время анализ данных показателей в рамках аккредитационной экспертизы представляется затруднительным. Поэтому необходимо совершенствование применения отдельных из существующих критериев оценки электронной образовательной среды.

Так, критерий взаимодействия педагогических работников с обучающимися в электронной информационно-образовательной среде может в большей степени отразить качество образования в случае, если он будет дополнен указанием на необходимость обеспечения верификации аккаунта, используемого обучающимся. Возможности сети Интернет связаны не только с удобством дистанционного взаимодействия, но и с анонимностью доступа, что в аспекте образовательного процесса не всегда выступает положительным моментом. Авторизация на порталах высших учебных заведений производится с использованием логина и пароля, однако возможна их передача между обучающимися в целях неправомерной помощи в выполнении заданий.

Решение обозначенной проблемы видится в установлении необходимости интеграции электронной

образовательной среды учебных заведений с Федеральной государственной информационной системой «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме». В данном случае авторизация обеспечивается не только с использованием логина и пароля, но и актуального номера мобильного телефона пользователя, что повышает гарантии защиты аккаунта от неправомерного доступа.

Кроме того, вряд ли является обоснованным подход, закрепленный приказом Минобрнауки, согласно которому значение показателя «имеется» устанавливается, если организация, осуществляющая образовательную деятельность, подтвердила наличие не менее четырех компонентов, свидетельствующих о наличии электронной образовательной среды.

Исходя из него можно сделать вывод, что наличие возможности взаимодействия педагогических работников с обучающимися может и не подтверждаться, если имеются иные компоненты. Однако обозначенный компонент выступает ключевой составляющей образовательной деятельности. Следует установить необходимость учета наличия всех компонентов электронной образовательной среды.

Следующий этап стадии рассмотрения аккредитационного дела связан с рассмотрением заключения экспертной группы. Соответствующее заключение, а также прилагаемые к нему документы подлежат направлению в Рособрназор. В дальнейшем уполномоченный сотрудник осуществляет подготовку акта о результатах проведенной аккредитационной экспертизы.

Требуется отметить, что нормативно закреплена лишь необходимость составления данного акта, однако подробно не регламентируется порядок рассмотрения материалов аккредитационной экспертизы. В Административном регламенте вовсе отсутствует указание на существование обозначенного этапа.

В связи с отсутствием четкого правового регулирования рассмотрение материалов аккредитационной экспертизы может осуществляться в различные сроки в каждом конкретном случае. Данное положение вызывает сомнения с точки зрения обоснованности. Кроме того, стоит учитывать, что не всегда по результатам экспертизы принимается положительное решение. Возможно и назначение повторной экспертизы при наличии оснований, связанных с нарушением порядка ее проведения.

Поэтому для обеспечения права образовательной организации на своевременное получение результата государственной услуги по аккредитации следует ограничить срок рассмотрения материалов аккредитационной экспертизы. Акт о ее результатах

должен быть составлен не позднее одного рабочего дня со дня поступления ее материалов в аккредитационный орган.

При этом данное положение должно сочетаться с нормой, устанавливающей срок направления материалов экспертизы в Рособрназор. То обстоятельство, что заключение экспертизы и ее материалы подлежат направлению в Рособрназор в пределах сроков, установленных его распорядительным актом, также выглядит необоснованным расширением пределов усмотрения аккредитационного органа. Следует установить в Положении об аккредитации, что заключение и материалы экспертизы должны быть направлены в Рособрназор не позднее одного рабочего дня со дня окончания ее проведения.

Затем следует этап принятия Рособрназором решения по результатам административной процедуры. Положение об аккредитации устанавливает возможность принятия трех видов итоговых решений. Это решение о государственной аккредитации по заявленным образовательным программам либо решение об отказе в ней. Также может быть принято решение об аннулировании результатов аккредитационной экспертизы и назначении повторной экспертизы, если в акте о результатах экспертизы содержится вывод о несоблюдении порядка ее проведения.

Однако стоит отметить, что Административный регламент содержит норму, согласно которой срок принятия решения о предоставлении (об отказе в предоставлении) государственной услуги составляет четыре рабочих дня со дня получения всех требуемых сведений. При этом отсутствуют уточнения относительно случая назначения повторной аккредитационной экспертизы.

В результате остается неясным, в какой срок должно быть принято решение о ее назначении. Положение об аккредитации лишь определяет, что аннулирование результатов аккредитационной экспертизы и ее повторное назначение реализуются в сроки и порядке, которые установлены его разделом III.

В свою очередь, из содержания данного раздела лишь следует, что распорядительный акт о проведении экспертизы должен быть принят в течение трех рабочих дней со дня приема заявления о государственной аккредитации и прилагаемых к нему документов.

При назначении дня начала первоначальной экспертизы аккредитационный орган ограничен общими временными пределами, установленными для оказания государственной услуги по аккредитации.

Безусловно, в случае назначения повторной экспертизы аккредитационный орган также не вправе выходить за временные рамки, установленные для оказания государственной услуги по аккредитации. Однако для исключения возможности необоснованного за-

тягивания срока рассматриваемой процедуры следует установить в Административном регламенте, что решение об аннулировании результатов экспертизы и повторном ее назначении должно быть принято не позднее одного рабочего дня со дня составления акта о результатах экспертизы.

Следующая стадия государственной аккредитации связана с предоставлением ее результата. В ее рамках сведения подлежат внесению в реестр организаций, осуществляющих образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам (далее – реестр организаций).

Согласно ч. 21 ст. 92 Закона об образовании, «принятие аккредитационным органом решения о государственной аккредитации осуществляется в срок, не превышающий двадцати пяти рабочих дней со дня приема заявления о проведении государственной аккредитации и прилагаемых к этому заявлению документов»⁵.

Однако в соответствии с п. 179 Административного регламента максимальный срок предоставления государственной услуги составляет двадцать рабочих дней со дня регистрации заявления и документов. Также стоит отметить, что в понимании Административного регламента регистрация заявления и документов не является тождественной их приему к рассмотрению, поскольку они принимаются к нему лишь по результатам проверки на предмет их соответствия установленной форме, требованиям полноты и достоверности содержащихся в них сведений. Данная проверка осуществляется лишь после их регистрации.

Учитывая ориентацию государственной политики на сокращение сроков административных процедур, представляется необходимым установить единый срок в двадцать рабочих дней для предоставления результата государственной услуги, которые подлежат исчислению со дня регистрации заявления и документов.

Наконец, стадия исправления опечаток и (или) ошибок в сведениях, содержащихся в реестре организаций, является факультативной, поскольку осуществляется лишь при наличии соответствующего заявления.

Недостатком регламентации данной стадии выступает отсутствие возможности внесения исправлений в реестр по инициативе Рособнадзора. Поэтому следует закрепить в Административном регламенте норму, согласно которой наличие заявления не является обязательным для начала соответствующей стадии.

Примечания

¹ Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной услу-

ги по государственной аккредитации образовательной деятельности: приказ Рособнадзора от 4.07.2023 № 1287 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.08.2023).

² Об утверждении Положения о государственной аккредитации образовательной деятельности и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 14.01.2022 № 3: Постановление Правительства РФ от 19.05.2023 № 797 // СЗ РФ. 2023. № 23, ч. 1, ст. 4134.

³ Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 8.07.2024) // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; Российская газета. № 182. 16.08.2024.

⁴ Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования, методики расчета и применения аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования: приказ Минобрнауки России от 18.04.2023 № 409 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.05.2023).

⁵ Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 8.07.2024) // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; Российская газета. № 182. 16.08.2024.

Список литературы

Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. Москва: Юр. Норма: Инфра-М, 2018. 352 с.

Воронов М.П., Часовских В.П. Методика оценки эффективности электронных образовательных систем // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 10 (Ч. 1). С. 120–124.

Евдокимов С.Ю. Аккредитация как система оценки качества образовательной деятельности // Мир науки. 2017. № 4. С. 39–45.

Зверева В.И. Диагностика и экспертиза педагогической деятельности аттестуемых учителей. Москва: УЦ «Перспектива», 1998. 108 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов, терминов и выражений / под общ. ред. Л.И. Скворцова. Москва: Мир и образование, 2020. 736 с.

Повный Д.А. Административные процедуры как средство противодействия коррупции в образовании Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 203 с.

Рукавишников С.М. О некоторых вопросах правового регулирования аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования // Право и государственность. 2023. № 1. С. 60–66.

Тубельский А.Н. Экспертиза инновационной школы // Инновационное движение в российском школьном образовании. Москва: Парсифаль, 2012. С. 158–179.

Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890–1907. Т. 40. 468 с.

Янкевич С.В., Княгинина Н.В., Воробьев В.В. Государственная аккредитация университетов: конфликт заявленных и фактических целей // Образовательная политика. 2019. № 1. С. 76–86.

References

Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik dlya bakalavrov [Administrative Law of the Russian Federation: a textbook for bachelors], ed. by A.Yu. Sokolov. Moscow, Yur. Norma, Infra-M Publ., 2018, 352 p. (In Russ.)

Enciklopedicheskij slovar' [Encyclopedic Dictionary] / ed. by prof. I.E. Andreevsky. St. Petersburg, F.A. Brockhaus, I.A. Efron Publ., 1890–1907, vol. 40, 468 p. (In Russ.)

Evdokimov S.Yu. *Akkreditaciya kak sistema ocenki kachestva obrazovatel'noj deyatel'nosti* [Accreditation as a system for assessing the quality of educational activities]. *Mir nauki* [World of Science], 2017, no. 4, pp. 39–45. (In Russ.)

Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 100 000 slov, terminov i vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 100,000 words, terms and expressions], ed. by L.I. Skvortsov. Moscow, Peace and education Publ., 2020, 736 p. (In Russ.)

Povny D.A. *Administrativnye procedury kak sredstvo protivodejstviya korrupcii v obrazovanii Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Administrative procedures as a means of combating corruption in the educa-

tion of the Russian Federation: diss. ... candidate of legal sciences]. Chelyabinsk, 2011, 203 p. (In Russ.)

Rukavishnikov S.M. *O nekotoryh voprosah pravovogo regulirovaniya akkreditacionnyh pokazatelej po obrazovatel'nyh programmam vysshego obrazovaniya* [On some issues of legal regulation of accreditation indicators for educational programs of higher education]. *Pravo i gosudarstvennost'* [Law and statehood], 2023, No. 1, pp. 60–66. (In Russ.)

Tubelsky A.N. *Ekspertiza innovacionnoj shkoly* [Expertise of an Innovative School] *Innovacionnoe dvi-zhenie v rossijskom shkol'nom obrazovanii* [Innovative Movement in Russian School Education]. Moscow, Parsifal Publ., 2012, pp. 158–179. (In Russ.)

Voronov M.P., Chasovskikh V.P. *Metodika ocenki effektivnosti elektronnyh obrazovatel'nyh sistem* [Methodology for assessing the effectiveness of electronic educational systems]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern science-intensive technologies], 2022, No. 10 (part 1), pp. 120–124. (In Russ.)

Yankevich S.V., Knyaginina N.V., Vorobyov V.V. *Gosudarstvennaya akkreditaciya universitetov: konflikt zayavlennyh i fakticheskikh celej* [State accreditation of universities: conflict of declared and actual goals]. *Obrazovatel'naya politika* [Educational policy], 2019, no. 1, pp. 76–86. (In Russ.)

Zvereva V.I. *Diagnostika i ekspertiza pedagogicheskoy deyatel'nosti attestuemyh uchitelej* [Diagnostics and examination of pedagogical activities of certified teachers]. Moscow, Perspektiva Publ., 1998, 108 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

ФЕНОМЕН ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Стародубцев Григорий Серафимович, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, dexter77@list.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2634-9377>

Чернов Владимир Владимирович, аспирант, Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, lucker2000@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8404-116X>

Аннотация. Цель статьи – комплексный анализ понятия «право Евразийского экономического союза» и определение его места в системе международного права. Методы исследования: историко-правовой, аксиологический, функциональный и контекстный подходы сравнительно-правового метода, формально-юридический метод. В работе рассматривается генезис евразийства как исторического феномена и философского направления, анализируются правообразующие социальные факторы, составляющие базис развития евразийского права. Авторы приходят к выводам, что евразийская интеграция традиционно носила добровольный характер и правовую основу, а система евразийского права стоит на постулатах, обусловленных и западным, и восточным влиянием. Это господство права, коллективизм и приоритет естественных связей в группе. Правообразующие факторы, приведшие к созданию ЕАЭС и его права, своеобразны и принципиально отличны от факторов и предпосылок, характерных для других интеграционных экономических образований. ЕАЭС создавался государствами, ранее входившими в единое государство, в его уставных документах, наряду с учетом особенностей европейского права, были учтены и конфессионально-цивилизационные особенности, характерные для евразийства. С формально-юридической точки зрения на данном этапе евразийской интеграции право ЕАЭС является подотраслью международного экономического права и представляет собой систему принципов и норм в сфере международного общения евразийских государств, созданную для регулирования общественных отношений по созданию (ликвидации) региональных объединений, взаимодействию регионального объединения с иными международными организациями, его участниками и структурными органами в установленных учредительным документом областях.

Ключевые слова: интеграционное право, Евразийский экономический союз, правообразующие факторы, международное экономическое право.

Для цитирования: Стародубцев Г.С., Чернов В.В. Феномен права Евразийского экономического союза // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 269–274. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-269-274>

Research Article

THE PHENOMENON OF EURASIAN ECONOMIC UNION LAW

Grigoriy S. Starodubtsev, doctor of legal Sciences, professor, Russian State University of Justice, Moscow, Russia, dexter77@list.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2634-9377>

Vladimir V. Chernov, postgraduate student, Russian State University of Justice, Moscow, Russia, lucker2000@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8404-116X>

Abstract. The purpose of the article is to comprehensively analyze the definition “The Law of the Eurasian Economic Union” and determine its place in the international law system. Research methods: historical-legal, axiological, functional and contextual approaches of comparative legal method, formal-legal method. The authors consider the genesis of Eurasianism as a historical phenomenon and philosophical direction, analyze the law-forming social factors that form the basis for the Eurasian law development. They conclude that Eurasian integration has traditionally been free and legal and the system of Eurasian law is based on the postulates of both Western and Eastern influences. These are the rule of law, collectivism and the priority of natural relations within the group. The law-forming factors that influenced the creation of the EAEU and its law are peculiar and fundamentally different from the factors and prerequisites characteristic of other integration economic formations. The EAEU was created by the states that had previously been part of a single state; its statutory documents, along with taking into account the peculiarities of European law, also took into account the confessional and civilizational identity of

Eurasianism. Formally, at this stage of Eurasian integration, the EAEU law is a sub-branch of international economic law and represents a system of principles and norms in the sphere of international communication of Eurasian states, created to regulate public relations on the creation (liquidation) of regional associations, cooperation of a regional association with other international organizations, its participants and structures in the spheres established by EAEU statutes.

Keywords: integration law, Eurasian Economic Union, law-forming factors, international economic law.

For citation: Starodubtsev G.S., Chernov V.V. The phenomenon of Eurasian Economic Union law. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 269–274 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-269-274>

Первым этапом создания права интеграционного образования как процесса международного правотворчества является познание социальных факторов – идейно-философской базы для намерения субъектов международного права вступить в правотворческий процесс. В связи с этим для комплексного представления о понятии права Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и его месте в системе международного права необходимо рассмотреть не только его формально-юридические основы, но и правообразующие социальные факторы, составляющие базис развития данного явления: объективные факторы (географический, экономический, природный и т. д.) и субъективные, влияние которых на правотворческую деятельность и само содержание правового регулирования зависит от действий социальных субъектов – участников правообразовательного процесса [Трофимов: 380–381]. Это в первую очередь политико-правовой, социокультурный и идейно-психологический факторы [Соколова: 10].

Евразийство как философское направление сформировалось к началу XX века в среде русской эмиграции [И. Феодосий: 43] и являлось новым и самобытным пониманием развития российского будущего. В круг интересов евразийцев попадали многие исторические, культурологические, социолого-политические вопросы, но ключевым тезисом евразийского движения было положение об уникальности России как об особом мире, самобытном, самодостаточном с точки зрения и географии, и экономики, и культуры, и исторического развития, который они называли Евразией, подчеркивая тем самым связь нашей страны и с Западом, и с Востоком, полагая, что влияние последнего недостаточно оценено и будущее России – именно в союзе с Востоком [Замараева: 72].

Социокультурный фактор – главный аспект в формировании евразийства, по мнению Н.С. Трубецкого, который не относил русскую культуру и государственность ни к европейской, ни к азиатской, а считал её феноменом, комплексом и западного, и восточного опыта¹. Также основными компонентами формирования евразийства его приверженцы считали географию местности и условия окружающей среды в их взаимосвязи с проживающими на них народами [Исаева: 170]. Первым географический и демографический факторы выделяет П.Н. Савицкий, определяя понятие «месторазвитие»², с введением которого

в научный глоссариум появляется абсолютно новое понимание пространства взаимоотношений среды и человека [Ермишина: 140].

Ярчайшим представителем философии нового евразийства является Л.Н. Гумилев. В его трудах Евразия выступает месторазвитием этногенеза, культуры, государства и политики. Идеи гумилевской теории цивилизационного подхода в модели многополярного мира видят в основе европейской экономической интеграции и создания Евразийского экономического союза его сторонники и противники. Поддерживают теорию многополярности китайские исследователи, подчеркивая необходимость более интенсивного взаимодействия между ЕАЭС и китайским проектом «Пояса и пути»; ученые из Латинской Америки также видят евразийскую интеграцию неотъемлемой частью движения к многополярности [Базавлук, Курылев, Савин: 41]. В ЕС и США рассматривают ЕАЭС как возможный полюс многополярного мироустройства, который в совокупности с ростом китайского авторитета значительно трансформирует глобальную экономическую и политическую систему. При этом ЕАЭС четко осмысливается как конкурирующий геополитический проект, инициированный Россией³.

Создание ЕАЭС стало важнейшим событием в современной истории Российской Федерации и других государств на постсоветском пространстве.

Региональные союзы возникают в ответ на угрозы развитию государств-членов. Так, Европейский союз возник для целей быстрого экономического восстановления государств Западной Европы после Второй мировой войны. В его основе лежала финансовая помощь США западноевропейским государствам (план Маршалла). ЕАЭС возник после распада Советского Союза. Сложившиеся веками финансовые, промышленные и иные связи организаций и предприятий, существовавших в Российской империи и возникшем на ее основе СССР, обрушились, и образовавшаяся лакуна требовала заполнения.

Сегодня, помимо задач экономического благосостояния, появляются цели более глобальные – выживание перед лицом климатических, экономических и биологических угроз. Такие цели могут быть достигнуты за счет универсального союза государств, укрепления мирных интеграционных организаций путем наделения их властными полномочиями на время эпидемий и пандемий.

Общеизвестной является точка зрения, что основа европейской интеграции – европейские ценности, почерпнутые из основ европейской христианской западной цивилизации. Однако на протяжении многих столетий в Европе существовали несколько цивилизаций. В течение многих столетий на этом пространстве наряду с европейской интеграцией формировалась и евразийская интеграция, в основе своей имевшая как европейские христианские ценности, так и культуру солидарности, самобытности и коллективизма, характерные для Востока.

Возраст евразийской интеграции – вопрос сложный и дискуссионный, требующий отдельного объемного исследования. Однако опыт Российской империи, равно как и СССР, в развитии евразийства, на наш взгляд, следует учитывать – это были формы интеграции, возможно, не менее эффективные, чем Римская империя, но также не выдержавшие испытания научным, технологическим и религиозно-идеологическим прогрессом. Отметим, что евразийская интеграция традиционно носила добровольный характер и правовую основу: в Российскую империю народы принимались в основном по прошению местных властей, в СССР объединялись согласно договору.

Система евразийского права зиждется на следующих постулатах.

1. Господство права. Страны ЕАЭС обладают правовой системой, основанной на римской правовой традиции. Римская правовая традиция, естественно, воплощаясь в национальные нормы, приобретает свои специфические черты. Например, в отношении связи власти и права регулируется по-разному в государствах-членах.

2. Коллективизм. В разных правовых культурах коллективные интересы и интересы индивидуальные разнятся. В евроазиатских правовых культурах защита общих интересов имела большее значение, чем защита прав отдельного индивида. Это обусловлено особенностями их проживания. Суровые климатические условия, низкие температуры, гигантские пространства, территориальная обособленность индивидов обусловили понимание того, что жить вместе лучше, чем порознь. Такая особенность евроазиатской защиты прав и интересов коллектива, осознаваемой как общечеловеческая ценность, инкорпорировалась в нормы международного права, закрепившие универсальные права человека. Право на труд, образование, здравоохранение, отдых в их наиболее гуманной форме было разработано в рамках СССР, интеграционного объединения, существовавшего с 1922 по 1991 г. Оно оказало решающее воздействие на закрепление этих прав на международном уровне.

3. Приоритет естественных связей в группе. Семейные, родственные узы: святость брака как союза

мужчины и женщины, культура их сожителства, поддержка родственников, уважение к старшим, защита младших и т. д. были особо значимы в восточном христианстве, мусульманстве, буддизме, иудаизме.

Вновь подчеркнем, что в наши дни индивидуализм (основа западноевропейской цивилизации) и коллективизм (основа евразийской цивилизации) являются характеристиками различными, но построению интеграции они могут поспособствовать только в единстве: эффективный интеграционный союз предполагает решение общих задач вместе на справедливой основе, с учётом интересов индивидов.

Правовая культура России, равно как и правовые культуры европейских государств – Белоруссии, Армении, а также правовые культуры азиатских стран – Казахстана и Кыргызстана, в значительной мере схожи, что позволяет выделить общий культурный код евразийской интеграции. Коллективизм и поддержка естественно-биологических связей – стержневые ценности евразийской интеграции, отличающие ее от европейской, что, однако, совершенно не сказывается на правовой форме этой интеграции, которая, как и европейская, имеет четыре степени единства: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз). Евразийская интеграция новой формации существует уже 25 лет, а с 2015 г. в последней высокой форме – ЕАЭС.

При создании нового международно-правового интеграционного объединения необходимо было учесть как особенности цивилизационной составляющей государств, входящих в состав ЕАЭС, так и особую роль полицивилизационного стержневого государства этой интеграции – Российской Федерации, несущей в себе код нескольких современных цивилизаций (восточного и западного христианства, мусульманства, буддизма и синской цивилизации). Кроме того, и при оценке правоприменительной практики органов нового Союза следует помнить о цивилизационных особенностях евразийства с целью выбора наиболее адекватных инструментов коррекции такой практики.

Правообразующие факторы, приведшие к созданию Евразийского экономического союза и его правовой системы, также своеобразны и принципиально отличны от факторов и предпосылок, характерных других интеграционных экономических образований. Например, Европейский союз (ЕС), первое наднациональное интеграционное объединение в Европе, создавался государствами, длительное время существовавшими в самостоятельном суверенном качестве. Они никогда не входили в состав единого государства. Евразийский экономический союз создавался государствами, ранее составлявшими единое государство (Киевская Русь, Московское государство, Российская империя, Советская Россия, Советский Союз).

Возможно, внешне ЕАЭС и схож с ЕС; наднациональная функция является международной функцией такого объединения. Однако ЕАЭС отличается от ЕС тем, что в уставных документах ЕАЭС, наряду с учетом особенностей европейского права, были учтены и конфессионально-цивилизационные особенности, характерные для евразийства. В документах Евразийского экономического союза имеется указание о том, что ЕАЭС есть субъект международного права. Он будет руководствоваться международно-правовыми принципами и нормами, а не основываться на национальных законодательствах.

Для того чтобы понять особенности правовой природы евразийского права на современном этапе развития интеграции, необходимо определить, какое место в системе международных отношений оно занимает.

Большинство ведущих ученых-международников⁴ при определении международного права указывают следующие признаки: системность; межгосударственный характер отношений; целью отношений является сотрудничество, обеспечение мира и безопасности; эти отношения подкреплены мерами индивидуального или коллективного принуждения; представляют собой совокупность правил поведения, выраженную как в нормах, так и в принципах.

Л.П. Ануфриева справедливо отмечает, что отрасль международного права должна обладать стержневыми принципами и нормами, которые регулируют специфические общественные отношения. Однако регулирование отношений в рамках интеграционных объединений возможно без опоры на общепризнанные принципы и нормы международного права [Ануфриева: 219], что, в принципе, очевидно из правоприменительной практики учреждений Европейского союза. В отличие от него, как указано выше, ЕАЭС является субъектом международного права, однако о наработке «стержневых» принципов и норм, для того чтобы евразийское право можно было определить как отдельную отрасль международного права, говорить пока рано.

Распространенным является мнение правоведов о том, что право интеграционных объединений входит в структуру международного экономического права [Ануфриева: 219; Толочко: 75]; представляется верным согласиться с этим и констатировать, что евразийское право на данном этапе евразийской интеграции также является частью системы международного экономического права.

Ведущие теоретики российского права выделяют следующие признаки подотрасли права: она является частью отрасли права, регулирует группу однородных институтов, возможно выделение в ней общего института или институтов в рамках различного видового состава общественных отношений [Алексеев: 154–156; Нерсисянц: 444]. Право ЕАЭС данным характеристикам соответствует. Так, его предмет составляют следу-

ющие группы общественных отношений, описанные Р.А. Курбатовым: отношения между государствами по созданию и ликвидации регионального объединения; отношения между созданными региональными объединениями и государствами-участниками в рамках интеграции; отношения, складывающиеся в предусмотренных учредительными документами сферах межгосударственных отношений; отношения, возникающие внутри интеграционного объединения между его структурными органами; отношения, возникающие между интеграционным объединением и иными международными организациями.

Таким образом, право ЕАЭС на данном этапе евразийской интеграции является подотраслью международного экономического права, так как входит в его систему и регулирует однородный пласт институтов в рамках различного видового состава общественных отношений. Можно определить его как подотрасль международного экономического права, представляющую собой систему принципов и норм в сфере международного общения евразийских государств, созданную для регулирования общественных отношений по созданию (ликвидации) региональных объединений, взаимодействию регионального объединения с иными международными организациями, его участниками и структурными органами в установленных учредительным документом областях.

Евразийский экономический союз уникален ввиду своего особенного месторазвития на стыке Европы и Азии, являясь результатом слияния многих культур и этносов воедино. Идея развития сотрудничества в рамках евразийского пространства является не столько выгодной возможностью, сколько неизбежной судьбой хоть и разных, но единых народов. Совокупность этих обстоятельств и делает данную подотрасль международного права отличной от других.

Примечания

¹ Подробнее см. труды Н.С. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре» (1925 г.) и «Обшеславянский элемент в русской культуре» (1927 г.).

² Работы П.Н. Савицкого о влиянии географических факторов на развитие человечества, созданные им с 1916 по 1968 г., опубликованы в сборнике «Континент Евразия» (М.: Аграф, 1997).

³ Комплексное, подробное исследование взглядов и оценок зарубежных авторов в отношении взаимосвязи евразийства и ЕАЭС в контексте изменений, происходящих в мировой политической системе, изложено в научном обзоре С.В. Базавлука, К.П. Курылева и Л.В. Савина «Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов» (Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 30–42).

⁴ Совокупность указанных признаков международного права сформулирована на основе анализа учебной литературы по международному праву, базовой в последние несколько десятилетий для российского юридического образования: Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. М.: Волтерс Клувер, 2005; Международное право: учебник / отв. ред. проф. С.А. Егоров. М.: Статут, 2016; Международное право: учебник / под ред. проф. Г.С. Стародубцева. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2024.

Список литературы

Алексеев С.С. Структура советского права. Москва: Юрид. лит., 1975. 263 с.

Ануфриева Л.П. Международные судебные органы в евразийской интеграции (проблемы теории международного права) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10 (59). С. 218–228.

Базавлук С.В., Курyleв К.П., Савин Л.В. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 30–42. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42>

Ермишина К.Б. Месторазвитие и ритмы Евразии: к обоснованию философии евразийства // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, № 4. С. 135–148.

Замараева Е.И. Социально-философские воззрения Н.С. Трубецкого в контексте евразийства // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2010. № 1. С. 71–80.

Игумен Феодосий (Иванников). Евразийцы как представители русской интеллигенции первой половины XX века // Интеллигенция и мир. 2010. № 1. С. 43–55.

Исаева О.С. Творческое наследие Л.Н. Гумилева и классическое евразийство // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 169–173.

Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 560 с.

Соколова А.А. Субъективные факторы и их оценка в процессе правообразования // Право и демократия: межведомств. сб. науч. тр. Минск, 1981. Вып. 4. С. 9–17.

Толочко О.Н. Международное экономическое право и его место в системе правового регулирования международных экономических отношений // Московский журнал международного права. 2013. № 1 (89). С. 73–91.

Трофимов В.В. Правообразовательный процесс: общетеоретический аспект // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 8 (76). С. 379–386.

References

Alekseev S.S. *Struktura sovetskogo prava* [The structure of Soviet law]. Moscow, Iurid. lit. Publ., 1975, 263 p. (In Russ.)

Anufrieva L.P. *Mezhdunarodnye sudebnye organy v evraziiskoi integratsii (problemy teorii mezhdunarodnogo prava)* [International Judiciary in Eurasian Integration (Problems of the International Law Theory)]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2015, no. 10 (59), pp. 218–228. (In Russ.)

Bazavluk S.V., Kurylev K.P., Savin L.V. *Evraziistvo, EAES i mnogopoliarnost': otsenki zarubezhnykh ekspertov* [The Eurasianism, the EAEU and the Multipolarity: Foreign Experts' Assessments]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Mezhdunarodnye ot-nosheniia* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: International Relations], 2022, vol. 22, no. 1, pp. 30–42. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42>. (In Russ.)

Ermishina K.B. *Mestorazvitie i ritmy Evrazii: k obosnovaniu filosofii evraziistva* [The Place-development and Rhythms of Eurasia: Toward the Justification of the Philosophy of Eurasianism]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2017, vol. 18, no. 4, pp. 135–148. (In Russ.)

Zamaraeva E.I. *Sotsial'no-filosofskie vozzreniia N.S. Trubetskogo v kontekste evraziistva* [Social and philosophical views of N.S. Trubetskoy in the context of Eurasianism]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 2010, no. 1, pp. 71–80. (In Russ.)

Igumen [The Abbot] Feodosii (Ivannikov). *Evraziist-sy kak predstaviteli russkoi intelligentsii pervoi poloviny XX veka* [The Eurasians as representatives of the Russian intelligentsia of the first half of the XX century]. *Intelligentsiia i mir* [The Intelligentsia and the World], 2010, no. 1, pp. 43–55. (In Russ.)

Isaeva O.S. *Tvorcheskoe nasledie L.N. Gumileva i klas-sicheskoe evraziistvo* [The Creative Legacy of L.N. Gumilev and the Classical Eurasianism]. *Manuskript* [The Manuscript], 2019, vol. 12, iss. 12, pp. 169–173. (In Russ.)

Nersesians V.S. *Obshchaia teoriia prava i gosudarst-va* [The General Theory of Law and State]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2023, 560 p. (In Russ.)

Sokolova A.A. *Sub"ektivnye faktory i ikh otsenka v protsesse pravoobrazovaniia* [Subjective factors and their evaluation in the process of law formation]. *Pravo i demokratiia: mezhdomestv. sb. nauch. tr.* [Law and Democracy: the interdepartmental collection of scientific papers]. Minsk, 1981, vol. 4, pp. 9–17. (In Russ.)

Tolochko O.N. *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo i ego mesto v sisteme pravovogo regulirovaniia*

mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnoshenii [The International Economic Law and its place in the system of legal regulation of international economic relations]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [The Moscow Journal of International Law], 2013, no. 1 (89), pp. 73-91. (In Russ.)

Trofimov V.V. *Pravobrazovatel'nyi protsess: obshcheteoreticheskii aspekt* [The Law-forming process: the general theoretical aspect]. *Vestnik Tambovskogo*

universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Vestnik of Tambov University. Series Humanities], 2009, vol. 8 (76), pp. 379-386. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 275–281. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 275–281. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 349.6

EDN AQMGBQ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-275-281>

РОЛЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОКРОВИТЕЛЬСТВА ЖИВОТНЫМ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОБЛАСТИ ГУМАННОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Безносова Яна Викторовна, кандидат юридических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, sun148@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2804-7260>

Аннотация. В статье анализируется одна из ключевых правотворческих инициатив возникшего в 1865 году Российского общества покровительства животным, с которой оно выступило во второй половине XIX века и благодаря которой в уголовно-правовом акте Российской империи – «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» – впервые за всю историю развития российского права появилась норма, устанавливающая юридическую ответственность за умышленное причинение мучений домашним животным. Приводится уже существующая в зарубежных странах богатая правотворческая практика защиты животных от жестокого с ними обращения, которая учитывалась Обществом при разработке законопроекта. Начав с введения административных мер защиты животных в виде утвержденных Министерством внутренних дел «Правил обращения с животными» и через некоторое время столкнувшись с неэффективностью их применения на практике, Общество пришло к выводу о необходимости установления в законодательном порядке юридической ответственности за причинение животным страданий. Законопроект, подготовленный Обществом, нашёл отклик со стороны верховной власти, в результате чего российское уголовное право пополнилось принципиально новой нормой, ставящей под защиту государства и права домашних животных.

Ключевые слова: Российское общество покровительства животным, права животных, защита животных, домашние животные, обращение с животными, гуманное отношение к животным, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Для цитирования: Безносова Я.В. Роль Российского общества покровительства животным в совершенствовании законодательства Российской империи в области гуманного обращения с животными во второй половине XIX века // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 275–281. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-275-281>

Research Article

THE ROLE OF THE RUSSIAN ANIMAL PROTECTION SOCIETY IN IMPROVING THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIELD OF HUMANE TREATMENT OF ANIMALS IN THE 2ND HALF OF THE 19TH CENTURY

Yana V. Beznosova, Candidate of Jural Sciences, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, sun148@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2804-7260>

Abstract. The article analyses one of the key law-making initiatives of the Russian Animal Protection Society, which arose in 1865. This law-making initiative of Society was launched in the 2nd half of the 19th century and thanks to it, a norm establishing legal responsibility, appeared in the criminal law act of the Russian Empire – the «Statute on Punishments Imposed by Justices of the Peace». For the first time in the history of the development of Russian law a norm that establishes legal liability for intentionally inflicting torment on pets has appeared. The different law-making practice of protecting animals from cruel treatment, which at the said time did exist in foreign countries, is given. It was taken into account by the Society when developing the draught law. Starting with the introduction of administrative measures to protect animals in the form of «Rules for the treatment of animals» approved by the Ministry of Internal Affairs, the Society faced with the ineffectiveness of their application in practice after some time. Then the Society came to the conclusion that it was necessary to establish in legislation legal liability for causing animals to suffer. The draught law prepared by the Society, found a response from the supreme authority as a result of which, Russian criminal law was supplemented with a fundamentally new norm that puts animal rights under the state protection of.

Keywords: Russian Animal Protection Society, animal rights, animal protection, domestic animals, animal treatment, humane treatment of animals, Statute on Punishments Imposed by Justices of Peace.

For citation: Beznosova Y.V. The role of the Russian Animal Protection Society in improving the legislation of the Russian Empire in the field of humane treatment of animals in the 2nd half of the 19th century. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 275–281 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-275-281>

В последние годы в российском обществе всё заметнее становится деятельность различных зоозащитных организаций, главной задачей которых является борьба с жестоким обращением с животными. Указанная задача решается ими различными способами, в том числе путём организации приютов, осуществления просветительской деятельности, направленной на формирование культуры ответственного отношения человека к животным, а также посредством участия в разработке законопроектов, регламентирующих защиту животных. Среди таких организаций активно себя проявляют межрегиональная общественная организация «Голоса за животных», благотворительный фонд «Сострадание НН», Всероссийское зоозащитное движение и многие другие. Благодаря деятельности указанных общественных объединений государство своевременно узнает о возникающих в данной сфере проблемах и получает возможность реагировать на них путем принятия соответствующей нормативной правовой базы.

Осознание необходимости государственной защиты домашних животных от жестокого с ними обращения сформировалось в российском обществе ещё во второй половине XIX века. В 1865 году в Санкт-Петербурге было образовано Российское общество покровительства животным (далее также – Общество), цель деятельности которого заключалась в том, чтобы защищать животных «от жестокого и дурного обращения и вообще действовать на улучшение их участи»¹. Со временем в разных уголках Российской империи возникли филиалы Общества. Так, к 1897 году их насчитывалось уже более 30 в различных городах – Москве, Туле, Нижнем Новгороде, Воронеже, Курске, Новгороде, Петрозаводске, Витебске и других [Горлова 2019а: 86].

В первые же годы своего существования Общество начало активно продвигать идею закрепления на законодательном уровне юридической ответственности за негуманное отношение к домашним животным.

Члены общества отмечали, что существующие законодательные нормы преследовали лишь цель «охранения народного здоровья, личной безопасности и собственности»², но оставляли в стороне вопросы нравственного воспитания личности в духе бережного отношения к животным. Так, в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»³, устанавливалась ответственность за следующие составы правонарушений: «За охоту, а также рыбную или иную ловлю в запрещенное время, в недозволенных местах, за-

прещенными способами или без соблюдения предписанных правил, равно как за разорение птичьих гнезд или продажу дичи, добытой в недозволенное время...» (ст. 57); «За недонесение о появлении заразы на скоте, а также за непринятие установленных мер предосторожности против заразы скота и скотских падежей» (ст. 112); «За неосмотрительную или непомерно скорую езду в городах и селениях, а также за получение управления лошадьми лицу неспособному или пьяному» (ст. 123); «За убой или изуечение чужих животных» (ст. 153) и другие.

Таким образом, существующее законодательство в сфере обращения с животными предусматривало ответственность за незаконную охоту, за посягательство на личную и общественную безопасность, за причинение вреда чужим животным со стороны третьих лиц, что фактически подразумевало ответственность за причинение вреда чужому имуществу, но никак не было связано с нравственным развитием народа, тогда как именно моральное воспитание и смягчение нравов члены Общества считали ключевым условием формирования ответственного отношения к животным.

Общество также считало важным, чтобы животные защищались не только от посягательств со стороны третьих лиц, но чтобы они «и в домашнем быту имели защиту, даже и от хозяев»⁴.

Жестокое обращение с животными, по убеждению Общества, сказывалось не только на развитии в народе грубых нравов и способности к зверским поступкам по отношению к ближним, но и напрямую влияло на материальное благосостояние народа, на развитие экономики и, прежде всего, такой отрасли сельского хозяйства, как скотоводство: «... Только там скотоводство, несомненно составляющее одну из самых важных отраслей сельского хозяйства, находится в цветущем состоянии, где народ кротко и хорошо обращается с животными» [Исторический очерк: 26]; «Нельзя не согласиться с тем, что человек решительно не может обходиться без домашних животных, что скот повсюду составляет предмет первой его необходимости. Поэтому не справедливо ли ограничить юридическое право человека над животными и заставить его смотреть на животное ни как на вещь, представленную полному его произволу, а как на живое существо, требующее снисхождения, и не необходимо ли поставить животных под защиту закона?»⁵.

Таким образом, гуманное обращение с животными, по мысли членов Общества, позволило бы решить

сразу две важнейшие задачи: обеспечить экономическое благосостояние государства и способствовать нравственному развитию народа.

Первым мероприятием, осуществленным Обществом в области нормативного регулирования ответственного отношения к животным, стала разработка «Правил обращения с животными»⁶ (далее – Правила).

Правилами устанавливался запрет на эксплуатацию больных, изувеченных, раненых животных, на нанесение животным ударов твердыми или острыми орудиями (дубинами, крючьями и т. п.), запрет нагружать животное слишком тяжелыми грузами, не соответствующими силам животного и состоянию дороги. Регламентировался порядок езды по городу («Не дозволяется никому по городу ехать вскачь, как порожнем, так и с седоками, а в особенности с тяжелою кладью»), порядок перевозки скота путем установления запрета на перевозку животных друг на друге, со свешенными или бьющимися о телегу головами, и другие правила, запрещающие «всякое мучение каких-либо животных и всякое жестокое с ними обращение».

В Обществе отмечалось, что данные Правила должны будут подготовить народ, для которого дурное обращение с животными являлось «издавна укоренившимся», к будущим законодательным нововведениям в виде юридической ответственности за негуманное отношение к ним [Иверсен: 10].

В начале 1866 года указанные Правила были утверждены Министром внутренних дел, в результате чего появилась возможность привлекать к ответственности лиц, виновных в их нарушении, на основании ст. 29 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Правонарушители теперь подлежали наказанию «за неисполнение законных распоряжений, требований или постановлений правительственных и полицейских властей»⁷, а в качестве меры наказания им грозило денежное взыскание не свыше 15 рублей.

Всем полицейским было вменено в обязанность следить за исполнением указанных Правил и оказывать необходимое содействие членам Общества. Также Министерство внутренних дел обязало всех Губернаторов оказывать помощь отделам Общества на местах⁸.

По распоряжению полицейского начальства Правила были отпечатаны и повсеместно размещены в присутственных местах и на улицах Санкт-Петербурга, а в 1868 году на Сенной площади был установлен специальный столб с железной доской⁹.

В первые годы действия Правил количество случаев жестокого обращения с животными значительно сократилось¹⁰. Как отмечается в одном из отчетов о деятельности Общества, Правила, «сочувственно встреченные весьма многими из мировых судей на-

ших, принесли немалую долю пользы делу покровительства животных»¹¹.

Однако со временем в процессе их применения вскрылся ряд проблем. В первую очередь, оказалось, что мировые судьи, привлекая виновных к ответственности за нарушение Правил, прибегали к буквальному их толкованию и назначали наказания лишь за те противоправные деяния, которые были прямо перечислены в данном акте. Если же совершались иные жестокие проступки, отсутствующие в Правилах, то мировые судьи в иске отказывали¹². Таким образом, перечень правил очевидно требовал существенного расширения и уточнения.

Значительные неудобства в применении Правил были вызваны и тем, что, согласно действующему законодательству, Общество не имело права самостоятельно обращаться в суд с заявлениями об их нарушении, а могло лишь передавать информацию о совершенных противоправных деяниях в полицию, после чего полицейские составляли протоколы о правонарушениях и направляли их далее в суд. Попытки Общества добиться упрощения своих членов на составление протоколов о правонарушениях успеха не имели¹³.

И, наконец, со временем наметилась следующая отрицательная тенденция: при пересмотре дел по заявлению ответчиков в вышестоящих инстанциях судьи стали ссылаться на то, что указанные Правила являются утвержденными всего лишь в административном порядке, но не в законодательном. Данная тенденция привела к тому, что «обязательная сила этих правил значительно поколебалась, и с каждым днем они все более и более стали терять первоначальное свое значение»¹⁴.

Кроме того, само наказание, предусмотренное ст. 29 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», члены Общества считали слишком незначительным, в особенности для состоятельных владельцев животных¹⁵.

В сложившихся условиях стала очевидной потребность в разработке норм, которым бы была придана сила закона, в связи с чем Правление Общества взялось за разработку для всей России проекта узаконений против жестокого обращения с животными¹⁶.

Прежде всего, был изучен зарубежный опыт защиты животных. Было взято во внимание то обстоятельство, что во многих странах Европы уже существует подобное законодательство. В Отчете о деятельности Общества за 1869 год приводятся следующие сведения.

Так, в Англии, где Общество покровительства животным функционировало с 1820-х годов [Габдрафикова: 295], в 1835 году был принят закон, согласно которому избивание и мучение любого домашнего животного ради «забавы, или по жестокости» либо из-

нурение по небрежности домашнего рабочего скота наказывалось штрафом от 5 шиллингов до 2 фунтов стерлингов (что в пересчете на рубли составляло 1,5–13 рублей серебром), а при невозможности уплатить штраф – тюремным заключением. Также указанным актом карались владельцы и сотрудники заведений, в которых устраивались бои петухов, быков, медведей, собак, прочих животных. Интересно, что к ответственности привлекались и зрители подобных «увеселений», подвергаясь штрафу от 10 шиллингов до 5 фунтов стерлингов (от 3 до 32 рублей) за каждый день участия в зрелище. Запрещалось оставлять животных без пропитания, а в случае, если животное находилось взаперти без пищи в течение 24 часов, то любой был вправе накормить животное, а затем взыскать с его хозяина все издержки в двойном размере.

В 1850 году первый законодательный акт о защите домашних животных от жестокого с ними обращения был принят во Франции и получил название «Закона Граммона». Согласно данному закону, за правонарушения в отношении животных устанавливался штраф от 1 до 15 франков или тюремное заключение от 1 до 5 дней, а в случае рецидива – только тюремное заключение. Впоследствии указанный закон был пересмотрен в сторону ужесточения наказаний: прежние штрафы и тюремные сроки были сохранены только для «неважных проступков», а за более значительные деяния они были увеличены – минимальный штраф составил 16 франков, а тюремное заключение могло теперь длиться до двух месяцев.

Денежный штраф в размере до 50 талеров или тюремное заключение на срок до 6 недель грозили «всякому, кто публично будет жестоко обращаться или истязать животных»¹⁷ – такова была норма, принятая в 1851 году в Пруссии.

В Австрии, согласно постановлению 1855 года, всякий, кто публично и безжалостно будет мучить своих или любых других животных, должен был подвергнуться штрафу от 1 до 100 гульденов или аресту от 1 часа до 2 недель, который мог быть заменен телесным наказанием.

Аналогичные меры были установлены в Саксонии, Баварии, Дании. Законодательство о защите животных известно было и в США, где за жестокое обращение с животными устанавливался штраф в размере до 200 долларов (343 рубля) или арест до 1 года¹⁸.

Таким образом, почти во всех западноевропейских государствах животные были взяты под защиту и покровительство закона. В этой связи Правление Общества резюмировало следующее: «Установление подобных мер взыскания за жестокое обращение с животными у нас едва ли не более необходимо, чем где-либо, если принять во внимание огромный вред, причиняемый таким обращением скотоводству, со-

ставляющему в России одну из самых главных статей народного богатства, и неразвитость во многих местностях населения, в котором необходимо пробудить сознание незаконности жестокого обращения с животными и поселить мысль, что и за действия с животными они подлежат ответственности и взысканию»¹⁹.

При разработке проекта узаконений Правление Общества рассуждало о том, какой именно род проступков должен был подвергаться наказанию. Практика прошедших лет показала, что все проступки, совершаемые в отношении животных, можно было поделить на два вида: эксплуатация немощных животных и жестокое обращение с ними (истязание) с дурным умыслом.

В первом случае изнурение хромого и немощного животного чаще всего было связано с тем, что оно являлось единственным средством выживания бедного семейства, глава которого и сам вынужден был работать на износ, а потому требовать от изнуряющего себя хозяина не изматывать, например, лошадь было совершенно невозможно. По этой причине Обществом был сделан вывод о том, что вопрос о наказаниях хозяев за эксплуатацию больных и старых животных вследствие голодной нужды не своевременен и что достаточно в данном случае ограничиться «внушениями и советами». Но совсем другое дело – умышленные истязания и издевательства. Такого рода деяния, безусловно, должны были подлежать наказанию²⁰.

30 мая 1869 года проект узаконений был готов и представлен Министру внутренних дел для того, чтобы он поспособствовал его дальнейшему продвижению во II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, откуда затем документ с изменениями и дополнениями должен был проследовать далее – в Государственный совет.

Проект включал в себя три статьи, различающиеся по степени важности проступков и размеру взыскания. Приведём их в полном объеме:

«Ст. I. За дурное обращение с животными, обнаруживающееся отсутствием необходимого попечения и должного надзора, как-то: за лишение животных необходимого или соответствующего работе их содержания; обременение их чрезмерной тяжестью и работой, явно несообразной ни с силой, ни с природой их; употребление в работу больных, изнуренных животных; перевозка животных в положении, могущем причинить им боль и страдания, а равно и за всякие иные действия, могущие иметь вредные на здоровье животных влияния, – виновные подвергаются: денежному взысканию не свыше 5 рублей или аресту не свыше 5 дней.

Ст. II. За жестокое обращение с животными, заключающееся в действиях, причиняющих животным без всякой необходимости боль или могущих иметь

последствием для них болезнь, как-то: нанесение животным побоев твёрдыми или острыми орудиями, битьё их по голове, животу или иным чувствительным частям тела; подпиливание зубов; пригонку каленых подков; употребление в работу животных хромых или имеющих раны или язвы; убой скота тупыми или в другом отношении неисправными орудиями, или в виду других, предназначенных к убою же животных, равно как и за всякие другие тому подобные действия, – виновные подвергаются: денежному взысканию не свыше 15 руб. или аресту не свыше 7 дней.

Ст. III. За истязание животных, нанесённое по злобе и с сознательной целью причинить им мучительные страдания, увечья или смерть, как-то: за сдираание кожи, ощипывание перьев, выдёргивание щетин с животных живых или же порезанных на убой, но проявляющих ещё судорожные движения, нанесение им ран; перелом или отсечение каких-либо членов; травлю животных или птиц между собой; умерщвление животных мучительным способом и тому подобные действия, – виновные подвергаются: денежному взысканию не свыше 30 руб. или аресту не свыше 2-х недель»²¹.

За повторное совершение проступков, указанных в вышеперечисленных статьях, виновные должны были подвергнуться: в первый раз присуждению к высшей мере наказания, определённой за совершенный проступок, во второй и последующий разы – двойному против высшего размера взысканию.

При этом Правление Общества предлагало подвергать более суровому наказанию держателей общественных экипажей, извозпромышленников и гуртовщиков, которые являлись владельцами большого числа животных и среди которых случаи жестокого обращения с животными происходили наиболее часто: «Виновные в жестоком обращении против нескольких животных в совокупности подвергаются определённому в приведённых выше статьях взысканиям за каждое пострадавшее животное; так, например, виновные в жестоком обращении с тремя животными подвергаются определённому за сие взысканию втрое, с четырьмя животными – вчетверо, и так далее»²². Кроме того, Правление предлагало учитывать и материальное положение вышеуказанных лиц, для которых назначаемые им максимальные штрафы являлись настолько ничтожными, что они не прекращали совершение противоправных деяний в отношении животных.

Разработанный Правлением Общества законопроект содержал в себе также предложение о направлении взыскиваемых мировыми судьями сумм штрафов за проступки против животных исключительно на улучшение быта животных, а именно: на устройство ветеринарных лечебниц, аптек, кузниц, школ для обучения коновалов, на приобретение снарядов

для подъёма возов на возвышенные места и мосты и усовершенствованных повозок для перевозки больных животных, покупку неизлечимо больных и престарелых животных на убой и т. д.

Долгожданное событие произошло спустя два года – 23 ноября 1871 года, когда было издано Высочайше утвержденное мнение Государственного совета:

«Государственный Совет в Соединённых Департаментах Законов и Гражданских и Духовных Дел и в Общем Собрании, рассмотрев представление Министра Внутренних Дел об установлении взыскания за жестокое обращение с животными, согласно в существе с заключением его, Министра, мнением положил: в дополнение к Уставу о наказаниях, налагаемых Мировыми Судьями, постановить следующее правило:

“За причинение домашним животным напрасных мучений, виновные подвергаются денежному взысканию не свыше 10 рублей”.

Резолюция. Его Императорское Величество воследовавшее мнение в Общем Собрании Государственного Совета, о взыскании за причинение домашним животным напрасных мучений, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить»²³.

Таким образом, из указанного акта следует, что проект узаконений в том виде, в каком он был предложен Российским обществом покровительства животным, оказался в целом отклонен, однако, безусловно, только благодаря активной инициативной деятельности Общества в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» появилась новая статья 43.1, устанавливающая ответственность за жестокое обращение с домашними животными²⁴.

Анализируя данную норму, можно отметить, что, с одной стороны, установленный размер санкции выглядел недостаточно суровым, с другой стороны, несомненным её плюсом являлась абстрактная формулировка самого противоправного деяния, что должно было позволить правоприменителям максимально широко интерпретировать данное правило и учитывать всё многообразие происходящих на практике случаев жестокого обращения с животными.

Существенным следствием появления новой нормы стало и то, что теперь члены Общества могли непосредственно обращаться к мировым судьям с заявлениями о фактах жестокого обращения с животными, и, как отмечает само Общество, оно «не оставляло без внимания ни одного факта жестокостей над животными, ему заявляемого, или свидетелем которого было оно само в лице кого-либо из своих членов» [Исторический очерк: 25].

Однако, как бы мы ни оценивали данное правовое предписание, сам факт его появления и закрепления в законодательстве на общеимперском уровне

уже можно считать значительным достижением российского общества и государства в деле защиты домашних животных от жестокого с ними обращения.

На протяжении второй половины XIX века Российское общество покровительства животным выступало и с иными законодательскими инициативами, среди которых следует отметить: предложение урегулировать защиту животных, используемых для опытов [Горлова 2019б: 18], регламентировать правила охоты²⁵, повысить налог на извозный промысел с целью направления этих средств на строительство лечебниц и бесплатное обслуживание лошадей извозчиков в них²⁶ и ряд других. Государство по-разному реагировало на указанные инициативы «снизу», но всё же в большинстве случаев не оставляло их без внимания и предпринимало определенные шаги на пути к их реализации.

Примечания

¹ Устав Российского общества покровительства животным. Москва: Губернская типография, 1867. С. 3.

² Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1869 год. Санкт-Петербург, 1870. С. 5.

³ Высочайше утвержденный «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» от 20 ноября 1864 // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 2-е. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. Ст. 41478.

⁴ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1866 год. Санкт-Петербург, 1867. С. 2.

⁵ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1869 год. Санкт-Петербург, 1870. С. 2.

⁶ Устав Российского общества покровительства животным. Москва: Губ. тип., 1867. С. 14–15.

⁷ Высочайше утвержденный «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» от 20 ноября 1864 // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 2-е. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. Ст. 41478.

⁸ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1866 год. Санкт-Петербург, 1867. С. 4.

⁹ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1868 год. Санкт-Петербург, 1869. С. 7.

¹⁰ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1870 год. Санкт-Петербург, 1871. С. 5.

¹¹ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1870 год. Санкт-Петербург, 1871. С. 5.

¹² Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1867 год. Санкт-Петербург, 1868. С. 12.

¹³ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1867 год. Санкт-Петербург, 1868. С. 12.

¹⁴ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1870 год. Санкт-Петербург, 1871. С. 5.

¹⁵ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1869 год. Санкт-Петербург, 1870. С. 2.

¹⁶ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1867 год. Санкт-Петербург, 1868. С. 10.

¹⁷ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1869 год. Санкт-Петербург, 1870. С. 4.

¹⁸ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1869 год. Санкт-Петербург, 1870. С. 4.

¹⁹ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1869 год. Санкт-Петербург, 1870. С. 5.

²⁰ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1867 год. Санкт-Петербург, 1868. С. 12.

²¹ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1869 год. Санкт-Петербург, 1870. С. 6.

²² Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1869 год. Санкт-Петербург, 1870. С. 7.

²³ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О взысканиях за причинение домашним животным напрасных мучений» от 23 ноября 1871 // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 46. Отд. 2-е. Санкт-Петербург, 1874. Ст. 50208.

²⁴ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: с внесением всех узаконений по продолжениям 1868, 1869, 1871 и 1872 г. и разъяснениями по решениям Уголовного кассационного департамента с 1866 по первое полугодие 1871 г. включительно / сост. Н.С. Таганцевым. Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1873. 157 с.

²⁵ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1866 год. Санкт-Петербург, 1867. С. 19.

²⁶ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1868 год. Санкт-Петербург, 1869. С. 6.

Список литературы

Габдрафикова Л.Р. Милосердное отношение к животным в интерпретации Ш. Марджани // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 2. С. 294–301.

Горлова Н.И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. Москва: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2019а. 288 с.

Горлова Н.И. Практика волонтерского участия в зоозащитном движении в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Современная научная мысль. 2019б. № 1. С. 15–21.

Иверсен В.Э. Первое десятилетие Российского общества покровительства животным: Ист. очерк его деятельности в 1865–1875 гг. Санкт-Петербург: Тип. А.М. Котомина, 1875. 187 с.

Исторический очерк деятельности Российского общества покровительства животным, со дня его основания, 4-го октября 1865 г., по 1891 год, или за 25 лет его существования. Санкт-Петербург: Тип. П.П. Сойкина, 1891. 413 с.

References

Gabdrifikova L.R. *Miloserdnoe otnoshenie k zivotnym v interpretatsii Sh. Mardzhani* [Merciful treatment of animals in the interpretation of Sh. Marjani]. *Istoricheskaja etnologija* [Historical ethnology], 2018, vol. 3, no. 2, pp. 294-301. (In Russ.)

Gorlova N.I. *Stanovlenie i razvitie instituta volonterstva v Rossii: istoriia i sovremennost'* [The formation and development of the Institute of Volunteerism in Russia: history and modernity]. Moscow, D.S. Likhachev Rus-

sian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage Publ., 2019a, 288 p. (In Russ.)

Gorlova N.I. *Praktika volonterского uchastiia v zozashchitnom dvizhenii v Rossii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The practice of volunteer participation in the animal protection movement in Russia (the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Sovremennaja nauchnaia mysl'* [Modern scientific thought], 2019, no. 1, pp. 15-21. (In Russ.)

Istoricheskii ocherk deiatel'nosti Rossiiskogo obshchestva pokrovitel'stva zivotnym, so dnia ego osnovaniia, 4-go oktiabria 1865 g., po 1891 god, ili za 25 let ego sushchestvovaniia [A historical sketch of the activities of the Russian Society for the Protection of Animals, from the day of its foundation, October 4, 1865, to 1891, or for 25 years of its existence]. St. Petersburg, Tip. P.P. Soikina Publ., 1891, 413 p. (In Russ.)

Iversen V.E. *Pervoe desiatiletie Rossiiskogo obshchestva pokrovitel'stva zivotnym: Ist. ocherk ego deiatel'nosti v 1865–1875 gg.* [The first Decade of the Russian Society for the Protection of Animals: An historical sketch of its activities in 1865–1875]. St. Petersburg, Tip. A.M. Kotomina Publ., 1875, 187 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 02.08.2024; accepted for publication 03.09.2024.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЯТИЯ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ ЧАСТЬ 1. КОНСТИТУЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ

Груздев Денис Владиславович, следователь, Следственный комитет Российской Федерации, auf.2012@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена определению конституционных условий принятия в Российскую Федерацию новых субъектов. Особый акцент в работе сделан на формально-юридическом подходе к раскрытию предмета исследования. Обосновывается самостоятельность процедур: «принятие в Российскую Федерацию нового субъекта» и «образование в составе Российской Федерации нового субъекта». Проведен содержательный анализ предложений по изменению федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».

Ключевые слова: принятие в Российскую Федерацию, Конституция, новые субъекты, закон.

Для цитирования: Груздев Д.В. Правовые основы принятия в Российскую Федерацию новых субъектов. Часть 1. Конституционные условия // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 282–289. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-282-289>

Research Article

LEGAL BASIS FOR ADOPTION NEW SUBJECTS TO THE RUSSIAN FEDERATION PART 1. CONSTITUTIONAL CONDITIONS

Denis V. Gruzdev, Investigator, Investigative Committee of the Russian Federation, auf.2012@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the definition of the constitutional conditions for the admission of new subjects to the Russian Federation. Special emphasis is placed on the formal legal approach to the disclosure of the subject of research. The author substantiates the independence of the procedures: “admission of a new subject to the Russian Federation” and “formation of a new subject within the Russian Federation”. Substantial analysis of proposals to amend the federal constitutional law “On the procedure for Admission to the Russian Federation and the formation of a new subject of the Russian Federation in its composition” has been carried out.

Keywords: admission to Russian Federation, constitution, new subjects, law.

For citation: Gruzdev D.V. Legal basis for adoption new subjects to the Russian Federation. Part 1. Constitutional conditions. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 282–289 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-282-289>

Проблематику принятия в Российскую Федерацию новых субъектов актуализируют последние события, которые имеют политическое, историческое, экономическое, юридическое и иные значения в различных их сочетаниях.

Бывшие административные границы СССР, ставшие в 1991 году границами государственными, за последние годы претерпели значительные изменения. В 2014 году Республика Крым была принята в состав Российской Федерации, и в нашей стране появились новые субъекты – Республики Крым и город федерального значения Севастополь. 30 сентября 2022 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным были подписаны с руководством Донецкой Народной Республики, Луганской Народной

Республики, Запорожской и Херсонской областей договоры о вхождении их в состав Российской Федерации в качестве новых регионов. Конституционный суд Российской Федерации 2 октября 2022 года счел документы соответствующими Основному Закону государства. После этого Государственная дума и Совет Федерации единогласно ратифицировали договоры и приняли проекты федеральных конституционных законов о вхождении в состав страны новых территорий и образовании в ее составе новых субъектов. Затем Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал весь пакет документов.

В современной отечественной правовой литературе вопросы формирования государственности на постсоветском пространстве и принятия в состав

Российской Федерации нового субъекта (иностранного государства или его части) не были обойдены вниманием ученых [Введенская, Груздев, Шестаков; Левченков, Груздев; Бабичев, Бабичева, Груздев; Груздев]. Однако в рамках юридической науки данная проблематика разрабатывалась преимущественно в историко-правовом аспекте. Формально-юридические вопросы (до появления практики реализации данного способа изменения состава территории Российской Федерации) рассматривались исключительно с теоретической точки зрения.

Пункт «б» статьи 71 Конституции Российской Федерации относит федеративное устройство и территорию Российской Федерации к исключительно ведению Российской Федерации¹. Следовательно, и вопросы правового регулирования принятия в России новых субъектов относятся исключительно к федеральному уровню.

Такая возможность предусмотрена в Конституции Российской Федерации. В литературе справедливо отмечается предусмотренный частью 2 статьи 65 действующей Конституции Российской Федерации определенный потенциал как для расширения субъектного состава субъектов Федерации, так и для внутрифедеративных объединительных (интеграционных) процессов [Кабышев, Заметина: 72].

В соответствии с частью 2 статьи 65 Конституции Российской Федерации принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта осуществляются в порядке, установленном федеральным конституционным законом. Часть первая статьи 137 Конституции Российской Федерации предусматривает, что состав государства может быть изменен путем принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации. Соответствующие изменения в статью 65 Конституции Российской Федерации, где определяется состав государства, вносятся на основании федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта.

При этом федеральные конституционные законы должны быть приняты в каждом конкретном случае принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта. Они выражают волю или согласие Российской Федерации на принятие в ее состав и на образование в ее составе нового субъекта, что является основанием для внесения соответствующих изменений в статью 65 Конституции Российской Федерации.

Примерами таких федеральных конституционных законов являются Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации но-

вых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»², Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики»³, Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики»⁴, Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 7-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области»⁵ и Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 8-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области»⁶.

В соответствии с частью 2 статьи 65 Конституции Российской Федерации принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта осуществляются в порядке, установленном федеральным конституционным законом от 17.12.2001 № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»⁷ (далее – ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию»).

Пункт 1 статьи 1 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» раскрывает понятие «принятие в Российскую Федерацию нового субъекта» в качестве процедуры, предусматривающей изменение состава субъектов Российской Федерации в результате присоединения к Российской Федерации иностранного государства или его части.

В тоже время, пункт 2 статьи 1 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» гласит, что образование в составе Российской Федерации нового субъекта – это «процедура, предусматривающая изменение состава субъектов Российской Федерации в соответствии с настоящим Федеральным конституционным законом и не связанная с принятием в Российскую Федерацию иностранного государства или его части».

Учеными отмечается, что данные процедуры не являются однопорядковыми категориями и не совпадают ни по условиям их осуществления, ни по конституционно-правовому содержанию, ни по возможным конституционно-правовым последствиям, в связи с чем разделены законодателем. Разделение в тексте Закона понятий «принятие в РФ нового субъекта» и «образование в составе РФ нового субъекта» го-

ворит о том, что принятие в Российскую Федерацию нового субъекта РФ не является формой образования в ее составе нового субъекта [Анисимов: 54–61].

Иными словами, в данном случае можно говорить не только о двух процедурах: принятие в Российскую Федерацию нового субъекта и образование в ее составе нового субъекта Российской Федерации, но и разных предметах правового регулирования [Калита: 18–19]. Исходя из сказанного, логично сделать вывод о том, что объектом принятия в Российскую Федерацию нового субъекта РФ выступает иностранное государство или его часть.

В ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» вносились изменения один раз. Так, Федеральным конституционным законом от 31.10.2005 № 7-ФКЗ О внесении изменений в статьи 10 и 11 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» были проведены корректировки норм, регулирующих общественные отношения инициативы и референдума по вопросу образования в составе Российской Федерации нового субъекта⁸. Соответственно, нормы ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию», касающиеся изменения состава субъектов Российской Федерации в результате присоединения к Российской Федерации иностранного государства или его части, не изменялись и не дополнялись.

К числу основных требований к принятию в Российскую Федерацию новых субъектов (статья 3 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию») относятся:

- осуществление процедуры на добровольной основе;
- соблюдение государственных интересов Российской Федерации, принципов федеративного устройства Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина;
- учет сложившихся исторических, хозяйственных и культурных связей субъектов Российской Федерации, их социально-экономические возможности.

30 июня 2022 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект федерального конституционного закона «О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”», подготовленный в целях уточнения условий принятия в Российскую Федерацию нового субъекта⁹. Авторы законопроекта предлагали дополнить часть 2 статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» абзацем следующего содержания: «Принятие в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части осуществ-

ляется с учетом разделения большинством граждан иностранного государства или его части культуры Российской Федерации как уникального наследия ее многонационального народа».

В «Заключении» Правового управления Аппарата ГД ФС РФ на проект федерального конституционного закона № 155342-8 «О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”» было отмечено, что проект влечет правовую неопределенность, поскольку в законопроекте не предусматривается порядок реализации данного условия в статьях 6 и 7 Федерального конституционного закона, регулирующих процедуру и последовательность действий в процессе принятия в Российскую Федерацию нового субъекта. Также дополнительно было указано, что установленные в законе основные требования к принятию в Российскую Федерацию предусматривают «...комплекс различных факторов, а не только связанных с культурой»¹⁰.

В «Официальном отзыве» Правительства Российской Федерации на проект федерального конституционного закона № 155342-8 «О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”» законопроект не был поддержан. Было отмечено, что «предлагаемый законопроект подход не отвечает критерию правовой определенности, поскольку положения законопроекта носят оценочный характер»¹¹.

В своем заключении на данный законопроект Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству подчеркнул, что рассматриваемый законопроект – при отсутствии в нем видимого несоответствия Конституции Российской Федерации и законодательным актам нашей страны – не отвечает требованиям точности, недвусмысленности и формальной определенности, необходимость соблюдения которых для правовых актов неоднократно подчеркивалась Конституционным Судом Российской Федерации. Ни в данном проекте, ни в каких-либо других нормативных правовых актах и документах не раскрывается содержание используемого в рассматриваемом проекте понятия «разделение большинством граждан иностранного государства или его части культуры Российской Федерации как уникального наследия ее многонационального народа». Также было обращено внимание на то, что, несмотря на особенности и специфику тематики представленного проекта федерального конституционного закона, отсутствует какое-либо обоснование иницируемого нормативного дополнения. С учетом данных обстоятельств Комитет по государ-

ственному строительству и законодательству рекомендовал Государственной Думе отклонить проект федерального конституционного закона¹².

11 апреля 2024 года проект федерального конституционного закона № 155342-8 «О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”», внесенный депутатами Государственной Думы Д.В. Кузнецовым и Н.В. Новичковым, был отклонен¹³.

В статье 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» определены условия принятия в Российскую Федерацию нового субъекта.

Так, конкретизируется, что в качестве нового субъекта в Российскую Федерацию может быть принято иностранное государство или его часть (пункт 1 статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию»).

Важнейшим условием принятия в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части, которое должно осуществляться по взаимному согласию Российской Федерации и данного иностранного государства, определяется международным (межгосударственным) договором о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части, который заключается Российской Федерацией с данным иностранным государством (пункт 2 статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию»). При этом в пункте 1 статьи 5 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» уточняется, что инициатором предложения о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части и заключении международного договора, предусмотренного пунктом 2 статьи 4 настоящего Федерального конституционного закона, является данное иностранное государство. На основании этого С.А. Авякян делает справедливый вывод, что Российская Федерация не может быть инициатором включения в состав Российской Федерации иностранного государства или его части в качестве субъектов [Авякян: 20].

С технико-юридической стороны законодатель достаточно интересно подошел к вопросу о статусе нового субъекта Российской Федерации после процедуры его принятия в Российскую Федерацию.

Так, пункт 3 статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» определяет, что в случае принятия в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства этому субъекту должен быть предоставлен статус республики, если международным (межгосударственным) договором не предусматривается предоставление новому субъекту статуса края или области.

Если же в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта принимается часть иностранного государства, то этому субъекту предоставляется статус республики, края, области, автономной области или автономного округа в соответствии с международным (межгосударственным) договором (пункт 4 статьи 4 ФКЗ “О порядке принятия в Российскую Федерацию”).

В научной литературе данные нормы подвергаются критике.

Так, П.А. Шушканов считает, что законодатель, оговаривая статус будущего субъекта Федерации, нарушает принцип равностатусности субъектов Российской Федерации. По его мнению, предоставление особого статуса входящему в состав России иностранному государству или его части и установление данного статуса международным договором недопустимо, поскольку в данном случае будет нарушен принцип равностатусности субъектов Российской Федерации [Шушканов: 15].

Полагаем, что не совсем правильно говорить о нарушении равноправия между собой субъектов Российской Федерации во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти (часть 4 статьи 5 Конституции Российской Федерации). Более правильно вести речь, как это делает И.Г. Дудко, о предпочтениях законодателя по установлению статуса вновь образуемого субъекта и, в некотором плане, выражении статусных приоритетов [Дудко: 19].

В данном случае мы видим юридическую конструкцию, представляющую перед нами в качестве модели, позволяющей теоретически осмыслить, нормативно закрепить, обнаружить в правовом тексте и в реальных юридических отношениях закономерную, последовательную логичную взаимосвязь структурных элементов различных правовых явлений [Давыдова: 152].

В одном случае в ней предусматривается, что при принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства устанавливается получение новым субъектом Российской Федерации статуса республики. В другом варианте, когда в качестве нового субъекта принимается часть иностранного государства, новый субъект Российской Федерации может стать как республикой, так и краем, областью, автономной областью или автономным округом. Следует учитывать, что в обоих случаях статус нового субъекта Российской Федерации определяется международным (межгосударственным) договором. При этом, конечно, следует указать на меньшую нормативную вариативность возможного статуса для принимаемого в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства, которое определило федеральное законодательство. Но речь здесь идет не о нарушении рав-

ноправия субъектов Российской Федерации, а, скорее, о системе мер, методов, установок и пр., с помощью которых реализуется правовая политика, то есть механизм претворения в жизнь данной политики. Правовая политика, являясь по своей природе и характеру продуктом главным образом государственной деятельности, формируется и преимущественно осуществляется в государственно-правовой социальной среде [Марченко: 27, 29].

Основное значение указанной юридической конструкции состоит в том, что она дает готовый типовой образец, схему, в которую облачается правовой материал. Он приобретает четкость, логичность, последовательность, формальную определенность [Юридическая техника: 367].

Такие же аргументы противостоят критике относительно того, что законодатель нормами, закрепленными в частях 3 и 4 статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию», ограничил иностранное государство или его часть, претендующее на статус субъекта Российской Федерации, в выборе вида субъекта. В частности, делается вывод, что иностранное государство или его часть в силу статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» не может получить статус города федерального значения [Асяева: 163].

Принимая во внимание приоритет действия общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, установленной частью 4 статьи 5 Конституции Российской Федерации, такого ограничения правовая система России не содержит.

Дело в том, что нормы пунктов 3 и 4 статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» о статусе принимаемого в Российскую Федерацию иностранного государства или его части помимо собственно правового регулирования, основой которого является нормативность и общеобязательность, осуществляют правовое воздействие. И в этом смысле оно характеризует все формы влияния права на общество, в том числе функционирование права как воспитательный и идеологический фактор действительности. Поэтому указанные нормы при заключении международного договора утрачивают регулирующее значение в силу приоритета действия заключенного международного договора. Но правовое воздействие их остается, что подтверждает дискуссия по данному вопросу.

Если же по тем или иным причинам будет признано, что принимаемое в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранное государство или его часть может получить в соответствии с международным (межгосударственным) договором любой статус субъекта Российской Федерации, то, как представляется, впоследствии соответству-

ющие изменения должны быть внесены в части 3, 4 статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию». Как показали события 2014 и 2022 годов, данное предложение сохраняет свою актуальность. Но основой таких изменений должна быть не аргументация о «нарушении принципа равностатусности субъектов Российской Федерации». Речь скорее должна идти об обосновании, которое бы включало ссылки на эффективность, рациональность, национальные интересы Российской Федерации и необходимость приведения норм ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» в соответствие со сложившейся практикой.

Российское законодательство не предусматривает необходимости наличия общей границы между Российской Федерацией и принимаемым иностранным государством или его частью в качестве условия принятия в Российскую Федерацию нового субъекта. Следует согласиться с выводами о том, что в этом случае в Российскую Федерацию может быть принято любое иностранное государство (или его часть) независимо от того, на каком континенте или части того или иного континента оно расположено. Вполне вероятно, что такой нормативная модель была заложена в законодательство на случай, если одна из республик (или ее часть), ранее входивших в СССР, изъявит желание войти в состав Российской Федерации [Анисимов: 55–56].

Достаточно спорно утверждение тех, кто отрицательно относится к такой законодательной конструкции. Так, утверждается, могут возникнуть серьезные проблемы в случае, если какая-либо часть иностранного государства изъявит желание вступить в состав России на правах нового субъекта и при этом ее границы не будут соприкасаться с границами России. На основании этого делается не совсем обоснованный вывод, что «в таком случае будет проблематично обеспечить целостность России, если часть ее территории будет находиться на чужой территории» (выделено мной. – Д. Г.) [Миронова: 30–34].

Полагаем, что причины распада государств и (или) утраты суверенитета над теми или иными территориями являются иными. Это может быть потеря монополии на применение определенных форм организованного насилия; разделение функции обеспечения безопасности, которая ранее была присуща исключительно государству с другими организациями и др. [Кревельд: 497–498]. Также можно вспомнить целостные устойчивые государства, успешно развивающиеся достаточно продолжительное время, имеющие эксклавы и полуэксклавы: США, Великобританию, Францию. Российская Федерация также имеет полуэксклав – Калининградскую область.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

² О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 10.07.2023) // Российская газета. 24.03.2014. № 66.

³ О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 06.10.2022. № 226.

⁴ О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 06.10.2022. № 226.

⁵ О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 7-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 06.10.2022. № 226.

⁶ О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 8-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 06.10.2022. № 226.

⁷ О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. 1), ст. 4916.

⁸ См.: О внесении изменений в статьи 10 и 11 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 31.10.2005 № 7-ФКЗ // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <https://www.consultant.ru>.

⁹ См.: О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»: проект Федерального конституционного закона № 155342-8: (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию

на 30.06.2022) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <https://www.consultant.ru>.

¹⁰ См.: Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ на проект федерального конституционного закона № 155342-8 «О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации” (первое чтение)» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <https://www.consultant.ru>.

¹¹ См.: Официальный отзыв Правительства РФ на проект федерального конституционного закона № 155342-8 «О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <https://www.consultant.ru>.

¹² См.: Заключение Комитета ГД ФС РФ по государственному строительству и законодательству на проект федерального конституционного закона № 155342-8 «О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <https://www.consultant.ru>.

¹³ О проекте федерального конституционного закона № 155342-8 «О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”»: постановление ГД ФС РФ от 11.04.2024 № 6021-8 ГД // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <https://www.consultant.ru>.

Список литературы

Авакьян С.А. Изменение статуса субъекта Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Вестник Московского государственного университета. Серия «Право». 2003. № 2. С. 18–37.

Анисимов Е.Н. Принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 22 (123). С. 54–61.

Асяева М.Г. Процедура принятия в состав Российской Федерации нового субъекта: правовые проблемы // Символ науки. 2015. № 5. С. 162–165.

Бабичев Д.А., Бабичева Н.А., Груздев В.В. Формирование государственности Луганской Народной Республики. Кострома: Костромской государственный университет, 2021. 328 с.

Введенская В.В., Груздев В.В., Шестак В.С. Система органов государственной исполнительной вла-

сти Донецкой Народной Республики в условиях военного положения. Москва: Проспект, 2023. 472 с.

Груздев В.В., Бабичев Д.А., Бабичева Н.А. История самоопределения народа Донбасса. Опыт Донецко-Криворожской советской республики // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 3. С. 148–152.

Груздев В.В., Левченков А.И. Республики Донбасса как международный политико-правовой прецедент // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 3. С. 143–147.

Груздев В.В. Формирование признаков государства в Луганской Народной Республике // Признание государств и правительств: проблемы и перспективы, барьеры и возможности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Луганск, 18–19 мая 2017 года. Луганск: Костромской государственный университет, 2018. С. 11–40.

Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: ВолГУ, 2009. 318 с.

Дудко И.Г. Изменение конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации: понятие, способы, законодательное регулирование // Современное общество и право. 2011. № 2 (3). С. 16–25.

Калита Н.Р. Проблема реализации права государственной собственности при образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 11. С. 18–20.

Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя – новый этап развития федеративных отношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 71–76.

Кревельд М. Расцвет и упадок государства. Москва; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. 544 с.

Левченков А.И., Груздев В.В. Правовое регулирование общественных отношений в нестабильных социумах. Москва: Проспект, 2022. 480 с.

Марченко М.Н. Правовая политика: понятие, субъекты, механизм реализации // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2013. № 5. С. 26–37.

Миронова А.А. Процедура принятия в состав Российской Федерации нового субъекта: правовые проблемы // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей: материалы XI Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 30–31 марта 2017 года) / под ред. И.А. Шаралдаевой. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2017. С. 30–34.

Шушканов П.А. Проблемы законодательного регулирования изменения субъектного состава Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 22 с.

Юридическая техника: курс лекций / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. 830 с.

References

Avak'ian S.A. *Izmenenie statusa sub"ekta Rossiiskoi Federatsii: problemy i puti ikh resheniia* [Changing the Status of a Subject of the Russian Federation: Problems and Solutions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia «Pravo»* [Bulletin of Moscow State University. Series "Law"], 2003, no. 2, pp. 18–37. (In Russ.)

Anisimov E.N. *Priniatie v Rossiiskuiu Federatsiiu i obrazovanie v ee sostave novogo sub"ekta Rossiiskoi Federatsii* [Admission to the Russian Federation and Formation within It of a New Subject of the Russian Federation]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2008, no. 22 (123), pp. 54–61. (In Russ.)

Asiaeva M.G. *Protседura priniatiia v sostav Rossiiskoi Federatsii novogo sub"ekta: pravovye problemy* [Procedure for Admitting a New Subject to the Russian Federation: Legal Problems]. *Simvol nauki* [Symbol of Science], 2015, no. 5, pp. 162–165. (In Russ.)

Babichev D.A., Babicheva N.A., Gruzdev V.V. *Formirovanie gosudarstvennosti Luganskoi Narodnoi Respubliki* [Formation of the statehood of the Lugansk People's Republic]. *Kostroma, Kostromskoi gosudarstvennyi universitet Publ.*, 2021, 328 p. (In Russ.)

Davydova M.L. *Iuridicheskaiia tekhnika: problemy teorii i metodologii* [Legal Technique: Problems of Theory and Methodology]. *Volgograd, VolGU Publ.*, 2009, 318 p. (In Russ.)

Dudko I.G. *Izmenenie konstitutsionno-pravovogo statusa sub"ekta Rossiiskoi Federatsii: poniatie, sposoby, zakonodatel'noe regulirovanie* [Changing the Constitutional and Legal Status of a Subject of the Russian Federation: Concept, Methods, Legislative Regulation]. *Sovremennoe obshchestvo i pravo* [Modern Society and Law], 2011, no. 2 (3), pp. 16–25. (In Russ.)

Gruzdev V.V., Babichev D.A., Babicheva N.A. *Istoriia samoopredeleniia naroda Donbassa. Opyt Donetsk-Krivorozhskoi sovetskoi respubliki* [History of self-determination of the people of Donbass. Experience of the Donetsk-Krivoy Rog Soviet Republic]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019, vol. 25, no. 3, pp. 148–152. (In Russ.)

Gruzdev V.V., Levchenkov A.I. *Respubliki Donbassa kak mezhdunarodnyi politiko-pravovoi pretседent* [The Republics of Donbass as an International Political and Legal Precedent]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019, vol. 25, no.3, pp. 143–147. (In Russ.)

Gruzdev V.V. *Formirovanie priznakov gosudarstva v Luganskoj Narodnoj Respublike* [Formation of State Features in the Lugansk People's Republic]. *Priznanie gosudarstv i pravitel'stv: problemy i perspektivy, bar'ery i vozmozhnosti: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Lugansk, 18–19 maia 2017 goda)* [Recognition of States and Governments: Problems and Prospects, Barriers and Opportunities: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Lugansk, May 18-19, 2017)]. Lugansk, Kostromskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2018, pp. 11–40. (In Russ.)

Iuridicheskaia tekhnika: kurs leksii [Legal technique: course of lectures], ed. by V.M. Baranov. N. Novgorod, Nizhegorodskaja akademiia MVD Rossii Publ., 2015, 830 p. (In Russ.)

Kalita N.R. *Problema realizatsii prava gosudarstvennoi sobstvennosti pri obrazovanii v sostave Rossijskoi Federatsii novykh sub"ektov Federatsii* [The Problem of Realization of the Right of State Ownership in the Formation of New Subjects of the Federation within the Russian Federation]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-Government], 2005, no. 11, pp. 18–20. (In Russ.)

Kabyshev V.T., Zametina T.V. *Priniatie v Rossiiskuiu Federatsiiu Respubliki Krym i goroda Sevastopolia – novyi etap razvitiia federativnykh otnoshenii* [Admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol – a New Stage in the Development of Federal Relations]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2018, no. 6 (125), pp. 71–76. (In Russ.)

Krevel'd M. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State]. Moscow, Cheliabinsk, IRISEN, Sotsium Publ., 2016, 544 p. (In Russ.)

Levchenkov A.I., Gruzdev V.V. *Pravovoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii v nestabil'nykh sotsiumakh* [Legal regulation of public relations in unstable societies]. Moscow, Prospekt Publ., 2022, 480 p. (In Russ.)

Marchenko M.N. *Pravovaia politika: poniatie, sub"ekty, mekhanizm realizatsii* [Legal Policy: Concept, Subjects, Implementation Mechanism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Ser. 11: Law], 2013, no. 5, pp. 26–37 (In Russ.)

Mironova A.A. *Protsedura priniatiia v sostav Rossijskoi Federatsii novogo sub"ekta: pravovye problemy* [The procedure for admitting a new subject to the Russian Federation: legal problems]. *Sovremennye problemy teorii i praktiki prava glazami molodykh issledovatelei: materialy XI Vserossiiskoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ulan-Ude, 30–31 marta 2017 goda)* [Modern problems of the theory and practice of law through the eyes of young researchers: materials of the XI All-Russian youth scientific and practical conference (Ulan-Ude, March 30-31, 2017)], ed. by I.A. Sharaldaeva. Ulan-Ude, Vostochno-Sibirskii gosudarstvennyi universitet tekhnologii i upravleniia Publ., 2017, pp. 30–34 (In Russ.)

Shushkanov P.A. *Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniia izmeneniia sub"ektnogo sostava Rossijskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. iuridich. nauk* [Problems of legislative regulation of changes in the constituent composition of the Russian Federation: PhD thesis, summary]. Moscow, 2009, p. 22. (In Russ.)

Vvedenskaia V.V., Gruzdev V.V., Shestak V.S. *Sistema organov gosudarstvennoi ispolnitel'noi vlasti Donetskoi Narodnoi Respubliki v usloviakh voennogo polozeniia* [The system of state executive bodies of the Donetsk People's Republic under martial law]. Moscow, Prospekt Publ., 2023, 472 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ «ЧЕРНОГО ЯЩИКА» ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Головин Кирилл Сергеевич, аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, адвокат Адвокатской палаты Московской области, Москва, Россия, golovinks@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-8844-488X>

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы прозрачности и регулирования искусственного интеллекта (ИИ). В ней обсуждается растущая тенденция использования алгоритмов принятия решений в различных областях жизни и необходимость в прозрачных и понятных системах ИИ. Автор освещает концепцию «черного ящика», где алгоритмы и их процессы становятся скрытыми для пользователей и разработчиков, и подчеркивает важность объяснимости и доступности информации о работе ИИ. Статья также затрагивает вопросы, касающиеся права на объяснение и возможных стратегий обеспечения прозрачности и подотчетности при принятии алгоритмических решений, включая документирование параметров и сертификацию систем.

Ключевые слова: прозрачность искусственного интеллекта, черный ящик ИИ, регулирование искусственного интеллекта, алгоритмическое принятие решений, правовые аспекты ИИ, сертификация систем ИИ, оспаривание решений ИИ.

Для цитирования: Головин К.С. Необходимость правового регулирования «черного ящика» искусственного интеллекта // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 290–297. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-290-297>

Research Article

THE NEED FOR LEGAL REGULATION OF THE “BLACK BOX” OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Kirill S. Golovin, Candidate of Jural Sciences, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, attorney at Moscow Region Bar Association. Moscow, Russia, golovinks@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-8844-488X>

Annotation. This paper discusses the transparency and regulation of Artificial Intelligence (hereinafter the AI). It discusses the growing trend of using decision-making algorithms in various areas of life and the need for transparent and the understandable AI systems. The author highlights the concept of a “black box” where algorithms and their processes become hidden to users and developers, and emphasises the importance of explainability and accessibility of information about the operation of the AI. The article also addresses the right to explanation and possible strategies for ensuring transparency and accountability in algorithmic decision-making, including parameter documentation and system certification.

Keywords: artificial intelligence (AI) transparency, AI black box, AI regulation, algorithmic decision making, AI legal aspects, AI systems’ certification, challenging AI decisions.

For citation: Golovin K.S. The need for legal regulation of the “black box” of artificial intelligence. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 290–297 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-290-297>

Распространение алгоритмического принятия решений в повседневной жизни – это растущее явление, напрямую затрагивающее множество людей. Искусственный интеллект (ИИ) все больше проникает в различные виды человеческой деятельности, что приводит к принятию решений, зачастую выходящих за рамки понимания обычных людей. Этот процесс требует создания прозрачных и понятных систем ИИ, которые помогут пользователям лучше понимать, как принимаются решения.

Прозрачность ИИ – это не просто техническая необходимость, но и фундаментальный принцип, который должен управлять разработкой, внедрением и эксплуатацией систем ИИ. Принципы Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации до 2030 года¹, а также международные нормативные акты, такие как GDPR², подчеркивают важность прозрачности как средства защиты прав и свобод человека. Прозрачные системы ИИ способствуют защите прав пользователей и повышают доверие к таким технологиям [Goodman, Flaxman: 51].

На сегодняшний день системы ИИ регулируются весьма ограниченно: предполагается, что ИИ будут использоваться для помощи в принятии решений, а окончательное решение будет приниматься человеком на основе здравого смысла. Однако с ростом использования ИИ в более значимых и распространенных областях возрастает необходимость усиления регулирования. Важно, чтобы правовые рамки адаптировались к новым вызовам, связанным с использованием ИИ.

В правовом контексте технологий искусственного интеллекта термин «черный ящик» обретает особую важность. Традиционное развитие ИИ происходило под влиянием человеческого опыта и знаний, что обеспечивало прозрачность и предсказуемость его решений. Однако с появлением машинного обучения, особенно глубокого обучения, эта прозрачность существенно снизилась, уступив место высокой эффективности и способности к самообучению. В результате возникло понятие «черного ящика» – систем, внутренние процессы и алгоритмы которых остаются непонятными как для пользователей, так и для разработчиков [Pasquale: 10].

Законодательное определение и регулирование «черного ящика» становится особенно важно при правовом регулировании ИИ. Такие системы часто работают на основе сложных алгоритмов и данных, которые трудно интерпретировать. Это создает проблемы для всех сторон, так как невозможно понять, как и почему система принимает решения. Это непонимание может привести к непредсказуемым и негативным последствиям, особенно в таких критически важных областях, как здравоохранение, правосудие и финансы.

Все это подчеркивает важность определения правового статуса ИИ. В правовой науке существует множество точек зрения на этот вопрос. Одни авторы считают, что ИИ следует признать субъектом права, другие – что он обладает элементами правосубъектности, а третьи рассматривают его как объект права [Конвергенция: 142]. Однако признание ИИ субъектом права требует от него наличия правоспособности и дееспособности, что в текущих правовых рамках невозможно без понимания принципов работы ИИ и возможности интерпретации его решений.

А.А. Васильев и Ю.В. Печатнова определяют ИИ как «специализированный программно-вычислительный комплекс с встроенной способностью к самообучению, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и автономно выполнять задачи» [Васильев, Печатнова: 16]. А.В. Тюлин рассматривает ИИ как систему без эмоций и чувств, не обладающую правосубъектностью, но способную имитировать когнитивные функции человека [Тюлин: 81]. А. Гурко утверждает, что для понимания проблем необходимо определить ИИ как науку и технологию создания интеллектуальных машин, выполняющих творческие функции, традиционно присущие человеку [Гурко: 5]. И.В. Понкин и А.И. Редькина описывают ИИ как систему, способную к самореферентной адаптации (способности системы адаптироваться на основе собственного опыта), глубинному самообучению и выполнению антропоморфных когнитивных функций [Понкин, Редькина: 95].

Кроме того, нормативное определение содержится в Указе Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», где ИИ определяется как совокупность технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека и достигающих результатов, сравнимых с интеллектуальной деятельностью человека. Этот комплекс включает информационно-коммуникационную инфраструктуру и программное обеспечение (включая методы машинного обучения). Он также охватывает процессы и сервисы, связанные с обработкой данных и поиском решений. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ также включает понятия ИИ-технологий (технологии искусственного интеллекта), такие как компьютерное зрение и обработка естественного языка.³

Данные определения не решают вопросов контроля ИИ, ответственности за принятые решения, а только соотносят его с человеком или его функциями. В тоже время если мы хотим допустить ИИ до принятия решений, которые будут влиять на жизни людей, необходим четкий контроль и понимание, как тот или иной механизм работает. На ИИ влияют разработчики, пользователи и тренеры, поэтому было бы неправильно говорить, что сам ИИ может

нести ответственность за свои действия, так как имеет свойства, похожие на человеческие [Головин: 268].

Как отмечает Д.Д. Гримм, цель научного исследования заключается в объяснении сложных явлений путем их упрощения [Гримм: 218]. Таким образом, важным является разработка нормативного определения важнейшего элемента-свойства в понимании ИИ – «черного ящика» и его регулирования. Это позволит обеспечить прозрачность и подотчетность ИИ-технологий. Для этого требуется:

1. *Определение термина «черный ящик»:* необходимо формализовать, что подразумевается под этим понятием в контексте ИИ. Это может включать критерии, такие как сложность алгоритмов и недоступность их интерпретации, по которым система признается «черным ящиком»;

2. *Регулирование разработки и использования ИИ.* Помимо определения термина «черный ящик», необходимо также регулировать разработку и использование ИИ. Законы и нормативные акты должны требовать от разработчиков предоставления информации о принципах работы их систем, особенно если они относятся к категории «черных ящиков». Это может включать требования по документации, прозрачности алгоритмов и отчетности.

3. *Механизмы проверки и сертификации.* Создание независимых органов или комиссий, которые будут проверять и сертифицировать ИИ-системы, особенно те, которые могут классифицироваться как «черные ящики». Это позволит обеспечить, что такие системы соответствуют установленным стандартам и не представляют угрозы для пользователей.

4. *Правовые последствия и ответственность.* Установление правовой ответственности (возможности привлечения к юридической ответственности) за использование неконтролируемого ИИ с «черным ящиком». Это включает определение субъектов, ответственных за ошибки или злоупотребления, возникающие вследствие использования таких систем.

Без этих мер правовая система не сможет адекватно регулировать использование ИИ. Таким образом, важно разработать нормативные определения и механизмы регулирования, которые позволят обеспечить прозрачность и подотчетность ИИ-технологий.

Под ИИ – «черным ящиком» понимается любой инструмент, использующий методы обработки естественного языка, машинного обучения или текстового анализа, который оперирует данными, недоступными для субъектов данных, и/или использует алгоритмы, которые также недоступны или настолько сложны, что их невозможно свести к понятной для субъекта данных серии правил.

Некоторые нормативно-правовые акты, регулирующие функционирование автоматизированных систем принятия решений, аналогичных указанным

выше, содержатся в законодательных положениях, касающихся обработки персональных данных. В соответствии со статьей 16 Федерального закона «О персональных данных»⁴ в Российской Федерации принятие решений, имеющих юридические последствия, исключительно на основе автоматизированной обработки персональных данных запрещено. Исключением являются ситуации, когда такие решения принимаются на основании письменного согласия субъекта данных либо в соответствии с положениями, установленными федеральным законодательством.

Следует отметить, что действующее законодательство о персональных данных не предоставляет исчерпывающего перечня ситуаций, в которых допускается использование автоматизированных систем принятия решений. Для обеспечения более четкого правового регулирования применения алгоритмов следует использовать терминологию, однозначно определяющую технологические аспекты принятия юридически значимых решений. В тексте Федерального закона «О персональных данных» используется термин «автоматизированная обработка персональных данных», который подразумевает использование компьютерных технологий для обработки данных. Однако этот термин охватывает лишь процессуальную сторону, а не технологическую, что создает определенные проблемы, поскольку алгоритмы представляют собой именно технологию, требующую специализированного правового регулирования [Алгоритмическая прозрачность: 146].

Термин «автоматизированная обработка персональных данных» ограничивается исключительно персональными данными, тогда как автоматизированные системы принятия решений могут обрабатывать и иные виды данных. Более того, данный термин не предполагает принятия окончательного решения, что может вводить в заблуждение, создавая впечатление, будто решение принимает человек.

Для обеспечения более четкого регулирования применения алгоритмов необходимо оперировать термином, однозначно определяющим технологию принятия юридически значимых решений. В Федеральном законе «О персональных данных» используется понятие «автоматизированная обработка персональных данных», что подразумевает использование вычислительной техники для обработки данных. Однако этот термин описывает процесс, а не технологию, что создает определенные трудности, так как алгоритмы представляют собой технологию, требующую правового регулирования.

Термин «автоматизированная обработка персональных данных» охватывает только персональные данные, в то время как автоматизированные системы принятия решений анализируют и другие виды данных. Вдобавок данный термин не предполагает

принятия конечного решения, что может ввести в заблуждение, создавая впечатление, что решение принимает человек.

Пользователи и участвующие стороны (например, потерпевшие в случае причинения вреда) должны иметь возможность понять, как было принято то или иное решение и на каких данных оно базировалось. Такой подход способствует не только доверию и принятию технологий ИИ, но и облегчает идентификацию и корректировку ошибок или предвзятостей в алгоритмах [Burrell: 10].

Многие современные опасения относительно ИИ – «черного ящика» возникают из-за технологического феномена, согласно которому ИИ часто представляет собой вид машинного обучения, включая «глубокие нейронные сети», которые увеличивают непрозрачность. Эти системы ИИ не воспроизводят пошаговую логику и правила, которые могли бы быть интуитивно понятны. Вместо этого они выявляют закономерности из огромных наборов примеров для создания всё более точных прогнозов. С ростом использования таких инструментов возрастают и наши опасения по поводу их непрозрачной природы.

С самого начала возникает вопрос о том, является ли право на объяснение отдельным (*per se*) правом субъекта правоотношений или это лишь элемент более широкого права – права на информацию. Некоторые ученые ставят под сомнение само существование такого права [Wachter, Mittelstadt, Floridi: 5], в то время как другие отмечают, что, независимо от того, как определяется право на объяснение, оно не является «иллюзорным» [Selbst, Powles: 235]. Несомненно, право на объяснение служит конкретной цели – дать человеку возможность оспорить правильность решения, принятого алгоритмом. Как указывает С.В. Мельник, без понимания того, на каких критериях и факторах было основано решение, это право не может быть реализовано на практике [Мельник: 20].

Алгоритмы принятия решений в ИИ используют исторические данные для построения прогностических моделей. Таким образом, объяснения требует именно модель, а не алгоритм как таковой, поскольку разные алгоритмы могут давать схожие модели.

Без понимания и регулирования «черного ящика» ИИ невозможно обеспечить справедливое правосудие с участием ИИ. Необходимо четко формализовать понятие «черного ящика», устанавливая критерии, по которым система признается таковой, и требовать от разработчиков предоставления информации о принципах работы их систем. Независимые органы должны проверять и сертифицировать такие системы, чтобы они соответствовали установленным стандартам и не представляли угрозы. Также следует установить правовую ответственность за ошибки

или злоупотребления, связанные с использованием «черных ящиков».

Как указывает А.А. Антонов, к правосудию с использованием достижений искусственного интеллекта следует относиться с осторожностью, так как правосудие осуществляется вследствие правового спора и необходимости его справедливого разрешения. При этом возникают сомнения в возможности ИИ принимать правильные решения [Антонов: 70].

Разумное поведение человека сочетает в себе рациональные и эмоциональные составляющие, учитывающая правила морали, этики и нравственности. Разумность деятельности определяется сознанием человека, что позволяет адекватно мыслить, переживать события и осознавать свои действия. Поэтому для обеспечения правосудия с участием ИИ важно, чтобы объяснения решений алгоритмов соответствовали человеческим рассуждениям и социальным нормам. Это подчеркивает необходимость нормативного определения и регулирования «черного ящика», что обеспечит прозрачность и подотчетность ИИ-технологий в судебной системе [Кляшторный: 108].

Право на объяснение активируется, когда результат работы автоматизированного инструмента отличается от ожиданий пользователя. Это побуждает его искать контрастное объяснение, выясняя причины конкретного результата и возможные изменения для достижения ожидаемого результата. В судебном контексте, где алгоритмы помогают принимать решения, объяснения должны соответствовать человеческим рассуждениям и социальным нормам, преодолевая разрыв между техническими процессами и общественным пониманием.

Реализация подсистемы регистрации событий была определена архитекторами систем информационных технологий как жизнеспособная стратегия документирования значимых операционных параметров алгоритмов, позволяющая впоследствии восстановить их деятельность. Этот подход, схожий с использованием бортовых самописцев в авиации для записи данных о полете, предлагает обязательное документирование обоснований принятия решений алгоритмами машинного обучения. Этот метод, который Марго Камински называет «квалифицированной прозрачностью», призван обеспечить различным заинтересованным сторонам – от частных лиц и экспертов до регулирующих органов – индивидуальный доступ к информации, относящейся к решениям алгоритмов [Kaminski: 20].

Преимущества такого подхода заключаются в простоте реализации, незначительном влиянии на стоимость развертывания и обслуживания системы, а также в отсутствии необходимости в сложных процедурах проверки. Дорогостоящие нормативные требования могут исказить динамику рынка или вы-

нудить поставщиков переехать в менее регулируемые регионы.

Безопасность и целостность регистрируемых данных можно обеспечить с помощью криптографических мер, а управление данными можно делегировать специализированным поставщикам услуг или надежным третьим сторонам, что сведет к минимуму несанкционированные изменения данных. Кроме того, государственные органы могут контролировать хранение таких данных, что повышает безопасность конфиденциальной информации, например, в машинных системах кредитного скоринга, контролируемых финансовыми регуляторами. Эта система может привести к установлению требований к регистрации данных в конкретных секторах, что облегчит как решение индивидуальных проблем, связанных с точностью принятия решений, так и надзор за системными операциями со стороны регулирующих органов.

Однако это решение не является универсальным, особенно для сложных алгоритмов машинного обучения, таких как глубокие нейронные сети, где запутанная сеть весов и взаимодействий признаков не поддается простой интерпретации и документированию. Кроме того, динамическая природа систем машинного обучения, которые развиваются с появлением новых данных, усложняет процесс протоколирования. В отличие от традиционных ИТ-систем, где основной пользователь задает параметры записи данных, системы машинного обучения требуют саморегулирующегося механизма для принятия решений о том, что и когда регистрировать. Такое саморегулирование создает проблемы для поддержания прозрачности, поскольку перекладывает ответственность за определение критериев протоколирования с разработчиков на саму систему, что потенциально создает уязвимость для ошибок или манипуляций. Следовательно, это требует формального пересмотра самого процесса регистрации событий, по сути заменяя поиск алгоритмической прозрачности задачей обеспечения прозрачности самого механизма регистрации.

Критической проблемой для эффективности системы регистрации событий является ее неспособность полностью учесть контекст, в котором принимаются алгоритмические решения. На функциональность алгоритма влияют не только входные данные и механизмы их обработки (которые могут быть относительно просто задокументированы), но и исторический контекст принятия решений. Чтобы полностью понять обоснование текущих результатов работы алгоритма, может потребоваться изучение обширного хранилища данных с подробным описанием его предыдущих решений. Без доступа к такому всестороннему историческому контексту простое документирование текущих параметров, используемых при принятии решений, может оказаться недостаточным для реконструкции

и оценки работы алгоритма на предмет корректности и справедливости. Эта проблема становится все более очевидной при использовании алгоритмов, в значительной степени основанных на машинном обучении, что усложняет задачу достижения прозрачности системы с помощью протоколирования.

Еще одно существенное препятствие – расшифровка связи между записанными параметрами и внутренней логикой алгоритма. Даже если удастся преодолеть первоначальные препятствия и точно задокументировать ключевые параметры для воспроизведения процесса принятия решений алгоритмом, доступ к основной логике алгоритма остается сложной задачей. Учитывая защиту систем в соответствии с законами об интеллектуальной собственности, отсутствие доступа к исходному коду алгоритма препятствует всестороннему пониманию логики принятия решений, необходимой для оценки его корректности [Gervais: 117].

Кроме того, эффективность регистрации событий в достижении поставленной цели требует тщательного изучения. Хотя сторонники прозрачности стремятся повысить надежность алгоритмических операций, одной прозрачности может быть недостаточно для обеспечения надежности обработки или защиты прав личности. Истинная справедливость алгоритмической обработки требует не только проверки точности работы, но и соблюдения правовых и этических норм. Следовательно, ИТ-система, точно определяющая взаимосвязи данных, все равно не может считаться надежной, если она не отвечает этим более широким критериям. Если полагаться только на регистрацию параметров обработки, это не позволит выявить недостатки, связанные с внешними данными, на которых основан алгоритм, что подчеркивает ограниченность такого подхода в достижении комплексной прозрачности и надежности системы.

Удостоверение алгоритмических операций с помощью сертификации представляет собой альтернативный подход, сосредоточенный на формальной оценке всей системы, а не на попытках отследить правильность отдельных решений. Этот подход предполагает создание национальной или международной системы сертификации, специально предназначенной для систем машинного обучения. Цель такой системы – не только обеспечить соответствие установленным нормам и стандартам на этапах проектирования, создания и тестирования автоматизированных систем принятия решений. Она также будет направлена на статистическую проверку надежности решений, принимаемых этими системами.

Внедрение системы сертификации может решить несколько ключевых проблем, предлагая технически жизнеспособное решение, которое не требует специальных знаний от людей, принимающих автоматиче-

ские решения. Однако внедрение системы сертификации требует решения различных проблем, включая разнообразие существующих механизмов сертификации в ИТ-индустрии. Эти механизмы, как правило, делятся на две категории: механизмы, проверяющие процессы разработки и сопровождения программного обеспечения (сертификация процессов), и механизмы, удостоверяющие подлинность и целостность программного обеспечения (сертификация кода), каждый из которых регулируется отдельными нормами и стандартами.

Выводы

Современное развитие искусственного интеллекта (ИИ) и его интеграция в различные сферы жизни вызывает необходимость создания новых правовых рамок, направленных на обеспечение прозрачности, подотчетности и справедливости в алгоритмических решениях.

Гражданам и юридическим лицам должно быть предоставлено право на объяснение решений, принимаемых с использованием ИИ, что позволит оспаривать такие решения и защищать свои права.

Для повышения прозрачности следует ввести обязательное документирование ключевых параметров, использованных при принятии алгоритмических решений. Это позволит восстановить и проанализировать действия ИИ, обеспечивая возможность для их проверки и коррекции.

Необходима разработка национальной или международной системы сертификации для алгоритмических систем, которая будет оценивать их надежность и соответствие установленным стандартам на всех этапах жизненного цикла.

Внедрение подхода с использованием системы регистрации событий, аналогичной бортовым самописцам в авиации, позволит документировать обоснования решений ИИ и предоставлять эту информацию заинтересованным сторонам.

Обеспечение безопасности и целостности данных, используемых ИИ, через криптографические методы и управление данными специализированными службами или доверенными третьими сторонами.

Для реализации вышеуказанных выводов предлагаю следующие формулировки статьи:

Статья 1261.1 ГК РФ «Искусственный интеллект»

1. Каждый пользователь имеет право на объяснение решения, принятого с использованием системы искусственного интеллекта, если это решение затрагивает его права и свободы. Такое объяснение должно включать в себя информацию о данных, использованных для принятия решения, и логику алгоритма.

2. Все системы искусственного интеллекта, используемые для принятия решений, обязаны документировать ключевые параметры, используемые в процессе принятия решения, включая значимые

операционные параметры и обоснования принятых решений. Данные должны храниться в зашифрованном виде и быть доступны для анализа заинтересованными сторонами и регулирующими органами.

3. Обязательная сертификация систем искусственного интеллекта, предназначенных для принятия решений, затрагивающих права и свободы. Сертификация проводится уполномоченными органами и подтверждает соответствие системы установленным стандартам безопасности, надежности и прозрачности.

4. Все автоматизированные системы принятия решений обязаны регистрировать значимые операционные параметры и обоснования принятых решений. Данные регистрации должны храниться в зашифрованном виде и быть доступны для анализа заинтересованными сторонами и регулирующими органами.

Эти изменения в гражданском законодательстве помогут обеспечить прозрачность, подотчетность и справедливость в использовании ИИ, защищая права граждан и способствуя развитию надежных и безопасных технологий.

Примечания

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>.

² General Data Protection Regulation. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 25.06.2024).

³ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 27.04.2020. № 17. Ст. 2701.

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.04.2020) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

Список литературы

Антонов А.А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7. С. 69–74.

Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Искусственный интеллект, право, проблемы и перспективы // Российско-Азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 14–18.

Головин К.С. Предложения по реформированию гражданско-правовой охраны искусственного

интеллекта как единого объекта интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 2 (26). С. 263–274.

Гримм Д.Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. Прологомены к общей теории гражданского права. Т. 1 (часть вторая) // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 95.

Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.

Кляшторный А.С. Критическое осмысление онтологических оснований концепции «сильного» искусственного интеллекта в контексте проблематики теории действия Х. Йоаса // Уральская аналитическая конференция. Екатеринбург, 2014. С. 106–117.

Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надышева. Москва: Юстицинформ, 2023. 672 с.

Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Алгоритмическая прозрачность и подотчетность: правовые подходы к разрешению проблемы «Черного ящика» // Lex Russica. 2020. № 6 (163). С. 146.

Мельник С.В. Основные подходы к определению формы защиты права в отечественной цивилистической доктрине // Актуальные вопросы науки и практики: сб. науч. ст. Орел, 2010. С. 20.

Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 93.

Тюлин А.В. Трансформация правовой реальности, вызванная системами искусственного интеллекта // Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / отв. ред. А.Н. Левушкин. Москва: Юстицинформ, 2022. 464 с.

References

Antonov A.A. *Iskusstvennyi intellekt kak istochnik povyshennoi opasnosti* [Artificial Intelligence as a Source of Increased Danger]. *Yurist* [Lawyer], 2020, no. 7, pp. 69-74. (In Russ.)

Golovin K.S. *Predlozheniya po reformirovaniyu grazhdansko-pravovoi okhrany iskusstvennogo intellekta kak edinogo obekta intellektualnoi sobstvennosti* [Proposals for the Reform of Civil Law Protection of Artificial Intelligence as a Single Object of Intellectual Property]. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava* [Actual problems of the state and law], 2023, vol. 7, no. 2 (26), pp. 263-274. (In Russ.)

Grimm D.D. *Osnovy ucheniya o yuridicheskoi sdelke v sovremennoi nemetskoj doktrine pandektnogo prava. Prolegomeny k obshchei teorii grazhdanskogo prava*. T. 1 (chast vtoraya) [Fundamentals of the Doctrine of Legal Transaction in Modern German Pandect Law Doctrine. Prolegomena to the General Theory of Civil Law. Vol. 1 (part two)]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Bulletin], 2015, no. 2, pp. 95. (In Russ.)

Gurko A. *Iskusstvennyi intellekt i avtorskoe pravo: vzglyad v budushchee* [Artificial Intelligence and Copyright: A Look into the Future]. *Avtorskoe pravo i smezhnyye prava* [Copyright and related rights], 2017, no. 12, pp. 7-18. (In Russ.)

Klyashtornyi A.S. *Kriticheskoe osmyslenie ontologicheskikh osnovanii kontseptsii "sil'nogo" iskusstvennogo intellekta v kontekste problematiki teorii deistviya* Kh. Yoyasa [Critical Reflection on the Ontological Foundations of the "Strong" Artificial Intelligence Concept in the Context of H. Joas's Theory of Action]. *Uralskaya analiticheskaya konferentsiya* [Ural analytical conference]. Yekaterinburg, 2014, pp. 106-117. (In Russ.)

Konvergentsiya chastnopravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii skvoz prizmu effektivnosti prava: monografiya [The Convergence of Private Law Regulation of Social Relations through the Prism of Legal Efficiency: monograph], K.A. Abdullaev, A.V. Abramova, E.A. Abyzova et al.; ed. by A.N. Levushkin, E.Kh. Nadyшева. Moscow, Yustitsinform Publ., 2023, 672 p. (In Russ.)

Kuteynikov D.L., Izhayev O.A., Zenin S.S., Lebedev V.A. *Algoritmicheskaya prozrachnost' i podotchetnost': pravovye podkhody k razresheniyu problemy "Chyornogo yashchika"* [Algorithmic Transparency and Accountability: Legal Approaches to Solving the "Black Box" Problem]. *Lex Russica*, 2020, no. 6 (163), pp. 146. (In Russ.)

Melnik S.V. *Osnovnye podkhody k opredeleniyu formy zashchity prava v otechestvennoy tsivilisticheskoi doktrine* [Main Approaches to Defining the Form of Legal Protection in Domestic Civil Law Doctrine]. *Aktualnye voprosy nauki i praktiki: sbornik nauchnykh statei* [Current issues of science and practice]. Orel, 2010, p. 20. (In Russ.)

Ponkin I.V., Redkina A.I. *Iskusstvennyi intellekt s tochki zreniya prava* [Artificial Intelligence from the Legal Perspective]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Legal Sciences], 2018, vol. 22, no. 1, p. 93. (In Russ.)

Tiulin A.V. *Transformatsiya pravovoi realnosti, vyzvannaya sistemami iskusstvennogo intellekta* [Transformation of Legal Reality Caused by Artificial Intelligence Systems]. *Aktualnye problemy effektivnosti chastnogo prava: monografiya* [Current Problems of the Efficiency of Private Law: monograph], ed. by A.N. Levushkin. Moscow, Yustitsinform Publ., 2022, 464 p. (In Russ.)

Vasiliev A.A., Pechatnova Yu.V. *Iskusstvennyi intellekt, pravo, problemy i perspektivy* [Artificial Intelligence, Law, Problems and Prospects]. *Rossiysko-Azi-*

atskii pravovoi zhurnal [Russian-Asian Law Journal], 2020, no. 2, pp. 14-18. (In Russ.)

Burrell J. How the machine ‘thinks’: Understanding opacity in machine learning algorithms. *Big Data & Society*, 2016, vol. 3 (1). URL: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/2053951715622512> (дата обращения: 24.06.2024).

Daniel G. Is Intellectual Property Law Ready for Artificial Intelligence? *GRUR International*, 2020, vol. 69, iss. 2, pp. 117-118. <https://doi.org/10.1093/grurint/ikz025> (access date: 24.06.2024).

Goodman B., Flaxman S. European Union Regulations on Algorithmic Decision-Making and a “Right to Explanation”. *AI Magazine*, 2017, vol. 38 (3), pp. 50-57. <https://doi.org/10.1609/aimag.v38i3.2741>

Kaminski M.E. The Right to Explanation, Explained. *U of Colorado Law Legal Studies Research Paper No. 18-24*. *Berkeley Technology Law Journal*, 2019, vol. 34, no. 1. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3196985> (access date: 24.06.2024).

Pasquale F.A. *The Black Box Society: The Secret Algorithms that Control Money and Information*. Book Gallery, 2015, vol. 96. URL: <https://digitalcommons.law.umaryland.edu/books/96> (access date: 24.06.2024)

Selbst A.D., Powles J. Meaningful Information and the Right to Explanation. *International Data Privacy Law*, 2017, vol. 7 (4), pp. 233-242. URL: <https://ssrn.com/abstract=3039125> (access date: 24.06.2024).

Wachter S., Mittelstadt B., Floridi L. Transparent, Explainable, and Accountable AI for Robotics. *Science Robotics*, 2017, vol. 2. URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10038294/1/Wachter_Transparent_explainable_accountable_AI.pdf (access date: 24.06.2024).

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 02.08.2024; accepted for publication 03.09.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 298–302. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 298–302. ISSN 1998-0817

Рецензия

УДК 821.161.1.09“20”

EDN MPGYNV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-298-302>

УСАДЬБЫ КАК МЕСТА СИЛЫ

Рец. на кн.: Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. 672 с. (Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8)

Зейферт Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, ведущий научный сотрудник, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, elena_seifert@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8117-7091>

Аннотация. Объект рецензии – восьмой выпуск книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте», коллективная монография «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения» (2024). Руководитель проекта о литературной усадьбе, доктор филологических наук О.А. Богданова и другие ученые на материале большого ряда произведений исследуют метаморфозы усадебного текста в советское время. Автор рецензии отмечает целостность концепции, единый стиль при яркости идиостилей отдельных исследователей (на их точки зрения рецензент обращает отдельное внимание) и общий высокий аналитический уровень монографии. Усадебный текст советской эпохи, впервые комплексно исследованный в этом издании, предстает разными гранями – это и «город-сад» как развитие топоса дворянской усадьбы, и риторический сгусток смыслов, и место для «путешествия по дому», и региональная усадьба как место концентрации культурных сил, и, главное, перерождение в послереволюционном мире дачи в усадьбу, вновь опоэтизированную Б.Л. Пастернаком. Рецензент обращает внимание на то, что коллективная монография дает материал для составления антологии мирового усадебного текста.

Ключевые слова: усадебный текст, дачный локус, О.А. Богданова, советская литература, эмигрантская литература.

Для цитирования: Зейферт Е.И. Усадьбы как места силы // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 298–302. Рец. на кн.: Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. 672 с. (Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-298-302>

Book review

ESTATES AS PLACES OF POWER

Book Review: The estate and the dacha in the literature of the Soviet era: losses and acquisitions: collective monograph; comp. O.A. Bogdanova; ed. by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, 672 p. (Russian Estate in the World Context; issue 8)

Elena I. Seifert, Doctor of Philology, Professor, Russian State University for the Humanities, Leading Researcher, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, elena_seifert@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8117-7091>

Abstract. The object of the review is the eighth issue of the book series “Russian Estate in the World Context”, the collective monograph “Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains” (2024). Project manager about the estate, Doctor of Philology O.A. Bogdanova and other prominent scientists, using material from a large number of writers, explore the metamorphosis of the estate text in Soviet times. The author of the review notes the integrity of the concept, the unified style with the brightness of the idiostyles of individual scientists (the reviewer pays special attention to their points of view) and the overall high analytical level of the monograph. The estate text of the Soviet era, for the first time comprehensively studied in this publication, appears as different open facets – it is part of the “garden city” as a development of the locus of the noble estate, and a rhetorical cluster of meanings, and a place for a “journey around the house”, and a regional estate as a place concentration of cultural forces, and, most importantly, the degeneration in the post-estate world of the estate into a dacha, so poeticized by B.L. Pasternak. The reviewer draws attention to the fact that the collective monograph provides materials for compiling an anthology of excerpts from world estate texts.

Keywords: estate text, dacha locus, O.A. Bogdanova, Russian literature Soviet literature, emigrant literature.

For citation: Seifert E.I. Estates as Places of Power. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 298–302.

Book Review: The estate and the dacha in the literature of the Soviet era: losses and acquisitions: collective monograph; comp. O.A. Bogdanova; ed. by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, 672 p. (Russian Estate in the World Context; iss. 8). (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-298-302>

Коллективная монография «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения», увидевшая свет в 2024 г., предстает впервые предпринятым комплексным исследованием, о котором важно рассказать как можно большему кругу ученых, а также читателей русской и эмигрантской литературы советского времени. Рецензируемый восьмой выпуск указанной серии подготовлен в 2024 г. по итогам Международной научной конференции «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения», проведенной совместными усилиями ИМЛИ РАН и Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля 22–24 июня 2023 г., издан при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-18-00051 «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала».

Коллективная монография представляет собой методологически сильное, новаторское и тщательно подготовленное серийное издание. За таким большим проектом всегда стоит целостная личность с яркой способностью к командообразованию и исследовательским талантом. Душа проекта об усадьбе – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX – начала XX в. Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН Ольга Алимовна Богданова. В ее команде – второй ответственный редактор восьмого выпуска В.Г. Андреева, члены редколлегии восьмого выпуска А.Е. Агратин, Е.Ю. Кнорре, М.В. Скороходов, М.С. Федосеева, знаковые учёные России и других стран.

«Особое место на литературно-усадебной карте России занимают музеи и заповедники (Михайловское, Середниково, Ташла, Ясная Поляна, Карабиха, Холонки, Дунино и др.) как “места силы” и “точки роста” социокультурного ресурса России XX в.», – пишет ответственный редактор серии «Русская усадьба в мировом контексте» О.А. Богданова [Богданова: 27]. Такую же притягательность имеют и усадьбы в этих местах. Впрочем, усадьба – всегда насыщенный образ. Это одновременно жилой, а значит, очеловеченный объект, памятник культуры и истории, сокровищница раритетных вещей.

Перечислю предыдущие издания в этой серии. Это опубликованные за 2019–2022 гг. индивидуальные монографии О.А. Богдановой (выпуск 1), М.В. Скороходова (выпуск 4), Е.Е. Дмитриевой (выпуск 5), Г.А. Велигорского (выпуск 7) и три коллективные монографии – «Русская усадьба и Европа: диахрония,

ностальгия, универсализм» (выпуск 2), «Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+» (выпуск 3), «Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования» (выпуск 6), увидевшие свет в 2020–2021 гг.

Восхищает география и хронология исследований рецензируемого сборника. Материалом восьмого выпуска стали произведения советских и иностранных авторов 1920–80-х гг., в том числе эмигрантов. Ценно включение в многовековой корпус усадебных текстов авторов советского периода – Ф.В. Гладкова, К.А. Федина, В.Я. Зазубрина, А.Н. Афиногенова, М.М. Пришвина, К.Г. Паустовского и др. Доктор филологических наук, профессор Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева Н.В. Ковтун исследует «другие места» (М. Фуко) в романе Ф.В. Гладкова «Цемент» (1925). Как пишет Н.В. Ковтун, Гладков многократно переделывал текст, упрощал поэтику, ретушировал эротическую составляющую, что обернулось стилевым схематизмом: одна из последних переработок относится к 1940 г., в этой редакции романа образы статуарны, предельно обобщены, сюжет мифологизирован. В статье автор статьи опирается на каноническую версию романа 1925 г., а методологически – на теорию «других мест» М. Фуко, приостанавливающих, нейтрализующих или переворачивающих всю совокупность отношений. На месте прежнего семейного дома, усадьбы с садом в романе утверждаются детдом им. Крупской, Дом Советов, клуб Коминтерн, сакрализованные как реплики Будущего в беспорядочном настоящем [Ковтун: 44]. Советские люди возводят город-сад как продолжение и развитие бывшей владельческой усадьбы в новых условиях.

Доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета А.В. Марков говорит об устойчивости усадебного комплекса соцреализма в литературе и культуре, постоянстве в изображении талантливыми художниками дачного уюта и декора [Марков: 75–86]. Образ советской дачи был не только заманчив для гостя или нанимателя, но и включал в себя приключенческий элемент, в свою очередь являющийся элементом здорового образа жизни советского человека.

Особую значимость приобретает исследование дачного локуса, в советское время потеснившего усадебную тематику благодаря упразднению «дворянских гнезд». Метаморфозы «дачного текста» в 1910–90-е гг. осмысляются на материале творче-

ства Г.И. Чулкова, А.П. Гайдара, Ю.В. Трифонова, Ю.О. Домбровского и др. Особняком на советском фоне стоит Б.Л. Пастернак – автор, впервые опозитивировавший дачу после десятилетий противопоставления ее усадьбе в классической литературе XIX – начале XX в. Как известно, в этот период дача считалась исключительно местом мещанских развлечений и пошлого флирта в отличие от овейной поэзии усадьбы – приюта высокой культуры. Доктор гуманитарных наук, почётный ординарный профессор Ягеллонского университета В.Г. Шукин анализирует место, вдохновившее поэта на создание «Второй баллады» (1930) – дачный посёлок на окраине городского поселения Ирпень в пригороде Киева. «Пастернак, – пишет исследователь, – был подавлен зловещей атмосферой, сгущавшейся над страной и над её литературой» [Шукин: 516]. В сентябре 1930 г. знойное лето сменилось меланхолической осенью: именно это состояние природы стало источником вдохновения для автора «Второй баллады», отдохнувшего на даче в Ирпене в непростой для себя ситуации любовной симпатии к супруге Генриха Нейгауза Зинаиде Николаевне, впоследствии ставшей второй женой Бориса Леонидовича. Чувство лирического героя к возлюбленной в стихотворении схвачено на этапе становления, *im Werden*.

Усадебный текст советской эпохи – такая же часть русской культуры, как и усадебный локус русской эмиграции в творчестве И.А. Бунина, И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева, С.Р. Минцлова, С.В. Довлатова и др. Тургеневский контекст шмелёвского усадебного текста на материале романа «Пути небесные» исследует кандидат филологических наук, доцент Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого В.И. Абрамова. Действие второй части романа разворачивается в тульско-орловских местах, где создавались «Записки охотника» и находятся Спасское-Лутовиново и Тургенево. Шмелёв изображает такие усадебные элементы, как приезд в родное гнездо, свежее утро на следующий день, образы старого дома, библиотеки, липовой аллеи, цветника, старого слуги, чистой одухотворенной девушки, мотив отраднo-ностальгической грусти и др. [Абрамова: 177–182]. Ценно и обращение авторов монографии к творчеству Б.К. Зайцева, одного из наиболее оригинальных писателей XX столетия. И проблема, которую поднимает в связи с его изучением доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН В.Г. Андреева, тоже уникальна: это путешествие по дому и комнате в тетралогии Зайцева «Путешествие Глеба» [Андреева: 186–202]. Глеб проходит инициацию, игра здесь сакральная, идущая из детства, а судьба человека в руках Бога. Кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической

и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН А.Е. Агратин обращается к изучению «постусадебного мифа» у С.В. Довлатова: музей-усадьба трансформируется в порождение дискурса, риторика слова запутывает героя, растворяет в себе его самоидентичность [Агратин: 206–216].

Отдельная страница истории – региональные усадьбы, к примеру культурные объекты Заволжья, мастерски описанные доктором филологических наук, профессором Оренбургского государственного университета Т.М. Жапловой [Жаплова: 61–73]. Ташлинская вотчина, принадлежавшая в том числе Н.И. Тимашеву, привлекала князей Волконских, композитора А.А. Алябьева (в Ташле собравшего почти два десятка башкирских мелодий), писателей В.И. Даля, А.С. Пушкина, С.Т. Аксакова. Продолжая семейные традиции, один из сыновей Н.И. Тимашева Е.Н. Тимашев (1791–1849) объединил в Ташле лучшие по тем временам интеллектуальные ресурсы России, укрепляя дружеские и родственные связи. Его супруга К.А. Тимашева писала стихи и была в литературном диалоге с Е.А. Баратынским, Н.М. Языковым и самим А.С. Пушкиным. Если заволжская усадьба носит евразийский характер, то, к примеру, поволжская может быть представлена как, положим, татарским, так и российско-немецким вариантами. Было бы интересно прочитать исследование российско-немецкой купеческой и дворянской усадьбы, пострадавшей во время советской власти и особенно в периоды депортации советских немцев.

Важной частью книги стали также исследования зарубежной литературы. Магистр филологии из Уфы А.Л. Зекунова исследует Бэг-Энд Дж.Р.Р. Толкина как квинтэссенцию домашнего уюта. Доктор филологических наук, профессор Н.Н. Арсентьева (университет Гранады) проясняет роль усадебных мест в жизни и творчестве Федерико Гарсиа Лорки. Сравнительные исследования показывают как общность, так и расхождение русского и иностранных (Англия, Франция, Испания, Индия, Иран, Сербия) усадебных текстов. Сопоставляются между собой как русскоязычные (к примеру, топоним Сиверская в произведениях Ю.В. Трифонова и Е.Г. Водолазкина), так и разноязычные литературные явления (сравнение темы гибели дворянских усадеб в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» и рассказе бенгальского автора Тарашанкара Бандьопадхья «Музыкальный зал»).

При изучении усадьбы отдельные авторы выпуска используют термин «дачный локус». Понятие локуса, активно разрабатываемое Ю.М. Лотманом [Лотман: 253], взявшим его из трудов С.Ю. Неклюдова [Неклюдов: 42], служит для обозначения социокультурно значимых пространств, предполагающих круг

устойчивых ситуаций и мотивов (локусы леса, степи, храма, дачи, усадьбы, ресторана, улицы, подвала и т. п.). В ряде случаев понятие «дачный локус» заменяет «дачный топос» (см. понятие у Э.Р. Курциуса и А. Махова как «общего места», явления риторики, далеко не всегда имеющего прямое отношение к хронотопу). Подспорьем для исследований мог бы стать и корпус усадебных текстов с усадебными элементами, составленный на основе рецензируемого серийного издания.

Целостность концепции при наличии в монографии различных точек зрения на усадебный текст, высокий аналитический уровень статей, стилевое единство при яркости идиостилей отдельных ученых – авторов монографии – делают книгу «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и приобретения» научным событием. Усадебный текст советской эпохи, впервые комплексно исследованный в этом издании, предстает разными гранями – это и «город-сад» как развитие топоса дворянской усадьбы, и риторический сгусток смыслов, и место для «путешествия по дому», и региональная усадьба как место концентрации культурных сил, и, главное, перерождение в послереволюционном мире дачи в усадьбу, вновь опозитизированную Б.Л. Пастернаком. Коллективная монография дает материал для составления антологии мирового усадебного текста и может привлечь внимание не только научного сообщества, но и взыскательного читателя художественных произведений.

Список литературы

Абрамова В.И. Элементы «усадебного текста» в романе И.С. Шмелева «Пути небесные» // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и приобретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 175–184. (Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8).

Аграгин А.Е. Проблема идентичности героя в постусадебном мире: «Заповедник» С.Д. Довлатова // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и приобретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 204–216. (Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8).

Андреева В.Г. Мотив путешествия по усадебному дому в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и приобретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 185–203. (Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8).

Богданова О.А. Сокровенный сосуд: усадьбы XX в. и мировая история // Усадьба и дача в литера-

туре советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 20–38. (Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8).

Ковтун Н.В. «Гетеротопия усадьбы» в романе Ф.В. Гладкова «Цемент» // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 40–60. (Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8).

Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Москва: Просвещение, 1988. 348 с.

Марков А.В. Усадебно-дачный локус в литературе и искусстве социалистического реализма // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 74–87. (Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8).

Неклюдов С.Ю. К вопросу о связи пространственно-временных отношений с сюжетной структурой в русской былине // Тезисы докладов II Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту: [б. и.], 1966. С. 41–45.

Щукин В.Г. Дача как поток поэтического сознания. Стихотворение Б.Л. Пастернака «Вторая баллада» // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 514–524. (Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8).

References

Abramova V.I. *Elementy "usadebnogo teksta" v romane I.S. Shmeleva "Puti nebesnye"* [Elements of the "estate text" in the novel by I.S. Shmelev "The Heavenly Paths"]. *Usad'ba i dacha v literature sovetsoi epokhi: poteri i obreteniia* [The estate and the dacha in the literature of the Soviet era: losses and acquisitions]: kollektivnaia monografiia; comp. O.A. Bogdanova; ed. by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 175-184. (In Russ).

Agratin A.E. *Problema identichnosti geroia v post-usadebnom mire: "Zapovednik" S.D. Dovlatova* [The problem of the hero's identity in the post-estate world: "The Reserve" by S.D. Dovlatov]. *Usad'ba i dacha v literature sovetsoi epokhi: poteri i obreteniia* [The estate and the dacha in the literature of the Soviet era: losses and acquisitions]: kollektivnaia monografiia; comp. O.A. Bogdanova; ed. by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 204-216. (In Russ).

Andreeva V.G. *Motiv puteshestviia po usadebnomu domu v tetralogii B.K. Zaitseva "Puteshestvie Gleba"* [The Motif of Traveling Around the Estate House in B.K. Zaitsev's Tetralogy "Gleb's Journey"]. *Usad'ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia* [The estate and the dacha in the literature of the Soviet era: losses and acquisitions]: kollektivnaia monografiia; comp. O.A. Bogdanova; ed. by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 185-203. (In Russ).

Bogdanova O.A. *Sokrovennyi sosud: usad'by XX v. i mirovaia istoriia* [The Secret Vessel: Estates of the 20th Century. and world history]. *Usad'ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia* [The estate and the dacha in the literature of the Soviet era: losses and acquisitions]: kollektivnaia monografiia; comp. O.A. Bogdanova; ed. by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 20-38. (In Russ).

Kovtun N.V. "Geterotopiia usad'by" v romane F.V. Gladkova "Tsement" ["Heterotopia of the estate" in F.V. Gladkov's novel "Cement"]. *Usad'ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia* [The estate and the dacha in the literature of the Soviet era: losses and acquisitions]: kollektivnaia monografiia; comp. O.A. Bogdanova; ed. by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 40-60. (In Russ).

Lotman Iu.M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [In the School of Poetic Words:

Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988, 348 p. (In Russ).

Markov A.V. *Usadebno-dachnyi lokus v literature i iskusstvesotsialisticheskogo realizma* [Estate and Dacha Locus in Literature and Art of Socialist Realism]. *Usad'ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia* [The estate and the dacha in the literature of the Soviet era: losses and acquisitions]: kollektivnaia monografiia; comp. O.A. Bogdanova; ed. by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 74-87. (In Russ).

Nekliudov S.Iu. *K voprosu o sviazi prostranstvenno-vremennykh otnoshenii s suzhetnoi strukturoi v russkoi byline* [On the Connection between Spatio-Temporal Relations and the Plot Structure in the Russian Epic]. *Tezisy dokladov II Letnei shkoly po vtorichnym modeliruiushchim sistemam* [Abstracts of the Reports of the II Summer School on Secondary Modeling Systems]. Tartu, 1966, pp. 41-45. (In Russ).

Shchukin V.G. *Dacha kak potok poeticheskogo soznaniia. Stikhotvorenie B.L. Pasternaka "Vtoraia ballada"* [Dacha as a Stream of Poetic Consciousness. B.L. Pasternak's Poem "The Second Ballad"]. *Usad'ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia* [The estate and the dacha in the literature of the Soviet era: losses and acquisitions]: kollektivnaia monografiia; comp. O.A. Bogdanova; ed. by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 514-524. (In Russ).

ПЕРВЫЙ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ КУРС В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рец. на кн.: Основы российской государственности: учеб.-метод. комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В.М. Марасанова, В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский, Л.Г. Титова, С.А. Кудрина. Москва: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. 272 с.

Петров Александр Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук; профессор, Московский государственный лингвистический университет, Россия, alaska13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

Аннотация. В рецензии автором рассмотрены особенности введения курса «Основы российской государственности» в отечественный образовательный процесс. Данный учебно-методический комплекс разрабатывался преподавателями со всей России при поддержке Минобрнауки. Авторы УМК подчеркивают ценность цивилизационного подхода, русской цивилизационной школы. Среди достоинств курса автор рецензии выделяет тот факт, что в работе глубоко обосновано единство и непрерывность исторического пути российской цивилизации, логически вытекающая из тесной взаимосвязи цивилизационных архетипов, проявляющих себя на различных этапах российской истории. В учебно-методическом комплексе сформулированы базовые характеристики модели государства-цивилизации. Подчеркивается новаторский характер данной дисциплины. В ней раскрывается понятие традиционных российских духовно-нравственных ценностей, перечисленных в утвержденном указом Президента Российской Федерации № 808 от 09.11.2022 «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Ключевые слова: основы российской государственности, цивилизационный подход, государство-цивилизация, высшее образование, традиционные ценности, история, философия.

Для цитирования: Петров А.Ю. Первый мировоззренческий курс в высшей школе современной России // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 303–305. Рец. на кн.: Основы российской государственности: учеб.-метод. комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В.М. Марасанова, В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский, Л.Г. Титова, С.А. Кудрина. Москва: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. 272 с. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-303-305>

Book review

THE FIRST IDEOLOGICAL COURSE IN HIGHER EDUCATION IN MODERN RUSSIA

Book review: Fundamentals of Russian statehood: an educational and methodological complex in the discipline for educational organizations of higher education. V.M. Marasanova, V.E. Bagdasaryan, Yu.Yu. Ierusalimskiy, L.G. Titova, S.A. Kudrina. Moscow, Publishing house “Delo” RANEPА, 2023, 272 p.

Alexander Yu. Petrov, Doctor of Historical Sciences, chief researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; professor, Moscow State Linguistic University, Russian Federation, alaska13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>

Abstract. In the review, the author examines the features of introducing the course “Fundamentals of Russian Statehood” into the domestic educational process. This educational and methodological complex was developed by teachers from all over Russia with the support of the Ministry of Education and Science. The authors of the educational complex emphasize the value of the civilizational approach, the Russian civilizational school. Among the advantages of the course, the author of the review highlights the fact that the work deeply substantiates the unity and continuity of the historical path of Russian civilization, which logically follows from the close relationship of civilizational archetypes that manifest themselves at various stages of Russian history. The educational and methodological complex formulates the basic characteristics of the state-civilization model. The innovative nature of this discipline is emphasized. It reveals the concept of traditional Russian spiritual and moral values, listed in the “Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of

Traditional Russian Spiritual and Moral Values” approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 808 of 09.11.2022.

Keywords: Foundations of Russian statehood, civilizational approach, state-civilization, higher education, traditional values, history, philosophy.

For citation: Petrov A. Yu. The first ideological course in higher education in modern Russia. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 303–305. Book review: Fundamentals of Russian statehood: an educational and methodological complex in the discipline for educational organizations of higher education. V.M. Marasanova, V.E. Bagdasaryan, Yu. Yu. Jerusalemsky, L.G. Titova, S.A. Kudrina. Moscow, Publishing house “Delo” RANEPА, 2023, 272 p. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-303-305>

Курс «Основы российской государственности» – новаторский, междисциплинарный, интерактивный, обсуждаемый ныне в профессорско-преподавательской среде. В его разработке и внедрении участвовало большое количество преподавателей социально-гуманитарных дисциплин. При этом организация меж- и внутривузовского взаимодействия обеспечивалась при поддержке Минобрнауки России и проекта «ДНК России».

Полагаю, что учебно-методический комплекс по новой для российских вузов дисциплине можно считать весомым вкладом в учебную, учебно-методическую и научную литературу. По нашему мнению, это связано с новаторской авторской концепцией и стремлением ее раскрыть на страницах издания. Книга подготовлена в лучших традициях учебной литературы по курсу «Основы российской государственности». В данном случае УМК вышел одновременно с учебными изданиями, рекомендованными, во-первых, для социально-гуманитарных (разработан ГАУГН – МГУ) и, во-вторых, для инженерно-технических и естественно-научных направлений подготовки обучающихся (разработан на базе МИФИ).

Среди основных достоинств работы УМК «Основы российской государственности» важно указать следующие. Авторы акцентировали значение и ценность цивилизационного подхода, раскрыт уникальный потенциал русской школы философии истории и философии культуры (И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский), русской цивилизационной школы во всем многообразии ее проявлений (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, П.А. Сорокин, Л.Н. Гумилев, евразийцы).

УМК показывает главные характеристики отечественной интеллектуальной традиции, ее осевую самобытную модель, ориентированную на понимание ценности и самостоятельности российского государства-цивилизации, на признание многообразия цивилизационных моделей и вследствие этого – на необходимость выстраивания равноправного сотрудничества в современном многополярном мире.

Представляется важным, что сделанный авторами акцент на том, что цивилизационный подход по своей эвристической ценности превосходит конкурирующие направления социальной мысли, имеет

объективное научное значение для многих социогуманитарных дисциплин, является не просто «одной из гипотез», которые полезно изучить для расширения кругозора, но и выдающимся достижением социальных наук современности. Такая принципиальная позиция авторского коллектива является осязаемым вкладом в укрепление гуманитарного суверенитета России, в процессы деколонизации сознания, его освобождения от навязанных извне стереотипов.

В работе глубоко обоснованы единство и непрерывность исторического пути российской цивилизации, логически вытекающие из тесной взаимосвязи цивилизационных архетипов, проявляющих себя на различных этапах российской истории. Многоплановое раскрытие и яркое, образное формулирование цивилизационных архетипов – еще один уникальный аспект авторского труда, подтверждающий его глубокий и новаторский характер. Материал о достижениях российского государства-цивилизации создаст системное знание о стране, государстве и Родине, дает понимание роли Российской Федерации в мире.

УМК формулирует базовые характеристики модели государства-цивилизации, которое:

- ориентировано на широкий контур межкультурного диалога и взаимодействия, направлено «вовне», на распространение своей ценностно-мировоззренческой модели, которая, в свою очередь, является оригинальной и исторически преемственной системой ценностей и смыслов;

- выполняет функцию «собирателя» разрозненных и различных (по разным критериям) территорий, этносов, наций и сообществ, а также играет роль центра более широкого, чем само государство, цивилизационного мира;

- представляет собой дальнейшее развитие суверенной политической организации, своеобразный следующий этап общественной динамики для обществ, обладающих устойчивым многолетним опытом государственности и самобытного культурного развития.

В УМК приведены и другие характеристики государства-цивилизации:

- высокоадаптивный характер политического порядка, его устойчивость к различным глобальным и региональным вызовам;

– принятие множественного (многоуровневого) характера идентичности, предусматривающего общечивилизационную идентичность, этнонациональную идентичность и идентичность отдельного (локального) сообщества;

– многонациональный (наднациональный) характер культуры;

– сохранение социальной сложности при интегративной роли цивилизационного ядра и государствообразующего народа.

В УМК показано, что российское государство носит цивилизационно-формирующий характер. Государство создает, формирует и хранит цивилизацию. Россию как государство-цивилизацию отличает наличие ясного образа будущего (Россия как суверенное, сильное, социальное государство) и системы ценностей, традиции, включение в реализацию масштабных задач, социальная направленность.

Новаторский характер несут и положения последнего раздела УМК «Вызовы будущего и развитие страны», в особенности разделы, посвященные анализу глобальных трендов мирового развития. Пожалуй, впервые в отечественной научной литературе глубоко осмыслен и проанализирован тренд обострения ценностных противоречий, в значительной степени объясняющий причины попыток «отмены России», экономической, технологической и военной агрессии, конечной целью которой является разрушение российской цивилизации. Еще одно достоинство авторского труда – раскрытие тренда обострения ценностных противоречий в контексте его взаимосвязи с другими трендами, например такими, как тренд роста геополитической напряженности и военной эскалации, тренд десоверенизации, тренд реанимации угроз распространения нацизма.

Также можно подчеркнуть сформулированный в работе образ России и российского видения будущего, исторической миссии и исторических задач российской цивилизации, включающих в себя спасение мира от угроз биологизации бытия человечества (потребительства, гедонизма), синтез научно-технического прогресса и духовных традиций, строительства социального государства как «нравственного государства».

Важным достоинством работы является также глубокое и содержательное раскрытие значения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, перечисленных в утвержденном указом Пре-

зидента Российской Федерации № 808 от 09.11.2022 «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», с исторической и цивилизационной точек зрения. Усилия авторов дают возможность концептуально обосновать российский ценностный выбор, аргументированно и доказательно объяснить, что взятые под защиту государства ценности – не продукт умозрительного проектирования, не навязываются государством обществу, но, напротив, были присущи российскому народу на различных этапах отечественной истории, несут фундаментальный и органический характер.

Большое значение имеет также раскрытие содержания модели «интегративного государства», присущей российской цивилизации. Очевидно, что именно благодаря этому принципу Россия сохранила самобытность множества этносов, их языки и культуру. Важно отметить, что принцип интегративного государства и сегодня лежит и в основе современного российского федерализма, гарантирует устойчивость и жизнеспособность нашей страны перед лицом глобальных вызовов.

В контексте обеспечения гуманитарных предпосылок технологического суверенитета России важно подчеркнуть сделанный авторами акцент на новаторстве и первопроходчестве, стремлении осваивать новое и неизведанное – как отдельной специфической черте российской цивилизации. Это дает возможность формировать реалистичный образ России как передовой страны, страны открытий, изобретений, научно-технических достижений.

Подготовленный авторским коллективом ярославских и московских ученых УМК по курсу «Основы российской государственности» выявил ключевые направления для совершенствования учебных курсов и программ в средней и высшей школе, просветительских и мемориальных проектов, развивающих идеи России как государства-цивилизации.

В качестве пожелания следует указать важность размещения полнотекстового варианта рецензируемого УМК на открытых библиотечных ресурсах и платформах. Указанные пожелания не снижают актуальности и востребованности данного труда. Подготовленный курс является важным в теоретическом и практическом отношении, его можно рекомендовать для использования в образовательных организациях.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**и.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И. Борилев синодик. София: Паблицинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 s. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛЮ, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “Gorestnaja profanacija” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskiy sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskiy mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!
3. Кавычки в тексте – елочки «», если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.

5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)

7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2024 – Т. 30 – № 3

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 24.10.2024.
Дата выхода в свет 22.11.2024.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 39,0.
Уч.-изд. 40,6 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 153.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 63-49-00 (доб. 3130).**
Адрес электронной почты: **vestnik@ksu.edu.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.ksu.edu.ru>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна